

СТАЛИНГРАД

Событие
Воздействие
Символ

Под редакцией
Юргена Фёрстера

«ПРОГРЕСС-АКАДЕМИЯ»
Москва
1994

ББК 63.3(0)62
С 77

Перевод с немецкого *Александра Фёдорова*
Редактор *Юрий Рыжков*
Научный редактор *Сергей Случ*

*Издание осуществлено при содействии
Военно-исторического научно-исследовательского института
во Фрайбурге*

С 77 Сталинград. Событие. Воздействие. Символ: Пер. с нем. /Предисл. Г.Рота. — М.: Прогресс—Академия, 1995. — 528 с.

Этот сборник посвящен Сталинградской битве — одному из величайших сражений второй мировой войны. В статьях дана объективная информация как о самом сражении, так и о его воздействии на обоих противников, на их союзников и нейтральные государства. Авторы освещают события в тылу и рассматривают роль Сталинграда как символа.

С $\frac{0503020600-030}{8A7(03)-95}$ без. объявл.

ББК 63.3(0)62

Художник *В. Кузнецов*. Технический редактор *В. Никитина*.
ЛР N 070632 от 09.10.92. Подписано в печать 21.12.94. Печать офсетная.
119847, Москва, Зубовский бульвар, 17

ISBN 5-85864-078-8

© R.Piper GmbH & Co. KG., München 1992
© Прогресс—Академия, 1995

Содержание

Предисловие	6
<i>Юрген Фёрстер</i> . Введение	8

I. ПУТЬ К СТАЛИНГРАДУ

<i>Бернд Вегнер</i> . От «жизненного пространства» к пространству смерти. Военные действия Германии между сражением под Москвой и Сталинградской битвой	13
<i>Анатолий Князьков</i> . Советская стратегия 1942 года	36

II. БИТВА ЗА СТАЛИНГРАД

<i>Анатолий Харьков</i> . Советское контрнаступление под Сталинградом	55
<i>Манфред Кериг</i> . 6-я армия в сталинградском котле	81

III. ВОЗДЕЙСТВИЕ СТАЛИНГРАДСКОЙ БИТВЫ НА ГЕРМАНИЮ

<i>Эберхард Шварц</i> . Между Сталинградской и Курской битвами. Стабилизация Восточного фронта в феврале—марте 1943 года	120
<i>Ханс Умбрайт</i> . Непреодоленная проблема. Партизанская война в тылу Восточного фронта	138
<i>Бернхард Р. Крёнер</i> . «Вставай, народ, пришла пора!..» Сталинград и «тотальная» война в 1942—1943 годах . . .	161
<i>Марлис Штайнерт</i> . Сталинград и немецкое общество	183

IV. ВОЗДЕЙСТВИЕ СТАЛИНГРАДСКОЙ БИТВЫ НА СОЮЗНИКОВ ГЕРМАНИИ

<i>Жан Ансель.</i> Сталинград и Румыния	199
<i>Йозеф Боруш.</i> Резонанс и воздействие Сталинградской битвы на Венгрию	226
<i>Бернд Мартин.</i> Япония и Сталинград. Переориентация с союза с Германией на «Великую Восточную Азию»	241
<i>Герхард Шрайбер.</i> Участие Италии в войне против Советского Союза. Мотивы, факты и последствия	264
<i>Бернд Вегнер.</i> За фасадом братства по оружию. Германо-финляндские отношения на фоне Сталинградской битвы	310

V. ВОЗДЕЙСТВИЕ СТАЛИНГРАДСКОЙ БИТВЫ НА СОВЕТСКИЙ СОЮЗ И ЕГО СОЮЗНИКОВ

<i>Валентин Пронько.</i> Советская стратегия в 1943 году	329
<i>Уоррен Ф. Кимболл.</i> Сталинград и дилемма американо-советских отношений	349
<i>Филип М.Х. Белл.</i> Великобритания и Сталинградская битва . . .	373

VI. ВОЗДЕЙСТВИЕ СТАЛИНГРАДСКОЙ БИТВЫ НА НЕЙТРАЛЬНЫЕ СТРАНЫ

<i>Клаус-Рихард Бёме.</i> Сталинград и Швеция	396
<i>Клаус Шёнхерр.</i> Турция на фоне Сталинградской битвы. От «активного нейтралитета» к вступлению в войну	420

VII. СТАЛИНГРАД: ПЕРЕЖИТОЕ И УСВОЕННОЕ

<i>Рюдигер Оверманс.</i> Другой лик войны: жизнь и гибель 6-й армии	441
<i>Томас А. Кохут, Юрген Ройлекке.</i> «Подохнуть крысой под крестьянским башмаком...» Последние письма из Сталинграда	480
<i>Рольф Гюнтер Реннер.</i> Мозг и сердце. Сталинград как предмет идеологических и литературных рассуждений	497
<i>Юрген Фёрстер.</i> Хроника событий	520
Об авторах	527

О книге

Ни с одним сражением второй мировой войны не связано столько легенд, сколько со Сталинградской битвой. Подготовленный к ее 50-летию этот сборник содержит объективную и разностороннюю информацию как о самом сражении, так и о его военном и политическом воздействии на обоих противников, на их союзников и на нейтральные государства. В нем освещаются также события в тылу, страдания солдат и роль Сталинграда как символа. Авторами сборника являются свыше двадцати известных историков из восьми стран.

Предисловие

Сталинград — это нечто большее, нежели географическое название места, где произошло одно из величайших сражений второй мировой войны. Сталинград — это и символ в ожесточенной борьбе двух диктаторов, несшей не только с немецкой стороны характер борьбы мировоззрений. В то время как Гитлер после крушения под Москвой его плана войны стремился окончательно уничтожить в 1942 году всю оставшуюся советскую военную мощь, Сталин видел в городе, носившем его имя, еще один маяк «Отечественной войны», от успеха обороны которого зависела и судьба коммунистической системы. Конечно, Сталинградская битва, завершившаяся победой Красной Армии, не была сражением, решившим исход войны. Но для трезво мыслящих людей того времени она явилась бесспорным и наглядным предупреждением, что стратегическая инициатива вот-вот перейдет к советской стороне.

Как бы кто ни относился к так называемым историческим памятным датам, они являются предметом, к которому обращаются публицистика, средства массовой информации и наша память. Военно-исторический научно-исследовательский институт отметил два 50-летних юбилея — 1 сентября 1939 года и 22 июня 1941 года — изданием сборников работ, посвященных событиям второй мировой войны, и рассматривает эти вышедшие в издательстве «Пипер» книги карманного формата как существенное дополнение к своему объемному и основополагающему историческому исследованию «Германский рейх и вторая мировая война», в рамках которого на сегодняшний день выпу-

щено уже шесть томов. Эти сборники, помимо всего прочего, дают возможность сделать новейшие результаты исторических изысканий доступными более широкому кругу читателей.

Особое значение этим книгам придает еще и тот факт, что на их страницах выступают историки из бывшего Советского Союза, и это позволяет осветить такие драматические темы, как план «Барбаросса» или Сталинградская битва с двух сторон. Наряду с переводом на английский язык, все эти сборники будут вскоре переведены и на русский язык.

Я благодарю нашего коллегу Юргена Фёрстера, взявшего на себя составление и редактирование настоящего сборника, выработавшего его научную концепцию и привлекшего к работе видных немецких и зарубежных историков. Самую глубокую благодарность выражаю я всем принявшим в нем участие авторам. Разумеется, выходу этой публикации в свет способствовали и многие другие лица и учреждения. В первую очередь мне хотелось бы поблагодарить здесь за это содействие:

— Центральный военный архив в Подольске (Россия) — за предоставление документальных источников;

— переводчиков Карин Хепп, Мариасханетт Мюллер и Карла Николаи;

— Клауса Хартмана и Кристофера Шумахера — за их работу над «Хроникой событий»;

— сотрудников Отдела публикаций Военно-исторического научно-исследовательского института, прежде всего Рольфа Шиндлера, Марию-Элизабет Маршалт — за набор книги и Габриель Швинд — за координацию работ;

— издательство «Пипер» — за прошедшее испытание временем плодотворное сотрудничество.

Военно-исторический научно-исследовательский институт выражает надежду, что настоящая публикация, посвященная одному из центральных событий второй мировой войны, будет способствовать научному познанию и пониманию преисполненного страданий прошлого.

Д-р Гюнтер Рот,
бригадный генерал,
начальник Военно-исторического
научно-исследовательского института

Сталинград известен каждому. В наших познаниях о второй мировой войне этот промышленный город, называющийся сегодня Волгоградом, занимает свое прочное место. Подобно Освенциму или Хиросиме, уже само его название — Сталинград — вызывает множество ассоциаций, которые столь же различны, как и позиции, и угол зрения внимательных наблюдателей. Сталинградская битва, если даже отвлечься от ее роли в чисто оперативном плане, стала символом. Причина этого коренится, во-первых, в остроте противоборства. А во-вторых, борьба за этот город с самого начала оказалась под покровом легенды и использовалась для создания различнейших апокрифов, уже тогда затруднявших ответы на вопросы и продолжающих бытовать и оказывать свое воздействие по сей день. Тем более необходимым представляется *историческое* понимание прошлого для того, чтобы наступившая перемена в отношениях бывших противников обрела наконец достаточно ощутимую почву. Как раз такого рода исторические памятные даты и могут способствовать популяризации результатов самых новейших научных изысканий. Однако новым взглядам приходится трудно. Они вынуждены бороться не с одним мифом прошлого и преодолевать чуть ли не еще более упорное сопротивление непонимания.

Хотя историческое исследование — это всегда редукция целого ряда событий, но делаются они видимыми для заинтересованного непрофессионала лишь с помощью лупы конкретного

историка. Это обстоятельство определяет равным образом как сильные, так и слабые стороны и этой книги. В ней представлены 21 известный ученый из восьми стран — преподаватели университетов и сотрудники научных институтов. Их статьи отражают уровень исследований и международного научного сотрудничества. Правда, последнее еще далеко не стало нормой. Однако теперь к тому факту, что российские военные историки уже принимали солидное участие в предыдущем сборнике «Две дороги в Москву», также подготовленном Военно-историческим научно-исследовательским институтом, и вновь представили свой взгляд на события на этих страницах, добавился и, несомненно, новый момент — настоящая книга будет издана в переводе на русский язык. А если учесть, что в 1991 году была остановлена работа над новой редакцией официальной «Истории Великой Отечественной войны», то наш сборник в государствах, образовавшихся на месте бывшего Советского Союза, будет представлять собой и информативную ценность. Мы должны иметь в виду, что задача исторической науки преимущественно заключается в том, чтобы реконструировать, описывать и систематизировать прошлое, а не в том, чтобы подменять политику. История должна объяснять то, что было, а не то, что должно было бы быть.

Этот сборник не сведение под одну обложку уже опубликованных работ по случаю «юбилея», где известные специалисты в который уже раз комментируют общеизвестные положения. Настоящая книга — это, скорее, возможность воспользоваться как поводом 50-летием битвы на пространстве между Доном и Волгой для того, чтобы познакомить широкую общественность с новейшими результатами исследований специалистов разных стран по самым разным аспектам причин, событий и последствий Сталинграда. Для читателей этого коллективного труда особую привлекательность будет, наверное, иметь как раз то обстоятельство, что им не будет предложено какого-то единого толкования хода событий, а будут представлены различные методы, интерпретации и междисциплинарные подходы. При этом война, как ее видит простой человек, не противопоставляется взгляду на нее политиков и генералов, а делается попытка соединить историю «сверху» с историей «снизу». Какие решения принимает собственное руководство и как ведет себя противник — вот где берут свои истоки горькие испытания солдат на фронте или в тылу. Но эта их двойственная роль — роль преступника и жертвы — становится отчетливейше зримой только

тогда, когда пережитая личностью реальность соединяется со всеобщим опытом. Поэтому в нашем сборнике «классическая» история дипломатии и военная история выступают на равных правах с психолого-исторической интерпретацией писем из Сталинграда или с отображением сталинградских событий в литературе. И из отдельных статей, как из мозаичных камешков, словно из отдельных картинок в калейдоскопе, складывается в целом впечатляющая панорама. Так воссоздается, пятьдесят лет спустя, картина стратегических решений на Восточном фронте в 1942 году, событий оперативного и тактического масштаба в Сталинграде и вокруг него, солдатских — будь то на фронте или в плену — «будней на краю смерти» (Петер Кнох), политического воздействия Сталинграда на страну и на внешний мир — картина более точная, нежели это позволяли сделать — продолжим наш ряд метафор — ксилографии современных или послевоенные офорты.

Ожесточенная борьба между вермахтом и Красной Армией вошла глубоко в сознание немецкого и советского народов. Но не только этих народов. Ведь очень часто обе стороны забывают, что как в самом Сталинграде, так и близ него сражались и умирали еще и итальянцы, хорваты, румыны, венгры. Не говоря уже о тех советских гражданах, которые в качестве «вспомогательного персонала» служили в немецких частях и вместе со своими «камрадами» попали в руки Красной Армии. Судьбы и тех, и других тоже нашли отражение в тематике этого сборника. Необходимо было также разрушить кое-какие живучие легенды. Сталинград *не был* главной целью летнего немецкого наступления, советское контрнаступление *не было* неожиданностью для немцев и их союзников, румыны и итальянцы *не были* единственными виновниками катастрофы 6-й армии, она страдала от голода *не только* после ее окружения, 6-я армия *не могла* самостоятельно сразу же вырваться из котла, ее деблокирование потерпело крах *не потому*, что Паулюс не выступил в южном направлении, да и сам он *не капитулировал* 31 января 1943 года. Сталинград *не является* вехой, обозначившей поворот во второй мировой войне, равно как и начало Германией тотальной войны.

Инструментализацию этой битвы немецкая сторона начала еще в дни боев. Но если в сентябре 1942 года думали объявить Сталинград символом победы над сталинской системой, то четыре месяца спустя речь идет уже о том, как превратить дежавю в тайне поражение в — говоря словами Гёринга от

30 января 1943 года — самоотверженную «героическую борьбу» против угрожающей Германии и Европе большевизации. Благодаря соответствующему «достойно» оформленному сообщению Верховного командования вермахта немецкий народ должен был обрести фундамент нового «духовного поведения», которое видело бы в Сталинграде, по словам Йодля, сказанным два дня спустя, «олицетворение высшего солдатского мужества и беззаветной самоотверженности». Пропаганда обращалась к мифу — битве Нибелунгов — и к истории — сражению спартанцев при Фермопилах, но она была не в силах смягчить горе в семьях солдат 6-й армии, равно как и воспрепятствовать тому, что немцы правомерно возлагали вину за это поражение персонально на Гитлера. Некоторые из генералов предвидели такое уже в январе и пытались использовать «кризис руководства» для перемен в высшем командовании вооруженных сил. Однако Гитлер не был готов взять на себя ответственность за «закат» 6-й армии. Поскольку Паулюс не предпринял ожидавшегося от него «героического» добровольного ухода из жизни, Гитлер остался без козла отпущения. И эту роль пришлось в 1943 году взять на себя союзникам.

Сталинград и впрямь стал во второй мировой войне символом — правда, в ином смысле, нежели это виделось в 1942–1943 годах немецкому руководству. Как Освенцим олицетворяет безумие расизма и геноцида, а Хиросима — масштабы ядерного уничтожения, так и Сталинград символизирует возведение в степень солдатской доблести как таковой. Более того, последовавшее вскоре падение Туниса было, с оперативной точки зрения, более крупным поражением, там оказалось в плену большее количество солдат, чем в Сталинграде. Но в Тунисе отсутствовал идеологический элемент — победа любой ценой, «все или ничего», идея жертвы. Борьба с большевизмом и страх перед советским пленом высвободили к тому же на всех уровнях куда большее количество энергии, нежели это имело место в Тунисе. И еще: в Сталинграде речь шла о престиже Гитлера и Сталина. Один диктатор публично сделал ставку на овладение этим большевистским городом-символом, другой же — не хотел отдавать его в руки фашистов. А результатом этой ожесточенной и — по крайней мере, с середины января 1943 года — бессмысленной с военной точки зрения борьбы было то, что Сталинград стал для Германии психологическим поворотным моментом в войне. Многие почувствовали, что это уже может быть началом конца. Для членов организации «Белая роза» ка-

тастрофа 6-й армии послужила поводом к выпуску листовки, проклинавшей «достойную всяческого презрения тиранию». В то же время Гёббельс попытался использовать это поражение для мобилизации всех немцев на «тотальную войну». Для Сталина и Красной Армии Сталинград был не только крупной победой над вермахтом и его союзниками, но и означал стратегический выигрыш. Теперь Вашингтон и Лондон признали Советский Союз равным себе по рангу партнером в войне против гитлеровской Германии, поскольку он нес главную тяжесть этой войны. Правда, такое понимание было утрачено после 1945 года, когда «холодная война» изменила тут и там среди всего прочего и исторические масштабы.

Исследование истории — процесс постоянный. Поэтому не надо ждать от настоящей книги окончательных ответов на все многочисленные вопросы, затронутые в ней. Но ее авторы, интерпретируя по-новому известные и используя новые источники, вскрыли новые пласты. Будем же благодарны им за это.

Юрген Фёрстер
Фрайбург, август 1992 года

I. ПУТЬ К СТАЛИНГРАДУ

Бернд Вегнер

ОТ «ЖИЗНЕННОГО ПРОСТРАНСТВА» К ПРОСТРАНСТВУ СМЕРТИ. ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ ГЕРМАНИИ МЕЖДУ СРАЖЕНИЕМ ПОД МОСКВОЙ И СТАЛИНГРАДСКОЙ БИТВОЙ*

1

5 апреля 1942 года фюрер и Верховный главнокомандующий вермахта издал директиву, намечавшую в общих чертах цель и ход запланированной на предстоящее лето операции против Советского Союза¹. Согласно этому документу, названному Директивой № 41, цель немецкого наступления заключалась в том, чтобы «окончательно уничтожить еще оставшуюся в распоряжении Советов живую силу и возможно максимально лишить их важнейших источников военно-экономического сырья». Добиваться этого следовало, «придерживаясь основных первоначальных принципов Восточной кампании... сохраняя положение на центральном участке фронта, на *севере* взять Ленинград и установить на суше связь с финнами, а *на южном фланге* фронта осуществить прорыв в район Кавказа». Основная мысль операции, получившей название «Блау», заключалась в том, что она, будучи нацелена на максимальное сосредоточение сил и средств на направлении главного удара, должна была проводиться как ряд дополняющих друг друга и последо-

* Настоящая статья основана на обширных изысканиях автора, опубликованных в 6-м томе выпускаемой Военно-историческим научно-исследовательским институтом серии «Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg»: Boog H. u.a. Der globale Krieg. Die Ausweitung zum Weltkrieg und der Wechsel der Initiative 1941 — 1943. Stuttgart, 1990. S. 761 — 1102. В связи с этим в дальнейшем детальные ссылки на источники и литературу опущены.

вательно, с севера к югу, организуемых частных наступлений на протяжении всего фронта. При этом планировалось окружать и уничтожать противника путем внезапных ограниченных по фронту охватывающих операций по примеру сражений в районе Вязьмы и Брянска в октябре 1941 года. Первой из этих частных операций должен был стать прорыв из района южнее Орла в направлении на Воронеж. Оттуда танковым и моторизованным соединениям предписывалось продолжать наступление вдоль течения Дона на юг и поддержать второй удар, наносимый из района Харькова в восточном направлении. На третьем же этапе войска, наступающие вниз по течению Дона, должны были соединиться под Сталинградом с войсками, пробивающимися на восток из района Таганрог — Артемовск после форсирования ими Донца. «В любом случае необходимо пытаться выйти к самому Сталинграду или по меньшей мере подвергнуть его воздействию нашего тяжелого оружия с тем, чтобы он потерял свое значение как центр военной промышленности и узел коммуникаций». И только после успешного завершения третьего этапа операции планировалось приступить к нанесению удара в направлении Кавказа с целью захвата нефтеносных областей и «перехода через сам Кавказ». Поэтому отодвигались на второй план удары по Ленинграду и Ингерманландии, которые ставились теперь в зависимость от развития региональной обстановки и количества имевшихся в наличии сил.

Для оценки немецких планов и целей на лето 1942 года Директива № 41 является во многих отношениях документом первостепенного значения. Прежде всего она свидетельствует о решимости немецкого диктатора вновь, как это уже имело место в 1941 году, добиваться стратегического решения судьбы всей войны — или хотя бы создания предпосылок для этого — на восточном театре военных действий. «Судьба войны решается на Востоке», — так записал в своем дневнике начальник Генерального штаба сухопутных войск генерал-полковник Гальдер, подводя итог большому оперативному совещанию 28 марта 1942 года, посвященному подготовке Директивы № 41². Надо сказать, что такое решение вовсе не представлялось само собой разумеющимся, если иметь в виду произошедшее к тому времени коренное изменение базовых условий войны. Крах немецкого блицкрига против Советского Союза, а также вступление в войну Японии и США; равно как и захлебнувшееся советское зимнее наступление и полученная немцами благодаря весенней распутице передышка — все это буквально диктовало в

первые месяцы 1942 года необходимость переосмысления общестратегических постулатов. Тем более примечательным представляется тот факт, что Гитлер сохранил свою приверженность концепции, которая лежала в основе его первоначальных замыслов по осуществлению плана «Барбаросса» годом ранее. Главной мыслью этой концепции было поставить Советский Союз на колени путем быстрого захвата его промышленных, сырьевых и хозяйственных центров на севере (район Ленинграда) и на юге (Украина, Донбасс, Кавказ). И если это не получилось с первого захода, то, с точки зрения фюрера, произошло это прежде всего потому, что он, Гитлер, недостаточно твердо придерживался своей целеустановки, вопреки убеждению пошел на поводу у командования сухопутных войск и стал искать решения судьбы кампании в наступлении на Москву. Будучи полон решимости не повторять больше такой ошибки, диктатор уже с сентября 1941 года — по мере того, как обрисовывалась неудача под Москвой и в связи с этим необходимость начинать все сначала, — обращает свое главное внимание на Кавказ как на ближайшую оперативную цель.

В пользу такого решения, действительно, говорило многое. Из примерно 30 миллионов тонн нефти, добытой Советским Союзом в 1938 году, почти три четверти приходилось на район вокруг Баку, еще 16 процентов нефти добывалось на промыслах Северного Кавказа — в районе Майкопа, Грозного и в Дагестане, и лишь одна десятая нефтедобычи падала на другие территории Советского Союза³. И даже если, как этого можно было ожидать, пропорции тут несколько изменились, немецкое руководство считало, что оно имеет все основания полагать, что потеря Кавказа вынудит Советский Союз — с его в высшей степени механизированным, а значит, и зависимым от горючего сельским хозяйством, равно как и военно-промышленным производством, — рано или поздно прекратить боевые действия. Тем более что в результате немецкого наступления на Кавказ Советский Союз лишался и других жизненно важных видов сырья (в том числе угля и марганца) и промышленных отраслей — в первую очередь производства кокса, чугуна и стали в Донбассе, а также важнейших транспортных магистралей, в частности реки Волги.

С другой стороны, как рассчитывали в окружении Гитлера, немецкое наступление давало рейху возможность, усилив через какое-то время свой промышленный потенциал, и прежде всего получив в свое распоряжение нефть, вести *длительную*

войну с обладавшими поистине неисчерпаемыми ресурсами англо-саксонскими морскими державами и иметь при этом какие-то шансы на успех. Это последнее соображение стало с конца 1941 — начала 1942 года, можно сказать, основополагающим в стратегических расчетах диктатора, который в результате поразительных успехов советского зимнего наступления и чересчур раннего, по его мнению, вступления в войну США (и многих других государств) оказался теперь перед необходимостью вести войну без границ во времени и пространстве, к чему рейх ни в коей мере готов не был.

Последствия этой изменившейся стратегической обстановки для планирования операций против Советского Союза были совершенно определенными. Во-первых, в 1942 году стали еще более актуальными, чем в ходе осуществления плана «Барбаросса» годом ранее, экономические целеустановки — именно ими и диктовались теперь действия немцев. Так что первоочередная задача второго подготовленного под кодовым названием «Блау» летнего наступления против Советского Союза состояла уже не в «разгроме большевизма», а имела относительно более скромную цель — обеспечить рейху то сырьевое и экономическое пространство, без обладания которым длительная война глобального масштаба была бы уже с самого начала лишена для него каких-либо шансов на успех. «Если я не получу нефть Майкопа и Грозного, — откровенно признался Гитлер во время своего посещения группы армий «Юг» весной 1942 года, — то буду вынужден закончить эту войну»⁴.

Второе важнейшее последствие изменившейся стратегической обстановки заключалось в том, что с полномасштабным вступлением США в войну и становящейся все более очевидной угрозой открытия второго фронта в Европе на немецкие операции на Востоке стал оказывать чрезвычайное давление фактор времени. И если поначалу Гитлер, ослепленный первыми успехами японцев на Тихом океане, мог еще тешить себя надеждой, что азиатский театр военных действий будет отвлекать американцев от Европы и, может быть, даже принудит действовавших с перенапряжением всех сил англичан к выходу из европейской войны, то теперь, в ходе весны, он все более проникается тревожным убеждением, что западные союзники наверняка осуществят открытие второго фронта на севере, западе или юге Европы самое позднее в 1943 году. А это грозило Германии стратегическим окружением, избежать ко-

торого можно было только одним путем — если бы еще в текущем году удалось «покончить с противником на Востоке»⁵. Конкретно же это означало, что нужно было еще до наступления осенней распутицы выйти на рубежи, представлявшие стратегически необходимыми, — в первую очередь к кавказским нефтяным месторождениям — и нанести Красной Армии такое крупномасштабное поражение, которое позволило бы значительно сократить количество немецких войск, задействованных на Восточном фронте.

Компетентными инстанциями, занимавшимися военным планированием, намерения Гитлера были встречены скептически, но почти без возражений. Лишь командование военно-морского флота попыталось в первые месяцы 1942 года склонить Гитлера на сторону такой альтернативной стратегии, которая бы в большей степени учитывала глобальный характер войны. Суть этой стратегии состояла в перенесении главной тяжести немецких усилий с Восточного фронта на совместное ведение войны коалицией Германия — Япония с тем, чтобы взять в клещи Британскую империю (Индию, Ближний Восток). Этот «великий план» военно-морского командования⁶ (Гальдер саркастически комментировал его такими словами: «Эти люди спят и видят континенты»⁷) был, однако, по целому ряду причин нереалистичным и не рассматривался Гитлером в качестве альтернативы уже хотя бы потому, что не давал ответа на решающий вопрос о нефти. Кроме того, — и это тоже входило в стратегические расчеты тех месяцев — кавказская операция, которую предпочитал фюрер, давала в случае своего успеха многообещающую возможность прорыва в Закавказье, а затем и на Ближний Восток, что было чревато угрозой для одной из ключевых позиций Британской империи.

То обстоятельство, что намечавшемуся Гитлером наступлению на южном участке фронта не было выдвинуто конкретных альтернатив, не означает, однако, что этот план встретил всеобщее безоговорочное одобрение. Напротив, находившийся во власти не преодоленного еще к тому времени зимнего кризиса оперативный отдел Генерального штаба сухопутных войск пришел в конце января к выводу, что наступательной силы группы армий «Юг» едва ли будет достаточно, чтобы захватить весь кавказский регион между Черным и Каспийским морями. Неприятие и сомнение недвусмысленно выразили и некоторые из военачальников. Так, генерал-полковник фон Кюхлер, новый командующий группой армий «Север», убеждал Гитлера

отказаться от операции на южном участке и организовать обещавшее несомненные шансы на успех наступление на Ленинград. Но это предложение, как и следовало ожидать, было резко отвергнуто Гитлером. Начальнику вооружений сухопутных войск и командующему армией резерва генерал-полковнику Фромму, уже с ноября вынашивавшему мысль о заключении мира, планировавшееся наступление также представлялось «роскошью, никак не подобающей бедняку». Генерал-квартирмейстер Вагнер критиковал в узком кругу «утопические наступательные планы», такого же рода пессимистической оценки придерживался и шеф абвера адмирал Канарис. А генерал Томас, начальник Управления военной экономики и вооружений, в те месяцы не уставал повторять, «что военным операциям летом 1942 года следует приспосабливаться к положению с горючим»⁸. Однако такие аргументы слабо действовали на Гитлера. На обсуждении положения с транспортом 23 мая он заявил: «Так называемые специалисты и люди, в чьих руках, собственно говоря, находится командование, постоянно заявляют мне: это невозможно, так не получится. Я с этим никак не могу согласиться. Есть проблемы, решить которые безусловно необходимо. Там, где есть настоящие руководители, они решались всегда и всегда будут решаться»⁹.

Но сколь бы ни велики были — и это было полной противоположностью ситуации год назад — сомнения в полном успехе нового летнего наступления, в итоге они ничего не изменили. И объяснялось это, надо полагать, главным образом тем, что и генералы тоже не могли предложить никакой убедительной альтернативы операции «Блау», да ее, наверное, не могло и быть, коль скоро сохранялось стремление к покорению Советского Союза. Подвергнуть это стремление сомнению не отваживался пока никто, хотя, согласно более поздним высказываниям Йодля, даже у самого фюрера и его ближайшего советника по оперативным вопросам появлялось в те месяцы предчувствие, что в сражениях минувшей зимы уже пройден апогей этой войны и едва ли теперь следует рассчитывать на безусловную победу¹⁰.

2

Смутные предчувствия Гитлера и профессиональный скепсис части его генералов были вполне оправданными. Дело в том, что весной 1942 года в распоряжении третьего рейха действительно уже не было такого военного инструмента, который

подходил бы для успешного проведения широкомасштабных наступательных операций с последующим долговременным удержанием захваченных территорий. Во всяком случае, немецкая армия на Восточном фронте представляла собой к тому времени лишь тень той мощной силы, какой она была в момент начала осуществления ею плана «Барбаросса» в июне прошлого года. Армия на Востоке потеряла за это время свыше 1,1 миллиона человек убитыми, ранеными и пропавшими без вести, т.е. почти 35 процентов всего своего состава (положение на 31 марта 1942 года). В результате этих потерь, которые по вполне понятным причинам главной своей тяжестью ложились именно на части действующей армии, а также вследствие совершенно недостаточной укомплектованности личным составом боевая мощь пехотных соединений снизилась по сравнению с июнем 1941 года в группах армий «Север» и «Центр» в среднем чуть ли не на две трети, а в группе армий «Юг» — почти наполовину. Эти цифры были тем более отрезвляющими, что первоначальные надежды на значительное пополнение некомплекта в течение года (на 1 июня 1942 года армия на Восточном фронте недосчитывала по штатному расписанию почти 725 000 человек), даже при допущении, что уровень потерь в дальнейшем будет намного ниже, уже весной оказались беспочвенными.

Не лучше обстояло дело и с материальным обеспечением предстоящих операций. Вследствие огромных потерь в моторизованных средствах всех видов войска в значительной мере утратили свою маневренность, без которой немыслима никакая широкомасштабная операция. Если, например, к началу войны с Советским Союзом немецкая армия на Востоке насчитывала в общей сложности 3648 танков и самоходных орудий, то в конце марта 1942 года ее некомплект составил свыше 2000 танков. Столь же тревожащими были потери в пехотном и артиллерийском вооружении, но что далеко превосходило все ожидания, так это перерасход боеприпасов, в результате чего значительно снижалась огневая мощь войск. Правда, здесь можно было, как показывали подсчеты генерал-квартирмейстера и начальника вооружений сухопутных войск, рассчитывать на коренное улучшение ситуации, правда, временное и локальное, поскольку производство боеприпасов важнейших калибров уже не привязывалось к тому, как расходывался боекомплект.

О том, как драматическое ухудшение ситуации с живой силой и материалами сказывалось на боеспособности соединений на Восточном фронте, наиболее красноречиво говорит тот

факт, что по оценке Генерального штаба сухопутных войск в марте 1942 года были полностью способны вести наступательные боевые действия только восемь из 162 дивизий Восточного фронта, т.е. всего лишь пять процентов, в то время как за девять месяцев до того эта пропорция выглядела следующим образом: 134 из общего количества 209 дивизий, или 64 процента¹¹.

И если все же в Генеральном штабе сухопутных войск и в оперативном штабе вермахта, равно как и в ставке фюрера, царила готовность, невзирая на явно катастрофическое состояние немецких войск на Восточном фронте и все вытекающие отсюда опасности, пойти на авантюру с наступлением на Волге и на Кавказе, то это объяснялось прежде всего почти единодушной убежденностью, что по сравнению с Германией Советский Союз находится в намного худшем — если не безвыходном — положении и вопрос победы тут сводится, по сути, к вопросу о том, кто окажется выносливее. Фактически все поступавшие от компетентных инстанций в первую половину 1942 года данные и прогнозы относительно положения с живой силой и материальным обеспечением Красной Армии и ее способности к восполнению потерь, о ситуации с продовольствием и сырьем в Советском Союзе, о военно-промышленном потенциале и тыловой инфраструктуре страны говорили, несмотря на отрезвляющий опыт минувшей зимы, в пользу как раз таких ожиданий. Так, отдел по изучению иностранных армий на Востоке пришел в марте к выводу, что резервы Красной Армии в живой силе «отнюдь не являются неисчерпаемыми» и что численный состав пополнения за счет имеющихся в наличии военнообязанных явно не дотягивает до двух миллионов человек, а поэтому к осени Советы смогут сформировать максимум 60 новых стрелковых дивизий. Более или менее в том же направлении следовали и выводы экспертов из Управления военной экономики и вооружений, утверждавших, «что Россия в самом лучшем случае, если бы она направила всю свою выплавку стали исключительно на военные нужды, в настоящее время смогла бы добиться примерно только таких показателей, какие немецкая военная промышленность имеет в секторе производства для сухопутных и военно-воздушных сил». Эксперты считали, что радикальный перевод экономики на военные рельсы неизбежно ведет к «полному развалу всего производственного и транспортного аппарата», вследствие чего «уже сегодня выпуск военной

техники сократился по сравнению с осенью 1941 года и будет еще более значительно сокращаться в дальнейшем»¹².

Не вдаваясь детально в разнообразнейшие причины очередного просчета в оценке СССР, отметим все же один важный в психологическом отношении аспект. Восприятие Советского Союза как противника, которого, несмотря на все трудности, все-таки можно еще победить, — взгляд, имевший в условиях весны 1942 года столько же доказательств «против», сколько и «за», — было для немецкого руководства, и притом отнюдь не только для одного Гитлера, как бы последним прибежищем перед осознанием того, что выиграть эту войну невозможно. Чрезмерно критическая оценка соотношения сил на Востоке после зимней катастрофы неизбежно повлекла бы за собой постановку вопроса, который бичевался как «пораженческий»: а есть ли смысл в дальнейшем продолжении войны? Страшась задать себе такой вопрос, в немецких командных штабах предпочли схватить быка за рога и пойти на последнюю попытку на Востоке.

Для увеличения численного состава войск на Восточном фронте были досрочно призваны в армию лица 1923 года рождения, «прочесаны» все гражданские учреждения, а также форсированным порядком рекрутированы с помощью СС так называемые «фольксдойче» и иностранные добровольцы.

Наиболее значительным в политическом и самым чреватым в военном отношении явилось в этой связи решение о более интенсивном привлечении к военным действиям на Востоке союзных с рейхом государств и их вооруженных сил. Под лозунгом необходимости не только немецкого, но и «европейского отпора большевизму» как борьбы, от которой никто не вправе стоять в стороне, оказывался нажим на итальянцев, румын и венгров — теперь от них требовались намного более крупные контингенты войск, чем прежде¹³. В чисто количественном выражении результаты этого дипломатического наступления выглядели весьма впечатляюще. Правда, с самого начала имелись сомнения в военной эффективности этих новых контингентов, которые, будучи зачастую слабо подготовленными морально, плохо обученными и не имевшими боевого опыта, по своему вооружению и техническому оснащению и без того находились в полной

зависимости от немецких обещаний (каковые, как это скоро выяснилось, давались чересчур поспешно).

На фоне этих неувязок рассчитывать на успех предстоящего наступления можно было только при условии концентрированного сосредоточения всех оперативных сил и средств на направлении главного удара. Поэтому, в отличие от наступления по плану «Барбаросса», которое велось тремя группами армий по всему фронту, нынешнюю кампанию следовало, как считали, с самого начала ограничить только одним — южным — участком. Даже упомянутое в Директиве № 41 еще на первом месте взятие Ленинграда представлялось в этом разрезе делом уже второстепенным, хотя в принципе отказываться от него было бы неразумно уже по одной той причине, что нельзя было без нужды травмировать Финляндию — наиболее своенравного союзника в войне с Советским Союзом. Но это обстоятельство осталось без внимания, и, как только прошел зимний кризис, соединения двух групп армий, «Центр» и «Север», стали — несмотря на возраставшую опасность советских вклинений и прорывов — сокращать в том, что касается как живой силы, так и техники; делалось это ради доведения хотя бы в общем и целом до кондиции дивизий группы армий «Ю», которым предстояло вести наступление.

Пополнение и комплектование этих дивизий затруднялось и замедлялось тем обстоятельством, что для подготовки крупного наступления на южном участке фронта необходимо было сначала захватить подходящие исходные позиции. После окончания весенней распутицы в мае и июне возникли три района, ставшие главными очагами боевых действий. На восточной оконечности Крыма 11-я армия Манштейна, усиленная специально переброшенным сюда из группы армий «Центр» 8-м авиационным корпусом, захватила в результате внезапного наступления во второй неделе мая Керченский полуостров, бои за который шли еще с сентября 1941 года. Это открывало немцам кратчайший путь к Кавказу, где единственным препятствием был узкий морской пролив. При относительно «малых» собственных потерях (около 7600 убитыми) немецкие войска в течение всего нескольких дней разгромили три советские армии (44-ю, 47-ю и 51-ю), в которые входила в общей сложности 21 дивизия, причем почти 170 000 человек были взяты в плен.

Еще более впечатляющим, хотя и не столь бесспорным, явился последовавший вслед за овладением Керчью захват

Севастополя. Он был также осуществлен 11-й армией при поддержке 8-го авиационного корпуса Рихтхофена — из-за слабого немецкого военного-морского присутствия в Черном море атаковать эту, как считалось, мощнейшую в мире крепость можно было только с суши, для чего требовалось преодолеть три хорошо укрепленные полосы обороны. 2 июня, через пять месяцев после первой безуспешной попытки захватить Севастополь, началось — после пяти дней бомбардировок и артобстрела — наступление на этот гигантский, ошестившийся оборонительными сооружениями крепостной лабиринт, получавший, несмотря на превосходство немцев в воздухе, снабжение с моря. Ожесточенное сопротивление советских войск продолжалось в течение месяца, после чего крепость и гавань пали, а сам город, как лаконично сказано в журнале боевых действий 11-й армии, превратился в «кучу развалин», и из 200 000 населявших его когда-то жителей осталась лишь шестая часть¹⁴. Красная Армия вновь потеряла наряду с убитыми, точное число которых установить невозможно, но их были десятки тысяч, 95 000 военнопленными.

Как ни велика была эта победа, но обошлась она дорогой ценой. Целая армия в течение длительного времени оказалась прикованной к хотя и не второстепенному, но все же изолированному театру военных действий, ее потери в живой силе намного превысили средний уровень, а материальное снабжение потребовало огромных затрат — один только расход боеприпасов составил примерно 50 000 тонн, и для их доставки потребовалось свыше 100 железнодорожных составов. К тому же из-за битвы за Севастополь произошла задержка с началом операции «Блау». Вероятно, с точки зрения немецкого оперативного планирования, оптимальным решением под Севастополем было бы удержание города в кольце силами всего лишь нескольких немецких дивизий: это дало бы экономию во времени, сохранило бы силы и избавило бы от больших потерь. Однако такого рода соображения мало что значили для Гитлера, да, наверное, и для Манштейна тоже. Дело в том, что после жестоких зимних поражений немецкому командованию нужны были престижные победы, а взятие Севастополя явилось столь же блистательным успехом, как и захват Тобрука.

Может быть, менее впечатляющими внешне, но зато куда более важными были события, разыгравшиеся непосредственно перед этим в какой-то сотне километров к северу отсюда — в районе Харьков — Изюм. Именно там вторая летняя кампания

Гитлера чуть было не обрела свой досрочный конец уже в середине мая. Развивая свое зимнее наступление 1941 года, Красная Армия в итоге сумела создать на западном берегу реки Донец* под Изюмом плацдарм в 100 километров глубиной и шириной, который представлялся удобной исходной позицией для дальнейших советских наступательных операций и связывал значительное число немецких соединений (6-ю армию и армейскую группу фон Кляйста). Поэтому устранение изюмской «опухи» было неременным условием — и на это специально обращала внимание цитирувавшаяся вначале фюрерская Директива № 41 — для обретения вновь свободы оперативного маневра, необходимой для осуществления операции «Блау». Но еще до того как была завершена подготовка к нанесению ударов по плану с кодовым названием «Фридрикус», выработанному не без значительных разногласий между главнокомандующим группой армий «Юг» генерал-фельдмаршалом фон Боком и Генеральным штабом сухопутных войск, войска советского Юго-Западного фронта под командованием маршала Тимошенко¹⁵ начали 12 мая контрнаступление против соединений Бока. То обстоятельство, что это контрнаступление не удалось и инициатива в считанные дни перешла к немецкой стороне, было следствием быстрого и внезапного контрудара, нанесенного с южного направления частями армейской группы фон Кляйста, а также ряда последующих грубейших ошибок Тимошенко. В результате 23 мая в кольце западнее Изюма оказались соединения четырех советских армий (6-я армия, 57-я армия, часть 9-й армии и армейская группа Бобкина). Красная Армия потеряла огромное количество оружия и техники, около 239 000 советских солдат оказались в плену. «О жестокости боев, — писал Кляйст в одном из донесений после окончания сражения, — свидетельствует поле битвы: там, где шли главные бои, вся земля, куда ни бросишь взгляд, так плотно усеяна трупами людей и лошадей, что легковому автомобилю удастся проехать тут лишь с большим трудом»¹⁶.

Гитлер и командование сухопутных войск решили воспользоваться этим важным в оперативном отношении успехом немецких войск под Харьковом, чтобы еще до начала летнего наступления вывести из строя максимальное количество советских соединений. Этой цели служат две последующие опера-

* Здесь и далее имеется в виду Северный Донец. — Прим. перев.

ции под кодовыми названиями «Вильгельм» и «Фридрикус II», проведенные соответственно 10–16 июня и 22–26 июня в районе Волчанск — Купянск — Изюм. Они тоже увенчались полным успехом — в том плане, что создали для группы армий «Юг» максимально выгодный исходный плацдарм для осуществления операции «Блау», хотя и не смогли осуществить в полной мере надежду Гитлера на «уничтожение живой силы противника»¹⁷. Более того, у Красной Армии все в большей степени стала проявляться, что в последующие месяцы станет для наступающих немцев весьма серьезной проблемой, способность делать внезапные ответные тактические ходы. Ощущалось, что противник — и об этом с видимой озабоченностью говорилось в сводке отдела по изучению иностранных армий на Востоке от 28 июня — «отказался от тактики неэкономного безжалостного использования живой силы и материалов» и намеревается впредь «максимальным образом выводить свои силы на фронте из-под внезапно наносимых немецких ударов и попыток по их окружению и будет парировать немецкие наступательные действия путем нанесения из глубины пространства ударов по флангам»¹⁸. И если противник это сделает, то тогда, — приходит к трезвому выводу отдел Гелена — и в случае успешного проведения операции «Блау» русская воля к сопротивлению сломлена не будет, а русская армия «хотя и не в качественном, но в чисто количественном отношении сохранит свое превосходство и боевую мощь».

Это были уже взгляды, никогда до того не формулировавшиеся столь недвусмысленно. Однако они ничем не могли изменить хода событий. Утром того же дня, когда Геленом был представлен этот меморандум, армейская группа фон Вайхса (1-я армия, 4-я танковая армия и 2-я венгерская армия) своим продвижением к Дону положила начало немецкому летнему наступлению.

Хотя на первом этапе операции немецкие войска быстро продвигались вперед, этих темпов было все же недостаточно для уничтожения перешедшего в отступление противника. 6 июля был форсирован Дон и почти без боя захвачен важный узловой пункт Воронеж. Однако столь необходимым для дальнейшего наступления подвижным соединениям 4-й танковой армии (48-й танковый корпус) пришлось задержаться там —

к вящему недовольству Гитлера и командования сухопутных сил — на несколько дней из-за угрозы советских контрударов.

И перед 6-й армией, авангардные части которой перешли 5 июля один из притоков Дона, Тихую Сосну, и продолжали продвигаться к югу, противник отходил на всем широком фронте, так что и здесь территориальные цели были достигнуты неожиданно быстро. Главную же задачу операции — уничтожение вражеских сил, находившихся западнее Дона, — решить так и не удалось. Надо сказать, этот просчет, скрытый поначалу столь впечатляющим выигрышем пространства, вовсе не был лишь следствием умелых маневров уклонявшегося от сражений противника или каких-либо ошибок в руководстве войсками, допущенными командованием группы армий «Юг». Скорее тут уже на раннем этапе проявилась структурная слабость немецкого наступления — нехватка подвижных соединений. Поэтому командование сухопутных войск постоянно оказывалось перед дилеммой — либо сосредотачивать все силы наступления в один кулак и идти на риск опасного оголения флангов, либо же организовывать фланговое прикрытие направления главного удара, смиряясь с издержками во времени и торможением наступательного порыва, поскольку и на то, и на другое имевшихся в наличии сил не хватало. Эта дилемма усугублялась еще и тем, что уже стали возникать перебои с обеспечением моторизованных частей горючим.

Не представляется неожиданным, что и начавшийся 9 июля второй этап операции заключался главным образом в попытке, как это было подмечено фон Боком, «загнать в котел противника, которого уже нет»¹⁹. Его пессимистическая оценка вполне подтвердилась 16 июля, когда бои за Миллерово хоть и закончились взятием города и соединением наносивших концентрированные удары частей 1-й и 4-й танковых армий, но так и не увенчались достижением намечавшейся цели — окружением всей вражеской группировки.

В отличие от командующего этой группой армий, который — в качестве козла отпущения за все накопившиеся к тому времени просчеты — был 13 июля снят со своего поста и заменен генерал-полковником фон Вайхсом, Гитлер отнюдь не оставил надежду на то, что продолжавшаяся операция по преследованию закончится сокрушительным разгромом противника. Была тут и вторая причина, побуждавшая диктатора ускорять темп операций и в еще большей мере, чем прежде, брать руководство их проведением на себя лично (и это яви-

лось окончательным отходом от традиционного распределения сфер компетенции в армии). Ведь с каждой уходящей неделей все более реальной становилась угроза того, что ему не хватит времени для достижения непосредственной цели — овладения кавказской нефтью.

Выход из этой дилеммы, придуманный нервничавшим теперь все сильнее фюрером, был столь же последовательным в стратегическом плане, сколь и губительным в плане оперативном. Он состоял в том, что Гитлер решил проводить два последних этапа всей операции, т.е. наступление в сторону Волги под Сталинградом и продвижение в направлении Кавказа, не один за другим, как предусматривалось первоначально, а параллельно в одно и то же время. Гитлер отлично понимал, что его план может быть реализован только за счет деления наступающих сил надвое, но, и без того хронически недооценивая противника, а тут тем более находясь под впечатлением от продолжавшегося советского отступления, он готов был пойти на это. Тщетно Генеральный штаб сухопутных войск и его начальник генерал-полковник Гальдер ратовали за то, чтобы первоначально все наступательные действия были сосредоточены на сталинградском направлении, а наступление на Кавказ отложено до тех пор, пока не будут в достаточной степени гарантированы обеспеченность его с тыла и защита с флангов. Воронкообразное расширение фронта в восточном и южном направлениях неминуемо вело, на взгляд ОКХ*, при том количестве сил, которые имелись там в наличии, к увеличению протяженности линии фронта и непомерному возрастанию нагрузки на задействованные на Дону в качестве сил прикрытия армии союзников, которые были способны к выполнению своей задачи лишь при условии, если противник не будет вести атакующих действий. Но надежда на это, по мнению начальника Генерального штаба сухопутных войск, уже знавшего о сосредоточении советских сил как в районе Сталинграда, так и на Южном Кавказе, была беспочвенной.

Появление 23 июля, в день, когда был взят Ростов, Директивы № 45 показывало, что Гитлер не собирается считаться с сомнениями командования сухопутных войск, тем более что эти сомнения не разделяло и ОКВ**. Напротив, центр тяжести

* ОКХ — Главное командование сухопутных войск. — *Прим. перев.*

** ОКВ — Верховное командование вермахта. — *Прим. перев.*

дальнейших операций теперь явно перемещался на прорывавшуюся к Кавказу группу армий «А»²⁰. В ее задачу входило не только уничтожение отошедшего за Дон к югу противника и последующее овладение всем восточным побережьем Черного моря, но и одновременное наступление двумя клиньями: первый — через Майкоп и Армавир — был нацелен на захват перевалов Западного Кавказа, а второй — через Грозный — на выход вдоль Каспийского побережья к Баку.

По сравнению с этим, задача группы армий «Б» в целом оставалась прежней — обеспечивать операцию на Кавказе путем оборонения оборонительных позиций вдоль течения реки Дон, разгромить «формирующуюся вражескую группировку» под Сталинградом (причем Гитлер потребовал теперь «непрерывно захватить сам город!»), а также перерезать Волгу и узкий перешеек между Волгой и Доном. После чего — вот это было новым моментом — подвижные соединения должны были, продвигаясь вдоль Волги вниз по ее течению, дойти до Астрахани и перерезать там Нижнюю Волгу²¹.

Директивой № 45 была предreshена судьба немецкого летнего наступления. Правда, очевидным это стало не сразу. Поначалу соединения группы армий «А» продвигались к югу довольно успешно, хотя ожидание Гитлера, что удастся разгромить противника еще до выхода в предгорья Кавказа, все в большей степени оказывалось, как и предсказывал Гальдер, «чистейшим бредом». Но, так или иначе, к 9 августа немцами были захвачены черноморский порт Ейск, железнодорожный узел Краснодар и центр нефтедобычи Майкоп. Однако через несколько дней, где-то к середине месяца, сопротивление советских войск возросло, чему немало способствовали густые высокогорные леса, и притом возросло оно так значительно, что немецкое наступление вскоре окончательно застопорилось. В начале сентября стало ясно, что стратегическая цель кампании достигнута не будет. Захваченные майкопские нефтепромыслы и нефтеперегонные заводы оказались столь умело разрушенными, что рассчитывать в обозримом будущем хоть на какую-нибудь отдачу от них явно не приходилось.

Несомненно, и сам Гитлер понял в те дни, чем чреват его очередной провал для судьбы всей войны; к тому же множились печальные вести и с других фронтов. В полосе группы армий «Центр» выявилась опасность крупных вклинений противника, а на северном участке начавшееся 27 августа советское наступление сорвало планы намеченного на середину сентября

немецкого наступления на Ленинград и в направлении Мурманской железной дороги. Наконец, 2 сентября захлебнулось начавшееся тремя днями раньше наступление немецко-итальянской Африканской армии на фронте у Эль-Аламейна, а вместе с тем и последняя попытка вернуть утраченную инициативу в Северной Африке. В итоге все эти неудачи очень скоро обернулись в ставке фюрера в Виннице на Украине глубоким кризисом в высшем командном эшелоне; наиболее крупными его жертвами стали начальник Генерального штаба сухопутных войск Франц Гальдер и командующий группой армий «А» генерал-фельдмаршал Лист²².

В это время положение в полосе группы армий «Б» становится еще более угрожающим, чем в районе Кавказа. Уже в конце июля стало ясно, что вопреки надеждам Гитлера прорыв к излучине Волги и взятие Сталинграда не смогут быть осуществлены «внезапным ударом» (Директива № 45), а потребуют продолжительных боев с хорошо подготовившимся противником. Даже в послушном окружении фюрера все сильнее утверждается мнение, что «судьба Кавказа... решается под Сталинградом»²³. Отсюда напрашивался вывод о необходимости новой перегруппировки сил — на этот раз в пользу группы армий «Б» — и взятия у группы армий «А» 4-й танковой армии со всеми ее соединениями. Так заштопывалась одна дыра и создавалась другая, но, по сути, не устранялась главная беда — недостаточное сосредоточение сил и средств на направлении главного удара. Но теперь хотя бы появилась возможность поддержать фронтальное наступление 6-й армии через Дон на Сталинград вторым ударом, наносимым из района южнее Дона.

Продвижение вперед обеих армий, авангардные части которых встретились 3 сентября в районе Гончара, примерно в 20 километрах западнее Сталинграда, шло значительно труднее и медленнее, чем ожидалось. Виной тому были, во-первых, становившиеся уже ощутимыми перебои со снабжением войск боеприпасами, продовольствием и горючим; именно нехватка последнего ограничивала то и дело весьма опасным образом радиус передвижения частей. К этому добавлялось еще и то, что отвечавший за поддержку обеих армий с воздуха 8-й авиационный корпус, будучи загружен сверх головы, все чаще не справлялся со своей задачей. Не меньше забот доставлял командую-

шим армий некомплект пехотных частей, а ведь именно они были очень необходимы для прикрытия углублявшихся по мере продвижения вперед флангов.

Особенно драматизм этой проблемы проявился на северном фланге группы армий. Здесь протяженность фронта (от разграничительной линии с группой армий «Центр» и до Волги), по своей конфигурации во многом повторявшего изгибы Дона, составляла более 800 километров, что делало оборону силами четырех большей частью слабых армий делом просто нереальным и прямо-таки провоцировало противника к наступлению. Дислоцировавшиеся между 2-й армией (на северо-западе) и 6-й армией (на юго-востоке) контингенты союзников (2-я венгерская армия, 8-я итальянская армия, 3-я румынская армия) должны были оборонять участки фронта, протяженность которых никак не соответствовала боеспособности их совершенно неудовлетворительно оснащенных соединений.

Но главным виновником все более замедлявшегося наступления на Сталинград стал, бесспорно, противник, оказывавший самое ожесточенное сопротивление. И хотя в период с 23 июля по 11 августа, когда завершилось танковое сражение под Калачом, он понес только в полосе наступления 6-й армии потери около 57 000 взятых в плен, свыше 1000 танков и почти 650 самолетов, им было выиграно то, что в данной ситуации весило больше, чем кровь и сталь, — время. Эти бесценные дни и недели были использованы им для укрепления обороны Сталинграда и подтягивания свежих резервов.

Таким образом, положение группы армий «Б» к тому моменту, когда она перешла к атакующим действиям уже на территории самого Сталинграда, отнюдь не было прочным. И тем не менее фон Вайхс во время посещения ставки фюрера 11 сентября высказал полную убежденность в том, что уже в самые ближайшие дни он начнет штурм центра города и захватит его в течение десяти суток.

Действительно, все говорило о том, что город вот-вот падет. 10 сентября, после трехдневных боев, 48-й танковый корпус вышел на берег Волги у южной окраины Сталинграда, оказавшегося теперь в котле. В последующие дни немцам удалось захватить почти всю старую часть города, выйти к Волге и ворваться на территорию порта. Сама же река в это время подвергалась минированию с воздуха. Не такими быстрыми темпами шло продвижение в северной части города, но и здесь 51-му армейскому корпусу, перешедшему 13 сентября в наступление,

удалось овладеть господствующими над северным городским районом высотами, захватить центральный вокзал и проложить узкий коридор к Волге.

Теперь битва окончательно перешла из привычного для немцев состояния подвижной войны в фазу позиционно-осадных боевых действий. Шедшие с беспримерным ожесточением ближние уличные бои за каждый квартал и каждый дом обескровливали и без того сильно потрепанные в наступлении немецкие войска, особенно пехоту, в то время как оборонявшиеся, несмотря на господство немцев в воздухе, все еще сохраняли способность подвозить — хоть и в ограниченном количестве — резервы из-за Волги.

Опыт второй половины сентября показал, что если все будет продолжаться так же, то для полного овладения городом потребуются многие недели, а то и месяцы. Поскольку такая задержка, принимая во внимание грядущую осеннюю распутицу и необходимость занятия еще до ее наступления зимних позиций, представлялась недопустимой, немецкое командование оказалось перед выбором — либо пополнить быстро таявшие в Сталинграде силы значительными подкреплениями, либо свернуть боевые действия по захвату волжской твердыни и всей группе армий «Б» срочно перейти к оборудованию зимних позиций. За последнее решение, поддерживавшееся не только командованием 6-й армии и группы армий, но и, по всей видимости, Йодлем и Цайцлером — преемником Гальдера на посту начальника Генерального штаба сухопутных войск, говорил не только оплаченный весьма дорогой ценой опыт прошлой зимы, но и тот факт, что Сталинград к этому времени превратился в груды развалин и не играл уже в военном отношении сколько-нибудь значительной роли, перестав быть транспортным и военно-промышленным центром противника.

Но Гитлер, несмотря ни на что, не прислушался к советам своих генералов. Напротив, 6 октября, сразу же после того, как Паулюс, ссылаясь на нехватку сил и измотанность своих войск, попросил разрешения временно приостановить наступление на территории города, Гитлер объявил, что «полное овладение» Сталинградом — важнейшая задача группы армий и по сравнению с ней все другие действия являются второстепенными²⁴.

Тому, кто задаст вопрос о побудительных причинах такого решения, следует иметь в виду не только ставший прямо-таки маниакальным страх Гитлера перед каким бы то ни было отступлением, но и следующее вполне практическое соображе-

ние. На приближавшуюся зиму город, даже в его разрушенном состоянии, представлял куда более благоприятные возможности для укрытия и расквартирования, чем открытая, почти незаселенная степь. В этом плане полное овладение Сталинградом могло казаться весьма существенной предпосылкой для того, чтобы 6-я армия без значительных территориальных уступок и при вполне допустимом уровне потерь сумела продержаться зиму, а затем вновь перешла в наступление с выгодных для нее позиций. И вот этот на первый взгляд убедительный аргумент затрагивает бывшие в свое время центральными, а затем, вследствие разгрома 6-й армии, ставшие риторическими вопросы: а была ли эта армия — да и остальные армии группы армий «Б» — вообще подготовлена к зиме и имела ли по меньшей мере хоть сколько-нибудь обоснованная надежда на то, что в те немногие недели, которые еще оставались до холодов, они будут в достаточной мере экипированы?

Судя по всему, дело обстояло совсем иначе. Из-за недостатка места здесь нет возможности для детального рассмотрения объема произведенных до момента окружения 6-й армии перевозок и особенностей их инфраструктуры, но такой анализ позволяет сделать вывод, что положение со снабжением не только этой, но и почти всех армий, входивших в группу армий «Б», в те недели, что предшествовали началу советского наступления, было в общем чрезвычайно напряженным, а во многих отношениях просто катастрофическим. Более того, уже с конца сентября стало совершенно ясно, что даже при оптимальном использовании всех транспортных возможностей создание сколько-нибудь удовлетворительных запасов на зиму — задача уже не выполняемая. Так что в этих обстоятельствах приближение зимы было как раз наиболее весомым аргументом не *за*, а *против* продолжения пребывания 6-й армии в районе Сталинграда²⁵.

Таким образом, в итоге, пожалуй, действительно первичными тут оказались соображения престижа — именно они заставляли Гитлера, вопреки всему и с полным сознанием связанного с этим риска, настаивать на взятии Сталинграда. А развернутая с сентября пропагандистская кампания, посвященная грядущей немецкой победе на Волге, практически не давала фюреру возможности в последующие дни и недели отдать приказ о прекращении боев в Сталинграде — это было бы понято так, что он потерпел поражение. Но «политик» Гитлер, улавливавший потрясения на внутреннем фронте не менее чутко, нежели «полководец» Гитлер кризисные моменты на поле бит-

вы, пойти на такой риск не мог — тем более что события зимы 1941/42 года уже нанесли удар по мифу о его непобедимости, столь важному для прочности режима. Помимо всего прочего, победа немецкого оружия в Сталинграде была нужна диктатору и для воздействия на «мировую общественность», да и развитие отношений с такими важными для рейха нейтральными государствами, как Швеция и Турция, равно как и с его союзниками, во многом теперь зависело — и это четко обрисовалось уже в сентябре — от успеха немцев в Сталинграде.

В последний раз этот успех оказался вот-вот достижимым в середине октября, когда объединенным силам 51-го армейского корпуса и 14-го танкового корпуса удалось вновь овладеть большей частью города, в том числе известным оружейным заводом «Баррикады» и прибрежной полосой шириной в несколько километров. Но затем немецкие удары, и до того в условиях ограниченного оперативного простора для танков и отсутствия выучки частей по ведению уличных боев, что вело к огромным потерям в живой силе и технике, наносившиеся уже из последних сил, быстро утратили свою мощь. Неоднократные просьбы командования 6-й армии и группы армий «Б» принять во внимание создавшуюся ситуацию и либо перебросить в Сталинград дополнительные соединения, либо приостановить активные боевые действия там хотя бы на несколько дней, чтобы дать отдых сражающимся частям, всякий раз отвергались. Правда, в начале ноября в Сталинград были дополнительно направлены несколько саперных батальонов, что ни в коей мере не решало проблему острой нехватки пехоты.

Таким образом, 6-я армия уже за несколько недель до ее окружения была армией, сражавшейся без надежды на успех. Независимо от исхода, битва, в которой этой армией пожертвовали, не имела для *немецкой* стратегии, отошедшей к тому времени дальше, чем когда бы то ни было, от своих основных целей, уже никакого значения. Но она имела значение для *советской* стратегии. Для него оборона Сталинграда была авансценой того действия, следующий акт которого уже готовился за кулисами. Оставаясь в Сталинграде, армия Паулюса сама участвовала в этой подготовке, обрекавшей ее на гибель.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Hitlers Weisungen für die Kriegführung 1939 — 1945, hrsg. von W. Hubatsch. Koblenz, 1983. S. 183 ff.

² Halder F. Kriegstagebuch. Tägliche Aufzeichnungen des Chefs des General-

- stabs des Heeres 1939 — 1942, bearb. von H.-A. Jacobsen, hrsg. vom Arbeitskreis für Wehrforschung. Bd. 3. Stuttgart, 1964. S. 420 (28.03.42).
- ³ См. материалы оперативного штаба управления военного хозяйства и военной промышленности: меморандум «Военно-хозяйственное положение СССР на начало 1942 г.» от 31 марта 1942 года — Военный архив Федерального архива во Фрайбурге (ВА-МА), Wi/ID 138.
- ⁴ Таково достоверное (поскольку подтверждено другими свидетельствами) показание Паулюса в Нюрнберге. Цит. по: Der Prozeß gegen die Hauptkriegsverbrecher vor dem Internationalen Militärgerichtshof, Nürnberg, 14. November 1945— 1. October 1946. 42 Bde. Nürnberg, 1947—1949. Bd. 7, 1949. S. 290.
- ⁵ См. материалы штаба ОКХ: записи о докладе начальника вооружений сухопутных войск и командующего армией резерву фюреру от 23 декабря 1941 года. — ВА-МА, RH 14/4.
- ⁶ Меморандум командования военно-морского флота от 25 февраля 1942 года. См.: *Salcwski M.* Die deutsche Seekriegsleitung 1935— 1945. Bd. 3. Frankfurt a.M., 1973. S. 262 ff.
- ⁷ *Halder F.* Op. cit. Bd. 3, S. 455 (12.06.42).
- ⁸ Памятная записка Томаса, без числа (май 1942 г.) — Institut für Zeitgeschichte (IfZ), ZS 310, Bd. 2a, Bl. 68; дальнейшие конкретные сведения см.: *Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg.* Bd. 6, S. 776 f., Anm. 60-69.
- ⁹ Цит. по: *Deutschlands Rüstung im Zweiten Weltkrieg. Hitlers Konferenzen mit Albert Speer 1942-1945*, hrsg. von W.A. Boelcke. Frankfurt a.M., 1969. S. 126.
- ¹⁰ См. высказывания Йодля от 13 мая и 15 мая 1945 года. Цит. по: *Kriegstagebuch des Oberkommandos der Wehrmacht (Wehrmachtführungsstab) 1940-1945*, hrsg. von P.E. Schramm. 4 Bde. Frankfurt a.M., 1961-1979. Bd. 4, S. 1501, 1503. Гитлер высказывался в подобном духе уже в ноябре и декабре 1941 года — см.: *Halder F.* Op. cit. Bd. 3, S. 295 (19.11.41), S. 333 (7.12.41).
- ¹¹ См. материалы организационного отдела Генштаба сухопутных войск: «Оценка боеспособности дивизий по состоянию на 20 июня 1941 г.» от 18.06.1941. — ВА-МА, RH 2/427, а также материал того же отдела от 2 апреля 1942 года «Донесения о состоянии дивизий на 30 марта 1942 года». — Ibid., RH 2/429.
- ¹² См. сноску 3. Более подробно по этому вопросу см. также мою статью: *Wegner B.* Die Einschätzung der Sowjetunion in den deutschen Offensivplanungen gegen Stalingrad und den Kaukasus 1942 — Commission Internationale d'Histoire Militaire, ACTA No 13. Helsinki, 1991. Bd. 2, S. 189-205.
- ¹³ По этой тематике см. статьи Ж. Анселя, Й. Боруша и Г. Шрайбера в этом сборнике.
- ¹⁴ Материалы оперативного отдела штаба 11-й армии: журнал боевых действий, 4.07.42. — ВА-МА, RH 20-11/460.
- ¹⁵ См. об этом статью А. Князькова в этом сборнике.
- ¹⁶ Дополнение Клейста к телеграмме 3-го танкового корпуса от 29 мая 1942 года. — ВА-МА, RH 20-17/125.
- ¹⁷ *Kriegstagebuch des OKW.* Bd. 2, S. 386 (27.05.42).
- ¹⁸ Материалы отдела по изучению иностранных армий на Востоке (оперативный отдел): «Мысли о предположительной боеспособности советской армии к началу зимы 1942 г.» от 28 июня 1942 года. — см.: *Keilig W.* Das deutsche Heer 1939-1945. Gliederung, Einsatz, Stellenbesetzung. 3 Bde. Bad Nauheim, 1956 — 1970. Bd. 3, Abschn. 201/1942, S. 2-8.
- ¹⁹ Дневник генерал-фельдмаршала фон Бока S. 117 (7.07.1942) — ВА-МА, № 22/13.
- ²⁰ 7 июля 1942 г. группа армий «Юг» была разделена на группы армий «А» и «Б».
- ²¹ Директива № 45 от 23.07.42; см.: *Hitlers Weisungen*, S. 196 ff.
- ²² Здесь нет возможности для более подробного рассмотрения значения и последствий этого «сентябрьского кризиса»; об этом см.: *Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg.* Bd. 6, S. 951-961.
- ²³ *Halder F.* Op. cit. Bd. 3, S. 493 (30.07.42).
- ²⁴ Материалы отдела управления штаба 6-й армии: дневник боевых действий, 6.10.42. — ВА-МА, RH 20-6/221.
- ²⁵ О том, как развивалась ситуация со снабжением, см., помимо моего раздела в уже упоминавшемся издании «*Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg*» (Bd. 6, S. 988 ff.), превосходный, хотя и сдержанный в оценках анализ в кн.: *Kehrig M.* Stalingrad. Analyse und Dokumentation einer Schlacht. Stuttgart, 1974. S. 69-86, а также статью этого же автора в этом сборнике.

Анатолий Князьков

СОВЕТСКАЯ СТРАТЕГИЯ 1942 ГОДА*

Известный советский писатель К. Симонов после Победы, возвращаясь к пережитому, писал: «Сорок второй год... выбрал в себя такое количество моментов тяжелейшего положения, из которых, казалось, не было выхода и все-таки находился выход; такое количество решительных — то драматических, то счастливых для нас — перемен в положении на фронте, что все пережитое тогда до сих пор остается в душе, как память о непрерывном нравственном напряжении...

Если попробовать вспомнить самое главное, то самым главным, записанным в душе словом сорок второго года окажется слово «Сталинград». Самым главным глаголом — глагол «выстоять»...

1942 год начинался для Советского Союза с больших ожиданий. Из декабря в январь шагнуло контрнаступление советских войск под Москвой, переросшее в общее наступление, на фронте от Ладожского озера до Черного моря. Оно развивалось с большим напряжением с начала января до середины марта 1942 года и в апреле окончательно заглохло.

В ходе зимнего наступления 1941/42 года Красная Армия нанесла серьезное поражение группам армий «Север» и «Центр». Понесла потери и группа армий «Юг» в Донбассе и в Крыму. Было разгромлено около 50 вражеских дивизий: только сухопутные войска вермахта потеряли зимой 1941/42 года уби-

* Текст статьи публикуется в первоначальной, авторской редакции. — *Прим. ред.*

тыми, ранеными и пропавшими без вести 832 350 человек¹. Враг оказался отброшенным на запад на 150–400 км, было освобождено более 60 городов, очищены от оккупантов Московская, Тульская области, ряд районов Ленинградской, Калининской, Смоленской, Орловской, Курской, Харьковской, Сталинской областей и Керченский полуостров в Крыму.

Удары Красной Армии заставили гитлеровское командование, чтобы избежать катастрофы, перебросить с декабря 1941 года по апрель 1942 года на Восточный фронт из Германии и оккупированных стран Европы 39 дивизий, 6 бригад и большое количество маршевого пополнения². Оно было вынуждено принять решение о переходе к стратегической обороне. Это была первая крупная победа над вермахтом во второй мировой войне, всколыхнувшая весь мир. Она поставила военно-политическое руководство фашистской Германии перед необходимостью ведения затяжной войны, свидетельствовала об окончательном крахе стратегии «блицкрига».

Однако следует сказать, что и Красная Армия, добившись в ходе зимнего наступления значительных результатов, все же не смогла полностью решить ни одной из поставленных перед ней задач по разгрому врага на основных стратегических направлениях. Проводившиеся операции оказались незавершенными. Это объяснялось тем, что немецкие войска достигли заметного успеха в обороне. Но главная причина крылась в ошибках советского стратегического руководства. Оно переоценило результаты контрнаступления Красной Армии под Москвой и приняло в январе 1942 года не совсем обоснованное решение о переходе Красной Армии в наступление на широком фронте с решительными целями, не имея превосходства над противником в силах и средствах ни на одном из трех стратегических направлений.

Свесны обе стороны стремились использовать спад напряжения на фронте для восстановления сил и боеспособности войск, осуществления перегруппировок, выработки целесообразных решений на проведение предстоящей военной кампании.

К этому времени мощь немецких вооруженных сил находилась ниже уровня 1941 года. По оценке Гальдера, в связи с большими потерями вермахта в личном составе на Восточном фронте с начала нападения на СССР до апреля 1942 года группа армий «Юг» снизила свою боеспособность на 50 процентов, а другие группы армий — не менее чем на 65 процентов³. Экономические ресурсы Германии оказались также в значительной степени истощенными. Однако гитлеровское военно-по-

литическое руководство не могло и не хотело сделать правильные выводы из создавшегося положения. Оно по-прежнему было убеждено, что летом ему удастся взять реванш за проигранные сражения, вновь овладеть стратегической инициативой и победоносно завершить войну против СССР в 1942 году.

До возобновления активных действий на Восточном фронте Германия смогла путем ряда чрезвычайных мер не только пополнить свои сухопутные войска более чем на полмиллиона человек⁴, но и увеличить численность вермахта. Одновременно немецкое командование в значительно больших размерах, чем в 1941 году, привлекло войска Италии, Румынии, Венгрии. Общее количество соединений врага (с учетом войск союзников Германии) было доведено до 217 дивизий и 20 бригад. Особенно хорошо была укомплектована группа армий «Юг». Сосредоточенные в ней силы значительно превосходили возможности советских войск юго-западного направления. Всего к 1 мая 1942 года в войсках противника имелось 6 200 000 солдат и офицеров, 56 900 орудий и минометов, более 3 200 танков и штурмовых орудий, 3 400 боевых самолетов, около 300 надводных кораблей различного класса, 44 подводные лодки⁵.

Стратегический замысел новой наступательной кампании на Востоке был сформулирован в Директиве ОКВ № 41 от 5 апреля 1942 года, а затем конкретизирован в директивах № 44 и № 45, подписанных в июле. Немецкое командование было уже не в состоянии вести наступление сразу на трех стратегических направлениях, как летом 1941 года. Поэтому оно решило главный удар нанести на южном крыле фронта и далее расширять зону наступления к северу. В Директиве № 41 указывалось: «Сохраняя положение на центральном участке, на севере взять Ленинград и установить связь на суше с финнами, а на южном фланге фронта осуществить прорыв на Кавказ»⁶. Причем захват Кавказа придавалось первостепенное значение.

На совещании, состоявшемся в Полтаве 1 июня 1942 года в штабе группы армий «Юг», Гитлер заявил: «Моя основная мысль — занять Кавказ, возможно основательнее разбив русские силы... Если я не получу нефть Майкопа и Грозного, я должен буду прекратить войну»⁷. Другими словами, с точки зрения Гитлера существовали цели, которые должны были быть достигнуты в 1942 году любой ценой, если рейх не хочет упустить возможности выдержать длительную войну⁸. Так родилась стратегия поневоле. Предполагалось также, что прорыв на Кавказ Германии не только позволит устранить острую потреб-

ность в жидком топливе, но и подтолкнет Турцию к войне против Советского Союза, обеспечит плацдарм для вторжения вермахта в страны Среднего Востока, откроет путь в Индию.

«Главное наступление» намечалось осуществить нанесением ряда дополняющих друг друга последовательно распределенных с севера на юг ударов с таким расчетом, чтобы в каждом из них на решающих участках было сконцентрировано как можно больше сухопутных войск и авиации.

Сначала планировался прорыв из района южнее Орла на Воронеж. После этого части пехотных сил надлежало создать мощный оборонительный рубеж для обеспечения ударной группировки с севера, а подвижным соединениям развить стремительное наступление на юг по течению Дона, на встречу с войсками, наносящими второй удар из района Харькова на восток. Затем предусматривался третий удар из района Таганрога, Артемовска в восточном направлении, с тем чтобы эти силы соединились западнее Сталинграда с войсками, наступающими вдоль Дона. Отсюда должно быть развито наступление на Северный Кавказ с нанесением обеспечивающего удара на Сталинград с целью его захвата или разрушения находящихся там центров военной промышленности и узлов коммуникаций.

Одновременно группой армий «Центр» по указанию ОКВ были спланированы и осуществлены дезинформирующие мероприятия под кодовым названием «Кремль». Их цель — создать у советского командования впечатление, что немцы собираются наносить главный удар не на юге, а в центре советско-германского фронта на московском направлении.¹

Войска противника, кроме этого, должны были в течение весны провести ряд частных операций по овладению Крымом, барвенковским выступом советских войск, их плацдармами северо-западнее Новгорода и на московском направлении, что позволило бы выровнять линию фронта, улучшить оперативное положение войск и создать условия для осуществления «главной операции».

Время проведения операции на севере по захвату Ленинграда и Кировской железной дороги ставилось в зависимость от развития обстановки на юге, наличия высвобождающихся сил и средств.

Таким образом, расчет строился на том, что потеря нефти Кавказа, плодородных районов Дона и Кубани, промышленных центров Донбасса и Сталинграда заставит СССР прекратить сопротивление. «Война будет решена на востоке», — так сформу-

лировал Гальдер 28 марта 1942 года итог большого обсуждения оперативной обстановки, подготовившего директиву № 41⁹.

Анализ стратегического планирования немецкого командования показывает, что в нем были уязвимые места. Сам замысел глубокого наступления на одном фланге без сильного давления на центр оперативного построения войск противника противоречил теории военного искусства¹⁰. Кроме того, наступающая сторона оказывалась между Черным морем и мощной группировкой советских войск, находящейся в центре. Если учесть к тому же, что сухопутный фланг ударной группировки должны были обеспечивать в основном войска союзников Германии, боеспособность которых, по оценке немецкого командования, была значительно ниже сил вермахта, то весь этот план выглядел весьма зыбко.

Но самое главное заключалось в том, что немецкое командование, планируя разгром Советского Союза в ходе летнего наступления 1942 года, явно недооценило огромные возможности противоборствующей стороны в восстановлении и наращивании своих сил.

Советский Союз, несмотря на потерю значительной части территории с высокоразвитой промышленностью и продуктивным сельским хозяйством, смог так организовать военное производство, что оно во втором полугодии дало военной техники больше, чем военное производство Германии, хотя еще в начале года сильно в этом деле отставал от нее. Улучшились и качественные показатели советской военной техники. Все это позволило восполнить потери и повысить боевую мощь советских вооруженных сил.

К 1 мая в советской действующей армии насчитывалось 5 100 000 человек, почти 3 900 танков, около 45 000 орудий и минометов, почти 2 200 боевых самолетов и 140 кораблей основных классов¹¹. Совершенствовалась организационная структура армии и сил флота. Начали создаваться танковые корпуса и армии, авиация фронтов объединялась в воздушные армии, в войсках противовоздушной обороны страны формировались армии и фронт ПВО. Большое внимание уделялось созданию стратегических резервов, активизации партизанского движения в тылу врага. Но все же следует отметить, что советская сторона еще не имела технического превосходства над противником, войска уступали ему в подвижности, командный состав и штабы только приобретали опыт ведения современной войны.

Вместе с тем военно-политическая обстановка для СССР

продолжала оставаться весьма сложной. Враг блокировал Ленинград и все еще находился в 150 км от Москвы. Процесс перестройки экономики на военный лад не завершился, войска испытывали большой недостаток в технике, вооружении и особенно остро — в боеприпасах. Второго фронта в Европе не было, и Советский Союз по-прежнему нес основную тяжесть борьбы с фашистской Германией и ее союзниками. Сохранялась реальная угроза нападения со стороны Японии и Турции. Красная Армия хотя и одержала зимой внушительную победу под Москвой, но и сама в жестоких сражениях оказалась сильно ослабленной, ее стратегические резервы всех родов войск были почти полностью израсходованы или находились в стадии формирования. В численности личного состава у войск противника по-прежнему сохранялось превосходство.

В этих условиях, казалось бы, надо было закрепить на достигнутых зимой рубежах, оправиться от понесенных потерь, в тылу страны завершить создание стратегических резервов, реорганизовать войска, снабдить их новой техникой и только после этого думать о большом наступлении. Но Сталин рассуждал иначе.

В конце февраля он был уверен, что в ходе зимних сражений германская армия «оказалась перед катастрофой», «инициатива в наших руках и потуги разболтанной ржавой машины Гитлера не могут сдержать напор Красной Армии»¹². Такие выводы скорее всего вытекали из тех данных, которые представляло Главное разведывательное управление. Так, по данным ГРУ, вооруженные силы Германии с 22 июня 1941 года по 1 марта 1942 года потеряли 6 500 000 человек, в том числе сухопутная армия — 5 800 000 человек. На самом же деле общие потери сухопутных войск противника за это время составили не многим более 1 000 000 человек¹³. И хотя в марте-апреле обстановка во многом прояснилась, советский диктатор по-прежнему недооценивал силы и возможности германской армии, до конца не осознавал, с каким сильным противником имеет дело. В первом приказе он поставил перед советскими вооруженными силами трудно выполнимую задачу: «добиться того, чтобы 1942 год стал годом окончательного разгрома немецко-фашистских войск и освобождения советской земли от гитлеровских мерзавцев»¹⁴. Эта — не отвечающая реальной обстановке на фронте и экономическим возможностям страны — цель была положена в основу оперативно-стратегического планирования предстоящей военной кампании.

К тому времени у советского военного руководства сложилось твердое убеждение в том, что с окончанием весенней распутицы противник предпримет новое большое наступление с целью взять реванш за проигранные зимние сражения. Об этом говорили и данные всех видов разведки. Ее органы еще 18 марта доложили в Генеральный штаб, что Германия готовится «к решительному наступлению на Восточном фронте, которое развернется вначале на южном секторе и распространится в последующем к северу... Наиболее вероятный срок весеннего наступления — середина апреля или начало мая 1942 года»¹⁵. В разведдонесении от 23 марта раскрывалась цель предстоящего наступления: «Главный удар будет нанесен на южном участке с задачей прорваться через Ростов к Сталинграду и на Северный Кавказ, а оттуда — по направлению к Каспийскому морю. Этим путем немцы надеются достигнуть источников кавказской нефти...»¹⁶ Но данные разведки, как и предупреждения союзников, получаемые по дипломатическим каналам, в полной мере в расчет приняты не были.

Сталин не исключал в своих прогнозах возможности наступления противника на юге, но вместе с тем считал, что главные события летом 1942 года, как это было прошедшей осенью и зимой, развернутся вокруг Москвы. Такое предположение, судя по всему, основывалось на том, что в центре противник держал свою самую большую группировку — более 70 дивизий. Учитывалось важное стратегическое, военно-политическое и экономическое значение всего московского региона. Считалось, что удары на других стратегических направлениях не могли обеспечить немцам победоносное, а главное — быстрое завершение войны. Одновременно в расчет принимались и данные разведки, которые наступление на Москву полностью не исключали¹⁷.

Большинство членов Ставки были согласны с выводами Сталина. Лишь генерал армии Г.К. Жуков высказывал предположение о нанесении противником главного удара на юге¹⁸, но отстаивать свою точку зрения не смог. Видимо, и над ним еще довлел авторитет «мудрого и всезнающего» вождя...

Таким образом, как и летом 1941 года, советское Верховное Главнокомандование неверно оценило возможное направление главного удара гитлеровских войск в предстоящей кампании. Характерно, что даже в ноябре 1942 года, когда противник осуществил глубокий прорыв на Кавказ и стоял у стен Сталинграда, Верховный Главнокомандующий по-прежнему утверждал, что «продвижение немцев на юг в сторону нефтяных районов»

является не главной, а вспомогательной целью, а их основная задача — «отвлечение наших главных резервов на юг и ослабление Московского фронта»¹⁹.

Трудно с точностью сказать, чего было в этом заявлении больше: характерной для Сталина убежденности в непогрешимости собственных суждений или желания оправдаться перед народом за безграмотные решения, приведшие к колоссальным человеческим жертвам и страданиям.

От ошибочного прогноза Ставки относительно выбора главного удара противника логически потянулась нить к недооценке южного направления. Стратегические резервы — основное средство влияния стратегического руководства на ход вооруженной борьбы — были распределены в районах Тулы, Воронежа, Сталинграда, Саратова, казалось бы, правильно, с расчетом возможности их использования в зависимости от развития обстановки на западном или юго-западном направлениях. Но на юго-западное направление сил стратегических резервов было выделено гораздо меньше, чем на западное. Это в дальнейшем также имело далеко идущие отрицательные последствия.

Разработка решения о наиболее целесообразных действиях войск с учетом конечной политической цели — разгрома врага и освобождения всей оккупированной территории в 1942 году — была начата сразу же после завершения зимней кампании.

Генеральный штаб, всесторонне оценив обстановку, предлагал провести зимнюю кампанию в два этапа. На первом считалось целесообразным ограничиться стратегической обороной на всем советско-германском фронте, сорвать предполагаемое наступление врага, ослабить его силы, накопить мощные резервы, пополнить войска боеприпасами, техникой, материальными средствами и только тогда, на втором этапе кампании, перейти в решительное наступление. Этот замысел с необходимыми оперативными расчетами был представлен Верховному Главнокомандующему начальником Генерального штаба маршалом Б.М. Шапошниковым в середине марта 1942 года.

Были и другие предложения. Например, Г.К. Жуков рекомендовал в рамках стратегической обороны в начале лета провести частную наступательную операцию на западном направлении, чтобы разгромить ржевско-виземскую группировку противника, отбросить врага от Москвы, улучшить оперативное положение войск. Командующий Юго-Западным направлением маршал С.К. Тимошенко обосновывал необходимость

уже в мае осуществить широкомасштабную операцию на юге силами Юго-Западного, Южного и Брянского фронтов с целью разгрома всего южного крыла противника и выхода советских войск на рубеж Гомель — Киев — Черкассы — Первомайск — Николаев²⁰.

Окончательный вариант плана советских вооруженных сил на весну и лето 1942 года был рассмотрен и утвержден на совместном заседании Ставки и ГКО 28 марта. обстоятельный доклад о возможном характере действий Красной Армии летом 1942 года сделал Б.М. Шапошников. Он подтвердил мнение Генерального штаба о необходимости в ближайшее время ограничиться активной стратегической обороной, сосредоточить основные резервы Ставки, не вводя их в действия на центральном направлении и частично под Воронежем, из района которого ожидался удар противника в обход Москвы с юго-запада. Одновременно докладчик не согласился с предложением С.К. Тимошенко, считая, что для проведения большой операции на юго-западном направлении не имелось необходимых резервов и материальных средств. Шапошников также обратил внимание на большую опасность планирования наступления из «оперативного мешка» — барвенковского выступа, обращенного в сторону противника, в котором находилась значительная часть войск Юго-Западного и Южного фронтов.

«Не сидеть же нам в обороне сложа руки и ждать, пока немцы нанесут удар первыми! — выразил несогласие Сталин. — Надо самим нанести ряд упреждающих ударов на широком фронте и прощупать готовность противника»²¹.

Маршала Тимошенко, доказывавшего, что его войска безусловно могут и даже должны нанести мощный удар на юге, разстроив наступательные планы противника, и захватить инициативу, поддержали В.М. Молотов, К.Е. Ворошилов, Л.П. Берия. Остальные участники обсуждения в знак согласия кивали головами²².

Лишь Жуков и присутствующий на совещании председатель Госплана СССР Н.А. Вознесенский выразили сомнение в возможности осуществления крупных упреждающих операций на юге без дополнительного усиления войск юго-западного направления крупными резервами. Жуков предлагал создать эти резервы за счет переброски войск и техники с западного и северо-западного направлений, а действующим там фронтам временно перейти к обороне. Сталин не согласился с этими доводами полностью, но дал разрешение Тимошенко на проведение

силами и средствами самого юго-западного направления более узкомасштабной операции по разгрому харьковской группировки противника и приказал Генштабу считать эту операцию внутренним делом самого направления и ни в какие вопросы по ней не вмешиваться.

Совещание в Ставке закончилось тем, что Сталин в целом поддержал предложение Генерального штаба о переходе действующей армии к стратегической обороне, но одновременно отдал распоряжение о проведении в ближайшее время на фронте от Мурманска до Севастополя серии частных наступательных операций. Планировалось на севере восстановить границу с Финляндией, деблокировать Ленинград, разгромить делянскую, ржевско-вяземскую, орловскую, харьковскую группировки врага и освободить Крым. Таким образом, большинство фронтов при общей установке на переход к стратегической обороне получили указание и на ведение активных действий. Но эти действия, как и при планировании наступления зимой 1942 года, не были в достаточной мере согласованы между собой как по времени, так и по цели. Имевшихся в распоряжении Ставки сил и средств для осуществления такого масштабного замысла было явно недостаточно, и они оказались распыленными. Военному командованию трудно было сориентироваться, что же в этом плане главное — оборона или наступление. И это отражалось на их собственных решениях. Как показали дальнейшие события, решение обороняться наступать было опасным просчетом.

Военные действия на советско-германском фронте возобновились в первой декаде мая. Они развивались стремительно и не в пользу советских вооруженных сил. Начатые советскими войсками наступательные операции под Харьковом и Любанью, оборонительная операция в Крыму и в районе Ржев — Вязьма закончились крупными поражениями. Не удалось уничтожить врага и под Демянском. Все это явилось следствием просчетов в руководстве войсками со стороны оперативных и стратегических инстанций.

Советское командование не уделило необходимого внимания организации стратегического взаимодействия между фронтами. Вследствие этого наступательные и оборонительные операции советских войск не были взаимно увязаны, проводились изолированно друг от друга, что позволяло противнику свободно осуществлять перегруппировки сил и средств и быстро

предпринимать контрмеры. Не был также решен ряд вопросов оперативного обеспечения флангов, организации противовоздушной защиты войск.

Крупные просчеты имели место и в работе некоторых командующих фронтами и армиями. Инженерное оборудование оборонительных полос оказалось незавершенным, мощных ударных группировок в оперативной глубине для нанесения сильных контрударов создано не было. Резервы фронтов вводились в сражения поспешно и разрозненно, и чаще всего их действия не достигали цели. Из-за слабой разведки командующие не всегда знали реальную обстановку, принимали запоздалые решения. Часто нарушалось управление войсками.

Особенно тяжелой по своим последствиям была неудача советских войск в районе Харькова. Главное командование юго-западного направления, активно настаивавшее на проведении наступательной операции в этом районе, допустило ряд просчетов. Оно слабо обеспечило фланги ударной группировки Юго-Западного фронта, несвоевременно ввело в действие танковые корпуса. А когда противник нанес мощный контрудар, не смогло вовремя принять решение о прекращении наступления на харьковском направлении. Роковые последствия имело также распоряжение И.В.Сталина на продолжение наступления, отданное тогда, когда советские войска уже находились в критическом положении и над ними нависла угроза разгрома. В результате немецкому командованию удалось выдвинуть свои танковые соединения в тыл ударной группировки советских войск и завершить их окружение.

Разгром Крымского фронта, потеря Севастополя, поражение советских войск под Харьковом в корне изменили всю стратегическую обстановку на юге. Враг овладел стратегической инициативой. Морально-боевой дух солдат противника, надломленный в результате поражений зимой 1941/42 года, вновь был поднят, возросла их готовность к действиям. Красной Армии, как и в первые месяцы войны, в полной мере снова пришлось испытать горечь тяжелого отступления.

28 июня противник начал главную операцию летней кампании. Успехи гитлеровских войск, действовавших почти в точности с ранее разработанным планом, вынудили советское командование в июле 1942 года принять трудное, но правильное решение об отводе войск Юго-Западного, а затем и Южного фронтов на южный берег Дона в его нижнем течении, с тем чтобы ценой потери территории сохранить силы для стабилизации

положения на последующих рубежах. Это свидетельствовало о серьезном изменении взглядов Верховного Главнокомандующего на характер развернувшейся войны, что было связано с приходом к руководству вооруженными силами таких генералов, как А.М.Василевский, Г.К.Жуков и др., и об усилении их влияния на формирование оперативно-стратегических взглядов И.В.Сталина.

К концу июля советские войска в большой излучине Дона и по южному берегу этой известной русской реки в ее нижнем течении практически одновременно начинали две великие битвы, которые в последующем широко разнесли славу русского оружия, — Сталинградскую битву и битву за Кавказ. Однако боевые действия разворачивались за сотни километров от того рубежа, который советские войска занимали еще в конце весны. Огромные, богатейшие пространства земли русской были оставлены врагу, причем в достаточно короткое время. Началась вторая волна эвакуации, теперь уже из районов Донбасса, Приволжья, Северного Кавказа. На смену крепнувшей народной уверенности в победе подкрадывалась растерянность. Над Советской страной нависла смертельная опасность.

23 июля 1942 года Гитлер уточнил задачи войск, действовавших на юге (Директива № 45)²³. Согласно этой директиве ближайшая задача группы армий «А» заключалась в завершении разгрома войск Южного (с 28 июля — Северо-Кавказского) фронта, успевших отойти на южный берег Дона. В то же время осложнение в развитии событий на других участках советско-германского фронта повлекло за собой ослабление этой группы армий. Так, в группу армий «Б», на сталинградское направление, неожиданно для ОКВ потребовавшее к себе значительного внимания, с 20 июля по 5 августа было направлено 18 дивизий, в том числе четыре танковые и три моторизованные. Вместе с восемью дивизиями 6-й полевой армии, прибывшими из-под Воронежа, они и составили ту группировку, которая 200 дней сражалась за город на Волге и была в последующем почти полностью пленена.

Перед сталинградской группировкой гитлеровское командование теперь ставило более сложные задачи: наряду с оборудованием позиций на Дону нанести удар по Сталинграду, захватить город и развить наступление вдоль Волги, нарушить перевозки по ней и выйти к Астрахани.

Советское Верховное Главнокомандование и в этой обстановке главную угрозу по-прежнему видело в выходе противни-

ка к Волге для последующего поворота наступления на север, с тем чтобы отрезать Москву от волжского и уральского тыла и комбинированным ударом с востока разгромить основные силы Красной Армии и захватить столицу СССР²⁴. В то же время командование вермахта, проведя операцию по оперативной маскировке и дезинформации противника — операцию «Кремль», — стремилось утвердить советскую Ставку в этой ложной убежденности, что ей и удалось сделать. В результате первый же удар противника на Воронеж был воспринят советским руководством как подготовка врага к последующему повороту для обхода Москвы, а развитие его наступления на юго-восток вдоль Дона — как поиск новых, еще более выгодных рубежей осуществления этой же цели.

В связи с такой оценкой Ставкой Верховного Главнокомандования (ВГК) намерений противника основная часть имевшихся в ее распоряжении резервных армий была развернута в июле 1942 года на центральном направлении, а также в большой излучине Дона, а другие в дальнейшем — направлены в район Сталинграда. В то же время оборону Кавказа предусматривалось организовать силами отступивших из Донбасса войск Южного фронта, которые, однако, к началу вражеского наступления еще не успели привести себя в порядок после понесенных в предыдущих боях тяжелых потерь. Задача советских войск на обоих направлениях заключалась в том, чтобы остановить летнее наступление противника и стабилизировать фронт.

Расположение двух советских группировок под углом друг к другу способствовало лучшему взаимодействию между ними и позволяло в случае сосредоточения усилий противника на одном из направлений наносить удары во фланг и тыл этой наступающей группировке силами взаимодействующих фронтов. Это вынуждало противника действовать одновременно против двух фронтов, т.е. наступать по расходящимся направлениям, дробить свои силы.

Первым этапом летнего наступления немецких войск можно считать период с 23-25 июня по 10-17 августа 1942 года. Основные события в это время развернулись на сталинградском направлении, где противник стремился неожиданным и мощным ударом с ходу разгромить войска Сталинградского фронта, не дав им развернуться и создать устойчивую оборону. Советское командование также ставило перед войсками активные задачи: не только отразить наступление 6-й полевой, а затем и повернутой на Сталинград 4-й танковой армий противника, но

и разгромить его вклинившиеся группировки, создав тем самым условия для перехода в наступление в тыл группе армий «А», наступавшей на Кавказ. Решающую роль в достижении этих далеко идущих целей должны были сыграть сформированные на Сталинградском фронте две танковые армии.

Однако смелые, хотя и реальные замыслы советского командования были сорваны лучше воевавшими и лучше маневрировавшими немецкими войсками. 6-я полевая армия, окружив в большой излучине Дона основные силы 62-й советской армии и нанеся им серьезное поражение, вышла к западному фасу внешнего сталинградского оборонительного обвода, а 4-я немецкая танковая армия, наступая на Сталинград с юго-запада, подошла к южному фасу этого обвода в полосе 64-й армии. Враг вышел на ближние подступы к городу на Волге. Активные задачи советских войск в такой обстановке уже не могли быть осуществлены, так как угроза захвата Сталинграда стала реальной и даже казалась неотвратимой.

Южнее Дона войска Северо-Кавказского фронта отступали на этом этапе в предгорья двумя группами. Большая часть соединений фронта составила Приморскую группу, которая отходила к западным предгорьям Главного Кавказского хребта через Батайск, Краснодар. Донская группа войск Северо-Кавказского фронта двигалась в направлении Сальск, Ставрополь, Моздок на реку Терек, имея задачей прикрыть на этом рубеже грозненское и орджоникидзевское направления. Преследование Приморской группы войск осуществляла 17-я полевая армия противника, в сальские степи ринулась 1-я танковая армия.

Неожиданно быстро завершился отход Донской группы советских войск. Из трех входивших в ее состав армий одна сразу же за Доном повернула в сторону от сальского направления к Сталинграду. Другая, не доходя до Ставрополя, стала отходить в полосу Приморской группы на Армавир, Майкоп, оставив без прикрытия ранее назначенное ей направление. Третья из армий действовала в соответствии с ранее поставленной ей задачей. Однако она оказалась не в состоянии оторваться от высокоподвижных танковых дивизий противника и была фактически рассеяна. Перед 1-й танковой армией врага, казалось, открывались блестящие перспективы беспрепятственного выхода в грозненский нефтяной район и далее — в Закавказье.

Но эту армию Верховное командование вермахта остановило в районе Ставрополя. Ее основные силы были повернуты для

преследования советских войск, начавших отход на Туапсе. Оставшимися в ее распоряжении силами 1-я танковая армия также не могла развить наступление на грозненском направлении, так как по реке Терек уже развертывалась Северная группа войск Закавказского фронта. Этот фронт по распоряжению Ставки ВГК взял на себя ответственность за оборону советского Закавказья не только с юга, со стороны Турции и Ирана, но и с севера — от группы армий «А» противника.

Верховное командование вермахта планировало усиление своих войск на Кавказе за счет ослабления центрального участка советско-германского фронта, однако проводившаяся в это же время по указанию Ставки ВГК наступательная операция Западного и Калининского фронтов в районе Ржева — Сычевки сковала значительную часть вражеских сил. Как отмечал по этому поводу немецкий генерал К. Типпельскирх: «... три танковые и несколько пехотных дивизий, которые уже готовились к переброске на южный фронт, были задержаны»²⁵.

К тому же советские войска даже разрозненными группами оказывали противнику посильное сопротивление, носившее массовый характер. Об этом свидетельствует разведывательное донесение 40-го танкового корпуса противника от 1 августа 1942 года: «По данным опроса пленных, вечером 30 июля им был зачитан перед строем приказ Сталина, согласно которому рубеж Маныча должен защищаться до последней капли крови. Упорство противника может быть проиллюстрировано тем, что в плавнях отдельные стрелки по горло в воде, без всякой надежды на отход сражаются до последнего патрона, а стрелки, находящиеся в гнездах, оборудованных в каменной плотине, могут быть уничтожены только в ближнем бою. С одинаковым упорством защищаются и полевые укрепления, и берега»²⁶.

На втором этапе нового немецкого наступления, длившемся примерно с 18—20 августа по 5—10 сентября, главные события (вопреки намерениям Гитлера как можно быстрее овладеть нефтью Грозного и Баку) по-прежнему происходили на сталинградском направлении. Даже полностью овладев большой излучиной Дона, немецкое командование не могло решиться только на пассивную блокаду Сталинградского фронта, с тем чтобы сосредоточить максимум сил на Кавказе. Поэтому по войскам Сталинградского и выделившегося из его состава Юго-Восточного фронтов с запада и юга были нанесены глубоко проникающие удары с целью выхода танковых соединений противника к Волге на узких участках и овладения

городом, хотя он и находился еще в глубоком тылу обороняющихся советских войск. После этого намечалось разгромить войска окруженных фронтов. (Севернее Сталинграда противнику удалось выйти к Волге, однако в целом его замысел провалился. Советские войска, хотя и ценой потери всех сталинградских оборонительных обводов, сумели сохранить силы, отойти к городу и удержать его.)

На Кавказе в этот период возникла определенная оперативная пауза. Приморская группа войск Северо-Кавказского фронта и 17-я немецкая полевая армия готовили операции в горно-лесистых отрогах западной части Главного Кавказского хребта. Северная группа войск Закавказского фронта укрепляла позиции на Терекке, к которым уже начали выдвигаться соединения 1-й танковой армии врага. В то же время, воспользовавшись тем, что советские войска сосредоточили все силы на обороне туапсинского направления и оставили практически не защищенным Таманский полуостров, противник захватил его сравнительно небольшими силами, нанеся удар вдоль побережья и через ближайшие перевалы — на Новороссийск. Однако на южной окраине этого города — в то время главного порта кавказского побережья — враг был остановлен.

На третьем этапе — в сентябре 1942 года — враг пытался достичь намеченных результатов летне-осенней кампании на Кавказе на грозненском направлении. Пользуясь тем, что восточные предгорья Кавказа допускали достаточно широкое применение бронетанковой техники, противник сосредоточил для проведения операции на грозненском и моздок-малгобекском направлениях все имевшиеся на Кавказе танковые дивизии. А поскольку они могли наступать лишь по горным проходам, то советским войскам, оборонявшим их, приходилось отражатьтаки буквально лавины танков на узких участках. Враг был остановлен и здесь.

Одновременно враг предпринял попытку завершить кампанию захватом Сталинграда. В результате первого штурма, проведенного с 13 по 26 сентября, немецкие войска перенесли боевые действия на территорию Сталинграда, овладели центром города и отрезали 62-ю армию от войск как Сталинградского, так и Юго-Восточного фронтов. Отчаянные попытки советских армий, наступавших севернее Сталинграда, прорваться к защитникам города не увенчались успехом. Несмотря на привлечение довольно значительных сил, операции этих армий не смогли перерасти рамки отвлекающих действий. Наступление

советских войск в районе Воронежа также не дало ощутимых результатов. Вместе с тем эти удары безусловно облегчили положение защитников Сталинграда и создали противнику реальные угрозы на новых направлениях.

Именно в эти тяжелые дни зародился смелый замысел будущего победного контрнаступления советских войск. Ставка ВГК, командующие фронтами и армиями, командиры и штабы всех частей, получившие боевой опыт, могли теперь не просто анализировать допущенные ранее ошибки и просчеты, но и избежать их при разработке, а затем и при осуществлении новых боев и операций. Их возросшее мастерство становилось фактором достижения будущих успехов. И задача дальнейшего удержания руин Сталинграда стала теперь важнейшей частью подготовки к разгрому врага. †

На последующем этапе вражеского наступления — с 25 сентября по 25 октября — противник был уже вынужден отказаться от частых переносов усилий и ударов с одних направлений на другие, далеко отстоящие друг от друга, а избрать одно, на котором он рассчитывал добиться ощутимых результатов в преддверии наступающей зимы. Таким направлением было выбрано туапсинское. Рассчитывать на успех боев в горно-лесистой местности, продвигаясь все глубже в кавказские горы, противник мог только делая ставку на имевшиеся у него специально подготовленные горно-стрелковые соединения. Однако основная масса оборонявшихся здесь советских стрелковых войск уже освоила способы ведения войны в кавказских предгорьях и проявляла огромное упорство. К тому же и Черноморский флот одновременно с активной борьбой на море выполнял важную роль своеобразной фронтовой дороги. Он обеспечивал переброску войск, вооружения и материальных средств, поступавших по железной дороге, с каспийского побережья в любую точку Черноморской группы войск Закавказского фронта (так теперь стала именоваться бывшая Приморская группа).

† В Сталинграде противник с 14 октября предпринял второй штурм города, который имел еще более скромные результаты, чем предыдущий. Ему удалось захватить Сталинградский тракторный завод, еще раз раздробить 62-ю армию. Но сколько-нибудь заметного влияния на ход событий эти действия врага не оказали.

С 14 октября по приказу Гитлера немецкие войска на советско-германском фронте, кроме некоторых районов Сталинграда и Кавказа, перешли к стратегической обороне. Это свиде-

тельство о фактическом признании противником невозможности достижения поставленных на 1942 год военно-политических целей.

На заключительном этапе наступления на Кавказе противник с 25 октября еще раз попытался прорваться в Закавказье, на этот раз по Военно-грузинской дороге через Крестовый перевал. Овладев Нальчиком, он повернул на Орджоникидзе, наступая не вдоль хорошо укрепленных долин, а по дорогам и тропам на склонах кавказских предгорий. Это была последняя вспышка оперативной активности врага. Его соединения были не только остановлены на подступах к Орджоникидзе, но и потерпели значительное поражение в ходе проведенного советскими войсками контрудара. Дальнейшие попытки немцев развить наступление на этом направлении, предпринимаемые до конца декабря, успеха не имели. Наступательный порыв врага на Кавказе окончательно иссяк.

Облегчили трудную борьбу советских войск на Кавказе и в районе Сталинграда активные действия советских группировок на центральном и северном участках, а также удары партизанских сил по важным объектам и коммуникациям врага. Координация этой борьбы советским Верховным Главнокомандованием внесла решающий вклад в то, что с осени 1942 года агрессор шаг за шагом утрачивал стратегическую инициативу, обстановка на фронте менялась не в его пользу.

19 ноября 1942 года переходом советских войск в решительное контрнаступление под Сталинградом закончилась летне-осенняя кампания — одна из труднейших кампаний войны. Стратегическая оборона, которую вели советские войска более семи месяцев, хотя и с большими потерями, свою задачу выполнила. Красная Армия, пережив трагические неудачи весны и лета 1942 года, не только выстояла, но и в важнейших битвах и сражениях под Сталинградом, на Кавказе и на других направлениях обескровила главную ударную группировку врага, действующую на юге страны, все ее резервы и вынудила противника постепенно по всему фронту перейти к обороне. Остановить врага, снять смертельную опасность, нависшую над страной, советскому народу и его армии удалось огромным напряжением сил, массовым героизмом и самопожертвованием на фронте и в тылу.

Тщательно проанализировав операции лета и осени 1942 года и своевременно обобщив боевой опыт, советские вооруженные силы изжили имевшиеся ранее недостатки в области подго-

товки и ведения как оборонительных, так и наступательных операций, закалились в борьбе, повысили свое военное искусство, вырвали стратегическую инициативу из рук противника и из армии обороняющейся превратились в армию наступающую.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 6, Stuttgart. 1990. S. 780.
- ² Вторая мировая война. Краткая история. М., 1984. С. 159.
- ³ Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 6, S. 779.
- ⁴ Ibid., S. 780.
- ⁵ Великая Отечественная война народная 1941-1945. Краткий исторический очерк. М., 1985. С. 77.
- ⁶ Совершенно секретно. Только для командования! Стратегия фашистской Германии в войне против СССР. Документы и материалы. М., 1967. С. 380.
- ⁷ Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg, Bd. 6, S. 783.
- ⁸ Ibid., S. 783.
- ⁹ Ibid., S. 762.
- ¹⁰ Лиддел Гарт Б. Вторая мировая война. Перев. с английского. М., 1976. С. 239.
- ¹¹ История второй мировой войны 1939-1945. Т. 5. М., 1975. С. 121-122.
- ¹² Сталин И. О Великой Отечественной войне Советского Союза. Изд. 5-е. М., 1948. С. 44.
- ¹³ Архив Института военной истории Министерства обороны Российской Федерации. Документы и материалы. Инв. N 904. С. 347.
- ¹⁴ Сталин И. О Великой Отечественной войне Советского Союза. С. 57-58.
- ¹⁵ История второй мировой войны 1939-1945. Т. 5. С. 112.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Маршал Жуков. Каким мы его помним. М., 1988. С. 227.
- ¹⁹ Сталин И. О Великой Отечественной войне Советского Союза. С. 65.
- ²⁰ Василевский А.М. Дело всей жизни. М., 1984. С. 167.
- ²¹ Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Т. 2. М., 1990. С. 277-278.
- ²² Маршал Жуков. Каким мы его помним. С. 229.
- ²³ Совершенно секретно. Только для командования! С. 387-388.
- ²⁴ Сборник военно-исторических материалов Великой Отечественной войны. № 5. М., 1951. С. 7.
- ²⁵ Типпельскирх К. История второй мировой войны. Перев. с немецкого. М., 1956. С. 241.
- ²⁶ Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО). Ф. 224, оп. 762, д. 5, л. 34.

II. БИТВА ЗА СТАЛИНГРАД

Анатолий Харьков

СОВЕТСКОЕ КОНТРНАСТУПЛЕНИЕ ПОД СТАЛИНГРАДОМ*

Контрнаступление советских войск под Сталинградом началось 19 ноября 1942 года. Оно включало три тесно увязанные и проводимые поэтапно операции: «Уран» — Юго-Западного, Донского и Сталинградского фронтов; «Малый Сатурн» — левого крыла Воронежского, Юго-Западного и Сталинградского фронтов; «Кольцо» — Донского фронта.

Различие целей, преследовавшихся в них, предопределяло разнообразие способов разгрома противника. Если в операции «Уран» группировка врага окружалась нанесением мощных ударов по сходящимся направлениям, то в операции «Малый Сатурн» разгром группы армий «Дон» на внешнем фронте окружения осуществлялся сочетанием ударов во фланг, в тыл и с фронта, а в операции «Кольцо» окруженная группировка рассекалась и уничтожалась по частям.

Анализу этих успешно и в короткие сроки осуществленных операций и посвящается данная статья.

1. ОПЕРАЦИЯ «УРАН»

Решение о контрнаступлении под Сталинградом Ставка ВГК приняла 13 сентября 1942 года в ходе ожесточенных оборонительных боев. «Перебрав все возможные варианты, —

* Текст статьи публикуется в первоначальной, авторской редакции. — *Прим. ред.*

вспоминал Маршал Советского Союза Г.К. Жуков, — мы решили предложить И.В. Сталину следующий план действий: первое — активной обороной продолжать изматывать противника, второе — приступить к подготовке контрнаступления, чтобы нанести противнику в районе Сталинграда такой удар, который резко изменил бы стратегическую обстановку на юге страны в нашу пользу»¹.

В итоге напряженной работы был разработан план контрнаступления, получивший условное наименование «Уран». Его цель заключалась в том, чтобы в полосе в 400 км разгромить стратегическую группировку противника в районе Сталинграда, вырвать у него инициативу и создать условия для проведения последующих наступательных операций на южном крыле советско-германского фронта.

Проведение контрнаступления Ставка ВГК возлагала на войска Юго-Западного, Донского и Сталинградского фронтов (командующие — генералы Н. Ватугин, К. Рокоссовский и А. Еременко). Кроме того, привлекались соединения авиации дальнего действия, 2-я воздушная армия соседнего Воронежского фронта и Волжская флотилия.

План контрнаступления предусматривал силами этих трех фронтов прорвать оборону противника на семи участках, а затем, сковывая его в центре, встречными ударами по сходящимся направлениям на города Калач и Советский окружить главные силы врага, расчленив их на части и уничтожить.

При этом Юго-Западному фронту ставилась задача разгромить 3-ю румынскую армию и за три дня выйти в район Калача. Донской фронт должен был окружить и уничтожить группировку противника в малой излучине Дона. Сталинградский фронт, разгромив 6-й румынский корпус, к исходу второго дня должен был соединиться в районе Калача и Советского с войсками Юго-Западного фронта и тем самым завершить окружение основной группировки противника, прорвавшейся к Волге.

Таким образом, основные удары по немецко-фашистским войскам наносили Юго-Западный и Сталинградский фронты. Координация их действий возлагалась на представителей Ставки ВГК генералов Г. Жукова и А. Василевского.

Советское командование считало, что успех операции «Уран» будет зависеть от внезапности и тщательности подготовки удара. Времени было очень мало. Прежде всего следо-

вало подготовить людей — решающую силу на поле боя. Лозунг «Ни шагу назад!» в обороне менялся на наступательный лозунг «Вперед, на полный разгром врага!»

Важной проблемой командования, штабов и всех войск было обеспечение скрытности подготовки контрнаступления. Чтобы ввести противника в заблуждение, проводился ряд мероприятий, направленных на сохранение в тайне замысла операции, времени и места нанесения ударов, перегруппировки войск.

В целях маскировки предстоящего контрнаступления Ставка ВГК в середине октября 1942 года открытым текстом отдала фронтам ложную директиву об укреплении и совершенствовании обороны. Расчет был на то, что она будет перехвачена противником.

Организация подготовки контрнаступления осуществлялась в строжайшей тайне. Переписка, даже шифрованная, а также телефонные переговоры, касающиеся предстоящей операции, как между Генеральным штабом и фронтами, так и внутри фронтов категорически запрещались. Все приказы и распоряжения отдавались исполнителям только устно. Радиостанции работали только на прием.

Ставка Верховного Главнокомандования стремилась создать у противника впечатление, что крупное наступление Красной Армии готовится не на юге, а на центральном участке фронта. Этому способствовали следующие факторы: наличие под Москвой крупных сил — 30 процентов всех стрелковых, танковых, механизированных и кавалерийских соединений; формирование стратегических резервов восточнее Москвы; организация и проведение частных наступательных операций советских войск в районах городов Великие Луки, Ржев, Сычевка, Жиздра.

Сосредоточение советских войск под Сталинградом, создание ударных группировок предстояло проводить в условиях открытой степной местности. Поэтому оно осуществлялось только в ночное время и в ненастную погоду, при соблюдении жестких мер маскировки. Районы расположения войск, коммуникации, переправы надежно прикрывались от воздушной разведки и ударов вражеской авиации истребителями и наземными средствами ПВО.

В результате принятых мер гитлеровскому командованию не удалось раскрыть планы, замыслы и масштабы готовящейся операции. Противник считал, что советские войска готовят

стратегическое наступление на центральном участке фронта. Бывший начальник штаба оперативного руководства при гитлеровской ставке генерал-полковник А. Йодль признавал: «Мы полностью просмотрели сосредоточение крупных сил русских на флангах 6-й армии. Мы абсолютно не имели представления о силе русских войск в этом районе. Раньше здесь ничего не было, и внезапно был нанесен удар большой силы, имевший решающее значение».

Со второй половины октября до середины ноября 1942 года из резерва Ставки ВГК для усиления трех фронтов было переброшено четыре танковых и два механизированных корпуса, 17 отдельных танковых бригад и полков, десять стрелковых дивизий и шесть стрелковых бригад, два кавалерийских корпуса, 230 артиллерийских и минометных полков. В результате фронты получили 900 танков, 13 500 орудий и минометов, 1 250 минометов «Катюша», 1 100 зенитных орудий. В воздушных армиях фронтов имелось свыше 1 000 самолетов.

Чтобы обеспечить своевременную перевозку резервов, было дополнительно построено шесть железнодорожных веток общей протяженностью 1100 км, восстановлено 1958 м пути и 293 моста. Только на сталинградское направление было подано около 142 000 вагонов с войсками и грузами².

Маршал Советского Союза А. Василевский пишет в своих воспоминаниях: «В результате такого быстрого наращивания сил и накопления стратегических резервов, а также с учетом серьезных потерь, которые наносили противнику наши войска в ходе стратегической обороны, на ряде участков сталинградского направления намечилось наше преимущество перед врагом. И хотя в целом по войскам сталинградских фронтов его не было... на направлениях же предстоящих ударов... удалось создать мощные ударные группировки с таким превосходством в силах над врагом, которое позволяет безусловно рассчитывать на успех»³.

Особое внимание уделялось организации взаимодействия между фронтами. В начале ноября представители Ставки ВГК генералы Г. Жуков, А. Василевский, Н. Воронов прибыли под Сталинград. Совместно с командованием фронтов, армий и соединений они провели огромную подготовительную работу. На картах, макетах и непосредственно на местности уяснялись цели операции, согласовывались действия пехоты, артиллерии, танков и авиации при прорыве обороны и развития наступления, проверялась готовность войск, уточнялись рубежи ввода в

сражение танковых и механизированных соединений, полосы их наступления.

Не имея в районе Сталинграда ощутимого превосходства над противником, советское командование решительно концентрировало силы и средства на участках прорыва обороны за счет ослабления вспомогательных направлений.

В результате проведенных перегруппировок и сосредоточения сил и средств войска Юго-Западного и Сталинградского фронтов достигли на участках прорыва превосходства над противником: в людях — в 2—2,5 раза, в артиллерии и танках — в 4—5 раз и более.⁴

Умело был определен момент перехода в контрнаступление. Немецко-фашистские войска, исчерпав свои наступательные возможности, не создали еще прочную оборону. В инженерном отношении противник оборудовал лишь тактическую зону глубиной 6 км. В оперативной глубине подготовленных оборонительных рубежей не было.

Учитывалось и то, что наиболее боеспособные немецко-фашистские дивизии втянулись в борьбу за город. Фланги их прорывали итальянские и румынские соединения. Крупными резервами гитлеровское командование не располагало. Активность же советских войск на других участках фронта не позволяла ему перебрасывать силы и средства в район Сталинграда.

Ставка ВГК определила сроки начала операции: для Юго-Западного и Донского фронтов — 9 ноября, а Сталинградского фронта — 10 ноября. В дальнейшем ввиду незавершенности сосредоточения ударных группировок фронтов сроки начала контрнаступления были перенесены на 10 суток, соответственно на 19 и 20 ноября. Это обуславливалось разной удаленностью войск от района Калача (войскам Юго-Западного фронта предстояло пройти 140 км, а Сталинградского — 90 км).

К началу контрнаступления советские войска под Сталинградом насчитывали 1 106 000 человек, 15 500 орудий и минометов, 1463 танка, 1350 боевых самолетов. Противник имел свыше 1 011 000 человек, 10 290 орудий и минометов, 675 танков и штурмовых орудий, 1216 боевых самолетов. Таким образом, соотношение между советскими войсками и войсками противника составляло: в личном составе — 1,1:1, в орудиях и минометах — 1,5:1, в танках — 2,2:1 и в авиации — 1,1:1. Это свидетельствует, что операция проводилась при очень незначительном перевесе сил в нашу пользу. Вот почему встречающиеся среди историков утверждения о якобы огромном превос-

ходстве советских войск в контрнаступлении под Сталинградом не соответствуют действительности.

Контрнаступление началось в 8 часов 50 минут 19 ноября 1942 года. Атаке предшествовала 80-минутная артиллерийская подготовка. Когда огонь был перенесен в глубину вражеской обороны, вперед устремились воины 5-й танковой армии генерала П. Романенко, 21-й армии генерала И. Чистякова и ударной группировки 65-й армии генерала П. Батова. Преодолевая ожесточенное сопротивление врага и отражая его контратаки, они за первые два часа продвинулись на глубину 2—3 км и прорвали первую позицию главной полосы обороны. Затем были введены в сражение танковые корпуса. Вместе со стрелковыми соединениями они завершили прорыв обороны 3-й румынской армии и к исходу дня продвинулись на 20—35 км. Вслед за танковыми корпусами в образовавшийся прорыв были введены кавалерийские корпуса. Они закрепляли успех танкистов и расширяли фронт наступления.

20 ноября в наступление перешли войска Сталинградского фронта. Части 57-й и 51-й армий под командованием генералов Ф. Толбухина и Н. Труфанова прорвали оборону 4-й румынской армии. В прорыв были введены механизированный и танковый корпуса.

Пока командование вермахта искало пути предотвращения надвигающейся катастрофы, наступление советских войск успешно продолжалось. Танковые и механизированные корпуса не ввязываясь в бои за населенные пункты, умело маневрируя продвигались вперед. В обороне противника началась паника.

Вот как описывает эти события первый адъютант штаба 6-й немецкой армии В. Адам: «Подхлестываемые страхом перед советскими танками, мчались на запад грузовики, легковые и штабные машины, мотоциклы, всадники и гужевого транспорта. Они наезжали друг на друга, застревали, опрокидывались, загромождали дорогу. Между ними пробирались, топтались, протискивались, карабкались пешеходы. Тот, кто спотыкался и падал на землю, уже не мог встать на ноги. Его затаптывали, переезжали, давили».

Развивая наступление в юго-восточном направлении, танковые и механизированные соединения за первые два дня продвинулись на 35—40 км. Гитлеровцы неоднократно предпринимали контратаки. Особенно упорное сопротивление было оказано 5-й танковой армии, которой командовал генерал П. Романенко. И тем не менее танкисты, избегая лобовых атак, уме-

ло маневрируя, вынуждали врага бросать заранее подготовленные укрепленные позиции и вести бой в открытом поле. Вслед за танками наступала пехота. Она уничтожала узлы сопротивления, завершала разгром группировок фашистских войск.

К утру 20 ноября 26-й танковый корпус генерала А. Родина разгромил части 1-й румынской танковой дивизии, уничтожил штаб 5-го румынского армейского корпуса, захватив много пленных. Продолжая наступление на Калач и Советский, корпус на другой день вышел к мосту через Дон. Для его захвата был выделен небольшой отряд под командованием подполковника Г. Филиппова. Советские танки ночью с включенными фарами ворвались на мост. Гитлеровцы, охранявшие его, приняли их за своих. Наши танкисты переправились через реку, уничтожили охрану и захватили мост. Организовав круговую оборону, отряд удерживал переправу до подхода главных сил. Соединения 26-го танкового корпуса, переправившись через Дон, завязали бои за Калач. 23 ноября город был освобожден.

К этому времени на левый берег Дона вышла часть сил 4-го танкового корпуса генерала А. Кравченко. Корпус с боями прорвался в район Советского, где ему предстояло встретиться с войсками Сталинградского фронта, перешедшего в наступление 20 ноября.

При окружении противника предусматривалось создание одновременно с внутренним и внешнего фронта окружения. Внутренний фронт создавали танковые и механизированные корпуса. Внешний фронт окружения образовывали стрелковые и кавалерийские соединения.

23 ноября, на пятые сутки после начала контрнаступления, танковые и механизированные части Юго-Западного и Сталинградского фронтов соединились в районе городов Калач, Советский. Они окружили 22 дивизии и более 160 отдельных частей 6-й полевой и 4-й танковой армий противника общей численностью 330 000 человек. Примеров окружения такой крупной стратегической группировки почти при равных силах история войн и военного искусства не знала. Одновременно завершилось окружение в районе Распопинская значительных сил румынских войск.

Советские кавалерийские корпуса и стрелковые соединения 1-й гвардейской, 5-й танковой и 51-й армий, развивая наступление в юго-западном и южном направлениях, создавали внешний фронт окружения всей сталинградской группировки противника. С образованием внешнего фронта окружения на

это направление выдвинулась 4-я инженерная бригада специального назначения. Ее батальоны за короткое время создали полосу заграждений по реке Чир на фронте в 30 км, установив более 20 000 противотанковых мин и несколько километров электризуемых заграждений⁴. На внутреннем фронте окружения минными полями прикрывались стыки между стрелковыми дивизиями и армиями. Здесь было установлено около 85 000 противотанковых и более 30 000 противопехотных мин.

Впервые в ходе войны возникла необходимость обеспечения взаимодействия между войсками, действующими на внутреннем и внешнем фронтах окружения. Главным управлением связи Советской Армии были разработаны основы радиосвязи на «волне встречи». Сущность этого способа заключалась в том, что соединения и части, наступавшие навстречу друг другу, должны были настроить свои радиостанции на заранее определенную волну. Каждой армии выделялся один позывной, который получали все ее соединения и части, но с добавлением к нему цифрового индекса. Это позволяло быстро определять принадлежность радиостанции и устанавливать связь между встречными соединениями и частями⁵.

Командующий 6-й немецкой армией генерал Ф. Паулюс провел 22 ноября экстренное совещание. На нем было принято решение организовать прорыв из окружения в юго-западном направлении. Советское командование учитывало, что противник попытается вырваться из «котла». Поэтому оно приказало Донскому и Сталинградскому фронтам во взаимодействии с авиацией ликвидировать вражескую группировку.

Одновременно с этим Ставка решила отодвинуть внешний фронт окружения на 150—200 км на запад, чтобы не дать немецко-фашистскому командованию возможности деблокировать оказавшихся в кольце. С этой целью войскам Юго-Западного и Воронежского фронтов приказывалось нанести два удара по сходящимся направлениям: один — на юг в общем направлении на Ростов и другой — с востока на запад в направлении Лихой. Им предстояло разгромить 8-ю итальянскую армию.

2. ОПЕРАЦИЯ «МАЛЫЙ САТУРН»

По плану советского командования операция «Сатурн» должна была начаться 10 декабря 1942 года. Однако сосредоточение войск и техники, предназначавшейся для ее проведения, не

было завершено к назначенному сроку, и начало операции было перенесено на 16 декабря.

В связи с задержкой ликвидации окруженной под Сталинградом группировки и деблокирующим ударом Э. Манштайна, а также учитывая реально сложившуюся обстановку, Ставкой ВК решено было изменить направление главного удара наступающих войск. По плану операции он намечался из района Верхнего Мамона на юг, через Миллерово на Ростов, в тыл группе армий «Юг». Теперь перед войсками была поставлена задача развивать наступление в юго-восточном направлении, в тыл деблокирующей группировке Манштайна.

13 декабря Ставка директивой на имя генералов Н. Воронова, Н. Ватутина и Ф. Голикова указала, что операция «Сатурн» была задумана при благоприятной военной обстановке, которая в дальнейшем изменилась. Поэтому предлагалось видоизменить ее и главный удар направить не на юг, а на юго-восток, чтобы «боковско-морозовскую группу противника взять в клещи, пройти по ее тылам и ликвидировать»⁶. 1-я и 3-я гвардейские армии Юго-Западного фронта должны были окружить и уничтожить войска 8-й итальянской армии и оперативной группы «Холлидт», а затем наступать на Морозовск. В то же время перед 6-й армией Воронежского фронта ставилась задача ударом из района западнее Верхнего Мамона в общем направлении на Кантемировку обеспечить наступление ударной группировки Юго-Западного фронта. 5-я танковая армия получила приказ во взаимодействии с 5-й ударной армией Сталинградского фронта разгромить противника в районах Нижне-Чирской, Тормосина, чтобы надежно изолировать окруженную группировку. Уточненный план операции получил наименование «Малый Сатурн».

Группировка противника, находившаяся перед Юго-Западным и левым крылом Воронежского фронтов, перед наступлением советских войск значительно усилилась. Так, в район Богучара были дополнительно выдвинуты 385-я пехотная и 27-я танковая немецкие дивизии. Командование вермахта продолжало пополнять и группу армий «Дон». Дополнительно прибывали войска и в состав советских фронтов.

Ударным группировкам Юго-Западного и левого крыла Воронежского фронтов на участке от Новой Калитвы до Нижне-Чирской противостояли основные силы 8-й итальянской армии, оперативная группа «Холлидт» и остатки 3-й румынской армии — всего около 27 дивизий, в том числе четыре танковые.

Советские войска по сравнению с противником имели несколько меньше людей, артиллерии, уступали в авиации, но обладали значительным превосходством в танках. Однако на направлениях главных ударов советских войск было создано подавляющее превосходство над противником.

Наступление началось 16 декабря. В 8 часов на противника обрушился мощный артиллерийский огонь. Полуторачасовая артиллерийская подготовка проходила в густом тумане, стрельба велась по площадям. Самолеты до середины дня в воздух подниматься не могли. Неприятельская огневая система не была полностью подавлена артиллерийским огнем. Все это ослабляло действия войск. В 9 часов 30 минут они устремились на вражеские позиции. Войска 6-й армии генерал-лейтенанта Ф. Харитонов и 1-й гвардейской армии генерал-лейтенанта В. Кузнецова форсировали Дон.

В результате трехдневных ожесточенных боев войска Юго-Западного и левого крыла Воронежского фронтов на нескольких направлениях прорвали сильно укрепленную оборону противника, с боями форсировали Дон и Богучарку. Главный удар был нанесен в полосе наступления 1-й гвардейской и 6-й армий. Здесь прорыв обороны противника был расширен на 60 км по фронту, а в глубину наступающие войска продвинулись до 40 км, выйдя на южный берег Богучарки. 3-я гвардейская армия прорвала оборону противника на 20 км по фронту и продвинулась до 15 км в глубину. Действия наземных войск фронтов активно поддерживали 2-я и 17-я воздушные армии.

В ходе ожесточенных боев наступающие советские войска разгромили 3-ю и 9-ю итальянские, 294-ю и 298-ю немецкие пехотные дивизии, нанесли значительный урон 52-й итальянской пехотной дивизии. Очевидец этих событий итальянский майор Д. Толлои, находившийся при штабе 8-й армии, в книге «С итальянской армией в России» пишет: «16 декабря советские войска опрокинули фронт итальянской армии... Многие штабы начали сниматься с места, теряя всякую связь с войсками. Части, атакованные танками, пытались спастись бегством враспыленную... Артиллерия и автомашины были брошены. Многие офицеры срывали с себя знаки различия, солдаты бросали пулеметы, винтовки, снаряжение».

Командование противника спешно перебрасывало на участки прорыва новые соединения из глубокого тыла и с соседних участков фронта. Советская разведка отметила появление час-

тов 385-й, 306-й пехотных и 27-й танковой немецких дивизий. Необходимо было повысить темп продвижения, чтобы не дать врагу закрепиться. Ставка Верховного Главнокомандования 19 декабря передала 6-ю армию Воронежского фронта в состав Юго-Западного фронта.

Наступление советских войск продолжало успешно развиваться. Ведущую роль в этой операции играли танковые и механизированные соединения, которые стремительно продвигались на юг и юго-восток в глубь занятой противником территории, уничтожая отступавшие колонны противника. Вслед за танковыми соединениями, используя и закрепляя их успех, двигались стрелковые войска. Наступление совершалось в условиях суровой зимы. Глубокий снежный покров и сильные морозы затрудняли движение. Однако подвижные отряды, вышедшие на автомашинах, танковые колонны, отряды кавалеристов и лыжников отрезали пути отхода поспешно отступавшему врагу, обходили его с флангов, наносили удары с тыла.

Серьезную помощь наступающим наземным войскам оказывали 17-я и 2-я воздушные армии, которые в сложных метеорологических условиях проявляли значительную боевую активность.

Войска 6-й армии продвигались на Кантемировку. Танкисты 17-го танкового корпуса генерала П. Полубоярова 19 декабря стремительным ударом овладели этим опорным пунктом. После освобождения Кантемировки корпус занял круговую оборону в ожидании подхода стрелковых соединений 6-й армии, одновременно подтягивая отставшую материальную часть и принимая меры к ее восстановлению. Подошедшая 267-я дивизия приняла оборону в Кантемировке от 17-го танкового корпуса. Танкисты устремились дальше, и 22-23 декабря корпус вел боевые действия по овладению населенными пунктами Волошино и Сулин.

В «Отчете о боевых действиях 17-го танкового корпуса за период с 16 декабря 1942 года по 5 января 1943 года», в котором подведен итог наступательным действиям корпуса с 16 по 23 декабря, записано следующее: «Приказ командующего и Ставки был выполнен полностью. За восемь дней непрерывных ожесточенных боев корпус, находясь под огневым воздействием противника и преодолевая танковые препятствия, совершил марш в глубину обороны противника на 200 км. Ломая узлы сопротивления, опорные пункты против-

ника, части корпуса освободили около 200 населенных пунктов, нанеся большой ущерб противнику, захватив богатейшие трофеи»⁷.

Особенно высокий темп наступления имел 24-й танковый корпус, которым командовал генерал-майор танковых войск В. Баданов. «Обстановка требовала от войск быстрых и внезапных действий, высоких темпов продвижения и стремительных ударов, проявления искусства в маневре и ведении боя... 24-й танковый корпус наступал по двум маршрутам и в двух эшелонах... На танках имелся десант мотопехоты... Чтобы скрыть наше перемещение, нам приходилось совершать длинные рейды ночью, а днем мы стремились двигаться небольшими группами, перекатами от одного укрытия к другому... За шесть дней этого стремительного наступления мы продвинулись на 240—300 км»⁸, — писал впоследствии генерал В. Баданов.

Введенный в сражение 19 декабря корпус за пять суток продвинулся на глубину около 240 км, успешно громя тылы 8-й итальянской армии. 22 декабря части корпуса вели бои в районе Большеинка, Ильинка, где захватили значительное число пленных. К исходу следующего дня корпус занял Скосырскую. Противник отошел на Морозовск, оставаясь в тылу и на фланге войск Баданова при их движении на Тацинскую.

Надвинулась ночь, когда закончился бой в Скосырской. Материальную часть нужно было приводить в порядок, а личный состав нуждался в отдыхе. Однако корпус должен был незамедлительно выполнять поставленную перед ним задачу по овладению Тацинской.

В 2 часа 24 декабря части корпуса, не имея времени на приведение матчасти в порядок, с малым количеством боеприпасов и горючего, выступили из района Скосырская. На рассвете корпус занял исходное положение для атаки железнодорожной станции Тацинской и аэродрома. Густой туман облегчал скрытность подхода советских войск. Появление корпуса для немцев было неожиданным. Личный состав аэродрома был еще в землянках. Артиллеристы зенитных частей, прикрывающие аэродром и станцию Тацинскую, не были у орудий. Гарнизон противника мирно спал.

В 7 часов 30 минут части корпуса перешли в атаку. 130-я танковая бригада, действуя с юга и юго-востока, перерезала железную дорогу Морозовск—Тацинская и перекресток шоссе с железными дорогами юго-восточнее Тацинской. К 9 часам бригада вы-

шла на аэродром и уничтожила самолеты противника и застигнутый врасплох летный состав. 2-й танковый батальон этой бригады захватил железнодорожную станцию Тацинскую, уничтожив стоящие на путях эшелон с самолетами и эшелон с цистернами горючего. 4-я гвардейская танковая бригада, нанеся удар с севера и северо-запада, атаковала поселок Таловский и вышла на северную окраину Тацинской, обеспечивая продвижение на этом направлении двух мотострелковых рот. 54-я танковая бригада, атакуя с запада и юго-запада, вышла на южную окраину Тацинской, в район аэродрома.

Немецкое командование приняло срочные меры к восстановлению положения в Скосырской и Тацинской. В 11 часов противник силами 11-й танковой дивизии атаковал Скосырскую и овладел ею. Находящиеся там тылы корпуса и оставшиеся для ремонта танки отошли после боя в Ильинку. Попытка 22 немецких танков с десантом пехоты прорваться на Тацинскую была отражена. Противник был отбит и повернул обратно, оставив на поле боя шесть сожженных танков. В 17 часов части корпуса, полностью очистив от врага поселок Тацинская, железнодорожную станцию и аэродром, заняли круговую оборону. В ходе боя гарнизон противника был уничтожен. Среди трофеев было свыше 300 самолетов, не успешных подняться с аэродрома или захваченных в железнодорожных эшелонах.

С занятием советскими войсками станции Тацинская была перерезана важнейшая железнодорожная коммуникация Лихая—Сталинград, по которой фашистское командование завершало сосредоточение войск группы «Холлидт» и обеспечивало их снабжение всем необходимым для ведения боевых действий. Противник вынужден был отказаться от своего замысла бросить войска оперативной группы «Холлидт» и 48-го танкового корпуса на освобождение окруженных войск Паулюса и стал использовать их против наступающих войск Юго-Западного фронта.

Используя успешные действия танковых корпусов, стрелковые войска 1-й гвардейской армии 22 декабря окружили в районе Арбузовка, Журавка крупные силы 8-й итальянской армии: 3-ю, 9-ю, 52-ю итальянские, 298-ю немецкую пехотные дивизии, итальянские пехотные бригады «23 марта» и «3 января». Группировка врага была расчленена и 24 декабря полностью капитулировала. 15 000 солдат и офицеров противника были взяты в плен.

В сложившейся обстановке командование противника стало спешно перебрасывать в полосу Юго-Западного фронта войска, предназначавшиеся для деблокирующего удара на Сталинград. В составе оперативной группы «Холлидт» была образована новая группа «Пфейфер», занявшая оборону в районе Скосырской.

Для восстановления положения в район Миллерово был переброшен 24 декабря от Ворошиловграда и Каменска-Шахтинского 30-й немецкий корпус под командованием генерала Фреттер-Пико, затем названный армейской группой Фреттер-Пико. Управлению 30-го корпуса были подчинены: переброшенная из Франции в район Каменска вновь сформированная 304-я пехотная дивизия; группа Крейзинг (ее ядро состояло из частей 3-й горной дивизии); остатки 29-го корпуса; остатки 298-й пехотной дивизии, действовавшей севернее Миллерово.

Всего противнику удалось дополнительно направить против наступающих войск Юго-Западного фронта восемь дивизий.

Сражение на Среднем Дону приняло еще более упорный характер. Спротивление врага возросло. С наибольшим ожесточением развернулись бои в районах южнее Чертково, Миллерово, Тацинской и севернее Морозовска. Используя вновь подошедшие соединения, противник создал превосходство в силах, особенно в танках и авиации, на ряде участков сражения. Подвижные соединения Юго-Западного фронта, действующие в большом отрыве от баз снабжения, оказались в сложном положении.

Дальнейшее развитие событий показало, что и в изменившейся обстановке войска Юго-Западного фронта обеспечили успешное выполнение основного замысла операции. Командующий фронтом генерал-полковник Н. Ватутин приказал 6-й и 1-й гвардейской армиям удерживать занимаемые позиции, закончить ликвидацию войск противника, блокированных в районах Гартмашевки, Черткова, овладеть Миллерово и завершить выход на рубеж Волошино, Никольская, Ильинка, Тацинская. 3-я гвардейская армия должна была овладеть районом Скосырской и соединиться с 24-м танковым корпусом в Тацинской. 5-я танковая армия, скованная севернее Тормосина упорными боями с 48-м немецким танковым корпусом, имела прежнюю задачу. 5-я ударная армия, переданная 26 декабря в состав Юго-Западного фронта, должна была вести бои по уничтожению врага в районе Нижне-Чирской.

Убедительным примером возросшего боевого мастерства

советских войск являлись действия 24-го танкового корпуса. На следующий же день после занятия Тацинской он был окружен крупными силами врага. В течение всего дня 27 декабря корпус вел тяжелые оборонительные бои в окружении. Когда врагу удалось вклиниться в оборону 24-й мотострелковой бригады, 130-я танковая бригада получила задачу контратаковать противника. Завязался ожесточенный танковый бой, в итоге которого враг отошел, потеряв семь танков. Противник, несмотря на огромные потери, продолжал атаковать позиции корпуса.

При отражении вражеских атак использовали захваченные орудия и снаряды. Однако недостаток боеприпасов ощущался все более остро. В 22 часа генерал Баданов создал командиров частей, которые доложили о потерях личного состава и материальной части. Командир корпуса принял решение продолжать оборонять Тацинскую.

Соседние 25-й танковый и 1-й гвардейский механизированный корпуса не смогли пробиться на помощь 24-му танковому корпусу. Генерал Баданов в 2 часа 28 декабря отдал приказ — с боем выходить из окружения. Установлен был порядок движения, вывоза материальной части и раненых. В ту же ночь корпус внезапным ударом протаранил фронт противника и вышел из окружения на свои тылы в район Ильинки. Корпус имел незначительные потери.

На правом крыле Юго-Западного фронта противник, подтянув резервы, контратаковал стрелковые соединения 6-й и 1-й гвардейской армий. Однако добиться успеха враг не сумел. Отбрасывая его, стрелковые дивизии продвигались вслед за подвижными войсками.

Из Ставки Верховного Главнокомандования 28 декабря 1942 года И.В. Сталин и Г.К. Жуков по прямому проводу переписывали Н. Ватутину: «Вы правильно поступили, что разрешили Баданову в самом крайнем случае покинуть Тацинскую»⁹.

К концу дня 31 декабря войска Юго-Западного фронта продвинулись на глубину до 200 км и вышли на рубеж Новая Капитва — Высочинов — Беловодск — Волошино — Миллерово — Ильинка — Скосырская — Чернышковский, где они прочно закрепились.

В ходе наступления советские войска освободили 1264 населенных пункта и нанесли большой урон врагу. Разгромлены были основные силы 8-й итальянской армии, оперативной группы «Холлидт» и 3-я румынская армия. Противнику так и

не удалось создать ударную группировку в районе Тормосина, ибо имевшиеся здесь войска по частям рассредоточивались в районе Среднего Дона (Морозовск, Тацинская).

Войска Юго-Западного и часть сил Воронежского фронтов за период декабрьского наступления полностью уничтожили пять итальянских дивизий и три бригады, разгромили шесть немецких дивизий. Кроме того, четырем пехотным, двум танковым немецким дивизиям было нанесено серьезное поражение. В этих боях советские войска взяли в плен 60 000 солдат и офицеров, захватили в качестве трофеев 368 самолетов, 176 танков и 1927 орудий.

В результате проведения советскими войсками операции «Малый Сатурн» в районе Среднего Дона противник лишился возможности оказать помощь окруженной под Сталинградом группировке с запада, а его наступление с юга, из района Котельниково, было значительно ослаблено.

3. ОПЕРАЦИЯ «КОЛЬЦО»

Эта операция явилась завершающим этапом Сталинградской битвы. Она проводилась с 10 января по 2 февраля 1943 года. В соответствии с замыслом операции предусматривалось вначале разгромить противника в западной и южной частях кольца окружения. Затем, нанеся удар по его группировке в направлении с запада на восток, расколоть ее на две части и ликвидировать их порознь.

И.В. Сталин торопил командование с реализацией этого плана. Ликвидация «котла» до начала вражеского деблокирующего удара казалась весьма заманчивой. Поэтому Ставка Верховного Главнокомандования решила быстрее ликвидировать окруженную группировку. На проведение операции первоначально отводилось всего «пять—шесть дней»¹⁰. Объясняя столь короткие сроки, Маршал Советского Союза А.М. Василевский писал в своих воспоминаниях: «Дело в том, что в наших исходных расчетах, за которыми последовало решение Ставки на уничтожение окруженного противника с ходу, была допущена серьезная ошибка... мы определяли в то время общую численность окруженной группировки, которой командовал Паулюс, в 85—90 тыс. человек. Фактически же в ней насчитывалось более 300 тыс. Значительно преуменьшенными были наши представления и в отношении боевой техники, вооружения, особенно артиллерии и танков»¹¹.

К началу января численность окруженной вражеской группировки составляла после ожесточенных декабрьских боев 250 000 человек, около 5 000 орудий и минометов, до 300 танков. Советским войскам противостояли 15 пехотных, три моторизованные, три танковые и одна кавалерийская дивизии. Помимо этого, у противника имелось много отдельных частей различных родов войск. Немецкие войска сильно укрепили свою оборону. В главной полосе и на промежуточных рубежах было создано большое число опорных пунктов и узлов сопротивления. Их сеть простиралась вплоть до самого Сталинграда. Противник широко применял различные заграждения, минирование подходов к опорным пунктам. Для обороны было приспособлено буквально все: железнодорожные насыпи, вышедшие из строя танки, паровозы, вагоны.

Однако обреченность окруженной группировки с каждым днем становилась все более очевидной. Боеприпасы, горючее были на исходе, не хватало продуктов. После провала наступления Манштейна исчезли все иллюзии о помощи извне. Попытки снабжать окруженные войска по воздуху не приносили ожидаемых результатов.

Советское командование умело организовало и осуществило воздушную блокаду войск Паулюса. Вермахт, стремясь оказать им помощь, привлек более 1200 самолетов транспортной и бомбардировочной авиации для доставки по воздуху боеприпасов, горючего и продовольствия. Для борьбы с немецкой авиацией было создано четыре зоны. В первой — уничтожалась авиация противника на аэродромах, находившихся за внешним фронтом окружения. Для этого использовались фронтовая авиация и авиация дальнего действия. Во второй — велась борьба с авиацией противника в воздухе между внешним и внутренним фронтами окружения. Зона была круговой и делилась на пять секторов, за каждый из которых несли ответственность одна авиационная истребительная дивизия. Третья зона — шириной 8—10 км проходила вокруг окруженной группировки противника, борьбу в ней вела зенитная артиллерия. И наконец, четвертая включала весь район окружения. В ней авиация врага уничтожалась в воздухе и на посадочных площадках советской авиацией и артиллерией фронта. В результате воздушной блокады было уничтожено более 1 000 самолетов противника¹².

План гитлеровского командования организовать «воздушный мост» для снабжения своих окруженных войска всем необ-

ходимым был сорван. В результате с 24 ноября 1942 года до середины января 1943 года авиация доставляла к группировке Паулюса в среднем менее 100 тонн различных грузов в сутки (в то время как суточная потребность составляла около 1000 тонн). Командование 6-й армии вынуждено было изо дня в день уменьшать нормы снабжения войск. Впоследствии Ф. Паулюс свидетельствовал, что в дни перед капитуляцией все генералы и офицеры его армии получали 150, а солдаты — 50 граммов хлеба в день.

Задача по ликвидации окруженного противника целиком возлагалась на Донской фронт (командующий — генерал К.К. Рокоссовский). Ставка усилила его новыми соединениями, преимущественно артиллерийскими, а с 1 января 1943 года в него были включены 62-я, 64-я и 57-я армии Сталинградского фронта¹³, действовавшие на внутреннем фронте. Сталинградский фронт был переименован в Южный.

Общее соотношение сил не имело «огромного превосходства» советской стороны над противником, как утверждают некоторые авторы¹⁴. В полосе Донского фронта советские войска на 10 января имели: людей — 212 000, противник — 250 000, соответственно орудий и минометов — 6860 и 4130, танков — 257 и 300, боевых самолетов — 300 и 100. Таким образом, советские войска имели превосходство по орудиям и минометам (более чем в полтора раза) и особенно по самолетам (в три раза). Враг обладал численным превосходством в людях (1,2:1) и танках (1,2:1)¹⁵. Конечно, боеспособность наступающих войск Донского фронта была значительно выше боеспособности блокированной армии Паулюса.

На направлении главного удара создано было решающее преобладание сил и средств над противником. Так, в полосе наступления 65-й армии советские войска имели: людей — 62 000, противник — 31 000 (2:1), орудий и минометов — соответственно 2428 и 638 (4:1), танков — 127 и 102 (1,2:1)¹⁶.

Главный удар наносила 65-я армия, усиленная танками и особенно артиллерией. С ней взаимодействовала 21-я армия генерала И.Чистякова. 24-я армия генерала И.Галанина обеспечивала наш левый фланг.

Советское командование, желая избежать напрасного кровопролития, 8 января 1943 г. предложило войскам Ф. Паулюса капитулировать.

Ультиматум содержал следующий текст:

«Командующему окруженной под Сталинградом 6-й гер-

манской армией генерал-полковнику Паулюсу и его заместителю.

6-я германская армия, соединения 4-й танковой армии и приданные им части усиления находятся в полном окружении с 23 ноября 1942 года.

Части Красной Армии окружили эту группировку германских войск плотным кольцом. Все надежды на спасение ваших войск путем наступления германских войск с юга и юго-запада не оправдались. Спешившие вам на помощь германские войска разбиты Красной Армией, и остатки этих войск отступают на Ростов. Германская транспортная авиация, перевозящая вам ту же норму продовольствия, боеприпасов и горючего, в связи с успешным стремительным продвижением Красной Армии вынуждена часто менять аэродромы и летать в расположение окруженных издалека. К тому же германская транспортная авиация несет огромные потери в самолетах и экипажах от русской авиации. Ее помощь окруженным войскам становится неэффективной.

Положение ваших окруженных войск тяжелое. Они испытывают голод, болезни и холод. Суровая русская зима начинается; сильные морозы, холодные ветры и метели еще впереди, а ваши солдаты не обеспечены зимним обмундированием и находятся в тяжелых антисанитарных условиях.

Вы, как командующий, и все офицеры окруженных войск отлично понимаете, что у Вас нет никаких реальных возможностей прорвать кольцо окружения. Ваше положение безнадежное, и дальнейшее сопротивление не имеет никакого смысла.

В условиях сложившейся для Вас безвыходной обстановки, во избежание напрасного кровопролития, предлагаем Вам принять следующие условия капитуляции:

1. Всем германским окруженным войскам во главе с Вами и Вашим штабом прекратить сопротивление.

2. Вам организованно передать в наше распоряжение весь личный состав, вооружение, всю боевую технику и военное имущество в исправном состоянии.

Мы гарантируем всем прекратившим сопротивление офицерам, унтер-офицерам и солдатам жизнь и безопасность, а после окончания войны возвращение в Германию или в любую страну, куда изъявят желание военнопленные.

Всему личному составу сдавшихся войск сохраняем воен-

ную форму, знаки различия и ордена, личные вещи, ценности, а высшему офицерскому составу и холодное оружие.

Всем сдавшимся офицерам, унтер-офицерами и солдатам немедленно будет установлено нормальное питание.

Всем раненым, больным и обмороженным будет оказана медицинская помощь.

Ваш ответ ожидается в 15 часов 00 минут по московскому времени 9 января 1943 года в письменном виде через лично назначенного представителя, которому надлежит следовать в легкой машине с белым флагом по дороге разъезд Конный — ст. Котлубань.

Ваш представитель будет встречен русскими доверенными командирами в районе «Б» 0,5 км юго-восточнее разъезда 564 в 15 часов 00 минут 9 января 1943 года.

При отклонении Вами нашего предложения о капитуляции предупреждаем, что войска Красной Армии и Красного Воздушного Флота будут вынуждены вести дело на уничтожение окруженных германских войск, а за их уничтожение Вы будете нести ответственность.

*Представитель Ставки Верховного Главного Командования
Красной Армии генерал-полковник артиллерии ВОРОНОВ
Командующий войсками Донского фронта
генерал-лейтенант РОКОССОВСКИЙ*

Условия капитуляции, предложенные советским командованием, были доложены через немецкого офицера лично генерал-полковнику Паулюсу. Как раз в это время на аэродром в Питомнике приземлился самолет, доставивший командира 14-го танкового корпуса генерала Хубе. Он вернулся в «котел» из ставки Гитлера, куда 28 декабря вылетал для получения награды и где по поручению Паулюса докладывал фюреру о положении окруженных войск. Хубе привез приказ Гитлера продолжать сопротивление до нового деблокирующего наступления войск вермахта.

Призывы к гуманности не были приняты немецким командованием, которое тогда уже понимало, что надежды вырваться из окружения нет. Оно стало виновником тяжелых страданий своих солдат и офицеров от холода, голода и гибели многих в последующих сражениях.

Утро 10 января выдалось ясное, солнечное. Ровно в 8 часов 05 минут взвилась в воздух серия сигнальных ракет и загрочала советская артиллерия. В среднем на каждый километр фронта прорыва приходилось до 200 стволов.

В 9.00 прогремел залп реактивных установок — сигнал атаки. Артиллерия перенесла огонь в глубину. Танки с десантом перескакивали через передний край. За ними устремилась пехота. Огневой вал был спланирован до полутора километров, затем многие орудия двинулись в наступающих боевых порядках. Корректировщики тяжелых и реактивных дивизионов садились в танки и оттуда по радио управляли огнем поддерживающей артиллерии. Где орудия не могли пройти, танки брали их на буксир, а орудийные расчеты — на броню. Когда сильный огонь противотанковых средств противника сдерживал движение подразделений, артиллеристы разворачивали орудия и расчищали путь танкистам и пехоте. Авиация наносила бомбовые и штурмовые удары по скоплениям вражеских войск, его опорным пунктам.

Наступление велось днем и ночью. К вечеру 12 января 65-я и 21-я армии, взаимодействуя на смежных флангах, завершили разгром двух пехотных и одной моторизованной дивизий врага, оборонявших так называемый Мариновский выступ. Советские войска вышли на рубеж реки Россошка. Западный участок фашистской обороны был срезан. Внешний оборонительный обвод оказался позади.

К этому времени сильный удар по врагу нанесли на южном фланге кольца 57-я армия генерала Ф. Толбухина и 64-я армия генерала М. Шумилова. В этой обстановке командующий фронтом принял решение перенести направление главного удара в полосу 21-й армии. Она наносила удар на станцию Воронаново. В общем направлении на Питомник, Гумрак, Городище, завод «Баррикады» наступала 65-я армия. Теснили врага и другие армии фронта.

По мере продвижения советских войск положение противника все более ухудшалось. Он терял последние аэродромы и посадочные площадки. Прорваться к ним удавалось лишь отдельным самолетам.

Нелегко было и советским войскам. Мороз достигал 20 градусов, усилились метели. Днем и ночью солдаты находились в поле, на пронизывающем ветру. Не всегда можно было подвезти горячую пищу, но люди стремились вперед. Траншеей за траншеей, дот за дотом отбивали воины. Каждый шаг стоил им крови.

Утром 15 января наступающие советские войска захватили аэродром Питомник. Здесь произошла встреча 65-й и 24-й армий. Штаб Паулюса переместился еще ближе к Сталинграду.

Общая площадь района окружения значительно сократилась. Однако главное командование вермахта продолжало требовать от своих войск борьбы до конца. «Капитуляция исключена», — вновь указывал Гитлер.

Преодолев сильно укрепленный средний оборонительный обвод, советские войска 17 января подошли к внутреннему оборонительному обводу. На этом этапе операции генерал Рокоссовский поставил перед 65-й и 21-й армиями задачу расколота прижатую к городу вражескую группировку. После короткой артподготовки войска устремились вперед.

Под их натиском враг продолжал поспешно отходить. Целые части и даже соединения сдавались в плен. За 16 дней — 10 по 25 января — противник потерял свыше 100 000 человек убитыми, ранеными и пленными. Советские войска подошли к юго-западной и западной окраине Сталинграда, бои шли на улицах города. Территория, занимаемая немцами, еще более сократилась. Ее протяженность с севера на юг составляла 20 км, а с запада на восток — всего 3,5 км. †

24 января Паулюс доносил в гитлеровскую ставку: «Ввиду вклинения противника на многих участках фронт разорван. Опорные пункты и укрытия есть только в районе города, дальнейшая оборона бессмысленна. Катастрофа неизбежна. Для спасения еще оставшихся в живых людей прошу немедленно дать разрешение на капитуляцию»¹⁷.

Гитлер ответил на следующий день: «Запрещаю капитуляцию! Армия должна удерживать свои позиции до последнего человека и до последнего патрона».

Командование 6-й армии продолжало беспрекословно подчиняться приказам Гитлера, обрекая на гибель свои войска бесцельно затягивая кропопролитные бои.

25 января войска 21-й армии под командованием генерала И. Чистякова ворвались в Сталинград с запада. В это же время с востока усилила натиск 62-я армия генерала В. Чуйкова. В первой половине дня 26 января наступающие навстречу друг другу армии соединились в районе Мамаева Кургана. В результате вся окруженная группировка была расчленена на две части: южную (центральная часть города) и северную (район заводов «Баррикады» и Тракторного). †

В Центральном архиве Министерства обороны России хранится донесение командования Донского фронта на имя начальника Генерального штаба Красной Армии: «27 января 1943 года. По донесению командующего 57-й армией вечером

26.1. командующий окруженной 6-й немецкой армии генерал-полковник Паулюс выслал... своего парламентаря для ведения переговоров. У выделенного представителя от 57-й армии были запрошены письменные полномочия на предмет ведения переговоров о сдаче 6-й немецкой армии.

Окончательная встреча представителей обеих сторон была назначена на 8.00 21.1.43 в пункте на р. Царица.

Уполномоченным с нашей стороны для ведения переговоров был выделен... подполковник Русских, который получил указания предъявить условия сдачи на основе ранее предъявленного ультиматума; одновременно с этим войскам Донского фронта был отдан приказ с 8.00 27.1 и до окончания переговоров огонь прекратить, имея все огневые средства пехоты и всю артиллерию в готовности обрушиться на противника массой огня в случае его отказа от сдачи в плен, с целью полного уничтожения окруженной вражеской группировки.

В 8.00 27.1 представитель 57-й армии подполковник Русских встретился с представителем генерал-полковника Паулюса. Тот заявил, что, так как до сих пор генералом Паулюсом не получено указаний от Гитлера, он отказывается вести переговоры о сдаче 6-й немецкой армии, после чего подполковник Русских предъявил ультиматум.

В связи с отказом командующего 6-й немецкой армией от сдачи в плен войскам Донского фронта было приказано возобновить боевые действия с целью выполнения прежней задачи — полного уничтожения окруженной группировки противника.

В 10.00—11.00 все армии фронта боевые действия возобновились»¹⁸.

Войска 64-й, 57-й и 21-й армий приступили к ликвидации южной группы врага. Нанося удары с юго-запада и северо-запада, наступающие сжимали кольцо окружения. В ночь на 29 января 1943 года, преодолев рубеж реки Царицы, соединения 64-й армии прорвались в центр города. 31 января враг вынужден был сложить оружие. †

При ликвидации южной группы в подвалах здания университета на площади Павших борцов 31 января воины 38-й мотострелковой бригады полковника И. Бурмакова и 329-го инженерного батальона майора А. Сычева из 64-й армии пленили штаб 6-й армии и ее командующего Ф. Паулюса, которого Гитлер накануне произвел в фельдмаршалы.

Необходимо было заставить сложить оружие и северную

группу войск противника. Решить эту задачу должны были войска 62-й, 65-й и 66-й армий. Утром 1 февраля на врага были обрушены мощные удары артиллерии и авиации. На многих участках, занимаемых противником, появлялись белые флаги. 2 февраля 1943 года северная группа фашистских войск также капитулировала. Свыше 40 000 солдат и офицеров во главе с генералом Штреккером прекратили сопротивление. /

В этот день, в 18 часов 30 минут представитель Ставки Верховного Главнокомандования маршал артиллерии Н. Воронов и командующий войсками Донского фронта генерал-полковник К. Рокоссовский направили Верховному Главнокомандующему Вооруженными Силами СССР И.В. Сталину следующее донесение: «Выполняя Ваш приказ, войска Донского фронта в 16.00 2.И.43 г. закончили разгром и уничтожение окруженной сталинградской группировки противника.

Полностью уничтожены и частично пленены: 11 армейский корпус, 8 армейский корпус, 14 танковый корпус, 51 армейский корпус, 4 армейский корпус, 48 танковый корпус в составе 22 дивизий: 44, 71, 76, 79, 94, 100 легкой, 113, 376, 295, 297, 305, 371, 384, 389 пехотных дивизий; 3, 29 и 60 моторизованных дивизий; 14, 16 и 24 танковых немецких дивизий; 1 кавалерийской и 20 пехотной румынских дивизий.

Кроме того, уничтожены части усиления:

- а) 42, 44, 46, 59, 61, 65, 72 артиллерийские полки РГК; 1/97 АП, 43, 639, 733, 856, 855, 861 артдивизионы РГК; 243 дивизион штурмовых орудий; 2 и 51 минометные полки РГК 6-ти ствольных минометов; 9, 12, 25, 30, 37, 91 зенитные дивизионы разных полков, отдельные части которых действуют на других фронтах.
- б) 45, 71, 294, 336, 652, 672, 685, 501 отдельные саперные батальоны и 1 отдельный саперный батальон без номера.
- в) 21, 40, 540, 539 отдельные строительные батальоны.
- г) 6 полк связи и, предположительно, 594 полк связи.
- д) 7 и 28 дивизионы артиллерийской инструментальной разведки (АИР).
- е) Много мостовых колонн и других обслуживающих частей.

Захвачено свыше 91 000 пленных, из них более 2500 офицеров и 24 генерала, из которых: генерал-фельдмаршал — 1, ге-

нерал-полковник — 2, остальные генерал-лейтенанты и генерал-майоры.

В связи с полной ликвидацией окруженных войск противника боевые действия в городе Сталинграде и в районе Сталинграда прекратились.

Подсчет трофеев продолжается»¹⁹.

Контрнаступление советских войск завершилось блестящей победой, которая имела определяющее значение не только для дальнейшего хода Великой Отечественной, но и второй мировой войны в целом.

Непосредственным результатом трех успешно проведенных операций «Уран», «Малый Сатурн» и «Кольцо» явился разгром 6-й полевой и 4-й танковой немецких армий, 3-й и 4-й румынских и 8-й итальянской армий. Потери войск противника с 19 ноября 1942 года по 2 февраля 1943 года составили свыше 800 000 человек, до 2 000 танков и штурмовых орудий, более 10 000 орудий и минометов, около 3 000 боевых и транспортных самолетов. Вермахт полностью лишился 32 дивизий и 3 бригад, а 16 его дивизиям было нанесено тяжелое поражение. «Поражение под Сталинградом, — писал гитлеровский генерал Вестфаль, — повергло в ужас как немецкий народ, так и его армию. Никогда прежде за всю историю Германии не было случая столь страшной гибели такого количества войск».

В результате победы под Сталинградом стратегическая инициатива прочно и окончательно перешла к Советской Армии, были созданы благоприятные условия для развертывания общего стратегического наступления и массового изгнания фашистских захватчиков с оккупированной ими территории. Разгром вражеских войск на Волге и Дону способствовал укреплению антифашистской коалиции, активизации операций англо-американских армий и усилению движения Сопротивления в странах Европы. \

ПРИМЕЧАНИЯ

¹⁹ Луков Г. Воспоминания и размышления. М., 1978. Т. 2. С. 75-76.

История второй мировой войны 1939-1945. М., 1976. Т. 6. С. 33, 39.

Василевский А.М. Дело всей жизни. М., 1974. С. 221, 225.

¹ ЦАМО. Ф. 69, оп. 14069, д. 151, л. 5.

ЦАМО. Ф. 71, оп. 12191, д. 70, л. 184.

ЦАМО. Ф. 132-А, оп. 2642, д. 32, л. 211-212.

ЦАМО. Ф. 665, оп. 81153, д. 1, л. 47.

- ⁸ Сталинградская эпопея. М., 1968. С. 626–629.
- ⁹ ЦАМО. Ф. 96, оп. 2011, д. 26, л. 206.
- ¹⁰ ЦАМО. Ф. 132-А, оп. 2642, д. 32, л. 220.
- ¹¹ Военно-исторический журнал. 1966, № 1. С. 15–16.
- ¹² Военное искусство во второй мировой войне и в послевоенный период (Стратегия и оперативное искусство) / Воен. акад. Генер. штаба Вооруж. Сил СССР. М., 1986. С. 54–55.
- ¹³ ЦАМО. Ф. 132-А, оп. 2642, д. 32, л. 255.
- ¹⁴ Дёрр Г. Поход на Сталинград (Оперативный обзор). Перев. с немецкого. М., 1957. С. 120.
- ¹⁵ Великая победа на Волге. М., 1965. С. 443.
- ¹⁶ Там же. С. 444.
- ¹⁷ Дёрр Г. Поход на Сталинград. С. 121.
- ¹⁸ ЦАМО. Ф. 206, оп. 262, д. 180, л. 121–122.
- ¹⁹ ЦАМО. Ф. 243, оп. 616. д. 4, л. 40.

Манфред Кериг

6-Я АРМИЯ В СТАЛИНГРАДСКОМ КОТЛЕ

1. КРИЗИС УЖЕ НАСТУПИЛ: В КАНУН СОВЕТСКОГО КОНТРНАСТУПЛЕНИЯ

Когда ранним утром 19 ноября 1942 года началось крупное советское наступление на Дону против немецкого союзника — и румынской армии, это не явилось для немецкой стороны неожиданным¹. Уже 29 августа 1942 года отдел по изучению иностранных армий на Востоке Генерального штаба германских сухопутных войск впервые указал на то, что к зиме русская армия хотя и будет ослаблена, но отнюдь не разбита и ее командованию предоставятся немалые возможности проводить против вермахта и его союзников наступательные операции оперативного характера. Отдел полагал, что главный удар этих операций будет наноситься на участке группы армий «Б» — с целью отбить Сталинград и повести наступление на Ростов, что имело бы для советских войск значительный военный, экономический и политико-пропагандистский эффект. Опасность для протяженного, преимущественно удерживаемого союзниками немцев фланга на Дону, где все отчетливее вырисовывались его слабые места, умножалась, согласно выводам отдела, еще и тем, что разворачиванию советских сил способствовала структура шоссейных и железных дорог, равно как и протяженные лесные массивы, облегчавшие скрытый подвод войск. Эта оценка разведотделом Генштаба положения противника — оно обозначилось таким уже в июне 1942 года — не претерпела в принципе никаких изменений и к 19 ноября. Тем не менее в начале октября 1942 года имеет место важное смещение акцента — теперь, исходя из анализа распределения сил, отдел

приходит к однозначному выводу, что главным объектом советских осенних и зимних операций будет участок группы армий «Центр»; однако одновременно отмечается, что в дальнейшем следует считаться и с возможностью наступательных операций на Дону с их последующими далеко идущими целями. На это обращал внимание в первую очередь начальник 1-го отдела радиоразведки: речь шла о значительной перегруппировке советских войск между Доном и Волгой и образовании советских плацдармов под Клетской, на стыке между 6-й немецкой армией и 3-й румынской армией, и под Серафимовичем, в районе большой излучины Дона; усиленное наведение мостов через Дон и Хопер свидетельствовало о советских наступательных намерениях на донском фланге.

К концу октября уверенность немецкой стороны в том, что советские войска готовятся к наступлению на Дону, еще более укрепились, однако меры по его отражению были приняты весьма скромные, поскольку вследствие общей нехватки взятых силы для обороны, достаточные и по численности, и по мощи, было просто неоткуда. Амбивалентная позиция Гитлера — с одной стороны, публично провозглашенная им уверенность в победе, а с другой — неуверенность в боеспособности итальянцев и румын² на Дону — имела все же своим следствием переброску 22-й танковой и 298-й пехотной дивизий за позиции 8-й итальянской армии, а также оборудование двух отсечных позиций — под Клетской и Большим — за районом расположения 3-й румынской армии. Именно в неуверенности в союзниках следует видеть и одну из причин того, почему Гитлер постоянно настаивал на скорейшем захвате Сталинграда — высвободившиеся танковые и моторизованные дивизии планировалось затем дислоцировать на наиболее уязвимых участках фронта.

Протяженный донской фланг вызывал, разумеется, постоянную озабоченность и у командования группы армий «Б», и у командования 6-й армии. Начальник разведотдела группы армий «Б» полковник фон Фрайтаг-Лорингхофен посвятил подробную памятную записку, датированную началом октября 1942 года, опасности советского прорыва на Дону, который будет иметь своей тактической целью окружение 6-й армии, а оперативной целью — последующий прорыв в направлении Ростова и разгром южного фланга всего немецкого Восточного фронта. Начальник штаба 6-й армии генерал-майор Артур Шмидт считал, что зимой «в значительной степени вероятно» возможность окружения 6-й армии; столь критическим поло-

жение своей армии он усматривал еще и потому, что предвиденная опасность ее охвата с двух сторон, т.е. и одновременный прорыв на ее южном фронте, на участке 4-й танковой армии. И хотя разведотдел Генштаба и командование группы армий «Б» не разделяли этих опасений, мнение Шмидта было поддержано командующим 4-й танковой армией генерал-полковником Готом, с чьими танками в авангарде 4-я румынская армия вышла в калмыцкие степи южнее Сталинграда. В своем донесении командованию группы армий, а также Генштабу Гот указывал, что, если между румынскими соединениями не будет «прокладок» в виде немецких дивизий, дело может кончиться катастрофой. Следствием такой оценки ситуации стало предложение командования 6-й армии во второй половине октября о прекращении атакующих действий в Сталинграде, отводе на позиции по линии Дон — Чир и переводе 14-го танкового корпуса в резерв. Все эти предложения Гитлером были безоговорочно отвергнуты. Но опять же и тут вновь проявилась амбивалентность его позиции: в первые дни ноября он приказывает перебросить с Западного фронта в район действий группы армий «Б» 6-ю танковую и 306-ю пехотную дивизии, а также еще несколько пехотных дивизий и распоряжается держать их наготове в качестве резерва за позициями 8-й итальянской и 3-й румынской армий. Отдав этот приказ, Гитлер выезжает из своей Ставки в Мюнхен, где 8 ноября 1942 года произносит перед ветеранами партии знаменитую речь, в которой заявляет, что Сталинград уже взят, а Советская Армия разбита.

Однако 7 ноября 1942 года ситуация для немецкой стороны изменилась самым драматическим образом. Радиоразведкой были получены новые доказательства того, что идет крупномасштабное развертывание советских соединений на плацдармах у Клетской, Серафимовича и Большого, на основании чего разведотдел Генштаба делает вывод о возможности перехода противника в ближайшее время в наступление, которое, «связав наши значительные силы, может сказаться в этом случае на ходе боев в Сталинграде»³. Забил тревогу и начальник немецкого штаба по связи с командованием 3-й румынской армией полковник Шёне. Результатами всего этого стали 9 ноября 1942 года приказ по группе армий «Б» о переброске 48-го танкового корпуса под командованием генерал-лейтенанта Хайма в большую излучину Дона — за позиции 3-й румынской армии — и распоряжение командования 6-й армии о немедлен-

ном формировании группы Леппер с целью использования ее «для укрепления восточного фланга 3-й румынской армии». Командование 6-й армии все больше утверждает в мысли о возможности глубокого прорыва советских войск на левом фланге. Карповка и Калач превращаются в «укрепленные районы», ибо как раз под Калачом должна была сохраняться возможность форсирования Дона в обоих направлениях. Но и эта, и другие меры оказались недостаточными, что со всей очевидностью проявилось уже в самые ближайшие дни. Результаты радиоразведки и аналитические выводы разведотдела Генштаба показали, что цель советской операции — не только принудить к отступлению немецкие войска под Сталинградом, но и дополнить ее на Дону ударом южнее Сталинграда, а затем в результате последующих операций против 8-й итальянской и 2-й венгерской армий выйти на оперативную цель — Ростов. Группа армий «Б» бросила на отражение этой большой опасности все, что было в ее распоряжении; вместе с 17-м армейским корпусом под командованием генерала Холлидта на защиту левого фланга 3-й румынской армии была направлена сформированная в пожарном порядке так называемая «чирская дивизия» численностью в 11 000 человек.

Словно замороженные, глядели Генеральный штаб сухопутных войск и командование группы армий «Б» на реально обозначившуюся на Дону наступательную готовность Красной Армии; не менее мощная угроза проявлялась уже и южнее Сталинграда, на участке 4-й танковой армии. На плацдарме под Бекетовкой и в районе озер радиоразведка обнаружила крупные скопления советских танков и моторизованных частей и оценила это как их исходную позицию для операции по двустороннему охвату немецких сил между Доном и Волгой. Такая оценка безоговорочно разделялась и командованием 4-й танковой армии, однако ни в группе армий «Б», ни в разведотделе Генштаба не верили в возможность советского наступления, поскольку полагали, что этому препятствуют значительные трудности, связанные как с развертыванием, так и со снабжением войск. Только вечером 19 ноября 1942 года, т.е. уже к концу первого дня советского наступления на Дону, немецкое командование осознало реальность операции противника из района южнее Сталинграда. Но принимать ответные меры было уже поздно, не говоря о том, что у группы армий «Б» не было в наличии достаточных сил. Решение задачи — захват любой ценой Сталинграда и эффективное воспрепятствование советско-

му контрнаступлению, имевшему оперативные цели, — требовало таких сил, которыми эта группа армий на располагала.

48-му танковому корпусу командование группы армий «Б» определило следующую задачу: в случае вклинивания сил противника или прорыва ими переднего края обороны организовать контрнаступление и вернуть утраченные позиции. Предполагалось, что танковый корпус сумеет воспользоваться разбросанностью советских наступательных действий на широком фронте от Большого до Клетской и, концентрируя собственные силы, сможет подавить наступательные действия противника одно за другим. В качестве главных условий для выполнения этого плана генералом Хаймом 16 ноября были названы, по первым, удержание позиций румынскими дивизиями и, во-вторых, быстрое и удовлетворительное снабжение корпуса горючим и боеприпасами. Но, как и в целом, соответствующие службы оказались не на высоте, что и явилось главным тормозом для осуществления намеченного. К тому же и боевая мощь корпуса была недостаточно высокой. 22-я танковая дивизия насчитывала всего лишь 42 танка, 14-й танковой дивизии приходилось сражаться без своих полков пехоты, а 1-я румынская танковая дивизия была, по существу, вообще небоеспособной. Об этом реальном положении генерал Хайм постоянно напоминал высшему начальству.

Таким образом, и командование группы армий «Б», и командование армий, действовавших в районе Сталинграда, знали о приготовлениях и целях советского наступления на Дону⁴. Но они недооценивали масштабы развертывания — концентрацию и количество войск, оперативную целеустановку и современные методы руководства операцией. Наиболее отчетливо выразил это генерал-майор Артур Шмидт, написавший 1 декабря 1942 года: «Было бы неправильно искать сегодня виновника этой беды. Все мы не разглядели опасности во весь ее рост... и в очередной раз недооценили русских»⁵.

Так что в действительности советское наступление 19 ноября 1942 года ни для кого не было неожиданностью.

Недостаточность принятия немцами тактических оборонительных мер усугубилась столь же явными недостатками в работе вспомогательных служб. Не было организовано даже необходимое для проведения 6-й армией текущих операций: снабжение ее горючим, боеприпасами, питанием. Эта привилегированная по сравнению с другими армия остро нуждалась во всем в такой степени, что Паулюс долго терзался сомнени-

ями, прежде чем решился 10 октября 1942 года продолжить наступление на Сталинград. 6-я армия имела в своем распоряжении мощную артиллерию, но недостаток боеприпасов сводил на нет эту мощь. Самым большим желанием солдат было одно — когда-нибудь наесться наконец досыта. Но еще хуже обстояло дело с обмундированием — из-за транспортных трудностей армия оказалась плохо подготовленной к зиме, которая к тому времени уже наступила. У союзников румын зимней одежды на было вообще. Неудивительно поэтому, что трудности со снабжением, затрагивающие в первую очередь войска союзников и значительно суживавшие свободу оперативного маневра, породили тяжелейший кризис в германо-румынских отношениях⁶. Таким образом, в находившихся между Доном и Волгой немецких и союзнических армиях еще до начала советского наступления уже наблюдался тяжелый кризис — и в оперативном плане, и в том, что касается снабжения войск, а также в межсоюзнических отношениях.

2. УЗЕЛ ЗАТЯНУТ: ОКРУЖЕНИЕ 6-Й АРМИИ

Утром 19 ноября 1942 года советские войска атаковали позиции 3-й румынской армии⁷. Ведомые плохими командирами, плохо оснащенные и плохо снабжаемые румынские дивизии были не в состоянии противостоять целеустремленным атакующим действиям советских танковых корпусов, хотя на отдельных участках и оказывали им отчаянное сопротивление. Когда же командир немецкого 48-го танкового корпуса решил нанести всеми силами своего корпуса удар по представлявшему, по его мнению, наибольшую угрозу советскому клину под Клетской, начальник Генерального штаба сухопутных войск генерал пехоты Цайцлер приказал группе армий «Б» задержать корпус и задействовать его для удара на Большой. Результатом этого явилось раздробление сил корпуса.

Лишь ко второй половине дня командованию 6-й армии стало ясно, что удары противника направлены во фланг и тыл армии. В 21.30 командование группы армий «Б», осознав всю серьезность обстановки, решилось пойти на «радикальные меры»: был дан приказ о прекращении атакующих действий в Сталинграде и образовании мощной танковой группировки, в задачу которой входили защита левого фланга, обеспечение функционирования жизненно важной для снабжения войск железнодорожной ветки между Лиховской и станцией Чир, а

так же, в случае необходимости, переход в контрнаступление. Но командование 6-й армии отлично понимало, что на реализации этих мер понадобится минимум три дня.

11 хотя в течение 20 ноября удалось создать на западном направлении худосочный оборонительный рубеж, эта мера оказалась в значительной степени сведенной на нет начавшимся ранним утром наступлением Сталинградского фронта южнее Сталинграда. В скором времени советским атакующим танковым соединениям удалось глубоко вклиниться в расположение 6-го румынского армейского корпуса в районе озер, а также на участке приданной 4-му немецкому армейскому корпусу 20-й румынской пехотной дивизии. Скоро выяснилось, что единственного резерва 4-й танковой армии — 29-й моторизованной пехотной дивизии — было недостаточно, чтобы исправить сложившееся положение. Находившийся 20 ноября в Берхтесгаде Гитлер и оставшийся в «Волчьем логове» начальник Генерального штаба сухопутных войск сразу же осознали всю опасность ситуации и реагировали на нее принятием важного решения: из группы армий «Север» был выделен штаб 11-й армии во главе с генерал-фельдмаршалом фон Манштайном, который получил директиву образовать новую группу армий «Дон», включив в нее из состава группы армий «Б» 3-ю румынскую, 6-ю немецкую и 4-ю немецкую танковую армии, остановить советское наступление и вернуть утраченные позиции. Важным для развития будущих событий явилось решение Гитлера (восстановить которое в деталях не представляется возможным и по сегодняшний день) организовать снабжение 6-й армии по воздуху, но эта мера предусматривалась, по всей видимости, только на период «временного окружения», т.е. до успешного наступления с целью деблокаирования 6-й армии.

21 ноября 1942 года началась решающая фаза по окружению 6-й армии. Ворвавшиеся в расположение 4-й танковой армии советские войска расширяли прорыв, намереваясь выйти к Калачу на Дону. Чтобы разрядить обстановку, генерал Паулюс приказал 14-му танковому корпусу атаковать в юго-западном направлении и нанести удар во фланг продвигавшихся в сторону Калача танковых соединений противника. Тревога за железнодорожную линию, поддерживавшую боеготовность 6-й армии, играла важную роль и в соображениях, которыми руководствовались командование группы армий «Б» и Генеральный штаб. При этом оба штаба отнюдь не исключали и такого вполне вероятного обстоятельства, что 6-я армия окажется — по

меньшей мере временно — в окружении, если не удастся остановить советское продвижение в самые ближайшие часы. Но в тот момент уже ничто не указывало на то, что это удастся. И первый приказ фюрера, полученный Паулюсом, гласил: «6-й армии держаться, несмотря на угрозу временного окружения... Железнодорожная линия должна функционировать так долго, как это только возможно. Будет отдан приказ о снабжении по воздуху».

Таким образом, уже во второй половине дня 21 ноября 1942 года отчетливо видна тенденция в решениях Гитлера касательно 6-й армии. Восстановить точно, какой была непосредственная реакция на этот приказ, невозможно. Но уже вечером того же дня командование 6-й армии отчетливо осознавало, что продвижение противника идет быстрее, нежели принимаются ответные меры. И теперь ничто не могло препятствовать соединению колонн советских танков, наступавших на Калач с северо-запада и юго-востока. Но наибольшую угрозу, по убеждению Паулюса и Шмидта, представляли советские соединения, прорвавшиеся южнее Сталинграда. Она диктовала в качестве первоочередной задачи необходимость буквально зарыться в землю в Сталинграде — в противном случае армия будет уничтожена в самые ближайшие дни. Теперь было не столь важно, что предстояло армии потом — вырваться из окружения или продолжать удерживать позиции в районе Сталинграда.

С самого начала и на всех уровнях руководства вопрос о том сумеет ли 6-я армия продержаться, если окажется на какое-то время в окружении, связывался с вопросом об организации ее снабжения. Поступившее к середине дня в штаб 6-й армии напоминание командования группы армий «Б» о необходимости как можно дольше обеспечивать функционирование железной дорожной линии, являющейся для нее артерией жизни, свидетельствует, что все уже были подготовлены к возможности того, что 6-я армия будет окружена. Если же наземный путь снабжения окажется перерезанным, то, как сообщал вечером 21 ноября генерал-майор Шмидт командиру 8-го авиационного корпуса генерал-лейтенанту Фибигу, останется только одна возможность снабжения армии — по воздуху. И хотя Шмидт и Паулюс разделяли мнение Фибига и командующего 4-м воздушным флотом генерал-полковника фон Рихтхофена, что вестись снабжение по воздуху в течение продолжительного времени невозможно, этот путь был теперь единственным способом,

чтобы хоть как-то поддерживать боеспособность армии. Анализ оперативной обстановки к вечеру 21 ноября привел командование 6-й армии к следующему решению: учитывая почти безвзрывную угрозу окружения и приказ фюрера не уходить из района Сталинграда, а также возможность организации снабжения по воздуху, «при всех обстоятельствах» удерживать Сталинград.

22 ноября авангардный батальон 26-го советского танкового корпуса захватил под Калачом мост через Дон⁸ и тем самым не только перерезал нить снабжения 6-й армии, но и ограничил свободу ее оперативного маневра. Слабых немецких сил в Калаче было недостаточно, чтобы помешать созданию здесь советскими войсками плацдарма. 14-й танковый корпус не смог из-за нехватки горючего выполнить приказ о наступлении с целью отвлечения сил противника. И если бы советский танковый корпус воспользовался благоприятной ситуацией и его главные силы ускоренным маршем перешли на другой берег, то удавка на шее 6-й армии затянулась бы еще раньше. Два немецких корпуса на западном берегу Дона не располагали достаточными силами, чтобы организовать контрнаступление, — более того, им самим грозила опасность оказаться в окружении и быть уничтоженными в самый короткий срок, если они не отойдут как можно скорее на восточный берег реки.

В утренние часы 22 ноября командование 6-й армии после короткого обмена мнениями с генерал-полковником Готом и его начальником штаба приняло решение: армия занимает круговую оборону и готовится к последующему прорыву в юго-западном направлении. Попытке же немедленного прорыва препятствовал в тот момент ряд обстоятельств: нахождение двух корпусов западнее Дона, необходимость в первую очередь организовать оборонительный фронт на южном направлении, отсутствие горючего, а также ненадежность взаимодействия с группой армий «Б»; к тому же существовал и полученный ранее приказ фюрера, который привязывал армию к району Сталинграда. Высшим законом командования войсками является сохранение единого оперативного руководства, и начальник тыла армии еще вечером 21 ноября обратился по инстанции с настоятельной просьбой о доставке горючего, «поскольку от этого в решающей степени зависит осуществление намерений армии». Так что не оправданы любые упреки, будто 6-я армия уже в той ситуации проявила истомыслие, положившись на снабжение по воздуху. Невер-

но и утверждение, что командование 6-й армии во всех своих решениях руководствовалось исключительно полученным заданием до того приказом фюрера. Паулюс и Шмидт были полны решимости взять на себя в случае необходимости всю ответственность за принятые решения, хотя сознание того, что в этом случае нарушается принцип безоговорочного подчинения приказу, ложилось тяжким бременем на Паулюса.

В 7.30 генерал-майор Шмидт дал по радио первые устные приказы по организации круговой обороны. В соответствии с ними 14-й танковый корпус и 11-й армейский корпус должны были отойти в восточном направлении и высвободить силы для прикрытия своего южного фланга; 8-й армейский корпус после отвода своих частей образовал южный фронт; в середине дня под командование 6-й армии перешел 4-й армейский корпус 4-й танковой армии. В его задачу входило соединение в районе Мариновки с частями 8-го армейского корпуса. С самого начала не было никаких сомнений в том, что прежде, чем принимать какие-то другие срочные меры, необходимо было организовать оборону на открытом южном направлении, поскольку здесь уже в середине дня действовали советские танки — они угрожали Карповке и Мариновке и вновь перерезали железнодорожную линию, по которой шло снабжение войск в Сталинграде.

Итак, на всех участках 6-й армии шли ожесточенные бои и принимались первые меры, чтобы закрыть бреши на западном направлении и организовать южный фронт. Паулюс по приказу Генерального штаба сухопутных войск самолетом перебирается в образовавшийся котел, где в Гумраке разместился штаб армии. По свидетельству Паулюса, он еще до отлета сообщил главнокомандующему группой армий «Б» генерал-полковнику фон Вайхсу, что, по его мнению, уже одна проблема снабжения диктует необходимость того, чтобы армия вырывалась из окружения в западном направлении. Прибыв в Гумрак, Паулюс убедился, что его мнение отвечает и *communis opinio** командующих корпусов, а также тех командующих дивизий, с которыми удалось установить связь. Во второй половине дня и вечером командующий 6-й армией провел совещание с командующим 51-го армейского корпуса генералом фон Зайдлицем и его начальником штаба полковником Клаузиусом; по всей вероятно-

* Общее мнение (*лат.*).

сти, Шмидт в этом совещании не участвовал, занимаясь обустройством штаба после перелета⁹. Результаты оценки обстановки Паулюс собирался доложить Гитлеру и рассчитывал получить разрешение действовать по собственному усмотрению. Но 22 ноября этого сделано не было. В вечернем донесении командования 6-й армии лишь говорилось, что пространство от Сталинграда до Дона будет удержано, если удастся закрыть бреши на южном направлении и организовать удовлетворительное снабжение армии по воздуху; на случай же, если восстановить южный фронт не удастся, командующий 6-й армии просил предоставить ему свободу действий — оставить Сталинград и северный фронт, «чтобы всеми силами обрушить на противника удары на южном фронте между Доном и Волгой и соединиться здесь с 4-й румынской армией». Так что Главное командование сухопутных войск (ОКХ) и командование группы армий «Б» были в курсе того, какой генеральной линии собирается придерживаться в своих действиях 6-я армия. Возможно, что эти соображения командования 6-й армии были уже известны и ближайшему окружению Гитлера; во всяком случае, через три часа после отправки того вечернего донесения в Гумраке был получен следующий — уже третий по счету — приказ фюрера: «Армия временно окружена русскими силами. Я знаю 6-ю армию и ее командующего и знаю, что она будет храбро сражаться в этой трудной обстановке. 6-я армия должна знать, что я делаю все, чтобы помочь ей и деблокировать ее. Я буду своевременно отдавать ей приказы».

Тем самым 6-я армия вновь была прикована к району Сталинграда. Несмотря на это, оперативный отдел штаба 6-й армии уже той же ночью начал готовить первые приказы по прорыву в юго-западном направлении; эта операция получила кодовое название «Перестройка». Создавая «группу Гота», которой должны были быть приданы дополнительно 4-я румынская армия и 16-я моторизованная пехотная дивизия, командование группой армий «Б» намечало проведение деблокирующей операции. Поэтому 4-й румынской армии категорически запрещался какой-либо отход в западном направлении.

23 ноября стало кульминационным пунктом для принятия решения об организации 6-й армией круговой обороны. Сам Гитлер тоже уже понимал, что ситуация критическая и требует принятия экстренных мер; вечером 22 ноября его поезд вышел из Берхтесгадена в направлении Лейпцига. Вместе с Гитлером выехали его адъютанты, Кайтель, Йодль и начальник Гене-

рального штаба люфтваффе генерал-полковник Ешонек, который, вероятно, и дал Гитлеру осторожное согласие на организацию снабжения 6-й армии по воздуху. Через каждые два-три часа поезд останавливался — Гитлер связывался с генералом Цайцлером, требуя от того, чтобы, пока он сам не прибудет в Растенбург, никакие решения, связанные с отходом 6-й армии, не принимались. Паулюс же использовал 23 ноября для обсуждения с командующими корпусов вопроса о прорыве армии в юго-западном направлении, но по распоряжению командования группы армий «Б», отданному еще в первой половине дня 23 ноября, ему пришлось отказаться от каких-либо практических приготовлений к операции, тем не менее «не упуская эти мысли... из поля зрения в целом». Но при всех прочих мерах, принимавшихся командующими корпусов, идея прорыва оставалась основополагающей, что и нашло совершенно недвусмысленное выражение в соответствующих отданных во второй половине дня приказах по 8-му армейскому и 14-му танковому корпусам, когда соединение обоих советских ударных группировок под Советским сделало, казалось, уже совершенно неизбежной необходимость отхода 6-й армии на юго-запад. Однако генерал-полковник фон Вайхс по-прежнему придерживался той генеральной линии, что была задана его утренним распоряжением: «Решение еще не принято. Необходимо продолжать думать о снабжении в плане последнего телефонного разговора. Начинать операцию только по получении кодового слова «Перестройка». До того остается в силе прежнее задание».

Причин для такого распоряжения у него было более чем достаточно: Главное командование сухопутных войск информировало его о том, что Гитлер запретил какое-либо отступление и что необходимо удерживать Котельниковский в качестве района развертывания для проведения деблокирующей операции в направлении Сталинграда, равно как и о том, что при всех обстоятельствах следует сохранить треугольник Дон — Чир и район Боковской «как краеугольный камень дальнейших решений». Эта мера имела целью не только создание благоприятных предпосылок для вызволения 6-й армии, но и перестройку оборонительных порядков в уязвимом пространстве на южном участке Восточного фронта для прикрытия группы армий «А» на Кавказе. Существенное средство для достижения этой цели генерал-полковник фон Вайхс усматривал в том, чтобы включить вырвавшуюся из окружения 6-ю армию в боевые порядки южного участка фронта. Поэтому одновременно (в 18.45) им

было отправлено в ОКХ донесение, в котором он, при поддержке Рихтхофена, ссылаясь на мнение Паулюса и особо подчеркивая трудности в организации снабжения, требовал отвода 6-й армии. Два с половиной часа спустя Паулюс направил Гитлеру донесение об обстановке; он вновь настаивал на предоставлении ему «свободы действий» и подчеркивал, что его мнение полностью разделяют все командиры корпусов¹⁰.

Ожидать принятия Гитлером решения в ответ на этот нажим со стороны группы армий «Б», командования 6-й армии и Генерального штаба сухопутных войск ранее чем утром 24 ноября не приходилось. Но уже во второй половине дня 23 ноября можно было не сомневаться в непоколебимости намерения Гитлера осуществить снабжение 6-й армии — до проведения наступательной операции по ее деблокированию — по воздуху, так как уже стало известно о решении Гёринга провести вечером в штабквартире Вердера совещание по одному вопросу — об организации «воздушного моста». Как развивались события в ставке фюрера в Растенбурге после прибытия туда Гитлера в тот вечер, восстановить в деталях невозможно, однако 24 ноября в 7.00 Цайцлер информировал по телефону командующего группой армий «Б», что он убедил фюрера в необходимости прорыва («это единственная возможность спасения армии») и что утром командование группы армий должно будет получить соответствующее письменное распоряжение. Но, утверждая это, Цайцлер заблуждался — всего три часа спустя Генеральный штаб сухопутных войск, начальником которого был, как известно, именно Цайцлер, передал прямо противоположный приказ Гитлера: 6-й армии сосредоточиться в районе Сталинграда, сформировать в районе Котельниковский группу по ее деблокированию, вплоть до восстановления положения вести снабжение армии при помощи люфтваффе, для чего «задействовать дополнительно 100 юнкерсов». Недоразумение между Гитлером и Цайцлером следует, наверное, объяснить тем, что Гитлер, которому надоело непрерывное давление со стороны Генерального штаба и который, кстати, устал после долгого пути, считал, что пока он остается при своем решении, но что оно может быть еще раз обсуждено утром¹¹.

Есть свидетельства, что приказ фюрера от 24 ноября поступил как раз в тот момент, когда оперативные отделы штабов группы армий «Б» и 6-й армии были заняты подготовкой приказов по прорыву армии в юго-западном направлении. Но теперь, когда появился однозначный приказ, выразивший

точку зрения Верховного главнокомандования на то, как действовать в этой кризисной ситуации, уже не могло быть и речи о самостоятельной выработке приоритетных направлений подготовки к прорыву из окружения. Немаловажным в этом плане явилось для командования группы армий «Б», равно как и 6-й армии, то обстоятельство, что утром 24 ноября в расположение группы армий «Б» прибыл генерал-фельдмаршал фон Манштайн, чтобы взять на себя командование сформировавшейся группой армий «Дон», в состав которой должна была войти и 6-я армия. Но для последней необходимость быстрого и безоговорочного выполнения приказа фюрера диктовалась утром 24 ноября уже и психологическими причинами, поскольку командир 51-го армейского корпуса фон Зайдлиц в предшествующую ночь на свой страх и риск отвел свои части на северном участке дальше, чем это предусматривалось приказом, стремясь облегчить тем самым 6-й армии выполнение самостоятельно принятого решения вырваться в юго-западном направлении¹². К середине дня Манштайн решил, что изучил обстановку достаточно глубоко. В противоположность Вайхсу и Паулюсу он не пришел к выводу о необходимости прорыва, потому что «пока еще есть перспектива достаточного снабжения, по меньшей мере бронебойными боеприпасами, боеприпасами для стрелкового оружия и горючим», весьма оптимистически оценивая обещанное снабжение воздушным путем. Манштайн полагал, что ставить вопрос о прорыве 6-й армии следует только «в самом крайнем случае». Решающим для такой оценки было то обстоятельство, что и группа армий «Б», и 6-я армия отстаивали свое мнение «наверху» недостаточно решительно и бескомпромиссно. Оценка Манштайна, несомненно, повлияла и на оценку обстановки и принятие решения Гитлером.

С получением приказа фюрера наступил конец и мучительному, продолжавшемуся 36 часов ожиданию командования 6-й армии: какие же меры будут приняты Верховным главнокомандованием, чтобы разрядить эту кризисную ситуацию? 24 ноября корпуса получили «приказ по армии о продолжении боевых действий». Теперь первостепенное значение для сохранения способности вести операцию приобретала организация снабжения по воздуху, и командование 6-й армии возложило обязанность по ее обеспечению в самом котле на командира 9-й дивизии зенитной артиллерии генерал-майора Пикерта. Одновременно начальник тыла 6-й армии приказывал сократить продо-

вольственное снабжение войск на 50 процентов, а суточную норму выдачи хлеба — до 300 граммов.

Командование 6-й армии выполняло приказ фюрера, отданный утром 24 ноября, без каких-либо открытых возражений. Однако Зайдлиц выразил свое несогласие как с решением фюрера, так и с изданным на его основе приказом по армии. 25 ноября он подробно изложил в памятной записке Паулюсу собственную оценку обстановки. Он утверждал, что снабжение армии по воздуху даже при самых благоприятных условиях не может обеспечить ее потребности, что опыт Демянска не может быть применим к Сталинграду, поскольку обстоятельства тут совсем другие, и что успех наступательной операции по деблокированию армии останется в высшей степени сомнительным. Отсюда он и начальник штаба Клаузиус, бывший инициатором этой памятной записки, сделали вывод, что нужно «добиться, чтобы немедленно был отдан другой приказ, либо немедленно принять самостоятельно другое решение», а для его обоснования использовать следующую формулировку: «После полного разрушения советского военно-промышленного центра Сталинграда и разгрома группировки сил противника армия отведена от Волги».

Генерал Шмидт, еще, надо полагать, не остывший от возмущения по поводу, как он выразился, «мятежа» генерала фон Зайдлица — его отхода на северном участке фронта, — снабдил памятную записку таким саркастическим замечанием: «Нам не следует морочить голову фюреру, а генералу фон Зайдлицу не следует морочить голову командующему армией!» — и позаботился о том, чтобы памятная записка тут же была отправлена самолетом в штаб Манштайна в Новочеркасск, куда она и попала 28 ноября. Самостоятельность поступков генерала фон Зайдлица и сегодня делает ему честь в нравственном отношении, в то время как поведение генерала Шмидта при всей его одаренности, работоспособности и интеллигентности выглядит на этом фоне довольно бледно, хотя и он относился к директивам ОКХ весьма критически. Особенно же тяжелая ответственность легла теперь на Паулюса: директивы ОКХ ненужным образом ограничивали, более того, отнимали у него свободу принятия решений, необходимую для успешного оперативного командования. Так что объявленное 24 ноября решение о переводе армии в распоряжение Манштайна, о качествах которого как командующего Паулюс, равно как и Шмидт, были самого высокого мнения, было воспринято им не только как некая

позитивная предпосылка последующего процесса — полученная в тот же день от Манштайна радиogramма («Мы сделаем все для вашего вызволения») способствовала, по всей видимости тому, что со стороны Паулюса сформировалось и отношение особого доверия к нему. Во всяком случае, 26 ноября он собственноручно пишет пространное послание Манштайну, в котором требует восстановления для себя полной свободы действия, учитывая его особую ситуацию, в частности, «на самый крайний случай разрешения действовать по обстановке». Паулюс весьма скептически оценивает эффективность люфтваффе, равно как и возможность прорубить коридор, и прямо намекает в этой связи Манштайну на его личную ответственность: «принятии командования он видит залог того, что будет принято все, чтобы помочь армии. Но Манштайн так и не дал Паулюсу разрешения «действовать по обстановке», обосновывая это тем, что Гитлер своим приказом удерживать район Сталинграда снял с командующего 6-й армии и ответственность за ее судьбу: «За то, что будет, когда армия, выполняя приказ фюрера, израсходует последний патрон, вы ответственности не несете».

Далее Манштайн заявил, что в час величайшей опасности любая попытка «улепетнуть», когда на часах еще, так сказать без пяти двенадцать, в любом случае приведет к гибели армии. Поэтому есть только одна альтернатива — держаться до последнего патрона или прорываться в самый последний момент, когда у армии уже не останется другого выхода. И сегодня еще удивляешься, почему Манштайн не захотел разрешить командующему 6-й армии действовать самостоятельно «на самый крайний случай», хотя сам он, пользуясь теми же формулировками, требовал у Гитлера такого же права для себя.

1 6-я армия, прикованная к району Сталинграда приказом фюрера и повторным требованием Манштайна о неуклонном выполнении этого приказа, создала в котле к началу декабря 1942 года эшелонированную круговую оборону. 51-й армейский корпус (генерал артиллерии фон Зайдлиц) с приданным ему 11-м армейским корпусом (генерал пехоты Штреккер) обороняли северный и волжский участки фронта, 8-й армейский корпус (генерал артиллерии Хай) и 14-й танковый корпус (генерал танковых войск Хубе) — северо-западный и западные участки, а 4-й армейский корпус (генерал инженерных войск Енекке) — южный участок фронта. Армейский резерв составляли остатки 384-й пехотной дивизии и 14-я танковая дивизия

Почти все соединения были измотаны боями и почти утратили маневренность, хотя в распоряжении армии еще насчитывалось свыше 140 танков. В котле находились 260 000 солдат, в том числе 10 000 румын и 20 300 вольнонаемных, а также 30 000 лошадей¹³. Обеспечением их боеспособности занималась служба материально-технического снабжения. В районе расположения окруженной 6-й армии главный пункт снабжения был образован в Гумраке, а второй опорный пункт по линии снабжения по воздуху — в Басаргино близ Питомника. Поскольку 8-й и 11-й армейские корпуса потеряли почти все свои склады, выравнивание снабжения худо-бедно достигалось путем конфискации «излишков» у других корпусов.

С 22 ноября 6-я армия уже целиком зависела от доставки грузов по воздуху. 4-му воздушному флоту было ясно с самого начала¹⁴, что снабжение воздушным путем может быть только мерой временной — до успешного осуществления наступательной операции по деблокированию. В конце ноября 1942 года согласно приказу Гёринга от 23 ноября прибыли первые подкрепления. Реализация этого приказа в значительной степени затруднялась тем обстоятельством, что из-за высадки союзников в Северной Африке туда пришлось перебрасывать дополнительные силы транспортной авиации. В распоряжении 8-го авиационного корпуса, отвечавшего за снабжение 6-й армии по воздуху, насчитывалось свыше 400 машин, их техническое состояние позволяло задействовать только 35% этого количества, а в иные дни из-за климатических и погодных условий — причем довольно часто — вылеты вообще не производились. Прикрытие транспортных эскадрилий истребителями обеспечивалось в редких случаях, возможности для ремонта самолетов были весьма ограниченными, а потери транспортной авиации составили на 2 декабря 36 машин. Поэтому неудивительно, что, например, 29 ноября в Сталинград было доставлено всего лишь 40 тонн грузов. И уже в начале декабря находившиеся вне котла высшие фронтовые штабы сухопутных войск и авиации убедились в правильности того, что предсказывали Рихтхофен и Фибиг, а именно: снабжать окруженную 6-ю армию в тех объемах, которые ей требовались, невозможно и недопустимо из-за нелетной погоды нельзя восполнить даже увеличением количества задействованных самолетов. Но само командование 6-й армии, не будучи достаточно информированным, прийти к такому однозначному выводу пока еще не могло. Вплоть до 14 декабря Паулюс еще верил, что ему удастся сохранить обо-

роноспособность армии. Однако нет никакого сомнения в том, что и сам он, и генерал Шмидт, и тем более оберквартирмейстер армии в Морозовске и его представитель в котле майор фон Куновски повсюду и со всей настойчивостью требовали решительно увеличить снабжение армии по воздуху, называя это «вопросом ее жизни и смерти». В первую очередь, убеждал Шмидт, «ясность о всей серьезности ситуации со снабжением армии» должна быть у начальника тыла ОКХ. Так что остается под вопросом, была бы армия при столь неудовлетворительной ситуации со снабжением в состоянии прорываться в юго-западном направлении 26 ноября, как это планировалось первоначально, или 2 декабря, когда установились западный и южный фронты и 8-й и 11-й армейские корпуса заняли свои окончательные позиции на восточном берегу Дона¹⁵. Генерал Шмидт ставил начало такой операции в значительной степени в зависимости от того, удастся ли предварительно при помощи авиации пополнить запасы горючего и боеприпасов. Зная ситуацию со снабжением, мы можем позволить себе сделать вывод, что степень обеспеченности 6-й армии боеприпасами и жидким топливом уже вряд ли давала шанс на успех попытки многодневного прорыва на юго-запад. В начале декабря 1942 года Паулюс обратился к частям и соединениям 6-й армии с пламенным призывом верить в обещанную Гитлером помощь и продолжать сражаться. Присказка «Нам продержаться бы день и час, и фюрер уж точно выручит нас!» обошла все окопы. 30 ноября 1942 года Паулюс был произведен в генерал-полковники.

3. ПОПЫТКА СОВЕРШИТЬ НЕВОЗМОЖНОЕ: ДЕБЛОКИРОВАНИЕ

Приказом фюрера от 24 ноября 1942 года и отданным вскоре после него приказом о продолжении боевых действий группой армий «Б» намечалось, что деблокирование 6-й армии будет осуществлено наступлением сформированной на основе 4-й танковой армии в районе Котельниковский танковой группировки в северо-восточном направлении с одновременным расширением кольца окружения в юго-западном направлении путем наступления сил 6-й армии. 26 ноября в директиве Манштейна Гитлер еще раз подтвердил свое решение и дополнил его положением, что в случае необходимости следует вести также из треугольника Дон — Чир наступление в северо-восточном направлении в сторону 6-й армии, а после ее деблокирования

путем дальнейшего наступления срезать также выступ между Доном и Чиром». Главный удар в операции по деблокированию должен был однозначно наноситься из района Котельниковский, для чего во избежание усиления советских войск в нем планировалось провести обманный маневр в виде сосредоточения немецких сил на участке «группы Холлидта».

Этой расплывчатой и вообще не учитывающей оперативной обстановки, сложившейся к тому моменту на южном фланге Восточного фронта, задаче Манштейн недвусмысленно противопоставил 28 ноября свою оценку обстановки¹⁶. За два дня до того он был проинформирован генерал-полковником фон Рихтхофеном, что 4-й воздушный флот не располагает достаточными силами, чтобы обеспечить снабжение 6-й армии. Паулюс, Зайдлиц и Пикерт уже пытались открыто высказывать свое скептическое отношение к снабжению по воздуху и делали отсюда вывод о необходимости отвода 6-й армии. Манштейн полагал, что если соединиться с 6-й армией удастся лишь на какое-то время (что было вполне вероятно), то вся операция будет иметь мало смысла. Поэтому он, опираясь в отдельных случаях на дословные формулировки Паулюса и Зайдлица, потребовал, чтобы план предусматривал «соединение армии из окружения» с целью опять же добиться сохранения такого фронта, который бы обеспечил сохранение сил, и такого эшелонирования войск, которое позволяло бы вести оперативные действия. Главную же цель он видел в сокращении боевой мощи 6-й армии, что позволило бы вернуть утраченную инициативу. Такая оценка обстановки Манштейном резко отличалась от той, что была дана им 24 ноября. Поэтому создается впечатление, что он уже не видел в планировавшейся согласно приказу Гитлера операции решения вопроса о спасении 6-й армии и рассматривал установление временного соприкосновения с ней лишь как предпосылку для необходимого затем откатывания армии на юго-восток. Вероятно, Манштейн надеялся, что в ходе операции по деблокированию он сумеет убедить Гитлера в необходимости такой меры, и поэтому 4 и 9 декабря он настаивает на том, чтобы ОКХ приняло однозначное решение о том, как быть с 6-й армией, если удастся добиться соединения с ней, и как поступить, если такого соединения не произойдет. Но Гитлер с этим, однако, не согласился. 3 декабря он категорически отклонил предложение, по которому первоочередная цель операции по деблокированию должна была состоять в выводе 6-й

армии из окружения. Он считал, что следует продолжать удерживать Сталинград, соединиться с 6-й армией и, организовав для нее наземное снабжение, усилить тем самым ее боевую мощь.

Восстановить генезис приказа об операции по деблокированию (кодовое название «Зимняя гроза»); сколь бы интересным это ни представлялось по многим причинам, сегодня уже невозможно¹⁷. Командование группы армий «Дон» отдал приказ 4-й танковой армии нанести своими силами массированный удар восточнее Дона из района Котельниковский и заставить советские войска откатиться на северо-восток. В зависимости от того, в каком положении окажется противник планировалось организовать одновременно наступление плацдарма Верхне-Чирский на Дону или же, если удастся скрытно подвести танковые дивизии, начать наступление только с этого плацдарма. К западу от Дона намечалось частное наступление на Калач с целью открыть для 6-й армии тамошнюю переправу. Для этого в распоряжении командования 4-й танковой армии имелись 57-й танковый корпус с 6-й и 23-й танковыми дивизиями, а также 15-я авиаполевая дивизия (район Котельниковский) и 48-й танковый корпус с 11-й танковой дивизией, 336-й пехотной дивизией и 3-й авиаполевой дивизией (треугольник Дон — Чир). 17-ю танковую дивизию разрешалось задействовать только с санкции ОКХ. 6-я армия, сосредоточив все свои бронетанковые силы, должна была в определенный момент по приказу командования группы армий «Дон» прорываться на юго-запад с целью соединения с 4-й танковой армией и пробиться частью своих сил к Калачу, а в остальном ее задачей было удерживать фронт на всех его участках. Наступление должны были поддерживать 4-й немецкий воздушный флот и 1-й румынский авиационный корпус. Начало наступления намечалось на 8 декабря.

Подготовка к наступлению по деблокированию сопровождалась возникновением все новых и новых помех. Из первоначально обещанных ОКХ группе армий «Дон» 20 дивизий было в итоге предоставлено всего семь; подход этих дивизий по различным причинам затягивался, так что начало наступления пришлось неоднократно откладывать, и, наконец, оно было назначено на 12 декабря. И все же главной причиной задержки явились советские атаки на всех участках фронта с целью сорвать распознанные, разумеется, немецкие планы. В результате командование 4-й танковой армии было вынуждено 12 де-

кабря начинать наступление лишь силами двух дивизий 57-го танкового корпуса из района Котельниковский. И хотя боевые части 6-й танковой дивизии прибыли сюда в полном составе, ее службы комплектования и снабжения в подавляющей массе не задерживались, а 23-ю танковую дивизию вообще нельзя было считать хоть сколь-либо удовлетворительно укомплектованной. В боевые действия удалось ввести 101 средний и 32 тяжелых танка. Для поддержки наступления по деблокированию и воздушный флот выставил 179 боевых машин. Участники этой операции за пределами котла, надо полагать, отлично понимали, что, располагая всего лишь силами полутора танковых дивизий, они хотят совершить невозможное и что рассчитывать можно было только на чудо.

Для обсуждения операций по деблокированию группа армий «Дон» направляла в котел 27 ноября начальника штаба группы генерал-майора Шульца, а 7 декабря — начальника оперативного отдела штаба полковника Буссе. Судя по документам, вопрос о возможности вывода 6-й армии из котла — будь это после соединения с деблокирующими частями или без такого соединения, — по сути дела, не обсуждался. Речь на совещаниях шла главным образом об организации взаимодействия между 6-й полевой армией и 4-й танковой армией, о времени начала наступления, положении со снабжением и о выделении сил для нанесения встречного удара из котла. Последние должны были насчитывать максимум восемь батальонов и 60—80 танков, однако в этот момент почти все они были задействованы на участках фронта, горячего для танков хватало на протяжении расстояния всего в 30—40 километров, причем 20—30 кубометров горячего сохранялось командованием 6-й армии как резерв.

Подготовка к нанесению 6-й армией удара в юго-западном направлении также проходила с многочисленными препятствиями. Начиная со 2 декабря, т.е. еще до начала операции по деблокированию, соединения Сталинградского фронта стали предпринимать усилия по разгрому немецких войск в котле. Безостановочно атакуя на южном и юго-западном участках, они сумели во многих местах вклиниться в немецкую оборону, создав для нее тем самым многочисленные кризисные ситуации. Но главная трудность для 6-й армии состояла в том, что ей приходилось то и дело бросать в бой силы, формировавшиеся при прорыве на юго-запад, и расходовать в этих контратаках свои скудные резервы боеприпасов и горячего. Навязав в то же

время тяжелые изматывающие бои танковым подразделениям 6-й армии, в частности, в треугольнике Дон — Чир, советского командование и тут добилось немалого успеха.

Наиболее же угрожающим для 6-й армии стало к 12 декабря положение со снабжением. С 3 по 12 декабря самолеты люфтваффе доставляли в день в среднем по 40 тонн грузов — это составляло всего 20 процентов дневного расхода боеприпасов и 10 процентов расхода горючего. 8 декабря были вновь снижены нормы суточного расхода продовольствия — армии необходимо было продержаться до 18 декабря, т.е. до того дня, когда, как рассчитывал Паулюс, к ним пробьются деблокирующие части. По выражению начальника санитарной службы 6-й армии, последняя стала объектом «широкомасштабного эксперимента по голоданию». 10 декабря отмечаются первые смертельные случаи от истощения. Но больше всего командование армии беспокоило то обстоятельство, что совершенно не было возможности для материального подкрепления намечавшегося вышеупомянутого приказа удара на юго-восток. В то время как для нанесения такого удара требовалось, по расчетам, 1100 кубометров горючего и 800 тонн боеприпасов, армейский неприкосновенный запас жидкого топлива составлял, как известно, на 9 декабря всего 25 кубометров. Все усилия командования 6-й армии добиться улучшения снабжения по воздуху оставались безрезультатными. Эта ситуация нагляднейшим образом демонстрировала командованию 6-й армии, чего следует ожидать, если наступление по деблокированию не удастся и армия так и останется прикованной к району Сталинграда.

Утром 12 декабря, в 4.30, началась операция «Зимняя гроза». Первоначально наступление 57-го танкового корпуса проходило весьма успешно, хотя оказывавшееся ему сопротивление было более ожесточенным, а на многих участках и более успешным, чем ожидалось. 14 декабря 57-й танковый корпус создал ряд новых плацдармов на другом берегу Аксая, однако в последующие дни он завяз под Верхне-Кумским. Поскольку общая обстановка продолжала ухудшаться, генерал-полковник Гот изо всех сил торопил с продолжением наступления «невзирая» на превосходящие силы противника, начавшего переходить в контрнаступление. Манштайн требовал у Цайцлера личного прибытия Гитлера в ставку группы армий, чтобы тот смог на месте оценить обстановку и принимавшиеся решения. Но Гитлер не собирался этого делать, и 15 и 17 декабря он «начисто» отклонил все предложения по отводу 6-

армии. Сутки спустя быстро убывавшая боеспособность 57-го танкового корпуса стала настолько очевидной, что Гот 18 декабря уже стал подумывать об отводе корпуса за Аксай, если на следующий день не удастся добиться решительного прорыва к лучшему. Он, правда, рассчитывал, что корпус дойдет до реки Мышкова, после чего его силы будут исчерпаны и тогда нужно будет, чтобы «что-то предприняла 6-я армия». И в любом деле, медлить было нельзя — с севера и с востока к месту сражения уже подошли, угрожая Готу ударами с флангов, первые свежие советские армии. 16 декабря началось советское наступление, нацеленное в первую очередь на позиции 8-й итальянской армии. 19 декабря 6-й и переброшенной к реке Мышкова, где они создали два плацдарма на другом ее берегу. Но то, что первоначально показалось успехом, который можно будет развить, сутки спустя стало конечным рубежом, достигнутым 57-м танковым корпусом на пределе сил. Командование 4-й танковой армии пришло к выводу, что попытка выскатить пространство дальше к северу едва ли увенчается успехом. События последующих дней целиком подтвердили этот вывод. Теперь очередь была за 6-й армией.

С 13 декабря она активизирует приготовления к прорыву на запад, к Готу. Все, в том числе и мельчайшие, тактические соображения рассматриваются тут в тесной увязке с главной проблемой — отсутствием горючего; поэтому во всех бесчисленных сводках и донесениях командования и штаба 6-й армии на каждом шагу встречается формулировка «насколько это позволяет положение с горючим». Путем ряда сложных перегруппировок частей 18 декабря удалось наконец высвободить боеспособную 29-ю моторизованную пехотную дивизию, чьи шесть батальонов должны были составить главную силу в наступлении, которое 14-й танковый корпус готовился начать из района Карповки. Срок начала наступления был поставлен в зависимости от того, когда 57-й танковый корпус, форсированный — предположительно 18 декабря — реку Мышкова и продвигаясь далее в северном направлении, выйдет в район Бузиновки. Однако общее состояние 6-й армии к середине декабря стало поводом для сомнений в ее способности осуществить успешный прорыв, а уж тем более вырваться из окружения в полном составе.

Начиная с 16 декабря, по мере успешного развития советского наступления на позиции 8-й итальянской армии, обста-

новка для 6-й армии и 4-й танковой армии стала значительно ухудшаться¹⁸. Чтобы ликвидировать кризис на левом фланге своей группы армий, в распоряжении Манштейна были только три танковые дивизии 57-го танкового корпуса. Но их переброска означала бы прекращение наступления по деблокаже. 17 декабря Манштейн вновь ставит вопрос о прорыве 6-й армии из котла и в последующие дни повторяет это с такой настойчивостью, что не приходится сомневаться в том, что 6-я армия оставалась его главной заботой и что именно ее спасение он считал своей главной целью, даже если бы пришлось пойти на большой оперативный риск для всей группы армий. 18 декабря Манштейн отправляет в котел на самолете начальника разведотдела своего штаба полковника Айсмана с поручением обсудить с командованием 6-й армии возможности следующих решений. Вариант 1-й: 6-я армия прорывается на юго-запад и юг и выходит в пространство южнее Бузиновки — 4-я танковая армия движется ей навстречу, и в итоге обе группировки соединяются. Вариант 2-й: происходит лишь временное соединение обеих армий, «служащее подпитке необходимым снабжением при помощи наземных транспортных средств, чтобы затем отвести 6-ю армию в целости за реку Мышкова». Вариант 3-й: армия продолжает удерживать свои позиции, но не рассчитывает на деблокаже в обозримое время¹⁹.

Вечером того же дня Паулюс впервые связывается с Манштейном по телеграфу и недвусмысленно высказывается о степени реальности предложенных решений: вариант 1-й можно осуществлять только силами танковых частей, поскольку пехоте не хватает; вопрос о варианте 2-м без предварительного соединения с Готом может встать «только в самом крайнем случае», да и то лишь при условии, если до того будет получено по воздуху достаточное количество горючего и продовольствия «чтобы предварительно улучшить физическое состояние людей»; вариант 3-й может стать предметом обсуждения, если будет гарантировано удовлетворительное снабжение и пополнение матчасти 6-й армии. На участии командования 6-й армии в выработке соображений по подготовке варианта 2-го Манштейн пока не настаивал. Это можно объяснить только психологическими причинами, потому что еще ранним вечером того же дня в донесении Цайцлеру он указывал, что обстановка требует «ясного решения касательно армии Паулюса», а именно отдачей приказа вырваться из окружения. Начальник Генерального штаба пообещал довести это до сведения Гитлера позднее

вечером. О том же, насколько нетерпимым становилось дальнейшее промедление, можно было убедиться в очередной раз, когда Рихтхофен в ответ на затребованные Паулюсом по варианту 2-му объемы снабжения заявил Манштейну, что «авиация такое не потянет». А о том, насколько серьезным считал Манштейн свое требование, чтобы 6-я армия вырвалась из окружения, свидетельствует его оставшаяся в черновике и не отправленная командованию армии Директива № 2. 6-я армия должна прорываться в направлении реки Мышкова — такое решение логично вытекало из оценки обстановки Манштейном еще 28 ноября 1942 года, когда он указывал на необходимость «соединения (6-й армии) с группой армий в юго-западном направлении». Весь вечер 18 декабря Манштейн не оставлял попыток добиться через ОКХ того, чтобы Гитлер срочно принял решение. Перспективы 57-го танкового корпуса на успех весьма сомнительны, доказывал он, а дни, в течение которых Паулюс еще сможет продержаться, можно сосчитать по пальцам одной руки. Следует сконцентрировать все усилия на том, чтобы теперь помочь наконец 6-й армии вырваться из окружения. Но все предложения Цайцлера и Хойзингера наталкивались на упорство Гитлера, вновь поддержанного Гёрингом, который заявил, что снабжение 6-й армии идет не так уж плохо и что Цайцлер видит ситуацию в чересчур черном цвете. Это полностью лишило Манштейна шанса превратить свою Директиву № 2 в подлежащий обсуждению приказ.

Многочисленные и настойчивые старания Манштейна добиться от Гитлера приказа 6-й армии прорываться из окружения отлично характеризуют его и как солдата, и как обладавшего чувством ответственности главнокомандующего группой армий «Дон». Тем непонятнее выглядит предпринятая им в своих мемуарах попытка²⁰ приписать миссии майора Айсмана 18 декабря в штаб 6-й армии совсем иную цель. Столь же непонятны и утверждения о наличии якобы среди командного состава 6-й армии полярно противоположных точек зрения и о будто бы широко распространенной там неспособности увидеть в попытке вырваться из окружения единственно возможный шанс на спасение армии — эти утверждения никак не подкрепляются ни документами, ни записями оставшихся в живых ветеранов 6-й армии, ни материалами личного архива Паулюса. Генерал Шмидт, вернувшийся из советского плена в 1955 году, выступил с решительным опровержением утверждений Манштейна, а что касается Паулюса, то известно, что чтение этого

пассажа в воспоминаниях Манштайна доставило ему как человеку одно из самых горьких разочарований в жизни. То, что написано у Манштайна, представляет собой не что иное, как попытку задним числом свалить всю ответственность за так и не появившийся приказ о прорыве армии из окружения на одного Паулюса.

Сразу же после возвращения Айсмана из котла 19 декабря Манштайн позвонил Цайцлеру и категорически потребовал отдачи приказа о том, чтобы 6-я армия вырывалась из окружения. Он ссылаясь, в частности, на рассказ Айсмана о тяжелейшей ситуации со снабжением 6-й армии, без обвиняков указывал на совершенно неудовлетворительное снабжение армии силами люфтваффе и вновь настаивал на том выводе, который напрашивался сам собой: «Армии не остается ничего другого, как прорываться на юго-запад». Несколькими позже он, по просьбе Цайцлера, в очередной раз оформил свои аргументы в пользу прорыва в виде сводки для ОКХ. Но Гитлер не спешил принимать решение, и поэтому Манштайн отдал в 18 часов приказ, который, в отличие от Директивы № 2, требовал от 6-й армии не генерального прорыва, а лишь подготовки ею и 4-й танковой армией двух различных операций: 1) как можно скорее приступить к осуществлению операции «Зимняя гроза», т.е. прорыва к 57-му танковому корпусу с одновременным удерживанием Сталинградского пространства; 2) готовить прорыв к реке Мышкова с целью прохода конвоя со снабжением и последующего отвода армии на юго-запад и ухода ее из района Сталинграда (операция «Удар грома»). Манштайн утверждает в своих воспоминаниях, что этим приказом его группа армий якобы давала 6-й армии шанс на спасение, но командование последней не воспользовалось, мол, этой возможностью. Но дело обстоит совсем иначе. В приказе Манштайна речь шла о двух операциях, одну из которых — «Удар грома» — намечалось провести *по возможности*, а пока же лишь подготавливать, но начать ее армия должна была только «по получении соответствующего приказа». Желание увидеть в этом приказе Манштайна, отданном вечером 19 декабря, прямое указание командованию 6-й армии взять курс на то, чтобы вырываться из окружения, не подкрепляется ни содержанием приказа, ни принятыми в армии нормами отношений. Во всяком случае, ни солдатским воспитанием, ни уставами Паулюс и Шмидт не были приучены к тому, чтобы читать «мнение» своего начальника между строк.

Вечером 19 декабря выработка решения ОКХ, командова-

ния группы армий «Дон» и 6-й армии относительно продолжения операции по деблокированию вступила в решающую стадию. В ходе делавшегося уже поздно ночью доклада об обстановке Гитлер вновь отклонил предложение о прорыве 6-й армии из окружения и, ссылаясь на тактические успехи 57-го танкового корпуса, потребовал продолжать наступление. Реальным же моментом для его позиции явилась, по всей видимости, информация, будто бы 6-я армия к этому времени также смогла продвинуться на 30 километров в юго-западном направлении. Сам же факт того, что Гитлер вообще обсуждал в своем окружении вопрос об оставлении Сталинграда, действительно, можно полагать, как заметил генерал Варлимонт, диктовался «диалектическими причинами».

Командование же 6-й армии в это время работало над тем, какими путями можно решить двойную задачу, поставленную командованием группы армий «Дон». Главная трудность состояла в том, что операция «Зимняя гроза» включала в себя удержание оборонительных рубежей, что требовало почти непрерывного участия в боевых действиях и тех бронетанковых сил, которые должны были бы готовиться к прорыву на юго-запад. В то же время при проведении операции «Удар грома» можно было не обращать внимания на вклинивание противника в оборонительные позиции и продолжать сосредотачивать необходимые для наступления бронетанковые силы на исходных рубежах. Поэтому для командования 6-й армии, равно как и группы армий «Дон», первостепенную важность приобретал вопрос, будет ли вообще дано Гитлером разрешение на проведение операции «Удар грома», а если будет, то когда. Успех же всего предприятия зависел от того, сумеет ли 57-й танковый корпус, подвергавшийся все более сильному давлению со стороны противника, удержать свои плацдармы на реке Мышкова.

20 декабря Манштайн впервые сообщил Цайцлеру, что, возможно, 57-й танковый корпус придется перебрасывать на западный фланг, дабы не допустить советского прорыва на Ростов. Сутки спустя он потребовал от Цайцлера принять окончательное решение, «будет ли 6-я армия, пока еще возможно ее взаимодействие с 57-м танковым корпусом, вырываться из окружения, или же главнокомандующий люфтваффе гарантирует ее снабжение в течение продолжительного времени». Но и к середине дня 21 ноября оперативное решение Гитлером принято так и не было, он только разрешил запросить командование 6-й армии, на какое расстояние смогла бы она продвинуться с

целью расширения кольца в южном направлении, продолжая одновременно удерживать все свои оборонительные рубежи. На том же совещании Гёринг заявил, что «надеется справиться со снабжением 6-й армии; Ешонек придерживается другого мнения», — так сообщил Цайцлер Манштайну. Тому же стал теперь, во всяком случае, ясно, что Гитлер так и не понял всей серьезности положения и по-прежнему хочет держаться за Сталинград. В ответ на запрос ОКХ генерал Шмидт доложил через группу армий «Дон», что горючего атакующим частям хватит, включая их сосредоточение, только на 20 километров. Длительное нахождение танков на фронте прорыва не представляется возможным, поскольку их необходимо постоянно иметь под рукой и включать в боевые действия, чтобы удерживать участки фронта в котле. На 21 декабря из 18 немецких дивизий 6-й армии 14 дивизий были ограничено, а две безусловно пригодны к ведению оборонительных боевых действий, только две дивизии были способны вести наступательные боевые действия. В распоряжении армии имелись 121 средний и тяжелый танк и 33 штурмовых орудия; по списочному составу армия насчитывала 249 000 человек, в том числе 25 000 пехотинцев. В материальном и количественном отношении эти цифры были достаточно впечатляющими, но недостаток боеприпасов, горючего и продовольствия не позволял сформировать группировку, которая обладала бы достаточной боевой мощью. Поэтому вывод Шмидта, что «Удар грома» явился бы «решением-катастрофой» — тем более, что неясно было, что делать с 8000 раненых, — ни в какой мере не кажется неожиданным. Не следует также забывать, что от передовых частей Готт армией отделяли 54 километра.

21 декабря, в 18.40, Манштайн передал ОКХ составленную Шмидтом сводку относительно возможного радиуса действий в потребностях в доставке горючего, а также, что «Удар грома» явился бы «решением-катастрофой». Манштайн еще раз повторил вывод, вытекающий из положения 6-й армии: если не произойдет ее скорейшего соединения с Готом, а наладить бесперебойное и достаточное снабжение 6-й армии с помощью люфтваффе все равно невозможно, то для нее остается только один выход — прорываться всеми силами из окружения. Когда мнение Манштайна было доложено на вечернем совещании Гитлеру, тот сразу же оборвал дискуссию, напомнив, что горючего Паулюса хватает всего на несколько километров, так что прорываться со всей армией он просто не сможет. Используя тот же

аргумент, Гитлер безоговорочно отклонил все дальнейшие ходатайства Цайцлера и Манштайна разрешить 6-й армии вырваться из котла. 24 часа спустя Манштайн был вынужден принять оперативное решение, оказавшее самое существенное влияние на все дальнейшие боевые действия окруженной армии.

Для укрепления левого фланга группы армий «Дон» теперь приходилось привлекать и силы 4-й танковой армии. Это неизбежно влекло за собой отказ от продолжения операции по деблокированию и требовало налаживания на продолжительное время стабильного и достаточного снабжения 6-й армии по воздуху из расчета 500 тонн грузов в сутки, о чем Манштайн и доложил ОКХ, присовокупив к этому свое мнение о том, что если снабжение по воздуху в таком объеме обеспечить невозможно, то 6-й армии следует вырваться из окружения. В ночь с 22 на 23 декабря Гитлер разрешил упомянутую переброску дивизий 4-й танковой армии, дав тем самым понять, что смирился с крахом попытки Гота по деблокированию 6-й армии. Но, поверив новым заверениям Гёринга, он еще крепче привязал 6-ю армию к Сталинградскому району. Во второй половине дня командование 4-й танковой армии отдало приказ о прекращении деблокирующей операции «Зимняя гроза» и начало постепенно отводить свои части от реки Мышкова на юго-запад.

В то время как Манштайн бранил ОКХ и Гитлера, называя их «умниками», Рихтгофен, к чьему мнению не захотел прислушаться Гёринг, обзывал себя «высокооплачиваемым унтер-офицером», а Цайцлер безуспешно старался уговорить Гитлера вылететь в Новочеркасск, командование 6-й армии продолжало подготовку к операциям «Зимняя гроза» и «Удар грома». 23 декабря был уже готов рукописный черновик приказа относительно операции «Удар грома», где четко намечались район прорыва и те участки обороны, откуда планировался постепенный отвод войск. Вечером Манштайн в осторожных выражениях проинформировал командование 6-й армии об «ослаблении прикоски» (т.е. 4-й танковой армии) и попросил дать ответ, сможет ли армия, если не останется никакой иной возможности, осуществить операцию «Удар грома». На это Паулюс несмысленно ответил, что, если этого требует обстановка в целом, о чем он «отсюда судить не может», несмотря на все трудности, проводить операцию «лучше сейчас, чем потом», и попросил разрешения на начало операции. Однако Манштайн не считал себя вправе дать такое разрешение. Отсюда неопровержи-

мо следует, что 6-я армия была готова вырваться из окружения, если бы был отдан соответствующий приказ по группе армий «Дон» и если бы было откровенно сказано, что гарантировать удовлетворительное снабжение по воздуху на случай продолжения обороны в котле не представляется возможным.

Но начиная с 24 декабря поступающая от группы армий «Дон» информация о том, как развивается обстановка на реке Мышкова, становится настолько скудной, что это не могло не вызвать подозрений у командования 6-й армии. Генерал Шмидт со все большей настойчивостью запрашивает, как иде наступление с целью деблокирования, но вместо однозначных ответов на эти вопросы получает пространную информацию от носительницы прибытия новых транспортных самолетов. В тот же день, 24 декабря, оставляет свои попытки добиться у Гитлера согласия на то, чтобы 6-я армия вырвалась из окружения Манштайн. Главным для него теперь становится укрепление своего левого фланга, ибо в противном случае будет неминуема новая катастрофа. Тем самым продолжение 6-й армией боевых действий в котле обретает новую функцию — связать как можно больше советских войск и помешать им нанести чреватую большой бедой удар на Ростов. Следует сказать, что это задание 6-я армия выполнила²¹. Только не надо считать это оправданием дальнейшего упорного прозябания 6-й армии в котле равно как и не следует рассматривать смену приоритетов Манштайна как его отречение от 6-й армии. Дело в том, что все его усилия стали беспредметными после того, как 24 декабря началось советское наступление на правый фланг его групп армий. 27 декабря Паулюс в последний раз проводит с командирами корпусов совещание относительно возможностей приступить к осуществлению операции «Удар грома». А еще через день Гитлер дает согласие на вывод группы армий «А» с Кавказа, на отход групп армий «Дон» на Дон и Донец, а также на объединение обеих групп армий под командованием Манштайна. Широковещательное намерение «сохранить 6-ю армию в ее цитадели и создать условия для ее освобождения» оказалось пустым звуком. Деблокирование 6-й армии стало уже задачей восторженной.

Новая операция по деблокированию намечается теперь на середину февраля, и повести ее планируется силами танковой группировки, которая будет сосредоточена юго-восточнее Харькова.

Прекращение операции по освобождению 6-й армии заста-

вило ее командование сделать для себя горькие выводы. 30 декабря штабы корпусов были извещены о том, что «Удар грома» в ближайшем будущем не предвидится и что войскам следует сосредоточиться на оборонительные бои, которые придется вести в течение недель, рассчитывая только на собственные силы²². К этому времени армия насчитывала 241 000 человек, 539 орудий и 131 единицу танков и штурмовых орудий. В сознании армейского руководства постепенно зреет мысль, что, заставляя армию продолжать борьбу, ею жертвуют ради спасения южного фланга всего Восточного фронта! Но солдаты вступали в новый бой с надеждой, что, может быть, их все-таки еще выручат и они увидят родину и свои семьи. Внешне их командиры были преисполнены уверенности и упорства, хотя они уже знали, что надежды на спасение почти нет. И тем не менее сохранившийся черновик ответа Шмидта на новогодний призыв фюрера свидетельствует о вновь вспыхнувшей вере в Гитлера и о наличии своего рода чувства упрямы, проявлявшегося в «фанатичном стремлении» выстоять вопреки всему. Так обозначились первые признаки фатализма. В последующие недели они станут свидетельствовать о себе все настойчивее.

4. СЛУЧИЛОСЬ ТО, ЧТО НЕВОЗМОЖНО БЫЛО ПРЕДСТАВИТЬ: КОНЕЦ 6-Й АРМИИ

Начиная с 24 декабря на положении 6-й армии еще сильнее, чем если прежде, сказывается то, как идет ее снабжение воздушным путем. Наступление советских войск на западном направлении спутало все карты, хотя на снабжение 6-й армии было выделено большое количество имевшихся в наличии воздушных транспортных средств. К концу первой декады января базы снабжения по воздуху были оборудованы в Сальске, Новочеркасске, Ворошиловграде, Сталино, Шахтах и Зверево²³. Однако доставка грузов затруднялась низкой эксплуатационной готовностью самолетов. Поскольку на эти цели собрали буквально все, что только можно, то сюда попадали транспортные самолеты с техническими неисправностями и неподготовленными экипажами. Так, 10 января 1943 года из общего количества 490 самолетов готовыми к вылету оказались только 50 процентов машин. Согласно новому приказу Гитлера, они должны были ежедневно доставлять в котел 300 тонн грузов. Рихтхофен и Фибиг, равно как и Манштайн, отнеслись к этому требованию весьма скептически, так как сомневались в его выполнимости — не в

последнюю очередь их смущало все увеличивающееся расстояние между стартовыми аэродромами и котлом. Зная по опыту, что и прежде-то добиться доставки более 25—50% ежесуточной потребности в снабжении не удавалось, Рихтхофен заявил, что «вывод о судьбе 6-й армии напрашивается сам собой». Его точку зрения разделяли Манштайн и Фибиг.

Дальнейшее развитие ситуации со снабжением 6-й армии полностью подтвердило этот прогноз. В период с 1 по 9 января 1943 года армия израсходовала 629 тонн боеприпасов, доставлено же ей было за то же время всего 48,5 тонн, результатом чего явилось «опасное уменьшение» боезапаса и невозможность срывать подготовку атакующих действий противника, который становился «все наглее». Такая же ситуация была и с горючим: 8 января советские войска смогли только потому значительно вклиниться в ряде мест в немецкую оборону, что немцев из-за отсутствия жидкого топлива не было возможности маневрировать самоходными орудиями. Но наиболее трудной проблемой 6-й армии стала проблема продовольствия. Выдача хлеба сократилась до 50—100 граммов в день, солдаты начали резать собак. 10 января начальник тыла армии затребовал ежесуточной доставки 165 тонн продовольствия, что было явно невыполнимо. Командование 6-й армии предпринимало все, что было в его силах, чтобы доводить обстановку до сведения группы армий и ОКХ. В обход принятого пути прохождения служебных документов донесения шли также и в окружении Гитлера, в Генштаб сухопутных войск, начальнику службы тыла. Так, подполковник Эльхлепп сообщал своему коллеге по прежней службе в Генштабе Топпе, что если люфтваффе не будет доставлять, как приказано, 300 тонн в сутки, то «все мы здесь окажемся на краю катастрофы». Почему бы, собственно говоря, продолжал он, кому-то из высших чинов ОКХ не побывать у нас, чтобы собственными глазами увидеть, насколько ситуация близка к катастрофе. А вот как описывал положение с снабжением Куновски: «Армия почти неподвижна, она голодает и замерзает!» Все эти высказывания свидетельствуют о том, что в 6-й армии начинает все явственнее проявляться горькое разочарование и ожесточение по поводу невыполненных посулов и несбывшихся ожиданий. Единственным виновником всех бед называли при этом — объективность требует признать, что незаслуженно, — люфтваффе. Надо сказать, что экипажи вылетали, рискуя собственными жизнями, и в критических погодных условиях — на 9 января 1943 года потери составили уж

154 самолета. Наиболее наглядное представление о настроении в 6-й армии дает письмо офицера оперативного отдела штаба армии капитана Бера адъютанту Гитлера от военно-воздушных сил подполковнику фон Белову, датированное 11 января 1943 года: «... на деле же, вопреки всем приказам и обещаниям, нам до сих пор доставляют по воздуху в среднем не более 100 тонн в сутки. И до сих пор ни в люфтваффе, ни в сухопутных войсках нет человека, который бы один полностью отвечал за организацию этого дела. Все там у вас делается спустя рукава — кто-то что-то приказывает, кто-то что-то обещает и т.д., но нет ни гроши, ни тучи, которая бы пролилась на нас таким дождем, чтобы мы наконец смогли выдавать нашим солдатам хотя бы на боевых позициях больше чем 100—200 граммов хлеба в день. Ты знаешь, что я отличаюсь здоровым оптимизмом. Он сводится к тому, что мы здесь сможем и будем держаться, если будем получать необходимое... снабжение. В противном же случае все тут прямехонько полетит ко всем чертям. Или же вы должны организовать танковый рейд силами нескольких дивизий с мощной колонной в середине и под командованием настоящего воюки, который не будет пустословить и проводить успешные операции только на бумаге, как это делает старик Гот, а станет нашим спасителем и, все преодолев, доставит нам сюда приличные припасы. Я убежден, что там наверху вы стараетесь изо всех сил, но у меня все же создается такое впечатление, что наши донесения передаются вам — сознательно или бессознательно — в искаженном виде. Может быть, кто-то настроен слишком оптимистично и думает: ну, коли они там до сих пор продержались, то протянут как-нибудь и дальше... а то, что тысячи трудностей при снабжении по воздуху и т.д. будут накладываться друг на друга, следует принимать в расчет заранее, а не констатировать это задним числом»²⁴.

Какие донесения ложились в эти недели ежедневно на стол Гитлеру, сегодня установить уже невозможно, но то, что зачастую они неправильно отражали обстановку, следует из слов Цайцлера, сказанных им генералу Хубе, когда тот передал ему точные данные относительно снабжения по воздуху: «Таких сводок мне до этого видеть не доводилось». И замечания подобного рода делались Цайцлером в дни Сталинградского сражения не один раз.

Армия принимала скромные, посильные меры по восстановлению боеспособности своей пехоты. Измотанные, обескровленные части сменялись и вливались в другие подразделе-

ния, в том числе во вновь формируемые «фортификационные батальоны», которые создавались из солдат других родов войск. В ожидании большого советского наступления строились отсечные позиции; к тому времени у 6-й армии было в строю 95 танков, 33 штурмовых орудия, 176 средних и 134 тяжелых противотанковых орудия, но им не доставало боеприпасов. Почти беззащитные перед лицом голода и холода войска, в общем еще сохранявшие боевой дух, уже приближались к тому рубежу, за которым неизбежно наступали апатия, чувство безысходности и полная потеря сил. Не составили в этом отношении исключения и сам Паулюс, и его штаб, и, какие бы ни произносились другие слова, почти ни у кого уже не было сомнения, что судьба армии предрешена. В довершение ко всему вернувшийся 9 января из ставки фюрера генерал Хубе привез поистине гротескное сообщение: на начало марта намечается новая операция по деблокированию, а до того времени армия должна продолжать обороняться — если придется, в маленьком котле в черте города!

Именно в такой ситуации и началось 10 января 1943 года крупное советское наступление, имевшее своей целью разгром войск окруженной армии. Ему предшествовал призыв к капитуляции, с которым советская сторона обратилась к 6-й армии 8 и 9 января²⁵. Этот призыв с полного согласия командиров корпусов был отклонен Паулюсом. Дальнейшее появление парламентариев перед немецкими позициями было решено встречать огнем. Отказ от капитуляции Паулюс обосновывал тем, что 6-я армия еще сохраняет свою боеспособность. Но советское наступление сразу же показало, насколько ослабла к тому времени сила немецких войск и в физическом, и в психологическом отношении. Порою обстановка складывалась настолько критическая, что по армии был отдан приказ, согласно которому ни один солдат не имел права сделать ни шагу назад, а должен был сражаться «до последнего патрона». Отовсюду поступали донесения о больших потерях. Отсутствие горючего не позволяло уже маневрировать тяжелыми орудиями. Когда вечером 12 января генерал Пикерт вылетал с донесением к Рихтхофену, то полученная им от Паулюса и Шмидта сводка содержала весьма мрачную картину, что не было, однако, сюрпризом ни для Манштейна, ни для ОКХ — те тоже оценивали ситуацию как «невыносимую». 13 января в ставку фюрера вылетел Бер, чтобы через посредничество фон Белова подготовить Гитлера к мысли о том, что нужно наконец предоставить Паулюсу свободу дей-

ствий с правом самому решить, когда следует прекратить сопротивление. Но Гитлер не хотел ни о чем слушать. В тот же день Цайцлер одобрил разработанный оперативным отделом план «Дитрих» по намечавшейся на март новой попытке деблокации 6-й армии²⁶. Утром 16 января был потерян опорный пункт воздушного снабжения Питомник, а командный пункт 6-й армии переместился на КП 71-й пехотной дивизии в самом Сталинграде. Повсюду царил ужасающая картина: истощение от голода, замерзающие солдаты, раненые, пытающиеся поизломом добираться до города. К вечеру 17 января территория котла сократилась вдвое! Пора было прекращать бои, чтобы те, кто еще остался в живых, — а они честно выполнили свой долг, — были вознаграждены таким концом, какого они заслуживали. Но Гитлер придерживался другого мнения — 15 января он отдает приказ генерал-фельдмаршалу Мильху об обеспечении снабжения 6-й армии по воздуху в объеме 300 тонн в сутки. Мильх получает самые широкие полномочия и право вместе с Рихтхофеном командовать 4-м воздушным флотом — первый должен был отвечать за снабжение, а второй за выполнение боевых задач. В штабе воздушного флота были буквально оговорены той оптимистической картиной, которая была нарисована прибывшим Мильхом и в отношении тактической обстановки, и в отношении ситуации со снабжением в целом. Однако назначение Мильха ни на йоту не изменило хода событий — уже было поздно что-либо сделать, не могли тут помочь ни назначение генерала Хубе заместителем Мильха, ни усиление поддержки транспортных эскадрилий истребителями. Начиная с 24 января снабжение 6-й армии осуществляется только путем сбрасывания грузов с самолетов, но у солдат уже не было сил даже для того, чтобы подбирать то, что им сбрасывали.

Этим днем датируется наступление паузы в снабжении Сталинграда по воздуху — и не только по той причине, что войска в котле лишились в тот день своего последнего аэродрома, но еще и потому, что в тот же день командующий группой армий «А» впервые поставил перед Рихтхофеном вопрос о перенесении центра тяжести усилий транспортной авиации на Кавказ. И хотя люфтваффе теперь уже ничем не могла помочь 6-й армии, самолеты до конца боев в Сталинграде продолжали сбрасывать на предположительных «маршрутах отхода» войск мешки с грузами и лыжи. Позднее Паулюс назовет уничтожение его армии «самой ужасной трагедией германской военной истории, случившейся из-за того, что подвела авиация», и добавит,

что если бы он мог предвидеть такое бессилие люфтваффе, т вырывался бы вместе с армией из окружения в ноябре 1942 г да. Но эта оценка верна лишь в нюансах: Паулюс и его шта уже 24 декабря 1942 года должны были осознать, что снабж ние целой армии в условиях зимы и на протяжении многих не дель было попросту невозможным. Такой вывод они должн были бы сделать, собственно говоря, из достаточно большо опыта снабжения по воздуху, накопленного ими к тому моме ту. Но что интересно — командование 6-й армии пришло тогд к совершенно противоположному выводу. Когда генерал Хуб прилетел 19 января из котла, он обрисовал Цайцлеру обстано ку и сделал следующее — несомненно, согласованное с Паулю сом и Шмидтом — заключение: теперь было бы правильное на целивать запланированную операцию не на деблокирование 6-й армии, а на укрепление фронтов групп армий «А», «Дон» и «Б», поскольку все, кто находился в котле, отлично сознают «что нельзя допустить второго Сталинграда, на каком-либо дру гом участке фронта». Конечный же вывод из анализа обстано ки был таким: «Гибель 6-й армии ляжет тяжелым бременем на Верховное командование. В интересах немецкого народа н следует ни в коем случае допускать, чтобы из-за этого была по колеблена вера в фюрера. Поэтому необходимо, чтобы фюрер постепенно отошел от непосредственного и детального руко водства войсками и переложил эту функцию на другого»²⁷.

Такая точка зрения, кстати, полностью совпадала и с мнен ием Манштайна.

22 января советские войска нанесли первый решающий удар, нацеленный на уничтожение окруженной немецкой группировки. Казалось, что действительно приходит конец всему, и Паулюс просит Гитлера — кстати, вопреки мнению Шмидта — разрешить армии прекратить сопротивление. Когда же Гитлер отклоняет эту просьбу, о том же просит его по теле фону Манштайн — и тоже получает отказ. С точки зрения чести, заявляет фюрер, о капитуляции не может быть речи. Вече ром Гитлер телеграфирует командованию 6-й армии: «Своей борьбой армия внесла неоценимый вклад в ход величайшего сражения немецкой истории!» Так была сорвана попытка «упо рядочить умирание» войск. Теперь признаки разложения про являются уже и в самом штабе 6-й армии.

25 января Паулюс разрешает трем группам, в состав кото рых входили рядовые, унтер-офицеры и офицеры, оставить свои позиции и попробовать пробиваться на запад. Но ни одной

и групп это не удалось. Вечером 2 февраля командование 4-м воздушным флотом принимает решение о прекращении воз душного снабжения Сталинграда; в ту же ночь это решение бы ло формально подтверждено соответствующим приказом Гит лера²⁸.

После приказа Гитлера, запрещающего какую-либо капиту ляцию, 6-я армия продолжала сражаться. И сколь бы бесперс пективной ни была ее борьба, Паулюс все еще не мог решиться прекратить ее. 25 января остатки 297-й пехотной дивизии под командованием генерал-майора фон Дреббера первыми пре являют сопротивление. День спустя штаб 6-й армии переби рается в свое последнее убежище — в здание универмага в цен тре Сталинграда. Уже нет связи с частью армии, находящейся в северном мешке. 26 января советские части, наступавшие с юга и запада, вышли к Мамаеву Кургану и «Красному Октябрю» и окончательно загнали 6-ю армию в два мешка — север ный и южный. Начиная с 28 января сопротивление идет уже в виде отдельных, разрозненных акций. На следующий день ко мандир 14-го танкового корпуса генерал-лейтенант Шлёмер, после ряда безуспешных попыток получить от Паулюса разре шение на прекращение боевых действий, поднимает над здани ем тюрьмы НКВД белый флаг. В штабе 6-й армии, как и в штабе группы армий «Дон», полагают, что советское командование рассчитывает добиться капитуляции уже 30 января и что не мецкая сторона должна всеми силами стараться не допустить этого. Паулюс до последнего момента соблюдает приличие — 29 января он отправляет Гитлеру поздравительную телеграм му по поводу 10-летия прихода к власти и на следующий день получает от того ответ. Вечер 30 января застает остатки 6-й ар мии, в том числе и ее штаб, в универмаге на Красной площади. Другие части, в том числе штабы 8-го, 4-го и 51-го армейских корпусов, занимают круговую оборону в казарме, где ранее рас полагались саперы. Войска во все более сужавшемся южном мешке подчиняются командиру 71-й пехотной дивизии гене рал-майору Роске, в районе круговой обороны в центре — гене ралу артиллерии Хайцу. Оборону в северном мешке держит 11-й армейский корпус под командованием генерала пехоты Штреккера. Вечером того же дня генерал Роске вступает с со ветскими войсками в переговоры, которые заканчиваются ут ром 31 января соглашением о прекращении боевых действий. Почему это делает Роске, а не командование 6-й армии, объяс няется тем, что последнее считало себя «лишь пассажирами» в

штабе 71-й пехотной дивизии и избегало всего, что прямо нарушило бы приказ Гитлера сражаться до последнего патрона «Я не буду ничего делать», — заявил Паулюс в ответ на требование Зайдлица предпринять хоть что-то, дабы упорядочить кончину 6-й армии. Утром 31 января 1943 года, в 8.45, по просьбе Роске для ведения переговоров о прекращении огня прибыл наконец начальник штаба 64-й советской армии генерал-майор Ласкин. Но документ о капитуляции на этих переговорах подписан не был. Роске отдал лишь последний приказ своей дивизии — точнее, по остаткам дивизии. К вечеру сформированной в этих целях германо-советской группой была организована процедура сдачи немецких солдат из южного мешка и их перевод в район размещения военнопленных. В тот же день, без каких-либо дополнительных переговоров с советской стороной, прекратила сопротивление центральная оборонительная группировка генерала Хайца: утром в ее расположение появились русские солдаты и, почти не встречая сопротивления, принудили немецких солдат к сдаче. 2 февраля 1943 года прекратилось сопротивление в северном мешке — в 10.45 утра капитулировал штаб 11-го армейского корпуса.

Еще в ночь на 31 января 1943 года Гитлер произвел Паулюса в генерал-фельдмаршалы: он надеялся, что удостоенный такой чести солдат предпочтет русскому плену героическую смерть. Будучи обманутым в своих ожиданиях, фюрер во время совещания в ставке днем 1 февраля последними словами поносил Паулюса и оказавшихся в плену генералов за отсутствие у них характера, понятия о чести и за трусость.

Согласно новым оценкам, в советском плену оказались примерно 113 000 солдат 6-й армии — немцев и румын. В их числе — один генерал-фельдмаршал, один генерал-полковник, два генерала артиллерии, один генерал пехоты, семь генерал-лейтенантов и десять генерал-майоров — восемь немецких и два румынских. Таким был конец Сталинградского сражения.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Описание Сталинградской битвы см. в следующих новейших изданиях: *Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg*, Bd. 6. Stuttgart, 1990. S. 761 (в частности, раздел, написанный Вегнером, S. 962 f.); *Kehrig M. Stalingrad. Analyse und Dokumentation*. Stuttgart, 1979; *Förster J. Stalingrad. Risse in Bündnis*. Freiburg, 1975. По-прежнему сохраняет свою ценность следующая книга: *Doerr H. Der Feldzug nach Stalingrad*. Darmstadt, 1955. Главным образом на нее я и опираюсь в дальнейшем в моей статье.

² См. в первую очередь *Förster J.* Op. cit. S. 13 f.

³ См.: *Wilhelm H.-H. Die Prognosen der Abteilung Fremde Heere Ost 1942 — 1945*. Stuttgart, 1974, а также критический ответ на эту работу Х. Диттриха: *Militärgeschichtliche Mitteilungen (MGM)*, 25 (1979). S. 225 ff.

⁴ См. статью А. Харькова в этом сборнике.

⁵ *Kehrig M.* Op. cit. S. 118.

⁶ См. статью Ж. Анселя в этом сборнике.

⁷ Более подробно см.: *Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg*, Bd. 6, S. 997 (раздел Вегнера).

⁸ О внезапном захвате моста под Калачом см.: *Kehrig M.* Op. cit. S. 170 f., а также статью А. Харькова в этом сборнике.

⁹ Чинные фонды генерал-фельдмаршала Ф. Паулюса (№ 372) и генерал-лейтенанта А. Шмидта (№ 601) находятся во входящем в состав Федерального архива Военного архиве (*Bundesarchiv-Militärarchiv*, сокр. ВМ-МА) во Фрайбурге. В них содержится интересный материал по данной теме.

¹⁰ *Kehrig M.* Op. cit. S. 206; *Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg*, Bd. 6, S. 1026 (раздел Вегнера) — там содержатся и оценки, отличающиеся от приводимых здесь.

¹¹ См.: *Fischer J. Über den Entschluss zur Luftversorgung Stalingrads: MGM*, 6 (1969). S. 7–67; о приводимых здесь фактах см. S. 59.

¹² Об этом эпизоде см.: *Martens H. General v. Seydlitz*. Berlin, 1971. S. 8 f.

¹³ Приведенные цифровые данные см.: *Kehrig M.* Op. cit. S. 271. См. также статью Р. Оверманса в этом сборнике.

¹⁴ См. статью Й. Фишера, упомянутую в примеч. 11.

¹⁵ Более подробно см.: *Kehrig M.* Op. cit. S. 307 f.

¹⁶ *Ibid.* S. 633 f. (Document 67).

¹⁷ См.: *Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg*, Bd. 6, S. 1035 f. (раздел Вегнера).

¹⁸ См. статью Г. Шрайбера в этом сборнике.

¹⁹ О миссии Айсмана см.: *Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg*, Bd. 6, S. 1048 (раздел Вегнера).

²⁰ *Manstein E. v. Verlorene Siege*. Bonn, 1955, S. 363 f.

²¹ См.: *Чуйков В.И.* Сражение века. М., 1978. Чуйков командовал в Сталинграде 62-й советской армией.

²² См.: *Kehrig M.* Op. cit. S. 450 f.

²³ *Ibid.* S. 484 f.

²⁴ *Ibid.* S. 503. Об обстановке в котле см. также статью Р. Оверманса в этом сборнике.

²⁵ См. статью А. Харькова в этом сборнике.

²⁶ Запись в дневнике офицера генерального штаба полковника графа Кильманзегга от 15.01.43 — ВМ-МА, N 811 Graf Keilmannsegg.

²⁷ *Kehrig M.* Op. cit. S. 527.

²⁸ *Ibid.* S. 526.

III. ВОЗДЕЙСТВИЕ СТАЛИНГРАДСКОЙ БИТВЫ НА ГЕРМАНИЮ

Эберхард Шварц

МЕЖДУ СТАЛИНГРАДСКОЙ И КУРСКОЙ БИТВАМИ СТАБИЛИЗАЦИЯ ВОСТОЧНОГО ФРОНТА В ФЕВРАЛЕ-МАРТЕ 1943 ГОДА*

1. ПОЛОЖЕНИЕ ГРУПП АРМИЙ «Б», «ДОН» И «А» В ЯНВАРЕ 1943 ГОДА

На германо-советском фронте насчитывалось с немецкой стороны пять групп армий; в оперативном плане их действия руководил Генеральный штаб сухопутных войск во главе с генералом пехоты Куртом Цайцлером. Но главные решения принимались главнокомандующим сухопутных войск Адольфом Гитлером, чье кредо было «держаться любой ценой» и без чьего прямого приказа запрещался любой, даже диктованный тактическими соображениями отход¹. Правда, Сталинград нанеся тяжелый удар по самоуверенности фюрера в военных вопросах, однако и теперь он не собирался наделять своих военных советников или командующих фронтов более широкими правами.

На рубеже 1942–1943 годов, через пять недель с небольшим после начала советского зимнего наступления, вырисовывался два четко обособленных друг от друга главных района боевых действий: агонизирующее сопротивление 6-й армии в Сталинграде и борьба групп армий «Б», «Дон» и «А» за удержание южного

* Настоящая статья представляет собой резюме моей книги: *Schwarz E. Die Stabilisierung der Ostfront nach Stalingrad. Mansteins Gegenangriff zwischen Don und Dnepr im Frühjahr 1943* Göttingen — Zürich, 1986 (Studien und Dokumente zur Geschichte des Zweiten Weltkrieges. Bd. 17)

ного фланга Восточного фронта. Успешные прорывы на участках 8-й итальянской армии (16 декабря 1942 года) и 2-й венгерской армии (12 января 1943 года) открыли перед советским командованием оперативные возможности, выходящие далеко за рамки разгрома одной армии, — создавалась угроза окружения трех групп армий путем нанесения удара в направлении Днепра и Азовского моря. Это переносило центр тяжести советских операций в район Харькова и на Донбасс.

С 24 января 1943 года целью крупного советского наступления является 2-я армия. И если немецким корпусам, оказавшимся в короткое время отрезанными друг от друга, все же удалось благодаря отчаянным усилиям по прорыву спастись от полного разгрома, то советские войска сумели тем не менее добиться многого: продвигаясь почти беспрепятственно в западном направлении, они дошли до Курска и уже 8 февраля захватили его.

В результате положение группы армий «Б» становится в целом в достаточной степени безнадежным. Генерал-полковник (с 1 февраля — генерал-фельдмаршал) барон фон Вайхс уже не видит возможности остановить продвижение противника немногими еще имевшимися в его распоряжении силами. По всей вероятности, его мучали опасения, что после катастрофы под Сталинградом теперь на Восточном фронте может грозить и уже вырисовывается несравненно более крупное поражение с непоправимыми последствиями — блокирование и разгром групп армий «А» и «Дон».

Группой армий «А» под командованием генерал-полковника (с 1 февраля — генерал-фельдмаршала) фон Кляйста в конце декабря 1942 года было получено наконец от Гитлера разрешение (намного запоздавшее, да и теперь еще половинчатое и отданное весьма неохотно) на отступление с Кавказа. В итоге на фюрера, наверное, все же повлияли слова Цайцлера, что там может возникнуть «второй Сталинград»².

Однако вскоре Гитлер сузил свое разрешение новыми рамками, приказав организовать на расположенном напротив Крыма Таманском полуострове большой плацдарм в качестве базы для новых наступательных операций летом 1943 года. В результате из состава группы армий «А» была взята, переподчинена группе армий «Дон» и переброшена через Ростов на север только северная группировка 1-й танковой армии (генерал кавалерии фон Маккензен), тогда как всем остальным силам было приказано занять «долговременную оборону». Так за-

стряли здесь войска общей численностью около 400 000 человек, оказавшиеся выключенными из активных боевых действий по стабилизации Восточного фронта.

В состав группы армий «Дон» (генерал-фельдмаршал фон Манштайн) в январе 1943 года входили, помимо 6-й армии, 4-я танковая армия и занимавшиеся обустройством оборонительных позиций в районе Дон — излучина Донца армейские группы Холлидта и (с 16 января) Фреттер-Пико.

4-я танковая армия под командованием генерал-полковника Гота, дислоцировавшаяся в начале года в треугольнике между Доном и Манычем, под давлением превосходящих сил противника была вынуждена отходить в западном направлении и оказалась наконец на южном берегу Маныча. Советские войска силами нескольких корпусов стремились вбить клин между 4-й танковой армией и армейской группой Холлидта и тем самым перерезать снабжение всей группы армий «А» и 4-й танковой армии.

Первоочередная цель Манштайна, получившего с конца января с подчинением его группе армий 1-й танковой армии возможность самому устанавливать темпы отхода своих соединений, состояла, судя по всему, в том, чтобы как можно скорее вывести через Ростов дивизии Маккензена и Гота, поскольку давление противника здесь все более нарастало и удерживать далее переправы через Дон уже не представлялось возможным.

2. ОТХОД ГРУППЫ АРМИЙ «ДОН» НА ЛИНИЮ ОБОРОНЫ ПО РЕКЕ МИУС

Единственной предпосылкой для того, чтобы в условиях тяжелого положения, создавшегося в январе 1943 года, все же вновь удалось стабилизировать фронты групп армий «Дон» и «Б», мог быть только подход больших контингентов войск из рейха или с других участков Восточного фронта. Вывод группы армий «А» дал, по существу, всего лишь четыре, да и то уже частично обескровленные дивизии. Рассчитывать, что занявшие «долговременную оборону» соединения будут в обозримом будущем переброшены по воздуху или по морю через Крым, не приходилось. И хотя отвод 4-й танковой армии через Дон на север облегчал положение групп армий «Дон», этих подкреплений было недостаточно для успешного наступления на противника, который обходил эту группу армий с запада.

Остатки группы армий «Б» были пополнены лишь танковым

корпусом СС и тремя дивизиями, срочно доставленными из Франции. Командование группы армий «Центр», которое само упорно добивалось разрешения сократить чрезмерную протяженность фронта за счет отказа от ржевского выступа, было не в состоянии передать группам армий «Б» и «Дон» значительное количество своих войск.

В создавшейся обстановке напрашивался естественный вывод — высвободить за счет спрямления фронта группы армий «Дон» дивизии, которые затем можно было бы бросить навстречу противнику, продвигавшемуся, почти не встречая никакого сопротивления, на запад в полосе группы армий «Б». Но сообщения по выводу войск с плацдарма на выступе между излучинами Дона и Донца и по строительству нового фронта сокращенной протяженности дальше к западу натолкнулись на сильное сопротивление Гитлера. Хотя фюрер и понимал оперативные преимущества такого решения, однако по военно-экономическим причинам³ он хотел во что бы то ни стало удержать Донбасс. Неоднократно высказывавшееся ему Манштайном и Шидлером мнение, что фронт по Дону и Донцу с наличными силами удержать все равно не удастся и что потеря целой группы армий чревата куда более худшими последствиями, чем отказ от полезных ископаемых этого района, поддержки у Гитлера не встречало.

О том, как оценивал ситуацию Манштайн, говорит его точное мнение, доведенная им до сведения ОКХ 3 февраля⁴. Резко критически проанализировав обстановку на южном участке Восточного фронта, Манштайн выдвинул затем столь же гениальное, сколь и смелое предложение. Пусть группа армий «Дон» отступает с боями до рубежа Мелитополь-Днепропетровск и увлекает за собой советский южный фланг. После чего следует, используя удобное железнодорожное сообщение, сойти с северный фронт наступления, перерезать русские коммуникации, идущие с севера на юг, а затем (обеспечив прикрытие в северном направлении) повернуть на юго-запад с целью отвлечения противника к Азовскому морю, загнать его таким образом в котел и уничтожить.

Такое «большое решение», означавшее, что группа армий «Дон» должна будет сначала уступить противнику территорию, которая по своей максимальной протяженности с востока на запад достигала 400 километров, и лишь затем перейти в контр наступление с отнюдь не гарантированным успехом, не имело ни малейшего шанса встретить поддержку у Гитлера. И

все же Манштейну удалось, когда он был вызван 6 февраля отчетом в ставку фюрера, добиться у того согласия на «малое решение», заключающееся в том, что эта группа армий отводилась на уже подготовленный «миусский рубеж», проходивший от Азовского моря сперва вдоль реки Миус до Донца западнее Ворошиловграда; таким образом, значительная часть важного в экономическом отношении Донецкого бассейна оставалась в немецких руках⁵.

Принятое 6 февраля решение предоставило наконец Манштейну свободу оперативного маневра. Отныне ослабла и столь мелочная до того опека со стороны Гитлера. Ситуация на южном участке немецкого Восточного фронта стала столь критической, что Гитлер теперь был уже рад возможности не вмешиваться в нее лично. К тому же сказывалось тут и влияние Цайцлера, уговаривавшего фюрера, чтобы тот «не слишком опекал» генерал-фельдмаршала⁶.

Первый шаг по стабилизации обстановки был предпринят Манштейном еще 3 февраля. 1-я танковая армия после отмены ее прежней задачи получила в свое подчинение район, который занимала группировка Фреттер-Пико (ставшая 30-м армейским корпусом). Генералу фон Маккензену была поставлена задача удерживать силами этих армейских корпусов фронт на Донце, а силами двух подчиненных ему танковых корпусов (3-го и 40-го) с приданными им подвижными частями выступить против противника, форсировавшего западнее Славянск Донец и продвигавшегося в южном направлении⁷.

Сразу после возвращения из «Волчьего логова» Манштейн приступил к постепенному отводу частей своей группы армий с занимаемых позиций⁸. Но если отход дивизий группы Холлидта на отведенные им по реке Миус рубежи прошел, несмотря на преследование их противником, с относительно небольшими потерями, то отступление 4-й танковой армии до последней минуты грозило обернуться катастрофой. Для объединенной силы противостоявших ей четырех русских армий не составило бы никакого труда одним ударом выбить 4-ю танковую армию с ее позиций на реке Дон. Однако вопреки ожиданию советские войска не воспользовались столь критической для группы армий «Дон» ситуацией. В ходе дальнейшего отступления немецкие войска оставили в ночь на 14 февраля Ростов — после того как он сыграл роль горлышка бутылки, через которое прошли все отводившиеся с Кавказа части. После шести с половиной месяцев оккупации город на Дону снова стал свободным.

17 февраля группа Холлидта дополнительно к своим позициям заняла и участок обороны 4-й танковой армии. Командование армии перевело свой штаб в Днепропетровск, откуда генерал-полковник Гот вскоре руководил атакующими операциями против противника, хлынувшего через образовавшуюся брешь в юго-западном направлении к Днепру.

Обстановка в новом районе боевых действий 1-й танковой армии чрезвычайно обострилась вследствие двух обстоятельств. Пользуясь безнадежной ситуацией группы армий «Дон», на ее левом фланге начала беспрепятственное продвижение в юго-западном направлении подвижная группа советских войск Юго-Западного фронта во главе с генерал-лейтенантом Поповым; к 11 февраля эта группа, имевшая в своем составе значительные силы, уже была близ Постишево. Поскольку в это же время другой советской группе, действовавшей в полосе 30-го армейского корпуса, удалось прорваться у Ворошиловграда и выйти к важному железнодорожному узлу Дебальцево, то над 1-й танковой армией нависла угроза двустороннего охвата.

В последующем ходе отступления к миусскому рубежу немцами 15 февраля вследствие резко обострившейся обстановки был оставлен Ворошиловград. Бои за Дебальцево носили упорный характер, противника удалось остановить только благодаря взаимдействию с силами группы Холлидта. К 18 февраля все отошедшие войска расположились на миусском рубеже; благодаря сокращению протяженности линии фронта и возникшей в связи с этим возможности вывода танковых соединений были созданы условия для организации контрнаступления в пространстве между Донцом и Днепром.

3. ПОТЕРЯ КУРСКА И ХАРЬКОВА

Группа армий «Б» получала после Сталинграда удар за ударом. В результате от нее осталась лишь 2-я армия, да и та в январе 1943 года в результате непрерывного участия в боях понесла чрезвычайно большие потери. В одном донесении говорится о 6476 погибших, 14 129 раненых и 13 225 без вести пропавших, а также 4568 обмороженных солдатах. Из 50 000 лошадей в ходе боев во время отступления и прорыва из окружения была потеряна почти половина⁹. Командующий 2-й армией генерал-полковник фон Залмут был снят со своего поста за слишком пессимистическую оценку обстановки. Но и его преемник, ге-

нерал пехоты Вайс, не смог исправить положение — 9 февраля был сдан Курск.

К середине февраля командованию 2-й армии все же удалось с помощью прибывшей из Франции пехотной дивизии вырвавшихся из окружения собственных соединений построить примерно в 50 километрах западнее Курска новую линию обороны, которая, однако, ни на одном из флангов не могла опереться на уже существующий прочный фронт. С продвижением на запад советских 13-й и 60-й армий левый сосед 2-й армии — входившая в состав группы армий «Центр» 2-я танковая армия — был вынужден растянуть свой фронт и удлинять его в сторону тыла для прикрытия открытого фланга. Но пока между 2-й армией и 2-й танковой армией существовал не заполненный немецкими войсками разрыв шириной 50 километров, угрожала опасность вражеского окружения. С реорганизацией порядка управления на юге Восточного фронта и переходом к 1 февраля 2-й армии в подчинение командованию группы армий «Центр» последнее взяло на себя ответственность за то, чтобы закрыть эту брешь.

На южном участке группы армий «Б» командование на всеми соединениями, как еще удерживавшими оборону по реке Оскол между Славянском и Чернянкой, так и находившимися на подходе, принял 1 февраля генерал горно-стрелковых войск Ланц. Армейская группа Ланца получила задание воспрепятствовать охвату противником группы армий «Дон» и своими маневренными боевыми действиями прикрывать пространство Харьков — Белгород¹⁰; справиться с такой задачей ей было не под силу, поскольку из по-настоящему боеспособных соединений в ее распоряжении были только пехотная дивизия «Великая Германия» и несколько приданных ей в подкрепление подразделений войск СС.

3 февраля 298-я пехотная дивизия оставила Купянск, два дня спустя был сдан Изюм — окруженная там 320-я пехотная дивизия лишь чудом избежала полного уничтожения, а 9 февраля превосходящие силы противника выбили из Белгорода 168-ю пехотную дивизию, вынудив ее отступать с тяжелыми потерями на северо-запад.

Следующей целью Юго-Западного фронта было теперь освобождение Харькова. Четырем наступающим советским армиям (6-й, 3-й танковой, 9-й и 40-й) генерал Ланц мог, практически, противопоставить только две дивизии СС «Рейх» и «Адольф Гитлер» и пехотную дивизию «Великая Германия».

несколько согласно новому приказу Гитлера нужно было не только непременно удержать город, но и организовать наступление в южном направлении, то, в довершение ко всему, и эти небольшие силы оказались раздробленными. Чтобы спасти 2-ю дивизию от неизбежного окружения в Харькове и сохранить их боеспособность на будущее, обергруппенфюрер СС Хауссер, невзирая на категорический приказ фюрера, 16 февраля оставил Харьков и приказал своим соединениям пробиваться к новому рубежу обороны к юго-западу от города¹¹. Чрезвычайно немалым риском неподчинение Хауссера приказу, продиктованное военной необходимостью, но продемонстрировавшее одновременно и его собственное личное мужество и чувство ответственности, осталось для него без последствий. Если бы этот заслуженный командир танкового корпуса СС и старейший служака вооруженных формирований СС попал перед военным трибуналом и был наказан, это было бы равнозначно публичной компрометации тех элитарных частей, которые находились в особом фаворе у Гитлера. А на это фюрер не мог пойти. «Расплачиваться» пришлось генералу Ланцу¹².

4. СРАЖЕНИЕ МЕЖДУ ДОНЦОМ И ДНЕПРОМ

Поскольку командованию группы армий «Б» приходилось ввиду создавшейся обстановки в основном прикрывать соседнюю группу армий «Дон» и «Центр» от окружения их противником, Гитлер — вероятно, по инициативе Вайхса — распорядился о ликвидации с середины февраля группы армий «Б» и перемещении с того же срока группе армий «Дон», именованной теперь группой армий «Юг», группы Ланца, а группе армий «Центр» — 2-й армии¹³. Это означало, что отныне ключевой фигурой, оказывающей решающее воздействие на все операции на южном участке Восточного фронта, становился Манштейн.

Какими же соображениями руководствовался теперь Манштейн? После того как он получил разрешение на отход с выезда на между Доном и Донцом, его планирование сводится к тому, чтобы заполнить сократившийся фронт на всем его протяжении от Азовского моря до перехода к оборонительному рубежу по Донцу только пехотными дивизиями и дивизиями прикрывающей. Высвободившиеся благодаря этому танковые дивизии намечалось перевести затем на левый фланг — так называемая

«рокировка» Манштейна — с целью отбросить противника продвигавшегося вперед на расширившемся уже почти до 100 километров фронте в направлении дислокации группы Ланца и восстановить связь с соседом.

Но в качестве предварительного условия для этого крупного контрнаступления, которое могло начаться только после закрепления на миусском рубеже, требовалось построить в полосе расположения группы армий в целом единую и способную сдержать противника линию фронта. Для создания этой полосы 1-я танковая армия, чей участок фронта располагался между Ворошиловградом и Славянском, получила 17 февраля приказ «нанести удар по переправившемуся через Донец противнику, отбросить его назад за Донец и тем самым вернуть Донец на своем (1-й танковой армии) участке»¹⁴.

Генералу Цайцлеру, верившему, что со сложившейся ситуацией можно будет справиться, если Манштейн получит свободу действий, удалось после долгих стараний уговорить Гитлера вылететь в Запорожье, где располагался штаб группы армий «Юг», и лично составить представление о ситуации на южном фланге Восточного фронта. 18 февраля 1943 года — к этому времени противник уже взял Павлоград и находился всего в 10 километрах от Днепропетровска — Манштейн получил возможность во время обсуждения обстановки обрисовать тяжелое положение своей группы армий: «У нас здесь на фронте в 70 километров в настоящее время 341 вражеское соединение противостоит 32 нашим, большинство из которых до предела истощено в тяжелейших боях. Если враг ввиду такого соотношения сил перейдет в наступление, он *обязательно* прорвется»¹⁵.

По поводу того, в каком направлении следовало бы нанести контрудар, между Гитлером и Манштейном возникли разногласия, в ходе которых последнему удалось взять верх. В то время как Гитлер считал главной опасностью брешь севернее Харькова между группой Ланца и 2-й армией, где прорывались на запад части 40-й советской армии, Манштейн настаивал на ликвидации в первую очередь широкого разрыва между 1-й танковой армией и группой Ланца.

После отлета Гитлера Манштейн приступил к осуществлению своих планов. Помогло ему тут то обстоятельство, что советское командование неверно оценило намерения немецкой стороны, — именно это и стало впоследствии роковым для Южного Западного фронта¹⁶.

20 февраля 1-й танковой армии удалось отрезать от их тыла

любо наступавшие в направлении Сталино части танковой группы Попова. Это ознаменовало начало перелома на левом фланге 1-й танковой армии. Танковая группа Попова, чьи соединения в последующие дни стали объектами все более мощных, скоординированных немецких ударов, оказалась вскоре в тяжелейшем положении. Данные радиоперехвата свидетельствовали, что подавляющая часть средств связи в группе больше не функционирует и единого управления войсками уже не существовало. Отдельные подразделения сообщали, что у них кончились боеприпасы и нет горючего, ряд частей был охвачен паникой¹⁷.

24 февраля Маккензен отправил донесение, что «красная танковая армия Попова разбита [и] большей частью уничтожена»¹⁸. Благодаря этому успеху была устранена угроза обхода западного фланга армии.

Успешным оказалось и проведенное на участке фронта группы Кемпфа — генерал Ланц к этому времени был смещен со своего поста — наступление дивизии СС «Рейх» из Краснограда в южном направлении на Ново-Московск. Частям СС в восточных боях удалось отрезать советские соединения, прорвавшиеся к Днепру, от баз тылового снабжения. 21 февраля Ланц был снова взят Павлоград.

В тот же день 4-я танковая армия начала заполнять брешь между группой Кемпфа и 1-й танковой армией. Генерал-полковник Гот, которому были подчинены танковый корпус СС и 48-й танковый корпус, оценивал положение с оптимизмом. Он считал, что благодаря успешному наступлению дивизии СС «Рейх» «вражеский натиск в направлении Днепра в основном уже сдержан и значительные силы противника отрезаны от их основной массы»¹⁹. Кроме того, разведка установила, что противник не позаботился о создании плацдармов, а рассредоточил прорвавшиеся к Днепру силы.

От Манштейна требовалось теперь срочно продолжить наступление, разгромить противника в полосе 1-й и 4-й танковых армий, не дав ему уйти за Донец, и силами двух танковых корпусов Гота создать удобную стартовую ситуацию для запланированного последующего удара по южному флангу вражеской группировки под Харьковом. Быстрота действий была необходима, чтобы добиться этой цели до ожидавшегося подхода советских подкреплений из района Сталинграда.

25 февраля 1943 года Манштейн поставил 1-й танковой армии задачу — крупными силами начать наступление на за-

нятое противником пространство вокруг Славянска и блокировать переправы через Донец. 4-й танковой армии было приказано продолжать начатое ею наступление и создать фронт, состыкованный с 1-й танковой армией, после чего, развернувшись всей массой своих сил западнее Донца к северу, перейти в наступление в направлении Харькова²⁰.

Несмотря на оказываемое сильное сопротивление, операции группы армий — при поддержке 4-го воздушного флота — шли в последующие дни в основном быстрыми темпами. 28 февраля были захвачены высоты южнее Изюма, а 2 марта в немецких руках вновь оказался Славянск. Через три дня Маккензен доложил, что 3-й и 40-й танковые корпуса вышли к Донцу на всех намеченных местах. Теперь следовало ожидать, как это отмечалось в журнале боевых действий 1-й танковой армии, «в ближайшем будущем паузы в ведении маневренных боевых действий»²¹.

К тому времени 4-я танковая армия, действуя по фронту, состыкованному с фронтом 1-й танковой армии, овладела пространством по течению Донца до района южнее Змиева и возвратилась к северу. Южнее Парасковей дивизии танкового корпуса СС окружили крупную советскую группировку из 3-й танковой армии и к 5 марта разгромили ее. Благодаря этому упреку и занятию выгодного рубежа обороны по реке Донец была создана база для продолжения наступательных операций.

В то время как группа армий добилась начала перелома в своем южном участке фронта, положение в армейской группировке Кемпфа после сдачи Харькова и отступления на запад значительно осложнилось. Справляться с возложенной на нее задачей по сковыванию четырех советских армий, противостоявших ей на заново созданном фронте, она со своими малыми силами в течение продолжительного времени не могла.

23 февраля в результате потери Ахтырки создалась ситуация, чреватая тем, что противнику открывался беспрепятственный путь на Кременчуг или Киев и возможным становился охват этой армейской группировки с севера. Видя критическое обострение обстановки, Манштейн распорядился об отводе левого фланга через Ворсклу²²; согласие на это было получено Цайцлером у Гитлера после «упорной борьбы»²³.

19 февраля стало для 2-й армии днем, когда окончилось «арьергардное сражение за Курск» — так фигурирует оно в журнале боевых действий армии. Так как новая линия обороны ни на севере, ни на юге не имела соприкосновения с соседними

армиями и противник мог, не встречая сопротивления, обойти ее с флангов, возникла угроза, что в любой момент она может стать объектом двустороннего охвата. Поэтому и здесь, чтобы избежать обхода с флангов, необходимо было продолжать отход. В итоге благодаря отводу своего правого фланга параллельно с отходом группы Кемпфа и благодаря прибытию пехотной дивизии из Франции группе армий «Центр» удалось 6 марта задержать — правда, поначалу за счет образования большой дуги в сторону запада — брешь между собой и своими соседями с юга.

С построением новой линии обороны, проходившей по течению реки Псел, была создана необходимая предпосылка для предстоявшей уже в скором времени совместной операции 2-й армии и группы Кемпфа по восстановлению линии фронта путем возврата утраченных позиций.

5. БИТВА ЗА ХАРЬКОВ

5 марта стало для соединений, находившихся под командованием Манштейна, во многих отношениях переломным днем. В результате действий 4-й танковой армии и отвода левого фланга группы Кемпфа группа армий «Юг» имела теперь сомкнутый северный фронт, проходивший почти по прямой протяжением 400 километров от Зенькова — разграничительной линии с группой армий «Центр» — до миусского рубежа севернее западнее Ворошиловграда. Поскольку к тому же фронт более чем наполовину шел по Донцу, то в плане экономии сил и средств его можно было назвать почти идеальным. Однако немецкое Верховное командование вовсе не собиралось долго задерживаться на этой линии.

В 4-й танковой армии 5 марта прошло в основном под знаком завершения прежних операций и перегруппировки для выполнения новых задач. Для группы Кемпфа этот день был переломным в том смысле, что прекратилось ее отступление на запад, а 1-я танковая армия к этому времени вышла повсюду, где намечалось, к Донцу.

Для группы Холлидта день 5 марта тоже знаменовал завершение определенного этапа. С 6 марта она стала именоваться 6-й армией. Как отмечал в своем приказе по этому случаю генерал Холлидт, теперь к ней переходили «традиции славной старей 6-й армии, покрывшей себя на все времена неуязвимой славой под Сталинградом и ставшей навеки символом немецкой воинской доблести и геройства»²⁴.

И наконец, 5 марта Манштайн должен был принять решение о том, как вести дальнейшее контрнаступление. Гитлер поручил ему через Цайцлера, что ближайшую цель он видит в возврате Харькова — путем охвата города с востока. Манштайну, чьи соображения шли в том же направлении, пришлось выбирать дальнейший способ действий в зависимости от погодных условий. После того как его первоначальный план — выдвинуть войска к востоку от Донца, а затем вести наступление на запад через реку — был сорван наступившей оттепелью, возникла угроза, что теперь сорвется и эта более узкая операция по обходу противника западнее Донца.

В итоге Манштайн дал сначала приказ 4-й танковой армии захватить, продвигаясь в северном направлении, рубеж Мжа 6 марта 48-й танковый корпус справа и танковый корпус Сслева начали наступление на общем фронте шириной в 60 километров. Из-за неожиданно быстрого продвижения вперед командиров корпусов создалось представление, что противник в своей массе отступает, выставляя против авангардных немецких частей лишь сильные заслоны. После того как 7 марта 4-я танковая армия достигла намеченных рубежей в районе Мжа, а группа Кемпфа, сообразуясь с продвижением вперед своего соседа справа, тоже выпрямила, несмотря на сильное сопротивление, свою линию фронта, встал вопрос о принятии окончательного решения относительно дальнейшего наступления.

Гот, в ответ на запрос о его мнении, проанализировав все возможные положительные и отрицательные моменты, пришел к выводу, что из-за оттепели и ухудшения состояния дорог было бы лучше всего «закрепиться на участке Мжа и вообще закончить операцию»²⁵. А поскольку группа армий «Центр» была к тому моменту не в состоянии организовать наступление 2-й армии в юго-восточном направлении и оказать тем самым содействие операциям группы армий «Юг», то при дальнейшем продвижении 4-й танковой армии возник бы далеко выпирающий вперед выступ, нарушающий удобную в остальном конфигурацию линии фронта. Для его защиты потребовалось бы значительно больше сил, чем для удержания захваченных позиций у Мжи.

Но в конечном счете сомнениям Гота пришлось отступить на задний план, потому что, как сообщил Цайцлер Манштайну, Гитлер «по политическим мотивам» требовал возврата Харькова²⁶. К тому же, напишет потом в воспоминаниях Манштайн, само название «Харьков» имело «магическую притя-

тельную силу для войск и среднего командного звена»²⁷ — надо полагать, что столь же магическое воздействие оказывало оно и на самого фельдмаршала.

Приказом от 7 марта²⁸, в котором 4-й танковой армии ставилась в итоге задача продвигаться по обе стороны Люботина к рубежу Удай, а наступающему флангу группы Кемпфа — на Ольшаны, Манштайн брал на себя немалый риск. Хотя метеорологи и предсказывали на ближайшие дни морозы, в случае новой оттепели пришлось бы прекратить наступление и оказаться в значительно худшем положении, чем на нынешних позициях в районе Мжи.

Поскольку температура действительно понизилась до нескольких градусов ниже нуля и раскисшие дороги вновь стали проходимыми, немецкие дивизии продвигались вперед относительно быстро. 9 марта танковый корпус СС захватил Люботин, а 48-й танковый корпус занял с тяжелыми боями Тарановку, и уже утром 11 марта дивизии СС начали штурм Харькова. В то время как дивизия «Мертвая голова» прикрывала район Харькова в северном направлении, дивизия «Рейх» с запада, а дивизия «Адольф Гитлер» с севера ворвались, преодолевая ожесточенное сопротивление, на окраины города. Бои были чрезвычайно тяжелыми, и части СС понесли в них большие потери.

Обергруппенфюрер Хауссер ввел в бой свои силы не так, как предписывалось приказом Гота, который, как и Манштайн, хотел избежать того, чтобы танковый корпус завяз в Харькове. И тем не менее, как и четыре недели до того, при сдаче города, опять возник конфликт между командиром танкового корпуса СС и вышестоящим военачальником. Только в результате повторного энергичного воздействия Хауссер подчинился приказу и перегруппировал силы так, что стало возможным вывести из боя дивизию «Рейх» и отвести ее на восточную окраину города. К вечеру 14 марта, после упорнейших боев, в ходе которых, как писал потом Хауссер, приходилось буквально вырывать «у врага квартал за кварталом»²⁹, немецкие войска полностью овладели Харьковом.

В то время как Гитлер и ОКХ оценивали возврат Харькова как успех, важный для поддержания престижа, 48-м танковым корпусом был получен приказ окружить и уничтожить советские войска, еще находившиеся южнее и юго-восточнее города. К 18 марта с помощью авиации были разгромлены последние остатки противника, оказавшиеся в котле. С захватом позиций по Донцу между Змиевым и Чугуевым фронт группы армий «Юг»

получил и на этом участке устойчивое на какое-то время очертание.

Утром 18 марта 4-я танковая армия силами танкового корпуса СС начала наступление на Белгород, которое оказалось для немецких войск на удивление легким. Противник откатывался назад, оказывая наступающим лишь «неорганизованное, хотя местами и довольно упорное сопротивление»³⁰. Уже в полдень первые немецкие танки ворвались в Белгород.

Группа Kempf, наступавшая силами двух дивизий на северо-восток в междуречье Лопани и Ворсклы, встречала на своем пути только заслоны. Основная масса советских соединений пыталась уйти от наступающих немецких сил, чья боевая мощь была ими, несомненно, сильно преувеличена, через линию Белгород — Томаровка (западнее Белгорода на Ворскле).

В целях овладения Томаровкой как главным опорным пунктом на новом фронте Манштейн издал приказ о взаимодействии 4-й танковой армии и группы Kempf. Одновременно он поставил перед ОКХ вопрос о выдвигании вперед южного фланга групп армий «Центр», так как без этого левый фланг группы Kempf оказался бы неприкрытым. В разговоре по телефону с Цайцлером Манштейн высказал уверенность, «русские будут отходить перед наступающей 2-й армией, потому что они боятся, как бы их не окружили»³¹. Исходя из анализа обстановки, он также полагал, «что группа армий «Центр» теперь без труда могла бы взять Курск»³².

Но поскольку фельдмаршал фон Клюге был о положении своей группы армий другого мнения, которое разделялось и Гитлером, то нашли компромиссное решение, устраивавшее обоих командующих. Задействованные на правом фланге полные дивизии должны были наступать до рубежа Сумы — Томаровка, поддерживая связь с группой Kempf. Для дальнейшего продвижения, как заявил Клюге, сил у его групп армий было недостаточно.

22 марта — к этому времени соединения 4-й танковой армии, группы Kempf и 2-й армии вышли на намеченные рубежи обороны — боевые действия на южном участке Восточного фронта временно затихли. Тем самым завершилась и вторая фаза немецкого контрнаступления — «битва за Харьков». Гитлер принимает решение отказаться от немедленного продолжения дальнейших наступательных операций, благодаря чему войска получают столь необходимую им передышку.

ИТОГИ

Проведенные под руководством Манштейна операции на южном фланге Восточного фронта всего за четыре недели принесли немецкой стороне очередной военный успех. Удалось не только предотвратить окружение — контрудар немецких войск дал немалые территориальные приобретения, понес ощутимые потери (почти 20 000 пленных и более 50 000 убитых, свыше 300 орудий и более 1400 танков и САУ)³³. Стабилизация фронтов групп армий «Юг» и «Центр» привела к тому, что вновь образовалась сплошная линия фронта от Черного до Балтийского моря.

Правда, армии Манштейна занимали теперь почти те же рубежи, с которых они за девять месяцев до того начинали свое большое наступление на Кавказ и на Волгу. Так что, несмотря на одержанную под занавес победу, общий итог военных действий зимы 1942—1943 года был для немецкой стороны удручающим. Люди в окружении Гитлера должны были осознать, что «окончательная победа» отодвигается все дальше и дальше.

Однако Гитлер не выказывал никакой готовности к компромиссам³⁴. Более того, 5 июля 1943 года начнется нацеленная на захват Курской дуги операция «Цитадель» — последнее немецкое наступление на Восточном фронте. Крах этой операции станет следующим после Сталинграда сигналом, возвещающим о том, что время побед прошло для вермахта навсегда. Впереди будут только отступления. Инициатива на Восточном фронте Гитлером и его генералами была утрачена окончательно.

ПРИМЕЧАНИЯ

³⁰ См. приказ фюрера в документах оперативного отдела Генштаба ОКХ, № III54/42 от 8.09.42. — Военный архив Федерального архива во Фрайбурге (BA-MA), № 63/12.

³¹ См.: Zeitzler K. Die ersten beiden planmässigen grossen Rückzüge des deutschen Heeres an der Ostfront im Zweiten Weltkrieg // Wehrkunde, 9 (1960). S. 109—117.

³² О значении Донбасса для немецкой военной экономики см.: Thomas G. Geschichte der deutschen Wehr- und Rüstungswirtschaft (1918—1943/45), hrsg. von W. Birkenfeld. Boppard, 1966. S. 514 ff.

³³ Текст в журнале боевых действий группы армий «Дон» — BA-MA, RH 19 VI/39.

³⁴ Об этом совещании с Гитлером см.: Manstein E. V. Verlorene Siege. Frankfurt a. M., 1966. S. 437 f.

- ⁶ См.: *Zeitler K.* Das Ringen um die grossen Entscheidungen im Zweiten Weltkrieg // BA-MA, N 63/80, Bl. 50 f.
- ⁷ См. документы оперативного отдела группы армий «Дон»: № 390/43 от 1.02.43 — BA-MA, RH 19 VI/13. Оpubл. в кн.: *Schwarz E.* Op. cit., Anlage E 8.
- ⁸ См. документы оперативного отдела группы армий «Дон»: № 513/43 от 10.02.43 г. — BA-MA, 34885/9; *Schwarz E.* Op. cit., Anlage E 3.
- ⁹ См. донесения оперативного отдела штаба 2-й армии № 424/43 от 11.03.43 оперативному отделу Генерального штаба сухопутных войск BA-MA, 31811/72.
- ¹⁰ См. документы оперативного отдела группы армий «Б»: № 491/43 от 31.01.43 — BA-MA, 31811/33.
- ¹¹ По этому вопросу см. записи в журнале боевых действий 8-й армии с 1 по 16 февраля 1943 года. — BA-MA, 36188/8, а также: *Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg.* Bd. 6. Stuttgart, 1990. S. 1073 ff. (раздел Вегнер).
- ¹² См.: *Burdick Ch. B.* Hubert Lanz. General der Gebirgstruppe 1896-1982. Osnabrück, 1988. S. 173 ff.
- ¹³ См. телеграмму оперативного отдела ОКХ с директивой на дальнейшее ведение боевых действий от 12.02.43: журнал боевых действий группы армий «Дон» — BA-MA, RH 19 VI/39.
- ¹⁴ Ibid.
- ¹⁵ Обсуждение обстановки 18.02.1943 г. — опубл. в кн.: *Schwarz E.* Op. cit., Anlage C 1.
- ¹⁶ См.: *Morosow W.P.* Westlich von Woronesh. Kurzer militärischer Abriss der Angriffsoperationen der sowjetischen Truppen in der Zeit von Januar bis Februar 1943. Berlin (Ost), 1959. S. 157. В «Истории Великой Отечественной войны Советского Союза» в 6 томах, выпущенной бывшим Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС и вышедшей в переводе на немецкий язык в ГДР в 1962-1968 гг., вина за неправильное определение немецких замыслов и принятые в результате этого неверные решения возлагается в первую очередь на Сталина (Bd. 3: *Der grundlegende Umschwung im Verlauf des Grossen Vaterländischen Krieges*, S. 141 f). См. также статью В. Пронько в этом сборнике.
- ¹⁷ См. запись в журнале боевых действий 1-й танковой армии от 23.03.43. — BA-MA, RH 21-1/87.
- ¹⁸ Донесение оперативного отдела штаба 1-й танковой армии командованию группы армий «Юг» от 24.02.43. — BA-MA, RH 21-1/90.
- ¹⁹ Запись в журнале боевых действий 4-й танковой армии от 21.02.43. — BA-MA, 34888/1.
- ²⁰ Документы оперативного отдела группы армий «Юг»: № 771/43 от 25.02.43. — опубл. в кн.: *Schwarz E.* Op. cit., Anlage E 9.
- ²¹ Запись в журнале боевых действий 1-й танковой армии от 5.03.43. — BA-MA, RH 21-1/87.
- ²² Документы оперативного отдела группы армий «Юг»: № 731/43 от 23.02.43. — опубл. в кн.: *Schwarz E.* Op. cit., Anlage E 8.
- ²³ Телефонный разговор Манштайна с Цайцлером 24.02.43. — BA-MA, RH 19 VI/42.
- ²⁴ См. приказ по армии от 6.03.43. — BA-MA, 32741/1.

- ¹ См. запись в журнале боевых действий 4-й танковой армии от 7.03.43. — BA-MA, 34888/1.
- ² См. телефонный разговор Манштайна с Цайцлером 7.03.43. — BA-MA, RH 19 VI/43.
- ³ *Manstein E. v.* Op. cit. S. 466.
- ⁴ Документы оперативного отдела группы армий «Юг»: № 923/43 от 7.03.43. — опубл. в кн.: *Schwarz E.* Op. cit., Anlage E 11.
- ⁵ *Hausser P.* Waffen-SS im Einsatz. Oldendorf, 1953. S. 82.
- ⁶ Запись в журнале боевых действий группы армий «Юг» от 18.03.43. — BA-MA, RH 19 VI/41.
- ⁷ Телефонный разговор 18.03.43. — BA-MA, RH 19 VI/43.
- ⁸ Ibid.
- ⁹ Так в сводке вермахта от 20.03.43. Данные о немецких потерях зафиксированы в документах лишь частично. На совещании в штабе группы армий «Юг» 10 марта Гитлер сказал, что «за последнее время» потери войсками составили 20 000 человек (ср. журнал боевых действий группы армий «Юг» — BA-MA, RH 19 VI/41). Хауссер определяет общие потери корпуса СС в следующих цифрах: «365 офицеров, 11 154 человека унтер-офицерского и рядового состава» — см.: *Hausser P.* Op. cit., S. 83.
- ¹⁰ О шансах на заключение германо-советского сепаратного мира см.: *Heischhauer I.* Die Chance des Sonderfriedens. Deutsch-sowjetische Geheimgespräche 1941-1945. Berlin, 1986; см. также рецензию в «*Militärgeschichtliche Mitteilungen*», 48 (1990), S. 231 ff.

Ханс Умбрайт

НЕПРЕОДОЛЕННАЯ ПРОБЛЕМА. ПАРТИЗАНСКАЯ ВОЙНА В ТЫЛУ ВОСТОЧНОГО ФРОНТА

«Немецкий человек в своей массе недостаточно зрел для хождения с иными народами»¹, — такое мнение появилось у отдельных немцев и германских служебных инстанций еще задолго до конца войны. Подкреплением такого убеждения служил тот факт, что отношения в оккупированных областях территории Советского Союза все больше складывались не в пользу немцев. Через полтора года после нападения на восточного соседа вермахт был вынужден отступить; с потерей 6-й армии под Сталинградом ореол победителя оказался в значительной степени развеванным и стало уже понятно, что немецкому господству приходит конец.

Заслуга в этом ставшем необратимым развитии принадлежала не только регулярным частям Красной Армии. Определенная доля тут приходилась и на счет неуклонно нараставшего партизанского движения, подавить или хотя бы ограничить которое оккупанты были уже не в силах. Для здравомыслящих немцев — а их было не так уж мало — не представляло никакого сомнения, что такая неблагоприятная ситуация была либо порождена, либо по меньшей мере спровоцирована собственными просчетами, упущениями и ошибками. А все предложения по изменению немецкой политики — если они вообще доходили до Гитлера — им отвергались. Впрочем, и менять-то было уже поздно.

БЕЗДУМНОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ

Оккупируя какую-либо страну, вермахт всегда принимал во внимание возможность появления партизан и был готов подавить любое сопротивление силой. В первую очередь военное командование делало ставку на устрашающее воздействие методов запугивания — таких, как военно-полевые суды, захват и расстрел заложников, поскольку на это не существовало категорических запретов в международных правилах ведения войны. По отношению же к будущему немецкому «жизненному пространству» на Востоке Европы с его «неполноценными» славянскими народами Гитлер, напротив, считал какие-либо правовые соображения излишними, и надо сказать, что такая точка зрения не встречала значительного сопротивления со стороны военных.

Начальник Генерального штаба германских сухопутных войск генерал-полковник Франц Гальдер не возражал, когда 17 марта 1941 года Гитлер открыл ему свои планы по уничтожению советской интеллигенции². Фюрер усматривал необходимость в «применении жесточайшего насилия», а руководители вооруженных сил были довольны, что это неприятное «занятие» будет возлагаться в основном на идущие в арьергарде формирования СС и полиции, которым давались значительные полномочия в проведении оккупационной политики. Командование вооруженных сил поддерживало идею расовой войны. Эта идея предполагала особое обращение с политкомиссарами, которых, как и коммунистов вообще, евреев и прочие «радикальные элементы», предусматривалось ликвидировать без суда и следствия. Кровавое подавление любого сопротивления путем уничтожения действительного или потенциального противника служило одновременно и цели резкого сокращения численности представителей тех народов, в чьем дальнейшем существовании в рамках намечавшегося «нового порядка» национал-социалистическая идеология была мало заинтересована.

Войска получили указание «беспощадными и решительными мерами» против большевиков, «этих смертельных врагов национал-социалистического немецкого народа»³, жестоко подавлять любой вид сопротивления на оккупированных территориях и таким способом предотвращать какие-либо дальнейшие враждебные акции со стороны населения. Определенную трудность представило для вермахта выполнение требования Гитлера о максимальном упрощении судебной процедуры. В

итоге из различных проектов — один из них был подготовлен командованием сухопутных войск — родился «Указ о порядке военной подсудности в районе «Барбаросса» и об особых мерах действующей армии»⁴, изданный 13 мая 1941 года начальником штаба Верховного командования вермахта по поручению Гитлера. Устанавливая, что наказуемые деяния гражданское население не относятся к ведению немецких военно-полевых судов, указ не оставлял местным жителям минимума прав и защищенности. То, что войска могли уничтожать партизан, бойцов или арестованных «при попытке к бегству», было уже традицией⁵. Роковым же по своим последствиям и одновременно разоблачающим сам характер войны на Востоке явилось распоряжение, согласно которому лиц, подозреваемых в преступном деянии, следовало просто приводить к немецкому офицеру, уж тот должен был решать, покарать ли их смертью или оставить в живых. Офицеры, начиная с командира батальона и выше, имели право проводить карательные акции в отношении населенных пунктов, если оттуда стреляли по военным. Как было разъяснено в частях, в таких случаях следовало расстреливать больше мужчин. Партизанами считались также «пострелатели, распространители листовок и саботажники»⁶. Сменялось уголовное преследование немецких солдат органами юстиции вермахта за преступления против местного населения — впоследствии это положение было лишь незначительно изменено и применено главнокомандующим сухопутных войск. Для провозглашения вола не существовало никаких границ. Правда, ограниченная военная подсудность встречала все же определенные возражения в войсках, но тем не менее указ от 13 мая 1941 года убирав рамки, которые ограничивали бы в последующее время борьбу с действительным или предполагаемым сопротивлением.

«ПРАВИЛА ВОЙНЫ ВОСТОЧНЫМИ СРЕДСТВАМИ»

Из-за огромной протяженности пространства, превосходящей возможности немецких сил порядка, и изначальной убежденности в «злокозненности» противной стороны немцы считали себя вправе проявлять на оккупированных территориях особую жестокость. Они не могли воспрепятствовать тому, что многим красноармейцам удавалось избежать плена и скрываться в районах, где царил бездорожье. Там они и стали представлять опасность для немецкой армии на Востоке⁷, тем более что быстро распространялось известие о провозглашенном Ст

лишим в начале июля 1941 года призыве к развертыванию партизанской войны против оккупантов.

Обычные меры безопасности, такие как конфискация оружия, комендантский час, запрет собраний, роспуск объединений и коммунистической партии, угроза наказания за любого рода сопротивление, пропускной режим для покидающих местность, оставались малоэффективными. Войска брали заложников, интернировали лиц, годных к несению военной службы, издавали распоряжения о привлечении местного населения на принудительные работы и охрану тыловых коммуникаций и все чаще прибегали к драконовским «правилам войны восточными средствами», которые были рекомендованы военной высшим военным трибуналом при главном командовании сухопутных войск⁸. Командование 2-й армии потребовало организации концентрационных лагерей «для всех элементов... которые способны тайно поддерживать банды»⁹. На первом месте стояло не соблюдение законности, а стремление к установлению покоя на захваченной территории; «восточные средства» вписывались в расистское отношение к славянам как к «недочеловекам», которых в будущем немецком «жизненном пространстве» придется терпеть в лучшем случае лишь в качестве рабочей силы. Поскольку, несмотря на первоначальное рекрутирование в местные вспомогательные части — первоначально в Прибалтике, Белоруссии и на Украине, — таких сил всегда недоставало, более того, наиболее боеспособными охранными подразделениями то и дело приходилось заполнять образующиеся на фронте бреши, широко распространялось устрание. По приказу начальника штаба ОКВ, генерал-фельдмаршала Вильгельма Кайтеля, следовало путем террора «отбивать у населения желание к противодействию»¹⁰. В середине сентября 1941 года он же письменно установил и «размеры» возмездия — от 50 до 100 коммунистов на каждого убитого немецкого солдата, что, по его представлению, отвечало масштабам коммунистического повстанческого движения в оккупированных областях¹¹. «Страх перед немецкими ответными мерами должен быть сильнее, чем угроза со стороны бродящих в округе остатков разбитых большевистских частей», — заявил 10 октября 1941 года командующий 6-й армии генерал-фельдмаршал Вальтер фон Райхенау¹²; он же требовал наказывать тех, кто мог бы помешать диверсионным актам или донести о них, но не сделал этого. Шиквидировали не только саботажников и партизан, но и их

пособников и просто подозреваемых, равно как заложников, лиц, схваченных «в карательных целях», сжигали деревни, их жителей расстреливали¹³ — и делалось это как СС и полицией, так и частями вермахта. Правда, внесенное весной 1942 года начальником полиции и службы безопасности СС предложение о расширении рамок применения коллективных наказаний встретило негативное отношение со стороны рейхскомиссаров. Райнхард Гейдрих хотел, чтобы высшие чины СС и полиции имели возможность в случае действий, направленных против немцев или общественного порядка, наказывать даже тех лиц, которые предположительно могли бы симпатизировать таким действиям, поддерживать их либо были родственными отношениями с преступниками¹⁴. На практике едва ли кто-либо препятствовал СС и полиции руководствоваться именно такими правилами.

НАПРАСНЫЙ ТЕРРОР

Однако насильственные меры были не в состоянии помешать на продолжительное время распространению вооруженного сопротивления, на организацию которого Москва, начиная с 1942 года, бросает значительные людские и материальные ресурсы. Советское руководство ведет соответствующее обучение Красной Армии, а в конце 1942 года создается специальный штаб партизанского движения¹⁵. Растет количество взорванных железнодорожных путей и мостов, партизаны контролируют уже целые районы, в которых нет регулярных немецких войск, что делает почти невозможным экономическое использование этих районов; нарушаются тыловые коммуникации. Партизанские акции все в большей степени согласуются с действиями регулярных советских частей и имеют своей целью прежде всего нарушение немецких линий снабжения. Позже Гитлер скажет о «тяжелых осложнениях для нашей боевой мощи», которые стоили жизни многим военнослужащим уже первую зиму восточной кампании¹⁶. Вермахту приходится отвлекать все больше боевых подразделений на «беспощадную борьбу»¹⁷ с «бандитами», «грабителями», «налетчиками», «убийцами-поджигателями». Именно такую терминологию, не нейтральное в определенной степени обозначение «партизаны» было приказано использовать немецкой прессе в декабре 1941 года¹⁸; употребление слова «партизан» было запрещено специальным приказом Гимmlера от 31 июля 1942 года и

данной вскоре после этого для военачальников директивой ОКХ.

Однако то, что «удары дубинкой по голове» не могут быть подходящим для долговременного использования методом, понимал в какой-то мере даже рейхсминистр пропаганды Йозеф Геббельс¹⁹. Для отдельных же военных и гражданских властей это было ясно с самого начала, и они пытались добиваться проведения разумной политики по отношению к местному населению²⁰. Уже осенью 1941 года ОКХ рекомендует, исходя из интересов самих войск, сочетать энергичные и беспощадные действия против партизан со справедливым обращением с населением²¹. Отказаться от услуг местных жителей с их знанием языка и местности было невозможно, и немцы переходят вскоре к поощрению денежными премиями и продовольствием тех, кто доносил на партизан, а впоследствии и к разделению отличившихся членов местных формирований («охотников за партизанами») землей. Следует отметить, что войсками переоценивались возможности как таковые, находившиеся под диктатом национал-социалистической идеологии с ее понятиями «жизненного пространства» и «недочеловеков». Немецкая политика неизбежно провоцировала сопротивление. Практиковавшееся СС, полицией и их вспомогательными отрядами, рекрутировавшимися из местных жителей, систематическое уничтожение евреев не исключало проведения в будущем подобных истребительных акций и по отношению к другому населению. Жители оккупированных областей, если даже они и связывали, может быть, с новыми порядками какие-то политические или экономические ожидания, остались в своей массе разочарованными и оказались к тому же под все возрастающим давлением как со стороны немцев, так и со стороны партизан. И те, и другие притесняли сельское население своими требованиями и беспощадно карали за невыполнение их распоряжений. Уже в конце 1941 года оккупационные власти оказались не в состоянии гарантировать сотрудничавшим с ними местным жителям надежную защиту от возмездия со стороны партизан.

После небольшого затишья в период зимних месяцев вооруженное сопротивление весной 1942 года стало нарастать столь интенсивно, что сдержать его на какое-то продолжительное время было уже невозможно. Вермахт, СС и полиция реагировали на это привычным образом — уничтожая отдельные «бан-

ды» или «очищая» от них крупномасштабными акциями на короткое время отдельные районы. Устрашение путем беспощадного наказания представлялось, как и прежде, наиболее эффективным методом. Так, в донесении из 1-й бригады моторизованной пехоты СС от 14 сентября 1942 года сообщается о результатах одной ее операции против партизан: 11 убитых вооруженных лиц, два сожженных дотла селения, 800 расстрелянных, а также 12 человек, приговоренных «за пособничество бандам» к расстрелу²².

Усовершенствованы были с немецкой стороны первоначально только командные структуры по борьбе с партизанскими действиями — в зависимости от обстановки районы стали подразделяться на ограниченно опасные, опасные и чрезвычайно опасные. В полосе боевых действий и в войсковых тылах входивших в сферу компетенции начальника Генерального штаба сухопутных войск и командных инстанций на местах координация борьбы с партизанами была возложена на офицеров контрразведки разведотделов соответствующих штабов. После успешного опыта в Крыму руководство ею передается оперативным отделам и официально объявляется в августе 1942 года «задачей, относящейся к управлению войсками». Еще более важное значение борьбе с партизанами придает Гитлером, который в приказе от 27 апреля 1943 года приравнял ее к нормальным «боевым действиям на фронте»²⁴. По указанию Гитлера, с середины августа 1942 года ответственность за линии рейхскомиссариатов «Остланд» и «Украина» была возложена персонально на рейхсфюрера СС с его высшими чинами СС и полиции, который, кроме того, организовал и центральную службу по «сбору и освоению всего опыта в области борьбы с бандами»²⁵. Будучи недоволен результатами антипартизанских операций, Гиммлер назначил 23 октября 1942 года обергруппенфюрера СС Эриха фон дем Бах-Целевского, начальника СС и полиции в центральном районе России, своим «уполномоченным по борьбе с бандами»²⁶. В качестве первоочередной задачи ему было поставлено «тотальное умиротворение» тылового района группы армий «Центр» в Белоруссии, для чего он получил в свое распоряжение два полицейских полка, охраняющие отряды, 1-ю бригаду моторизованной пехоты СС и добровольческий отряд «Данмарк». По представленным им сведениям, уже в первые три месяца было расстреляно около 15 000 партизан и подозрительных лиц²⁷.

Помимо формирований СС и полиции на борьбу с парти-

нами направлялись — в той мере, в какой это допускала военная обстановка на фронте, и дополнительно к небольшому количеству дивизий охраны — регулярные боевые части, прибывшие из рейха пополнения, штрафные подразделения, национальные отряды люфтваффе, подразделения добровольцев и отряды риска союзников. Важнейшую роль играли местные формирования, включая охраняющие отряды и подразделения «службы по ликвидации», но количество последних, по указанию Гитлера, ограничивалось. Одобренное им в августе 1942 года расширение числа соединений из лиц коренных национальностей страны произошло после заметного возрастания случаев дезертирства снова отмечено²⁸. Гитлер не доверял коллаборационистам, которые в его глазах были предателями своего народа и могли стать опасными для самих немцев²⁹. И уже по одной этой причине на местных постах постоянно не хватало сил для обеспечения безопасности тыловых районов и организации бесперебойного снабжения фронта.

Командование группы армий «Север» неоднократно отдавало приказы о необходимости беспощадных действий в своем тыле «с применением самых крайних мер»³⁰. Гитлер хотел, чтобы и тут сопротивление было «искоренено» до наступления зимы³¹, для чего им была издана специальная директива. В ней он требовал строгого, но справедливого обращения с населением, а также обеспечения ему прожиточного минимума как необходимого условия для борьбы с партизанами, которая не могла быть успешной без сотрудничества с какой-то частью местных жителей. Но Гитлер оставлял в силе и требование о «самых жесточайших мерах» против партизан и их пособников; в том же духе были выдержаны и указания СС и вермахта, отданные осенью 1942 года. Руководящие указания по «борьбе с бандами», изданные рейхсфюрером СС в сентябре 1942 года³², подчеркивали значение хорошо функционирующей сети агентов и разведчиков для действий против партизан, «пока... не будет ликвидирован последний из них... Само собой разумеется, что допрос, в случае необходимости, должен проводиться с использованием самых жестоких средств».

Согласованная с СС Инструкция по борьбе с бандами на Востоке, изданная ОКВ 11 ноября 1942 года³³, отмечая важность корректного обращения с населением³⁴ и улучшения снабжения его продовольствием, в первую очередь требовала уничтожения партизан. В качестве эффективного средства против партизанской угрозы ОКВ рекомендует формировать хорошо

обученные команды из немцев и, главным образом, из местных жителей, которые, действуя как «антибандитские отряды», применяли бы для разгрома противника его же собственные методы — любого рода хитрости и маскировку, включая и гражданскую одежду. Взятых в плен — как мужчин, так и женщин, если, в порядке исключения, их использование не представляется более необходимым, следовало после короткого допроса подвергать казни через повешение или расстреливать. «Детей бандитов» предписывалось отправлять в специальные лагеря там принимать решение об их дальнейшей судьбе. К перебежчикам же — и это надо было особо подчеркивать в пропагандистских целях — отношение должно быть такое же, как к военнопленным. С этим согласился и Гитлер, который теперь уже больше не настаивал на поголовной ликвидации политкомиссаров. Пособничество «бандам» считалось «заслуживающим смерти», но трудоспособные мужчины, завербованные партизанами принудительно, могли быть в знак помилования отправлены на «принудительные работы» в рейх. Это отвечало требованиям Германа Гёринга, который как уполномоченный по выполнению четырехлетнего плана распорядился 26 октября 1942 года о том, чтобы борьба с сопротивлением сочеталась с отправкой рабочей силы и скота³⁵. За офицерами в чине капитана и выше по-прежнему сохранялось право подвергать коллективному наказанию целые деревни — начиная от усиления поборов вплоть до предания всех домов огню. Правда, дела это разрешалось только в том случае, когда помощь партизан оказывалась жителями добровольно, а не по принуждению. Кстати, даже СС и полиция не были уже так безоговорочно довольны своим образом действий и пришли к весьма примечательному выводу, «что коллективные расстрелы, сожжение деревень без ликвидации всех жителей или надлежащей их эвакуации имеют для нас только отрицательные последствия»³⁶.

Небольшое отклонение от жесткой позиции объяснялось вовсе не появлением у высшего руководства новых взглядов. рядом донесений и предложений общевоинских частей командования и оккупационной администрации³⁷, осознавших всю бесперспективность применявшихся до того средств. Ибо последние приводили к тому, «что из-за сожжения деревень массовых расстрелов население уходит к партизанам и бросает работу»³⁸, к таким же результатам вели и грубые методы принудительного набора рабочей силы для германской экономики. Однако упомянутая ноябрьская Инструкция по борьбе с банд

и на Востоке не вносила в этом плане, если не считать расширения сферы компетенций ответственных на местах, ничего нового. Главное же, она не содержала ни какого-либо коренного изменения в немецкой концепции борьбы с партизанами, ни более признака готовности немецкого руководства пойти — в том же собственных интересах — на пересмотр своей бесчеловечной восточной политики, основывавшейся исключительно на применении грубого насилия.

Не кто иной, как сам Гитлер постоянно усиливал и ужесточил режим террора. По его поручению Кайтель 16 декабря 1942 года призвал в очередной раз к применению «наиболее жестоких средств»³⁹ — даже против женщин и детей, — «если только это приносит успех». Гитлер требовал отказа от солдатского благодушия и от духа Женевской конвенции, запретил, чтобы немецких солдат привлекали к ответственности за бесчинства, которые допускались ими в ходе борьбы с партизанами. Проявление колебаний было бы, в его глазах, преступлением перед немецким народом. Диктатор считал, что успеха против вооруженного сопротивления — в этой борьбе не на жизнь, а на смерть, где все решает победа⁴⁰, — можно добиться только путем применения «беспощадной жестокости», и не видел какой-либо альтернативы проводившейся им до сих пор политике. Да и надо думать, любая альтернатива уже опоздала бы после того, как германский рейх объявил войну США, а вермахт с конца 1941 — начала 1942 года оказался на Восточном фронте в безвыходной ситуации. Ни у нараставшего по-прежнему партизанского движения, ни у населения вообще уже не было никаких сомнений в поражении немцев. Потому и для той, и для другой стороны бесполезными были размышления о какой-то новой восточной политике, — те размышления, которые позволили себе иные подчиненные службы администрации и вермахта, а также некоторые отдельные личности.

ДРУГАЯ ВОСТОЧНАЯ ПОЛИТИКА?

Еще до нападения на Советский Союз сотрудник Розенберга Отто Бройтигам рекомендовал проведение немцами конструктивной восточной политики, которая бы считалась с нуждами населения и привлекала его симпатии⁴¹. Сходным образом высказывались уже в период оккупации и инициативы некоторых военных инстанций⁴², которые, используя в качестве предлогов военные неудачи, ухудшение условий жизни местного населе-

ния, нарастание сопротивления и сужение зоны немецкого управления до районов, где имелись воинские контингенты, ставили на изменении практиковавшейся оккупационной политики. В политической мотивации нуждались и восточные формирования, сражавшиеся на стороне немцев. Скромные тупики в виде наделения крестьян земельной собственностью лались половинчато и были далеко не достаточными, чтобы тех произвел перелом в настроениях. Отдел военной администрации в управлении тыла (управление генерал-квартирмейстера) выдвигал требование о принятии необходимых мер, указал в начале 1943 года в своей «Записке по восточному вопросу» на рост обеспокоенности в войсках по поводу явно неправильного обращения с населением: «Мы сами себе создаем партизан!»⁴³ Командующий в прифронтовой зоне групп армий «Центр» еще летом 1942 года предостерегал: «нельзя, чтобы партизаны провоцировали нас на карательные меры, которые они потом используют для пропаганды против нас»⁴⁴.

Осенью 1942 года вместе с Бройтигом⁴⁵ выражает сомнения и отдел по изучению иностранных армий на Востоке. Генеральный штаб сухопутных войск; он полагал, что партизанская угроза будет неуклонно усиливаться, если не уберечь почву для ее роста⁴⁶ — путем лучшего обращения с пленными и с помощью «воспитания готовности к сотрудничеству всего русского населения». И хотя отдел делал ряд серьезных уступок национал-социалистической идеологии, считал безусловно вредным положение о «неполноценности русского «недочеловека», не нуждающегося якобы в образовании и годного только для того, чтобы быть тружеником-рабочим которого поймали при облове. Лишь «некомпетентные люди могут думать, что нужно только истребить «претенциозную и создающую проблемы интеллигенцию — и тогда будут решены все вопросы. Отдел по изучению иностранных армий на Востоке предостерегал от методов террора, на которые в равной мере не хватало сил, и видел решение вопроса только в добровольном сотрудничестве населения. Людям нужно дать приемлемые перспективы на будущее в сочетании с улучшением снабжения уже сегодня. Эта точка зрения подкреплялась рядом памятных записок (Теодора Оберлендера, Густава Хильгера, Эдвина Эриха Двингера, Петера Кляйста, Рихарда Ридля и др.) и донесений, которые большей частью оседали в материалах этого отдела. В то же время группа армий «Север» сочетала свое пожелание насчет тактических уступок с ц

важным замечанием, что после выигранной войны можно будет не обращая ни на что внимания, снова делать то, что запланировано⁴⁷.

Недовольство развитием немецкой оккупационной политики на территории Советского Союза наблюдалось не только в ОКХ, но и в министерстве по делам восточных территорий, которому пришлось испытать немалые ограничения своих прав, равно как и своевольные действия рейхскомиссаров, в первую очередь главы администрации на Украине Эриха Коха. В свою очередь рейхскомиссариат «Остланд» тоже требовал ясности в немецкой и восточной политике: нужно открыто объявить народам Прибалтики, что им не следует больше рассчитывать на государственную самостоятельность в будущем, но что они могут не опасаться депортации⁴⁸.

18 декабря 1942 года рейхсминистр Альфред Розенберг созвал ряд представителей действующей армии, ОКХ и ОКВ на дискуссию по восточной проблеме — ее результаты были немедленно доведены до сведения фюрера⁴⁹. Участники дискуссии в своем большинстве согласились в вопросе о переломе напросней и его причинах — положение с продовольствием, трудная повинность, восточная политика в целом — и рекомендовали политическому руководству рейха текст официального обращения, содержавшего приемлемую для населения целенаправленную установку будущей немецкой политики. Жители России должны быть приравнены к другим европейским народам, находящимся в сфере господства Германии. Розенберг попросил Гёринга отменить изданный тем 26 октября 1942 года указ о выводе рабочей силы, который он считал даже для Белоруссии и невыполнимым, и нецелесообразным, так как, по его мнению, это могло повлечь за собой только нежелательные последствия⁵⁰. Министр по делам восточных территорий полагал, что наилучшим и все еще возможным решением тут было бы «применение к сотрудничеству самого восточного жителя».

Подобного взгляда придерживались, по всей видимости, и отдел пропаганды вермахта в ОКВ, и министерство пропаганды, которые, к вящему недовольству Розенберга, «будучи, как национал-социалисты, серьезно озабочены положением на Восточном фронте» (слова Гёббельса), тоже со своей стороны работали над обращениями фюрера к восточным народам⁵¹. Не заходявших порою очень далеко предложений, не останавливавшихся даже перед обещанием собственной государственности в будущей руководимой немцами Европе, министр по

делам восточных территорий подготовил для Гитлера в январе 1943 года проект декларации, которой было суждено стать основой политики, насколько успешно будут идти дела на фронте, и предложение для принятия решения фюрером, доложенное им диктатору 8 февраля 1943 года и сводившееся — с учетом позиции последнего — к трем мерам, осуществлять которые следовало незамедлительно:

«1. Создание национальных представительств отдельных народов.

2. Формирование народных армий в качестве союзников в войне против СССР.

3. Отмена всей большевистской экономической системы и переход к восстановлению частной собственности»⁵².

Генеральный штаб сухопутных войск и отдел пропаганды ОКВ поддержали эти предложения. А генерал-квартирмейстер (начальник тыла) указал на большое значение, которое обрело к тому времени вспомогательные части из местных жителей при проведении военных операций немецких войск, и призвал к тому, чтобы соответствующие меры принимались всеми группами армий⁵³.

Но если отдельные военачальники, как, например, генерал-фельдмаршалы Гюнтер фон Клюге, Эвальд фон Кляйст и Эрнст фон Манштайн, отдавали выдержанные в этом духе приказы, то в некоторых случаях, под воздействием сталинградской катастрофы, происходило отнюдь не отношение к оказывавшим немцам поддержку местным жителям по-товарищески, а командование 16-й армии приветствовало предложение о сотрудничестве со стороны советского генерала Андрея Андреевича Власова⁵⁴, то генерал-инспектор войск Восточного фронта требовал еще более беспощадного отношения к русскому населению. Оно должно «жертвовать для нас своей кровью — тем лучшим, что оно может дать. Для этого оно как раз и годится... Чем мы сильнее и чем больше истекают кровью восточные народы, тем меньше практическое воздействие требований»⁵⁵, с которыми немцам потом придется иметь дело. Но и он все же некоторые тактические обещания считал полезными.

Говорили, что реакция Гитлера на инициативу Розенберга не была такой уж отрицательной с самого первого момента⁵⁶, будто бы он даже согласился с некоторыми важными положениями. Но, по всей видимости, у министра по делам восточных территорий все же создалось неправильное представление, так как Мартин Борман, письменно зафиксировавший результаты

беседы, отметил, что фюрер отклонил идею с декларацией, вопреки тому, как это было понято Розенбергом, — вовсе не собирался вносить до окончания войны какие-то изменения в государственные отношения в Прибалтике. Правильность этой версии была подтверждена начальнику рейхсминистерства самими Гитлером⁵⁷. Да и не будет больше такой впечатляющей военной победы, которая бы, как это рекомендовал министр по делам восточных территорий, могла послужить поводом для политической декларации. Гауляйтер Кох, рассматривавший себя последовательным исполнителем идей фюрера, не видел причины для отказа от своей бескомпромиссной расистской позиции. Для него восточные народы не были врагами, а между германскими и славянскими народами, считал он, существует непреодолимый антагонизм⁵⁸. И только Гитлер, учитывая военную ситуацию после Сталинграда, мог и возможным распорядиться в середине февраля 1943 года, чтобы направленная на Восток пропаганда говорила и о роли восточных народов и не занималась больше изложением будущих колониальных планов⁵⁹. Его распоряжение осталось в том плане единственным официальным политическим документом, встретившим всеобщую поддержку вследствие его четкой определенности и принципиальной значимости⁶⁰.

В мае 1943 года до сведения Розенберга было доведено мнение Гитлера, что «партизанское движение на Востоке ни в коем случае нельзя рассматривать как реакцию на немецкие политические меры, а следует видеть в нем результат военных провалов... Если бы единодушное мнение Розенберга и представителей групп армий было верным, то там, где с населением обращаются мягко, партизанские акции, соответственно, должны были бы быть незначительными, — однако в действительности наблюдается полная противоположность... Поэтому он убежден, что партизанский вопрос может быть решен только с помощью применения насилия»⁶¹.

Гем самым была отмечена инициатива министерства по делам восточных территорий и находившейся на Востоке армии; тот же малый успех будет уготован и новым предложениям Розенберга, которые он отправит в рейхсканцелярию в конце 1943 года.

Партизанская проблема осталась нерешенной. Во всяком случае, насилие оказалось неподходящим средством, так что работа по изучению иностранных армий на Востоке еще будет

иметь повод для критики «непринятых либо недостаточных и неправильных ответных мер с немецкой стороны»⁶². Наверное, Германия все равно не смогла бы выиграть войну у Советского Союза, веди она ее и по-другому. Это стало невозможным после гибели 6-й армии и сперва поэтапного, а затем уже непрерывного отступления Восточной армии на Запад.

НЕПРЕОДОЛЕННАЯ ПРОБЛЕМА

Рост партизанских формирований привел к тому, что появились целые области, где настоящими хозяевами были партизаны; такие области возникли в войсковом тылу, сначала в центральной зоне, в том числе и в районе, подчиненном гражданской администрации рейхскомиссариата «Остланд», со временем и в районе рейхскомиссариата «Украина». Ликвидировать их было невозможно уже по одной той причине, что для этого не хватало сил. ОКХ еще в конце 1942 года осознал, что если не принять немедленных мер, то создастся угроза всему Восточному фронту⁶³. Постоянно проводившиеся мелкие крупномасштабные операции использовались СС, полицией, вермахтом для того, чтобы регулярно рапортовать о своих впечатляющих успехах. Правда, бросалось в глаза, что число уничтоженных «бандитов» было непропорционально велико в сравнении с небольшими собственными потерями⁶⁴ и количеством захваченного оружия⁶⁵, слишком большим был средний процент лиц «подозреваемых в принадлежности к бандам», равно как и евреев, также уничтожавшихся в этом случае эсэсовцами. Считалось, что евреи — так писал, к примеру, банденкомиссар из Слонима в Белоруссии — все еще составляют «очень высокий процент участвующих в саботаже и диверсиях... В результате акции только в течение одного дня... было выявлено среди 223 убитых бандитов 80 вооруженных евреев». Можно констатировать, что количество первоначально имевшихся в области 25 000 евреев сократилось до 500; несомненно, в политическом плане они все еще представляют определенную угрозу, но не могут пока быть полностью устранены по причине их острой военно-хозяйственной необходимости»⁶⁶.

«Окончательное решение еврейского вопроса» из виду упускалось. Так, проведенная в феврале 1943 года операция «Хорнунг» в Белоруссии началась с ликвидации гетто и имела своим результатом, по донесению тамошнего начальника СС полиции, 2219 убитых, 7378 «подвергнутых особой обработке»

100) расстрелянных евреев и 65 взятых в плен»⁶⁷. В ходе операции «Котбус» (конец апреля — середина июня 1943 года) потонули составили 4500 убитыми, кроме того, 5000 человек были расстреляны «по подозрению в принадлежности к бандам», а 12 человек отправлены на принудительные работы. Называемое число боевых трофеев — всего 492 винтовки. Но часто крупные партизанские соединения, располагавшие сетью подпольных осведомителей, ухитрялись вовремя поменять свои позиции, и нередко такие операции немцев оказывались «ударами в пустоту»⁶⁸. И все же им удавалось ценою большого напряжения людских ресурсов в какой-то степени сохранять в рабочем состоянии важнейшие железнодорожные магистрали и сооружения, быстро устранять последствия диверсий.

Над гражданской администрацией между тем нависла угроза ее упразднения. О «нормальном управлении» частично уже не могло быть и речи, после того как — слова «Сталинград» — здесь, как правило, избегали — «вследствие... неблагоприятных событий на Восточном фронте в зимние месяцы и их влияния на настроения... деятельность банд получила дальнейший импульс»⁶⁹. Даже рейхскомиссару Украины пришлось признать окончательное падение авторитета немецкой администрации. В то время как одни требовали проявления «крайней твердости», другие предостерегали от любых уступок населению, истолковывая это как признание собственной слабости⁷⁰, другие немецкие чиновники настаивали на большей гибкости принимавшихся мер. Всеми признавалось, что в отдельных районах для обеспечения их безопасности не хватает сил и что нужно единое руководство антипартизанской борьбой.

Партизаны, располагавшие все большим количеством тяжелого вооружения, получавшие подкрепления людьми от советских регулярных войск и нередко переодевавшиеся в немецкую военную форму, беспощадно поступали с теми своими соинтересенниками и их семьями, кто сотрудничал с оккупационными властями или сдавал им плановые поставки. Партизанскими мишенями были чаще всего бургомистры и сотрудники службы порядка, если они не поступали туда по заданию самих партизан и не были для них источниками информации. Все больше жителей покидали свои деревни из страха перед репрессиями с той или другой стороны и присоединялись к тем, кого считали более сильным. А будущее, как это уже стало ясно вскоре после Сталинграда, было не за немцами, которые забивали мужчин, скот и продовольствие, пытаясь лишить парти-

зан людских и материальных ресурсов, но оказывались бы сильными перед лицом вооруженного сопротивления. Начиная с февраля 1943 года резко возросло количество дезертиров в рядах восточных подразделений, официально входивших в Русскую освободительную армию (РОА); люди поверили в обещанную советской стороной амнистию и связывали теперь будущее для себя и своих близких с переходом через линию фронта; они уходили, забирая с собой оружие и уничтожив своих немецких командиров, что должно было служить доказательством произошедшего в них перелома. Во всяком случае, это обещало им больше надежды на успех, чем попытка получить статус «фольксдойче» или даже — за особые заслуги — немецкое гражданство, чтобы не оказаться брошенным на произвол судьбы отступающим вермахтом.

В начале 1943 года Гиммлер дал указание всем чинам СС полиции на Востоке при проведении операций против партизан эвакуировать все лишнее и трудоспособное население и отправлять его на работы в рейх. Некоторое время спустя Гитлер одобрил его предложение о том, чтобы из всех «зараженных бандами» областей на севере Украины и в центре России было угнано все их население — мужчины соответствующих возрастов приравненные к военнопленным, и часть женщин направлялись на обычных условиях на работы в рейх. Для остальных женщин и детей без родителей предусматривались приемные лагеря, откуда детей отправляли на сельскохозяйственные работы.

Кроме того, рейхсфюрер СС получил полномочие объявлять находившиеся под немецким контролем территории так называемыми областями борьбы с бандами, ставшими уже своего рода «вторым фронтом». Это и было сделано 21 июня 1943 года, в частности, в отношении Центральной России, Украины и Белостокского округа. Одновременно Гиммлер назначил Бах-Целевского, получившего еще в апреле в свое распоряжение специальные «полицейские боевые штабы», «начальником соединений по борьбе с бандами», «так как только жестокое центральное планирование и руководство... и последовательное воздействие рейхсфюрера СС и назначенного им военного начальника из СС являются залогом прочного успеха»⁷¹. Новый вариант Инструкции по борьбе с бандами на Востоке ОКХ от 18 апреля 1943 года⁷², снова согласованный с Гиммлером, брал на вооружение применявшуюся уже отдельными воинскими частями практику приравнивания захваченных партизан

к военнопленным. Еще лучшее обращение, которое Бройтигам можно было бы распространить на всех партизан, предусматривалось для перебежчиков, чего ОКХ добивался в течение нескольких месяцев⁷³. Расстреливать на месте можно было теперь только партизан, схваченных в обмундировании вермахта или немецких союзников.

Тех же правил придерживалась и разработанная Бах-Целевским памятка «Борьба с бандами» от 6 мая 1944 года⁷⁴. Однако остается все же под вопросом, насколько это изменение действительно сказывалось на практике антипартизанской борьбы. Так, Курт фон Готтберг, начальник СС и полиции Белоруссии, бывший главой тамошней администрации, отвергал корректное отношение к гражданскому населению, «потому что тогда бандит, переодетый женщиной, сможет проникать через наши контрольные линии»⁷⁵. Еще до того министерство по делам восточных территорий безуспешно призывало его способствовать прекращению террора. Но, наверное, остановить развал немецкого господства на все сужавшейся оккупированной территории Советского Союза ни тем, ни другим способом было невозможно. На состоявшемся 28 апреля 1943 года в Берхтсгадене под председательством Гёринга совещании гауляйтер Фриц Зауккель и статс-секретарь Герберт Бакке, пожалуй, не преувеличили, «что производство на оккупированных восточных территориях из-за боевых действий партизан очень затруднено, а во многих случаях и просто невозможно»⁷⁶.

Однако и в этой ситуации к широкому и дальновидному подходу высшего политического руководство рейха было не готово. Во время одной из поездок в Крым Розенберг вернулся к своим старым идеям насчет раздела великорусского пространства и стимулирования развития отдельных населяющих его народов. Но в целом он оставался лояльным к линии Гитлера: не пришло еще время выступать с заявлениями по поводу намеренного устройства «частей этого пространства». «Правительство рейха не хотело бы никаких установлений и прецедентов до тех пор, пока не закончатся боевые действия»⁷⁷. Единственное положительное, что Розенберг считал необходимым использовать в пропаганде, был новый аграрный порядок, относительно которого он опубликовал 3 июня 1943 года декларацию. Но издание указа о правилах проведения реформы сорвалось из-за возражений Коха, и ход военных событий скоро лишил ее смысла⁷⁸.

На деле же немецкое господство над оккупированными советскими территориями — так, как оно было задумано Гитлером и его окружением, — вообще не несло в себе ничего положительного. Даже проявлявшиеся в низовых инстанциях частные старания действовать корректно не выдерживают никакого сопоставления с теми преступлениями, которые творила оккупационная власть в ходе объявленной ею расовой войны и уничтожение, и с теми страданиями, которые были уготованы людям, попавшим под ее колесо насилия. Частью человеческой трагедии⁷⁹, разыгравшейся на этом участке сферы немецкой власти, было жестокое подавление партизан и совершенно беспомощной с обеих сторон борьбе жертвою оказалось огромное количество невинных местных жителей, в том числе женщин и детей. Но проявлявшиеся на немецкой стороне сомнения — чем они ни были продиктованы: тактическими соображениями и обычной порядочностью — отклонялись Гитлером даже тогда, когда после катастрофы под Сталинградом военное поражение в войне с Советским Союзом стало уже очевидным для всего мира.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Из «Отчета об опыте работы военной администрации при главном командовании группы армий «Центр» за период с 22 июня 1941 года по август 1944 года. — ВА-МА, RH 19 II/334.
- ² Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 4. Stuttgart, 1983. S. 4 (раздел Ферстера).
- ³ Из «Директивных указаний по правилам поведения войск в России» 19.05.41. — Nürnberger Dokument (Nbg. Dok.) NOKW-2964-BA-MA, 4/v. 524.
- ⁴ Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 4. S. 430 f.; Hesse E. Der sowjetische Partisanenkrieg 1941 bis 1944 im Spiegel deutscher Kampfanweisungen und Befehle. Göttingen u. a., 1969. S. 29 f. (Studien und Dokumente zur Geschichte des Zweiten Weltkrieges. Bd. 9); Schulte Th. J. German Army and Nazi Policies in Occupied Russia. Oxford u. a., 1989. S. 118.
- ⁵ См.: Umbreit H. Deutsche Militärverwaltungen 1938/39. Die militärische Besetzung der Tschechoslowakei und Polens. Stuttgart, 1977. S. 151 (Beitrag zur Militär- und Kriegsgeschichte. Bd. 18).
- ⁶ Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 4. S. 433.
- ⁷ См. письмо командования группы армий «Центр» в адрес ОКХ 29.06.41. — ВА-МА, RH 19 II/128; донесение командования 17-й армии от 7.07.41 относительно русских солдат в гражданской одежде. — ВА-МА,

- PH 20-17/46, а также: Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 5. Stuttgart, 1988. S. 201 (раздел Умбрайт).
- ⁸ Документы 16-й армии: запись совещания у генерал-квартирмейстера 16.05.41. — ВА-МА, RH 20-16/1012.
 - ⁹ Письмо в адрес командования группы армий «Центр» от 10.08.41 по вопросу борьбы с бандитизмом. — ВА-МА, RH 20-2/1091.
 - ¹⁰ Дополнение к директиве № 33 от 23.07.41. — см. Hitlers Weisungen für die Kriegführung 1939-1945. Dokumente des Oberkommandos der Wehrmacht, hrsg. von W. Hubatsch. Frankfurt a. M., 1962. S. 142 ff.
 - ¹¹ Nbg. Dok. NOKW 258 — о коммунистическом повстанческом движении в оккупированных областях от 16.09.41. — ВА-МА, All. Proz. 9; см. также: Das Dritte Reich. Dokumente zur Innen- und Aussenpolitik, hrsg. von W. Michalka. Bd. 2. München, 1985. S. 184 f.
 - ¹² Nbg. Dok. USSR-411 — Der Prozess gegen die Hauptkriegsverbrecher vor dem Internationalen Militärgerichtshof (International Military Tribunal), Nürnberg 14. Nov. 1945-1. Okt. 1946. 42 Bde. Nürnberg, 1947-1949. Bd. 34, S. 86. См. также: Dixon C.A., Heilbrunn O. Partisanen. Strategie und Taktik des Guerillakrieges. Frankfurt a.M. — Berlin, 1956. S. 108 f. и Dallin A. Deutsche Herrschaft in Russland 1941-1945. Eine Studie über Besatzungspolitik. Düsseldorf, 1948. S. 83.
 - ¹³ См. приказ ОКХ от 18.08.41 относительно сдачи оружия населением (Восток) — ВА-МА, RH 20-17/559, а также отчет айнзацгруппы «А» по состоянию на 1.02.42. (S. 125) — Федеральный архив в Кобленце (ВА), R 70 Sowjetunion/15.
 - ¹⁴ Деловая от 16.03.42. о правилах, касающихся права обладания оружием в оккупированных восточных областях — ВА, R 6/332.
 - ¹⁵ См. Cooper M. The Phantom War. The German Struggle against Soviet Partisans, 1941-1944. London, 1979. S. 29 f.
 - ¹⁶ Дополнение к директиве № 46, сделанное Гитлером 18.10.42. — Hitlers Weisungen... Nr. 46b, S. 207 f.
 - ¹⁷ Отчет начальника тыла группы армий «Центр» за сентябрь от 3.10.41. — ВА-МА, RH 19 II/123.
 - ¹⁸ Циркуляр Берлинского управления рейхсминистерства пропаганды от 13.12.41. — ВА-МА, RH 4/v. 270. См. также особый приказ Гиммлера от 11.07.42: Nbg. Dok. NO-2747 — ВА, All. Proz. 21/213; Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 6, S. 918 (раздел Вернера).
 - ¹⁹ Goebbels J. Tagebücher aus den Jahren 1942-1943, mit anderen Dokumenten hrsg. von L.P. Lochner. Zürich, 1948. S. 174. См. также: Cooper M. Op. cit. S. 24 f., 78.
 - ²⁰ См.: Hesse E. Op. cit. S. 76.
 - ²¹ Руководящие указания по борьбе с партизанами от 25.10.41. (копия) — ВА, R 19/305.
 - ²² Приложения к журналу боевых действий, ведущемуся штабом рейхсфюрера СС — Военно-исторический архив (VNA) в Праге.
 - ²³ Hesse E. Op. cit. S. 115.
 - ²⁴ ВА-МА, RH 2/430.
 - ²⁵ Директива Гитлера от 18.08.42. — Hitlers Weisungen... Nr. 46, S. 203.
 - ²⁶ Боевой приказ и поручения Гиммлера (в копии) — VNA, приложения к

- журналу боевых действий оперативного отдела штаба рейхсфюрера, октябрь 1942 г. См.: *Birn R.B.* *Zweierlei Wirklichkeit? Fallbeispiele zur Partisanenbekämpfung im Osten*, in: *Zwei Wege nach Moskau. Vom Hitler-Stalin-Pakt zum «Unternehmen Barbarossa»*. Hrsg. Von. B. Wegner, München, 1991. S. 275–290.
- 27 Письмо генерального комиссара Белоруссии рейхсминистру по делам оккупированных территорий от 3.02.43. — ВА, R 6/27.
- 28 Директива Гитлера от 23.06.43. — см. *Hitlers Weisungen...* S. 206.
- 29 *Kluke P.* *Nationalsozialistische Europaideologie*, in: *Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte*, 3 (1955), S. 265.
- 30 Журнал боевых действий группы армий «Север», оперативный отдел, запись от 31.01.42. — ВА-МА, RH 19 III/178; и запись от 19.06.42. — ВА-МА, RH 19 III/183.
- 31 Директива № 46 от 18.08.42: Директива об усилении борьбы с бандитизмом на Востоке. — *Hitlers Weisungen...* S. 201 ff. См.: *Hesse E.* *Op. cit.* S. 117 f.; *Cooper M.* *Op. cit.* S. 80, 93 f.; *Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg*. Bd. 6, S. 918, а также дополнение, сделанное Гитлером от 18.10.42 — *Hitlers Weisungen...* Nr. 46 b, S. 207 f.
- 32 ВА, R 19/318.
- 33 Приложение 2 к основной директиве, документы оперативного отдела, текущ. № 1, S. 69 — ВА-МА, RHD 6/69/1; *Hesse E.* *Op. cit.* S. 180; *Cooper M.* *Op. cit.* S. 80; *Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg*. Bd. 6, S. 922.
- 34 «Бездумной жестокости и актов произвола следует избегать. Пленное население на свою сторону привлечь нельзя». Приложение 2 к основной директиве, документы оперативного отдела, № 90. S. 34. ВА-МА, RH 6/69/1.
- 35 ВА, R 26 I/47. См.: *Cooper M.* *Op. cit.* S. 96.
- 36 Приказ начальника оперативного штаба полиции безопасности и службы безопасности СД «Остланд» от 18.11.42. — ВА, R 70 Sowjetunion/13.
- 37 *Hesse E.* *Op. cit.* S. 180. Так, генерал пехоты Макс фон Шенкендорф, согласованном с Бах-Целевским приказе от 3.08.42 предостерегал от террора, ограничивал объем карательных операций, запрещал расстрелы женщин и детей и угрожал в случае эксцессов военно-судебной разборчивостью — ВА, R 20/7. См. также оперативную сводку рейхскомиссара «Остланд» от 16.09.42. — ВА, R 6/84.
- 38 Журнал боевых действий группы армий «Север», оперативный отдел, запись от 11.08.42. — ВА-МА, RH 19 III/185.
- 39 *Nbg. Dok. NO-631* — ВА, All. Proz. 21/213. См.: *Birn R.B.* *Die Höheren SS- und Polizeiführer. Himmels Vertreter im Reich und in den besetzten Gebieten*. Düsseldorf, 1986. S. 60, Anm. I; *Cooper M.* *Op. cit.* S. 80; *Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg*. Bd. 6, S. 923.
- 40 *Cooper M.* *Op. cit.* S. 80.
- 41 *Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg*. Bd. 4, S. 421.
- 42 См.: *Hesse E.* *Op. cit.* S. 90; *Cooper M.* *Op. cit.* S. 109 f.
- 43 Записка по восточному вопросу от 3.01.41. — Политический архив в Бонне (ПА), R 27342. См.: *Hesse E.* *Op. cit.* S. 183, Anm. 359.
- 44 См. примеч. 37; *Schulte Th.J.* *Op. cit.* S. 123; *Bonwetsch B.* *Sowjetische Partisanen* 1941–1944. *Legende und Wirklichkeit des «allgemeinen Volkskrieges», in: Partisanen und Volkskrieg. Zur Revolutionisierung des Krieges im 20. Jahrhundert*, hrsg. von G. Schulz. Göttingen, 1985. S. 110.

- 1941–1944. *Legende und Wirklichkeit des «allgemeinen Volkskrieges», in: Partisanen und Volkskrieg. Zur Revolutionisierung des Krieges im 20. Jahrhundert*, hrsg. von G. Schulz. Göttingen, 1985. S. 110.
- Cooper M.* *Op. cit.* S. 25 f.; *Mulligan T.P.* *The Politics of Illusion and Empire. German Occupation Policy in the Soviet Union, 1942–1943*. New York u.a., 1988. S. 48.
- Записка о неотложных вопросах войны с бандами и привлечении добровольных помощников от 25.11.42. — ВА-МА, RH 2/2091. См. также: *Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg*. Bd. 6, S. 920 f.
- Письмо генерал-инспектору войск Восточного фронта от 16.04.43. — ВА-МА, RH 19 III/12.
- См. оперативную сводку рейхскомиссара «Остланд» от 16.09.42. — ВА, R 6/84.
- Протокол бригадефюрера СС Циммермана от 4.01.43. — ВА, R 6/75, дополнительный доклад Циммермана для внутреннего пользования от 4.01.43, а также запись ОКХ от 22.12.42 о совещании у рейхсминистра по делам оккупированных территорий — ВА, R 6/139. См. далее: *Dallin A.* *Op. cit.* S. 163; *Hesse E.* *Op. cit.* S. 184 f.; *Mulligan T.P.* *Op. cit.* S. 50.
- Письмо от 23.12.42. — ВА, R 6/23.
- Письмо Розенберга Гёббельсу от 3.02.43, ответ на него от 4.02.43 и новое письмо Розенберга Гёббельсу от 11.02.43. — ВА, R 6/491.
- ВА, R 6/35. Этот документ приводится в статье *Volkmann H.E.* *Das Vlasov-Unternehmen zwischen Ideologie und Pragmatismus — Militärgeschichtliche Mitteilungen*, 12 (1972), S. 139–142. Дальнейшие проекты Розенберга см.: ВА, R 6/6.
- Записка о местных вспомогательных силах (копия с копии) от 9.2.1943 г. — ВА, R 6/140.
- Журнал боевых действий группы армий «Север», оперативный отдел, запись от 2.02.43. — ВА-МА, RH 19 III/199. См. далее докладную записку советника-посланника Густава Хильгера от 29.06.43 относительно акции Власова — ВА-МА, RH 2/2263.
- 13.3.1943 г. — РА, R 27342.
- Записка для Гёринга от 20.02.43. (копия) — ВА, R 6/139.
- Письмо Ламмерса Розенбергу от 8.03.43. — ВА, R 6/491. См.: *Mulligan T.P.* *Op. cit.* S. 51 f.
- См. письмо Розенберга Ламмерсу от 22.10.43 по поводу «Декларации о крестьянской собственности» от 3.06.43 и образа действий рейхскомиссара Коха — ВА, R 6/89.
- Циркуляр от 15.02.43 относительно обращения с европейскими народами. (копия) — ВА, R 6/139.
- Внесение уполномоченного Розенберга в группу армий «Юг» от 21.03.43. — ВА, R 6/52. Начальник отдела по изучению иностранных армий на Востоке счел эти руководящие указания полностью отвечающими тому, что предлагал он сам. См. письмо полковника генштаба Райнхарда Гелена полковнику барону фон Рёнке от 16.03.43. — ВА-МА, RH 2/1516.
- Hesse E.* *Op. cit.* S. 187.
- Сводка развития оперативной обстановки в борьбе с бандами от 22.05.43. — ВА-МА, RH 2/2567.

- ⁶³ Cooper M. Op. cit. S. 19.
- ⁶⁴ См.: Schulte Th. J. Op. cit. S. 130 f.
- ⁶⁵ Cooper M. Op. cit. S. 84.
- ⁶⁶ Приложение к письму рейхскомиссара Белоруссии от 8.10.42 о действиях партизан — BA, R 6/348.
- ⁶⁷ Birn R.B. Op. cit. S. 285 f.; Cooper M. Op. cit. S. 87, 97. Гиммлер доклад Гитлеру 20.12.42, что на юге России, на Украине и в Белостоке прошедшие четыре месяца при подавлении партизанского движения были убиты в боях 1337 партизан, 737 были взяты в плен и уничтожены, а 7328 «бандитов» убиты после допросов; кроме того, были уничтожены 14 257 человек, оказывавших содействие бандитам либо подозреваемых в этом, а также 363 211 евреев. Помимо того были уничтожены населенных пунктов и еще около 2000 дворов. См.: Maser W. Nürnberg Tribunal der Sieger. Düsseldorf — Wien, 1977. S. 260.
- ⁶⁸ Hesse E. Op. cit. S. 167; Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 6, S. 916 f.
- ⁶⁹ Оперативные сводки генерального комиссара Вольнии и Подолии от 30.04.43. — BA, R 94/17; рейхскомиссара на Украине от 14.05.43. — R 94/18.
- ⁷⁰ Особое донесение генерального комиссара в Житомире по поводу борьбы с бандами Розенбергу от 12.02.43. (копия) — BA, R 19/319.
- ⁷¹ Приказ от 21.06.43. — BA, R 19/318.
- ⁷² Приводится в приказе по 6-му воздушному флоту от 10.05.44 относительно борьбы подразделений люфтваффе с бандами и прорвавшимися частями противника. — BA-MA, RH 19 П/240.
- ⁷³ См. переписку по этому вопросу — BA-MA, RH 2/2134.
- ⁷⁴ BA-MA, RHD 6/69/2, Nr. 161-163, S. 71 f. См. далее: Cooper M. Op. cit. S. 106, а также приказ по СС относительно руководства борьбой с бандитами от 27.09.41. — BA-MA, RH 19 П/243.
- ⁷⁵ Сводка по результатам операции «Весенний праздник» от 15.05.44 — BA-MA, RH 19 П/244; письмо рейхсминистра по делам оккупированных восточных территорий генеральному комиссару Белоруссии от 6.03.43. — BA, R 6/354.
- ⁷⁶ Пометка рейхсканцелярии от 29.04.43 относительно проведения в жизни указа фюрера от 13.01.43 о максимальном участии мужчин и женщин в выполнении задач по защите рейха. — BA, R 43 П/651 b.
- ⁷⁷ Доклад старшего референта МИД Хассо фон Эрцдорфа от 26.04.43 о высказываниях рейхсминистра Розенберга по вопросам восточной политики. — BA-MA, RH 2/2263.
- ⁷⁸ Письмо Ламмерса от 24.09.43 (копия) и ответ Коха от 21.10.43 (копия) — BA, R 6/89.
- ⁷⁹ Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 6, S. 917.

Бернхард Р. Крёнер

«ВСТАВАЙ, НАРОД, ПРИШЛА ПОРА!...»
СТАЛИНГРАД И «ТОТАЛЬНАЯ» ВОЙНА
В 1942–1943 ГОДАХ

Слово «Сталинград» вошло в коллективное сознание немецкого народа понятием, неразрывно связанным с перипетиями второй мировой войны. Стратегическая война в воздухе, принимающая форму все более жесточайших бомбежек, все быстрее нарастающие потери вермахта и одновременно достигшие гигантских размеров немецкие усилия по производству вооружений, все более подстегиваемые геббельсовской пропагандой, и по мере того как день созданий в значительной мере представление, будто в 1943 году немецкий народ, пусть и с большим опозданием, вступил в тотальную войну. В совпавшее с этим по времени требование союзников о безоговорочной капитуляции породило к тому же и неправильное представление, будто тотальная война является неизбежной предпосылкой тотального поражения¹.

После того как удалось уже навсегда отправить в царство мифов взгляд на будто бы систематическую, долговременную и планировавшуюся и успешную по меньшей мере на своем начальном этапе германскую «стратегию блицкрига»², возник и вопрос: в какой все же степени провозглашенная в 1943 году «тотальная война» не была лишь пропагандистским в конечном счете фасадом идущего навстречу своей гибели тоталитарного режима?³ Живучесть взгляда, что вторая половина войны якобы была стоила Германии действительно тотальных военных усилий, имеет, наверное, свою причину и в том широко распространенном представлении, будто бы тоталитарные режимы дей-

ствуют, как правило, круто и, используя структуру своего государства, в состоянии с помощью страха и принуждения быстро и эффективно осуществлять тотальную мобилизацию населения.

Итак, была ли действительно под воздействием краха последнего наступления 1942 года выработана и проведена в жизни концепция поголовной мобилизации людских ресурсов в сфере германского господства? И какое влияние оказывало командование вермахта на мероприятия партии, направленные в конечном счете на поддержку фронта и тем самым на продолжение войны? Ответ на эти вопросы касается не только центральной сферы немецкой военной экономики, но и всей истории третьего рейха.

Еще в декабре 1941 года Гёббельс передал Гитлеру свой первый меморандум о необходимости широкой мобилизации всего населения рейха⁴. На фоне краха блицкрига против Советского Союза именно тогда, по-видимому, и обратились впервые к появившейся в межвоенный период формулировке Людендорфа «тотальной войне»⁵. Во всяком случае до этого Гитлер, сохранявший самые горькие воспоминания о конечном этапе первой мировой войны, такие инициативы не поддерживал.

Однако, отдав основополагающий приказ «Вооружение» от 10 января 1942 года⁶, издав «Указ фюрера о дальнейшем упрочении управления» от 25 января и «Указ о ключевых силах» от 19 февраля 1942 года, вводивший более строгий подход в вопросе существовавшей тогда «профессиональной незаменимости» (о порядке получения брони) гражданских специалистов, политическое и военное руководство рейха окончательно распрощалось с молчаливо практиковавшейся до того концепцией «военной экономики мирного времени»⁷. Назначение в марте 1942 года гауляйтера Тюрингии Фрица Зауккеля «генеральным уполномоченным по трудовой мобилизации», а генерал-лейтенанта Вальтера фон Унру — особоуполномоченным по проверке гражданских и военных оккупационных служб, существовавших на захваченных территориях, также свидетельствовало о намерении режима подстраиваться в людском и материальном плане к потребностям более продолжительной войны⁸.

Но стабилизация фронта на Востоке, обещавшие успех планы нового, нацеленного в сердцевину советской военной промышленности и сырьевых месторождений наступления и на последнюю очередь скрытое сопротивление со стороны ме-

них князьков — гауляйтеров в самом рейхе свели на нет уже в первой половине 1942 года все усилия по максимальному использованию имевшихся резервов населения — успехов, да и те незначительных, удалось добиться лишь в самом начале. Таким образом, летом 1942 года политическое руководство рейха еще не считало, что пришло время для резкого сокращения персонала общественных служб и рабочей силы в промышленности. Сам Гитлер был настроен столь оптимистично, что полагаю, что осенью 1942 года можно будет «демобилизовать большие контингенты сухопутных сил». Тем самым обрекались на неудачу все старания — в первую очередь со стороны генштаба — по сокращению, путем перспективного планирования личного состава, все возрастающей недоукомплектованности войск на критическом фронте и одновременно по подготовке обученных резервов для будущих операций⁹.

Ввиду становившегося все более угрожающим разрыва между числом потерь и количеством пополнений начальник Генерального штаба сухопутных войск генерал-полковник Франц Гальдер вновь обратился в начале августа к начальнику штаба Верховного командования вермахта генерал-фельдмаршалу Вильгельму Кайтелю с умоляющим призывом, прогнозируя к 1 ноября 1942 года некомплект Восточной армии примерно в 700 000 человек. Предусматривавшееся же пополнение в количестве 400 000 человек и ожидаемое возвращение в строй раненых могло, в лучшем случае, восполнить потери к 1 июня 1943 года, но было не в состоянии восполнить некомплект в три четверти миллиона солдат¹⁰.

Эти тревожные цифры побудили начальника тыла сухопутных войск и командующего армией резерва генерал-полковника Фрица Фромма, на чьих плечах лежало пополнение всего вермахта, без прикрас обрисовать Гитлеру состояние с людским потенциалом третьего рейха¹¹. Он вновь высказал мнение, что на фоне грозящей демографической катастрофы нагущенной необходимостью является немедленное начало переговоров о заключении мира.

Такой пораженческой на взгляд фюрера и его придворной военной камарильи позицией Фромм буквально спровоцировал свое последовавшее вскоре вслед за этим постепенное отлучение от власти. Но к тому времени, когда каждый новый день стал все нагляднее демонстрировать военному руководству ограниченность людских и материальных ресурсов Германии и в рамках стратегии наступательной войны, в сознании широких

кругов населения все сильнее утверждалось убеждение, что ожидаемым вот-вот взятием Сталинграда в войне наступит положительный перелом¹². Попавший в свои собственные силы аппарат пропаганды Гёббельса безуспешно пытался хоть как-то подавить «настроение иллюзий в рейхе»¹³. В такой ситуации было, разумеется, невозможно по внутривойсковым причинам осуществить новую волну мобилизации, которая в первую очередь ударила бы по не связанным напрямую с войной отраслям экономики и тем самым формирующим настроение населения сферам.

Каким-то, пусть и далеко не совершенным подспорьем могло быть только интенсивное прочесывание тыловых служб действующей армии, в первую очередь бесчисленных военных и гражданских оккупационных учреждений. В этом направлении и шла с начала мая 1942 года работа «комиссии Унру» в рейхскомиссариатах «Остланд» и «Украина», а также в генерал-губернаторстве (Польше). Целью этой акции было пополнить фронтные части дополнительным количеством уже обреченных солдат, не вызывая в то же время перемен в неустойчивом настроении населения. Успехи «комиссии Унру» были, однако, с самого начала скорее скромными, что и побуждало руководство избегать, по возможности, в своих рапортах конкретных цифр¹⁴. К тому же, если иметь в виду потери армии на Восточном фронте, исчислявшиеся сотнями тысяч, такая мера была лишь каплей в море. Но в пропагандистском плане старания вермахта искать резервы в собственных рядах, тащить, так сказать, себя из болота за собственные волосы оказалось чрезвычайно полезным. Ведь в первые годы войны представители экономики и гражданской администрации при любой попытке призвать в армию людей с производства, служащих и чиновников постоянно, и не без оснований, указывали на разбухшие службы вермахта.

Эти меры, катастрофическим образом шедшие вразрез с потребностями ведения войны, привели во второй половине 1942 года к прямо-таки галопирующему упадку сил — прежде всего у войск на Восточном фронте. В конце сентября 1942 года четырем группам армий некомплект составил уже почти 250 000 человек¹⁵.

* Здесь одновременно и игра слов: «Унру» — «беспокойный», «будоражающий». — *Прим. перев.*

В самом апогее кризиса военного руководства в сентябре 1942 года Гитлер отдает два приказа фюрера, в которых пытаются равным образом учесть и быстро ухудшающуюся обстановку на Восточном фронте, и то, как это сказывается на ситуации в стране. Отданному 8 сентября приказу «об основополагающих задачах по обороне» сопутствует последовавший четырьмя дня спустя приказ о мерах по набору и комплектованию армии в 1943 военном году — при сохранении наступательных стратегических целеустановок на два первых месяца будущего года предусматривался призыв всего лишь по 75 000 человек в месяц¹⁶.

В этих заданных самим Гитлером условиях Генеральный штаб сухопутных войск пытался искать выход в первую очередь в срочном выявлении обученных пехотинцев в частях люфтваффе и в пополнении ими измотанных в боях дивизий на Восточном фронте. Тем самым была бы оперативно оказана помощь действующей армии, поскольку свежие силы влились бы в ряды пехоты пехотных дивизий с опытом последних, полученных в ходе Восточной кампании. С другой стороны, передача авиационной армии почти 10 процентов своего фактического личного состава не могла бы остаться без последствий и вылилась бы в ослабление позиций Германа Гёринга в междоусобной борьбе в верхушке нацистского руководства. И когда приказ Гитлера от 11 сентября открыл наконец возможность сухопутным силам получить значительные подкрепления за счет других подразделений вермахта, Гёринг воспользовался ослаблением руководства сухопутных войск, возникшим в результате отставки Гитлера, и добился у Гитлера в пику ОКХ разрешения на формирование в составе люфтваффе собственных наземных боевых соединений. Этот конфликт в очередной раз продемонстрировал, сколько принималось даже в критических ситуациях противившихся делу решений, продиктованных узкоэгоистическими интересами и личными амбициями и чреватых тем, что они лишали Германию возможности максимальной концентрации сил, вели к их дальнейшему ослаблению. Соединения, о которых идет речь, были сформированы на скорую руку и состояли большей частью из солдат и офицеров, не имевших в своей массе опыта боев в пехотном строю. Не получившие боевой выучки эти двадцать дивизионных формирований стали бесцельными жертвами в ходе сражений по деблокированию окруженных под Сталинградом войск зимой 1942–1943 года¹⁷.

Уже неоднократно оправдывавшая себя до сих пор попытка

искать людские резервы в рамках некой «системы временных мер», чтобы продолжать вести войну, — внутри вермахта и среди маргинальных групп общества, не оказывавших влияния на создание настроений, но интересных в идеологическом плане, — приводит в ноябре 1942 года, не без воздействия поражения в Северной Африке, к дальнейшим шагам, представляющим на фоне обескровленных немецких войск на Восточном фронте прямо-таки гротескными. Так, к примеру, было принято решение о формировании дивизии штрафников с численным составом почти до 30 000 человек. Обращаясь, что было весьма симптоматично, к опыту первой мировой войны, режим стремится предотвратить такое явление, как преобладание среди населения в рейхе людей с «неполноценным» характером, и управляет теперь на фронт тех, кого до этого считали «недостойными» призыва в армию, «почетной обязанности служения оружием в руках», — их, как и солдат, приговоренных к продолжительным срокам наказания, бросают «для искупления вины», как правило, на самые опасные участки фронта¹⁸.

20 ноября 1942 года, на следующий день после начала советского наступления под Сталинградом, Гёринг предложил проект распоряжения, по которому можно было бы привлекать достигших шестнадцатилетнего возраста юношей и девушек учащихся средних и профессиональных школ, по месту их жительства к обслуживанию зенитных орудий. По подсчетам, общей сложности их численность могла бы составить около 40 000 человек. Однако со всех сторон посыпались протесты. Министр финансов фон Крозиг, министр по делам культуры Руст, министерство путей сообщения, а также министр внутренних дел и даже Зауккель опасались серьезных волнений среди населения. К ряду недостаточных, явно совершенно неправильно оценивавших всю серьезность положения мер отнесся и введение в сентябре 1942 года воинской повинности в аннексированных рейхом территориях. Начиная с октября 1942 года в армию стали призывать даже эльзасцев и лотаринцев, служивших прежде во французской армии¹⁹.

Эти шаги, предпринятые в рамках половинчатой мобилизации, можно было бы дополнить и многочисленными другими примерами. Горькие вести с североафриканского театра военных действий и все более ухудшавшаяся обстановка на Восточном фронте хотя и усилили нервозность политического и военного руководства, но явно не стали для него поводом действовать планомерно и скоординированно.

Еще в конце сентября генерал фон Унру потребовал, чтобы полномочия были распространены на весь управленческий аппарат рейха и на военную экономику²⁰. И едва ли не одному только Шпееру удавалось в течение месяцев препятствовать тому, чтобы генерал использовал полученную им возможность мобилизовать людей из учреждений его министерства и из промышленности²¹. 22 ноября 1942 года, когда советские войска почти сомкнули кольцо вокруг 6-й армии, Гитлер назначил еще одного «особоуполномоченного», в задачу которого вошла «проверка степени мобилизации на территории Великого германского рейха»²². Но это распоряжение, которое вполне могло бы послужить первым шагом по скоординированному использованию всех имеющихся в наличии людских резервов третьего рейха, обернулось ничем — и не только из-за личности назначенного генерала, явно оказавшегося совершенно неспособным справиться с этой задачей, но и из-за того, что не было четкого разграничения между кругом возложенных на него обязанностей и сферами ответственности Зауккеля, Шпеера и Африка. Последний, будучи генеральным уполномоченным по административному управлению рейха, попытался еще раз предпринять энергичные шаги в защиту своих интересов²³. Индивидуальность и результативность усилий отдельных властных институтов по оказанию влияния на работу комиссии были прямо пропорциональны тому месту, которое занимали они в поликратической системе нацистского режима. Так, Унру был вынужден «торжественно» согласиться со Шпеером, чтобы проверка в сфере промышленной экономики проводилась лишь по обоюдному согласию. И только после этого министр вооружений и боеприпасов отказался «для начала от дополнений к распоряжению фюрера»²⁴.

С начала декабря 1942 года в немецком руководстве наблюдается рост панических настроений. И, кажется, не кто иной, как сам Гитлер, как и в других случаях кризисного обострения военной обстановки в предыдущие годы, стал проявлять признаки нервного истощения²⁵. В этой ситуации у него, видимо, преобладает убеждение, что только тотальная — как в рейхе, так и в оккупированных областях — отдача всех сил ради войны способна еще, может быть, дать режиму какую-то передышку. Доказательством такого подхода служит дальнейший ход обсуждения вопроса о необходимости привлечения молодежи к вспомогательной воинской службе.

На заседании в министерстве авиации 14 декабря была

вновь поднята идея относительно парамилитаристского использования подростков²⁶. Возможно, в связи с меморандумом Гёббельса о тотальной войне, который, по его собственным словам, якобы был передан фюреру в середине декабря, и состоялся 17 декабря разговор с Гитлером о возможном привлечении юношей и девушек в местные подразделения люфтваффе. Критическое отношение к этому вопросу со стороны Гёббельса видно из разговора, который он имел в тот же день с руководителем молодежных организаций рейха Артуром Аксманом, в котором Гёббельс однозначно дистанцировался от идеи набора подростков в зенитную артиллерию²⁸. 21 декабря 1942 года высказал свои сомнения Борман, считавший, что у мировой общественности может тогда создасться впечатление, будто Германия уже исчерпала все свои силы²⁹. Два дня спустя Гитлер категорически заявил, что «высказанные сомнения министра не учитывают имеющуюся необходимость, не интересуют. Мероприятие по привлечению к воинской вспомогательной службе следует проводить в жизнь незамедлительно»³⁰. Вслед за этим, во второй день Рождества, в Каринхалле состоялось первое совещание по этому вопросу; открывая его, Гёринг сказал, что идея привлечения молодежи к вспомогательной службе исходит от самого фюрера³¹. Не говоря уже о мерах, инициаторами которых был Гитлер, другие представители высшего эшелона власти тоже старались извлечь из кризисного обострения обстановки в конце осени 1942 года выгоды в смысле расширения собственных позиций. Так, партия увидела теперь возможность для осуществления долгожданной цели — ссылаясь на необходимость более тесного сплочения всех сил, еще больше расширить свое влияние на учреждения среднего звена в ущерб традиционной администрации. За изданным 16 ноября 1942 года распоряжением о назначении дополнительных комиссаров по обороне рейха, согласно которому всем 42 гауляйтерам передавались теперь функции политических руководителей-координаторов, примерно месяц спустя последовал указ Гитлера о правовом статусе НСДАП, ставивший партийный аппарат над государственным³². Как и во время кризиса с боеприпасами в 1939–1940 годах и зимнего кризиса 1941–1942 года, так и теперь обострение обстановки вновь было использовано представителями режима для дальнейшего сужения власти традиционных элит.

Командование вермахта, для которого не могла быть тайной опасная утрата боеспособности соединениями на Восточном

фронте, даже в декабре 1942 года так и не сумело добиться принятия радикальных мер. Вслед за выдержанным в оптимистических тонах оперативным приказом № 1 от 14 октября 1942 года, каковым новым начальником Генерального штаба сухопутных войск, генерал-полковник Курт Цайцлер, порождая у Гитлера иллюзию, будто в 1943 году возобновится наступление, которое и приведет к окончательному разгрому противника³³, в организационном отделе ОКХ была подготовлена месяц спустя справка по организации действующей армии. И здесь сущность всех предложений сводилась к тому же: «Чем энергичнее и нагляднее действующая армия поможет сперва себе сама, тем быстрее сможет она потребовать и добиться того же от всей нации»³⁴. Практиковавшаяся ранее система паллиативов при комплектовании людьми давно уже изжила себя, что и было доказано успехом советского прорыва всего несколько дней спустя. У действующей армии не было уже резервов, которыми она могла бы помочь себе сама. Как и в минувшую зиму, усилиями начальника вооружений сухопутных войск, действовавшего одновременно и командующим армией резерва, были, хоть и с опозданием, в спешном порядке сколочены на территории рейха несколько дивизионных формирований. Степень боеспособности этих пяти дивизий, получивших по непростительному сарказму Общего управления ОКХ кодовое наименование «Кримхильда» — в честь одной из героинь вагнеровского «Заката богов», — была столь невысокой, что отправить их на Восточный фронт смогли лишь частично, да и то только в первой половине 1943 года³⁵. Боевой же состав находившихся на Восточном фронте дивизий между тем продолжал уменьшаться. Численность некоторых соединений за последние месяцы сократилась более чем наполовину³⁶. Перед лицом уже обрисовавшейся катастрофы, но, вероятно, еще надеясь, что кольцо под Сталинградом все-таки удастся прорвать, ОКХ даже 10 декабря 1942 года все еще верил в возможность «в максимально короткий срок начать на Востоке новое наступление, целью которого будет Средний Восток»³⁷. Поэтому и не кажется особенно странным, что состоявшееся 15 декабря 1942 года у Гитлера совещание с представителями ОКВ по поводу кризиса имело своим итогом принятие решений, базировавшихся в значительной степени на положениях приказа от 12 сентября³⁸. Из того же исходил Гитлер и в отданном 19 декабря приказе «Об улучшении положения с резервами и возрастных рамках службы в действующей армии».

Согласно этому приказу, до 15 января 1943 года из отраслей военной экономики и всех «гражданских учреждений» должны были быть призваны в армию 100 000 мужчин, родившихся в 1900–1905 годах, до 20 января 1943 года — 20 000 мужчин 1908–1922 годов рождения и до 20 февраля 1943 года — еще 30 000 человек, родившихся в тех же годах.

Одновременно к 15 февраля 1943 года лишались персональной брони 150 000 годных к строевой службе мужчин, которых должны были сменить солдат, переведенных в разряд годных к несению службы в тыловых гарнизонах³⁹.

Эта акция, проходившая под кодовым названием «Обморожений-43», провалилась уже с самого начала, так как не удалось подготовить необходимые списки в такой короткий срок было невозможно. Но она убедительно свидетельствует о том, как высоко ценили обстановку Гитлер и его военные советники: и даже в тот момент они все еще верили, что найти силы для фронта можно всего лишь в результате строжайшей проверки в тылу. Следует отметить и то обстоятельство, что по своему объему мобилизационное комплектование в таком его виде не шло ни в какое сравнение с теми огромными потерями, которые понесла армия во второй половине 1942 года. На одном только Восточном фронте потери составили около миллиона человек, в то время как пополнение не достигало и до 400 000⁴⁰. Сам начальник штаба ОКВ оценивал некомплект вермахта в начале 1943 года в 700 000 человек, причем исходил он из уже сокращенного по сравнению с 1941 годом штатного расписания⁴¹.

25 декабря, когда окончательно рухнула надежда на деблокирование 6-й армии и уже началась ее медленная агония, Гитлер сказал своему доверенному Борману, что речь теперь идет об одном — быть или не быть. Этот первый рождественский день 1942 года можно, пожалуй, поэтому считать подлинным часом рождения «тотальной войны» или по меньшей мере ее воплощения в жизнь в пропаганде. Уже 28 декабря Борман встречается для первых подготовительных разговоров по этому поводу с начальником рейхсканцелярии Ламмерсом, а некоторое время спустя с Гёббельсом⁴². Несомненно, именно Гитлер был инициатором развернувшихся с началом 1943 года усилий по настраиванию немецкого народа на борьбу, трагический конец которой будет затем вырисовываться все отчетливее. В последние дни 1942 года начали наперебой соревноваться между собой представители партийной верхушки, пытавшиеся, руководствуясь при этом совершенно различными целями, пред-

длить оптимальную концепцию по реализации намерений фюрера. Под воздействием дальнейшего обострения ситуации на фронтах началась новая стадия борьбы НСДАП по вытеснению не воспринимавшихся ею достаточно дееспособными представителями старых элит. Но если Борман уже 18 декабря довел до сведения членов партии надежду Гитлера, «что партия сама вновь возродит дух и методы времени нашей борьбы, не ограничится администрированием и управлением, а поведет за собой»⁴³, то Гёббельс поручил своему статс-секретарю Науману подготовить программу, которая была бы в состоянии «мобилизовать на войну последние силы» и тем самым перейти к «тотальному ведению войны жесточайшими средствами»⁴⁴. Задачами дня было не столько стремление к оптимальному использованию ресурсов, имевшихся еще в сфере германского господства, сколько борьба за решающее влияние на диктатора. Борман и Гёббельс — эти два в политическом отношении примерно равных противника — находились по отношению друг к другу в такой ситуации, в которой единственно приемлемой основой для дискуссии оказалось внесенное Зауккелем 30 декабря 1942 года предложение о введении в централизованном порядке трудовой повинности для мужчин и женщин⁴⁵.

Уже в первые дни января среди представителей правящей верхушки началась упорная борьба за усиление влияния и расширение круга полномочий⁴⁶. Но вермахту с его требованиями удалось непосредственно включиться в процесс консультаций только 8 января⁴⁷. Эта, на первый взгляд, незначительная деятельность говорит о постепенной утрате влияния со стороны военного командования, которое в 1939 году выступало с притязанием на то, чтобы в ходе активной войны быть дирижером военных усилий всего общества. Еще в дни зимнего кризиса 1941 года Кайтель внес предложение о введении специальной должности генерального уполномоченного по трудовой повинности. Теперь же высший представитель командования вермахта вынужден был буквально просить рейхсканцелярию, чтобы в формирующемся главном органе управления участвовали и военные, поскольку «требования к солдатам должны ставиться и исходить от верховного командования вермахта»⁴⁸. Здесь уже явно видна та оборонительная тенденция, с которой во второй половине войны вермахт с его все более слабевшими силами пытается оградить свою сферу от вмешательства внешних сил.

Еще 7 января Кайтель представил в рейхсканцелярию план вермахта по призыву в армию на 1943 год. Как в 1941 и 1942

годах, так и в 1943 году планировалось призвать в ряды вермахта около 2 миллионов солдат. Из этого количества приняты в декабре меры должны были обеспечить набор около 800 000 человек. Недостающие 1,2 миллиона распределялись следующим образом:

Год рождения 1925-й	
(призыв к осени 1943 года)	500 000 человек
Призыв из военной промышленности	
(Акция I по спецпризыву)	200 000 человек
Минимальный некомплект	500 000 человек ⁴⁹ .

Необходимость срочной мобилизации как минимум полтора миллиона мужчин заставила тех, кто за это отвечал, прибегнуть к проверенному, но до сих пор не использовавшемуся в настоящее время последовательно набору средств. Остановка не только с военной точки зрения производства и реакция на неиспользуемых людских резервов неизбежно вели к осознанию того, что предлагалось с начала войны, но постоянно отвергалось Гитлером — всеобщей трудовой повинности для немецких женщин⁵⁰. Вопреки требованиям тотальной войны и заверениям ее рьяных сторонников, именно в вопросе использования женского труда, воспринимавшемся в сфере идеологии как чрезвычайно взрывоопасный, тенденция на смягчение жесткой линии ясно просматривается уже на его предварительном обсуждении 7 января. Участники этого совещания хотя и высказались за введение, по возможности, поголовного учета и привлечение к труду, но сделали все же оговорку, что впоследствии вполне будет возможен более дифференцированный подход. Вообще же они полагали, что дополнительно придется призвать на работу не более 300 000 женщин⁵¹. Указ о поголовном привлечении мужчин и женщин на выполнение задач обороны рейха был подписан Гитлером 13 января 1943 года. Но если в этом не предназначено для опубликования указа в качестве предельного для трудообязанных женщин называемый возраст в 50 лет, то уже в конце января в положении о применении указа Зауккель, по указанию Гитлера, снизил эту возрастную планку до 45 лет⁵³.

Указ от 13 января 1943 года в двойном плане оказал решающее воздействие на структуру режима третьего рейха. На уровне центрального звена он укрепил секретарско-канцелярскую систему, вызвав к жизни «тройку» по наблюдению за выпол-

нением принятых мер, в которую вместе с Ламмерсом и Кайтелем вошел и Борман. Возложенное на них поручение регулярно докладывать Гитлеру о достигнутых результатах подняло их роль в качестве фильтра информации и возможности доступа к Гитлеру. Так, все заявки по поводу личной аудиенции у Гитлера со стороны лиц, относившихся к военному аппарату, шли во второй половине войны через Кайтеля, а по линии партии — через Бормана⁵⁴. Поскольку же Ламмерс все больше оказывался в тени Бормана, то большинство высших представителей министерской бюрократии, за исключением лишь немногих обладавших правом на личную аудиенцию у Гитлера, были вынуждены искать благосклонности Бормана, чтобы добиваться нужного им приказа фюрера, которое, словно волшебные слова «Семим, откройся!», служило в условиях тоталитарной системы эффективным рычагом сопричастности к власти⁵⁵. На уровне среднего звена резко возросла роль комиссаров по обороне рейха, что опять же в конечном счете усиливало позиции Бормана⁵⁶. Таким образом, требование о тотальной мобилизации во время войны способствовало в первую очередь перераспределению власти в пользу партии и в ущерб главным образом военному командованию.

Ввиду нарастающей катастрофы под Сталинградом и становившихся все более тревожными известиями из Северной Африки Гитлер уже 18 января вынужден был скорректировать названные планы цифр призыва на 1943 год в сторону их увеличения. Вместо затребованного ранее минимума в 500 000 человек, из которых 400 000 могли быть поставлены под ружье в среднесрочной перспективе из гражданской сферы, военное командование потребовало теперь 800 000 человек. «Тройка», у которой еще свежа была в памяти гибель 6-й армии, на первом же своем заседании напомнила вермахту прежде всего о результатах работы комиссии Унру, уже пообещавшей дать фронту 1 000 000 человек из резервных формирований вермахта и СС⁵⁷.

За день до того Шпеер на совещании у Гитлера оговорил основные детали специального приказа об увеличении выпуска танков⁵⁸. Первые соображения по этой программе, которая под названием «Танковая программа Адольфа Гитлера» положила начало концентрации власти Шпеера в секторе всего военного производства, относятся еще к концу лета 1942 года. А в декабре 1942 года ввиду огромных потерь бронетехники на Восточном фронте возмущенный Гитлер скажет Шпееру: «Строительство танков нужно вести любой ценой»⁵⁹. Поставленная

задача — в течение двух лет увеличить производство танков в четыре раза — требовала, по мнению Шпеера, дополнительно по меньшей мере трех миллионов пар рабочих рук, из которых, как предполагалось, лишь один миллион можно будет получить за счет перераспределения, восполнения и переобучения рабочей силы самой Германии⁶⁰. Тем самым Шпеер подал Зауккелю сигнал к охоте за людьми по всей Европе. В таких обстоятельствах военная промышленность не имела возможности впредь отдавать людей вермахту. Поэтому пришлось вновь перемещать людей в рамках самого вермахта. 26 января 1943 года было законодательно закреплено дискутировавшееся уже в течение полугода привлечение немецкой молодежи к вспомогательной военной службе, т.е. использование старшекласников 15–16 лет по месту жительства в качестве помощников для обслуживания зенитных орудий. Дополнительно планировалось использовать для этих целей и около 50 000 советских военных пленников⁶¹. Несколько недель спустя генерал-фельдмаршал Мильх предложил заменить большую часть связистов в военной авиации помощницами-связистками и привлечь на службу люфтваффе около 200 000–300 000 молодых женщин⁶².

29 января 1943 года имперский руководитель прессы Дрих в своем выступлении связал воедино первое сообщение об ожидаемой «героической жертве под Сталинградом» с надеждами на успех вводимой в ближайшие дни обязательной трудовой повинности для женщин и других мер по ведению тотальной войны⁶³. К этому времени и высшее военное командование, уже смирясь с гибелью войск, еще сражавшихся в Сталинграде, занималось вопросами комплектования и снаряжения вновь формируемых дивизий. Даже несмотря на то, что призыв новобранцев 1925 года рождения должен был быть проведен до осени, как это ранее предусматривалось, а уже к 1 мая, организационный отдел ОКХ полагал, что формирование и обучение этих соединений затянутся до осени 1943 года. Тот факт, что призывались уже новобранцы на два года моложе, чем предполагалось, говорил о том, что если война будет продолжаться, уже в недалеком будущем в армию придется набирать детей. Санитарный инспектор сухопутных войск в своем рапорте 2 января 1942 года указывал на резкое возрастание числа белоблючных по причине физической недоразвитости новобранцев — они составляли уже 17 процентов лиц призывного возраста⁶⁴. Столь же катастрофической, как с людьми, была и ситуация с автотранспортом и танками. Жалобы, высказывавшиеся

в этой связи со стороны ОКВ и фронтового командования, стали для Гитлера поводом для проведения новых кадровых изменений в руководстве сухопутных войск. Снятие генерала фон Шелла с поста уполномоченного по автотранспорту и назначение Гудериана генеральным инспектором бронетанковых войск, напрямую подчиненным Гитлеру, явилось сознательным и значительным ослаблением позиции начальника вооружений сухопутных войск и командующего армией резерва, после чего по военным штабам пошло гулять выражение «кризис Фромма»⁶⁵. Так, через несколько месяцев после высказанной им пессимистической оценки обстановки и мрачных прогнозов на будущее Фромму пришлось теперь пожирать плоды — сфера его власти методично сужалась.

После того как Зауккель издал 27 января на основе приказа Фюрера распоряжение об обязательной приписке мужчин и женщин к предприятиям, работающим на оборону рейха, в партийных рядах началось разделение на сторонников и противников политики тотальных военных усилий⁶⁶. На совещании гауляйтеров в Позене в начале февраля 1943 года теми, кто пытался притормозить толкавшего их на радикальные меры Гёббельса, были главным образом партийные заместители в провинции. Самого Зауккеля, присутствовавшего здесь в качестве гауляйтера Тюрингии, явно раздражали противоречивые чувства, диктовавшиеся разными интересами, и он смягчил свое отданное несколько дней ранее распоряжение о мерах по поголовному привлечению женщин на работу указанием на то, что в любом случае следует проявлять заботу о сохранении «биологического здоровья» немецкого народа⁶⁷.

«Кризис руководства» режима, который Гёббельс чересчур успешно постарался свести к «кризису среди руководителей», однозначно прослеживается как таковой во всех выступлениях участников совещания в Позене. В то время как представители центральной исполнительной власти, знавшие о ситуации с материальными и людскими ресурсами и о резко ухудшавшейся военной обстановке, ратовали за быструю и поголовную мобилизацию, гауляйтеры, поддерживаемые Гитлером, стремились, насколько это было возможно, смягчить тяготы населения и порождаемые этим настроения⁶⁸. Так что решение Гёб-

⁶⁵ Одновременно и игра слов: «Фромм» — «честный», «кроткий», «благочестивый». — Прим. перев.

бельса выступить с речью-призывом к тотальной войне — это результат его разочарованности тем, что ему и его планам было оказано широкой поддержки. Нашедшая в его речи сильное выражение напряженность в отношениях между партийными низами и политической и военной исполнительной властью — напряженность непреодолимая, ибо подпитывалась она разницей интересов, — подтвердилась одновременным выдвижением Бормана⁶⁹. Наряду с личными амбициями это и явилось причиной возникновения недолговременной оппозиции внутри самой верхушки режима — ее зарождение, можно сказать, произошло на следующий день после речи Гёббельса 18 февраля. Гёббельс, оказавшийся в результате махинаций Бормана выключенным из процесса принятия важнейших решений и отнесенным на роль «герольда тотальной войны», предпринимая, используя тезис «кризис руководства — кризис среди руководителей», попытку организовать фронду обманутых политической властью⁷¹. Но поскольку Гёринг, Гиммлер, а через какое-то время и Шпеер примкнули к более сильной стороне, а Гёббельс не захотел остаться один в компании с Леем и Фриком, этому предприятию не суждена была долгая жизнь. Уже очень скоро министр пропаганды первым почувствовал, что его идеи тотальной войны не идут в ногу с конъюнктурой. Поэтому уже в первые дни марта он начинает осторожно дистанцироваться от своих тезисов, и от соратников.

Еще в конце января он считал, что Сталинград следует приравнять к Дюнкерку. А несколько недель спустя Гёббельс позволил себе выразить убеждение, что познанная опасность это уже устраненная опасность. Более разительную противоположность моральному состоянию политического руководства Великобритании и ее премьеры едва ли можно себе представить. И в марте 1943 года ведущие деятели третьего рейха еще верили, что сумеют и впредь избегать нужды в «blood and tears» (кровь и слезы), если путем ловкого лавирования, руководствуясь испытанной «системой временных мер» смогут не допустить перерастания кризисов в катастрофы.

Тем самым была заранее запрограммирована неудача во всех стараниях добиться «тотального военного усилия» вне рамок вермахта. После того как женская повинность уже с самого начала оказывается выхолощенной, партийным функционерам удается, действуя через комиссаров по обороне рейха, когда речь идет о снятии брони и призыве в ряды вермахта, и через экономических советников в гау — при закрытии предприятий

акциях по выявлению излишков рабочей силы, оказывать воздействие на мобилизацию населения на самых решающих участках⁷². Пользуясь этим способом, они ослабляют, а то и вообще торпедируют меры, которые могли бы, по их мнению, действительно сказаться на настроениях населения⁷³. На таком фоне назначение 12 апреля 1943 года Мартина Бормана «секретарем фюрера» и наделение его в этой связи значительными полномочиями по линии организации исполнительной власти претерпевают свою внутреннюю логику. Если война все же потребует в будущем еще более интенсивного привлечения немецкого народа, то сделать это можно будет только через партию, ибо она одна в состоянии оценить реально эффект тех или иных мер и влияние их воздействия на настроения, а значит, и их последствия для внутренней стабильности режима.

В заключение можно констатировать, что надвигавшаяся катастрофа под Сталинградом породила у диктатора и его ближайшего окружения состояние лихорадочной нервозности, в таком состоянии сам Гитлер и дал толчок к тотальной мобилизации населения. Но уже во второй половине января — по мере быстрого пробуждения надежд на то, что летом 1943 года он сумеет с помощью ударной танковой армии опять перейти в наступление на Восточном фронте, — эта целеустановка снова отошла у Гитлера на второй план⁷⁴. Гёббельс же в свою очередь не считывал как раз, благодаря заложенной в самом принципе тотальной войны радикализации и унификации общества, достигнутой личными целями. В таких условиях он мог бы с максимальным эффектом демонстрировать незаменимость пропаганды в качестве элемента стабилизации психологического настроения и тем самым придать в конечном счете особую значимость своей собственной функции как сердцевины фюрерского государства. Однако власть партии и в данном случае ее руководители на местах, панический страх перед переломом в настроении населения их регионов оказались сильнее, к тому же Борман довольно скоро сумел оказаться во главе этого движения. Гёббельс, для которого ситуация стала ясной, надо полагать, самое позднее во время совещания гауляйтеров в Позене, еще раз попытался своей речью 18 февраля и коллективной акцией своих единомышленников придать делу другой оборот. Но он не смог ни сделать из призыва к «тотальной войне» что-то большее, нежели пропагандистский лозунг, ни лишить власти Бормана. Тем самым судьба «тотальной войны» — во всяком случае в 1943 году — была обречена.

В отличие от первой половины войны военное командование в этом переплетении различных властных структур не играло никакой роли. Вынуждаемые все в большей степени ограничиваться рамками проведения чисто военных операций, ведущие военачальники в своем большинстве уже не удостоивались перья аудиенции у Гитлера. В то время как и Гёринг из-за явной неспособности защитить рейх от нападений с воздуха все в большей мере утрачивал свое влияние, и в военно-морской флоте в те дни уже готовилась смена командования, делами давящей части вермахта по-прежнему заправляли Цайц и Кайтель. О последнем Гёринг с присущей ему грубой откровенностью говорил: «Кайтель — это нуль. Он как паровоз с гасшей топкой, который покрутит напоследок колесами, а потом вдруг останавливается»⁷⁵. У давно уже вынужденных и внутривластном плане перейти к «стратегической обособленности» ведущих представителей вооруженных сил начиная с 1942 года с трагической очевидностью проявляются признаки растущей усталости и подавленности и в то же время, с другой стороны, формируется желание зажечь — может быть, и без надежды на успех — сигнальный огонь Сопротивления.

Патетически-суггестивное обращение Гёббельса к немецкой поэзии эпохи освободительных войн, откуда он взял знаменитое восклицание Теодора Кёрнера: «Вставай, народ, прищипора, и грянь сильнее, буря!» — не встретило в 1943 году ожидавшегося им отклика ни в немецком народе, ни у политической и идеологической элиты третьего рейха. Пропаганда, годами твердившая народу, что война уже выиграна, но только пока еще не закончена, и глубоко сидящий страх перед переломом настроения у тех, кем до того так виртуозно манипулировали, не позволили даже через три с половиной года после начала войны максимально мобилизовать все людские и материальные ресурсы рейха. Когда же летом 1944 года вновь решились на новую мобилизацию, сумерки уже опустились на рейх.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Очень наглядно это показано в кн.: *Kehrl H.* Krisenmanager im Dritten Reich. 6 Jahre Frieden — 6 Jahre Krieg. Erinnerungen, mit krit. Anm. u. einem Nachwort von E. Viehhaus. Düsseldorf, 1973. S. 294 ff.; см. также примечание Фифхауза — *Ibid.* S. 523.

² См.: *Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg.* Bd. 5/1. Stuttgart, 1961. S. 693–1002 (раздел Крёнера).

³ См.: *Herbst L.* Der totale Krieg und die Ordnung der Wirtschaft. Die Kriegswirtschaft des Dritten Reiches. Bonn, 1985; *Eichholtz D.* Geschichte der deutschen Kriegswirtschaft 1939–1945. Bd. 2: 1941–1943. Berlin (Ost), 1985.

⁴ *Boelcke W.A.* Goebbels und die Kundgebung im Berliner Sportpalast von 18. Februar 1943 — Vorgeschichte und Verlauf, in: *Jahrbuch für die Geschichte Mittel- und Ostdeutschlands*, 19 (1970). S. 234–255, здесь цит. S. 237;

⁵ *Vemmler (Semler) R.* The next man to Hitler. London, 1947. S. 62; *Lochner L.P.* Goebbels Tagebücher aus den Jahren 1942–1943. Zürich, 1948. S. 217 ff.

⁶ *Ludendorff E.* Der totale Krieg. München, 1935, 1937 (2. Aufl.); *Förster G.* Totaler Krieg und Blitzkrieg. Die Theorie des Totalen Krieges und des Blitzkrieges in der Militärdoktrin des faschistischen Deutschlands am Vorabend der zweiten Weltkriege. Berlin, 1967 (Militärhistorische Studien (N.F.), 10); *Wehler H.-U.* «Absoluter» und «totaler» Krieg, in: *Politische Vierteljahresschrift*, 10 (1969), S. 220–248.

⁷ *Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg.* Bd. 5/1. S. 938 (раздел Крёнера).

⁸ *Kubertisch D.* Führerstaat und Verwaltung im Zweiten Weltkrieg. Verfassungs-entwicklung und Verwaltungspolitik 1939–1945. Stuttgart, 1989 (Frankfurter Historische Abhandlungen, 29). S. 463 ff.; *Kroener B.P.* Op. cit., см. прим. 2. S. 241.

⁹ *Eichholtz D.* Die Vorgeschichte des «Generalbevollmächtigten für Arbeitseinsatz» (mit Dokumenten), in: *Jahrbuch für Geschichte*, 9 (1973), S. 339–384; Приказ фюрера от 4 мая 1942 г. о назначении генерал-лейтенанта фон Аппру, начальника штаба особого назначения ОКВ, специальным уполномоченным фюрера. — BA, R II/681, Bl. 3.

¹⁰ Журнал военных действий, начальник экономического управления, с 2 июля 1942 года. — BA-MA, RW 19/168. См.: *Müller-Hillebrand B.* Das Heer 1933–1945. Die Entwicklung des organisatorischen Aufbaues. Bd. 3: Der Zweifrontenkrieg. Das Heer vom Beginn des Feldzugs gegen die Sowjetunion bis zum Kriegsende. Frankfurt a. M., 1969. S. 52 f.

¹¹ Журнал военных действий, организационный отдел ОКВ, записи с 21 по 27.07.42. — BA-MA, RH 2/281.

¹² *Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg.* Bd. 5/1. S. 938 (раздел Крёнера), S. 961 ff.; *Reinhardt H.* Der Chef der Heeresrüstung und Befehlshaber des Ersatzheeres, US-Army Historical Division, Study P-041 d, S. 168 ff.

¹³ *Meldungen aus dem Reich 1938–1945. Die geheimen Lageberichte des Sicherheitsdienstes der SS 1938–1945*, hrsg. von H. Boberach. 17 Bde. Herrsching, 1984–1985. Bd. 11, S. 4147–4164, здесь цит. S. 4148 — сводка Nr. 313 (11.8.1942); *Steinert M.G.* Hitlers Krieg und die Deutschen. Stimmung und Haltung der deutschen Bevölkerung im Zweiten Weltkrieg. Düsseldorf, Köln, 1970. S. 317.

¹⁴ *Wollt Ihr den totalen Krieg? Die geheimen Goebbels-Konferenzen 1939–1943*, hrsg. von W.A. Boelcke. München, 1969. S. 271, 273.

¹⁵ Доклад начальника штаба особого назначения (ШОН) ОКВ и специального уполномоченного фюрера о работе ШОН ОКВ от 28 сентября 1942 года. — BA, R 43 II/681, Bl. 5 ff.

¹⁶ *Müller-Hillebrand B.* Op. cit. S. 77.

¹⁷ *Kriegstagebuch des Oberkommandos der Wehrmacht (Wehrmachtsführungstagebuch) 1940–1945*, hrsg. von P.E. Schramm. Frankfurt a.M., 1961–1979 (КТВ

- OKW). Bd. 2: 1942. S. 129 ff. См.: Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 6. Stuttgart, 1990. S. 958 (раздел Вернера); Deutschland im zweiten Weltkrieg. Bd. 3. Berlin (Ost), 1979. S. 183; Müller-Hillebrand B. Op. cit. S. 183.
- ¹⁷ Stumpf R. Die Luftwaffe als drittes Heer. Die Luftwaffen-Erdkampfverbände und das Problem der Sonderheere 1933-1945 — Soziale Bewegungen und politische Verfassung. Beiträge zur Geschichte der modernen Welt, hrsg. von Engelhardt u. a. Stuttgart, 1976. S. 857-894.
- ¹⁸ Verfügung des OKW. Aufhebung der Wehrwürdigkeit für die Dauer des Krieges und Aufstellung der Bewährungseinheit 999, vom 2. Oktober 1942. Deutschland im zweiten Weltkrieg. Bd. 3, S. 171. См.: Burckhardt H., Leber G., Nettball K. Die mit dem blauen Schein. Über den antifaschistischen Widerstand in den 999er Formationen der faschistischen deutschen Wehrmacht (1942-1945). Berlin (Ost), 1982. S. 16 f.
- ¹⁹ Kettenacker L. Nationalsozialistische Volkssturmpolitik im Elsaß. Stuttgart, 1973 (Studien zur Zeitgeschichte, 4). S. 223.
- ²⁰ См.: Rebutisch D. Op. cit. S. 470 и письмо начальника ШОН ОКВ и специального уполномоченного фюрера за исх. № 174/42 от 28.09.42 рейхсминистру д-ру Ламмерсу — BA, R 43 II/681, Bl. 2.
- ²¹ Письмо Бормана Ламмерсу от 1 декабря 1942 года. — BA, R 43 II/681, Bl. 121 f.
- ²² BA, R 43 II/681, Bl. 139 ff.
- ²³ См. письмо Фрика Ламмерсу от 8 ноября 1942 года. — BA, R 18/5476, Bl. 25.
- ²⁴ Телеграмма Кайтеля Ламмерсу от 3 декабря 1942 года. — BA, R 43 II/681, Bl. 164.
- ²⁵ Об этом говорили, например, его с трудом подавляемые нервозно-раздражительность в обращении с ближайшими сотрудниками, о чем Землер сообщает со слов Гёббельса (см.: Semler R. Op. cit. S. 6; Boelcke W.A. Op. cit. S. 235). Вот что свидетельствует о Гитлере Гёббельс: «Порой, говорит фюрер, ему казалось, что она (зима 1942/43 г.) вообще никогда не кончится» (Steinert M.G. Op. cit. S. 273). Случай натянутых отношений в ставке фюрера в Виннице, возникших с самого начала кризиса между Гитлером и его ближайшими военными советниками, имели место не только в узких кругах, о чем свидетельствует сводка 1-го управления РСХА от 3.12.42. Через осведомителей, говорится в сводке, стало известно, что в немецком руководстве царит паническое настроение, которым охвачен и Гитлер. Говорят, что он с какого-то времени заперся и никого не хочет видеть. (BA, NS 19 новая сигнализация, 1641).
- ²⁶ Deutschland im zweiten Weltkrieg. Bd. 3, S. 182.
- ²⁷ См.: Boelcke W.A. Op. cit. S. 237; Semler R. Op. cit. S. 59, 62; Lochner R.P. Op. cit. S. 217 ff., 228 (17.12.42.), а также: Moltmann G. Goebbels' Rede zum totalen Krieg am 18. Februar 1943, in: Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte (1964). S. 13-43, здесь цит. S. 21.
- ²⁸ Deutschland im zweiten Weltkrieg. Bd. 3. S. 184 f.
- ²⁹ Ibid.
- ³⁰ Письмо Штуккарта Фрику от 26 декабря 1942 года. — BA, R 18/5476, Bl. 33.
- ³¹ Ibid.
- ³² Распоряжение о комиссарах по обороне рейха и об унификации

- управления экономикой от 16 ноября 1942 года. — Федеральный архив в Потсдаме / BA Potsdam), RFM Nr. 6139/1, Bl. 55; Указ фюрера о правовом статусе НСДАП от 12.12.42. — Reichsgesetzblatt (RGBl.) 1942 I. S. 733 f.
- ³³ См. Rebutisch D. Op. cit. S. 278.
- ³⁴ Müller-Hillebrand B. Op. cit. S. 81 и Anlage 29.
- ³⁵ Deutschland im zweiten Weltkrieg. Bd. 3. S. 184 f.
- ³⁶ Müller-Hillebrand B. Op. cit. S. 81.
- ³⁷ Ibid.
- ³⁸ Это важнейший источник опубликован Юргеном Фёрстером. — Förster J. Strategische Überlegungen des Wehrmachtführungsstabes für das Jahr 1943. In: Militärgeschichtliche Mitteilungen, 13 (1973). S. 95-107. Cp.: Deutschland im zweiten Weltkrieg. Bd. 3, S. 183.
- ³⁹ Ibid. S. 183 f.
- ⁴⁰ Ibid. S. 184 f.
- ⁴¹ Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 6. S. 780 ff. (раздел Вернера).
- ⁴² См. Bleyer W. Staat und Monopole im totalen Krieg. Der staatsmonopolistische Machtapparat und die «totale Mobilisierung» im ersten Halbjahr 1943. Berlin (Ost), 1970. S. 68.
- ⁴³ Протокольная запись Бормана — BA, R 2/31093, Bl. 42. См.: Rebutisch D. Op. cit. S. 475.
- ⁴⁴ Циркулярное письмо об очередных задачах партии от 18.12.42. — цит. по: Deutschland im zweiten Weltkrieg. Bd. 3. S. 183.
- ⁴⁵ Разработка по вопросу о мерах по тотальной мобилизации от 2.01.43. — BA, R 43 II/655, Bl. 13 ff.; слова Гёббельса, произнесенные им 4.01.43, in: Wählt Ihr den totalen Krieg? S. 414, а также Boelcke W.A. Op. cit. S. 236.
- ⁴⁶ Зауцкель — Ламмерсу, 30.12.42. — BA, R 43 II/655. См.: Bleyer W. Op. cit. S. 98 ff.; Herbst L. Op. cit. S. 199 ff.; Recker M.-L. Nationalsozialistische Sozialpolitik im Zweiten Weltkrieg. München, 1985 (Studien zur Zeitgeschichte, 29). S. 176 ff.
- ⁴⁷ Подробности см.: Rebutisch D. Op. cit. S. 478 ff.
- ⁴⁸ Письмо Кайтеля Ламмерсу, 9.01.43. — BA, R 43 II/655, Bl. 109. См. КТВ ОКВ, 2, 1943. S. 46.
- ⁴⁹ Ibid.
- ⁵⁰ Рейхсканцелярии о совещании S.01.43 (на самом документе дата явно ошибочная: 7.1) от 12.01.43. — BA, R II/655, Bl. 140 ff. См. также: Rebutisch D. Op. cit. S. 477 и Recker M.-L. Op. cit. S. 179 (с ошибочной датировкой).
- ⁵¹ См. Winkler D. Frauenarbeit im «Dritten Reich». Hamburg, 1977 (Historische Perspektiven, 9). S. 102 ff., 114 ff.
- ⁵² Рейхсканцелярии от 7.01.43. — BA, R 43 II/655, Bl. 221 ff.; Bleyer W. Op. cit. S. 92.
- ⁵³ BA, R 43 II/655, Bl. 103 ff.
- ⁵⁴ Письмо Ламмерса Зауцкелю от 25 января 1943 года. — BA, R 43 II/654, Bl. 33.
- ⁵⁵ Rebutisch D. Op. cit. S. 480.

- ⁵⁵ См.: *Lang E.V.* Der Sekretär. Martin Bormann: Der Mann, der Hitler beherrschte. München — Berlin, 1985, 1990. S. 234 f.
- ⁵⁶ См. примеч. 52.
- ⁵⁷ КТВ ОКВ, 1, 1943. S. 46 (16.01.43). См. *Bleyer W.* Op. cit. S. 68.
- ⁵⁸ См.: *Boelcke W.A.* Deutschlands Rüstung im Zweiten Weltkrieg. Hitlers Konferenzen mit Albert Speer 1942–1945. Frankfurt a.M., 1969. S. 219 ff.; *Eichholtz D.* Op. cit. Bd. 2, S. 122 f.
- ⁵⁹ *Eichholtz D.* Op. cit. S. 122.
- ⁶⁰ О выступлении Шпеера на заседании центральной комиссии по планированию 26 января 1943 года см.: *Bleyer W.* Op. cit. S. 93.
- ⁶¹ Закон о привлечении немецкой молодежи к вспомогательной военной службе от 26 января 1943 года — BA, R 43 II/652 a.
- ⁶² Заседание центральной комиссии по планированию 16 февраля 1943 года — см.: *Bleyer W.* Op. cit. S. 72.
- ⁶³ *Steinert M.G.* Op. cit. S. 327.
- ⁶⁴ Результаты освидетельствования призывников 1925 года рождения — R 55/915.
- ⁶⁵ См.: *Eichholtz D.* Op. cit. Bd. 2, S. 123, а также Tätigkeitsbericht d. Chefes Heerespersonalamtes Gen. d. Inf. Rudolf Schmudt: 1.10.1942–29.10.1943, hrsg. von D. Bradley. Osnabrück, 1984 (запись от 28.02.43), S. 47.
- ⁶⁶ RGBI. 1943. I, S. 67 f.
- ⁶⁷ Der Prozeß gegen die Hauptkriegsverbrecher vor dem Internationalen Militärgerichtshof (IMT). Nürnberg 14. November 1945 — 1. Oktober 1946. Bde. Nürnberg, 1947–1949. Bd. 27, S. 584 ff. PS–1739; Bd. 39, S. 231 ff. *Eichholtz D.* Op. cit. Bd. 2, S. 288; *Bleyer W.* Op. cit. S. 63.
- ⁶⁸ Сходными с аргументацией Гёббельса были и аргументы представителя министерства продовольствия Бакке — см.: *Bleyer W.* Op. cit. S. 63; *Boelcke W.A.* Goebbels und die Kundgebung... S. 244.
- ⁶⁹ *Lang E.V.* Op. cit. S. 228 ff.
- ⁷⁰ См.: *Speer A.* Erinnerungen. Berlin, 1969. S. 270.
- ⁷¹ Wollt Ihr den totalen Krieg? S. 425.
- ⁷² См.: *Lang E.V.* Op. cit. S. 237.
- ⁷³ См.: *Bleyer W.* Op. cit. S. 107. Однако приводимые тут данные о результатах акций являются неточными. Вместо 400 000–500 000 пар рабочих рук в результате мер по закрытию предприятий и выявлению излишков рабочей силы к лету 1943 года было найдено только около 150 000 (данные разверстки министерства экономики на октябрь 1943 года. — R 7/2221).
- ⁷⁴ См.: Lagebesprechungen im Führerhauptquartier. Protokollfragmente aus den militärischen Konferenzen 1942–1945, hrsg. von H. Heiber. München, 1963. S. 112.
- ⁷⁵ Запись в дневнике Гёббельса от 18.03.43. — см.: *Lochner L.P.* Op. cit. S. 276; *Speer A.* Op. cit. S. 276.

Марлис Штайнерт

СТАЛИНГРАД И НЕМЕЦКОЕ ОБЩЕСТВО

Означал ли Сталинград для немецкого общества, как это утверждалось в сводке службы безопасности СД от 4 февраля 1943 года, «переломный пункт в войне»? Вправду ли, что он поворачивал «от боевых натур... мобилизации всех их сил на фронт и в тылу», а для менее стойких стал «началом конца»?¹ Пришли ли ситуация, которую Гёббельс назвал в дневнике «одной из величайших трагедий немецкой военной истории»², к новому взгляду на войну, на нацистский режим и его фюрера или же она лишь имела своим результатом обострение и ускорение развития уже имевшихся мнений и тенденций в умонастроении народа, что не осталось без последствий для общественной структуры третьего рейха?

СИТУАЦИЯ ДО ПАДЕНИЯ СТАЛИНГРАДА

Если рассматривать отношение основной массы немцев к войне до того момента через своего рода лупу времени, то отчетливо вырисовываются четыре вехи: сентябрь 1939, июнь 1940, июнь 1941 и зима 1941 года.

До сентября 1939 года однозначно доминировала надежда на сохранение мира, соседствовавшая со стремлением аннулировать положения Версальского договора. Это органическое и мощное драматизма внутреннее противоречие между мирными чаяниями и великодержавными притязаниями нации, разрыв

между желаемым и нуждами реальности были характерны многих слоев «гражданского общества» (civil society), что и объединяло их с правыми радикалами. Даже наиболее непримиримые противники последних, коммунисты, отказывались признавать Версальский договор и шли какое-то время в национальном кильватере. В период репрессий 30-х годов многих, равно как и некоторые сторонники запрещенной социал-демократической партии, надеялись на превентивную войну, которая придет извне и поможет избавиться от коричневой диктатуры³.

Нападение на Польшу и последовавшее в ответ на это объявление войны Великобританией и Францией привели к существенному для национал-социалистов перелому. О военном угаре среди населения не было и речи, скорее, царил страх и подавленность. Но не произошло и никакого бунта, «большая часть чувствовала себя все-таки в первую очередь немцами» и не хотела «слыть изменниками Отечеству»⁴. Так своей массе патриотическая позиция после победоносной пропагандистской кампании быстро ослабла и вновь уступила место мироподчинения. И только французская кампания привела к появлению «военного настроения» и стремительно возвысила престиж Гитлера. После устранения «позора» 1918 года в глазах основной массы немцев война должна была бы завершиться. Когда же она получила свое продолжение и охватила Африку и Балканы, стали распространяться чувства усталости от войны и недовольства, в первую очередь партнером по альянсу — Италией.

Новой вехой стало нападение на Советский Союз. Возникло недовольство по отношению к режиму и Гитлеру. Хотя заключенный летом 1939 года пакт со Сталиным не вызвал перелома и натолкнулся на негативный отклик в рядах убежденных национал-социалистов и резко антикоммунистически настроенной буржуазии, равно как и среди социал-демократов; в общественном счете этот пакт все же приветствовали, надеясь, что он удержит западные державы от вступления в войну и не выведет Германию воевать на два фронта. Поворот же курса на 180 градусов и возобновление антибольшевистской и антиеврейской пропаганды было воспринято массой населения где-то с чувством подавленности, а где-то с непониманием. И лишь идеологически зашоренное национал-социалистическое движение и отдельные слои экономических, военных и академических элит положительно восприняли это империалистическое в

ходе в восточные просторы, направленное на расширение неограниченного притязания на господство и «жизненное пространство». (Остальной же части населения внушалась с помощью пропаганды необходимость некоей превентивной войны. Масса захваченных трофеев и неправдоподобно большое количество сожженных военнопленных придали этому утверждению внешнее подобие — благодаря умело скомпонованным Гёббельем еженедельным выпускам кинохроники, часто корректировавшимся самим Гитлером, — какую-то почти жуткую достоверность.

И в тылу, и на всех фронтах первые триумфальные успехи породили надежду на быструю победу и последующий мир, о победе же покоренных народов при этом не очень-то и задумывались. Когда же столь разрекламированный блицкриг против Советского Союза все-таки затянулся и грозила новая, куда более страшная зима, а Восточная армия отличилась «с одной стороны, беспрецедентным героизмом в боях, а с другой — широко распространявшейся легализацией уголовных деяний»⁵, обострились и имевшие уже место различия во мнениях и менталитете между теми, кто находился на фронте, и теми, кто был в тылу. Каждодневное соприкосновение с беспощадной борьбой и смертью экзистенциально отличалось от жизненного опыта крестьян, рабочих, служащих и женщин в тылу. Проявлялись также и значительные различия между разными театрами военных действий и родами войск. Участники Восточной кампании, нередко бывавшие свидетелями, а то и пассивными или активными пособниками совершавшихся различными подразделениями СС убийств, жили в своем, особом мире. Зачастую приходилось оправдывать и обосновывать ссылкой на воинскую присягу, приказ сверху, «проклятый долг»⁶, а также на военную необходимость. То психологическое чрезвычайное положение, в котором находятся стоящие друг против друга с оружием в руках солдаты, весь этот мир строжайшей сознательной дисциплины и в то же время стихийной разнузданности едва ли могут представить себе те, кто не пережил этого, главным образом мужчины, остававшиеся дома, в тылу, и женщины. О том, что приходилось переживать на фронте, домашних информировали лишь «в дозированной форме» и «ради поддержания внутрисекторной коммуникации»⁷. Такое разделение на мужской и женский миры, существующее не только на войне и присущее и другим политическим системам, при национал-социалистиче-

ском режиме, видевшем себя олицетворением «общества насмешливых мужчин»⁸, было доведено до крайности.

В результате зимнего кризиса 1941 года, расширения вооруженных действий до глобальных масштабов, усиления налетов авиации союзников и трудностей с продовольствием в тылу распространились чувства утраты иллюзий и фатализма. Конкретный человек был не в состоянии справиться с тем, что от него требовалось. Он ощущал себя беспомощным перед роком событий. Часто единственным утешением оставалась вера в Бога. Церкви, для которых во многом был характерен тот же дуализм между патристическим и оппозиционным, как и среди противников режима, отмечали растущий приток верующих. Хотя — или поскольку — церкви не осуждали войну и поддерживали борьбу против большевизма, они становились прибежищем для всех отчаявшихся и нуждавшихся в утешении и невольно во все большей степени превращались в антагонистов нацистского государства⁹. В общественных структурах все заметнее становились признаки распада — такие, как недисциплинированность и беспорядочность молодежи¹⁰, что выражалось в росте молодежной преступности и «пораженческих» высказываний, которые с поразительным образом напоминали времена классовой ненависти и сводили на нет всякое чувство народного единства¹¹. В 1942 году, в тесной связи с ходом военных событий, происходила и другая важная перемена в умонастроениях немецкого населения. Она касается образа *русского человека*. Упорное сопротивление Красной Армии, непосредственные контакты с насильственно завербованными «остарбайтерами», которые, как оказалось, были смысленными и трудолюбивыми людьми, вызвали сомнения в заверениях официальной пропаганды, представлявшей их «озверевшими недочеловеками». Немцы стали задумываться об истоках мужества этих людей, их чувства товарищества и любви к своему Отечеству. Гёббельсу пришлось дать ответы соответствующие идеологической установке в журнале «Дас Рейх» статью под названием «Русская душа». Даже адресу англичан высказывалось, хотя и с неохотой, определенное восхищение их стойкостью, которое, впрочем, из-за возмужавших бомбежек чаще оборачивалось ненавистью к ним. С беспредельным восхищением относились только к японцам, а вот отзывы об итальянском союзнике были обычно презрительными¹².

В целом же следует сказать о колеблющейся оценке войны, где крайними полюсами были надежда и мрачное ожидание.

ние. С конца августа 1942 года в немецком общественном сознании все больше доминирует слово «Сталинград» — оно приобретает чуть ли не магическое звучание и буквально «гипнотизирует» людей, как говорилось в одной из сводок СД. Такое отношение было подогревано еще и речью Гитлера 30 сентября по случаю начала кампании по сбору теплых вещей, когда он заявил, что «возьмет Сталинград в осаду и захватит его штурмом»¹³.

Из распоряжения, отданного 18 декабря руководителем партийной канцелярии Мартином Борманом, следует, что не только в области умонастроений, но и в самом обществе появились все больше трещин и оживают старые силы и группы, оказавшие влияние до этого было сужено, нейтрализовано или обезврежено. Поэтому Борман призывает НСДАП активизировать деятельность и ориентируясь на «пример периода борьбы, заставить массированными средствами умолкнуть» сомнения в правоте и в правоте дела партии. «Мы ведем, как и перед приходом к власти, жесточайшую борьбу, вновь объявились старые противники, и против нас вновь используют старые средства»¹⁴.

Пострадал и престиж Гитлера. Наступившее с началом войны на Россию охлаждение к нему со стороны населения «значительно усугубилось уже в течение 1942 года — еще до катастрофы под Сталинградом»¹⁵.

ВОЗДЕЙСТВИЕ ПАДЕНИЯ СТАЛИНГРАДА

Еще до падения Сталинграда немецкое политическое руководство начало использовать это военное поражение в качестве стимулятора для последнего, решающего напряжения сил. На заседании в своем министерстве 4 января Гёббельс заявил, что пришла пора перейти к ведению тотальной войны¹⁶. Тем самым должно было быть наконец положено начало долгое время игнорировавшейся мобилизации и организации по-новому всех сил — экономических¹⁷, военных, психологических. Требования об этом выдвигались уже давно и не раз: в декабре 1941 года рейхсминистром вооружений и боеприпасов Фрицем Тодтом, а затем его преемником Альбертом Шпеером, в сентябре 1942 года рейхсминистром финансов Шверин фон Крозигом — прежде всего ввиду обстановки в оккупированных восточных областях, в этом «лабиринте управления, экономической эксплуатации и политики»¹⁸, но особенно Йозефом Гёббельсом. Гитлер, боль-

ше полагавшийся на «национал-социалистический инстинкт» не жели на регламентированный управленческий труд, лишь трудом дал свое согласие на выработку мер по претворению в жизнь зунга «тотальной войны» в жизнь и подписал 13 января 1943 года указ «О поголовном привлечении трудоспособных мужчин и женщин к выполнению задач по обороне рейха»¹⁹.

Для контроля за осуществлением этих задач Гитлер назначил 18 января комиссию из трех человек в составе руководителя партийной канцелярии Бормана, начальника рейхсканцелярии Ламмерса и начальника штаба ОКВ Кайтеля. Гёббельс же досталась только функция советника, но зато он получил право зачитать во Дворце спорта воззвание Гитлера по случаю 10-летия прихода нацистов к власти. 3 февраля по радио было передано специальное сообщение о прекращении боев в Сталинграде — в сопровождении аккордов из оперы Рихарда Вагнера «Риенци», которая побудила молодого Гитлера к его последним шагам на политической арене²⁰, но смысл которой, очевидно, был им уже забыт. Разве власть Риенци основывалась на его ораторском таланте и связи с народом, в то время как отношение к элитарным слоям было противоречивым? Молчаливое Гитлера и его ординарная речь по случаю Дня памяти германцев 21 марта 1943 года могли лишь усилить глубокую подавленность и растущую критику его военной стратегии и лично самого. Распространились сомнения в его душевном здоровье, его качествах полководца. Поговаривали, что фюрер слишком много на себя взял и что между ним и начальником генштаба были трения, поэтому последнему пришлось уйти. И что в конце концов так тот был прав, когда предостерегал, что нельзя одновременно вести наступление и на Сталинград, и на Кавказ. Рассказывали злые анекдоты: «Каким должен быть настоящий национал-социалист? Многодетным, как Гитлер, скромным, как Гейдрих, молчаливым, как Гёббельс, и так же любящим свое Отечество, как Гесс».

*«Гиммлер, Лей, Иосиф (sic) Гёббельс —
Ты их, Боже, вознеси!
Гейдрих — тот уже вознесся,
Ждет он их на небеси»²¹.*

На стенах и железнодорожных вагонах стали появляться листовки и надписи типа «Сталинградские убийцы» или «Гитлер — виновник массовых смертей», иногда и напоминался

18. Конечно, большинство немцев хотели победы Германии, а не победы национал-социализма. Поэтому многих все больше привлекала идея перехода руководства государством в руки вермахта. Особенно острой была критика, раздававшаяся в столице национал-социалистического движения» Мюнхене — теперь его часто называют столицей «контрдвижения»²². В этой атмосфере звучали призывы к сопротивлению брата и сестры Шолль, что было достойным восхищения в моральном отношении, но самоубийственным жестом, поскольку значительно усилились репрессии. Еще в декабре 1942 года были казнены члены группы Сопротивления во главе с Шульце-Бойзем и Арвидом Харнаком, получившей у гестапо название «Красная капелла»²³. Гёббельс был не в состоянии понять, как выходцы из патриотически настроенных семей могли так поступать — «из слепой ненависти к национал-социализму». Это не утешало, что только 13 процентов арестованных имели рабское происхождение, а остальные были из интеллигенции. Это служило для него доказательством, что подобные тенденции существуют в основной массе народа, т.е. 90 процентам населения²⁴. Не следует признавать его правоту, ибо пойти на измену своей стране во время войны, даже относясь к режиму враждебно, были готовы очень немногие.

Усилия нацистской системы как-то сдерживать чувства подавленности, явление парализованности, растущую усталость во время войны и прогрессирующий упадок настроения во многом компенсировались в пустоту. Тщательно инсценированная и восхвалявшаяся партийными бонзами речь рейхсминистра пропаганды в берлинском Дворце спорта 18 февраля «Вы хотите тотальной войны?» встретила положительный отклик у немногих. Остальной частью населения она была названа «театром», «комедией», «дохлым номером»²⁵. Прессе и пропаганде вменяли в вину прежде всего «огромный контраст между тем, что сообщалось до этого, и тем, что сообщают теперь». Раньше «пропагандистика на Востоке недооценивали... рисовали совершенно неверную картину силы его сопротивления и его военного потенциала»²⁶. Эта критика так называемого «гёббельсовского метода»²⁷, раздававшаяся в адрес тщеславного и беспринципного министра пропаганды не только со стороны населения, но и в партийных кругах, должна была бы, собственно говоря, адресовываться Гитлеру и руководящим кругам вермахта. Ведь Гёббельс лишь подхватывал и пропагандировал их взгляды.

Сталинградская катастрофа оживила и усилила критику

гитлеровского режима и в оппозиционных рядах внутри самой системы. В «народе» и в определенных кругах стали задавать вопрос, в состоянии ли еще Гитлер быть вождем, или же бы лучше избавиться от него. В «доверительной информации» для областных и районных партийных руководителей от марта 1943 года²⁸ Борман потребовал принимать самые строгие меры к тем, кто распространяет слухи, — независимо от того являются ли они «товарищами по партии, друзьями или родственниками». Какое-то количество членов партии — установили их точное число не представляется возможным — попытались дистанцироваться от НСДАП. Они не хотели носить на партийный значок и использовать приветствие «Хайль Гитлер!»²⁹, а выступали сторонниками распространявшегося даже жения за обычное «Здравствуй!» и другие традиционные формы приветствий при общении в быту.

Вновь ожила критика и в военном крыле национал-консервативной оппозиции — это началось сразу же вслед за зимним кризисом 1941/42 года, прежде всего из-за преступлений, совершившихся по отношению к советскому и еврейскому населению. Результатом стало появление в 1942–1943 годах и насчет «фундаментальной альтернативы нацистскому режиму». При этом «демонстративное противодействие преступной системе и разрушающему рейх поражению» вошло составной частью в мотивацию национал-консервативного движения сопротивления³⁰. А падение Сталинграда явилось катализатором, приведшим к двум неудачным попыткам покушения на Гитлера в марте 1943 года. Но по-настоящему оппозиционное движение так и не сформировалось. Согласно одной из точек зрения к более позднему времени британской оценке³¹ поведение немцев, объясняется это двумя факторами. Хотя, с одной стороны, нацистскому режиму и не удалось сломить традиционные умонастроения в определенных общественных сферах, таких, как армия, чиновничество и церковь, но, с другой стороны, ни одной из этих групп общества не удалось распространить свою потенциальную враждебность режиму за свои социальные рамки. В качестве существенных причин этого называли чувство долга по отношению к государству и узость взгляда на вещи, редко выходящего за пределы интересов своей специфической области. Второй важной составляющей отсутствием более широкой оппозиции была, как утверждает, эффективность гиммлеровской машины контроля, называемой «социологической джиу-джитсу». С помощью минимума наси-

использовавшегося в тщательно и ухищренно выбранных местах, произошло явление обширного «паралича». Сколь велико ни было бы недовольство — почти всеобщее, как говорится в рапорте, — оно не представляло для тоталитарного режима никакой опасности, поскольку было неорганизованным. И не только в концлагери, но и доселе, заводившиеся на любое могущее быть потенциально опасным лицо, группу или класс, служили инструментами этой политики безопасности. Сюда добавлялись шпионы и шпики, имевшиеся во всех группах населения и в семьях. Именно что самое позднее с зимы 1942/43 года «режим убеждения» и «режимом запугивания». Конечно, правильно говорят о внутренней эмиграции больших слоев населения в третьем рейхе» и о «критическом настроении масс», но вот когда пытались объяснить поведение немцев в основном якобы сохранившимся «мифом фюрера» и некоей харизматической системы, то упускается без внимания реальность войны³².

Начатая в результате падения Сталинграда «тотальная» мобилизация тоже оказалась просчетом. С одной стороны, она привела к «классовой борьбе» с «изысканными дамочками», которые теперь должны были включаться в трудовой процесс, а с другой — в идейно-критические тенденции по поводу провалившейся ранее национал-социалистами политики в отношении женщин и среднего сословия³³. Введением женской трудовой повинности были поставлены под сомнение прежняя патриархальная политика и идеал, видевший в женщине не только домохозяйку» и мать. Речь руководителя немецкого Трудового фронта Роберта Лея, в которой он заявил, что «те, кто до этого не работал, были «три с половиной года должниками Германии», вызвала ряд протестов со стороны партийного руководства областей, как, например, протест руководства Саксонии, в котором говорилось: «Партия уже не требует включения женщин в трудовой процесс. Однако, как известно... фюрер до сего времени всегда был против их принудительного привлечения и отдал распоряжение на этот счет только в решающий момент». Поэтому совершенно неправильно обвинять женщин в каком-то прегрешении по отношению к Германии.

Партийное руководство Магдебург-Ангальта высказалось более определенно: «Полностью забывают, что до сих пор пропаганда в вопросах о привлечении женского труда в промышленности придерживалась прямо противоположного направления. Если бы прежде не была допущена такая ошибка, то

ГУТПу (генеральному уполномоченному по трудовой политике гауляйтеру Зауккелю) не пришлось бы циркулировать указами в адрес руководителей предприятий и призывам старым членам партии и ее боевым помощникам исправлять то, что действительно делалось не так. Тогда не пришлось бы преодолевать многих трудностей при организации труда нового пополнения женщин, большинство которых никогда не видела фабрику изнутри, не говоря уже о том, что никогда не стояла у станка»³⁴.

Из этого документа следует, что многие промышленные предприятия были отнюдь не рады этой новой, набранной в принудительном порядке рабочей силе, отличавшейся не только низким уровнем квалификации и только ухудшавшей общий климат производства³⁵. Немало тягот выпало и на долю призванных в ряды вермахта «помощниц-связисток»³⁶.

Закрытие несущественных в военном отношении малых предприятий и заведений тоже оказалось просчетом. Наиболее чувствительно это задело одну из главных опор национал-социализма — низшие слои среднего сословия. В кругах, которые уже к 1942 году все в большей степени становились жертвами экономической рационализации, распространился страх, что их «незаметно социализируют»³⁷. Из Тюрингии поступило следующее сообщение: «Несмотря на проводимую партией пропаганду, что закрытие мелких предприятий относится к числу временных военных мер, то и дело приходится сталкиваться с убеждением о предстоящем систематическом искоренении среднего сословия... Поскольку представители среднего сословия располагают большим кругом знакомств, они обладают возможностью своим подавленным и озлобленным настроением, продиктованным страхом за существование, заразить широкие круги населения»³⁸. Нараставшее недовольство усугублялось еще и инфляцией и нищенской бедностью и разнобоем при проведении этих акций.

В такой атмосфере всеобщего разброда Гёббельс продолжил дело «очищения столицы рейха от евреев». 19 мая 1943 года рапортует, что в его гауляйтерстве «евреев больше нет». Но принималась ли немецким народом в те преисполненные страсти месяцы эта проводившаяся нацистским режимом «политика чистки козла отпущения» как успокоение и облегчение? В своем дневнике гауляйтер Берлина отмечал, «что более высокие круги, особенно интеллигенция, нашу политику в отношении евреев не понимают и частично встают на сторону евреев»³⁹. Однако не только интеллигенция, но и другие круги, в частности ин-

тересные, осуждали политику, позволявшую «убивать людей, потому что их жизнь не стоит якобы ломаного гроша, или за то, что они относятся к другой расе»⁴⁰. И когда Гёббельс в апреле 1943 года, после обнаружения массовых захоронений в Катыни, где были найдены тысячи трупов польских офицеров, развернул пропагандистскую кампанию, то многие поговаривали, что, пожалуй, вряд ли оправдано такое возмущение злодеяния Советов, когда «с немецкой стороны ликвидация поляков и евреев проводилась в еще больших масштабах»⁴¹.

Сталинград стал поводом и для усиления антибольшевистской пропаганды. Каждая радиопередача, каждое сообщение, каждая речь и каждый лозунг недели должны были, по указанию Гёббельса, «заканчиваться стереотипным выражением, что наша великая задача — это борьба против большевизма». При этом он ссылался на Катона и его знаменитое требование: «Карфаген должен быть разрушен»⁴². Новая волна пропаганды была нацелена на то, чтобы мобилизовать против Советов не только все европейские, но и все восточные народы. К разным народам Советского Союза надлежало отныне подходить по-разному и не говорить больше о немецких колониальных претензиях. Хотя прямо об этом речи не было, практически это означало дезавуирование проводившейся до сих пор политики «жизненного пространства» и ее методов безжалостной эксплуатации. И если теперь по команде рейхсминистра пропаганды выпускались директивы и памятки, обращенные к вермахту и предприятиям, требовавшие лучше обращаться с восточными рабочими и учитывать их психологию, то происходило это не только в результате обострения военной ситуации, но и как реакция на распространившиеся в стране взгляды, что большевизм — это не так уж страшно и если дело кончится плохо, то на виселицу пойдут только национал-социалисты, а от военной большевизации немцев спасут англичане и американцы⁴³. Устная пропаганда, развернутая против таких взглядов, большого успеха не имела. Два рапорта службы внутренней контрразведки Главного управления имперской безопасности — от 15 апреля и 26 июля 1943 года — не оставляют тут, пожалуй, никаких сомнений. Отмечавшиеся еще летом 1942 года расхождения между внушавшимся и реальным образом русского человека усилились еще больше. Особенно выделялись у русских их глубокая религиозность, а отнюдь не, как в том уверяли, их атеизм; да и были они не «рабочими роботами», а смысленными и технически одаренными людьми; негра-

мотными были лишь немногие из них; отмечались их привязанность к семье, нравственность и большая чистоплотность; считается, они не знали ни физических наказаний, ни принудительного труда⁴⁴. Второй рапорт подкреплял эту тенденцию: нем говорилось, что пропаганде становится все труднее доказывать людям, и в первую очередь рабочему человеку, «что большевизм действительно именно та опасность, каким его все мы рисуют»⁴⁵.

Но если в тылу — в частности, среди трудящихся, и в первую очередь среди тех, кто был раньше близок коммунистической партии, а то и сохранял еще связи с ней, — страх перед большевизмом уменьшался, то для войск, сражавшихся на восточном фронте, все ужасы оставались в силе. Многие разделяли мнение Гитлера: нужно выстоять любой ценой. Аргумент был тот же, что и в 1918 году: не могли же все эти солдаты погибнуть ни за что. И тем более невозможно было сознаться себе, что произошло это ради преступной системы. Вдобавок поддержание дисциплины в армии обеспечивалось круговой порукой строгими наказаниями, в то время как в тылу, несмотря на более жесточайший контроль, кризис продолжал распространяться вширь. Это все в большей степени находило свое отражение и в отношении к религии. «Оказывается, под тяжестью военных событий и смерти, которая вдруг приблизилась к тысячам семей, рушится все, что является только идеологией»⁴⁶. Генрих Гиммлер даже приходит к выводу о «явно планомерном отравлении молодежи христианским воспитанием», а один из его сотрудников констатирует «полный крах германского героического мифа». Молодежи недостает идеализма и понимания величия нашего времени и наших дел»⁴⁷. 8 июля СД составила резюме «донесений о явлениях разброда среди населения»⁴⁸. Скрывал тут свою роль и провал кампании в Северной Африке, который в народе окрестили «Тунисградом». Высадка союзников в Сицилии, свержение Муссолини и бомбежки способствовали дальнейшему ухудшению настроений. В конце июля большинство населения уже считало, что «не исключено наступление катастрофы. Даже члены партии, чиновники среднего звена, офицеры запаса, торговцы, но главным образом индифферентные в политическом отношении люди, а также католики, полагают — в частности, вследствие все усиливающихся террористических налетов на западные и северные области Германии — что наступило время, когда Германию «кусок за куском разобьют вдребезги»⁴⁹.

РЕЗЮМЕ

Падение Сталинграда повлекло за собой глубокий кризис в Германии. Он выразился в росте критики в адрес партии, ее кадров и военного командования, а также в развенчании культа фюрера. Усилились и обрели новое качество уже существовавшие позиции враждебного и негативного отношения к режиму. Дело до широкого движения Сопротивления дело не дошло, так как подлинной альтернативы нацистскому режиму не было, а попытки покушений на Гитлера оказались безуспешными. Самым Сталинград явился для населения Германии лишь психологическим переломным моментом: для одних — «обязанностью прилагать все силы до последнего», а для других — «началом конца». И если одни хотели продать свою шкуру за максимальную дорожную цену, то другие пытались как можно дольше и как можно дольше наслаждаться жизнью, в то время как основная масса цеплялась за любую соломинку, чтобы затем, разочаровавшись в своих ожиданиях, впасть в апатию и безразличие.

В общественном плане можно говорить о прогрессирующем отрывании того, к чему стремился нацистский режим и что лишь в редкие моменты бывало реальностью, — народному единству. Сдерживающим же происходящий распад слоев, социальных групп и регионов, было, наряду с применением массовых репрессий, сохраняющееся существование национально-патриотического чувства, в то время как «миф фюрера» сохранял свое значение в качестве фактора интеграции и выживания лишь для части действующей армии и остатков национал-социалистического движения. Сам Гитлер сознавал опасность, грозящую его режиму. Назначение 20 августа 1943 года Генриха Гиммлера министром внутренних дел «знаменовало крутой поворот от «внутреннего управления» к «внутренней безопасности», а тем самым и к признанию того, что впредь власть фюрера не могла уже больше держаться на восторженном одобрении со стороны масс»⁵⁰.

ПРИМЕЧАНИЯ

⁴⁴ Meldungen aus dem Reich. Auswahl aus den geheimen Lageberichten der SS 1939-1944, hrsg. von H. Boberach. Neuwied — Berlin, 1965. S. 346.

⁴⁵ Institut für Zeitgeschichte (IfZ), NL Goebbels Tagebuch ED 172/52, fol. 11.

⁴⁶ Deutschland-Berichte der Sozialdemokratischen Partei Deutschlands (SO-PADE), neu hrsg. von K. Behnken. Salzhausen — Frankfurt a.M., 1980. 7 Bde.

- См. также: *Steinert M.G.* Die Einstellung der deutschen Bevölkerung zum Krieg in den Dreißiger Jahren, in: 1939. An der Schwelle zum Weltkrieg. Die Entselung des Zweiten Weltkrieges und das internationale System, hrsg. von Hildebrand, J. Schmädke, K. Zernack im Auftr. der Histor. Kommission Berlin und des Instituts für Zeitgeschichte. Berlin — New York, 1990. S. 55.
- ⁴ SOPADE, 7. Jg., 1940. S. 25.
- ⁵ *Bartov O.* Von unten betrachtet: Überleben, Zusammenhalt und Brutalität der Ostfront., in: Zwei Wege nach Moskau. Vom Hitler-Stalin-Pakt zum «ternernehmen Barbarossa». Im Auftrag der Militärgeschichtlichen Forschungsamt hrsg. von B. Wegner. München, 1991. S. 326–344, здесь цит. S. 33.
- ⁶ *Stahlberg A.* Die verdammte Pflicht. Erinnerungen. 1932–1945. Frankfurt a. 1988.
- ⁷ «Ich will raus aus diesem Wahnsinn». Deutsche Briefe von der Ostfront 1919–1945. Aus sowjetischen Archiven. Wuppertal, 1990. S. 308 f. См. также: Т.А. Кохута и Ю. Ройлекке в этом сборнике.
- ⁸ Это понятие появилось в пору молодежных движений; см.: *Blüher H.* Werdvögel. Geschichte einer Jugendbewegung. 2. Bde. Prien, 1919.
- ⁹ Об эволюции и роли церкви в нацистском государстве см.: *Berichte SD und der Gestapo über Kirchen und Kirchenvolk in Deutschland*, bearb. H. Boberach. Mainz, 1971 (Veröffentlichungen der Kommission für Zeitgeschichte bei der Katholischen Akademie in Bayern, Reihe A); хороший обзор этого круга проблем дает «Kirchliche Zeitgeschichte» (KZG), H. 1, 1988: Widerstand von Kirchen und Christen gegen den Nationalsozialismus.
- ¹⁰ Председатель верховного земельного суда Мюнхена, 30.04.42. Федеральный архив в Кобленце (BA), R 22/3379.
- ¹¹ Генеральный прокурор Наумбурга, 27.07.42. — BA, R 22/3380.
- ¹² Подробно см.: *Steinert M.G.* Hitlers Krieg und die Deutschen. Stimmung und Haltung der deutschen Bevölkerung im Zweiten Weltkrieg. Düsseldorf — Wuppertal, 1970. S. 306–317.
- ¹³ *Domarus M.* Hitler. Reden und Proklamationen 1932–1945. München, 1969. 4 Bde.
- ¹⁴ Распоряжение А 91/42 руководителя партийной канцелярии — BA, R 22/3380, 6/Vorl. 338; см. также: *Steinert M.G.* Hitlers Krieg... S. 321.
- ¹⁵ *Kershaw J.* Der Hitler-Mythos. Volksmeinung und Propaganda im Dritten Reich. Stuttgart, 1980. S. 167.
- ¹⁶ Wollt Ihr den totalen Krieg? Die geheimen Goebbels-Konferenzen 1939–1945, hrsg. von W.A. Boelcke. Stuttgart, 1967. S. 315 f.
- ¹⁷ См. подробнее в: *Herbst L.* Der totale Krieg und die Ordnung der Wirtschaft. Die Kriegswirtschaft im Spannungsfeld von Politik, Ideologie und Propaganda 1939–1945. Stuttgart, 1982; *Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg*, Bd. 5/1. Stuttgart, 1988. S. 349–689 (раздел Мюллера).
- ¹⁸ *Rebentisch D.* Führerstaat und Verwaltung im Zweiten Weltkrieg. Verfassungsentwicklung und Verwaltungspolitik 1939–1945. Wiesbaden — Stuttgart, 1969. S. 317.
- ¹⁹ *Jacobsen H.-A.* 1939–1945. Der Zweite Weltkrieg in Chronik und Dokumenten. Darmstadt, 1959. S. 373. См. также: *Reuth R.G.* Goebbels. München, Zürich, 1990. S. 512, особенно статью Б.Р. Крэнера в этом сборнике.

- Steinert M.* Hitler. Paris, 1991. S. 31,33 (немецкое издание этой книги выходит в 1993 г. в Мюнхене).
- Документы партийной канцелярии, отдел II Б 4, выдержки из донесений от областных и других инстанций за период с 14 по 20.02.43. — BA, NS 6/414.
- Kershaw J.* Op. cit. S. 170 f.
- Hohne H.* Kennwort Direktor. Die Geschichte der Roten Kapelle. Frankfurt a. M., 1970; *Balfour M.* Withstanding Hitler in Germany 1933–1945. London — New York, 1988. S. 208–224.
- ИЗ, NL Goebbels Tagebuch ED 172/48, fol. 19, 20 (запись от 31.12.42).
- Kershaw J.* Op. cit. S. 173 f. См. также доклады председателей верховных земельных судов и генеральных прокуроров — BA, R 22/3366, R 22/3379, R 22/3355, R 22/3381, R 22/3371, а также начальников окружных управлений Швабии и Нойбурга, Верхней и Средней Франконии, Главного государственного архив Баварии (BHStA), Abt. II, MA 106684, MA 106679, Нижней Франконии и Ашаффенбурга — MA 106681.
- Документы партийной канцелярии, отдел II Б 4, выдержки из донесений от областных и других инстанций за период с 24 по 30.01.43. — BA, NS 6/414.
- Иbid., за период с 21 по 27 февраля 1943 года.
- Иbid., раздел 142 — BA, Zsg. 3/1623; см. также: *Steinert M.* Hitler. S. 639, цит. 11.
- Об этом упоминается в P.I.D. German and Austrian Intelligence. The German Political Scene During the Second World War. I. Control of Civilian Population, No. 8, 6th September 1945. Public Record Office, FO 371/46749 81511.
- Muller K.-J.* Nationalkonservative Eliten zwischen Kooperation und Widerstand. in: Der Widerstand gegen den Nationalsozialismus. Die deutsche Gesellschaft und der Widerstand gegen Hitler, hrsg. von J. Schmädke und P. Steinbach. München, 1985. S. 42.
- См. прим. 29.
- Kershaw J.* Op. cit. S. 174; см. также размышления того же автора о харизматической власти Гитлера в кн.: *Kershaw J.* Hitler. London — New York, 1991.
- Многочисленные примеры см. в кн.: *Steinert M.G.* Hitlers Krieg... S. 355–361.
- Документы партийной канцелярии, отдел II Б 4, выдержки из донесений от областных и других инстанций за период с 21 по 27.03.43. — BA, NS 6/414.
- Steinert M.G.* Hitlers Krieg... S. 358.
- Иbid., см. также: *Gersdorff U.v.* Frauen im Kriegsdienst 1914–1945. Stuttgart, 1969. S. 60 ff.
- Из донесения руководства гау Гамбург — цит. по документам партийной канцелярии, отдел II Б 4, выдержки из донесений от областных и других инстанций за период с 11 по 17.04.43. — BA, NS 6/414.
- Иbid., за период с 23 по 29 мая 1943 года.
- Goebbels Tagebücher aus den Jahren 1942 bis 1943, hrsg. von L.P. Lochner. Zürich, 1948. S. 237.
- Geiger M.* Der deutsche Kirchenkampf 1933–1945. Zürich, 1965. S. 49.

- ⁴¹ Meldungen aus dem Reich, S. 383. См. также месячный рапорт начальника окружного управления Швабии и Нойбурга от 10.05.43, где говорится, что пропаганда по поводу Катюши «повлекла за собой разговоры, обращения с еврейями в Германии и в восточных областях» — BHSIA, II, MA 106/684.
- ⁴² Wollt Ihr den totalen Krieg? S. 336.
- ⁴³ Steinert M.G. Hitlers Krieg... S. 376 f.
- ⁴⁴ 15.04.43. Раздел III: Фольксштурм. Образ России у населения. Как сказывается в рейхе использование военнопленных и восточных рабов — BA, R 58/182.
- ⁴⁵ Из рапорта СД по вопросам обстановки внутри страны от 26.07.43. Отношение населения к антибольшевистской пропаганде — см. Meldungen aus dem Reich, S. 421 ff.; другие примеры см.: Steinert M.G. Hitlers Krieg... S. 379 f.
- ⁴⁶ По вопросу о прекращении оттока верующих и возвращении немцев в лоно церкви см. приложение к «Сообщениям из рейха» от 22.04.43. — BA, R 58/192.
- ⁴⁷ Письмо Борману от 14.05.43. Tgb. № 1613/43 mit Anlage. — BA, R 19/398.
- ⁴⁸ Meldungen aus dem Reich, S. 416-420.
- ⁴⁹ Из резюме донесений (ведущих) отделов СД, направленного нарочным рейхсканцелярию 30.07.43. — BA, NS 6/41, fol. 14107.
- ⁵⁰ Rebutisch D. Op. cit. S. 500.

IV. ВОЗДЕЙСТВИЕ СТАЛИНГРАДСКОЙ БИТВЫ НА СОЮЗНИКОВ ГЕРМАНИИ

Жан Ансель

СТАЛИНГРАД И РУМЫНИЯ

В знак благодарности румынскому кондуктору* Йону Антонеску за то, что он согласился в январе 1942 года предоставить в распоряжение немцев три четверти реорганизованной румынской армии, Гитлер подарил автомобиль «мерседес». А спустя, в январе 1943 года, в пору немецко-румынского сотрудничества под Сталинградом, цена военного и экономического сотрудничества с германским рейхом составила для Румынии «четыре вагона золота и новую гарантию румынских границ»¹. Два эти события стали вехами в военном сотрудничестве и идейной близости обоих режимов и — частично — обоих народов, но одновременно и прологом распада этой коалиции — распада, которого немецкий партнер не замечал буквально до самых последних дней нахождения у власти Антонеску. С самого начала следует подчеркнуть — и это подтверждается и ставшими с недавних пор доступными румынскими источниками, касаясь истории германо-румынских отношений, — что Румыния была не оккупированной страной, а — сколь бы сильно ни была ограничена ее свобода самостоятельных действий — все-таки страной-союзником. Гитлер и третий рейх до Сталинграда ценили и уважали своего союзника и проводили по отношению к нему почти цивилизованную политику, считались, как правило, с его интересами и проявляли терпение даже тог-

* Кондукэторул (рум.) — вождь, в литературе употребляется сокращенная форма — кондукатор. — Прим. перев.

да, когда эти интересы шли вразрез с немецкими. Следует упомянуть также и на то, что дислоцированные в Румынии немецкие войска вели себя совсем иначе, нежели в России или в Польше, поскольку они не были оккупационными войсками. Это обстоятельство отмечалось и королем Михаем: «В течение всех четырех лет нахождения немецких войск в нашей стране их поведение всегда было безукоризненным»².

Генерал Йон Антонеску пришел к власти 6 сентября 1940 года. В январе 1941 года он насильственным путем устроил единственную в тогдашней Румынии партию — фашистскую «Железную гвардию» (ее членов называли также легитимными). Но, несмотря на это, его режим можно без всяких оговорок называть не только тоталитарным, но и фашистским, ибо он попирает рожденные Великой Французской революцией идеалы свободы и равенства, возвеличивал государство, открыто заявлял о своей враждебности демократии, плутократии и мажоритету и проводил воинствующую антимарксистскую, антикоммунистическую и антисемитскую политику.

Антонеску перенял у легионеров и культивировал презрение к демократии, многопартийности, парламентаризму, политиканству, выборам, свободе печати и слова, правам человека и даже к идее гражданина — гражданские права предоставлялись в полном объеме только румынам, «чистым в расовом отношении». У него были однозначные представления относительно внешней и внутренней политики созданного им нового румынского государства: «Я верю в победу держав оси и в новый порядок... В своей внутренней политике я являюсь сторонником национально-тоталитарного государства, а во внешней политике выступаю на стороне держав оси»³.

Хотя режим Антонеску и своим рождением, и своим существованием был обязан тому, что в Европе господствующее положение занимал национал-социализм, не следует забывать, что и идеологические, и политические основы, равно как и вся система правления так называемого «господства Антонеску» были порождены определенным идейным движением внутри самой Румынии, имевшим в стране мощные духовные, социальные и политические корни. Его элементы были неразрывно связаны с антисемитским движением в Румынии; режим Антонеску представлял собой в подавляющей степени идейное наследие правительств Гоги-Кузы 1937–1938 годов и — в меньшей мере — режима легионеров. Эта система находилась в ближайшем родстве с классическим фашизмом не только идейно, определенно

и характера кондукатора напоминали Гитлера, в частности, свойственные ему припадки ярости и глубокое убеждение в том, что именно его избрало провидение, чтобы восстановить независимость Румынии, уладить внутривосточные проблемы и написать страницу славы в историю румынского народа. Йон Антонеску страдал заболеванием, которое называли «малярией», на самом деле это был сифилис, «та самая болезнь, которая, как известно, столь же широко распространена среди офицеров румынской кавалерии, как в Германии насморк, но которая в очень тяжелой форме терзает маршала каждую пару месяцев, что выражается в тяжелых нарушениях зрения»⁴.

Король Михай со всей тактичностью описывал болезнь маршала как «неизвестное заболевание, придававшее порой его лицу восковые, словно у трупа, черты, ослаблявшее и удручающее его. В середине 1942 года его болезнь так обострилась, что какое-то время думали, что ему не выздороветь»⁵.

Приступы ярости и неожиданные перепады настроения Антонеску были хорошо знакомы его окружению: «Во время припадков его мания величия не знала границ. Он отчаянно жеститировал и впадал в бешенство. Кричал на людей, оскорблял и унижал ближайших своих сотрудников. Его врач был постоянно рядом и делал ему уколы... Складом своего ума он напоминал вождя индейцев. Он полагал, что для нормального функционирования государства достаточно лишь отдавать приказы — словно военному соединению»⁶.

Принятое в августе 1941 года вслед за возвращением Румынии Бессарабии и захватом ею «провинции Транснистрия»* (территория между Днестром и Бугом) решение предоставить германскому рейху для продолжения войны 15 дивизий принадлежало Антонеску, он принял его единолично, ни с кем не консультировавшись и не поинтересовавшись — хотя бы для формы — мнением румынского Генерального штаба. Его политический советник Михай Антонеску ссылался впоследствии на это обстоятельство, что маршал направил войска без заключения какого-либо политического соглашения между обеими странами — лишь с тем условием, что и соседние страны (Венгрия и Болгария) тоже примут участие в кампании против Рос-

* Transnistria (рум.) — Транснистрия, Заднепровье — в 1941–1944 годах территория, переданная Гитлером под румынское оккупационное управление. — Прим. перев.

сии. В феврале 1942 года Антонеску, хотя уже и сомневавшийся в тотальной победе вермахта над Красной Армией, в очередной раз поддался очарованию личности Гитлера и его оптимистическому прогнозу, что летом 1942 года русские «будут окончательно уничтожены и прекратят борьбу»⁷. Антонеску хотелось произвести впечатление на Гитлера своей смелостью, решительностью и способностью принимать важнейшие военные решения — в противоположность продажным румынским политикам, погрязшим в «либерализме» и «масонстве» и бывшим «слепым орудием евреев». Тем самым он безусловно втянул румынскую армию в войну, которая уже не была связана с посредственными интересами Румынии, — втянул лишь потому, что был убежден: только так он сумеет без распространения в Румынии до сего дня «шахер-махеров» добиться от Гитлера возвращения Северной Трансильвании (которая по решению 2-го Венского арбитража в августе 1940 года отошла к Венгрии) или хотя бы его согласия на конфронтацию с Венгрией. Больше всего Антонеску хотелось проявить себя в глазах немецкого фюрера горячим патриотом, генералом, который способен принимать сложнейшие решения без оглядки на сколько человеческих жизней они могут стоить, он стремился показать себя сильной личностью — непоколебимой, энергичной и преданной Гитлеру. Этот образ должен был затмить прежние представления нацистского фюрера о Румынии, ее роде, ее политиках и генералах, равно как и тот портрет румынского «народного характера», который был нарисован Эвальдом Банзе: «Масса... живет очень скромно, занята лишь повседневной работой и не думает о национальных ценностях и проблемах... Эта масса в национальном плане не представляет никакой ценности... Ясно, что такое государство, как румыния, где свойственная южанам-левантинцам эгоистичность не рождает бескорыстного труда на благо отечества, не доросла до требований, предъявляемых современной войной. Командование войсками в период мировой войны было медлительным, нерешительным, оно вечно колебалось при принятии решений и никогда не проводило меры с достаточной твердостью»⁸.

Решение Антонеску послать большую часть румынской армии на Восточный фронт ошеломило начальника Генерального штаба сухопутных войск генерала Иосифа Якобича. Ведь еще в октябре 1941 года Йон Антонеску позволил себе такое скептическое высказывание: «К сожалению, немцам не удалось зав-

ести Россию в соответствии с их планом. Поэтому не представляется возможным сколь-либо уверенно предсказать, как будут развиваться операции, если они смогут возобновиться летом»⁹.

Временное фиаско немецких войск под ударами русского наступления зимой 1941/42 года произвело глубокое впечатление на Антонеску и румынский Генеральный штаб. Поскольку у ОКВ не было больше оперативных резервов, оно обратилось к Антонеску с просьбой как можно скорее направить на фронт дислоцированные в Транснистрии румынские оккупационные части. «Маршал сослался однако, на то, что эти части, будучи по своему характеру именно оккупационными, не располагают необходимыми боевыми средствами, прежде всего у них почти нет артиллерии»¹⁰.

И хотя немцы обещали оснастить эти части всем необходимым, румынские соединения — четыре дивизии — были брошены в бой «как они были». Кондукатор, чья «вера в немецкое командование пошатнулась»¹¹, понимал, что война с Советским Союзом превысила людской и материальный потенциал третьего рейха и что может создаться такая ситуация, когда у ОКВ не будет стратегических резервов. Более того, начальник Генштаба генерал Якобич заявил в своем меморандуме Антонеску от 8 января 1942 года, что он против посылки румынских частей на Восточный фронт, ссылаясь не только на национальные интересы, но и на чисто военные соображения¹². Якобич просил кондукатора, чтобы тот, если уж не представляется возможным отменить назад данное обещание, хотя бы не брал на себя обязательств о выделении сил для второго эшелона наступающих частей (пять-шесть дивизий) и «не давал со стороны Румынии никаких безусловных обещаний, не проконсультировавшись предварительно с Генштабом»¹³. Якобич подчеркивал, что Румыния подвергается военной угрозе со стороны Венгрии и что создаваемая легионерами угроза внутри страны может привести к нестабильности, «которая потребует присутствия в стране достаточного количества вооруженных сил»¹³. Поскольку Антонеску отказался пойти на сокращение румынского участия в боевых действиях на Восточном фронте, Якобич заявил о своей отставке, назвав, однако, причиной такого решения «лавину оскорблений в адрес Генерального штаба сухопутных войск» и «по отношению к нему лично. Эти оскорбления, утверждал он, умаляют успехи кампании 1941 года, для них не находится и ни слова благодарности, а одна только критика, что представляет собой «особую несправедливость»¹⁴.

7 августа 1942 года, после успешных операций в Крыму и Кубани, решил подать в отставку и новый начальник Генштаба Илие Штефля — сотрудник и друг Йона Антонеску (если вообще был способен на дружеские чувства), подавивший в 1941 году восстание легионеров. Поводом же послужило то, что Штефля узнал: Антонеску еще 26 февраля 1942 года было дано, когда Штефля уже целый месяц находился на посту начальника Генерального штаба и пытался добиться от командования ограничения обязательств перед германским рейхом. Приводившиеся им тогда аргументы носили главным образом оперативный характер: при осаде Одессы румынские войска несли тяжелые потери, необходимо было дать им отдых, да к тому же существовала угроза со стороны Венгрии, «поскольку в настоящее время мы имеем в стране меньше войск, чем венгры»¹⁵. Штефля предложил план кампании против Венгрии, убедительно доказывая, что «если мы и дальше будем продолжать посылать войска из страны на фронт, венгры будут иметь настолько превосходящие силы, что мы вынуждены будем в случае их нападения на нас — отдать им всю Трансильванию и уйти в Карпаты»¹⁶.

Однако, уверовав в данные лично Гитлером на переговорах в феврале 1942 года гарантии относительно границ Румынии, Антонеску не только отверг позицию Генштаба, но и письменно обвинил военных экспертов в том, что они «работают как роботы» и распространяют «глупые, бездумные» планы¹⁷. Одним из ближайших сотрудников Антонеску генерал Росетти, узнав о подаче Штефлей прошения об отставке и о том, что было той причиной, записал на следующий день в дневнике: «Антонеску — человек, от которого все мы зависим, — не может — уже не в состоянии — владеть собой; он не хочет никого слышать, за исключением тех людей, которые беспрекословно соглашаются со всем, что он говорит и планирует»¹⁸.

Будучи все еще очарован Гитлером, Антонеску поистине был вне себя от счастья, когда услышал похвалу фюрера в адрес румынских солдат и их боевых качеств, и торжественно заявил того: «Мы со всей последовательностью доведем до конца начатое на Востоке дело уничтожения великого врага культуры, Европы и моей страны — русского большевизма... Поэтому я не связывал наше военное сотрудничество на новой территории ни с какими условиями и не хочу даже говорить на эту тему»¹⁹.

Михай Антонеску, исполнявший обязанности премьер-министра, когда маршал был болен или выезжал на фронт, подбирал в разговоре с генералом фон Роткирх унд Пантенем 7 августа 1942 года, что Румыния, веря слову фюрера, сражается на «войне чести», не требуя и не имея никаких гарантий в отношении с участием румынской армии в боевых действиях по ту сторону Днестра²⁰. По его оценке, на советской территории было задействовано 800 000 румынских солдат — сегодня эта цифра представляется нам явно завышенной. И все же настоятельность румынского Генштаба не осталась безрезультатной. Прежде чем направить на фронт румынские силы второго эшелона, маршал потребовал от германского вермахта, чтобы румынские соединения были оснащены так же, как немецкие, и чтобы их доставляли на фронт по железной дороге. Все это не только было обещано, но так никогда и не сделано²¹.

Вопрос оснащения румынских войск современным немецким оружием постоянно вызывал трения между союзниками. В первую очередь румынская армия нуждалась в тяжелых танках, штурмовых орудиях, крупнокалиберных противотанковых пушках против советских танков Т-34, радиотехнике и т.д. Летом 1940 года Антонеску мечтал о создании современной, мобильной профессиональной армии из 15 дивизий — с помощью немецких учебных частей и немецких же материально-технических средств. Участие Румынии в войне против Советского Союза — а Антонеску был единственным главой государства, заблаговременно посвященным Гитлером в план «Барбаросса»²², — и понесенные в результате этого потери свели его планы на нет и усилили румынскую зависимость от германской военной промышленности. «Оснащение румынской армии с помощью германской промышленности так и осталось до 1944 года открытой и лишь частично решенной проблемой»²³.

Главной причиной нежелания немцев снабжать румынскую армию современным оружием была сохранявшаяся напряженность в отношениях между Венгрией и Румынией (обе страны были союзницами германского рейха) из-за Трансильвании. Поэтому, пойдя навстречу пожеланиям Антонеску, Германия усилила бы румынскую армию и в итоге должна была бы позволить маршалу решить эту проблему силой оружия — кстати, сам он никогда и не скрывал от Гитлера этого намерения: «При каждом своем визите он достаточно прозрачно намекал, что собирается в один прекрасный день силой оружия вернуть себе всю Трансильванию. Гитлер втайне радовался выпадам Анто-

неску против Венгрии и порой доходил даже до того, что на-кал Антонеску на то, что, может быть, когда-нибудь потом позволит ему осуществить его захватнические планы»²⁴.

Летом 1942 года ситуация на румынско-венгерской границе достигла такого напряжения, что грозила привести к вою между обеими странами. В июне 1942 года венгерские дипломаты пытаются заручиться у Гитлера разрешением на свободных действий против Румынии, а венгерская пресса называет румынский народ неполноценной нацией «цыган», не заслуживающих даже той государственности, какую они имеют²⁵. Интересны в этом плане те аргументы, которыми оперировал венгерский премьер-министр во время переговоров с Гитлером в июле 1942 года: «Шеф (т.е. Гитлер) рассказывал за обедом, что венгерский премьер-министр Каллаи передал ему вчера всего лишь две «маленькие просьбы» регента Хорти, а именно, что а) господь Бог и б) он, шеф, не беспокоились, если венгры сражаются с румынами (из-за Трансильвании). Для венгров так же схватка с Румынией — это их борьба с Азией. Ибо для венгров граница между Азией и Европой проходит там, где кончается владения православной церкви; ибо только на территории за эту сторону границы... шло развитие европейской культуры».

Обеспокоенный грозящей опасностью со стороны Венгрии тем фактом, что на территории Румынии остается все меньше войск, Михай Антонеску обращает внимание немецкого посла, уполномоченного по экономическим вопросам на то, что в стране не находится всего лишь «пара дивизий», в то время как Венгрия сосредотачивает свои войска на румынской границе²⁷.

Проблема Трансильвании была для Берлина средством оказания давления на оба государства с целью усиления их сотрудничества с рейхом и получения от них все новых боевых континентов для Восточного фронта. Проблема оснащения румынской армии ставила румынское государственное руководство парадоксальную ситуацию и нарушала всю систему товарообмена с германским рейхом. За нефть (поставлявшуюся по контрактам 1939 года), зерно и другие виды продовольствия Румыния получала главным образом военное снаряжение для своих войск, сражавшихся на Восточном фронте за то, чтобы обеспечить немецкое господство в Европе и, может быть, даже во всем мире. Это оплачиваемое столь дорогой ценой снаряжение часто тично погибало вместе с частью румынских войск; и тогда ну были новые переговоры, новые поставки нефти и зерна Румынии, чтобы можно было оснастить новые соединения,

направлявшиеся в свой роковой путь в Россию, — и все это с одной целью и надеждой: может быть, удастся сподвигнуть Гитлера на то, чтобы он гарантировал румынам возврат Северной Трансильвании! Антонеску и его заместитель направляют не одну меморандальную ноту с просьбами об оружии и снаряжении. Михай Антонеску обеспокоен тем, что с мая по сентябрь 1942 года «имело место мало поставок», а больше обещаний румынскому Генеральному штабу оснастить румынские части «прямо на фронте»²⁸, чего фактически не делалось. 22 сентября Михай Антонеску сообщает германскому посланнику фон Киллингеру, что румынский Генштаб отправил «все имевшееся в стране военное снаряжение» в действующую армию и оставил Румынию беззащитной перед лицом «военного потенциала ее соседей», так что «мы были даже не в состоянии выделить в Черной земле для парада перед королем роту с полным вооружением»²⁹. Обеспокоенность Михай Антонеску дошла до того, что в отсутствие больного маршала он собрал кабинет, доложил ему о дипломатической ситуации и сообщил, что «нет никаких договоренностей, которые политически гарантировали бы возвращение (Северной Трансильвании) или безопасность на данный момент»³⁰.

И все же военное положение Румынии, по сравнению с Венгрией и Болгарией, было не столь уж плачевным. Помимо трех дивизий, задержанных самим Антонеску, она имела на своей территории и другие соединения. Не нарушая формально приказов маршала, генерал Штефля вместе с тремя своими непосредственными подчиненными — начальником 2-го отдела Генштаба, отвечавшего за организацию войск и мобилизацию, генералом Боркеску, его заместителем полковником Мардаре и начальником 4-го отдела, ответственного за вооружение, полковником Нестореску — на свой страх и риск (и, очевидно, при поддержке некоторых оппозиционных группировок) принял решение оставить на румынской территории ряд частей, необходимых для защиты границы с Венгрией, а также максимально возможное количество вооружений — главным образом артиллерии. При этом число отправленных на фронт румынских дивизий оставалось тем же и соответствовало принятым кондукатором обязательствам — просто генерал Штефля сокращал численный состав каждой дивизии (примерно на 20 000 солдат): «Мы отправляли дивизии только с шестью батальонами, а шесть батальонов оставляли дома»³¹. То, что румынские дивизии были дивизиями сокращенного состава и пониженной боеспособ-

ности, не составляло ни для кого тайны, однако немецкие мандиры под Сталинградом не придали этому никакого внимания. А под предлогом, что дивизии будут оснащаться германским вермахтом прямо на фронте, артиллерия шести дивизий также была оставлена в Румынии, а вместе с ней и половина тяжелой артиллерии, подавляющая часть тяжелой артиллерии также одна артиллерийская дивизия и по одной артиллерийской батарее из каждой отправленной на фронт дивизии: «Мы воспользовались тем обстоятельством, что отправленные поезда эшелон дивизии были оснащены не полностью, а дополнены были пополниться матчастью, которую намечалось отправить во втором эшелоне; таким образом нам удалось задержать в стране дивизии, которые должны были бы составить второй эшелон наступления, но которые так и не покинули страну»³³.

Таким образом румынский Генштаб уменьшил вклад румынской армии в Сталинградское сражение примерно на 120 000 человек — цифру, которая представляется преувеличенной, но в действительности весьма близка к реальной. Сталинградский маршал Антонеску узнал об этих «сбережениях» только весной 1943 года³³.

15 августа 1942 года Штефля предпринял последнюю попытку уговорить Йона Антонеску обратиться к ОКВ с просьбой не посылать румынские войска в Калмыцкую степь — по той причине, что они не оснащены соответствующим образом для боевых действий и условий жизни в этом регионе. По мнению Штефля, румынские части следовало бы отправить на побережье Черного моря и в район Восточного Кавказа. Антонеску обвинил Штефля и весь румынский Генштаб в пораженческих настроениях (точно так же реагировал он в январе 1942 года на позицию генерала Якобича) и написал на полях его меморандума: «Мы отправимся в любое место, чтобы выиграть войну»³⁴; ведь немцы, добавил он, воюют в точно таких же трудных условиях. «Разве это было бы по-товарищески — заявить немцам, пусть, мол, они остаются там, где похуже, а нас отправят куда-то, где потеплее? Отдают ли сочинители этой бумаги себе отчет о всех тех политических последствиях, какими характеризуется такая позиция?»³⁵

Румынские генштабисты были не единственными, кого беспокоила судьба румынских войск на Восточном фронте. И Михай Антоанеску, хотя он и не был военным, а все военные решения являлись исключительной прерогативой маршала, думал о судьбе румынских войск под германским Верховным коман-

данием чрезвычайно пессимистически. У него были довольно напряженные отношения с румынским Генштабом, а после Сталинграда он утверждал, что маршал не информировал его относительно о своих военных обязательствах перед Гитлером и что румынский Генштаб отправил румынские части в поход на Дон и в Калмыцкую степь «без его ведома»³⁶. Это, однако, не соответствовало действительности. Действия немцев и румын на фронте, охарактеризованного маршалом как «мертвая»³⁷, явно все сильнее беспокоили каждого — от самого маршала до генералов на фронте и офицеров, откомандированных в Генштаб в свою полевую ставку в Ростове. 28 августа 1942 года Михай Антоанеску жалуется генералу фон Роткирх унд Паннику на то, что район расположения 4-й армии южнее Сталинграда представляет собой «самую неутешительную и бедную местность, настоящую песчаную пустыню»³⁸, где нет никаких условий ни для снабжения, ни для жизни. Положение этих румынских соединений еще более ухудшилось в конце сентября, когда им пришлось уступить и те немногие жилые помещения, которые у них были, строителям из 4-го германского воздушного флота, которые должны были оборудовать там зимние аэродромы³⁹. Стали бить тревогу и румынские генералы на фронте. 10 сентября командующий 3-й румынской армией генерал Петре Думитреску докладывает генералу Паулюсу, что, по его мнению, Советская Армия сконцентрирует свои усилия в Саратовской области и на Дону, «но немецкий командующий не обратит внимания на мои аргументы»⁴⁰. Прибыв в сопровождении представителя румынского Генштаба генерала Арборе к командующему 6-й армией, генерал Думитреску заявил ему, что он благоприятно поражен тем, что линия фронта проходит не по Дону, «как мне говорили», а пролегает на две трети своей протяженности южнее этой реки, и это делает 3-ю румынскую армию «не защитной» в случае наступления противника. Поэтому оба румынских генерала потребовали, чтобы русский «плацдарм» был устранен. Генерал Паулюс поддержал это предложение, но оно было отвергнуто командованием группы армий «Б» во главе с генерал-полковником фон Вайхсом, согласно румынским источникам, «потому что не хватает войск, так как все имевшиеся в наличии немецкие войска нужны в Сталинграде»⁴¹. В конце сентября 1942 года румынский Генеральный штаб направляет маршалу письменное предупреждение об «опасностях, которые угрожают нам на Дону и в Калмыцкой степи»⁴². А за месяц до этого Михай Антоанеску просит посланника фон Киллингера до-

вести до сведения Гитлера и Риббентропа «нашу глубокую обеспокоенность» положением румынской армии, а также организовать ему встречу с тем и другим. Михай Антонеску осознал вклад Румынии в войну постепенно становится «несоизмеримо большим» и «превзошел наши возможности», в то время как Румыния так и не получила достаточных гарантий «на политическом, ни на военном уровне»⁴³, в результате чего режима, опирающегося на личный авторитет маршала и собственный как «человека, ответственного за внешнюю политику», даже возникает угроза!

22 сентября Михай Антонеску — но не маршал — встречается в Ставке фюрера в Виннице с Гитлером и Риббентропом. Пользуясь случаем, он высказывает им свою тревогу по поводу опасности, коей чревато для Румынии оголение ее границ продолжение войны против Советского Союза «до последнего солдата». Он обсуждает с ними также и те вопросы, которые того были исключительной прерогативой маршала (в тот момент, по всей видимости, больного). Михай Антонеску даже приводит до сведения своих собеседников рекомендации генерала Штефли, столь безоговорочно отвергнутые маршалом, и высказывает просьбу о «стягивании в одно место всех румынских войск в районе Дона»⁴⁴. Будучи человеком штатским, Михай Антонеску указывает тем не менее на нужду в грузовиках, бензотранспортерах, противотанковых орудиях и на опасную пыленность румынских частей в Крыму и на Кавказе — «обеспечение, которое делает невозможным единое координированное действие сил нашей армии, а отсюда и их эффективное участие в боевых действиях». К этому присовокупляются слова о необходимости усиления румынских соединений на юге России немцами: «Было бы неправомерно ожидать от румынского народа, что он сможет защитить самый опасный участок Восточного фронта, — эта задача слишком тяжела для наших солдат. Я сказал фюреру, что, по моему убеждению, концентрация наших соединений в одном районе и их подготовка к предстоящей зиме усилили бы нашу оборону. В ином случае мы рискуем потерять свою армию»⁴⁵.

В ответ на это Гитлер не только подтвердил гарантии относительно румынских границ, но и пообещал также заместителю маршала дать румынским соединениям подкрепления в лице немецких танковых и моторизованных дивизий, однако согласился на их концентрацию в одном месте — делать это, по его словам, было уже поздно. А в это время солдатам 3-й

румынской армии предстояли «бесмысленные продолжительные марши», поскольку приказы, которые войска получали от своих командных инстанций, отменялись и изменялись приказами, поступавшими от ОКВ.

Поэтому маршал Антонеску, не проинформировав предварительно немецкую сторону, приказал своей 3-й армии не сосредотачиваться в один эшелон, ибо это уменьшило бы ее огневую мощь⁴⁶. В результате было допущено промедление со сменой итальянских соединений северо-западнее Сталинграда и дальнейшее обострение немецко-румынского взаимонепонимания. Наконец 21 октября 1942 года маршал Антонеску лично обращается к главе германской военной миссии в Румынии генералу Артуру Хауффе с просьбой-пожеланием, чтобы соблюдались выдвинутые им условия, связанные с участием всех румынских сил в боевых действиях⁴⁷. Используя военный язык, маршал высказал даже упрек в адрес немецкого военного командования: он не желает, «чтобы слава румынской армии была испятнана неправильными мерами (немецкого) командования». Что же касается 3-й армии, то ей нельзя было рассредотачиваться по широкому фронту, так как «румынские дивизии не имеют такого количества батальонов, как немецкие дивизии»⁴⁸. Однако Антонеску, бывший хорошим стратегом и понимающий, что «Сталинград может стать вторым Верденом», делал не только критические замечания, но и давал советы: в частности, он высказал Хауффе предложение, чтобы весь фронт отведен на Донец (это называется сокращением протяженности линии фронта), а наступление было возобновлено весной. «Но немцы на это не пошли»⁴⁹.

17 ноября, за два дня до начала советского наступления, обеспокоенность румын достигла своего кульминационного пункта, и Михай Антонеску в присутствии германского военнопредставителя уверяет фон Киллингера в том, «что русские готовят радиозную операцию в том пространстве, где расположены наши соединения»⁵⁰. Пораженный таким категорическим утверждением румынского вице-премьера, генерал Герстенберг спросил: «У вас есть сведения о какой-то русской акции в районе локализации одной из румынских армий?» На это последовал четкий ответ: «Да»⁵¹. Недвусмысленность тона Михая Антонеску не оставляла сомнений в том, что румынское руководство почувствовало надвигающуюся катастрофу и пыталось уговорить политическое и военное руководство Германии «избавить нашу армию от бесперспективной борьбы... Потому что армия — это

все, что у нас есть»⁵². Румынский Генштаб не верил немецким обещаниям насчет оснащения и снабжения румынских соединений и опасался, что немецкое командование станет замахнуться ими только в последнюю очередь. Поэтому он подготовил к отправке 64 железнодорожных состава с зимним оборудованием, продовольствием, боеприпасами и горючим. Но составы не смогли следовать в район боевых действий, потому что железная дорога находилась под немецким контролем. Именно немцы решали, что должно было перевозиться в первую очередь. Положение 4-й румынской армии, которая как раз в это время добралась до линии фронта, также было чрезвычайно тяжелым: «С тех пор как я узнал, что наши солдаты лежат в землянках, укрытых сверху лишь полотном палаток, я не могу честно в этом признаться — спать по ночам, когда слышу, как снаружи воеет ветер»⁵³, — говорил Михай Антонеску.

Маршал был прав, заявив 3 декабря 1943 года — после того как ему доложили о почти полной гибели 3-й армии, — что немцы не раз предупреждали немцев, но так и не были ими услышаны. Всю вину за происшедшее он возложил на немецкое командование, которое «ко всему относилось так легко... не принимало никаких мер предосторожности и равнодушно игнорировало как наши тревожные сигналы, так и приготовления противника, о которых было хорошо известно»⁵⁴. Опытные румынские военные на Восточном фронте не доверяли тем сообщениям, на основе которых принимались оперативные решения немецкого командования. Тем более что, как оказывалось, любая попытка проанализировать обстановку непредвзято, объективно кировалась личным вмешательством фюрера из Берлина.

Хоть и весьма ослабевший после очередного приступа «желтухи», маршал Антонеску еще в октябре понял, что фронт Сталинградом — это «мешок», куда части 3-й румынской армии «без необходимого подкрепления другими войсками» не могли прийти сразу же после того, как они, проделав изнурительный марш, добрались до передовой⁵⁵. Когда было отклонено предложение об их временном отводе, Антонеску попросил отступить под верховным румынским командованием хотя бы части 4-й армии, прибывшей на позиции позднее. Он подчеркнул, что две дивизии этой армии — 19-я пехотная и 3-я горнострелковая — были брошены в бой при «неблагоприятных условиях», в результате чего, «вследствие неразумного и поспешного ввода их в действие без боеприпасов и без необходимой координации», они понесли тяжелые потери⁵⁶. Маршал выра-

жал протест против таких бессмысленных потерь. Но, несмотря на его пожелания, 4-я румынская армия, по личному приказу Гитлера, была придана 4-й немецкой танковой армии и брошена в Калмыцкую степь. Место дислокации каждой румынской дивизии определялось Берлином, ОКВ извещало о своем решении германскую военную миссию в Румынии, а начальник румынского Генерального штаба. Так, 26 октября 1942 года Гитлер, не считаясь с мнением румын, приказал, чтобы итальянская дивизия «Челере» была сменена 7-й румынской пехотной дивизией. При этом он туманно пообещал прислать 3-й армии подкрепления, «если ситуация с транспортом позволит это сделать»⁵⁷.

В результате этого решения Гитлера 3-я румынская армия была вынуждена вступить в бой с противником, располагавшим на Дону семью переправами, без обещанных четырех крупных немецких соединений, без мин, без противотанковых орудий, без средств для нанесения ответного удара, без штурмовых орудий и танков. К тому же ранее она потеряла 6000 солдат и не смогла восполнить эти потери⁵⁸. Находившийся в Ростове Штефля безуспешно указывал на серьезность создавшейся ситуации. Обещание фюрера укрепить румынскую танковую дивизию (единственную, находившуюся в тот момент на фронте) немецкими танками «самой современной конструкции» так и осталось невыполненным, равно как и обещание представлять после падения Сталинграда значительно больше артиллерийских вооружений⁵⁹. По словам Антонеску, румынская танковая дивизия получила от немцев непосредственно перед началом советского наступления «22 тяжелых танка и 12 истребительно-противотанковые роты», а большинство румынских дивизий — по одной батарее из шести тяжелых противотанковых пушек на конной тяге⁶⁰. Сменяемые румынскими соединениями немецкие и итальянские дивизии исчезали, «даже не ставя в известность и не сообщая нам», куда они направляются⁶¹.

19 ноября 3-я румынская армия держала оборону на участке фронта длиной 156 километров. Ни одна из восьми сражавшихся на передовой дивизий не имела сколь-либо значительных оперативных или тактических резервов. Обещанный ОКВ резерв из четырех немецких дивизий так и не прибыл, нереальным оказался и расчет на формирование резерва из трех румынских дивизий в районе Ростова, поскольку румынские ди-

визии беспорядочно бросали на передовую сразу же после прибытия.

Дивизии 4-й румынской армии находились на фронте замены с января 1942 года; три из них были боеспособны менее чем наполовину. Чрезмерная протяженность отведенных участков фронта (полоса обороны дивизии составляла от 17 до 33 километров), отсутствие «продовольствия, строительных материалов для оборудования позиций, горючего, боеприпасов, казарменного имущества» и т.д. значительно снижали боеспособность всех соединений. А отсутствие топлива еще до начала советского наступления ослабило солдат «до полного истощения»⁶² и поставило их на край голодной смерти.

Правда, ОКВ, имея в виду предстоящую фронтную операцию, постаралось своевременно проинструктировать румынский генеральный штаб о немецком опыте зимней кампании 1941/42 года. Главным в этих инструкциях было то, что они запрещали отступать — даже с боями: «Пусть солдат построит себе убежище, волчью нору, в которой он забаррикадируется, как в крепости, и держит там круговую оборону. Его не должно беспокоить, что происходит справа или слева от него или позади него. Единственная его забота — сражаться с врагом независимо от того, с какого направления тот атакует... Если он оказывается отрезанным от своих товарищей, то все равно должен сражаться, пока не придет подмога. И если уж так случится, то его обречет на смерть его могилой»⁶³.

Вечером 19 ноября, когда в результате советского наступления на позиции 3-й армии были молниеносно разгромлены 12-я и 13-я пехотные дивизии и частично окружены еще продолжавшие сопротивляться 5-я, 6-я, 14-я и 15-я пехотные дивизии, Йон Антонеску находился на своей вилле в Пряделе. Тут и состоялся звонок генерала Штефли из Ростова — генерал просил дать разрешение на отход 3-й армии, которой грозило полное окружение. Начальник Генерального штаба докладывал, что немецкое командование «больше не существует, оно не может принять решительных мер, оно ошеломлено и деморализовано»⁶⁴. В тот же вечер генерал-полковник фон Вайхс доложил ОКВ об «абсолютной катастрофе», а армейский адъютант Геллер майор Энгель записал в дневнике: «Я же сам докладывал фюреру, что румыны имеют на вооружении только чешские, французские и лишь небольшое количество наших средних тяжелых танков старой конструкции»⁶⁵.

Будучи безоговорочно предан фюреру, Антонеску на сле-

дующий день не стал принимать никаких мер и не дал команды на прорыв группы Ласкара из окружения. «Я отклонил отдачу окончательного приказа, поскольку уже имелся приказ компетентной командной инстанции на месте»⁶⁶. Однако он все же обратился к Гитлеру с просьбой дать согласие на то, чтобы войска вырвались из окружения. Но не доверяя до конца ни немецким обещаниям контрударом деблокировать этот район, ни заверениям Гитлера, что занимаемый 3-й армией участок фронта будет стабилизирован, он — с опозданием — разрешил 20 ноября через генерала Штефлю генералу Ласкару «отвести тыл и перегруппировать все силы», если тот решит, что неэффективное командование не принимает серьезных и достаточных мер, которые дали бы надежду на успех⁶⁷. Это частично объясняет упреки немцев, будто части 3-й армии не думают ни о чем другом, кроме отступления.

Трагедия солдат 1-й, 2-й и 18-й дивизий, находившихся под жестоким немецким командованием 4-й румынской армии, — этих призванных под ружье крестьян, закопавшихся в «волчьи норы» и сотнями раздавленных в них 20–21 ноября советскими танками, — не поддается никакому описанию.

Начальные этапы Сталинградского сражения убедили специалистов румынского Генштаба в том, что в определенных ситуациях немецкие генералы действовали уже не как профессиональные военные, которые учитывают состояние сил, реальную обстановку, состояние тыловых служб и т.д., а поступали по принципу, несовместимому с военным ремеслом: они руководствовались пожеланиями фюрера, идеологией, педантизмом в выполнении приказов, поступавших из Берлина, даже если они были чреватые гибелью целых соединений.

Примером такого рода отношения, потрясшего Антонеску и других генералов, явился доклад о ходе боев под Сталинградом, с которым выступил перед кондуктором 28 декабря 1942 года генерал Хауффе:

«Антонеску. Я рассматриваю ситуацию на Кавказе и на Дону как чрезвычайно критическую. Нам грозит опасность потерять все наши войска.

Ген. Хауффе. Фюрер учитывает это в своем анализе, но он уверен, что победит тот, чья воля сильнее.

Антонеску. Если уже было ясно, что нам не хватает транспортных средств, то что же мешало тогда дать команду об отходе всех частей с Кавказа и из Сталинграда, чтобы сформировать сильные резервы и стабилизировать фронт так, чтобы это

позволило нам выиграть сражение? Цель этой войны — уничтожение русских вооруженных сил. Добиться этой цели без жертв мы не сможем. Фронт длиной 1800 километров может быть прорван в любом месте.

Ген. Хауффе. Мы должны удерживать Кавказ по внешнеполитическим соображениям.

Антонеску. Я бы предпочел проигрывать в политике, но проигрывать на поле сражения. Обратное приведет к катастрофам»⁶⁸.

В первые же дни после румынской катастрофы под Сталинградом в немецко-румынском братстве по оружию произошли большие перемены как на человеческом, так и на профессиональном уровнях. Начиная с 24 ноября поступают донесения о унижительных оскорблениях, разоружении и даже расстрелах румынских офицеров, которых их немецкие коллеги деликатно отпускали за разгром под Сталинградом⁶⁹. Отступившим румынским солдатам не разрешали пользоваться ни немецкими, ни румынскими повозками, их вытаскивали из грузовиков и железнодорожных вагонов, немцы конфисковывали румынские эксплуатационно-технические средства и т.д. Это затрагивало особенно чувствительную струну как в армейских рядах, так и среди интеллигенции и политиков в Бухаресте. В Румынии никогда не были в большом восторге от немецких расовых теорий (даже в «Железной гвардии» у них было немало приверженцев). Да и не могли румыны пропагандировать свою расовую чистоту, напирая в первую очередь на свое арийское происхождение. На профессиональном уровне возмущение румын вызвало подчеркнутое неверие в военные способности командиров 3-й румынской армии и включение ее в состав группы Холлидта⁷⁰, равно как и попытка 30 ноября 1942 года подчинить 4-ю румынскую армию командованию немецкого армейского корпуса, что фактически означало бы ее расформирование⁷¹. Что касалось 4-й армии, то Антонеску и другие командиры придерживались убеждения, что ей «удалось остановить продвижение противника на Котельниково» и без оказанного ею сопротивления «находившиеся на Кавказе соединения были бы разбиты»⁷². Командующий 4-й армией генерал Константину Констанинеску, спасший от гибели две трети своей армии, доносил, что германское Верховное командование угрожает лишить его ряда командных полномочий и расформировать находящиеся под его командой соединения. По его убеждению, «великий союзник» Румынии стремится «унизить»

румынские войска⁷³. Германская военная миссия в Румынии со своей стороны информировала группу армий «Дон» об «определенных антинемецких настроениях румынских солдат по отношению к германскому вермахту»⁷⁴.

Хотя большинство румын отнюдь не желало поражения немцев на Восточном фронте, недовольство поведением союзника под Сталинградом возрастало, и оно еще более усилилось в первой половине 1943 года — пропорционально сведениям о потеплении и сообщениям об отношении немецких солдат к своим румынским товарищам по оружию⁷⁵. Маршал Антонеску лично обратился по этому поводу с меморандумами к фельдмаршалу Манштейну и к Гитлеру, затрагивал он этот вопрос и на переговорах с фюрером в январе и марте 1943 года. И все-таки многие в Германии были убеждены, что в крахе 6-й армии под Сталинградом повинны в первую очередь войска союзников, и главным образом — румыны. 8 февраля 1943 года Гёббельс дает своим сотрудникам следующее указание: «... ни при каких обстоятельствах не давать понять, что вам известно, что прорыв фронта на ширине приблизительно 450 километров начался из-за несостоятельности некоторых партнеров по союзу. Об этих вещах вообще можно будет говорить только после войны»⁷⁶.

Что же касается маршала Антонеску, то непосредственными следствиями поражения под Сталинградом стали ослабление его очарованности Гитлером, а также его растущее неверие в способность германского вермахта удержать русскую лавину, неверие к ободряющим словам фюрера и тем оперативным указаниям, которые представлялись ему во время его встреч с Гитлером (и которые сами офицеры ставки фюрера называли «показухой»⁷⁷). Важнейшая же перемена, произошедшая с Антонеску и его сподвижниками, заключалась в том, что теперь они по-иному оценивали политику активного военного участия в боевых действиях на фронте и уже не верили, что экономические уступки (нефть, зерно, продовольствие и т.д.) плюс человеческие жертвы побудят руководство Германии возвратить румынам Северную Трансильванию. Уже 9 декабря Антонеску предупреждает германское военное командование, что не следует рассматривать участие румынской армии в «уничтожении большевизма» как «безграничный долг»⁷⁸. Впечатление, что румынские жертвы напрасны и германское руководство в итоге их проигнорирует, поскольку ублажать-то ему приходится двух союзников, было подкреплено и доверительным донесением румынского посланника в Берлине Р. Босси, направленным им

в Бухарест 3 декабря 1942 года: «Я думаю, нам не следует полагать слишком больших надежд на то, что сегодняшняя Германия примет решение по Трансильвании в нашу пользу... По организационному плану, выработанному руководством румын для Европы завтрашнего дня, место Румынии не в Центральной Европе, а на Востоке... Отсюда становится понятным, почему столь массированно настаивают на том, чтобы мы послали туда войска на Восточный фронт. Хотят, чтобы все наше внимание, все наши усилия, все наши интересы обращались на Восток... Нас манят на Восток...»⁷⁹

Сталинград продемонстрировал румынскому руководству, насколько непрочна позиция Румынии в роли союзника Вермахта, и привел в результате к более тесным отношениям между режимом Антонеску и оппозицией, во главе которой стояли Юлиу Маниу и Константин Брэтиану. В памятной записке Гитлеру от 11 января 1943 года Антонеску отмечено:

«1. Война Румынии с большевизмом и славянством за освобождение своих исконных, захваченных несправедливой советской агрессией областей — это ее война.

2. У Румынии есть свои национальные проблемы и обязательства перед историей о защите своих территориальных и политических прав.

3. Участие в войне на Востоке обязывает Румынское королевское правительство ставить вопрос о гарантиях безопасности страны и по защите своих требований и прав в отношении румын, находящихся вне пределов страны и подвергающихся недостойному обращению с ними»⁸⁰.

Первый практический вывод, который был сделан правительством уже в декабре 1942 года, заключался в воссоздании румынской армии — только уже не в интересах германского Вермахта, а в качестве инструмента, с помощью которого можно было бы при необходимости защищать румынские интересы. Эта цель обеспечивалась теперь не путем открытого и безоговорочного сотрудничества с Германией Гитлера, а только хитростью и маскировкой — методом, который хорошо знаком периферийным державам. Еще весной 1942 года некий представитель американского госдепартамента намекал В. Маниере, румынскому послу в Лиссабоне, что залогом жизнеспособной Румынии может быть «только ее сила к моменту окончания войны»⁸¹, а это зависит от того, удастся ли ей

укрепить свою военную мощь». Теперь в Бухаресте наконец появился этот намек.

Уже 18 января 1943 года Михай Антонеску заявил на заседании совета министров, что высший долг и забота правительства — воссоздать с немецкой помощью армию. Но в случае необходимости Румыния будет пытаться закупать оружие в Швейцарии и других странах. «К концу войны мы должны иметь армию. Именно потому вынуждают нас и опасности, грозящие нам со всех сторон»⁸². Говоря об «опасностях, грозящих со всех сторон», Михай Антонеску имел в виду и опасность со стороны легионеров, усилившуюся после катастрофы под Сталинградом и после того, как из Германии бежал Хориа Сима, и перманентную венгерскую опасность, и опасность того, что немецкие войска могут незаконно оккупировать Румынию, сделать ее германским протекторатом, а в самой Трансильвании создать для живущих там немцев «Дунайскую провинцию».

Официально воссоздание румынской армии началось с марта 1943 года, когда румынский Генштаб получил задание «восстановить и сделать боеспособными разбитые во время катастрофы на Дону и в Калмыцкой степи крупные соединения»⁸³.

Сталинград породил пропасть между румынскими и немецкими военными целями. После Сталинграда маршал обратился в первую очередь к национальным целям и был вынужден частично воспользоваться идеями оппозиции. «Не может быть внешней политики, если нет армии»⁸⁴, — так заявил Антонеску 10 марта 1943 года. Собственно говоря, реорганизация румынской армии началась уже во время сталинградской катастрофы, когда генерал Штефля и находившаяся с ним в Ростове часть генерального штаба пытались спасти как можно больше солдат, немедленно эвакуируя их в Румынию. Тем самым они избегали перестройки румынских соединений на месте, а также их возврата на передовую. Тревожные донесения о столкновениях между румынскими и немецкими солдатами, непрерывно поступавшие в Ростов, холод, голод и сам факт военного поражения имели своим следствием какое-то чувство равнодушия по отношению к исходу войны, которая для многих румын давно уже перестала быть их войной. Генерал Штефля рассылал офицеров своего Генштаба — это было принятой в румынской армии методой — с заданием «устно и непосредственно информировать командиров крупных соединений о тех методах, которые следует применять для успешной организации эвакуации». «Без ведома немецких военачальников» румынский Ген-

штаб отправлял всех солдат-фронтовиков под видом больных раненых «в санитарных поездах и возвращавшихся с фронта в товарных эшелонах» домой, в Румынию. Таким способом было эвакуировано свыше 135 000 человек⁸⁵. 26 января 1943 года остатки 4-й румынской армии, потерявшей более трети своего состава, прибыли в Куйбышев (под Мариуполем). Командующий армией генерал КонстантINESКУ обратился к Штефля трогательным письмом, в котором он благодарил того за заступничество перед немецкими союзниками, угрожавшими лишением его командных полномочий и игнорировавшими все его настоятельные просьбы по поводу горючего и боеприпасов. Он подчёркивал «страдания румынского солдата, его беспримерную поддержку и героизм»⁸⁶. Ни одного доброго слова в адрес немецкого письма не было.

13 марта 1943 года Антонеску сообщает фельдмаршалу Кейтелю, что 3-я и 4-я армии потеряли почти все свое вооружение, утратили «почти полностью свою боевую мощь»; по согласованию с немецким руководством он приказывает отвести остатки румынских войск в Транснистрию. Поскольку на фронте находятся восемь дивизий, то «было бы неправильно сомневаться в нашей решимости всеми силами продолжать борьбу... В настоящее время я делаю все для того, чтобы сформировать новую армию»⁸⁷. Упомянутую Антонеску новую армию планировалось сформировать весной 1943 года, но на деле она была создана намного раньше — однако тайно, без ведома немецкого союзника, чтобы тем самым уберечь ее от отправки на фронт. Главные нужды по ее оснащению оставались прежними: противотанковое оружие, грузовики, радиотехнические средства, танки, самолеты. Но теперь румынские надежды были ориентированы на Запад, о чем и сказал Михай Антонеску, считавший главной целью «паритет с Венгрией»⁸⁸. Россия, заявил он, представляет для Румынии слишком большую проблему, решать которую должны англичане и американцы.

Вот как свидетельствует о проводившемся в глубокой тайне воссоздании румынских вооруженных сил Штефля: «В IV отделе румынского Генерального штаба мы вели двойной учет того, что относилось к материальному положению армии: тот, что отражал действительное состояние, был строго засекречен, тот, что содержал значительно заниженные данные, предначался специально для немецких инстанций»⁸⁹.

Генеральный штаб хотел создать на румынской территории резервы оружия, о которых бы ничего не было известно немцам

старался, чтобы румынские войска на фронте пользовались немецкими боеприпасами и сэкономили свои ради их накопления. Кроме того, он отказывался «посылать войска на фронт под предлогом, что нет возможности снабдить их оружием». Все это Генеральный штаб делал теперь с полного согласия маршала Антонеску, который в сентябре 1943 года заявил лидеру Национал-либеральной партии К. Брэтиану, что «на худой конец» он воссоздал вооруженные силы и обеспечил «их единую подготовку». Снаряжение, оружие и боеприпасы для новой армии хранились в складских помещениях. «То, что я говорю, содержится в сопоставимых цифрах и данных в секретных записках»⁹⁰. Перед отъездом Александре Крециану в качестве представителя оппозиции и правительства в сентябре 1943 года в наказание маршал заявил ему: «Правда, я не имею права говорить об этом вслух (а то немцы станут требовать от меня посылки на фронт свежих войск), но могу Вас заверить, что после неудач прошлого года мы полностью восстановили нашу армию и имеем сейчас 24 полностью оснащенные и боеспособные дивизии»⁹¹.

Румыния могла бы целиком избежать кровавых жертв, если бы Ион Антонеску не страдал манией величия и осознал суть мировой войны и ее масштабы. Но после Сталинграда Румынии пришлось сократить степень своей задействованности в ней и отказаться от участия в провозглашенной Гёббельсом «тотальной войне». В сентябре 1943 года Антонеску предлагает западным союзникам «45 вагонов золота, огромное количество зерна и 1 миллион вооруженных солдат»⁹². Такого же рода операции, хотя и в своей специфической области, проводит румынский Генштаб через своего военного атташе в Анкаре. «Румыния никогда не была оккупированной страной»⁹³, она приветствовала высадку англичан и американцев на Балканском полуострове для предотвращения его захвата советскими войсками. Это предложение, как и многие другие, осталось без ответа, что подчеркивает всю неприглядность ситуации, в которой оказалась Румыния.

Поражение под Сталинградом имело для румынской внешней и внутренней политики серьезные последствия. Оно изменило характер ее союза с германским рейхом и обернулось превращением режима Антонеску, который, надеясь на восстановление национальных границ Румынии, добровольно пошел на участие в военном и идейном противоборстве с Советским Союзом с целью его разгрома, в переходное правительство. Это

правительство стремилось не допустить, чтобы немцы в падке ярости уготовили Румынии такую же судьбу, как Польша и Югославии, но в то же время оно и не хотело, чтобы Германия потерпела поражение на Восточном фронте.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Rosetti R.* Pagine indeite din «Jurnal», in: *Buzatu Gh.* Mareşalul Antonescu în istorie. Bd. 1. Bucarest, 1990. S. 335.
- ² *Could L.A.* Crown Against Sickle. The Story of King Michael of Rumania. London, 1953. S. 86.
- ³ *Antonescu, Mareşalul României și războaiele de Reîntegrare*, hrsg. von. *C.J. Ionescu*. Venetia, 1988. S. 212 f. Сборник документов. (В действительности тт. 2–4, где приводятся документы, составлены румынским историком М. Пелином, в последующих сносках: *Drăgan-Pelin*). О «Железной гвардии» см.: *Heinen A.* Die Legion Erzengel Michael in Rumänien. Soziale Bewegung und politische Organisation. München, 1986 (Südosteuropäische Arbeiten, Bd. 83).
- ⁴ Доверительное сообщение немецкого журналиста д-ра Ханса Иоахима Кауша в 1943 г., — цит. по: *Hilberg P.* Die Vernichtung der europäischen Juden. Berlin, 1982. S. 520.
- ⁵ *Could L.A.* Op. cit. S. 41 (курсив мой).
- ⁶ *Sima H.* Era Libertății. Stațul National Legionar. Madrid, 1982. Bd. 1, S. 127.
- ⁷ Резюме беседы Йона Антонеску с Гитлером 11.02.42 в записи начальника военного кабинета полковника Раду Давидеску, опублик. в: *Antonescu Hitler. Corespondenta și intilniri inedite (1940–1944)* hrsg. von *V. Animescu*. Ardeleanu, S. Lache. Bd. 1. Bucarest, 1991. S. 179. См. также немецкие записки о двух беседах в: *Akten zur deutschen auswärtigen Politik 1918–1945 (ADAP)*. Aus dem Archiv des Deutschen Auswärtigen Amtes. Serie E: 1941–1945. 8 Bde. Göttingen, 1969–1979. Bd. 1. S. 443–456.
- ⁸ *Banse E.* Raum und Volk im Weltkriege. München — Berlin, 1932. S. 102. Перевод главных тезисов этой книги в части характеристики румын Антонеску получил в сентябре 1941 года. См.: *Documents concerning the fate of Romanian Jewry during the Holocaust*, ed. by *J. Ancel*. Jerusalem, 1975. Bd. 9, Dok. 49. S. 102.
- ⁹ Донесение посла США в Бухаресте в Вашингтон 15.11.41 об отношении Йона Антонеску к войне с Советским Союзом — см. в: *Ancel J. Documents*. Bd. 3, Dok. 235. S. 390 f.
- ¹⁰ *Gheorghe I.* Rumâniens Weg zum Satellitenstaat. Heidelberg, 1952. S. 204.
- ¹¹ *Ibid.*
- ¹² Меморандум генерала И. Якобича маршалу Антонеску от 8.01.42. — см. в: *Ancel J. Documents*, Bd. 9, Dok. 114. S. 320–324.
- ¹³ *Ibid.* S. 321, 323.
- ¹⁴ Меморандум И. Якобича Й. Антонеску относительно причин отставки от 16.01.42. — Архив Министерства иностранных дел в Бухаресте, раздел 71/Германия, т. 129.
- ¹⁵ Меморандум № 1 генерала И. Штефли от 15.03.45. — Архив Министерства обороны в Бухаресте, папка 129. Хотя этот меморандум

кажись бы, должен был снять обвинения, предъявлявшиеся генералу Антонеску коммунистическим режимом, в нем содержатся и факты, подтверждаемые Й. Антонеску. Опубликовано и прокомментировано в: *Drăgan-Pelin*. Bd. 4, S. 445 f. (Меморандум Штефли).

Ibid. S. 446.

Ibid., см. также Приложение № 2 к меморандуму Штефли (в издании *Drăgan-Pelin* оно не приводится). 14.07.42. генерал Штефля был подчинен военному министру, так как Штефля якобы создал из Генерального штаба «государство в государстве».

Rosetti R. Op. cit. S. 334.

Послание от 31.07.42. — опублик. в: *Antonescu — Hitler*. Bd. 1, Dok. 22. S. 118.

Запись этой беседы см.: *Ancel J. Documents*, Bd. 9, Dok. 162, S. 424.

Письмо Й. Антонеску фельдмаршалу Э. фон Манштайну от 9.12.42. — см. в: *Drăgan-Pelin*. Bd. 3, Dok. 132, S. 317 f.; опубликовано также в: *Kehrig M.* Stalingrad. Analyse und Dokumentation einer Schlacht. Stuttgart, 1975. Dok. 29. S. 588–594.

Что произошло 14.01.41. — см. в: *Ancel J. The Jassy Syndrome I*, опублик. в: *Romanian Jewish Studies*, 1 (Jerusalem, 1975). S. 38.

Chirnoagă P. Istoria Politică și Militară a Răsboiului României contra Rusiei Sovietice. Madrid, 1986. S. 133.

Schmidt P. Statist auf diplomatischer Bühne 1923–1945. Erlebnisse des Chefdolmetschers im Auswärtigen Amt mit den Staatsmännern Europas. Berlin, 1949. S. 549.

Brătescu-Voinești I. Al. Scrisoare deschisă domnului contre Gabor Kennedy, in: *Porunca Vremii*, 6.03.43.

Hitlers Tischgespräche im Führerhauptquartier 1941–42, hrsg. von *H. Picker*. Stuttgart, 1963. S. 390.

Запись беседы М. Антонеску с Г. Нойбахером 29.07.42. — см. в: *Ancel J. Documents*, Bd. 9, Dok. 151. S. 419.

Запись беседы М. Антонеску с Гитлером и Риббентропом в Ставке фюрера в Виннице 23.09.42. — *Ibid.* Dok. 176. S. 446 ff. См. немецкую запись этой беседы в кн.: *Staatsmänner und Diplomaten bei Hitler. Verballiche Aufzeichnungen über Unterredungen mit Vertretern des Auslandes 1939–1944*, hrsg. von *A. Hillgruber*. 2 Bde. Frankfurt a. M., 1967. Bd. 2, Dok. 13. S. 106–110.

Запись о разговоре между М. Антонеску и германским посланником М фон Киллингером 17.11.42. — см. в: *Ancel J. Documents*. Bd. 9, Dok. 183. S. 482.

Появление М. Антонеску о его переговорах в ставке фюрера, сделанное на заседании совета министров 18.01.43. — см.: *Antonescu — Hitler*. Bd. 2, Dok. 53, S. 22 f.

Меморандум Штефли — см.: *Drăgan-Pelin*. Bd. 4, S. 447.

Ibid.

Ibid.

Ibid. Приложение № 3, военный кабинет кондукатора Генеральному штабу, 19.08.42.

Ibid.

- ³⁶ Ibid. Приложение № 6, начальник Генерального штаба — марш. Антонеску, 23.04.44.
- ³⁷ *Rosetti R.* Op. cit. S. 334.
- ³⁸ *Ancel J.* Documents, Bd. 9, Dok. 162. S. 428.
- ³⁹ Германская военная миссия в Румынии — румынскому генеральному штабу, 28.09.42. — см.: *Drăgan-Pelin.* Bd. 3, Dok. 91. S. 273 f.
- ⁴⁰ Записка Думитреску маршалу Антонеску — Ibid. Bd. 3, Dok. 90. S. 272-41 Ibid.
- ⁴² Меморандум Штефли — *Drăgan — Pelin.* Bd. 4, S. 445 f.: начальник Генерального штаба — маршалу Антонеску, 23.04.44.
- ⁴³ См. прим. 30.
- ⁴⁴ См.: *Ancel J.* Documents, Bd. 9, Dok. 176. S. 446.
- ⁴⁵ Ibid. S. 457.
- ⁴⁶ Генерал И. Штефля — германской военной миссии, 20.10.42. — см.: *Drăgan-Pelin.* Bd. 3, Dok. 95. S. 227.
- ⁴⁷ Ibid. Dok. 99. S. 280.
- ⁴⁸ Ibid. S. 281.
- ⁴⁹ См. прим. 1.
- ⁵⁰ Запись беседы с Киллингером, генералом Герстенбергом и полковником Шпальке о положении румынской действующей армии, см. в: *Ancel J.* Documents, Bd. 9, Dok. 183. S. 478. См. телеграмму Киллингера за № 5 от 18.11.42 в: *Politisches Archiv Bonn (PA), StS Rumänien*, Bd. 11.
- ⁵¹ Ibid. S. 483.
- ⁵² Ibid. S. 479 f.
- ⁵³ Ibid. S. 484.
- ⁵⁴ Телеграмма маршала Антонеску генералу Штефле от 3.12.42. — см.: *Drăgan-Pelin.* Bd. 3. S. 300.
- ⁵⁵ См. прим. 1.
- ⁵⁶ Маршал Антонеску — генералу Хауффе, 21.10.42. — см. в: *Drăgan-Pelin.* Bd. 3. Dok. 99. S. 280.
- ⁵⁷ Памятная записка германской военной миссии генералу Штефлю, 17.10.42. — Ibid. Dok. 94. S. 276. См. соответствующий немецкий протокол в Военном архиве Федерального архива во Фрайбурге (BA-MA), RH 31-1/97.
- ⁵⁸ Оперативный меморандум подполковника Цёллера (DHM) от 26.10.42. — см. в: *Drăgan-Pelin.* Bd. 3. Dok. 105. S. 286.
- ⁵⁹ Генерал Штефля — генералу Хауффе, 30.10.42. — Ibid. Bd. 3. Dok. 106. S. 277.
- ⁶⁰ Антонеску — Манштайну, 9.12.42. — см. прим. 21.
- ⁶¹ Ibid. S. 318.
- ⁶² Ibid.
- ⁶³ *Drăgan-Pelin.* Bd. 3. S. 285. Приказ Цайцлера от 23.10.42 см в: *Kehrig M.* Op. cit. Dok. 2. S. 552 f.
- ⁶⁴ *Drăgan-Pelin.* Bd. 3. S. 287.
- ⁶⁵ Heeresadjutant bei Hitler 1938–1943. Aufzeichnungen des Majors Engel, M. von H. v. Kotze. Stuttgart, 1974. S. 137.

- Телеграмма маршала Антонеску Гитлеру, направленная 22.11.42 через румынского военного атташе в Берлине И. Георге — см. в: *Drăgan-Pelin.* Dok. 113. S. 293. Опубл. также в: *Kehrig M.* Op. cit. Dok. 7, 560.
- Антонеску — Hitler. Bd. 1. S. 193 f.
- Drăgan-Pelin.* Bd. 3. Dok. 137. S. 330. См. запись Хауффе — BA-MA, RH 31-1/75.
- См. примеч. 21. Генеральный штаб об обращении с румынскими солдатами на фронте, 10.12.42. — Ibid. Dok. 134. S. 335; генерал Штефля — фельдмаршалу Манштайну, 15.12.42, см. в: 23. August. Documente, 1939–1943. Bd. 1. Bucarest, 1984. Dok. 343. S. 468 f.
- Памятная записка генерала Холлидта 2-му румынскому армейскому корпусу от 3.12.42. — см. в: *Drăgan-Pelin.* Bd. 3. Dok. 118. S. 298 f.
- Генерал И. Штефля — германской военной миссии, 30.11.42. — Ibid. Dok. 117. S. 298.
- Ibid. S. 407.
- Меморандум Штефли — см. прим. 15, Приложение № 4: генерал Константинеску — генералу Штефле, 26.01.43. *Drăgan-Pelin.* Bd. 4.
- Информация от 8.02.43. См. 23. August. Dok. 359. S. 491, а также BA-MA, 18996/2.
- См.: *Kehrig M.* Op. cit. S. 458.
- Wollt Ihr den totalen Krieg? Die geheimen Goebbels-Konferenzen 1939–1943, hrsg. von W.A. Boelcke. Frankfurt a.M., 1971. S. 439.
- Schmidt P.* Op. cit. S. 549.
- Kehrig M.* Op. cit. S. 588.
- Ancel J.* Documents. Bd. 9. Dok. 186. S. 493.
- Меморандум маршала Антонеску Гитлеру от 11.01.43 см. в: *Antonescu — Hitler.* Bd. 2. Dok. 52. S. 3, а также: PA, StS Rumänien, Bd. 12.
- Кодере — Антонеску, 22.06.42 см. в: Архив Министерства иностранных дел в Бухаресте, 71/1939, 19.VI. bibl 130.
- Antonescu — Hitler.* Bd. 2. Dok. 53. S. 56.
- Меморандум Штефли — см. прим. 15, Приложение № 6: Штефля — И. Антонеску, 23.04.44. *Drăgan-Pelin.* Bd. 4.
- Drăgan-Pelin.* Bd. 3. S. 470.
- Меморандум Штефли — *Drăgan-Pelin.* Bd. 4. S. 449.
- Ibid. S. 464 (26.01.43).
- Ancel J.* Documents. Bd. 9. Dok. 203. S. 554.
- Стенографическая запись переговоров между М. Антонеску, Клодиусом и другими представителями Германии 15.07.43. — Ibid. Dok. 216. S. 580. См.: *Forster J.* Stalingrad. Risse im Bündnis 1942/43. Freiburg, 1975. S. 109.
- Меморандум Штефли — см. прим. 15, S. 454. *Drăgan-Pelin.* Bd. 4. S. 454.
- Drăgan-Pelin.* Bd. 2. Dok. 33. S. 359 (курсив мой).
- Cretzianu A.* The Lost Opportunity. London, 1957. S. 94.
- Simion A.* Preliminarii politico-diplomatice ale Insurrecției Române din August 1944. Cluj — Napoca, 1979. S. 337 f., Anm. 30.
- Телеграмма британского посла в Анкаре в Форин оффис от 30.09.43. — см. в: *Drăgan-Pelin.* Bd. 4. Dok. 85. S. 194 f.

Йозеф Бор

РЕЗОНАНС И ВОЗДЕЙСТВИЕ
СТАЛИНГРАДСКОЙ БИТВЫ НА ВЕНГРИЮ

20 ноября 1942 года в офицерском клубе в Будапеште выступил с лекцией генерал-майор, доктор права Ласло Дешё, прошедший много лет на посту венгерского военного атташе в Советском Союзе. Лекция называлась «Русский сюрприз». Можно уверенно предполагать, что в тот день никто в Венгрии и не дозревал о советском контрнаступлении под Сталинградом. Лекции же Дешё, большого знатока Советского Союза и Красной Армии, мне хотелось бы процитировать одну-единственную фразу: «Оборона Ленинграда и особенно оборона Сталинграда не могут не вызывать изумления и восхищения». А когда эту лекцию четыре месяца спустя напечатали в мартовском номере солидного журнала «Мадьяр катонаи семле», выпущенного для офицерского корпуса венгерской армии¹, все было позади. В большой излучине Дона были уничтожены румынские, одна итальянская и 2-я венгерская армия, а в Сталинграде — 6-я немецкая армия. Генерал-майор Дешё, командовавший артиллерией 3-го корпуса, 2 февраля 1943 года вместе с командиром этого корпуса графом Марселем Штоммом оказался в советском плену, откуда ему уже не суждено было вернуться².

Рассматривая эти важнейшие события с сегодняшних позиций, мы не должны упускать из виду, что их подлинные масштабы и последствия не были в то время осознаны в Германии

и многих с нею странах ни политиками, ни военными. Хотя они признавали — в том числе и публично — что это второе советское зимнее наступление было еще более успешным, нежели наступление под Москвой, но весь размер собственного поражения, равно как и диапазон советского успеха, ими занижали. Этим стараниям способствовала цензура. Не разрешалось даже, говоря о том, что произошло, употреблять слово, точно отражавшее смысл произошедшего, — катастрофа.

Что же касается ориентации венгерского населения средствами печатной информации, то тут следует сначала напомнить, что до момента немецкой оккупации 19 марта 1944 года в Венгрии выпускался весьма широкий спектр газет, в том числе и несколько оппозиционных. Правда, тираж последних не превышал в общей сложности 100 000 экземпляров, и это в значительной мере снижало их эффективность. И, разумеется, очень важным было, кто комментировал военные события. Вот два примера.

Оппозиционная газета «Мадьяр немзет» достигала в то время тиража в 46 000 экземпляров. В качестве военного комментатора в ней обычно выступал Енё Томбор — образованный и знающий офицер-генштабист, руководивший в дни Венгерской республики в 1919 году оперативным отделом Генштаба, за что и был досрочно отправлен на пенсию в чине подполковника. Томбор выучился на фармацевта и выступал как военный писатель³. Разумеется, его комментарии в «Мадьяр немзет» были ограничены цензурными рамками.

Для нашей темы более важным представляется журнал «Мадьяр семле». Он был основан в 1927 году тогдашним главой правительства графом Иштваном Бетленом «в целях ориентирования тех нескольких тысяч человек, которые являются у нас интеллигентами более высокого национального образования»⁴. В течение многих лет его редактором был выдающийся историк профессор Дьюла Секфю. В каждом номере «Мадьяр семле» публиковалось «Внешнеполитическое обозрение», принадлежавшее в 1942–1943 годах большей частью перу молодого журналиста Лайоша Гоголака. В своих ежемесячных обзорах Гоголак, который не был военным специалистом, рассуждал и о военной ситуации. В январе 1943 года он, признав, что русское наступление было «эффективно спланировано» и имело своим результатом прорыв немецких позиций в нескольких местах, писал тем не менее о сохранении немцами боевых порядков в целом⁵. В февральском номере он сообщил, что в Сталинграде

еще продолжают оказывать сопротивление несколько заводских кварталов. А далее писал, что в результате начавшегося с двух направлений русского наступления образовался фронт, в котором оказался и Сталинград. Конечная же цель русских атак — возврат Ростова и Черноморского побережья⁶.

Более детально изложение Гоголака в мартовском номере автор сообщает, что захват Сталинграда в начале февраля рассматривается в Советском Союзе как огромный успех. Германия же, напротив, как и правительством поглавничавших хорватские части сражались в стенах Сталинграда, по случаю объявлены дни траура».

Далее в обзоре говорится, что 6-я армия своей, без сомнения, великой борьбой задержала значительные советские отступления, а также отрыв от противника и оборонительные действия проходили по плану, «Советы терпели чувствительные поражения и несли большие потери, боевые действия развивались совсем не так, как этого хотелось бы Советам»⁷.

Несколько иным был тон подробных военных аналитических обзоров Ференца Юлиера. Будучи в 1919 году в чине полковника с опытом работы в Генштабе и начальником штаба 3-го армейского корпуса и став затем начальником Генерального штаба, Юлиер, как он потом сознался сам, возглавлял венгерскую Красную Армию, но был «в душе контрреволюционером»⁸. В январском номере того же журнала обзор оценивается им следующим образом: «...советские наступательные действия лишь местами привели к выигрыванию ограниченного пространства, после чего бои стихли, перешли в стадию крупномасштабной войны техники, подобной той, что вели друг против друга в 1915–1917 годах войска Антанты и немцев на Западном фронте»⁹.

В этой своей оценке Юлиер прав в том, что касается техники, но насчет того, что бои на Восточном фронте «стали», не могло быть и речи, как это стало ясно буквально в те же недели. Что и пришлось признать Юлиеру, о чем свидетельствует его статья в апрельском номере «Мадьяр семле» озаглавленная «Советское наступление». Пришлось ему признать также, что постоянно декларировавшееся пропагандистское утверждение, будто армия Советов из-за огромных людских

* *Павелич Анте* (1889–1959) — руководитель (поглавник) «независимого» хорватского государства в 1941–1945 гг. — *Прим. перев.*

и территориальных потерь уже не способна к сколь-либо опасной наступательной операции, было неверным. Никто не думал, пишет автор, что Красная Армия сумеет развернуть крупномасштабное зимнее наступление. «В частности, нельзя было предполагать, что Советы добьются выдающихся боевых успехов. Но случилось именно так». Имела место, указывает Юлиер, недооценка противника, особенно революционной решимости, энергии и организаторской способности советских руководителей, хотя уже были признаки того, что советский фронт многому научили прошедшие крупные сражения. В прошлом лето Красная Армия планомерно отступала за Дон, избегая решающей битвы и сохраняя таким образом свою боеспособность.

В этой статье Юлиер подробно разбирает ситуацию с людскими резервами Советского Союза, имевшего 20 миллионов обученных солдат. Конкретными данными о военной промышленности автор не располагал. Поэтому он лишь упоминает, что Советский Союз еще за несколько лет до войны создал мощную промышленную зону за Уралом. Как показали военные события, потеря Донецкой области не повлекла за собой значительного снижения потенциала советской военной индустрии.

Стратегическое положение немецкого южного фланга было неблагоприятным, «что дало советским вооруженным силам возможность провести операции по охвату и, соответственно, по окружению и разгрому 6-й армии в районе Сталинграда». Далее Юлиер пишет: «Весь мир был поражен тем, что Советская Армия после ее огромных потерь в людях, технике и территории летом и осенью 1941 года, а также в период с весны до осени 1942 года оказалась способна к проведению столь мощной наступательной операции и что ее верховное командование, а также войска смогли так многому научиться. В эту зиму Советская Армия добилась более крупных успехов, нежели царская армия в дни своих самых удачных операций летом 1916 года».

Статья заканчивается следующими словами: «Во всяком случае, зимняя кампания отодвинула момент окончания борьбы»¹⁰.

Немецкий читатель, может быть, будет поражен тем, как открыто и реалистично оценивались в Венгрии события германской зимней кампании 1942/43 года. Такая же прямота характерна и для уже упоминавшегося журнала «Мадьяр катонаисемле». В нем, как и в «Мадьяр семле», ежемесячно публиковались — правда, без подписи автора — «Внешнеполитическое

резюме». Эти резюме были еще лапидарнее, нежели материалы Гоголака, а потому и более куцыми в военном плане. В январском номере «Мадьяр катонаи семле» об обстановке на Восточном фронте говорится в одном-единственном предложении: «На равнинах России контратаками (войск стран) оси останлены и отбиты крупные большевистские наступления»¹¹. В следующие месяцы о положении на Восточном фронте практически вообще не сообщается. Зато в февральском номере опубликована «Сводка военных событий на середину января 1943 года»¹². Примечательным представляется уже сама преамбула этой сводки: «Высадка англо-саксов в ноябре 1942 года в Северной Африке, отступление Роммеля из Египта в Ливию, советское наступление в районе Сталинграда и Торопца — все это вызвало в венгерском общественном мнении поразительный резонанс».

Но вслед за такими откровенными словами анонимный автор пытается доказать, что «любые сомнения в победе оси» являются «беспочвенными». Вероятной целью советского наступления ему представляется выход к Ростову и на побережье Азовского моря и деблокирование тем самым Сталинграда, также обеспечение навигации на Волге и защита кавказских нефтепромыслов и, наконец, отсечение отступающих между Доном и Кавказом войск оси и их уничтожение. Но, несмотря на такую реалистическую оценку обстановки, сводка заканчивается на оптимистической ноте. В той ее части, что имеет промежуточный заголовок «Перспективы на будущее», читаем следующее: «Мощь советских атак вскоре будет сломлена, тогда немецкие войска перейдут в решающее контрнаступление в направлении на Восток».

Еще более откровенным выглядит короткое сообщение, помещенное в мартовском номере «Мадьяр катонаи семле»: «Генерал-полковник Паулюс, командующий уничтоженной в Сталинграде после беспримерной, героической, самоотверженной и безнадежной борьбы 6-й немецкой армии, получивший еще до этого тяжелое ранение, произведен фюрером в генерал-фельдмаршалы»¹³.

Может быть, было бы излишним упоминать, но все статьи сообщения и т.д. в «Мадьяр семле», как и в «Мадьяр катонаи семле», публиковались, разумеется, с ведома, более того с одобрения компетентных политических и военных инстанций. Но это вовсе не означало, что в этих журналах действовали какие-то антигерманские силы. И в то же время фактом является

то, что ни окружение графа Иштвана Бетлена, ни начальник Генерального штаба венгерской армии генерал-полковник Ференц Сомбатхей¹⁴ не отличались безоговорочно прогерманскими настроениями.

Как же вообще оценивало обстановку высшее военное командование Венгрии осенью 1942 и в ходе зимы 1942/43 года? Об этом говорит подробный доклад Сомбатхей, сделанный им на заседании Высшего совета обороны страны (ЛХТ)¹⁵ 8 октября 1942 года¹⁶. Частично этот доклад базировался на том, что увидел Сомбатхей во время своей поездки во 2-ю венгерскую армию с 6 по 13 сентября 1942 года¹⁷.

В первую очередь интерес для нас представляет третий раздел доклада, содержащий оценку военной обстановки на 1943 год. В его вступительной части начальник венгерского Генштаба так подводит итог немецкого летнего наступления: «Оценивая ход и достигнутые успехи начатых летом этого года операций на Восточном фронте, я должен прежде всего отметить, что времена блицкрига — во всяком случае, на Востоке — уже в прошлом».

Одной из причин этого, по мнению Сомбатхей, является то, что советское Верховное Главнокомандование сумело правильно и успешно организовать оборону. Красной Армии неоднократно удавалось быстрым маневрированием избегать угрозы окружения.

Главную же причину, заявил докладчик, следует искать в специфике условий, в которых проводятся операции на Восточном фронте. Бескрайние просторы, невообразимо плохая ситуация с транспортом, тяжелые и экстремальные климатические условия не давали германским вооруженным силам возможности громить русскую армию прежним методом — серией сражений с решительными целями. Сегодня почти исключено, чтобы оставшиеся части русской армии удалось вывести из строя путем молниеносных операций. Нельзя и не следует рассчитывать на быстрое окончание войны.

Таким образом, Сомбатхей выразил в докладе свое убеждение, что времена блицкрига прошли и конца войны не видно. Чего-то большего в тот день, 8 октября 1942 года, им сказано не было¹⁸.

Два месяца спустя Сомбатхей выступил перед генералами и офицерами Генштаба с докладом «о командовании»¹⁹. Для начала он констатировал, что морские державы по-настоящему войну еще не начинали. Использувавшийся немцами в 1939—

1941 годах «классический способ» применения танков в ходе последующей войны с русскими казался экономически неэффективным. За свои прежние успехи «в России, перед лицом такого упорного противника, немцам пришлось расплачиваться слишком дорогой ценой». Сегодня танки применяются только в сочетании с пехотными соединениями. Это стараются делать немцы, но еще успешнее это делают русские, которые почти не проводят атак пехоты без поддержки танками.

Несмотря на катастрофу 2-й венгерской армии и гибель немецкой армии под Сталинградом, Сомбатхей — а вместе с ним, разумеется, и венгерский Генштаб — еще проявляли оптимизм. Такая позиция в принципе сохранялась затем и по краху немецкого наступления под Курском. В справке, составленной для Сомбатхейи 31 августа 1943 года и подписанной начальником оперативного отдела Генерального штаба полковником Лайошем Надашем, содержится следующий пассаж: «Таким образом, по моему общему впечатлению, в обозримый период опасаться крушения немецкого Восточного фронта не следует»²⁰.

Мы не знаем, была ли эта справка доведена до сведения ЛХТ. Но совершенно определенно этой высокой инстанции была известна другая памятная записка, доложенная начальником Генерального штаба на заседании ЛХТ 4 сентября 1943 года²¹. В ней излагалось мнение Сомбатхейи о том, что в середине апреля 1943 года, т.е. ко времени посещения Гитлера регентом Миклошем Хорти, «положение стран оси не давало повода для опасений».

Правда, затем инициатива мало-помалу полностью перешла в руки их противников, и это имеет своим следствием, что победные перспективы для держав оси отодвигаются все дальше в будущее. Но, говорилось далее в докладе, нет никакого сомнения в том, что они готовы ко всему, «и если они и не одержат победу, то смогут избежать худшего — разгрома или по меньшей мере скоро они побеждены не будут». За это время положение держав оси еще больше ухудшилось и после падения фашизма (в Италии) стало настолько плохим, «что уже едва можно рассчитывать на победу держав оси. И даже более того — не исключено и их поражение».

Не совсем стыкуется с этим утверждением другая часть доклада Сомбатхейи, где он доказывает, что сейчас, вероятно, цель Германии заключается в затягивании войны, чтобы «добиться мира на приемлемых условиях».

В то же время Сомбатхейи предостерегал своих слушателей от Совета обороны от каких-либо иллюзий: «Сейчас немцы, несомненно, находятся в очень тяжелом положении, но мы неправильно оценили бы обстановку, думая, что можно просто сорвать союз и бросить их. Мощь вермахта отнюдь не сломана, его дисциплина непоколебима, и если даже он воюет с трудом, но он все еще может воевать и сражаться и может нанести ужасные удары по тем, кто вздумает восстать против него. Именно поэтому мнение, что нам следовало бы бросить немцев, даже если это будет чревато тем, что они нас оккупируют, очень опасно».

Эти пророческие фразы начальник венгерского Генерального штаба произнес — я позволю себе еще раз повторить дату — 4 сентября 1943 года.

Правда, Сомбатхейи был человеком переменчивого настроения, о чем мы знаем, в частности, из воспоминаний его протеже, полковника Генштаба Дьюлы Кадара, бывшего с октября 1943 года руководителем венгерской контрразведки²². Тут достаточно двух примеров. В январе 1944 года, на еженедельном совещании военных атташе, полковник Д. Кадар сказал в заключительном выступлении, что немцы проигрывают войну; поэтому военные атташе должны уделять свое внимание исключительно венгерским интересам. После него слово взял Сомбатхейи и «заверил с ораторским пылом», что в итоге войны немцы все же выиграют²³. В начале февраля 1944 года Сомбатхейи с группой сопровождающих лиц побывал у Гитлера в его Ставке. На обратном пути на Бреславском вокзале в Берлине Сомбатхейи увидел из окна поезда около полусотни немецких солдат, безмолвно проходивших торжественным маршем, и, обращаясь к Кадару, сказал: «Может ли нация, у которой такие солдаты, проиграть войну? Нет, и еще раз нет!»²⁴

Описание резонанса, вызванного в Венгрии в 1942/43 году Сталинградом, было бы неполным без упоминания реакции на разгром в большой излучине Дона 2-й венгерской армии. Когда сравниваешь публикувавшиеся в Венгрии сообщения о 6-й немецкой армии и о 2-й венгерской армии, то бросается в глаза, что о Сталинграде венгры узнавали куда больше, чем о судьбе своей армии. В публикувавшихся Генеральным штабом раз в неделю военных сводках о боях, в которых участвовали венгерские войска, никаких конкретных данных, начиная с 17 января 1943 года, не приводится. Эти сводки звучали оптимистически

даже тогда, когда, собственно говоря, все уже было кончено. Так, 14 февраля венгерская военная сводка начиналась следующими словами: «В районе Курска наши войска, тесно взаимодействуя с немецкими соединениями, продолжали героические и решительные маневренные операции. В общем и целом участие венгерской армии существенных событий не произвело»²⁵.

При уже не существовавшей больше армии и не могло, конечно, случиться, происходить никаких «событий», ибо еще 24 января 1943 года командование 2-й венгерской армии было освобождено от выполнения боевых задач и занималось отводом и организацией остатков своих соединений. Эзопов язык военных сводок не мог, однако, скрывать правду долгое время. Возвращавшимися с Восточного фронта солдатами быстро распространялась совсем иная картина событий.

Публицистическое и историографическое изображение гибели 2-й венгерской армии было в Венгрии с самого начала идеологической проблемой. В течение десятилетий судьба этой армии представлялась в утрированно негативном, одностороннем виде. В 1959 году вышел составленный из материалов архива Военно-исторического института сборник документов под названием «Гибель 2-й венгерской армии на Дону». Его основная тенденция заключалась в том, чтобы доказать, что агрессивный империалистический режим Хорти в Венгрии, находившийся в зависимости от фашистской Германии, послал «плохо оснащенных и плохо вооруженных солдат на верную гибель»²⁶. Немцы же третировали венгров и были готовы ради спасения собственных дивизий пожертвовать всеми венгерскими войсками²⁷.

В 1972 году вышла в свет книга Иштвана Немешкюрти «Реквием по одной армии»²⁸, базировавшаяся главным образом на документах, опубликованных Хорватом. Она вызвала большой резонанс, хотя подлинно научной рецензии на нее не появилось до сих пор. «Реквием» критиковали, упирая на то, что 2-я венгерская армия, бывшая частью тогдашней системы, не заслуживает сочувствия. Горевать надо только о солдатах, а не об армии, принимавшей участие в захватнической войне Германии против Советского Союза.

Немешкюрти исходит из того, что 2-й армией «сознательно жертвовали»²⁹, бросив ее на алтарь германо-венгерского союза ради того, чтобы венгерское правительство, заранее закрывав крупную потерю, могло вырвать у немцев какие-

политические дивиденды. В венгерском издании автор идет еще дальше: «Ацтекское жертвоприношение. Церемония в честь Молоха, на чей жертвенник бросили взрослых людей»³⁰.

Такое утверждение, конечно же, не отражает сути вещей. Ни одно государство не пошлет в сражение свою армию, заранее намереваясь пожертвовать ею. Кроме того, в дни боев в январе 1943 года было немало командиров, которые, несмотря на создавшуюся безвыходную ситуацию, в которой они находились со своими солдатами, вовсе не собирались быть пассивными действующими лицами «церемонии в честь Молоха». Об этом говорит в нескольких местах книги и сам Немешкюрти. Правильно, в качестве причин такого бойцовского поведения автор приводит следующие: «Это могло быть личное честолюбие, это могло также быть и желание возмездия за отступающие войска с минимумом потерь, а может быть, и то и другое»³¹.

Утверждение, будто офицеры сражались с превосходящими фашистскими силами в большой излучине Дона из личного честолюбия, а то и ради наград, вызвало среди оставшихся в живых командиров волну протестов.

Столь подробный разбор книги Немешкюрти может кому-то показаться излишним. Но дело в том, что она — одна из самых немногих венгерских работ на эту тему, к тому же и переведенная на немецкий язык. Из обширной венгерской мемуарной литературы я хотел бы сослаться только на один пример. Среди командиров, умело руководивших действиями своих солдат и благодаря этому сумевших их спасти, был имевший тогда чин старшего лейтенанта командир 107-й саперной роты капитан Бартфаи Сабо. Его вышедшие наконец в 1988 году после многих затяжек воспоминания под названием «До последнего человека» свидетельствуют о том, что солдаты, верящие в своего командира, могут в течение недель вести бои в отступлении и выходить из, казалось бы, безвыходных ситуаций³².

В заключение мне хотелось бы еще раз вернуться к 1942 году, к тем дням, когда 2-я венгерская армия занимала свои позиции на Дону. Когда обращаешься к источникам, часть из которых до сего времени так и не были использованы венгерскими историками, то бросается в глаза почти необъяснимое для нас сегодня самоослепление венгерского руководства. Так, 14 июля 1942 года министр обороны генерал-полковник в отставке Карл фон Барта, служивший ранее в саперных войсках, заявил на заседании Коронного совета: «Отправленная на фронт 2-я армия должна быть в отношении вооружения и снаряжения выведена

на одинаковый уровень с немецкими войсками, чтобы сражаться на равных с превосходно оснащенной русской армией»³³.

Но такого «одинакового уровня» с немецкой или русской армией ни генерал-полковник Сомбатхей, ни генерал-полковник в отставке Вильмош Надь, преемник Барты на посту министра обороны, побывавшие в армии осенью 1942 года, не обнаружили³⁴. В упоминавшемся выступлении на заседании 8 октября, т.е. уже после поездки министра обороны на фронт Сомбатхей, говоря о состоянии 2-й армии после так называемых оборонительных сражений на Дону в конце августа — начале сентября 1942 года, заявил: «Самым поразительным было то, что отдельные соединения наших войск впадали в полнелетаргию, они не шли за своими командирами, а оставляли в беде, бросали свое оружие и свое обмундирование, чтобы быть узанными русскими. Они не решались применять тяжелое вооружение, не желая провоцировать русских на ответный огонь. Они не поднимались, когда надо было идти в атаку, не высылали дозоров, артиллерийская и авиационная подготовка не проводилась. Эти сообщения показывают, что венгерский солдат находится в тяжелейшем душевном кризисе отсюда чуть ли не делается вывод, что его боевой дух сломлен».

Желая успокоить членов Высшего совета обороны, Сомбатхей сказал затем, что посещение армии оставило у него худшее впечатление и что к нему «полностью вернулась» вера в венгерского солдата. Правда, такое заверение расходилось с мнением, которое высказал командир приданного 2-й венгерской армии 24-го немецкого танкового корпуса барон Вилбальд Лангерман унд Эрленкамп, жаловавшийся Сомбатхей на то, что венгры плохо обучены, не умеют ни окапываться, ни скрытно приближаться к противнику. А это, говорил он, вело к большим потерям. Пехота не взаимодействует с тяжелым оружием. Отсутствует и взаимодействие между легкими и тяжелыми танками. Они преждевременно расходуют боекомплект, а затем, в самый критический момент, останавливаются в ожидании подвоза боеприпасов.

Обещанное немцами оружие, продолжал Сомбатхей в своем выступлении 8 октября, поступает большей частью с опозданием, что, к сожалению, отрицательно сказывается на подготовке по овладению этим оружием. У солдата, находящегося в двух тысячах километрах от Родины, возникает вопрос: почему сюда послали именно меня, а не другого? Все это порождает у солдат чувство, что о них тут забыли.

Положение венгерской армии было обрисовано Сомбатхей точно. Поскольку ее дивизии имели полосу обороны шириной в 15–20 километров каждая, то «нет никакого сомнения в том, что при таких расстояниях не может быть и речи об обороне реки, а можно говорить только о наблюдении за рекой; это означает, что оборона Дона представляет собой не систему глубоко эшелонированных, сильно насыщенных огневыми средствами позиций, а всего лишь слабую завесу».

Но из этого реалистического описания следует совершенно обоснованный, можно даже сказать, наивный вывод: «По моему мнению, в течение зимы нам не придется иметь дело с большими или менее крупными потерями... Когда я там был, армия в начале приготовления к зимней обороне, и весь опыт боевых действий в последнюю зиму позволяет надеяться, что армия выполнит свою задачу — выполнит без больших потерь и трудностей»³⁵.

Вслед за быстрым разгромом 2-й венгерской армии начались поиски виновных и обсуждение причин случившегося. Союзники искали козлов отпущения друг в друге. Не было единодушия в оценках и в рядах самого венгерского военного командования. В то время как начальник генерального штаба Сомбатхей просто констатировал, что «командование было в немецких руках, 2-я армия находилась под немецким командованием»³⁶, министр обороны (в прошлом, как и Сомбатхей, Генерал пехоты) придерживался совершенно противоположного мнения. В многочасовой речи перед комитетом по обороне верхней палаты венгерского парламента 12 марта 1943 года (к сожалению, текст этого выступления сохранился лишь в отрывках) Надь заявил: «Так как речь шла об атаке пехоты танками, то следовало бы, собственно говоря, уже 13 января отдать приказ войскам отступить на линию Оскола. Тогда не было бы таких потерь. И Сталинград — это, собственно, тоже жертва сопротивления до последней минуты. Прекрасно звучит — сопротивляться до последней минуты в условиях так называемой круговой обороны»³⁷.

Однако и в самой 2-й венгерской армии не оказалось в январе 1943 года генерала, который взял бы на себя ответственность за самостоятельные действия.

Военный кризис на Восточном фронте зимой 1942/43 года, а также сокрушительное поражение венгерских войск вызвало к жизни на политической сцене Венгрии «движение отхо-

да» от Германии — в направлении сближения с западными союзниками. На установление контактов с ними были направлены старания как правительства Каллаи, так и оппозиции. Однако удавшаяся стабилизация Восточного фронта в конце марта 1943 года дала Гитлеру возможность «присмирить Хорти и потребовать от Венгрии безусловного продолжения участия в войне.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ «Венгерское военное обозрение» — в дальнейшем используется венгерское сокращение: MKSz — 1943, Н. 3, С. 468–483.
- ² Взятие в плен Штомма, Дешё и других подробно описано в воспоминаниях бывшего тогда капитаном-сапером и ставшего впоследствии генерал-майором Венгерской народной армии Даниеля Гёргени: *Görgényi D. Signum Laudis*. Budapest, 1968. S. 284 ff.
- ³ После второй мировой войны Томбор сумел дослужиться до генерал-полковника и был вторым в послевоенное время министром обороны, умер за своим письменным столом 25 июля 1946 г. См.: *Böloni J. Magyarország kormányai*. Budapest, 1978. S. 194, 295, и его краткую биографию в: *Magyar életrajzi lexikon*. Bd. 2. Budapest, 1969. S. 877, где ошибочно утверждается, что он был начальником генерального штаба в Венгерской советской республике.
- ⁴ *Romsics I. Bethlen Istán. Politikai életrajz*. Budapest, 1991. S. 200 f. Цитирована названа в статье Дьюлы Бистрай: *Bisztray G. A «Magyar Szemle»*. Magyar Szemle, 1943, Н. 5. S. 264.
- ⁵ Magyar Szemle, 1943, Н. 1. S. 47.
- ⁶ Magyar Szemle, 1943, Н. 2. S. 98.
- ⁷ Ibid. Н. 3. S. 153.
- ⁸ *Julier F. Ellenforradalmi lélekkel a Vörös Hadsereg lélen*. Budapest, 1927. Краткую биографию см.: *Magyar életrajzi lexikon*. Bd. 1. Budapest, 1969. S. 828.
- ⁹ *Julier F. Néhány gondolat a hadi évfordulóra* — Magyar Szemle, 1943, Н. 1, S. 175–181.
- ¹⁰ *Julier F. A szovjet offenzíva* — Magyar Szemle, 1943, Н. 4, S. 175–181, зд. S. 175 f., 178 f., 181.
- ¹¹ MKSz, 1943, Н. 1. S. 202.
- ¹² *Molnár K. A hadiesemények összefoglaló helyzetképe 1943 január közepéig*. MKSz, 1943, Н. 2. S. 228–233, здесь S. 228 f., 232.
- ¹³ MKSz, 1943, Н. 3. S. 661.
- ¹⁴ О важнейших моментах военной карьеры Сомбатхейи см.: *Szakály S. Ellenforradalmi Magyarország (1919–1944) hadseregének felső vezetésének hadtörténelmi közlemények*, 1984, Н. 3, S. 590 f. О его назначении начальником генерального штаба см.: *Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg*. Bd. 4. Stuttgart, 1983. S. 890 f. (глава Ферстера).
- ¹⁵ В литературе датой доклада считается 5 октября 1942 г. Это неверно: в документе имеется собственноручная пометка Сомбатхейи, сделанная

красным карандашом: «В основном доложено на заседании ЛХТ 8.10». ЛХТ — венгерское сокращение Высшего совета обороны (*Legfelsőbb Honvédelmi Tanács*), в состав которого во время войны входили регент, члены Совета министров и начальник генерального штаба, а также генеральный секретарь в ранге генерала.

¹⁶ Тот содержащий более 40 страниц документ с различными, частью сделанными от руки исправлениями и дополнениями находится в Будапештском военном архиве — Документация генштаба за 1942 г., без номера, папка 242.

¹⁷ Письмо Сомбатхейи по итогам его поездки на Восточный фронт от 13.09.42 опубликовано Миклошем Хорватом в: *A 2. magyar hadsereg megsemmisülése a Donnál*. Budapest, 1959. S. 91 ff.

¹⁸ Такая фактическое положение дела, я считаю для себя необходимым опровергнуть утверждение Иштвана Немешкюрти, содержащееся в его изданной двумя изданиями книге (на венгерском языке: *Nemeskürty I. Requiem egy hadseregűrt*. Budapest, 1972; на немецком языке: *Nemeskürty I. Untergang einer Armee*. Berlin (Ost), 1976). На с. 43 немецкого издания мы читаем, что Сомбатхейи еще 5 октября 1942 года в выступлении перед венгерским генералитетом по-деловому, хладнокровно и точно изложил, «что немцы проиграли войну». Во-первых, как мы уже знаем, выступал он не 5 октября, а 8 октября, и, во-вторых, выступал не перед венгерским генералитетом, а перед ЛХТ. Но главное заключается в том, что ни в 1942 году, ни позднее Сомбатхейи не говорил, «что немцы проиграли войну». В подкрепление своего утверждения Немешкюрти приводит цитату из выступления Сомбатхейи, где речь идет о «затягивании войны». Во-первых, затягивать — это не значит проиграть, и, во-вторых, эта цитата относится к более позднему докладу Сомбатхейи, с которым тот выступил 4 сентября 1943 года!

¹⁹ *A m. kir. honvéd vezérkar főnökének előadása a vezetésstről az 1942. XII. 14–15-i tábornoki s vezérkari megbeszélésen*. Доклад отпечатан типографским способом с грифом на титульном листе: «Доверительно! Для Вашего личного пользования!» Здесь ссылки на с. 8, 18, 30.

²⁰ Доклад для ЛХТ, л. 1–15 — Военный архив в Будапеште, Документы генштаба за 1943 года, без номера, папка 300.

²¹ *Emlékirat az L.H.T. rőszére a balkáni megszállás körüli problémákról*. (Памятная записка для ЛХТ о проблемах оккупации Балкан.) Это название не совсем точно. В тексте содержатся предложение и точка зрения Сомбатхейи по поводу венгерского участия в оккупации Балкан, но в этом документе объемом в 31 страницу (Военный архив в Будапеште, папка 300) подробно рассматриваются и другие проблемы. Выдержки из этого меморандума опубликованы на немецком языке — в переводе, порой отличающемся от оригинала, — в кн.: *Aldony-Naredy F.v. Ungarns Armee im Zweiten Weltkrieg*. Neckargemünd, 1971. S. 109 ff.

²² *Kádár G. A Ludovikától Sopronóhidáig*. Budapest, 1978. S. 540 ff. «Людовика» — так называлась венгерская военная академия.

²³ Ibid. S. 561 f.

²⁴ Ibid. S. 634.

²⁵ Военная сводка № 43 — *Pesti Hírlap*, 14 февраля 1943 г., воскресенье.

²⁶ См.: *A 2. Op. cit.* S. 16.

²⁷ Ibid. S. 39.

²⁸ См. прим. 18.

²⁹ Ibid. S. 45.

³⁰ Ibid. S. 102 (венг. изд.).

³¹ Ibid. S. 126 (нем. изд.).

³² Szabó L.B. Az utolsó emberig. Egy csapatparancsnok visszemlékezései a II. mentői harcokra. Budapest, 1988. Ср. донесение немецкого офицера командовании 2-й армии от 1.02.43, опубл. в: Förster J. Stalingrad. Risse und Bündnis 1942/43. Freiburg, 1975. S. 148.

³³ Венгерский коронный совет — это совет министров под председательством регента. Доклад Барты см. в Военном архиве в Будапеште. Документы генштаба за 1942 г., без номера, папка 282.

³⁴ О поездке Вильмоша Надя на фронт см. в его кн.: Nagy V. Végzetes esztendőök 1938–1945. Budapest, O.J. S. 103 ff.

³⁵ См. уже цитировавшийся доклад Сомбатхеи (прим. 16).

³⁶ См. конспект к докладу Сомбатхеи на заседании ЛХТ 16.02.43 об операциях 2-й армии с 12.01. по 15.02.43. — Военный архив в Будапеште. Документы генштаба за 1943 год, без номера, папка 300.

³⁷ См. сохранившиеся страницы его доклада на бумаге синего цвета. Военный архив в Будапеште. Документы генштаба за 1943 год, без номера, папка 300. Газета «Пешти хирлап» называет датой заседания комитета по обороне 13 марта 1943 года.

³⁸ О зондировании венграми возможностей на предмет заключения мира см.: Förster J. Stalingrad; Juhász G. Hungarian Foreign Policy 1919–1945. Budapest, 1979.

Бернд Мартин

ЯПОНИЯ И СТАЛИНГРАД. ПЕРЕОРИЕНТАЦИЯ С СОЮЗА С ГЕРМАНИЕЙ НА «ВЕЛИКУЮ ВОСТОЧНУЮ АЗИЮ»

Восприятие сталинградских событий в Токио и принятые там после немецкой катастрофы на Волге политические и военные решения отличались от тех выводов, которые были сделаны из этого затрагивавшего в принципе все три державы оси поражения как немецкой, так и итальянской стороной¹. Неутешительный финал немецкого продвижения в России, продемонстрированный всему миру мощным контрнаступлением Красной Армии и столь же широкомасштабным отступлением вермахта, ускорил распад «фашистской» военной коалиции. Идеологические и политические разногласия среди государств Тройственного пакта, заглушавшиеся в пору побед, которые они одерживали независимо друг от друга, мощной пропагандистской кампанией, проявляются теперь со все большей настойчивостью и раскрывают истинную суть тех военных целей, которые преследовались каждым из них. Сталинград развел Японию и Германию — двух партнеров, так, впрочем, и не ставших никогда по-настоящему близкими, — в разные стороны, и теперь они пошли, каждая своим путем, к совместному в итоге поражению. В то время как военные действия их противников на Западном и — с момента нападения на Россию — на советском Восточном фронте выгодным образом взаимно дополняли друг друга, совместные действия держав Тройственного пакта взаимно блокировались их различными стратегическими целеустановками. В случае с Японией ее национально-

эгоистические военные устремления в значительной степени углублялись к тому же непреодолимым соперничеством внутри самих вооруженных сил — между армией и флотом.

После потери стратегической инициативы, обозначившейся для Токио уже после первого года войны в результате поражения в морском сражении у атолла Мидуэй (3–7 июня 1942 года) и американского контрнаступления, завершившегося высадкой на Гуадалканал (7 августа 1942 года), Япония подобно гитлеровской Германии, оказывается во власти максималистских идеологических представлений. Несмотря на стратегически крайне неблагоприятную ситуацию, здесь видят теперь главную и единственную цель войны в том, чтобы избранная богами раса ямато принесла в Восточную и Юго-Восточную Азию «свет свободы» и освободила цветные колониальные народы от ига «белого человека». Тем самым Япония продолжает преследовать свою давнюю, преемственную по меньшей мере еще после победы над царской Россией политическую цель и делает ставку на коллаборационизм в оккупированных ею странах, в то время как Гитлер и после Сталинграда по-прежнему придерживается своего максималистского курса войны на уничтожение.

Вследствие олигархической структуры японского руководства и его расслоения на различные, враждовавшие друг с другом господствующие группы — придворные круги, гражданских политиков и выразителей интересов экономики, предводителей армии и флота, — империя Тенно была неспособна проводить единую и целенаправленную внешнюю политику. Антропологический эталон японского общества — маленькая группа со строгой иерархией деревенского типа — и вошедшая на протяжении столетий в плоть и кровь мартиальный моральный кодекс (бусидо)² ощущались как в верхушке вооруженных сил, так и на уровне гражданского правительства и определяли собой все процессы принятия политических и военных решений. И хотя после провозглашения открытости и внутренней реорганизации страны в период мэйдзи (1868–1912 годы) феодализм в Японии был устранен, противоборство внутри руководящих инстанций и между ними принимало зачастую характер схваток феодальных кланов и едва ли было доступно рациональному западному пониманию.

Политическая система императорской Японии оставалась загадкой как для обоих союзников, так и для противников этой страны, что и приводило их к грубейшим просчетам. И

нельзя было сравнивать роль «Сына Неба» с ролью германского кайзера былых времен, равно как и объем власти военного премьера генерала Тодзио не совпадал с властью его европейских коллег-диктаторов — Гитлера и Муссолини. В рамках этого базировавшегося на консенсусе и на — по меньшей мере — гармонии политического строя с идеализированным представлением о Японии как о большой семье, сплотившейся вокруг богоподобного императора, не могло быть места ни для всесильного диктатора, ни для властителя, играющего активную роль в формировании политики страны. Неизбежным условием для принятия любого политического и военного решения было соглашение власти имущих между собой, что при различии их интересов либо достигалось лишь в результате трудных, продолжительных переговоров, либо не достигалось вовсе. Те группы, в чьих руках была власть во время войны на Тихом океане, — армия, флот, гражданские и придворные круги, — весьма резко, да и то как правило с опозданием, приходили к единому и однозначному в политическом плане волеизъявлению, хотя все эти три группы институционально объединялись связывавшими их друг с другом советами — Координационным советом действий правительственной и Ставки и императорскими конференциями. Процесс принятия решений в тогдашней Японии, весьма неоперативный, а зачастую даже и противоречивый и в пору ее громких военных побед 1942 года, на оборонительном этапе войны еще более сдерживался архаичным кодексом воина-самурая, запрещавшим отступать и тем более капитулировать. Японский солдат воспитывался общественными нормами поведения и военными уставами в духе готовности умереть героем, а когда ему грозил плен, то он, как правило, предпочитал покончить с собой.

При такого рода политической структуре империи Тенно, характерным образом отличной от Запада и имевшей совсем иную шкалу ценностей, и события вокруг Сталинграда, оцененные повсюду на Западе как катастрофа, должны были восприниматься в Японии тоже по-другому. В соответствии со своей военной этикой офицеры японской армии видели в «героическом сопротивлении» 6-й армии и верности ее командующего фюрера скорее силу, нежели слабость вызывавшего у них восхищения немецкого союзника. Не побуждало в императорской армии к критическим размышлениям и большое количество жертв, поскольку японских солдат всегда бросали в бой, невзи-

рая ни на какие потери. Так было, к примеру, в 1904–1905 году в Порт-Артуре и под Мукденом; не считались с жертвами и теперь, когда дело дошло до оборонительных боев на тихоокеанских островах. Воздействие немецкого поражения на дальнейшее развитие военной ситуации в Европе и последствия этого поражения в плане международной политической обстановки, которые неизбежно должны были привести к переходу стратегической инициативы от держав оси к их противникам, в Токио либо просто не были осознаны, либо — в интересах сохранения ничем не омрачаемой гармонии в рамках союза — не были признаны там к сведению. И хотя отдельные, не обладавшие, правда, собственным весом группировки в военной среде начинают теперь реалистично оценивать боевую силу союзников, даже дипломатия приступает уже к постепенной перемене курса. Японские правительственные круги делают выводы из немецко-итальянской катастрофы лишь на Координационном совещании 25 сентября 1943 года, когда они и отворачиваются от своих союзников.

Этот отход от союза с обеими «фашистскими» державами, одна из которых — Италия — успела уже к тому времени капитулировать, нельзя, однако, ставить в вину одному лишь некомпетентному, по западным меркам, японскому руководству — куда большая вина в этом лежит на нечестном поведении и противоречивой политике национал-социалистического руководства. По причине своей идеологической закоренелости Гитлер никогда не рассматривал «желтых» японцев в качестве равноправных союзников, а в лучшем случае видел в Японии лишь важного статиста на дальневосточной сцене. Державы оси, которых свел вместе на антисоветской основе Антикоминтерновский пакт 1936–1937 годов, сами и разрушили этот союз вследствие их различного отношения к Советскому Союзу. Нападение немцев на Россию повлекло за собой несовместимость их стратегических целеустановок: у Германии это были война на суше и территориальные завоевания на востоке, а у Японии — прорыв морским путем к прибрежным ее ресурсам юга. Германо-японский союз был уже обесценен боевыми действиями в России еще до того, как прошел через Пёрл-Харбор, и наконец прекратился де-факто в результате Сталинграда.

1. РАЗНЫЙ ПРОТИВНИК — РАЗНАЯ СТРАТЕГИЯ: КРАХ ГЕРМАНО-ЯПОНСКОГО ВОЕННОГО АЛЬЯНСА И РАЗНООЦЕНКА ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ В 1941–1942 ГОДАХ

Национал-социалистическое руководство еще до своего прихода к власти в 1933 году считало Японию дальневосточным союзником. Гитлер с восхищением отзывался о военных доблестях японцев и своим определением «несущие культуру» отводил им — единственной цветной расе — особое место³. Политика пересмотра границ империи, вылившаяся в захват Маньчжурии, впервые поколебавший заложенный в Версале послевоенный порядок, и целеустремленное преодоление Японией всемирного экономического кризиса путем наращивания военного производства вызывали безраздельное одобрение Гитлера и его ближайшего окружения. Безоговорочно антикоммунистическая ориентация японской армии и ее упорное стремление закрепиться в Маньчжурии делали Японию идеальным партнером для альянса, который был бы направлен против Советского Союза с прицелом на то, чтобы, как говорил в 1933 году германский посол в Токио, «встроить тормоз в тыльную часть русского парового катка»⁴. Однако быстрому сближению тут препятствовали с немецкой стороны ее экономические и военные интересы в Китае, что выражалось в большом числе немецких советников у Чан Кайши, а с японской — предубеждения в командовании флотом и в промышленности, которые все еще ориентировались главным образом на западные державы, а также опасения традиционных, преимущественно придворных кругов по поводу появления в Японии фашизма европейского образца.

Горячим сторонником альянса с Германией выступала японская армия, когда-то, еще во времена мэйдзи, реорганизованная по прусско-германскому образцу. В то же время другие группировки власти имущих относились к развязанной армией пропагандистской кампании, направленной на уничтожение большевизма, отрицательно — в сибирских просторах трудно было рассчитывать на немедленную добычу сырья, в котором так нуждалась японская промышленность. И подписанный сначала лишь Японией и Германией в ноябре 1936 года Антикоминтерновский пакт — Италия присоединилась к нему в ноябре 1937 года — был эрзац-решением, не устраивавшим ни японскую армию, ни немецкую сторону, оставаясь чисто декларативным заявлением о грядущем сотрудничестве.

Даже после элиминирования прокитайских сил в Германии новому национал-социалистическому министру иностранных дел Риббентропу не удастся сколотить на антикоммунистической основе большой альянс трех стремящихся к пересмотру границ держав. И хотя вопрос о союзе с Германией и Италией стоит в центре всей японской внешней политики и становится для островной империи, которая начиная с июля 1937 года из-за своих военных действий в Китае оказывается все в большей изоляции, все насущнее, он по-прежнему не находит там необходимой раздельной поддержки — в первую очередь из-за позиции флота. Заключенные Германией военный союз с Италией («Сталинский пакт» от 23 мая 1939 года) и пакт о ненападении с Советским Союзом (23 августа 1939 года) явились, с точки зрения германского правительства, лишь вынужденными решениями, вызванными отказом японской стороны пойти на политический союз во всемирном масштабе. И хотя Гитлер — в противоположность своему министру иностранных дел — тайно считал соглашение со Сталиным временным, этот договор лишил Германию возможности какого-либо взаимопонимания с Японией. Обманутой своим немецким идеалом почувствовала себя прежде всего армия, да к тому же и случилось-то это в тот момент, когда японские части в Маньчжурии были втянуты в кровопролитные пограничные бои с Красной Армией под Халхин-Голом. Эти первые, хотя и локальные поражения войск империи Тэнно и не подававшийся разрешению конфликт с Китаем вели к постепенному отходу армии от антикоммунистической стратегии, нацеленной на север, и к повороту направления главного удара на юг, на чем единодушно настаивали представители флота и экономики.

Такой переориентации японской армии в немалой степени способствовали Гитлер, министерство иностранных дел в Берлине, да и сами немецкие военные; при этом ими преследовалась такая цель — вовлечь островную империю в союз, который был бы направлен в первую очередь против британских притязаний на мировое господство и к которому, по мысли Риббентропа, должен был бы присоединиться и Советский Союз. Идея евро-азиатского блока, нацеленного против западных держав, захватила мечтавших о создании великого автаркического государства японцев. Когда же пала Франция, то во всех ведущих японских кругах созрело единое убеждение, что именно под патронатом доносный германский рейх и есть тот идеальный союзник, чья помощью они надежно сумеют защитить будущую сферу

сферы господства от любых попыток вмешательства со стороны западных держав. На усиленное же обхаживание японцев Берлином Гитлер пойдет только тогда, когда провалится его замысел примирения с Англией на основе раздела мира «белым человеком». Японский союз с арийскими по крови англичанами всегда ставился Гитлером выше, нежели расовый мезальянс с японцами. Заключенный в итоге 27 сентября 1940 года Тройственный пакт объединил эти три фашистские и нацеленные на передел мира державы в союзе, направленном исключительно против западных держав, и прежде всего против нейтральных Соединенных Штатов. Однако и этот договор остался импровизированным, лишенным конкретного содержания соглашением. Каких-либо переговоров относительно совместных внешнеполитических действий или военных планов в рамках союза не велось вплоть до нападения японцев на Пёрл-Харбор. Свой же полный поворот против западных держав Япония в конце концов зафиксировала своим подписанием в апреле 1941 года договора о нейтралитете со своим смертельным идеологическим врагом — Советским Союзом. Тем самым островная империя проделывала поворот в сторону переориентации на германскую внешнюю политику лета 1939 года в то время, когда вермахт уже занимал исходные позиции для нападения на Россию.

Информация о предстоящем немецком походе на Восток, целенаправленно поступавшая в Токио из Берлина⁵, тревожит японское руководство и, надо полагать, вследствие противоречивости поведения различных немецких инстанций заставляет его сомневаться — в контексте возможного японского участия в войне — в надежности партнера. Гитлер официально проинформировал японцев о своем намерении, но, что касается их участия в этой войне, то тут он подчеркнул, что предоставляет Токио полную свободу выбора. А вот министр иностранных дел Риббентроп, вчера еще выступавший горячим сторонником концепции евро-азиатского блока, теперь не менее усердно ратует за одновременное с немецким нападение японцев на Восточную Сибирь. То, что министр иностранных дел придерживается по столь судьбоносному вопросу совсем иной позиции, нежели глава правительства, диктатор, — и будет придерживаться ее и дальше, пока наконец в январе 1943 года не наступит перемена в позиции самого Гитлера, — чрезвычайно поражает японцев, хотя они и привыкли у себя и к интригам, и к борьбе групп, равно как и к своевольным действиям своих дипломатов. Вплоть до катастрофы под Сталинградом у Берлина не

было ясного взгляда на то, должна ли Япония вступить в войну с Советским Союзом. Если Гитлер отказывался от совместного похода с «желтыми» японцами по причинам расового характера, не желая делить с ними победу «расы белых господ», то свободный от идеологических шор Риббентроп стоял на прагматической позиции совместных действий, имевших, несомненно, летом 1941 года максимальные перспективы на успех.

Одно из наиболее судьбоносных для всего хода второй мировой войны решений было принято на императорской конференции 2 июля 1941 года⁶, когда вопреки настояниям министра иностранных дел Мацуоки было решено отложить нападение на Советский Союз и начать вместо этого военный захват Южного Индокитая. Воюя только на одном фронте, Советский Союз сумел устоять перед немцами; а вот германо-японского союза с двух сторон коммунизм бы не выдержал и рухнул бы еще в 1941 году, за пятьдесят лет до своего печального конца. В результате такой совместной победы держав оси Соединенные Штаты оказались бы, вероятно, надолго изолированными на Американском континенте, а Великобритания перестала бы существовать как фактор мощи. Но вместо этого японцы вступили в прямую конфронтацию с западными державами в Юго-восточной Азии. Введенное американцами тотальное эмбарго, которому присоединились и другие западные державы, означало не что иное, как завуалированное объявление войны. Японцы выявили различные направления ударов у всех стран-участниц Тройственного пакта. Япония однозначно выступила против западных держав, обезопасив свой тыл — протяженную границу с Советским Союзом, в то время как германский военный махт считал своим абсолютным приоритетом войну в России. Театры военных действий — европейско-североафриканский и китайский — существовали уже каждый сам по себе еще до того, как нападением Японии на Пёрл-Харбор началась мировая война. А вот с этого момента привести их к единому знаменателю окажется не под силу ни военными, ни политическими средствами.

Казалось, что политическое решение вопроса о ведении войны на Востоке давало наиболее благоприятную возможность восстановить линии связи между сферами господства обеих держав и вновь наладить товарооборот, в котором нуждались обе милитаризованные экономики — восточная Азия в обмен на немецкую технологию. Самые разнородные группировки в эшелонах власти Японии, заинтересованные

были в преодолении ее изоляции и сосредоточении объединенного потенциала сил исключительно против западных держав, с таким единодушием рекомендовали немцам заключить мир на Востоке и предлагали в этих целях свои посреднические услуги. Отказавшись от нападения на советский Дальний Восток в 1941 году, представители японской армии перешли теперь именно к такой концепции и впервые изложили ее немцам в начале октября 1941 года. Надо полагать, эти предложения с той же степенью настойчивости повторялись японской стороной в течение всего времени сохранения военного союза, однако они не находили отклика в Берлине — в первую очередь потому, что Гитлер хотел слышать Гитлер. Явная несовместимость политических и военных целеустремлений стран-участниц Тройственного пакта была очевидной и осталась непреодоленной и в пору создания военного альянса.

Хотя в 1942 году — на первом году совместного ведения войны — вполне имелись шансы путем комбинированных или хотя бы согласованных акций улучшить ситуацию для держав оси, эти шансы так и остались неиспользованными. Доктринерская непоколебимость Гитлера категориями войны на Восточном фронте, в значительной мере разделявшаяся и немецкими военными, равно как и граничившая с манией односторонняя ориентированность всех боевых действий Японии на войну с американцами на Тихом океане, были помехами на пути любой формы совместного ведения войны. Разграничение зон операций обеих сторон по 70-му градусу восточной долготы, как это было зафиксировано договором от 18 января 1942 года⁷, отвечало истинным стремлениям обоих главных партнеров по союзу, Японии и Германии, консолидировать сферы своего господства, а одновременно и исключить какие-либо накладки и попытки политического вмешательства со стороны одного из союзников. Таким образом, с самого начала на совместное ведение войны было наложено строгое ограничение и переход этой демаркационной линии даже в плане посылки на помощь крейсеров или совместных политических акций, направленных на освобождение расположенной географически в японской сфере Индии, наталкивался на непреодолимые трудности.

Пока не была налажена прямая связь между Германией и Японией — через разгромленную совместными усилиями либо принужденную политическими средствами к заключению мира Россию, — наиболее перспективным военным предприятием была бы совместная морская операция по двустороннему охва-

ту британских позиций на Ближнем Востоке: это дало бы возможность наладить сообщение между обеими странами через Индийский океан. Но, опьяненное неожиданными крупными победами, японское руководство оказалось не в состоянии пойти на стратегические договоренности и вместо этого поупотребляло свой потенциал в компромиссных решениях. Свою очередь и немецкие военные — как флот, так и Верховное командование вермахта — не могли вразумительно ответить на вопрос, когда возобновится в 1942 году немецкое наступление в Советском Союзе и когда можно будет рассчитывать на наступление Африканского корпуса на британские позиции подступах к Суэцкому каналу.

Прорыв в начале апреля 1942 года без предварительного оповещения немцев мощных японских военно-морских соединений в Индийский океан вызвал у западных держав наступившую панику. Однако, продемонстрировав свою силу, но не принеся пользы другу и не нанеся урона врагу, эти соединения вновь ушли из Индийского океана, поскольку они понадобились для десантных операций в Новой Гвинее (Порт-Морсби) для планировавшегося прорыва к атоллу Мидуэй. Но в обеих этих операциях императорским флотом была утрачена стратегическая инициатива, в результате чего начиная с июня, после поражения в битве авианосцев близ атолла Мидуэй, он был уже не в состоянии проводить какие-либо крупномасштабные операции в Индийском океане с целью соединения с немцами, если после падения Тобрука (21 июня) и перехода немцами египетской границы (Эль-Аламейн), а также прорыва немецких войск на Кавказ британские позиции на Ближнем Востоке и в Индии оказались под серьезной угрозой, то теперь японцы были уже не в состоянии поддерживать немцев своими боевыми действиями.

Шанс совместного ведения войны был упущен, вместо военных решений теперь, с точки зрения Токио, оставались только политические. Однако и освобождение Индии, где в августе 1942 года вспыхнули самые крупные в колониальной истории этого субконтинента волнения, и посредничество германо-русской войне сорвались из-за несовместимости интересов сторон. Фаза возможного активного военного альянса между государствами Тройственного пакта закончилась еще того, как это осознали в Токио и Берлине. С точки зрения Японии, для усиления ее политической кооперации с европейскими союзниками теперь было необходимо, чтобы те, пересм

тив свою оккупационную политику и прекратив изматывающую войну на Востоке, образовали единый с нею фронт против западных держав. И Сталинград послужит для этой японской стратегии, проводившейся примерно с осени 1942 года, только окончательным подтверждением, после чего дело дойдет — из-за отсутствия у Гитлера готовности сделать адекватные политические выводы — до того, что японцы отвернутся в своей политике от своих европейских союзников.

2. СТАЛИНГРАД: ПОДТВЕРЖДЕНИЕ В ПОЛЬЗУ АНТИЗАПАДНОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ ЯПОНСКИХ ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

Когда группа армий «Б» захватила Калач и Ростов, в Токио сразу же раз заседая Координационный совет (25 июля 1942 года). Он отклонил очередное предложение германского министра иностранных дел относительно участия Японии в войне с почти окончательно разбитым Советским Союзом. Вместо этого было решено было предпринять еще одну попытку по посредничеству между немцами и русскими, но на этот раз — из-за твердой позиции Гитлера — уже не в Берлине, а в Москве. Японскому послу было поручено отправиться из Куйбышева, куда он был эвакуирован весь дипломатический корпус, в Москву к Молотову и прозондировать почву для посреднической акции, которую он и сделал, но, по всей видимости, без особого успеха. И в какой степени японские демарши такого рода сыграли свою роль в том, что в декабре 1942 года русская сторона вступила в прямой контакт с немцами в Стокгольме⁸, пока еще сказать трудно. Во всяком случае, советское правительство — и в первую очередь Сталин с его глубочайшим недоверием к Великобритании, — надо полагать, думало, что японцы действуют по немецкой указке, и предпочло тут путь прямых переговоров. Вероятно, германское и внешнеполитическое ведомство в лице министра Риббентропа и его статс-секретаря Вайцзеккера по отношению к окружению немецких войск под Сталинградом теперь уже не было столь безоговорочно отрицательно настроено в отношении идеи политического решения в войне на Востоке.

Однако сначала была организована поездка на Восточный фронт японского посла в Берлине Осимы с целью продемонстрировать ему успехи немецкого наступления на юге России, дабы он в своем донесении в Токио расхвалил их и, может быть,

добился тем самым изменения тамошних настроений. Дирмат в генеральском мундире и впрямь не поспешил в своем отчете на похвалы и уверял, что немцы вот-вот захватят Кавказ, но его токийское начальство ему не очень-то поверило и начало форсировать план направления в Германию специальной делегации, которая должна была бы добиться наконец согласия в вопросе об общем немецком потенциале и о ближайших стратегических планах союзника. Однако Гитлер под каким-либо предлогом отказался принять эту миссию — вероятно, он и раньше основательно опасался японского предложения по посредничеству и хотел подождать сначала итогов наступления. Ведь даже генерал Осима, бывший горячим сторонником японо-германского братства по оружию, и тот, кажется, подумывал о политических альтернативах немецкой политике уничтожения, чем свидетельствовали его критические замечания по поводу немецкой восточной оккупационной политики, высказанные им в германском МИД.

Анализ международной обстановки, данный тремя Координационными советами в начале ноября, еще до высадки союзников в Северной Африке, был выдержан в основном в оптимистических тонах. Хотя руководители правительства и военачальники вновь высказывались за скорейший сепаратный мир между Германией и Россией, они все же верили в возобновление успеха, хлебнувшегося к тому времени немецкого наступления на Кавказе в 1943 году. Военный потенциал союзников был оценен как вполне достаточный, а власть Гитлера — как непоколебимая. Даже отношения между Германией и Италией были признаны стабильными, ибо, как было сказано, определялись все еще сохранявшейся дружбой обоих диктаторов.

И только когда западные союзники станут одерживать победу за победой в Северной Африке, начнет возрастать и тревога японцев. Ведь и высадка американцев в Северной Африке, начатое одновременно с этим наступление американских танковых частей на Гуадалканале свидетельствовали о том, что США вполне способны к ведению глобальной войны. Поэтому японские военные представители, несмотря на происшедшее к тому времени окружение 6-й армии, советовали Верховному командованию вермахта сконцентрировать действия немецкой войска в районе Средиземноморья. Судя по всему, и начальник штаба Оперативного руководства вермахта генерал Йодль старался представить события на Восточном фронте как временную неудачу, и это тоже в значительной мере утверждало

японцев в их нежелании вступать в войну против Советского Союза⁹. И все патетические речи по случаю первой годовщины вступления в войну военного союза не могли скрыть того факта, что после года разгромных боевых действий и Германия, и Япония вынуждены были теперь отступить. Японский министр иностранных дел заявил, что борьба молодых народов за новый мир, построенный на представлении об этических и моральных ценностях, еще не кончилась, а премьер-министр Тодзио публично признал, что в свете практических действий завоевателей говорить, будто таковая борьба уже идет, значило бы просто исказить факты — и это была оценка великой борьбы союзников в целом.

Очевидно, вопреки всему показному оптимизму Токио и Берлина по поводу совместного ведения войны, пути партнеров по союзу расходились все дальше. А поскольку теперь уже и итальянцы — и причем не кто иной, как сам дуче, — включились в единый с японцами хор и стали требовать окончания войны на Востоке, Гитлер был вынужден сказать свое веское слово. Хотя советское наступление уже сорвало к тому времени попытку немцев деблокировать Сталинград и привело к разгрому 6-й и итальянской армии, Гитлер категорически продолжал отказываться искать на Востоке пути к миру. Восточная проблема требует чисто военного решения, — таким был его ответ итальянскому министру иностранных дел, а заодно и японцам. А в Токио между тем правительственные круги начали потихоньку пересматривать свою политику в отношении Китая; чтобы маршалоначальство Ван Цзинвэя в Нанкине смогло обрести более прочную опору, японцы вывели свои соединения из Маньчжурии и Северного Китая, направив их на Тихоокеанский театр военных действий, и приняли, наконец 31 декабря 1942 года решение об эвакуации с Гуадалканала — одного из Соломоновых островов, ожесточенное сражение за который началось еще в августе.

В то время как 6-я армия гибла в Сталинграде, сохранявшее свое единодушие японское руководство вновь попыталось побудить Гитлера к заключению мира с Россией. Координационный совет поручил послу Осиме добиться аудиенции у фюрера и изложить это предложение на самом высоком уровне. Об отсутствии у Гитлера интереса к ведению войны совместно с наиболее сильной из стран-союзниц говорит, в частности, и тот факт, что он более года не встречался с представителем империи Тенно лично, а отдал ведение всех переговоров на откуп министру иностранных дел. Когда же наконец по настойчивому пожела-

нию японской стороны такая беседа все же состоялась 21 января 1943 года, Гитлер впервые в самой категорической форме требовал от японцев, чтобы они напали на Советский Союз. По-видимому, перед лицом немецкой катастрофы на Восточном фронте фюрер был вынужден поступиться своими расистскими предубеждениями насчет военного участия «желтых» юзников в «судьбоносной борьбе Запада». Чтобы привлечь свою сторону японский флот, Гитлер делает широкий жест: передает ему в подарок две новейшие немецкие подводные лодки. Одновременно он категорически выразил свое нежелание идти на какой-либо политический компромисс на Востоке, хотя посол не только передал в Токио аргументы Гитлера, но со своей стороны горячо поддержал их, рассчитывая на то, что оттуда последует согласие, не приходилось — Япония ответила отказом, о чем Осима и сообщил в Берлин 6 марта.

В Токио росло недовольство донесениями своего посла ставшего, как там казалось, в большей степени рупором Гитлера и Риббентропа, нежели выразителем японских интересов. Поскольку на состоявшемся после капитуляции Сталинграда совещании в японском МИД международному положению была дана самая что ни на есть пессимистическая оценка и перспективу мрачного будущего подтвердило донесение японского военного атташе о его встрече в Риме, необходимо было наконец отправить в Германию специальную комиссию с целью полного прояснения позиций обоих союзников. 20 февраля 1943 года Координационный совет единодушно принимает решение о немедленной посылке военной делегации, которая должна будет объяснить послам в Риме и Берлине позицию Японии и при встречах с правительствами стран-союзниц стоять на координации всех боевых действий, которые должны быть направлены против западных держав. Негласно же такая переориентация сил подразумевала сепаратный мир между Германией и Россией. И эта делегация действительно выезжает 1 марта из Токио, получив перед этим нежданно-негаданно транзитную визу через Советский Союз, и окольным путем через Турцию, прибывает 13 апреля 1943 года в Берлин.

В составленной императорской Ставкой, т.е. объединенными штабами армии и флота, в конце февраля 1943 года «Оценки международного положения»¹⁰ Сталинград не упоминается ни разу; в ней говорится лишь о том, что «операция на Кавказе в течение года столкнется с трудностями». Такому замалчиванию столь крупного немецкого поражения, о котором было

известно, разумеется, и в Японии, можно дать два объяснения. Во-первых, японская военная верхушка, имея уже на счету свои собственные поражения, хотела нарисовать оптимистичную картину ситуации в целом, чтобы воспрепятствовать какому-либо вмешательству гражданских правительственных кругов на предмет коренного пересмотра всей оккупационной политики. Во-вторых, можно предположить — и в пользу такого предположения говорит заключительная фраза этого документа¹¹, — что при характерном для японских инстанций медленном процессе принятия решений, шедших снизу вверх¹², Сталинград оказался моментом непредусмотренным, который наступил настолько быстро, что уже никак не мог быть учтен после мучительно выработывавшегося компромисса. По причине своих заранее заданных менталитетных и структурных диспозиций японские анализы обстановки составлялись зачастую в форме нечетких эвфемизмов и нередко отставали от фактического развития событий. В свою очередь и немецкая сторона не понимала истинных причин нечеткого, туманного характера японских формулировок и растолковывала их как целенаправленную хитрость. Не скрывал своей злости на непредсказуемого партнера и сам Гитлер: «Они врут, не стесняясь, прямо тебе в глаза, и все, о чем они говорят, построено на том, что оказывается потом обманом»¹³.

Но после катастрофы под Сталинградом и немецкие военные и политики тоже стали пользоваться таким лексиконом, который уже далеко не адекватно отражал истинную ситуацию, а был скорее некой формой повышенного самовнушения, чтобы компенсировать утрату чувства реальности. Отныне и новый посол Германии в Токио Генрих Штамер, бывший убежденным нацистом, и его министр в Берлине не скупятся в своих беседах с японцами на трескучие фразы об уверенности в окончательной победе, дабы восстановить пошатнувшуюся, как они видели, веру последних в немецкую мощь. Да и высшие немецкие военные чины в своих беседах с союзниками тоже все в большей степени выдают желаемое за действительное. На встрече с японскими офицерами, посетившими Ставку фюрера 18 апреля 1943 года, генерал Йодль, докладывая об обстановке, воспринимает их преимущественно показухой. По его словам, в настоящее время происходит «целесообразное сокращение протяженности Восточного фронта», а «6-я армия быстрыми темпами формируется заново»¹⁴. Поскольку Йодль уверял, что «наступление противника имело место только на участках фронта,

удерживавшихся союзниками», получалось, что вся вина за поражение ложится на румын, итальянцев и венгров, а относительно немецкие войска, которые, по-видимому, вообще не входили в соприкосновение с противником.

С японской точки зрения Сталинградская битва, в любом случае, проходила не на главном театре военных действий. К этому ее исход не обеспокоил ни гражданские, ни военные власти в Токио, а только лишней раз убедил их во мнении, что приоритет следует отдавать войне с западными державами, а эту изнурительную войну в России пора кончать. Чтобы компенсировать политически собственные поражения в юго-западном районе Тихого океана, премьер-министр Тодзио произнес в программной речи в имперском парламенте начало новой азиатской политики. Китай будет рассматриваться теперь как суверенная и равноправная страна — союзница Японии. Филиппины, Бирма и Индия должны будут обрести независимость в 1943 году. Советский Союз в речи главы правительства не был упомянут вовсе, но в ней явно прослеживалось стремление к смягчению напряженности в отношениях с азиатским коммунистическим соседом. В Берлине внимательно следил за всеми этими процессами, совершенно правильно истолковав их как осторожную переориентацию японской политики. Но только с приходом в Токио на пост министра иностранных дел опытного профессионального дипломата Сигемицу (15 сентября 1943 года) обозначился тот поворот, что имел в итоге своей целью отход Японии от Германии — теперь это стало ясно друзьям, и врагам.

3. ВОЗДЕЙСТВИЕ НЕМЕЦКОГО ПОРАЖЕНИЯ: ПОВОРОТ ЯПОНИИ В СТОРОНУ АЗИИ

Новый японский министр иностранных дел, прежде всего, положил начало новому внешнеполитическому курсу, начал, вероятно, предпринять последнюю попытку разобраться в намерениях Гитлера. В то время как японскому послу в Берлине было дано поручение встретиться с Риббентропом, Сигемицу принял немецкого представителя в Токио. Высказанные им аргументы были однозначны и выражали мнение правящих кругов Японии: германский рейх должен либо прекратить изматывающую войну на Восточном фронте, либо крайней мере коренным образом изменить свою оккупационную политику. Немцам следует попытаться сделать то,

... с успехом практикуется японцами в Юго-Восточной Азии, а именно: содействовать национальным устремлениям народов, т.е. оказывать поддержку народам, угнетаемым коммунизмом. Поскольку и Штамер, и Риббентроп остались глухи к этим предложениям — причем немецкий министр сразу же указал на то, что лучшим средством для достижения мира на Востоке будет успешное наступление немцев, — Координационный совет решил, чтобы посол по особым поручениям Камомото вместе с Осимой посетил Гитлера и добился откровенного разговора с ним. Надо было уговорить германского фюрера бросить все силы против англичан и американцев, а на Восточном фронте — заключить мир. Ради подстраховки министр иностранных дел Сигемицу высказал эти переданные Камомото директивы в виде японских пожеланий и германскому послу. Однако Штамер был, по всей видимости, настолько уверен в конечной победе держав оси, что даже не сообщил Берлину о предложении Японии выступить в роли посредника в войне на Восточном фронте.

Падение Туниса и капитуляция почти 240 000 итальянских и немецких солдат 12–13 мая 1943 года были оценены японской стороной как «серьезная потеря»¹⁵ — более крупная, нежели случившийся почти за три месяца до того разгром 6-й армии в Сталинграде. На фоне этого нового ухудшения позиций держав оси общей военной обстановки германский министр иностранных дел не нашел ничего лучшего, как вновь — правда, теперь уже в последний раз — обратиться к Токио с требованием о немедленном вторжении японцев, ради оказания помощи союзникам, в Сибирь. В заключение своего послания Риббентроп писал, «что в неожиданном успешном падении Японии на Советскую Россию скрыт, может быть, великий шанс для дальнейших военных действий стран-участниц Тройственного пакта»¹⁶. Возможно, конечно, что такой локальный победный поход японцев на русское Приморье компенсировал бы на какое-то время военные неудачи держав оси, но этот отвлекающий маневр едва ли был бы в силах — в долговременной перспективе — помешать дальнейшим успехам антигитлеровской коалиции. На беседе по этому поводу в МИД Сигемицу осведомился у германского посла, «бросим ли мы теперь, после ухода из Африки, все силы на окончательный разгром России»¹⁷. Кроме того, глава японского внешнеполитического ведомства с похвалой отозвался о немецкой пропагандистской кампании по поводу Катюши и по-

рекомендовал использовать эту благоприятную возможность для воссоздания в новой форме польского государства, которое было бы дружественным Германии. Поскольку эта рекомендация содержала, по сути, неприкрытую критику немецкой политики в Польше, в Берлине этот демарш просто проигнорировали.

После бесконечного просиживания стульев в берлинских приемных и поездки на стабилизировавшийся к тому времени Восточный фронт специальная японская делегация во главе Окамото и при участии посла была наконец 19 мая удостоена аудиенции у Риббентропа. В присутствии посла по особым поручениям заговорил теперь прямым языком и Осима. Проведение операции в России одновременно со сражениями в южной и западной части Тихого океана, сказал он, невозможно. Германии следовало бы, коль скоро она не хочет заключать мир на Востоке, по крайней мере отказаться там от крупномасштабных наступательных операций и перебросить задействованные в них соединения против англичан и американцев в качестве обходного маневра, а также в целях высвобождения большего количества немецких войск с Востока, Осима вновь предложил развернуть пропагандистскую кампанию по привлечению на свою сторону восточных народов и недвусмысленно сослался на японские успехи в этом плане в Юго-Восточной Азии. Риббентроп, со своей стороны, отклонил такое сравнение, заявив, что коммунизм привлечь на свою сторону невозможно, его можно только уничтожить, и стал убеждать японцев — в полном соответствии со взглядами Гитлера — в необходимости нового немецкого наступления на Восточном фронте. Выполнение пожелания японского эмиссара о встрече с Гитлером немецкой стороной всячески затягивалось — в Берлине ждали результата давно уже запланированного для него наступления под Курском.

Еще до приема у Гитлера и до явного краха операции «Итадагель» Окамото направил в Токио доклад с трезвым анализом того, как складывается военная ситуация для немцев. Окамото отметил, что национальная мощь Германии не столь уж велика, как думают о ней в Японии, и в косвенной форме раскритиковал не критические донесения Осимы, которые в японском МИД и без того уже называли «мальчиком на высылках у Риббентропа». В своем докладе посол по особым поручениям указал также на дефицит людских ресурсов, недостаточную производительность промышленности и на нуж-

д японцев в нефти и бензине. Этот анализ обстановки был полностью подтвержден затем крахом немецких наступательных операций.

Императорская конференция единодушно одобрила «новую азиатскую политику» нового министра иностранных дел и приняла решение перенести этот направленный на сотрудничество договор и на все остальные оккупированные Японией территории. 30 июня премьер-министр Тодзио выступил в парламенте с речью «О солидарности Великой Восточной Азии». Ее текст был заранее передан германскому посольству, дабы там не питали никаких иллюзий о японском нападении на Советский Союз. Тодзио ни словом не упомянул советского соседа, высказал пессимистичный прогноз о победе держав оси в Европе и обратился затем к главному предмету своего выступления — освобождению Юго-Восточной Азии. Несколько дней спустя Координационный совет принял решение об окончательном урегулировании отношений с Советским Союзом и о том, чтобы ликвидировать наконец, как это предусматривалось при подписании договора о нейтралитете, японские нефтяные и угольные концессии на Северном Сахалине. Об этом проявлении стремления к добрососедству Япония незамедлительно проинформировала советское правительство, имея при этом, возможно, в виду и косвенную цель — прозондировать почву для предложения лелеемой ею идеи о посредничестве в войне между Германией и Россией.

Смещение Большим фашистским советом Муссолини (25 июля 1943 года) было воспринято в Японии как дальнейшее доказательство необходимости переориентации политики островной империи на Азию. Помимо всего, это событие было ловко использовано Сигемицу для того, чтобы передать немцам якобы сделанное Советами предложение о границах до 1914 года и побудить их к заключению мира на этой основе. Советская сторона, действительно, предлагала нечто подобное — это было широко известно по всем ее тайному зондажу в Стокгольме. По всей вероятности, Сталин, раздраженный тогда отказом союзников открыть второй фронт в 1943 году, был не прочь пойти на разыгрывание карты сепаратного мира.

Немецкая сторона довольно быстро увидела в нормализации советско-японских отношений предпосылку новой политики Японии. Образование азиатского блока с включением в него Советского Союза станет теперь главной линией политики Тодзио вплоть до капитуляции островной империи. Эта цель под-

крепляется и новой оккупационной политикой, проводимой под лозунгом «Азия для азиатов». А Советскому Союзу — не с помощью сепаратного мира, то путем заманчивых предложений со стороны Японии — отводится роль японского союзника и — в духе тех предложений, которые делались ему еще в 1940 году с целью подключения его к Тройственному пакту участника антизападного альянса.

Оба эти момента — пересмотр оккупационной политики и новая стратегия по отношению к Советскому Союзу — предполагали прямой отход Японии от гитлеровской Германии. После капитуляции Италии Сигемицу еще раз предпринимает попытку зондирования возможности заключения мира на этот раз одновременно в Берлине и в Москве. Однако посреднические усилия не нашли никакого отклика на Визит Гельмштрассе, не захотел услышать их и Молотов. Вместо этого советская сторона проинформировала о японских стараниях своих союзников, дабы продемонстрировать им тем самым свою лояльность. И поскольку, по мнению японцев, теплые надежды на политическое решение в войне с Россией не имели, Координационный совет принимает 25 сентября 1945 года решение рассматривать японский театр военных действий как полностью независимый от европейского. Отношения с Германией, отмечает Конференция, развивались негативно и приняли характер просто-напросто взаимного ободрения друг друга.

Принятый императорской конференцией несколькими днями спустя «Общий проект дальнейшего ведения войны»¹⁹ отвечает изменившейся общей ситуации в войне. Отныне Япония сосредотачивает все свои усилия на отпоре американского контрнаступлению. Линия Курилы — Бонинские острова — Новая Гвинея объявляется ею зоной национальной обороны. Кроме того, ставится задача всеми силами избежать объявления войны Советским Союзом, что, по-видимому, японской стороной после столь подавляющих побед Красной Армии и отнюдь не исключается, и, следовательно, продолжать по отношению к Москве политику умиротворения. Краткое упоминание о союзе с Германией, содержащееся в заключении этого решения, представляет собой не что иное, как дежурную фразу. Германо-японский союз, так и не реализованный по причине принципиально различных позиций обеих стран по отношению к Советскому Союзу, окончательно утрачивает свой конкретный смысл.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Однако и политический поворот Японии в сторону Азии был не в силах спасти островную империю от военного натиска американцев. Политика создания азиатского блока с расчетом на Советский Союз опоздала, и к тому же ее проведение постоянно тормозилось армейскими кругами. Да и столь разрекламированное освобождение Азии от колониализма и равенство азиатских народов в рамках некоей «Великой восточноазиатской сферы процветания» оказались на фоне реальности японского оккупационного господства грандиозными просчетами. Манифест свободы, принятый конференцией Великой Восточной Азии (7 ноября 1943 года), равно как и декларации о предоставлении независимости Филиппинам, Бирме и правительству «Свободной Индии», хоть и сумели, может быть, привлечь на сторону японцев какие-то элитные коллаборационистские круги и воспрепятствовать развитию широкомащтабных партизанских движений, но почти не нашли поддержки среди, как правило, голодавших народных масс. В Китае, где были свежи воспоминания о японском терроре, концепция мирного сосуществования просто не была услышана. Твердолобость застывших в довоенных структурах мышления японских армейских офицеров, которым были большей частью подчинены оккупированные территории, и произошедший по вине японцев крах всех хозяйственных механизмов сделали из «Великой восточноазиатской сферы процветания» в реальности оккупационными буден «сферу великого ограбления Восточной Азии» — с непредсказуемыми последствиями для отношений Японии с бывшими оккупированными ею территориями, — отношений, которые и до сего дня остаются напряженными.

Конечно, судьба последней мировой войны была решена не в Восточной Азии и не в Северной Африке, да и не в Сталинграде. И все же отдельные сражения следует рассматривать в их взаимосвязях глобального масштаба. Если бы не было поражения немцев на Волге, то Япония вряд ли столь целеустремленно отошла бы от своих европейских союзников. Но это поражение было опять же следствием неправильного образования фронтов и ошибок в действиях державами оси. Военные цели Германии и Японии с самого начала были настолько разными, что это исключало взаимодействие обеих стран. В конечном счете поражение и той, и другой стало результатом их отношения к Советскому Союзу: Германия напала на Россию и в конце концов впервые получила

под Сталинградом такой удар, от которого она уже не оправилась; Япония же упустила момент для нападения и вместо того чтобы начать обещавшую военный успех операцию на Севе, взяла курс на бесперспективную конфронтацию с западными державами. «Фашистское» тройственное содружество оставалось лишенным содержания, было «альянсом без позвоночника», неспособным к взаимодействию. Взаимной приверженности политике экспансии, проводившейся раздельно и с помощью грубого насилия, было недостаточно, чтобы подарить мирный порядок на долгие времена. Для этого нужны были неимоверные усилия и огромные людские и материальные жертвы, которые были принесены прежде всего народами Советского Союза (не только русскими) — и не в последнюю очередь в Сталинграде.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Последующий текст базируется на большом количестве исследований автора, посвященных новой истории Японии и немецкому влиянию на модернизацию и политическое развитие японской империи до 1945 г. Среди наиболее важных работ, содержащих и все фактические данные, следует назвать монографию о времени военного альянса (Deutschland und Japan im Zweiten Weltkrieg. Vom Angriff auf Pearl Harbor bis zur deutschen Kapitulation. Göttingen, 1969), а также следующие статьи: Die Einschätzung der Lage Deutschlands aus japanischer Sicht: Japans Abkehr vom Bündnis und seine Hinwendung auf Ostasien (1943-1945), in: Die Zukunft des Reiches: Gegner, Verbündete und Neutrale (1943-1945), hrsg. von M. Meißner, G. Erschmidt und E. Guth. Herford — Bonn, 1990. S. 127-146; Das deutsche japanische Bündnis im Zweiten Weltkrieg, in: Deutschland — Japan im Zwischenkriegszeit, hrsg. von J. Kreiner u. a. Bonn, 1990. S. 199-222 (в нем находится дополненный вариант этой статьи на английском языке); German-Japanese Alliance in the Second War, in: The Pacific War. A Reappraisal after Fifty Years, ed. by Saki Dookrill, L. Freedman. London, 1995. S. 10-22; Germany and Pearl Harbor. The German-Japanese Alliance and the Outcome of the War in the Pacific, in: Fifty Years After. The Pacific War Re-examined, ed. by Chihiro Hosoya, Akira Irige. Tokio — New York, 1992. Из японских работ в качестве наиболее важных нужно назвать в первую очередь труд офицера генерального штаба Такусиро Хаттори (Takushiro Hattori), Complete History of the Greater East Asia War), содержащий текст и многочисленные документы; японское издание вышло в Токио в 1966 году и было затем переведено американцами для служебного пользования, копия этого труда имеется в виде микрофильма в библиотеке современной истории в Штутгарте. Кроме того, следует отметить японские сборники, выпущенные в переводе на английский язык под редакцией Дж. У. Морли: Deterrent Diplomacy. Japan, Germany and the USSR 1935-1940. New York, 1976; The China Quagmire. Japanese Expansion on the Asian Continent 1933-1941. New York, 1983. Русские

японские отношения наиболее полно представлены в книге: G.A. Lensen. The Strange Neutrality. Soviet-Japanese Relation during the Second World War 1941-1945. Tallahassee, 1972.

² Inazo Nitobe. Bushido. The Soul of Japan. Tokyo, 1985.

³ Hitler A. Mein Kampf. München, 1938. S. 319.

⁴ Цит. по: Sommer Th. Deutschland und Japan zwischen den Mächten 1935-1940. Tübingen, 1962.

⁵ Archs G. Japan und der deutsch-sowjetische Krieg, in: Zwei Wege nach Moskau. Vom Hitler-Stalin-Pakt zum «Unternehmen Barbarossa», hrsg. von B. Wegner. München-Zürich, 1991. S. 564-583.

⁶ Протокол этой конференции см.: Japan's Decision for War. Records of the 1941 Policy Conferences, ed. by Nobutaka Ike. Stanford, 1967.

⁷ Документ № 5 см.: Martin B. Deutschland und Japan... (см. прим. 1)

⁸ О прямых германо-советских контактах в Стокгольме (здесь и далее в тексте) см.: Martin B. Deutsch-sowjetische Sondierungen über einen separaten Friedensschluß im Zweiten Weltkrieg. Bericht und Dokumentation., in: Felder und Vorfelder russischer Geschichte. Studien zu Ehren von Peter Scheibert, hrsg. von I. Auerbach u. a. Freiburg i. Br., 1985. S. 280-308.

⁹ Документ № 20: запись о беседе с японцами в ставке фюрера 4.12.42. В книге: Martin B. Deutschland und Japan... (см. прим. 1)

¹⁰ Документ № 25: оценка международного положения, императорская ставка, 27.02.43. — Ibid.

¹¹ Остаётся в силе прежняя оценка.

¹² Kiyonaki Tsuji. Decision-Making in the Japanese Government: A Study of Ringi-shi, in: Political Development in Modern Japan, ed. by R. E. Ward. Princeton, 1966. S. 457-476.

¹³ Hitlers Lagebesprechungen. Die Protokollfragmente seiner militärischen Konferenzen 1942-1945, hrsg. von H. Heiber. Stuttgart, 1962. S. 169 (5.03.43).

¹⁴ Документ № 21: запись о беседе с японскими офицерами в ставке фюрера 18.04.43. См. в: Martin B. Deutschland und Japan...

¹⁵ Телеграмма № 1484 германского посольства в Токио от 12.05.43: «Уход из Туниса и Бизерты оценивается в Японии как серьезная потеря, не влияющая, однако, решающей для общего положения держав оси» (Potschesches Archiv Bonn, StS Japan).

¹⁶ Телеграмма Риббентропа Штамеру от 14.05.43. (№ 717) // Ibid.

¹⁷ Телеграмма Штамера министерству иностранных дел от 18.05.43. (№ 1545) // Ibid.

¹⁸ Доклад, направленный Окамото в Токио, см.: Saburo Hayashi. Kogun. The Japanese Army in the Pacific War. Quantico, 1954. S. 70. Окамото был принят Гитлером 29.06.43.

¹⁹ Документ № 26 от 30.09.43. См. в: Martin B. Deutschland und Japan...

Герхард Шрай

УЧАСТИЕ ИТАЛИИ В ВОЙНЕ
ПРОТИВ СОВЕТСКОГО СОЮЗА.
МОТИВЫ, ФАКТЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ

Удине, март 1943 года. Жители этого старинного городка Фриаули выглядят подавленными: и сюда дошла уже первая драматическая армия. Виновника катастрофы называют открыто: «Долой Муссолини — убийцу альпинистов!»¹ говорят те, кто вернулся из России, — солдаты, которым удалось уцелеть в этой, как стали ее называть, «бойне альпийских частей», элита королевских вооруженных сил, но и бесчисленное множество других итальянских солдат. Только ради чего? Ради чего такая ужасная и бессмысленная смерть тысяч родных и близких, друзей и земляков? Ради чего отдали свои жизни на фронте, который вообще не представлял для Италии никакого интереса? Этот вопрос, наверное, задавали себе охваченные отчаянием и бессилием миллионы итальянцев.

Ответ на него — ответ, который не может служить ни оправданием, ни обоснованием случившегося, — историк находит во-первых, в характере войны против Советского Союза, отделившейся как империалистическими, так и идеологическими факторами, и, во-вторых, в особых отношениях, существовавших между Муссолини и Гитлером. И само собой разумеется, что при этом, т.е. при выявлении мотивов участия Италии в называемой Восточной кампанией, следует тщательнейшим образом взвешивать доверительные высказывания, официальные

высказывания и пропагандистские заявления по степени их убедительности.

После неожиданного заключения германо-советского пакта о ненападении 23 августа 1939 года в антибольшевистской пропаганде фашистского режима имела место, если не считать периода финско-советского конфликта, своего рода передышка. И после вступления Италии в войну 10 июня 1940 года Рим причислял Москву к государствам, благожелательно настроенным по отношению к странам оси. Для негативных высказываний по адресу Сталина у него не было никаких оснований. В итальянских газетах тема России не фигурировала вообще. Но это изменилось в один момент — 22 июня 1941 года. Теперь вновь стали доминировать старые лозунги. Итальянское руководство, искоса бросая полные ожиданий взоры на Ватикан, посылает атеизм коммунистов, говорит — совсем в духе Гитлера — о «еврейско-большевистской гидре» и дает указание прессе пропагандировать среди населения страны общеевропейскую солидарность, направленную против большевизма. Надо было создать атмосферу крестового похода, и кое-кто и впрямь отправлялся на Восток, будучи охвачен достаточно бредовыми идеями и полагая, что должен научить народы, которые не знают, что такое «цивилизация», «религия» и даже «труд», как следует «жить по-настоящему»². Во всяком случае, у средств массовой информации Италии теперь два главных врага — интеллигенция и коммунизм: в 1941 году политические и идеологические материалы о СССР выдерживаются в том же духе, что и материалы о Великобритании³.

В официальных высказываниях тоже делается теперь упор на идеологическом моменте. Так, например, Муссолини пишет 13 июня Гитлеру, что «решение русского вопроса» вернуло державы оси к той «доктрине», которая была ими «только из тактических нужд временно оставлена»⁴. Правда, в узком кругу он какое-то время спустя скажет, что было бы неправильно говорить об «антибольшевистской борьбе», потому что речь тут идет, ясное дело, о силовом или империалистическом противоборстве из-за гегемонии на континенте⁵. И все же было бы ошибочным характеризовать первое высказывание дуче как чисто оппортунистическое приспособленчество к фактам, свершившимся по воле Гитлера. Дело в том, что сам Муссолини считал себя убежденным борцом с большевизмом⁶. А то, что его практическая политика не давала возможности убедиться в этом в последние месяцы — во всяком случае, отношения с Москвой

развивались в направлении тесного, главным образом экономического, сотрудничества⁷, — представляется не столь важным. И в то же время следует подчеркнуть, что его решение объявить войну Сталину уже тем же ранним утром 22 июня объясняется отнюдь не только одной его антибольшевистской настроенностью.

Чтобы суметь понять истинные причины такого поведения Муссолини, следует бросить ретроспективный взгляд на конец 1940 — начало 1941 года. Именно тогда произошло явное перемещение центра тяжести в рамках оси и, как следствие этого, обрело новые масштабы давнее политическое соперничество между Гитлером и Муссолини. Дело в том, что с точки зрения руководства рейха Италия своими неудачами в войне с Грецией дискредитировала себя как великая держава. И в итоге у дуче для которого такое изменение отношения не являлось тайной — он прямо-таки физически страдал из-за своей зависимости от Германии, — его смятение и недоверия обернулись ненавистью. Ненавистью к немцам, не случайно достигшей невиданных доселе масштабов как раз в тот момент, когда немецкие и итальянские солдаты бок о бок сражались в Северной Африке и на Балканах. Дилемма Муссолини в той ситуации состояла в том, что, с одной стороны, он, как и прежде, был убежден в неизбежной победе Гитлера. Но, с другой стороны, он не исключал и возможности заключения мира на основе компромисса. Именно поэтому он считал, что следует держаться на стороне третьего рейха, хотя и сознавал, что Италия в этой коалиции неумолимо утрачивает свой вес и свою самостоятельность⁸.

Таким образом, можно констатировать, что начиная с весны 1941 года Муссолини действует по принципу «спасти то, что еще можно спасти», и Гитлер при этом является для него, как и косвенным, но противником. Это свидетельствует, что идея союза оси уже зимой 1940/41 года была доведена до абсурда. Тот факт, что Италия незамедлительно вступила в войну с Россией, противоречит нашему тезису только на первый взгляд. Но давайте рассмотрим этот процесс более подробно.

Как известно, данный афронт описывался достаточно часто и порой в весьма насмешливых тонах: фюрер проинформировал отдохнувшего в это время в Риччионе дуче о своем нападении на Советский Союз 22 июня ночью, когда тот спал, и итальянскому министру иностранных дел Галеаццо Чиано пришлось ради этого его разбудить. Но то был скорее вопрос стиля. Более важными представляются тут два обстоятельства, однознач-

вытекающие из письма Гитлера: во-первых, Муссолини к тому времени уже знал, что агрессия состоится, ему только была неизвестна точная дата, и, во-вторых, Германия явно не собиралась задействовать в предприятии «Барбаросса» итальянские соединения.

На относительно хорошую информированность дуче о немецких намерениях указывает замечание Гитлера, что итальянский военный атташе в Берлине, генерал Эфисио Маррас, сообщил ему о желании Италии выставить для нападения «по крайней мере один корпус». Если Муссолини действительно намерен это сделать, пишет Гитлер, то он примет такое его предложение с благодарностью. Но дело это не спешное, итальянцы вполне могут выступить и позже⁹. Правда, в дальнейшем многосторонние договоренности об итальянском военном участии на Востоке столь неопределенными, как 21 июня, уже больше не будут.

Но меньшей мере с ноября 1940 года правительство в Риме регулярно получало донесения о том, что грядет конфликт между Берлином и Москвой. К маю 1941 года в итальянском руководстве уже существует твердая убежденность, что нападение Гитлера на Россию неизбежно. 14 мая начальник военной разведки высказывает предположение, что наступления вермахта следует ждать 15 июня. Между прочим, важнейшую информацию в этом плане итальянцы получали из Бухареста. Когда же наконец генерал Маррас 30 мая передал в Рим свои наблюдения об обострившейся обстановке на Востоке в период с 1 по 21 мая (военный атташе назвал при этом и целеустановленные, и возможные сроки), дуче в тот же день отдал приказ о формировании экспедиционного корпуса. Его наличие должно было сделать возможным итальянское участие в войне с СССР, причем глава правительства Италии особо подчеркнул, что к этому обязывает идейный характер предстоящего противоборства. Две недели спустя, 14 июня, военные в Риме приходят к выводу, что немецкие войска начнут наступление между 20 и 25 июня. На следующий день — а признаков кризиса в отношениях между Берлином и Москвой между тем становилось все больше — генерал Маррас получает указание предложить Гитлеру для участия в Восточной кампании находящийся в стадии формирования итальянский экспедиционный корпус. После этого военный атташе докладывает 20 июня, что Верховное командование вермахта собирается дислоцировать итальянские дивизии на стыке венгерских и румынских соединений, дабы

избежать непосредственных контактов между этими двумя леко не дружественными между собой союзниками. И все было санкционировано Гитлером между 15 и 21 июня, когда готовилось его письмо Муссолини. В тот же день, в 21 час, генерал Маррас сообщает военному министерству в Риме, что, по вероятности, немецкое наступление начнется 22 июня. Подготовка и оснащение трех итальянских дивизий для Восточного фронта к этому времени считалось уже законченным¹⁰.

Если же Гитлер оставлял вопрос об использовании итальянских войск открытым и говорил — что весьма примечательно о некоем «намерении» Муссолини, то поступал он так, надо думать, не случайно. А по сути в его письме речь шла вот о чем: «Но решающую помощь, дуче, Вы всегда можете оказать, что умножите Ваши усилия в Северной Африке и обратитесь, если возможно, взгляд с Триполи на запад, чтобы создать там угрозу для английских войск в Египте. Если же в случае нарушения договора французами тоже немедленно вступите в войну с Францией, и, наконец, тем, что усилите в первую очередь сухопутные войска и, если это вообще возможно, войска подводных лодок в Средиземном море»¹¹.

Это было — говоря простым языком — почти незавуалированным призывом к дуче заниматься выполнением своих военных заданий на Юге и предоставить вести войну на Востоке немцам.

И хотя Муссолини сделал хорошую мину при плохой поношении к нему игре Гитлера¹², в действительности же он был глубоко оскорблен манерой обращения с ним при принятии решения «по русскому вопросу», к тому же он рассматривал и предложение его о нападении на Россию буквально в самую последнюю минуту некорректным, более того, беспардонным. И кроме того, от него не ускользнуло, что Гитлер хочет обойти вопрос об участии в боевых действиях его экспедиционного корпуса. Понимая это, Чиано попытался отговорить своего шефа от этого плана. Однако тот продолжал настаивать на своем и упорно приводил при этом один и тот же довод: завтра будет уже поздно¹³.

23 июня Муссолини подготовил Гитлеру ответ. В письме очередной раз делался упор на идеологические мотивы. В нем, носящей «такой характер», Италия не может «оставаться в стороне». Затем следует — в ответ на немецкие призывы сосредоточить усилия на средиземноморском регионе — такая замечательная весьма саркастически фраза: «Поэтому я благодарю

Гитлер, за готовность... согласиться с участием сухопутных и военно-воздушных сил Италии». Далее Муссолини пишет, что он уверен, что поход на большевистскую Россию увенчается блестящей победой и что эта победа станет увертюрой окончательной победы над англосакским миром¹⁴. Кстати, тут бросается в глаза, что Муссолини — точно так же, как и Гитлер в своем косвенном обосновании нападения на Советский Союз — рассматривает Восточную кампанию в связи с продолжением борьбы противоборством с Великобританией. А это означает, что и он тоже исходил из того, что «решение русского вопроса» зависит от лондонского правительства его «последней надежды на европейском континенте».

Та же точка зрения выражена и в письме от 2 июля. В нем глава итальянского правительства называет «выступление европейских наций в поход» против Москвы «выступлением против Великобритании». Еще более примечательной представляется тут следующая фраза, поскольку она характеризует ту стратегическую перспективу, которой руководствовался дуче: «После ликвидации России решение судьбы Великобритании не потребует много времени, особенно если нам удастся перетянуть на свою сторону Турцию и атаковать с двух сторон Египет»¹⁵.

Между прочим, тем самым он затрагивал тему, разработкой которой немецкие военные занимались уже с конца осени 1940 года¹⁶.

Такие соображения Муссолини позволяют сделать вывод, что своим военным участием в Восточной кампании он преследовал еще и цель обязать Гитлера после ожидаемой победы над Сталиным продолжить борьбу с Великобританией в Средиземноморье — борьбу, стоявшую для Рима в центре всех военных действий. Здесь уместно напомнить, что летом 1941 года у дуче так и не было никаких козырей в виде территориальных приобретений, которые бы дали ему возможность рассчитывать на достижение на мирных переговорах политических целей Италии. Был тут и еще один момент, особенно тревоживший Муссолини. Он знал, что развал Британской империи не относится к первоочередным военным целям Гитлера. И в этом плане Риму приходилось учитывать разные варианты дальнейшего развития событий.

Наихудшим, с точки зрения итальянского правительства, было бы заключение сразу же после победоносного окончания Восточной кампании какого-либо компромиссного германо-

британского соглашения — ведь любой мыслимый компромисс мог быть достигнут тут только за счет собственных амбиций. Вот именно этого-то дуче, по всей видимости, опасался больше всего. Во всяком случае, он исходил из того, что Берлин — после своей победы — обратится к Лондону с заманчивым предложением. Если же британское правительство их отвергнет, Гитлеру не останется ничего другого, как пойти на уничтожение Великобритании. Но даже и в этом случае забот у Муссолини не убавилось бы. Ибо это еще отнюдь не означало, что фюрер захочет искать решения на Юге. Ведь не исключено, что он, утвердив свою гегемонию в Европе, ограничится затем — не обращая внимания на национальные интересы Италии — ведением против Британской империи и ее метрополии затяжной войны на море и в воздухе¹⁷.

В этом контексте следует заметить на полях, что начальник штаба Верховного командования вермахта, генерал-фельдмаршал Вильгельм Кейтель, сообщил в конце июля 1941 года своему итальянскому коллеге, генерал-полковнику Уго Кавалери, что, пока идут военные действия на Востоке, немецкие операции в Северной Африке будут носить всего лишь выживательный характер. План совместного ведения войны против англичан в районе Средиземноморья можно будет выработать только после осуществления плана «Барбаросса». Тот факт, что на северо-африканском театре военных действий весной-летом 1942 года все-таки были проведены крупномасштабные наступления войск стран оси, объясняется главным образом — и в первую очередь вопреки желанию Верховного командования вермахта — личной инициативой тамошних командующих¹⁸.

Что же касается убежденности Муссолини, что между войной на Востоке и продолжением борьбы с Великобританией существует взаимосвязь — и притом не только в военном плане, — то она, конечно, сказалась на его решении послать итальянские войска в СССР, но, помимо этого, тут сыграли свою роль и другие факторы. Речь идет об антинемецких мотивах или скрытом антагонизме между дуче и фюрером.

На официальном уровне это не проявлялось почти никогда. Хотя, конечно, дипломатические споры по вопросу о Южном Тироле¹⁹ или относительно продолжения фортификационных работ на северной границе Италии²⁰ намекали на существование напряженности в двусторонних отношениях. Однако тот, кто прочитает под этим углом зрения страницы дневников министра иностранных дел Чиано, министра по делам в

Италии Джузеппе Боттаи или министра общественных работ Джузеппе Горлы²¹, относящиеся к периоду с июня 1941 по декабрь 1943 года, найдет там многочисленные — только у Чиано свыше тридцати в течение приблизительно десяти-двенадцати месяцев записей — антигерманские и нередко выходящие за пределы ненависти выпады Муссолини. На каждый месяц приходилось примерно по два острейших проявления ненависти к другу-союзнику.

Еще до нападения на Советский Союз Муссолини в разговоре с Чиано 6 июня признался, что у него «ни в коей мере не было бы досады, если бы Германия в конфликте с Россией сделала много ошибок»²². Это отнюдь не дружеское пожелание — он подчеркивал всякий раз, и после, когда казалось, что сотрудничество русских нарастает. Дуче вовсе не ожидал поражения Гитлера и не желал этого, но втайне он надеялся, что война на Востоке заметно ослабит военную мощь третьего рейха²³.

7 июня он заявил на заседании Совета министров, что немцы считают себя «народом господ», а итальянцев — «народом рабов», годным, по их мнению, только на то, чтобы быть рабочими, а не солдатами. По свидетельству очевидца, при этом в его голосе звучали нотки безмерной «ревности и соперничества по отношению к немцам и фюреру»²⁴. Вскоре после того, в день годовщины итальянского вступления в войну, Чиано услышал от Муссолини «острейшую обвинительную речь» в адрес Германии. Дуче обозвал своего союзника «порядочной сволочью», сказал, что при воспоминании о поведении немцев в Греции ему бывает «тошно» и что во всяком случае долго так продолжаться дальше не может. Особенно же «опротивел» ему своим поведением Гитлер. Втайне глава итальянского правительства уже тогда был настроен на германо-итальянский антагонизм в послевоенное время. Но в той конкретной обстановке он не видел никакого выхода — «с волком жить — по-волчьи выть». Поэтому он и заставил себя в публичной речи по поводу годовщины расхваливать немцев, хотя его «сердце было полно горечи»²⁵. Так что проявлявшаяся им в беседах с Гитлером «податливость» не должна толкать нас на поспешные выводы. Ибо все эти годы Муссолини, что называется, питал в душе чувство «враждебного соперничества»²⁶.

Из высказываний, сделанных им в конце июня — начале июля, вырисовывается истинная сущность его расчетов, проликовавших решение об участии в войне с СССР. Муссолини принимал во внимание две возможности, служившие ему одно-

временно надеждами, а именно: либо война может завершиться компромиссом, который спасет равновесие сил в Европе, либо она будет продолжаться достаточно долго — так долго, что Италия сможет «силой оружия восстановить свою репутацию», потерянную ею в первый год войны. Конечно, и здесь мы имеем дело с «вечной иллюзией» Муссолини²⁷, который, как известно, утрату своего престижа ставил в вину своим генералам. Но он стремился не только загладить свой военный конфуз, но и думать о будущем.

Так, 7 июля явно весьма озабоченный дуче признался на заседании Совета министров, что его «мучит» вопрос, не возникнет ли после «немецкой победы над Россией слишком большая диспропорция между немецким и итальянским вкладом в победу оси». По этой причине, продолжал дуче, он принял решение послать итальянские соединения на Восточный фронт. Параллельно Муссолини отдал приказ об усилении военной деятельности Италии в Средиземноморье. Ибо война означала для нее и своего рода состязание в силе между Германией и Италией, поэтому важно было, чтобы именно итальянцы — а не немцы — имели свое военное присутствие в Северной Африке, он в то время ограничил бы всего двумя дивизиями, — побеждали англичан. Так что речь шла тут отнюдь не только и даже не столько о деле чести, сколько о сокращении ущерба, т.е. дуче твердо лагал, что слишком неравноценные военные успехи обеих сторон будут сказываться — причем не в пользу Италии — на политическом плане²⁹.

Думается, что эти его опасения носили совершенно конкретный характер. Например, он не только дал 6 июля Чинети повод записать в дневнике, что он, Муссолини, «предвидит неизбежный кризис между Италией и Германией», но и уже тогда, на раннем этапе, инкриминировал Берлину намерение передвинуть после победы границу рейха к самой Вероне. Поэтому дуче еще весной 1941 года задавался вопросом, не была ли для Италии «победа англичан более желательной, нежели победа немцев». Он даже сознался, что налеты британских коммандос и левских военно-воздушных сил на территорию рейха доставляют ему «большое удовольствие». Ибо хотя итальянцам и придется сражаться в одних рядах с немцами, но ни в коем случае не нужно создавать «миф» о немецкой «непобедимости». О том же времени Муссолини радовался каждому ответному удару, который Гитлеру доводилось схлопотать на Востоке³⁰. Но это было рассчитанное, продиктованное собственными целеустремлен-

ными злорадство. Веру же в успех немцев, который дуче хотел бы представить как победу оси, все это никак не затрагивало.

Высказывания такого рода отнюдь не были результатом каких-то эфемерных настроений. Скорее, они выражали существовавшие всегда опасения, а то и страхи. Показательными в этом смысле являются рассуждения Муссолини о суверенитете Италии 20 июля. Не стала ли его страна уже давно всего-навсего вассалом рейха? Если этого еще не случилось, то, предполагал он, она получит такой статус самое позднее «в день тотальной германской победы». Это звучит как покорность судьбе. Но если же еще не капитулировал, он еще рассчитывает на то, что сумеет защитить себя от гегемонистских амбиций рейха. И главнокомандующий итальянского правительства вновь обдумывает меры военной предосторожности в Северной Италии, чтобы суметь отразить ожидаемое вторжение вермахта. Но в итоге вся его надежда на то, что Италия сможет сохранить свою независимость, полагается на расчете — бывшем чистой воды иллюзией — что после продолжительной и чреватой для Гитлера большими потерями войны все завершится заключением спасительного мирного компромисса³¹.

Таковы были наиболее существенные в плане союзнических отношений и расстановки сил элементы оценки обстановки, побуждившие дуче принять решение об участии в войне третьего рейха с Советским Союзом. Несколько утрируя, можно сказать, что Италия участвовала в операции «Барбаросса» не в первую очередь по той причине, что стремилась защитить себя от своего союзника.

Что же касается выделения итальянских формирований на Восточном фронте, то первоначально думали о трех дивизиях, которые будут задействованы поодиночке. Однако уже через несколько дней после 30 мая, когда Муссолини впервые заявил о своих намерениях на этот счет, верховное командование вооруженных сил Италии высказалось за то, чтобы по причинам военного характера, а также ради придания себе большего веса в глазах немцев и других союзников, направлявших свои войска в Россию, сформировать единый экспедиционный корпус. Будучи «моторизованным корпусом», он включал в себя штаб корпуса, две «моторизованные дивизии» «Пасубио» и «Торино», а также третью — «Дивизионе челере», носившую имя принца Амедео герцога Аосты, или сокращенно, «ПАДА».

Отметим, что в состав «Дивизионе челере», т.е. «быстрых дивизии», входили, как правило, кавалерия, самокатчики, артиллерия — на конной или машинной тяге — и легкие танки. «Дивизионе ауотраспортабиле» по своему составу соответствовала в основном нормальной пехотной дивизии, причем боевые обозы и подразделения и части снабжения были механизированными. Артиллерия была оснащена тягачами. И обычно в распоряжении таких дивизий имелись грузовые машины, собственного автопарка у них не было.

С 9 июля экспедиционный корпус стал именоваться «Команди Спедиционе Италияно ин Руссия» (КСИР) — «Итальянский экспедиционный корпус в России». Кроме упомянутых трех дивизий в него входят части корпусного подчинения, подразделение (легион) «чернорубашечников» (Милиция Волонтери Сикурецца Национале), девять авторот (на весь корпус), «точное интендантство» и двенадцать взводов или отрядов кавалерии. Для поддержки с воздуха корпусу были приданы эскадрильи войсковой разведывательной авиации и четыре эскадрильи истребителей, а также какое-то количество транспортных самолетов. Когда первый командующий корпусом генерал Франческо Дзингалес 13 июля серьезно заболел, командование над 62 000 солдат³² было совершенно неожиданно передано генералу Джованни Мессе. В это время в распоряжении корпуса имелось 4600 лошадей и мулов, 5500 единиц автотранспорта, 220 орудий различного типа и калибра, 94 противотанковые пушки, 60 легких танков и 83 самолета³³.

В конце июля у ожидавших в Вероне отправки на Восточный фронт солдат побывал Муссолини. Предположительно, он посетил дивизии «Пасубио» и «ПАДА». Говорили, что войска он остался весьма доволен. И все же Чиано опасается, что итальянские части — не в отношении их личного состава, а в плане материального оснащения — при прямом сравнении с вермахтом снова будут выглядеть как «бедные родственники»³⁴. Эти опасения были отнюдь не лишены оснований. КСИР не только испытывал недостаток в снаряжении, но и был слабым по своей структуре.

Так, например, мало смысла имело объединение «быстрых дивизии», в чью задачу входило ведение оперативной разведки перед фронтом армии, с двумя пехотными дивизиями, которые как выяснилось, были не в состоянии извлекать военную пользу из разведывательной деятельности этой дивизии. Теоретически дивизию «ПАДА» можно было использовать в качестве

ударной силы, действующей на направлении главного удара, но на практике это оказалось невыполнимым, поскольку итальянский трехтонный танк не имел какого-либо шанса на успех как при прямом соприкосновении с русскими бронетанковыми соединениями, так и как средство выручки в случае возникновения острой ситуации.

Дело в том, что этот легкий танк был всего лишь оружием поддержки пехоты. К тому же разные части дивизии обладали различной степенью маневренности. Кроме того, наличных автомобилей хватало только для транспортировки дивизии, что значительно снижало оперативные возможности КСИР. И, наконец, противотанковые пушки, находившиеся на вооружении итальянских дивизий, как правило, не пробивали броню советского танка Т-34. Еще одним слабым местом корпуса была его артиллерия. Во-первых, орудий просто не хватало, а во-вторых, в подавляющем количестве это были пушки-ветераны времен турецко-итальянской (1911–1912) и первой мировой войн³⁵.

Достаточно бросить всего лишь взгляд в Директиву № 21 — план «Барбаросса», — где, кстати, Италия не упоминается даже в роли предполагаемого союзника³⁶, чтобы понять, что такому армейскому корпусу, каким был КСИР, в планировавшемся «быстром походе», главный принцип которого состоял в продвижении танковых клиньев с целью уничтожения войск противника и «быстрого преследования» отступающих советских соединений, уготована весьма и весьма подчиненная роль. Но у этого корпуса не было как раз того, что требовалось для успешного ведения операций вместе с крупными моторизованными немецкими соединениями в условиях бескрайних просторов России с ее особой географией, — достаточного количества обладавших мощной ударной силой бронетанковых средств, а также современного оснащенной и маневренной пехоты, а также таких противотанковых орудий, с помощью которых можно было бы эффективно бороться с противником.

Переброска экспедиционного корпуса началась 10 июля и продолжалась до 5 августа, она потребовала 216 эшелонов. Конечно, времени на это нужно было необычно много. Но тут еще следует иметь в виду, что между станциями выгрузки в Венгрии и районом развертывания в Румынии было расстояние в 280 километров, которое итальянским войскам пришлось преодолеть по единственной пригодной для движения дороге через Карпаты. После того как КСИР сосредоточился в Восточной

Румынии, он был — только в оперативном плане — подчинен 11-й немецкой армии, дислоцировавшейся в августе в низовьях Днестра³⁷.

С оперативной точки зрения действия итальянского корпуса распадаются на наступательную и оборонительную фазы. Первая началась 11 августа, когда дивизия «Пасубио» вступила в бой с советскими соединениями, занимавшими позиции между Днестром и Бугом. После выхода к Днестру КСИР — по приказу сил двух дивизий — занял полосу фронта шириной в 100 километров — от реки Ворскла до города Днепропетровск. Когда генералу Мессе удалось наконец выдвинуть на передовую и дивизию «Торино», армейский корпус принял в конце сентября участие в жестоких боях восточнее Днепра, при этом особенно отличились итальянцы при взятии Петриковки. В начале тем во второй половине октября они участвовали в захвате Донбасса. 1–6 ноября итальянские части заняли Горловку и Рыково. И хотя им приходилось отбивать ожесточенные контратаки советских войск, в общем и целом КСИР успешно удерживал оборону, и поэтому командир корпуса решил, что он может теперь дать передышку своим измотанным боями частям. Но главной его целью было подтянуть далеко отставшие от передовых сил тыловые службы.

Вторая фаза оперативного использования экспедиционного корпуса проходила под знаком обозначившейся на всем советском фронте обороны, к которой гитлеровский вермахт и его союзники вынуждены были перейти в результате сталинского наступления, начавшегося 5 декабря. Под натиском советских армий фронт отступил к концу марта 1942 года к западу на 100–400 километров, после чего — вслед за частными мелкочисленными контрударами и возвратом ряда потерянных территорий — 28 июня началось крупное летнее наступление во главе гитлеровской коалиции. Корпус Мессе не раз отличился в этих оборонительных боях, в частности в так называемом «рождественском сражении» 25–30 декабря 1941 года, когда итальянские дивизии после упорной обороны перешли в увенчавшееся успехом наступление. Значительным был и вклад корпуса в ходе последующих боев западнее Изюма в январе — мае 1942 года. Даже командование военно-морских сил отметило это в своем журнале боевых действий: «На русском театре военных действий отлично воюют 3 (итальянские) дивизии, готовятся к отправке туда еще 6»³⁹.

Это и произошло, и 9 июля 1942 года КСИР перестал су-

уществовать в качестве самостоятельного формирования — став частью 11-го армейского корпуса, он включался в состав перебрасывавшейся в это время на Восток 8-й армии. Тем самым, как казалось, Муссолини приближался еще на один шаг к своей цели — внести максимальный вклад в войну с Советским Союзом.

Его старания в этом направлении прослеживаются с июля 1941 года. Уже 13 июля, когда экспедиционный корпус еще находился в пути к району своего развертывания, верховное командование рассматривает возможности посылки на Восток последующих соединений⁴⁰. Но родилась эта идея не в головах военных, а у самого дуче и диктовалась она психологическими и политическими факторами. Это видно из его высказываний, сделанных в узком кругу. Просто истеричной была, например, реакция, когда одна газета написала, что «война на Востоке идет «под руководством Гитлера». Такого рода репортажи, распространяемые Муссолини, могут заставить народ поверить, будто руководство войной» и впрямь находится в руках Гитлера. А сам дуче явно считал скверной шуткой⁴¹. Говоря об обосновании усиления итальянского участия в боевых действиях в Восточной Европе, охотно цитируют также и слова Муссолини в ходе его беседы с Каваллеро в июле 1941 года: «Мы не можем допустить, чтобы наше присутствие было меньше, чем присутствие Словакии, и мы должны расквитаться с союзником»⁴². Это утверждение не выглядит, несомненно, двусмысленным. Но после всего вышесказанного едва ли можно предположить, что за ним стояло чувство благодарности немцам — за их участие в войне в Средиземноморье — и желание сослужить им за это ответную службу. Скорее уж Муссолини руководствовался стремлением путем посылки большого количества войск доказать свою равнозначность. И именно об этом свидетельствует признание Дино Альфьери, посла Италии в Берлине, сделанное им в конце сентября Боттаи, что из бесед с дуче выяснилось, что стремится он только к одному — к «военному реваншу». Этой навязчивой идеей объясняется, считает посол, и его «настойчивое стремление послать в Россию войска, о которых немцы не просили»⁴³. Муссолини и вправду ожидал, что Гитлер «даст итальянским вооруженным силам шанс проявить свою ударную силу»⁴⁴. Но ради того, по мнению Берлина, итальянцам совсем не надо было отправляться в Россию — с куда большим успехом они могли бы действовать в Северной Африке.

С итальянской стороны против посылки на Восточный

фронт еще одного корпуса особенно возмущал — по чисто военным соображениям — генерал Мессе, узнавший о соответствующих планах верховного командования в Риме 20 июля 1941 года⁴⁵. А вот генерал-полковник Каваллеро 26 июля завершил, что новый армейский корпус может быть сформирован уже к концу августа, хотя он отлично знал, что еще не хватает, в частности, 4000 грузовиков⁴⁶.

Как раз в этот день Гитлер получил датированное 24 июля письмо Муссолини, в котором тот сообщал, что формируются «второй армейский корпус» для отправки на Восточный фронт, «если будет такая необходимость, выставить еще и третий»⁴⁷. В ответ на это генерал-фельдмаршал Кайтель 2 августа поблагодарил генерал-полковника Каваллеро — только и всего⁴⁸. Тем самым Берлин показал свою незаинтересованность в этом предложении. Так что сообщение Дамиано Бадини, заместителя итальянского военного атташе в Берлине, будто немцы в середине августа изучали возможность «отправки на русский фронт по меньшей мере 26 дивизий», следует, пожалуй, считать лишним каких-либо подтверждений⁴⁹.

На встрече с Гитлером 25 августа Муссолини повторил свое желание об участии в Восточной кампании большим количеством войск. Людей у него хватает. Он в состоянии выставить для этих целей «шесть, девять, а то и больше дивизий». Гитлер, однако, от прямого ответа уклонился, пообещав подумать над этим предложением⁵⁰. Точно так же сложился и состоявшийся тогда же разговор между Кайтелем и Каваллеро. Генерал-фельдмаршал высказал итальянцам благодарность за их готовность, а вот что касается грузовиков, сказал он, то рейх не сможет оказать тут помощь, поскольку сам вермахт страдает из-за нехватки автотранспорта. Одновременно он в осторожной форме предостерег от оснащения корпуса грузовыми машинами, которые предназначались для отправки на фронт в Северной Африке. Кроме того, он напомнил, что скоро в России наступит зима, которую итальянцам будет перенести труднее, чем немцам. Генерал-полковник, со своей стороны, не исключил возможности того, что корпус будет направлен на фронт лишь частично — моторизованным, т.е. будет состоять из обычных пехотных дивизий, но насчет этого нужно еще подумать. В любом случае, верил он, второй армейский корпус, если ему найдется применение, будет готов выступить уже в начале сентября⁵¹.

Такой результат не мог, разумеется, удовлетворить Муссолини, который был одержим идеей ширококомасштабных

при отсутствии итальянских войск на Восточном фронте. Даже общее «недовольство итальянского народа» он будет теперь считать к недовольству тем, что этого не происходит⁵². Весной 1942 года дуче будет отчаянно стремиться наверстать наконец то, что ему не удалось сделать в 1941 году. А потом надо будет вернуться к отправке в Россию дополнительно еще 20 дивизий. Но это поможет Риму «приблизить» свой вклад в войну «к немецкому и воспрепятствовать тому, чтобы Германия в момент победы диктовала свою волю (Италии)... так же, как победенным народам»⁵³. Все это показывает, что главный мотив Муссолини, которым Муссолини руководствовался при вступлении в войну с Советским Союзом, оставался неизменным. Конечно, точки зрения реального военного потенциала Италии его расчеты представляются иллюзорными, но все же было бы удивительным упрощением не принимать их во внимание.

Хотя король Виктор Эммануил III, которому часто доставляло удовольствие говорить об этих «подлых немцах», был против абсурдных планов Муссолини, генерал-полковник Каваллеро, несмотря ни на что, взялся за работу со всей серьезностью⁵⁴. Проблема нехватки моторов была решена им самым положительным образом. Отныне пехота должна будет проходить 18 километров в сутки, а 40⁵⁵. Но проблема-то заключалась не только в автотранспорте. Так что, когда Муссолини 22 октября согласился ограничиться 15 дивизиями⁵⁶, верховному командованию пришлось признать, что в лучшем случае удастся выставить только шесть. Да и то лишь при условии, что немецкая сторона поставит для них грузовики⁵⁷.

Вскоре после этого, 25 октября, Чиано встретился с Гитлером и вновь передал тому просьбу своего шефа «разрешить ему выставить больший, чем до того, вклад в военные усилия — скажем, весной, когда начнутся операции на Кавказе». Гитлер ответил на это согласием, причем разговор шел уже об альпийских дивизиях, которые, по словам Гитлера, впоследствии могли бы быть задействованы и «в боевых действиях в Индии»⁵⁸.

Собственно говоря, дуче имел как будто все основания быть довольным. Однако, когда в письме Гитлера от 29 октября⁵⁹ дивизии КСИР и их успехи были упомянуты всего лишь вскользь, это тут же вызвало его недовольство⁶⁰. Но, несмотря на это, Муссолини отправил Гитлеру льстивое, даже самоуничижительное ответное послание, в котором он, правда, не преминул заметить, что «долг» и «право» Италии — «внести больший вклад» в боевые действия в 1942 году. И он «льстит» себя надеж-

дой, что фюрер позволит ему это сделать⁶¹. Это звучало словно дуче не очень поверил тому, о чем доложил ему его министр иностранных дел после встречи 25 октября.

Как уже говорилось выше, подобострастный порою язык дуче не должен толкать к поспешным выводам по поводу его отношения к Гитлеру. Например, на тот же день 6 ноября, когда было подписано цитиrowавшееся выше письмо, приходит одно из его столь частых антинемецких излияний: «Против Германии пока не погрешь. Нужно выждать. Это страна, которую никто не сможет победить военным путем, но которая падет в результате недостатков ее внутренней структуры. Главная проблема — “потерпеть” и дождаться, когда это наступит».

Замечания такого рода особенно наглядно демонстрируют, какой янусовой головой была увенчана ось Берлин — Рим.

Уже в конце ноября Чиано вновь направляется в Берлин, чтобы присутствовать на церемонии присоединения к Антанте минтерновскому пакту новых государств. Пользуясь этим случаем, он должен был, по указанию дуче, вновь настаивать на отправке дополнительных итальянских войск на Восточный фронт⁶³. Поднимая этот вопрос, итальянский министр иностранных дел допытывался, сколько и какого типа дивизий хотел бы получить вермахт, поскольку планировалось подправить эти крупные формирования как можно лучше. Гитлер сначала завел речь о дальнейшей перспективе, упомянув, что Италия, «может быть», сможет «внести важный вклад» при намерении «продвижения» в Иране и Ираке. Пожалуй, сказал «возможно использование альпийских частей» на Кавказе. Можно ли было рассматривать это как твердое обещание? Вероятно, в любом случае захват Кавказа связывался в предположении Гитлера в тот момент с продолжением войны против англичан. Но дойдет ли — после победы над Советским Союзом — дело до этого вообще? Надо полагать, дуче рассуждал именно так, и это пробудило у него его старые опасения. В заключение же фюрер сосредоточился на одном пункте: лучше всего Италия поддержала бы совместные военные действия, тем, что «приложила бы все усилия, чтобы удержать Северную Африку»⁶⁴. В общем и целом это полностью совпадало с тем, чем он уже писал Муссолини 21 июня.

Правда, тут бросается в глаза, что отчет Чиано о его беседе с Гитлером весьма отличается от текста немецкого протокола. Если следовать записи итальянского министра иностранных дел, он будто бы даже предложил немцам для Восточного ф

ронт танковые дивизии, что было отклонено Гитлером «из-за отсутствия необходимости и прока». Если Италия в состоянии сформировать танковые дивизии, якобы сказал тот, то будет лучше всего, если она направит их в Ливию. Кроме того, из немецкого текста отнюдь не следует, что Гитлер приветствовал использование итальянских альпийских дивизий на южном участке русского фронта. Во всяком случае, в записи МИД Германии соответствующий пассаж выдержан в относительно обычной форме. Возможно, Чиано несколько оживил свою запись в записке⁶⁵. С другой стороны, и немецкий текст не является доминирующей стенограммой.

Что же касается предложения о посылке на Восточный фронт танковых дивизий, то очень хотелось бы узнать, откуда заговорились итальянцы эти дивизии взять. Может быть, Чиано придумал этот ход специально для Муссолини, о чьей заикливости на Восточном фронте ему было известно лучше, чем кому-либо другому, и он хотел тем самым выпятить свое личное старание. Возможно, Чиано вообще не заговаривал с Гитлером о танковых соединениях. Правда, нельзя исключить полностью и вероятность того, что он действительно вел такой разговор; в конечном счете министр иностранных дел, знавший, как обстоят дела в Северной Африке, мог быть заранее уверен в отрицательном ответе. Но опять же совершенно непонятно, почему тогда в немецком протоколе отсутствует хотя бы упоминание о таком неординарном предложении и о якобы довольно подробном возражении Гитлера. Ни в одном из источников нет никаких упоминаний о том, чтобы такого рода намерение когда-либо — перед отъездом Чиано в Берлин — обсуждалось в Риме.

Как бы то ни было, но, когда Муссолини беседовал 1 декабря с германским военным атташе генералом Энно фон Ринтелемом о политической и военной обстановке, он хотя и упомянул использование итальянских войск в войне с Советским Союзом — речь шла об армейском корпусе, в состав которого входили бы альпийские подразделения и другие части, способные действовать в горных условиях, — но главной темой все же была ситуация в Северной Африке⁶⁶. Не соответствует истине утверждение, будто Муссолини вскоре после этого попытался связать посылку двух корпусов в Россию с требованием к Берлину заставить Виши открыть гавани Бизерты и Туниса для выгрузки снаряжения — включая и тяжелое вооружение, — необходимого итальянцам для военных действий в Ливии⁶⁷. Правда, есть

письмо дуче фюреру, в котором содержится что-то вроде на- ка на сделку «ты — мне, я — тебе», но речь в нем шла об од- ной из задач проекта Каваллеро⁶⁸, который так и не был отправлен⁶⁹.

Когда 22 декабря Ринтелен вновь встретился с Муссолини с целью проинформировать его о причинах того, почему Гитлер взял на себя командование сухопутными вооруженными силами, дуче уточнил свое предложение от 1 декабря: «Один корпус пехоты и один альпийский корпус, по 3 дивизии каждый, будут формироваться таким образом, чтобы быть готовыми к от- правке в срок — до весны».

Муссолини был доволен — «тогда Италия будет представ- лена на Восточном театре военных действий целой армией, что в большей степени соответствует национальной силе итальян- ского народа». Одновременно он подчеркнул свою твердую убе- женность в том, что запланированное на весну 1942 года на- ступление держав оси «приведет к полному разгрому Рос- сии»⁷⁰.

С другой стороны, ход развития военных событий в дека- бре 1941 года, переломное сражение под Москвой, показал Мус- солини, какими непредсказуемыми неожиданностями чревата война с Россией — страной, которую он сравнивал с «океаном суши». И поэтому, когда 27 декабря поступили донесения из Японии касательно планов заключения сепаратного мира ме- жду Советским Союзом и осью⁷¹, эта идея заинтересовала дуче⁷². Как известно, Токио начиная с осени 1941 года пред- принимал усилия с целью достижения компромисса между Бер- лном и Москвой. Однако для Рима время пока еще не пришло: надо было пережить поражения второй половины 1942 года прежде чем Муссолини стал проявлять инициативу в этом направлении.

В коротком письме Гитлеру от 29 декабря 1941 года он оп- исывает тему, что затрагивает проблемы боевых действий в Северной Африке и связанных с ними мер, а также вопросы оккупационной политики на Балканах. При этом в письме ни- где не упоминается об очень тяжелой ситуации на Востоке, хотя там и находятся три итальянские дивизии⁷³. Гитлер же в своем длинном письме, датированном по совпадению тем же самым днем, напротив, очень подробно говорит о развитии со- бытий на Восточном театре военных действий, многословно пы- тается объяснить, почему эта кампания — вопреки летним оп- тимистическим прогнозам, над которыми, кстати, в итальянском руководстве стали издеваться уже в начале августа⁷⁴, — так

развивалась. Следуют дежурная оценка обстановки, а затем и кос- венное признание, что для «продолжения войны на уничтоже- ние» весной вермахту понадобится помощь, в том числе и со стороны Италии⁷⁵. Министр иностранных дел Чиано с удовлет- ворением констатировал, что фюрер — вопреки прежним вре- меним — прибегает в своем письме к «вежливому», более того, «доброжелательному» тону⁷⁶. Что же касается вопроса об уча- стии в боевых действиях итальянских войск, то Гитлер, в част- ности, пишет, что считает «тотальное уничтожение» противни- ка «одной из самых решающих предпосылок окончательной по- беды в войне». Поэтому он «очень благодарен» Муссолини, ко- торый «предложил задействовать на Востоке еще два итальян- ских корпуса». Это дает возможность сформировать «в полном составе итальянскую армию», которой в дальнейшем, «возмож- но, будут приданы и необходимые немецкие соединения». Гит- лер готов даже заняться этим делом немедленно, что тоже весь- ма контрастировало с его подчеркнуто диктаторским поведени- ем в прошлом⁷⁷.

Это письмо и определило принятие решения. В ответном по- письме 23 января 1942 года дуче подтвердил свое предложение и поставил одновременно вопрос о транспорте⁷⁸, который, кстати, был далеко не единственной проблемой, вставшей те- перь перед итальянскими военными.

Из-за недостатка места мы в дальнейшем изложении не бу- дем столь подробно останавливаться на продемонстрированном нами двуличии немецко-итальянского союза. Отметим только принципиальный момент: в отношениях между Германией и Италией не происходит никаких перемен. Как и прежде, офи- циальные дипломатические связи между ними представляют собой вполне нормальную картину, в то время как в разговорах за закрытым кругом проявляется постоянная и глубокая неприязнь Муссолини к Гитлеру, равно как и его ярко выраженное анти- немецкое настроение. По сути дела, награждавшийся в пись- ме всяческими комплиментами фюрер так и остается в глазах дуче «ослом» и «ублюдком»⁷⁹.

Что же касается формирования 8-й армии — «Армата Италияна ин Руссия» (АРМИР) — «Итальянская армия в Рос- сии», командующим которой 2 апреля 1942 года был назначен генерал-полковник Итало Гарибольди, то здесь для верховного командования задача состояла не только в том, чтобы добиться отвечающей запросам Восточного фронта боеспособности 2-го армейского и альпийского корпусов, но и в том, чтобы парал-

дельно с этим были созданы соответствующие достаточно активные службы снабжения и тыла⁸⁰.

В плане материального оснащения семи готовившихся к отправке дивизий скоро выяснилось, что им недостает противотанковых и зенитных орудий, равно как и грузовых автомобилей. Поэтому уже 27 января 1942 года генерал Маррас в беседе с генерал-лейтенантом Вальтером Варлимонтом, заместителем начальника штаба Оперативного руководства вермахтом, указал на то, что для «новых направляемых на Восток итальянских сил...», по всей вероятности, от немецкой стороны потребуются более крупные поставки оружия и грузовиков». Варлимонтом каких-либо выкрутасов отклонил это требование: «Полагается на немецкую помощь по материальному оснащению не следует». И все-таки, заявил он далее, вермахт «твердо рассчитывает на оба запрашиваемых корпуса по 3 дивизии в каждом»⁸¹. Несмотря на то, что в то время еще не приходилось, Муссолини решил восполнить недостающие материальные средства за счет территориальной обороны, что привело к ее ослаблению, и за счет фронта в Северной Африке, который в результате получил меньше, чем это было необходимо, вооружения и автомашин. Поэтому нет никакого сомнения в том, что отправка АРМИР — как и до этого участие в боевых действиях КСИР — явилось в материальном плане к тому времени, чрезвычайно отрицательно сказавшимся на окончании Итальянских войн в Средиземноморье⁸².

Уже 6 февраля Верховное командование вермахта сообщило о своих представлениях относительно сроков начала отправки итальянских войск в район их сосредоточения западнее Днепропетровска. Отправка штаба корпуса с тремя дивизиями намечалась на 1 мая, а штаба армии с непосредственно подчиненными и значительными силами, а также штаба второго корпуса с тремя остальными дивизиями — на 1 июня. И хотя Верховное командование согласилось с такими сроками, фактически первые дивизии покинули Италию только 17 июня, т.е. с шестинедельным опозданием. Они входили в состав 2-го корпуса, который 1 июля сосредоточился под Харьковом, откуда итальянским войскам пришлось пешим маршем пройти еще 330 километров (или проехать 500 километров на машинах — это были частоты, которые удалось снабдить автотранспортом), прежде чем они прибыли в район развертывания под Сталино — в 50 километрах западнее дислоцированного там 35-го корпуса (КСИР). В середине июля переброску 2-го армейского корпуса можно

считать завершенной. Дивизии альпийского корпуса двинулись в путь 14 июля. Его первые части прибыли в район сбора передовка — Рыково — Изюм 3 августа, а последние — 2 сентября. Однако оттуда они выступили не в направлении Кавказа, как это было, собственно, согласовано, а оказались вскоре в районе на Донской равнине. «Дон» — название этой реки станет для итальянцев кошмаром, именно Дон будет Сталинградом итальянской армии. В самом же Сталинграде, следует заметить, с ноября находились только два офицера и 72 рядовых этого транспортного батальона, входившего в состав АРМИР, — и того все они разделили судьбу 6-й армии и были официально объявлены пропавшими без вести⁸³.

В целом 8-я армия, когда все ее части сосредоточились во Львовском районе, состояла из 2-го армейского корпуса в составе дивизии «Сфорцеска», «Коссерия» и «Равенна», 35-го армейского корпуса в составе уже упоминавшихся дивизий «Ториньо», «Пасубио» и «ПАДА», а также из альпийского корпуса в составе альпийских дивизий «Тридентина», «Джулия» и «Кундусинсе». Непосредственно командованию армии была подчинена пехотная дивизия «Виченца», которую правильнее было бы называть оккупационной дивизией. Личный состав АРМИР численностью в 229 005 человек распределялся в основном на 22 батальона и 50 самостоятельных рот. В распоряжении этого крупного формирования было 25 000 лошадей и мулов, 16 700 грузовиков, 4470 мотоциклов, 1130 тягачей, 946 артиллерийских орудий разного калибра, 297 противотанковых и 52 зенитных орудия, 1297 минометов, 31 6,8-тонный танк «Л-6» и 12 танкетных орудий. К этому следует добавить еще 23 самолета-бомбардировщика и 41 истребитель⁸⁴. Заметим, что сведения, приведенные 13 августа 1943 года прикомандированным к штабу 8-й итальянской армии немецким генералом, содержат в ряде случаев другие цифры. Например, личный состав армии определяется там в 256 705 человек⁸⁵.

Что касается боевой мощи и боеспособности АРМИР, то можно сказать, что в общем-то 8-я армия была приспособлена к боевым действиям только в условиях гористой местности. На равнине она в лучшем случае могла вести оборонительные бои. Такая оценка вытекает, во-первых, из степени маневренности этого формирования. Из трех армейских корпусов два — 2-й корпус (53 895 человек) и альпийский корпус (53 238 человек) — могли передвигаться только в пешем строю. В 35-м корпусе (48 163 человека) к этому времени была полностью мото-

ризованной лишь дивизия «ПАДА», а что касается двух других автотранспорта хватало только для переброски одной из Во-вторых, столь скептическая оценка АРМИР диктуется фактом, что в ее составе не было дивизий, которые могли бы в качестве армейского резерва составлять второй эшелон и пользоваться в случае необходимости, вызываемой внезапным изменением оперативной обстановки, для прикрытия опасных участков фронта или для замены измотанных боями соединений. Это обстоятельство усугублялось еще и тем, что армия располагала такими бронетанковыми силами, которые были в состоянии прорывать вражескую оборону. И хотя, по сравнению с КСИР, у нее имелось больше артиллерии, но по-прежнему это были в основном устаревшие орудия. А количество танков, из которых «Л-6» лишь немногим превосходил по своим качествам более легкий танк «Л-3», было меньшим, чем в прежнем экспедиционном корпусе, меньше было и самолетов. Не изменилось и стрелковое оружие — солдатам приходилось довольствоваться устаревшими винтовками «образца 91»⁸⁶.

Свое боевое крещение части 8-й армии приняли в ходе успешного наступления в июне-ноябре 1942 года, когда вермахтом захватил Северный Кавказ, дошел до Сталинграда на Волге и — если говорить об интересующем нас районе — установил на Дону линию фронта между Воронежем и Островской, где АРМИР был закреплен участок Павловск — Вешенская. На левом фланге в ноябре 1942 года располагалась 2-я венгерская армия, а на правом — 3-я румынская армия.

На том этапе операций, который предшествовал выдвижению АРМИР на эти позиции, в боевых действиях участвовали во взаимодействии с 17-й немецкой армией и усиленный дивизией «Сфорцеска» и артиллерией — и 35-й армейский корпус. Следует отметить его роль в захвате угольного бассейна на Дону — Красный Луч в период с 11 по 22 июля. 3-я «быстрая» дивизия принимала затем с 30 июля по 13 августа участие в операциях совместно с продвигавшейся в направлении Сталинграда 6-й немецкой армией. В ее задачу, в частности, входило обеспечение левого фланга этой армии, которому мог угрожать советский плацдарм под Серафимовичем. Продолав за четыре суток форсированным маршем путь в 400 километров, дивизия тут же вступила в бой. В результате тяжелых, но победных сражений 30 июля и 1 августа она потеряла, согласно сводкам, около 1000 человек⁸⁷.

С 16 августа на Дону дислоцировались — совместно с 62-

и пехотными дивизиями немецкого 29-го корпуса — в обстановке сложности пять итальянских дивизий 2-го и 35-го корпусов. Причем линия фронта, которую они должны были удерживать, начиналась от устья Хопра при впадении его в Дон и заканчивалась в нескольких километрах южнее Павловска. Изменившаяся в боях 3-я «быстрая» дивизия первоначально была отведена командованием армии во второй эшелон. Альпийский корпус, где уже с 19 августа знали, что его части будут перебронированы не на Кавказ, а на Дон, в это время был еще на подходе. Протяженность группой армий «Б» 8-й армии участок фронта составляла 270 километров, если измерять по прямой, около 270 километров. Это означало, что на каждую из итальянских дивизий в состав которых входили только по два полка, приходилось участок обороны протяженностью приблизительно 30 километров. В то время как согласно итальянской военной доктрине он должен был превышать 3–5 километров. Бывает же такое оперативное построение войск, при котором проигравший измотанный еще до начала сражения. Так дело обстояло и на Дону. Прямая протяженность обороны уже сама по себе прямо-таки провоцировала роковые последствия, даже если советские войска не всегда могли отвести — как это предусматривалось — в каждой из своих дивизий полосу наступления в 1,5–3 километра. При столь неблагоприятной для АРМИР исходной позиции на обороне ничего не мог изменить и тот факт, что соединения Красной Армии в общем-то — и теоретически, и, в частности, с точки зрения боевой подготовки их личного состава — были лучше, чем немецкие и итальянские дивизии⁸⁸. Следует также учесть, что некоторые части 8-й армии перед их прибытием на Дону проделали пеший марш в 500–1100 километров либо проехали 1200 километров на грузовиках.

Сражение, которого следовало опасаться, началось уже 20 августа и продолжалось до 1 сентября. В историческом плане это нужно рассматривать как составную часть общей советской оборонительной стратегии под Сталинградом. Боевые действия велись с переменным успехом, причем с самого начала атаки контратаковались на том участке фронта, который оборонялся продвигавшейся на стыке с 6-й армией дивизией «Сфорцеска». Хотя итальянские солдаты сражались храбро, этой дивизии пришлось отступить к Чеботаревскому. Контратака 23 августа, в которой участвовала 3-я «быстрая» дивизия, принесла лишь временное облегчение — начавшееся два дня спустя крупное наступление противника вынудило 35-й корпус оставить зани-

маемые им позиции и отойти за Большой. Конкретно это означало, что советским войскам, вновь захватившим Серафимович, удалось создать на правом берегу Дона плацдарм глубиной свыше 20 километров и протяженностью у основания более 60 километров. Несомненно, это явилось для них весьма важным улучшением позиций, что и сказалось затем на ходе дальнейших событий. Однако, с другой стороны, следует отметить, что Красная Армия не добилась своей главной цели — разбить 8-ю армию и 6-ю немецкую армию, отсечь атакующий Сталинград дивизии от их баз на западном берегу Дона⁸⁹.

Правда, тут нужно упомянуть еще и то, что германо-итальянское сотрудничество весьма отягощалось определенным несовершенным отношением со стороны немцев. Так, ни генерал Мессе, ни генерал-полковник Гарибольди просто не понимали, почему командование группы армий «Б» отдало 25 августа приказ, который не только запрещал какой-либо отход, но и, помимо всего прочего, ставил под сомнение доброе имя дивизии «Сфорцеска», понесшей уже к тому времени значительные потери. Когда же на другой день поступил новый приказ — о перемещении этой дивизии и 3-й «быстрой» дивизии, а также остальных итальянских частей, находившихся в районе Сталинграда, генерал-лейтенанту Гюнтеру Блюментритту, командующему 17-м немецким армейским корпусом (хотя командование тут осуществлялось двумя командирами итальянских дивизий), — недовольство итальянской стороны достигло критической черты. Так что командованию группы армий «Б» пришлось уже спустя сутки отменить этот ничего не давший приказ, только внесший сумятицу приказ о переподчинении. Однако это не могло смягчить досаду итальянцев. И когда, например, немецкий представитель при командовании 8-й итальянской армии генерал Курт фон Типпельскирх посетил 30 августа командующего 35-м армейским корпусом, тот демонстративно снял с себя «рыцарский крест». Кроме того, генерал Мессе требовал «упоминания» своего корпуса в военной сводке и отмены из приказов по группе армий пункта о необходимости всеми средствами остановить отход дивизии «Сфорцеска»⁹⁰. Почему Мессе, у которого за время его участия в боевых действиях в России выработалась — как реакция на отношение со стороны немцев — глубокая неприязнь к союзнику⁹¹ и к тому же еще не сложились отношения с генерал-полковником Гарибольди⁹², вынужден был 1 ноября 1942 года передать командование корпусом генералу Франческо Дзингалесу⁹³.

Хотя в сентябре и октябре советские войска неоднократно предпринимали попытки прорыва на отдельных участках фронта, в общем и целом на Дону сохранялось положение, усложнившееся после боев в конце августа. В течение сентября в район расположения 8-й армии прибыл весь альпийский корпус. Происходит ряд перестановок в боевых порядках армии по позициям, занимаемым отдельными дивизиями, и на 10 декабря, т.е. накануне начала второго этапа оборонительных боев на Дону, они дислоцируются следующим образом. Примерно в 18 километрах севернее Павловска проходит стык со 2-й венгерской армией. На этом фланге располагается получивший подкрепление в виде нескольких артиллерийских подразделений альпийский корпус в составе дивизий «Тридинтина», «Джулия» и «Кунезане». В тылу корпуса находится армейский резерв — пехотная дивизия «Виченца», не имеющая, правда, никакой артиллерии. Разграничительная линия со 2-м армейским корпусом в составе дивизии «Коссерия», усиленной 318-м немецким гренадерским полком, и дивизии «Равенна» проходит по высоте Новая Калитва. В районе тыловых коммуникаций 2-го корпуса 9–20 декабря заняла позиции — в качестве резерва обороны — 27-я немецкая танковая дивизия, имевшая всего лишь 47 единиц разного рода бронетанкового оружия, т.е. обладавшая по сути дела боеспособностью обычного танкового батальона. Разграничительная линия между 2-м армейским корпусом и его соседом — 35-м армейским корпусом начиналась приблизительно с Кузменкина на правом берегу Дона. К этому времени в состав бывшего КСИР входят усиленная дивизия «Насубио» и 298-я немецкая пехотная дивизия. Его разграничительная линия с 29-м немецким армейским корпусом, чей участок фронта шириной свыше 50 километров доходил до стыка с 3-й румынской армией у Вешенской, проходила по высоте Насека. Таким образом, командование группы армий «Б» расположило 3-ю румынскую армию между 6-й немецкой армией и 8-й итальянской армией — непосредственно перед советским плацдармом у Серафимовича, Чеботаревского и Большого. В состав 29-го армейского корпуса к этому времени входили дивизии «Торино», «ПАДА» и «Сфорцеска». На 10 декабря 1942 года АРМИР насчитывала в общей сложности — без учета 27-й немецкой танковой дивизии — 86 стрелковых батальонов, 156 батарей с 624 орудиями и 50 бронетанковых единиц, причем последние были сосредоточены исключительно при 29-м корпусе⁹⁴.

Зимнее наступление Красной Армии положило начало второй фазе оперативных действий АРМИР. При этом советское командование первоначально сконцентрировало все усилия на окружении 6-й армии, что позволило группе армий «Б», которой 8-я итальянская армия подчинялась по-прежнему, в течение короткого времени выправить критическую обстановку, создавшуюся в этой связи на ее южном участке фронта⁹⁵.

Несмотря на это, оперативными успехами Красной Армии были похоронены и планы, которые с недавних пор начали вынашивать в Риме. Заключались они в том, что ставший 1 июля 1942 года маршалом Италии Каваллеро и генерал-полковник Витторио Амброзио, начальник генерального штаба сухопутных войск, уже с 17 ноября стали подумывать о том, чтобы вернуться в Италию хотя бы альпийский корпус — для защиты страны не хватало десяти дивизий. Похоже, тут сыграл свою роль тот факт, что использование альпийских частей в боевых действиях на равнине вызвало протесты в итальянской армии. Правда, предложение Амброзио об отзыве с Восточного фронта всех итальянских дивизий Каваллеро не поддержал⁹⁷.

Начиная с 11 декабря ожесточенным, изматывающим атакам подвергаются и позиции дивизий «Коссерия», «Равенна» и «Пасубио». Это не было сюрпризом, поскольку немцы ожидали «сильных атакующих действий противника» на участке 2-й венгерской армии и 8-й немецкой армии еще с конца ноября. Уже 12 декабря группой армий «Б» принимаются меры предосторожности, которые должны были — в случае прорыва в полосе обороны дивизии «Пасубио» — обеспечить возможность перехода в контрнаступление⁹⁹. 15 декабря командование 8-й армии узнает из захваченного оперативного приказа, что части Красной Армии готовятся нанести удар с плацдарма Верхнего Мамон, а также через Березовку, т.е. на участке дивизий «Коссерия» и «Равенна», между которыми располагался 318-й немецкий гренадерский полк. И это действительно было одним из двух направлений главного удара операции «Малый Сатурн»¹⁰⁰.

Известное под таким названием наступление имело, среди прочего, своей целью окружение и уничтожение тех частей АРМИР, которые держали оборону южнее альпийского корпуса. После пяти дней арьергардных боев, измотавших не имевших порою достаточного количества боеприпасов, не по-зимнему обмундированных и не обладавших опытом ближнего боя с танками итальянских пехотинцев, 16 декабря началось главное

наступление. Против уже обескровленных дивизий «Коссерия» и «Равенна» противник бросил 10 стрелковых дивизий, 4 бригады мотопехоты, 13 танковых бригад и 2 танковых полка. В первый день, несмотря на такое подавляющее превосходство, атакующим удалось прорвать фронт лишь в нескольких местах. Но 17 декабря они организовали обширный прорыв на участке отчаянно сопротивлявшихся дивизий «Пасубио», «Равенна» и «Коссерия». Советские танки ворвались в проделанные пехотой бреши, 8-й армии грозило полное окружение. В начале командование пыталось отводить войска на новые рубежи обороны — оно еще надеялось, что удастся избежать крушения всего фронта. Но в тыл уже отходили многие части. Чтобы избежать тотального хаоса, командование группы армий Типпельскирх прибегает к прямому давлению. Генерал фон Типпельскирх обращается к генерал-полковнику Гарибольди с упреками в адрес группы армий «в результате ряда наблюдений с воздуха и в первую очередь ее танковые части на тех угрожаемых участках, которые они должны оборонять, находятся в состоянии беспорядочного бегства». Поэтому ему поручено «еще раз со всей настойчивостью указать командующему на то, что всеобщее бегство итальянской армии должно быть остановлено самыми жесткими мерами». Типпельскирх расшифровывает при этом, какие меры имеются в виду: «С немецкой стороны в таких случаях дезертиры были бы задержаны заградотрядами и расстреляны». К этому он добавляет «угрозу» — «положить фюреру, что итальянская армия прекратила борьбу». Похоже, что последнее замечание не произвело на Гарибольди особого впечатления¹⁰¹.

19 декабря командование группы армий «Б» пошло наконец на проведение — поначалу в очень ограниченных рамках — маневра, связанного с отступлением. Но оперативное развитие с каждым днем вынуждало все больше расширять эти рамки. Фронт неумолимо откатывался на запад. Начиная с 25 декабря — в это время альпийский корпус все еще оставался на своих позициях на Дону — вырисовываются две колонны отступления.

Особый случай представляла собой в этом плане дивизия «Коссерия», отступавшая отдельным эшелоном и по этой причине — о чем будет сказано ниже — особенно пострадавшая от произвола и нетоварищеского отношения со стороны ее немецких «братьев по оружию». Тут происходили просто невероят-

ные вещи. Эта пехотная дивизия входила в состав альпийского корпуса, а затем, вплоть до 5 января, действовала на левом фланге 24-го немецкого танкового корпуса. Проложив путь марш почти в 1300 километров — были дни, когда столбик термометра опускался до 40 градусов ниже нуля, — это соединение 7 марта 1943 года вышло к Гомелю.

Что же касается обеих походных колонн, то северная состояла из дивизии «Торино», остатков 298-й немецкой пехотной дивизии, отдельных частей дивизий «Равенна» и «Пасубио», а также из ряда других подразделений, относившихся ко 2-му и 35-му корпусам, штабу 8-й армии и интендантским службам. Кстати, значительная часть дивизии «Равенна» уже 21 декабря вышла к Ворошиловграду, где она незамедлительно была задействована в обороне. Остальные части, если им вообще удалось пробиться, прорывались к этому городу в Донбассе до 7-й середины января 1943 года.

В составе южной группы шли дивизия «Сфорцеска», отдельные части дивизий «Равенна», «Пасубио» и «ПАДА», а также мелкие подразделения, непосредственно подчинявшиеся штабам корпусов или службам тыла. Во главе группы стоял командующий 29-м армейским корпусом генерал Ханс фон Штфельдер. Это отступление сопровождалось жестокими боями с советскими войсками и партизанами. Полностью измотанное соединение вышло 3 января к реке Донец в районе Белой Калитвы¹⁰². После этого командование группы армий «Б» решило предоставить войскам возможность отдыха и пополнения: дивизии «Коссерия» — в Ровеньках, дивизии «Равенна» — в Ворошиловграде, а остальным частям — в Горловке¹⁰³.

В то время как южный фронт отодвинулся к концу декабря 1942 года примерно на 100 километров к западу, альпийский корпус все еще оставался на своих прежних позициях на Дону между Новой Калитвой и Карабутом. Его соседом с севера была 2-я венгерская армия, а с юга — образовавший правый фланг 8-й армии 24-й немецкий танковый корпус с приданной ему альпийской дивизией «Джулия». Но эта дивизия, уже участвовавшая в отражении операции «Малый Сатурн», была в значительной степени обескровлена.

12 января советское командование начало крупную Орловско-Россошанскую наступательную операцию, продолжавшуюся до 27 января¹⁰⁴. Ее целью было разгромить дислоцировавшиеся в этом пространстве немецкие, итальянские и венгерские войска, отодвинуть фронт на линию Репьевка—Алексее

и Уразово и взять под контроль железнодорожную линию Новограда—Кантемировка. Начала это наступление 40-я советская армия, атаковавшая 12 января позиции 2-й венгерской армии. В первый же день ей удалось вклинуться во фронт обороняющихся, а 14 января — расширить этот клин прорыва в южном направлении.

В тот же день, 14 января, 3-я советская танковая армия нанесла удар на южном участке 8-й итальянской армии, где располагался 24-й немецкий танковый корпус. И здесь в короткие сроки удалось осуществить прорыв, последствия которого пока не оценили ни командование 8-й армии, ни командование танкового корпуса. Когда же 15 января советские танки ворвались на какое-то время в Россошь и захватили Алексеевку, командование 8-й армии запросило у командования группы армий разрешение на отступление соединений 8-й армии с одновременным отходом соединений 2-й венгерской армии. В просьбе ему было отказано. Вероятно, отказ был продиктован тем, что там, прежде чем начать отступать, хотели сначала подтянуть 24-й танковый корпус, еще находившийся в тот момент юго-восточнее Россоши, к альпийскому корпусу. Поэтому альпийские части только в полдень 17 января — примерно через девять часов после того, как уже начался отвод венгерских частей, — получили приказ прорываться в западном направлении. Об организованном отступлении уже не могло быть и речи: корпус находился в котле. Таким образом альпийские дивизии выступили совместно с 24-м немецким танковым корпусом, которому буквально в последний момент удалось соединиться с ним. Поскольку все маршруты пересекались, то уже с самого начала движения на запад в некоторых дивизиях, как этого и опасались, возникла неразбериха¹⁰⁵.

Надо добавить, что наиболее важные армейские склады АРМ ИР к тому моменту были уже захвачены советскими войсками, и это чрезвычайно осложнило положение отступавших частей. Вскоре они были вынуждены бросить и все не обладавшие повышенной проходимостью автомашины — тот факт, что для прорыва на запад они могли воспользоваться лишь крайне ограниченным количеством дорог (поскольку в своей подавляющей части это пространство уже контролировалось советскими войсками), заставлял их передвигаться в пешем строю, а из-за части оставлять только то, без чего никак нельзя было обойтись, в частности противотанковые орудия.

Отход или прорыв из котла продолжался до конца января.

При этом альпийским подразделениям и немецким частям пришлось участвовать в не менее чем 21 крупном бою. Когда марш был завершен, то дивизий «Джулия», «Кунеэнсе» и «Ченца» как оперативных соединений уже больше не существовало. В какой-то степени боеспособной осталась лишь проясившая чудеса храбрости «Тридинтина» — правда, ради того, чтобы она смогла пробиться, беззаветно жертвовали собой дивизии «Джулия» и «Кунеэнсе». Кстати, давая оценку этому отступительному маневру, нельзя забывать и о том, что командование альпийского корпуса и командование 24-го танкового корпуса 20 января потеряли в сражении под Опытном все средства управления войсками и радиотехнику — за исключением одной радиостанции в 385-й пехотной дивизии. В результате каждая дивизия практически предоставлена самой себе — сохранилась лишь связь штаба армии со штабами корпусов¹⁰⁶. Почти 70 000 солдат альпийского корпуса и дивизии «Виченца» из котла смогли вырваться только около 27 500 человек, примерно 40% их личного состава¹⁰⁷. О пережитых ужасных, нечеловеческих страданиях, скрывающихся за этими цифрами, с огромной выразительной силой повествуют свидетельства тех, кто остался в живых¹⁰⁸. В них картина смертей, раненых, обморожений, голода и холода, но в то же время это и полнота воли к жизни и тех закономерностей и случайностей, благодаря которым ей удавалось восторжествовать.

С другой стороны, статистические сведения, несмотря на свойственную им абстрагированность, способны все же дать представление о масштабах случившегося несчастья. Так, например, видно, что в битве на Дону потеряли жизнь или здоровье мужчины самых разных возрастов преимущественно из жителей горных районов Италии, в результате чего целые деревни почти полностью остались без молодых людей, поскольку в альпийские части призывались из довольно ограниченного числа областей. С 5 августа 1941 по 30 июля 1942 года КСИ в общей сложности потерял убитыми и пропавшими без вести 1792 человека; в дивизии «ПАДА» в дни боев под Серафимополисом с 30 июля по 13 августа 1942 года погиб по меньшей мере 251 человек, но далее, как уже отмечалось, цифры потерь значительно возрастают: в первом оборонительном сражении на Дону с 20 августа по 1 сентября 1942 года 8-я армия потеряла 2704 человека; во второй же битве, продолжавшейся (включая прорыв из котла) с 11 декабря 1942 года по февраль 1943 года потери составили уже 84 830 человек. К общему количеству

погибших и пропавших без вести (из числа последних вырвались из русского плена только 10 030 человек) нужно еще прибавить 43 282 раненых и обмороженных. 29 690 из них были участниками второго оборонительного сражения на Дону¹⁰⁹.

После этой катастрофы 8-я армия была «исключена из численности фронтовых соединений», вместо нее фигурирует оперативная группа Ланц¹¹⁰. Поскольку командование вермахта хотело, чтобы итальянские дивизии оставались на Восточном фронте, нужно было отвести на отдых и пополнение хотя бы один армейский корпус в составе дивизий «Равенна» и «Коссенца». Из остатков разгромленного альпийского корпуса немцы планировали создать в районе переформирования в Белгороде новую полноценную дивизию, что было, однако, решительно запрещено генерал-полковником Гарибольди. 6 марта 1943 года началась отправка альпийских стрелков в Италию. Кроме того, было разрешено отправить домой и тех солдат 35-го армейского корпуса, кто из-за своего плохого физического состояния не мог быть зачислен в ряды 2-го армейского корпуса. 12 марта его штаб принял от штаба 8-й армии командование итальянскими вооруженными силами в России». Корпус уже не возвращался на дальнейшее пребывание на Восточном фронте. Но 12 апреля верховное командование неожиданно сообщило, что оно договорилось с Верховным командованием вермахта относительно того, что и 2-й армейский корпус также будет возвращаться на родину. Это и было сделано, и уже 22 мая 1943 года на Восточном фронте не осталось официально ни одного итальянского солдата¹¹¹.

На такое решение итальянского руководства повлияли несколько факторов. Были тут и вполне понятные причины психологического характера, оказывавшие воздействие на моральное состояние тех солдат, кто после страшных событий последних недель, пережить которые, в общем-то, помогала только надежда, что всем этим ужасам придет все же когда-нибудь конец, видел теперь своих товарищей уезжающими домой, а сам — остающимся тут и не ведающими, доведется ли им когда-нибудь вернуться на родину. К этому добавлялись и военно-политические соображения. Здесь следует напомнить, что генерал-полковник Амброзио, ставший 1 февраля 1943 года новым главой верховного командования, еще в ноябре 1942 года планировал вернуть домой все дивизии. Не в последнюю очередь нужно, наконец, указать и на то, как развивались во второй половине 1942 года союзнические отношения между Римом

и Берлином, в связи с чем затронуть и вопрос о последствиях участия Италии в войне против Советского Союза.

Именно под этим аспектом рассмотрим конкретные события ноября 1942 года, когда быстро ухудшавшаяся обстановка в Северной Африке и трудности, в которых завяз вермахт на Востоке, потребовали от стран оси таких военных усилий, на которые у них, кажется, не было больше сил. Выше уже обращалось внимание на снижение военной активности Италии в Средиземноморье, объективной причиной чему с самого начала служила отправка ею войск в Россию. Однако в 1941 году и в начале лета 1942 года дуче полагал — руководствуясь своими стратегическими расчетами, — что может позволить себе. Теперь же Гитлер и Муссолини были прижаты спиной к стене. И в такой ситуации приоритет, с точки зрения Рима, приоткрывал Средиземноморский театр военных действий — именно здесь были сосредоточены подлинные интересы Италии. А это означало, что машину войны на Востоке нужно было остановить.

Первый шаг в этом направлении Муссолини сделал 6 ноября. В тот день он прокомментировал выдержанный в весьма критическом духе доклад промышленника Альберто Пирелли о европейской ситуации и германской политике. Тут впервые в высказывании дуче было выражено его — правда, в свете известных нам фактов не столь уж неожиданное — желание (в следующие месяцы оно станет доминирующим, что во многом подтверждается документами) добиться урегулирования на Востоке. По мнению главы итальянского правительства, совершенно необходимо «предпринять все усилия для заключения с Россией сепаратного мира». В отличие от Пирелли, Муссолини полагал, что Сталин может пойти на это¹¹². Потом, вечером того же дня, он скажет генералу фон Ринтелену: «Лично Вася хотел бы сообщить мое мнение, что нам следует как можно скорее заключить отдельный мир с Россией». Военный атташе, разумеется, известит об этом Берлин¹¹³, где кое-кто — правда, не тот, кто принимал решения, — смотрел на вещи точно так же.

Месяц спустя, 5 декабря, генерал-полковник и сенатор Франческо Грациоли, которого Муссолини очень ценил, передает дуче в Риме памятную записку, где также настаивает на необходимости сепаратного мира со Сталиным¹¹⁶. 16 февраля 1943 года он обращается к Муссолини со вторым, более развернутым трактатом. Генерал-полковник ссылается на очевидное ухудшение обстановки в период с ноя-

1942 по январь 1943 года, подчеркивая при этом, насколько сильное впечатление произвела на него мощь советского зимнего наступления. Резюмируя развитие событий на Восточном фронте, он рекомендует определить в России наиболее подходящую линию обороны и как можно скорее превратить ее с помощью всех имеющихся в распоряжении сил и средств в запертый вал от «нарастающего большевистского потока»¹¹⁷. Тем самым им предлагалась альтернатива на тот случай, если бы сорвалось то, чему отдавался приоритет, — заключение сепаратного мира. О таком варианте глава итальянского правительства еще раньше говорил рейхсмаршалу Герману Гёрингу, когда тот был с визитом в Риме в начале декабря 1942 года. Конечно, Муссолини отдал бы предпочтение соглашению наподобие Брестского мира, но если бы добиться этого не удалось, то тогда следовало бы создать на Востоке — с минимальным задействованием собственных сил — такой мощный оборонительный рубеж, о который разбились бы все попытки советского наступления. По мнению Муссолини, война с СССР уже утратила какой-либо смысл и нужно было направить максимальное количество войск против западных держав¹¹⁸. Но когда 20 декабря Чиано беседовал с Гитлером, тот дал недвусмысленно понять, что «восточная проблема» для него является «исключительно военной задачей»¹¹⁹. Такого мнения он будет придерживаться и впредь. В своем же письме дуче от 16 февраля 1943 года фюрер просто сообщит, что будет «радоваться на Востоке до тех пор, пока этот (советский) колючий не рухнет — вместе с его союзниками или без них»¹²⁰. Это письмо было передано Иоахимом фон Риббентропом, когда тот встречался с Муссолини в конце февраля в Риме. Риббентроп при этом откровенно заявил, что на Востоке они «потерпели фиаско». Однако, продолжал он, «фюрер не верит в возможность политического решения в России», и поэтому возможные действия будут продолжены с еще большим размахом¹²¹. Попытка Муссолини осуществить свой первоначальный расчет — будь то путь дипломатических переговоров или создание «Восточного рубежа»¹²², т.е. направить отныне все военные усилия против западных держав, в результате столкновения столь непримиримых позиций потерпела неудачу. Поэтому не имеет смысла проследивать в деталях весь дальнейший обмен мнениями между обеими державами оси по поводу сепаратного мира с Москвой, продолжавшийся — и в письменной, и в устной форме — на самых различных уров-

нях, в том числе и при личных встречах Гитлера и Муссолини¹²³. В итоге тотальный радикализм Гитлера по отношению к войне на Востоке привел к тому, что Муссолини уже готов был пойти на отказ от формально сохранявшейся до того времени покорной верности союзнику — комплексу, который дуче оставался, вероятно, еще со времени первой мировой войны, несмотря на все его антинемецкие настроения и чувства соперничества по отношению к фюреру. Здесь мы, похоже, имеем дело с наиболее ярким проявлением гитлеровской цикличности на Востоке. И, несколько утрируя ситуацию, можно сказать, что такой своей позицией Гитлер подталкивал Муссолини к выходу из войны. Правда, когда глава итальянского правительства решился наконец на этот последний шаг, оказалось, что делать его уже поздно¹²⁴.

Не менее значимыми, нежели политические последствия участия Италии в войне с Советским Союзом, представляются последствия психологические. И хотя, с одной стороны, они были ее внутренней проблемой, но, с другой стороны, они затронули — и, пожалуй, продолжают затрагивать по сей день — отношения между обоими народами.

Что касается первого момента, то кем-то уже было отмечено, что почти вся итальянская мемуарная литература во всяком случае в своем подавляющем большинстве, сосредоточена тематически на заключительном этапе итальянского участия в боевых действиях в России. И это передает в основном картину движения — точнее, вытеснения — с Востока на Запад. А вот вопрос, почему и как итальянцы пришли на Восток, не только не получает ответа, но в большинстве случаев даже и не ставится¹²⁵.

Правда, есть тут и исключения. К ним относятся два издания писем и рассказов бывших солдат¹²⁶, из которых с потрясающей убедительной силой встает картина бесчеловечности, бессмысленности, порой преступающей все пороги нормального извращения этой войны. Свидетельства бывших солдат показывают, что людям довелось испытать и пережить чуть ли не кафковскую ситуацию. Многие из них — вероятно, большинство — вовсе не хотели воевать на Востоке. Кое-кто подумывал о нанесении себе увечья, даже матери советовали своим сыновьям делать это. Люди напивались, чтобы хоть на момент забыть и не думать о предстоящем. Но вот военные эшелоны двинулись в путь. В Польше итальянцы впервые увидели мужчин и женщин с нашитой на одежду так называ-

емой «звездой Давида», которые собирали объедки, оставшиеся от итальянских солдат, а их за это избивали, а потом выгоняли на работу. Это были люди, о судьбе которых итальянские солдаты в 1942 году слышали, что немцы «сожгли всех евреев». Солдаты ехали дальше — судя по всему, ничего не понимая. А два месяца спустя они уже вытаскивались из котла на Дону и погибали сотнями и тысячами. Над иными полями, как рассказывает один из них, после советской атаки слышался сплошной несмолкаемый крик: «Помогите, помогите, мама, мама!»¹²⁷ Это был животный ужас, порожденный невообразимыми страданиями. После той зимы 1942/43 года они уже не смогут забыть Россию. Боязнь того, что им вновь придется вернуться туда, была одной из причин, почему итальянские солдаты, оказавшиеся после выхода Италии из войны 8 сентября 1943 года в немецких лагерях для военнопленных, отказывались от любого сотрудничества с Германией¹²⁸.

Второй аспект, тот, что касается отношений между немцами и итальянцами, потребовал бы более подробного исследования, выходящего за рамки Восточной кампании. Поэтому здесь мы ограничимся лишь расстановкой некоторых акцентов и общей картиной.

Рассказывают, что, когда итальянские солдаты на своем пути в Советский Союз проезжали через территорию рейха, население сердечно приветствовало их¹²⁹. А примерно шесть месяцев спустя в одной из секретных сводок службы безопасности рейха от 8 февраля 1943 года говорилось: «По сообщениям из всех частей рейха, в настоящее время особенно велико враждебное отношение к итальянцам. Почти повсюду распространился слух, что итальянские войска проявили под Сталинградом свою полную несостоятельность, они побежали уже после первой попытки прорыва русскими и поэтому стали виновниками поражения»¹³⁰.

Правда, такой «слух» распространился отнюдь не случайно — более того, исходил он от немецких военных. Так, к примеру, генерал фон Типпельскирх заявил в декабре 1942 года оперативному отделу 8-й армии, что «это же невозможно, чтобы 5 итальянских дивизий бросились наутек до самого Черного моря»¹³¹. Когда Чиано в том же месяце прибыл на переговоры в рейх, он был вынужден констатировать, что немцы совершенно явно хотят свалить на итальянцев всю вину за поражение на Востоке¹³². Такое впечатление создалось у него, в частности,

из разговоров с представителями вермахта. По словам Каллеро, немецкие военные пытались создать себе алиби, утверждая, будто бы части 8-й армии бежали, не приняв боя¹³³.

К счастью, утверждения командования вермахта и групп армий «Б» можно сопоставить с оценками немецких офицеров в связи при итальянских дивизиях и штабах¹³⁴. Из донесений этих офицеров создается более справедливая и более дифференцированная картина. В отношении АРМИР в целом можно прочесть следующее: «Несмотря на все упущения и ошибки, выявившиеся в ходе боевых действий, выдвигающее кое-кем утверждение, будто итальянцы просто бежали, следует назвать не только преувеличенным, но и абсолютно ложным»¹³⁵.

Далее такое свидетельство: «К сожалению, приходится констатировать, что солдаты 8-й итальянской армии в своем большинстве вернулись на родину глубоко разочарованными, потому что немецкие солдаты относились к ним отнюдь не по-товарищески»¹³⁶.

Упрек в нетоварищеском отношении встречается в итальянских источниках чуть ли не на каждом шагу. Вот, например, пространная сводка, датированная маем 1943 года, где содержится указание на вопиющие упущения командования групп армий «Б» по руководству боевыми действиями 8-й армии и казывается в весьма неблагоприятном свете роль генерала Типпельскирха. Там говорится также, что он был не офицером в связи, а надзирателем за АРМИР. С января 1943 года групп армий «Б» оставляла неудовлетворенными почти все итальянские заявки, касающиеся материально-технической поддержки. Исключение тут составляли лишь офицеры-медики, которые всегда были готовы оказать помощь и вели себя поистине по-товарищески. В целом же для обстановки были характерны резкие стычки немецких и итальянских солдат. Больше всего такие случаи провоцировались унтер-офицерами и младшими офицерами вермахта. Бывало даже, немцы, угрожая оружием, отбирали у отступавших итальянцев их транспортные средства¹³⁷.

Разочарование отношением союзника доминирует и в письме генерал-майора Итало Джильо. Автор письма возлагает на него всю вину за гибель 8-й армии и, между прочим, намекает, что жаждет поквитаться с немцами — причем с оружием в руках¹³⁸. Командир одной пехотной роты, приводя целый ряд документально подтвержденных примеров, обвиняет немецких

солдат в том, что при отступлении они не проявили ни малейшего чувства товарищества: «Поведение всех немецких военных характеризовалось глубокой, откровенной и зачастую подчеркнутой враждебностью». Доводилось испытывать пренебрежение, заносчивость, насмешки, а нередко — когда итальянцы были в меньшинстве — и рукоприкладство. Даже с помощью повозок итальянских солдат сгоняли ударами прикладов или угрожая применением оружия»¹³⁹.

Такого рода свидетельства подтверждает и военный священник 8-й итальянской армии. Делая скидку на различие в темпераментах итальянцев и немцев и на негативные последствия языкового барьера, он также подчеркивает, что в особенности при прорыве из котла, в хаосе всеобщего отступления итальянцы брали самые низменные инстинкты. Отношения между союзниками «то и дело угрожали перейти во вражду. Итальянские солдаты никогда не простят немцам, пишет далее священник, что избежавшим русского плена итальянцам «приходилось при невыносимой температуре неделями ехать в продуваемых насквозь грузовых вагонах или на открытых платформах, то время как к услугам немецких солдат всегда был по меньшей мере пассажирский вагон 3-го класса»¹⁴⁰. Здесь уместно также напомнить о том, что при прорыве на запад на долю солдат вермахта доставалось также куда меньше страданий, потому что они были лучше моторизованы и оснащены, нежели их итальянские товарищи по оружию.

В заключение еще следует сослаться на собранные одним из немецких командиров пехотной дивизии «Коссерия» 54 примерами свидетельствующие о срывах в боевом взаимодействии, хищениях оружия и материалов, проявлениях злобы, не оказании поддержки или помощи или отказе в ее оказании. Как и все другие сообщения, эти данные строго документированы. Кроме того, офицер настойчиво подчеркивает, что речь тут идет о простом собрании примеров, а отнюдь не о полной документации «враждебного, грубого, зачастую варварского и бесчеловечного и уж всегда презрительного и высокомерного обращения военнослужащих немецкой армии» со своими итальянскими товарищами по оружию¹⁴¹.

Разумеется, читая и оценивая такого рода свидетельства, задаешь себе вопрос, насколько типичными были эти случаи. Ведь в конце концов немецкие солдаты не представляли собой какой-то однородной большой группы, они — и в рядах вермахта — оставались отдельными индивидуумами, сами за себя от-

вечали и в сфере межлических отношений редко действовали по приказу. Но поскольку цитировавшиеся свидетельства были результатом организованного Верховным командованием официального опроса «О поведении немецких союзников в начале и в период отступления»¹⁴² и поскольку ответы давали на совершенно конкретные вопросы и приведенные здесь примеры представляют собой всего лишь краткую выжимку — можно продолжать и продолжать — из обширнейшей и истинной по содержанию документации, которая подкрепляется по сути дела и донесениями немецких офицеров связи, то возникает никакого повода для сомнений в достоверности этих показаний солдат АРМИР.

А если дело обстояло именно так, то не требуется никаких комментариев, никаких дополнительных выводов относительно факторов, служивших помехами для немецко-итальянских отношений, и относительно картины настроений в гражданской и военной среде. Союз между Берлином и Римом не продержался в начале 1943 года, он уже развалился и долго не ожидал, когда же на нем будет поставлен крест. Так что решение Муссолини участвовать в войне против Советского Союза было прямым, и косвенно способствовало этому в решающей степени.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Bottai G. Diario 1935-1944, a cura di G.B. Guerri. Mailand, 1982. 26.06.1941. S. 369.
- ² См.: Revelli N. L'ultimo fronte. Lettere di soldati caduti o dispersi nella seconda guerra mondiale. Turin, 1989. S. 29.
- ³ Относительно пропагандистского антуража см.: Collotti E. L'alleanza italiana con la Germania nazista 1941-1943, in: Gli italiani sul fronte russo, a cura dell'Istituto storico della resistenza in Cuneo e provincia. Bari, 1982. S. 3-61 (здесь S. 27); Isnenghi M. La campagna di Russia nella stampa e nella pubblicistica fascista. Ibid. S. 377-423 (здесь S. 402-414), а также Isnenghi M. Le guerre degli italiani. Parole, immagini, ricordi 1848-1945. Mailand, 1989. S. 196 f.
- ⁴ Akten zur deutschen auswärtigen Politik 1918-1945. Aus dem Archiv des Deutschen Auswärtigen Amtes (ADAP). Serie D: 1937-1941. 13 Bde. Baden — Göttingen, 1950-1970. Bd. 13/1: 23. Juni bis 14. September 1941. Göttingen, 1970. Dok. 7, S. 7 ff. (цитата — S. 7).
- ⁵ Ciano G. Diario 1937-1943, a cura di R. De Felice. Mailand, 1980. S. 527 (запись от 1.07.41).
- ⁶ De Felice R. Mussolini l'alleato 1940-1945. I. L'Italia in guerra 1940-1943. Tomo primo: Della guerra «breve» alla guerra lunga. Turin, 1990. S. 394.
- ⁷ I Documenti Diplomatici Italiani (DDI), nona serie: 1939-1943, vol. 7 (1 aprile — 11 dicembre 1941). Rom, 1987. Doc. 9, 170, 282; Toscano M. Passato e futuro della diplomazia italiana. II: Origini e vicende della seconda guerra mondiale.

mondiale. Mailand, 1963. S. 211-247; Die Weizsäcker-Papiere 1933-1950, hrsg. von L.E. Hill. Frankfurt a.M., Berlin, Wien, 1974. S. 237 (запись от 1.07.41).

¹ См. по этому поводу: De Felice R. Op. cit. S. 388 ff.

² ADAP. Serie D: 1937-1941. Bd. 12/2: 6. April bis 22. Juni 1941. Göttingen, 1969. Dok. 660. S. 889-892. (цитата — S. 891).

³ Le operazioni delle unità italiane al fronte russo (1941-1943), a cura di C. De Franceschi, G. de Vecchi e F. Mantovani. Rom, 1977. S. 33-37; см. затем примечание составителей в ADAP (см. прим. 9). S. 769; Cavallero U. Comando Supremo. Diario 1940-43 del Capo di S.M.G. Bologna, 1948. S. 105 (запись от 30.05.41); Ciano G. Op. cit. S. 512 (запись от 14.05.41); S. 526 (запись от 21.06.41).

⁴ ADAP (см. прим. 9), см. также: Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 4. Stuttgart, 1983. S. 897 f. (глава Фёрстера).

⁵ ADAP (см. прим. 9). Dok. 666. S. 898 f.

⁶ Ciano G. Op. cit. S. 527 (запись от 22.06.41); S. 529 (запись от 30.06.41).

⁷ ADAP (см. прим. 4). Dok. 7. S. 7 ff.

⁸ Ibid. Dok. 62. S. 61 f.

⁹ Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 3. Stuttgart, 1984. S. 572-573 (раздел Шрайбера).

¹⁰ См. De Felice R. Op. cit. S. 395 f.

¹¹ См. Ceva L. La condotta italiana della guerra. Cavallero e il Comando supremo 1941/1942. Mailand, 1975. S. 57-62.

¹² Материала на эту тему более чем достаточно, напр.: Ciano G. Op. cit. S. 525 f (запись от 18.06); S. 528 (запись от 29.06); S. 531 (запись от 6.07); S. 533 (запись от 13.07.41); Bottai G. Op. cit. S. 274 (запись от 1.7.); S. 281 (запись от 30.08); S. 291 (запись от 29.11.41).

¹³ Ciano G. Op. cit. S. 523 f (запись от 10.06.41); DDI (см. прим. 7). Doc. 618. S. 628 (запись от 3.10.41); Doc. 623. S. 632 f. (запись от 6.10.41).

¹⁴ Corla G. L'Italia nella seconda guerra mondiale. Diario di un milanese, ministro del Re nel governo di Mussolini. Mailand, 1959.

¹⁵ Ciano G. Op. cit. S. 522 (запись от 6.06.41).

¹⁶ Ibid. S. 530 (запись от 1.07.41).

¹⁷ Bottai G. Op. cit. S. 271 (запись от 7.07.41); об отношении Муссолини к Гитлеру см.: De Felice R. Op. cit. Tomo secondo: Crisi e agonia del regime. Turin, 1990. S. 1273 ff.

¹⁸ Ciano G. Op. cit. S. 523 f (запись от 10.06.41).

¹⁹ Bottai G. Op. cit. S. 282 (запись от 2.09.41).

²⁰ Ciano G. Op. cit. S. 529 (запись от 30.06.41).

²¹ Ibid. S. 528 (запись от 29.06.41).

²² Corla G. Op. cit. S. 217 f. (запись от 5.07.41); Bottai G. Op. cit. S. 276 (запись от 5.07.41).

²³ Ciano G. Op. cit. S. 531 (запись от 6.07.41); S. 569 (запись от 20.12.41); S. 580 (запись от 13.01.42) — о реакции на военные проблемы у немцев. Наиболее показательные высказывания, содержавшие опасения по поводу территориальных требований к Италии см.: Ibid. S. 531 (запись от 6.07); S. 533 (запись от 13.07); S. 544 f. (запись от 13.10.); S. 545 f. (запись

- от 15.10); S. 554 (запись от 8.11.41); S. 646 (запись от 30.8.42.); *Botti* Op. cit. S. 289 (запись от 12 и 19.11.41.). Относительно гегемонист притязаний германского рейха в Средиземноморье см.: *Schreiber G.* *Le popolazioni, una vittoria?* Gli italiani nei Balcani nel giudizio dell'alleato germanico in: *L'Italia in guerra 1940-43*, a cura di B. Micheletti e P.P. Poggio. *Brescia* 1992. S. 95-124.
- ³¹ *Ciano G.* Op. cit. S. 535 (запись от 20.07.41).
- ³² *Le operazioni delle unità italiane* (см. прим. 10). S. 71-82; 531-541.
- ³³ *Ibid.* S. 539 f.; *Crucchi R.* *Le operazioni italiane in Russia 1941-1943, in: Gli italiani sul fronte russo* (см. прим. 3). S. 209-227 (здесь S. 212).
- ³⁴ *Ciano G.* Op. cit. S. 528. (запись от 26.06.41).
- ³⁵ *Le operazioni delle unità italiane... S. 74-77; Crucchi R.* Op. cit. S. 212; *La campagna di Russia nel quadro strategico della guerra fascista*, in: *Gli italiani sul fronte russo*. S. 163-193 (здесь S. 173).
- ³⁶ *Hitlers Weisungen für die Kriegführung 1939-1945. Dokumente des Oberkommandos der Wehrmacht*, hrsg. von W. Hubatsch, Koblenz, 1983. S. 84. См. в связи с этим также: *Messe G.* *Der Krieg im Osten*. Zürich, 1992. S. 29-36.
- ³⁷ *Le operazioni delle unità italiane... S. 79-82; Messe G.* Op. cit. S. 41-48.
- ³⁸ *Crucchi R.* Op. cit. S. 212-215; *Le operazioni delle unità italiane... S. 83-100.*
- ³⁹ *Kriegstagebuch der Seekriegsleitung 1939-1945. Teil A*, hrsg. von W. Rahn, G. Schreiber unter Mitwirkung von H. Maierhöfer. Bd. 32: April 1942. Herbolzheim, 1992. S. 158 (запись от 10.04.42).
- ⁴⁰ *Le operazioni delle unità italiane... S. 181.*
- ⁴¹ *Ciano G.* Op. cit. S. 534 (запись от 15.07.41); *Bottai G.* Op. cit. S. 278 (запись от 22.07.41).
- ⁴² *Promemoria di Mussolini per Cavallero sulla situazione politico-militare in Jugoslavia* luglio 1941. Опубликовано, в частности, в: *Ceva L.* (см. прим. 18). S. 117-118. В книге Дж. Мессе (*Messe G.* Op. cit. S. 37); оно датируется 22 июля 1941 г. Представляется, что данный в ней перевод не передает подлинный смысл высказывания Муссолини, так как ему придано прогерманское звучание. В оригинале же оно звучит так: «Non possono essere meno presenti della Slovacchia e bisogna sdebitarci verso l'alleato».
- ⁴³ *Bottai G.* Op. cit. S. 286 (запись от 25.09.41).
- ⁴⁴ *Ibid.* S. 287 (запись от 10.10.41).
- ⁴⁵ *Messe G.* Op. cit. S. 36 f.
- ⁴⁶ *Ceva L.* (см. прим. 18). S. 86.
- ⁴⁷ *ADAP* (см. прим. 4). Dok. 156. S. 184 ff.
- ⁴⁸ *Ceva L.* (см. прим. 18). S. 59, ann. 15 и S. 170 ff. — приведенное предложение предположительно датируется 31.07.41.
- ⁴⁹ *Gavallero U.* Op. cit. S. 128 (запись от 15.08.41).
- ⁵⁰ *DDI* (см. прим. 7). Doc. 511. S. 506 ff.; по поводу переговоров 25.08.41 комментарий в: *Die Weizsäcker-Papiere* (см. прим. 7). S. 267 f. (запись от 6.09.41).
- ⁵¹ *DDI* (см. прим. 7). Doc. 504. S. 494-497.
- ⁵² *Ciano G.* Op. cit. S. 537 (запись от 22.03.41).
- ⁵³ *Ibid.* S. 544 (запись от 10.10.41).

- ⁵⁴ *Ibid.* S. 544 f. (запись от 11 и 15.10.41).
- ⁵⁵ *Ibid.* S. 548 (запись от 22.10.41); о том, как Кавалеро решил проблему моторизации, см.: *Ceva L.* (см. прим. 18). S. 86 — там говорится, что эта идея появилась у него уже 26.07.
- ⁵⁶ *Ciano G.* Op. cit. S. 548 (запись от 22.10.41).
- ⁵⁷ *Le operazioni delle unità italiane... Doc. 49. S. 588* — там же содержатся изображения по поводу прочих предварительных условий итальянского участия в боевых действиях.
- ⁵⁸ *ADAP, Ser. D, Bd. 13/2: 15. September bis 11. Dezember 1941. Göttingen, 1970. Dok. 424. S. 563-570* (цитата — S. 569). См. кроме того, *DDI* (прим. 7). Doc. 682. S. 686: краткий отчет Чиано Муссолини от 25.10.41, в котором подчеркивается «принципиальное согласие Гитлера на участие итальянских войск в боевых действиях», а также — *Ibid.* Doc. 686. S. 690-694; более подробный отчет о встрече с Гитлером от 26.10.41.
- ⁵⁹ *ADAP, Ser. D, Bd. 13/2, Dok. 433. S. 580-585.*
- ⁶⁰ *Ciano G.* Op. cit. S. 552 (запись от 1.11.41).
- ⁶¹ *ADAP, Ser. D, Bd. 13/2. S. 613-618* (цитата — S. 614 f.).
- ⁶² *Ciano G.* Op. cit. S. 553 f. (запись от 6.11.41).
- ⁶³ *Ibid.* S. 560 (запись от 22.11.41).
- ⁶⁴ *ADAP, Ser. D, Bd. 13/2, Dok. 522. S. 733 ff.*
- ⁶⁵ *DDI* (см. прим. 7). Doc. 786. S. 798-802; министр иностранных дел Чиано в главе правительства Муссолини, 24-27.11.41 (цитата — S. 801).
- ⁶⁶ *ADAP, Ser. D, Bd. 13/2, Dok. 532. S. 760 f.*: немецкий генерал при ставке итальянских вооруженных сил — отделу атташата ОКХ 2.12.41; второе посещение генерала Ринтелена см.: *Ibid.*, прим. 3, а также *Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg*. Bd. 4. S. 900 (глава Фёрстера).
- ⁶⁷ Такое ошибочное предположение содержится в: *Le operazioni delle unità italiane... S. 183, Ceva L.* (см. прим. 35). S. 177 ff.
- ⁶⁸ См. недвусмысленную запись самого Кавалеро — *Gavallero U.* Op. cit. S. 158 (запись от 3.12.41). Этот датированный 3.12.41 проект находится в Архиве итальянских сухопутных войск в Риме.
- ⁶⁹ *DDI, nona serie: 1939-1943, vol. 8* (12 dicembre 1941 — 20 luglio 1942). *Bonn*, 1988. S. 72, ann. 3.
- ⁷⁰ *ADAP, Serie E: 1941-1945. Bd. 1: 12. Dezember 1941 bis 28. Februar 1942. Göttingen, 1969. Dok. 53. S. 93 f.*
- ⁷¹ *DDI* (см. прим. 69). Doc. 69. S. 65 f.: посол в Токио М. Инделли — министру иностранных дел Чиано, 22.12.41. См. статью Б. Мартина в этом сборнике.
- ⁷² *Ciano G.* Op. cit. S. 572. (запись от 28.12.41). Министр иностранных дел был настроен намного более скептически, нежели глава правительства. Чиано полагал, что сама манера начала войны, ее цели и ход исключают такую возможность.
- ⁷³ *DDI* (см. прим. 69). doc. 79. S. 71 ff.: Муссолини — Гитлеру, 29.12.41.
- ⁷⁴ *Bottai G.* Op. cit. S. 279 f. (запись от 2.08.41).
- ⁷⁵ *ADAP, Serie E, Bd. 1, Dok. 62. S. 104-113*: Гитлер — Муссолини, 29.12.41. О политическом положении в союзе и военной обстановке в конце 1941 — начале 1942 года см.: *Förster G.* *Stalingrad. Risse im Bündnis 1942/43*. Freiburg, 1975. S. 13 ff.; *Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg*. Bd. 6.

- Stuttgart, 1990. S. 816-835, а конкретно об Италии — S. 818 ff. (р. Вернера).
- ⁷⁶ *Ciano G.* Op. cit. S. 577 (запись от 1.01.42).
- ⁷⁷ ADAP, Serie E, Bd. 1, Dok. 62. S. 108.
- ⁷⁸ *Ibid.* Dok. 164. S. 293 f.
- ⁷⁹ *Ciano G.* Op. cit. S. 580 (запись от 13.01.42); Подтверждений т отношения в дневнике Чиано вплоть до 8.02.43, когда сделана посл запись, весьма много; укажем выборочно на записи 25.01, 20.02, 24.03, 1.04, 22.07, 3.12.42, 22.01 и 8.02.43.
- ⁸⁰ О формировании КСИР и АРМИР см.: I servizi logistici delle unità it al fronte russo (1941-1943), a cura di C. De Franceschi, G. de Vec V. Cismon, R. Graziosi e M. De Seris. Rom, 1975.
- ⁸¹ Kriegstagebuch der Seekriegsleitung. Teil C, Heft XIII, Italienische K führung, Juli 1940 — April 1945. S. 302 ff. Bundesarchiv — Militärarchi burg (BA-MA), RM 7/233.
- ⁸² *Ciano G.* Op. cit. S. 593 (запись от 20.02.42) — о разочаровании Муссо и о его решении оснастить войска собственными средствами. Мно сленные доказательства того, как отрицательно сказалоь это на вед боевых действий в Средиземноморском регионе, содержатся в: C (см. прим. 18). S. 84-118.
- ⁸³ I servizi logistici... S. 149.
- ⁸⁴ Военную характеристику АРМИР см.: Le operazioni delle unità itali S. 181-199, 305-308, 597-631; *Ceva L.* (см. прим. 35). S. 177 ff.; *Cruc Op. cit.* S. 215 f. Что касается цифровых данных, то на этот счет тературе имеют место определенные расхождения.
- ⁸⁵ 8. Armee, 13. August 1943 — см.: Deutscher General beim italieni Armeekommando 8, Tagesmeldungen und dergleichen. Bd. 3: 1.1.- 1943, in: Italienische Lagemeldungen: August 1942 — Januar 1943. BA RH 31 IX/22.
- ⁸⁶ Le operazioni delle unità italiane... S. 187-194; *Cruc R.* (см. прим. S. 216. Данные о численности отдельных корпусов даются по BA RH 31 IX/22 (см. прим. 85).
- ⁸⁷ *Messe G.* Op. cit. S. 230-233; Le operazioni delle unità italiane... S. 200-2
- ⁸⁸ См. в этой связи детальное описание в следующей работе: *Massign Alpi e tedeschi sul Don. Document e testimonianze sulla ritirata del d'armata alpino e del XXIV Panzerkorps germanico in Russia nel ge 1943 — con il diario del «Generale tedesco presso l'8ª armata italiana».* N di Valdegno, 1991. S. 56 f.
- ⁸⁹ Le operazioni delle unità italiane... S. 234-293; *Cruc R.* Op. cit. S. 2 *Messe G.* Op. cit. S. 240-272.
- ⁹⁰ Kriegstagebuch des Deutschen Generals beim italienischen Armeekom mando 8, vom 11.07.42 — 31.1.1943. S. 18-22 (цитата — S. 22). BA RH 31 IX/1; об этом прямо свидетельствует Мессе (*Messe G.* Op. S. 257-262); см. также: Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. S. 975 (раздел Вернера).
- ⁹¹ См., напр., *Ciano G.* Op. cit. S. 627 (запись от 4.06.42).
- ⁹² *Bottai G.* Op. cit. S. 329 (запись от 13.10.42).
- ⁹³ *Messe G.* Op. cit. S. 273-285.

- Le operazioni delle unità italiane... S. 294-327; *Cruc R.* Op. cit. S. 219 f.
- Об этом и о реакции немцев на изменение обстановки см. *Förster G.* Op. cit. S. 40-45; Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 6. S. 997-1023 (раздел Вернера).
- Cavallero U.* Op. cit. S. 294 (запись от 25.07.42); S. 303. (запись от 4.08.42). *Ibid.* S. 390 f. (запись от 17.11.42).
- Kriegstagebuch des Oberkommandos der Wehrmacht (Wehrmachtführungss tab) 1940-1945. Geführt von H. Greiner und P.E. Schramm. Im Auftrag der Wehrforschung hrsg. von P.E. Schramm. 4 Bde. Frankfurt a.M., 1961-1979. Bd. 2: 1. Januar 1942 — 31. Dezember 1942. Frankfurt a.M., 1963. S. 1054 (запись от 30.11.42). См. также статью М. Керига в этом сборнике.
- BA-MA, RH 31 IX/1 (см. прим. 90). S. 60.
- Ibid.* S. 69. См. также статью А. Харькова в этом сборнике.
- Anlagen zum Kriegstagebuch Deutscher General beim italienischen Armeekommando S. Befehle, Besprechungsunterlagen, Meldungen. 13.07.42-11.01.43. BA-MA, RH 31 IX/2. S. 38.
- О развитии оперативной обстановки см.: Le operazioni delle unità italiane... S. 316-421; *Cruc R.* Op. cit. S. 219-222.
- BA-MA, RH 31 IX/1 (см. прим. 90). S. 101; см. там же: S. 104 (запись от 5.01.43); S. 104 (запись от 5.01.43). Эти документы очень хорошо показывают, что у итальянского командования были совсем иные планы, направленные на шадящий режим для войск.
- Об итоговом об итальянском участии на этом этапе войны на Востоке см.: *Massignani A.* Op. cit. S. 53-146; Le operazioni delle unità italiane... S. 421-450; *Cruc R.* Op. cit. S. 222 f.
- См. об этом: *Massignani A.* Op. cit. S. 65-81. Данная работа базируется на той имеющейся литературе и богатейшем документальном материале.
- Ibid.* S. 81-104; Le operazioni delle unità italiane... S. 433-450; BA-MA, RH 31 IX/1 (см. прим. 90). S. 114 (запись от 21.01); S.117 (запись от 22.01); S. 120 (запись от 23.01.43).
- Massignani A.* Op. cit. S. 98 a.
- Ravelli N.* La strada del daval. Turin, 1980. Здесь приводятся и многочисленные примеры; *Stern M.R.* Il sergente nell neve, Turin, 1989. S. 73-174; в данном контексте см. также: *Rochat G.* Memorialistica e storiografia sulla campagna italiana in Russia 1941-1943, in: Gli italiani sul fronte russo (см. прим. 3). S. 465-482.
- Le operazioni delle unità italiane... S. 487 ff.
- BA-MA, RH 31 IX/1 (см. прим. 90). S. 140.
- Le operazioni delle unità italiane... S. 466-474; Ministero della Difesa, Commissione Ministeriale d'indagine sul presunto eccidio di Leopoli avvenuto nell'anno 1943, relazione conclusiva. Rom, 1988. S. 91 f.; об упомянутых немецких намерениях см.: BA-MA, RH 31 IX/1 (см. прим. 90). S. 106 f. (запись от 5.01.43) — там же уже есть сведения об отказе итальянцев использовать в дальнейшем свои альпийские части на Восточном фронте.
- De Felice R.* (см. прим. 24). S. 1264 f.
- ADAP, Serie E: 1941-1945. Bd. 4: 1. Oktober bis 31. Dezember 1942. Göttingen, 1975. Dok. 146. S. 257: посол и военный атташе в Риме —

- рейхсминистру иностранных дел, 7.11.42; см. также: Die Weizsäcker-Papiere. S. 305 (запись от 8.11.42); *Deakin F.W.* Die brutale Freundschaftler, Mussolini und der Untergang des italienischen Faschismus. Köln, 1964. S. 111; *Förster G.* Stalingrad (см. прим. 75). S. 67 ff., S. 12; *Schröder J.* Bestrebungen zur Eliminierung der Ostfront, 1941-1943. Göttingen, Zürich, 1985. S. 18.
- 114 Die Weizsäcker-Papiere. S. 308 f. (записи от 16 и 22.11.42).
- 115 См.: *De Felice R.* (см. прим. 24). S. 1265.
- 116 DDI, nona serie: 1939-1943, vol. 9 (21 luglio 1942 — 6 febbraio 1943). 1989. Doc. 379. S. 372-375.
- 117 La situazione della guerra ai primi di febbraio 1943. 10 febbraio 1943. Archivio Centrale dello Stato Roma, Segreteria Particolare del Duce, cartella 5, fascicolo 91 R, sottofascicolo 2 (цитата — S. 9). Эта памятная записка подробно разбирается в работе: *De Felice R.* (см. прим. 24). S. 1292 f.
- 118 DDI (см. прим. 116). Doc. 381. S. 377 f.: беседа Муссолини с Гёрингом (запись от 6.12.42). Сама беседа состоялась 5.12; затем — *Ibid.* Doc. 382 — указание, полученное Чиано от Муссолини на предмет его беседы с Гитлером 16.12.42: либо мир со Сталиным наподобие Брестского, либо оборонительный рубеж на Востоке, который позволил бы перебраться максимальное количество войск на Запад.
- 119 ADAP (см. прим. 113). Dok. 315. S. 582-585 (цитата — S. 582).
- 120 ADAP, Serie E: 1941-1945. Bd. 5: 1. Januar bis 30. April 1943. Göttingen, 1978. Dok. 135. S. 227-236 (цитата — S. 235).
- 121 *Ibid.* Dok. 158. S. 286-306: запись беседы от 25.02.43 (цитаты — S. 289).
- 122 Die Weizsäcker-Papiere. S. 328 (запись от 13.03.43); S. 335 (запись от 3.04.43).
- 123 Основное по этому вопросу: *De Felice R.* (см. прим. 24). S. 1254-1300.
- 124 См.: *Schreiber G.* Die italienischen Militärinternierten im deutschen Machtbereich 1943 bis 1945. Verraten-Verachtet-Vergessen. München, 1984. S. 37-45.
- 125 См.: *Isnenghi M.* Le guerre (см. прим. 3). S. 152 ff., 248-251.
- 126 В первую очередь тут следует указать на публикации М. Ревелли: *Revelli M.* (см. прим. 108). S. 262 ff.
- 127 *Revelli M.* (см. прим. 108). S. 262 ff.
- 128 Многочисленные свидетельства приведены в книге Г. Шрайберга: *Schreiber G.* (см. прим. 124).
- 129 *Revelli M.* (см. прим. 2). S. 29.
- 130 Meldungen aus dem Reich 1938-1945. Die geheimen Lageberichte des Sicherheitsdienstes der SS, hrsg. und eingel. von H. Boberach. 17 Bde. Heidelberg, 1984-1985. Bd. 12: Meldungen aus dem Reich № 332 vom 5. Nov. 1942 — № 362 vom 25. Februar 1943. Herrsching, 1984. S. 4762.
- 131 BA-MA, RH 31 IX/1 (см. прим. 90). S. 89 (20.12.42); по поводу немецкой точки зрения на 8-ю армию см.: *Förster J.* Il ruolo dell'8ª armata italiana punto di vista tedesco, in: Gli italiani sul fronte russo (см. прим. 3). S. 259.
- 132 *Ciano G.* Op. cit. S. 678 (запись от 18.12.42); тексты официальных записок:

- см.: ADAP (см. прим. 113). Dok. 315. S. 582-585; DDI (см. прим. 116). Doc. 414. S. 408; Doc. 415. S. 413-417; Doc. 418, S. 418 f.
- 111 DDI (см. прим. 116). Doc. 421. S. 421 f.: Каваллеро — Муссолини относительно переговоров по военным вопросам, 19.12.42.
- 112 Gefechtsberichte (Tätigkeits- und Erlebnisberichte) der ehemaligen D.V.K. und D.V. Stäbe. Dezember 1942 bis Januar 1943. BA-MA, RH 31 IX/35.
- 113 *Ibid.* S. 127-133: Zusammenfassung der Gefechtsberichte der D.V.K. bei den Divisionen der 8. ital. Armee und gemeinsame Schlußfolgerungen, 12.11.43 (цитата — S. 132).
- 114 *Ibid.*, S. 60-74: D.V.K. Div. «Ravenna», O.U., 20.3.1943, Gefechtsbericht (цитата — S. 74).
- 115 Promemoria per il Signor Generale Utili Umberto, 10 maggio 1943, Il Maggiore in s. S.M. Achille Mazzi. — Archivio dell'Ufficio Storico dello Stato Maggiore dell'Esercito Roma (AUSSME), Raccoglitore 1551, cartella 5, sottocartella 3.
- 116 A Eccellenza il Generale d'Armata gr. uff. Ezio Rosi, Capo di S.M. del R. Esercito, 1º marzo 1943, Generale di brigata Italo Giglio, Comando Art. IIº CA., P.M. 20. AUSSME (см. прим. 137), sottocartella 15/5.
- 117 90º Reggimento Fanteria, 2ª Compagnia, Al Comando Iº Btg., Oggetto: Informazioni, Il Comandante la Compagnia (фамилия неразборчива). AUSSME (см. прим. 137), sottocartella 6.
- 118 Morale dei soldati e loro rapporti coi tedeschi in terra di Russia, Il Cappellano Capo della VIIIª Armata (don Arrigo Fintonello). AUSSME (см. прим. 137), sottocartella 15/4. Данный отчет, как это следует из сопроводительного послания, был написан не позднее 18.05.43. В послании другого военного священника говорится, что во время отступления немцы не только не относились к итальянцам так, как относятся к союзникам, но и вели себя таким образом, что «это сделало бы честь злейшему врагу» — Al Comando 90º Reggimento Fanteria, P.M. 42, 23 marzo 1943, Il Tenente Cappellano (Palmi Antonio). AUSSME (см. прим. 137), sottocartella 15/6.
- 119 Comando 90º Reggimento Fanteria «Vincere assueti», № 05/260 di prot. R.P., P.M. 42, 28 marzo 1943, Oggetto: Informazioni. Al Comando della Divisione di Fanteria «Cosseria», Il Colonnello Comandante del Reggimento (E. Polito). AUSSME (см. прим. 137), cartella 6, sottocartella 15/6. Это дело (15/6) содержит богатый материал, относящийся к пехотной дивизии «Коссерия», но рассмотреть его здесь более подробно не представляется возможным. Есть там и такое свидетельство, где утверждается, что под Ворошиловградом один немецкий солдат, отбирая мотоцикл у итальянца, просто застрелил последнего — 90º Reggimento Fanteria Div. «Cosseria» 8ª e 12ª Compagnia, Oggetto: Rapporti di militari, 26 marzo 1943 (ante Fortolan Luigi).
- 120 Comando Divisione Fanteria «Cosseria», n. 1/467 di prot., P.M. 42, 20 maggio 1943, Oggetto: Informazioni, Il Generale Comandante Enrico Gazzale. AUSSME (см. прим. 137), cartella 6, sottocartella 15/6; а также: *Stato Maggiore R. Esercito, Ufficio Storico, № 2055 Prot., P.M. 9, 18 maggio 1943, Promemoria per l'Ecc. De Stefanis.* AUSSME (см. прим. 137), cartella 15/4. Автор выражает самую сердечную благодарность г-ну Алессандро Массиньяни (Вальдано/Винченца) за его любезное предоставление в распоряжение автора материалов из означенного архива (AUSSME).

Бернд Вега

ЗА ФАСАДОМ БРАТСТВА ПО ОРУЖИЮ. ГЕРМАНО-ФИНЛЯНДСКИЕ ОТНОШЕНИЯ НА ФОНЕ СТАЛИНГРАДСКОЙ БИТВЫ

Отношения между Берлином и Хельсинки с самого начала войны отличались от отношений с другими союзниками Финляндии¹. Финляндия не примкнула к пакту трех держав, а присоединилась лишь к незначительному в политическом плане Анτικοинтерновскому пакту. Союз Германии и Финляндии, если называть его таковым, носил неформальный характер и базировался только на одном — частичном (и преходящем) совпадении интересов этих двух во всем прочем столь различных стран в их отношении к Советскому Союзу. Ориентируясь на самостоятельность страны, правительство во главе с президентом Рюти руководствовалось тем, что операции финских войск против Красной Армии являлись «продолжением войны», начатой нападением Советского Союза на Финляндию осенью 1939 года, они обуславливались ее последствиями, а не были просто частью военных действий, которые велись Германией. Такому пониманию отвечало, к примеру, и то обстоятельство, что финское руководство провозгласило свои собственные цели войны, носившие по сравнению с целями Берлина явно более оборонительный характер², тщательно придерживалось линии на размежевание в плане военной координации, т.е. на подчинение своих войск финскому же главному командованию, и старалось, вопреки всем перепадам времени, сохранять достигнутый уровень отношений с Шведией и США.

Конечно, все это так, но не следует обманываться, будто бы Финляндия — небольшое и во всех смыслах изолированное государство на северо-восточной окраине Европы было зависимым от своего немецкого «брата по оружию» лишь в рамках идеи некоей ведущей им параллельно, но самостоятельно особой войны и ничем больше не было связано с войной, которую вела Германия. Это не так, наиболее наглядно свидетельствовало нахождение в Финляндии 20-й немецкой горно-стрелковой армии, которая совместно с финскими частями вела операции в направлении Мурманской железной дороги и побережья Белого моря. В свою очередь и финские солдаты сражались в составе добровольческого батальона СС на участках фронта за пределами своей страны³. Не менее деликатным в политическом плане было и экономическая зависимость страны от германского рейха, на который после утраты Финляндией ее традиционного главного торгового партнера — Англии приходилось теперь две трети ее внешнего торгового оборота. В частности, Финляндия давно уже не могла обходиться без немецких поставок продовольствия и вооружений, как и военная машина Германии в свою очередь не могла обойтись без никелевых месторождений в Петсамо⁴.

На этом фоне военных и экономических переплетений финляндский тезис о некоей «особой войне» очень скоро превратился в формулу, обращение к которой могло еще как-то служить логическим обоснованием позиции Финляндии в политическом отношении не было достаточно убедительным ни для друзей, ни для врагов. И уж тем более в условиях подчиненности Финляндии великодержавным амбициям глобального конфликта, в котором со всей неизбежностью вылилась в 1941 году европейская война и в котором частные интересы зависимых государств без того стали, как правило, всего лишь мелкой разменной монетой международной политики. Так что и Англия, идя навстречу Советскому Союзу, объявила в декабре 1941 года войну не только Венгрии и Румынии, но и Финляндии, особо подчеркивая при этом, что финскую войну нельзя рассматривать в отрыве от всего общеевропейского конфликта. И если американское правительство не последовало в этом смысле за Уайт-холлом и все же сохраняло пока дипломатические отношения с Финляндией (хотя и в урезанном виде), то делало оно так из соображений, где дипломатический расчет смешивался с изрядной долей недоверия по отношению к намерениям Москвы и с определенной сентиментальной привязанностью к Финляндии, обретшей героический ореол в пору «зимней войны»

1939/40 года. Однако трудно себе представить, чтобы в Вагтоне верили в независимость линии этой маленькой страны ее немецкого военного партнера.

Не верили этому и в Берлине, и именно по этой причине не видели и необходимости принуждать финнов к формальному, договорному закреплению обоюдных отношений. Давать им впрямь — зачем это? В ходе достижения ожидавшейся «окончательной победы» Германии станет ведь ясным, чей вклад был весомее. Поэтому немецкий посланник в Хельсинки, перт фон Блюхер, говоря о 1941 и 1942 годах, имел определенное право утверждать, что «особая позиция Финляндии... была нами уважалась»⁵.

2

Особый характер германо-финляндских отношений не давал повода к сколь-либо заметным конфликтам между обеими странами до тех пор, пока более или менее совпадали их краткосрочные и среднесрочные интересы и победа их армий над Советским Союзом и большевизмом казалась делом ближайшего будущего. Но после того как в конце 1941 года оказались разбиты немецкие (а вместе с ними и финские) надежды на быстрый криг, а традиционно дружественные Финляндии США вступили в войну против Германии, обстановка, с точки зрения Хельсинки, значительно осложнилась. Во-первых, теперь стало очевидно, что затяжная война, что далеко превосходило людские и материальные ресурсы Финляндии и угрожало еще больше усилению ее зависимости от германского рейха. Во-вторых, финское руководство должно было теперь считаться и с возможностью совершенно иного исхода войны, думать о том, как обеспечить сохранение страны в качестве независимой республики и при таком исходе. И хотя большинство финских политиков и военных (но, правда, не сам Маннергейм) все еще грезит о себе мысль о возможном поражении немцев на Востоке, в Хельсинки все же считали, что начиная с этого времени следовало действовать более осмотрительно в политическом и более осторожно — в военном плане.

Так 1942 год стал для финского руководства годом выживания. Не позволяя проявляться прямым сомнениям в лояльности своему немецкому союзнику, оно теперь активнее, чем прежде, старается дать понять, что в этой всемирной борьбе великой державы Финляндия занимает свою собственную позицию.

312

...и тут в первую очередь заключалась в том, чтобы укреплять традиционные узы с соседом-нейтралом Швецией и избегать излишней дипломатических отношений с США. В этих целях, но при этом в виду и слишком сильную нагрузку на финские ресурсы, верховное командование Финляндии во главе с маршалом Маннергеймом сочло на рубеже 1941–1942 годов необходимым перейти к стратегической обороне против Красной Армии и осторожно, но решительно отказаться от дальнейшего планирования совместных немецко-финских операций (например, от плана наступления на расположенный на побережье Балтийского моря транспортный узел Сорокка)⁶.

Сознавая узость пространства для собственного маневра, финское руководство решило отказаться от любых действий, которые могли бы каким-либо образом задевать одну из заинтересованных сторон — Берлин, Стокгольм или Вашингтон. И хотя то, что германская сторона была готова смириться с такой своеобразной линией финской политики и — не так, как это было в случае с Венгрией и Румынией, — отказаться от угрожающих дипломатических жестов, служит еще одним доказательством особого положения Финляндии в ряду союзников рейха. Это произошло — но уже совсем другим образом — и в необычном эпизоде Гитлера: 4 июня 1942 года он на несколько часов прилетел в Финляндию, чтобы лично поздравить маршала Маннергейма, национального героя этой страны, с его 75-летием. И хотя его визит не имел какого-либо конкретного политического назначения, он был ловким в психологическом плане ходом Гитлера, продемонстрировав всему миру «связь судеб» обеих стран. Именно в этот момент, когда финская сторона пыталась осторожно отделиться от этой связи⁷.

Готовность Берлина «держать финнов в бархатных рукавицах»⁸ была обусловлена рядом вполне оправданных причин. Во-первых, Финляндия показывала себя в ходе войны наиболее надежным военным союзником. Финские войска действовали — и это признавалось и в Германии, — особенно в зимние месяцы во многих отношениях более умело и обладали большим опытом, нежели немецкие соединения. И к тому же они были более успешно: если финское военное командование сумело в основном добиться своих оперативных целей на Карельском фронте и в Восточной Карелии (выйдя к Свири и Онежскому озеру), то немецкой стороне, как это было вынуждено признать генерал по связи с финской ставкой, «справа и слева от финского фронта... нигде, собственно, не удалось добиться

313

того, что намечалось»⁹. Немцы не смогли ни захватить Мурманскую железную дорогу, бывшую важной советской артерией снабжения, ни вывести из строя промышленность Ленинграда, являвшийся для финляндско-германских отношений важнейшим стратегическим фактором. К этому добавилось еще и второе обстоятельство — то, что военный план Финляндии в совместное ведение войны должен был — в соответствии с проводившихся в 1942 году немецких наступательных операций на южном фланге Восточного фронта, который рассматривался как направление главного удара, и по представлениям ставки фюрера — состоять преимущественно в обеспечении обороны северного фланга; тем более что Гитлер опасался высадки союзников в Северной Норвегии и параллельно с этим советского наступления на финском фронте, что не представляло бы угрозы всему Северному театру военных действий. И, наконец, существенной причиной откровенно мягкой позиции Берлина могло быть и то соображение, что экономические трудности тем более военный нажим мог бы обострить огромные внешнеполитические проблемы финской демократии до такой степени, что это сделало бы страну легкой добычей маневров Москвы при заключении с нею сепаратного мира.

3

Обозначившееся с конца осени 1942 года стремительное ухудшение положения Германии практически на всех фронтах (за исключением имевшей, на взгляд финнов, второстепенное значение подводной войны в Атлантике) привело к глубоким изменениям в самих основах обрисованных здесь финляндско-германских отношений. Признаки этого появились уже в августе, по мере того как стало вязнуть немецкое летнее наступление на Волге и на Кавказе¹⁰, и в последующие недели, когда обозначился отказ от неоднократно обещанного финнами прекращения немецкого наступления на Ленинград¹¹, а западные союзники высадились в начале ноября в Северной Африке¹². Не только немецкие, но и иностранные наблюдатели, в том числе шведский посланник Эггер и поверенный в делах США М. Клинтон, отмечают в эти недели у финской стороны определенные признаки пересмотра главного направления внешнеполитической ориентации страны¹³, хотя фактическая смена курса наступает только после того, как Красная Армия в январе 1943 года, во-первых, разорвала кольцо блокады вокруг Ленинграда,

во-вторых, решила исход Сталинградской битвы в свою пользу.

3 февраля 1943 года, т.е. через день после ликвидации последнего очага немецкого сопротивления на Волге, в ставке финского правительства в Миккели встретились президент страны Рюти, министр финансов Таннер, бывший влиятельным деятелем финской социал-демократии, и другие члены узкого и неформального, но игравшего при принятии всех принципиальных решений правительства первую скрипку, «военного кабинета». Они с большим впечатлением выдержанного во всех отношениях в тонах доклада об обстановке, который был сделан начальником разведывательного отдела полковником Паасоненом, прибывшим из Норвегии, решили, что пришло время выводить Финляндию из войны и нормализовать ее отношения с Советским Союзом¹⁴. При этом следует отказаться от далеко идущих военных требований, в частности от фактически уже осуществлявшейся аннексии Восточной Карелии¹⁵, и принять в качестве исходного пункта для переговоров границу, существовавшую до начала «зимней войны» 1939 года. Не прошло и двух недель, как сходивший по своему духу резолюцию принял и совет социал-демократической партии; в ней говорилось не только о необходимости восстановления связей Финляндии с северными странами и США, но также о том, что страна могла бы выйти из войны, если бы ей были гарантированы независимость и свобода¹⁶. Совершенно отчетливо здесь, равно как и в других кругах преимущественно левого спектра и шведскоязычного меньшинства, сформированная мирная оппозиция, вместе с ней началась и нашедшая свое выражение и в прессе дискуссия в обществе, сводившаяся по существу к спорам вокруг тезиса об «особой войне» финнов: ведь если Финляндия действительно вела на Востоке свою собственную войну, то было бы вполне логичным, чтобы решение о ее прекращении принималось исключительно правительством в Хельсинки.

Хотя новая линия финского правительства и части входивших в него партий формулировалась лишь немногими политиками, она выражала общий перелом в настроении населения страны. О поистине драматических масштабах этого перелома свидетельствуют проведенные по поручению правительства широкие общественные опросы, результаты которых держались в секрете. Согласно этим опросам, еще в сентябре 1942 года от 90 до 95 процентов сторонников буржуазных партий (Консервативной партии, Аграрного союза, Прогрессивной партии) бы-

ли убеждены в немецкой победе¹⁷; к февралю же 1943 года доля в рядах приверженцев этих партий упала до 40–50 процентов. Еще однозначнее была картина среди левых: осенью в возможность немецкой победы еще верили 55 процентов социал-демократов и 70 процентов коммунистов, то по советских успехов под Ленинградом и Сталинградом так и осталось всего лишь соответственно 19 и 14 процентов. В то время среди сторонников всех партий значительно возросла уверенность в победе союзников.

Правда, наша картина была бы неполной, если бы мы упомянули, что в то же самое время ряд влиятельных лиц в Финляндии начал настроено на то, чтобы искать возможности и предпринимать шаги, направленные на зондирование по поводу сепаратного мира. Это еще не означало смены курса, но, пожалуй, знаменует новый стиль финской внешней политики. И хотя на кухнях дипломатических слухов во всех европейских столицах давно уже муссировались спекуляции на это счет, а начиная с 1941 года Москва неоднократно запускала соответствующие пробные шары в адрес Хельсинки, реакция финского правительства до сих пор — правда, в последний раз, поздней осенью 1942 года, только в результате настойчивых советов с немецкой стороны — заключалась в том, что оно просто не обращало на это никакого внимания²⁴. Еще 6 декабря 1942 года, выступая с речью по случаю Дня независимости, президент Рюти не выразил никакой готовности идти навстречу в вопросе о мире, что и послужило последним толчком к отзыву американского посла из Хельсинки²⁵.

Содержавшаяся в этом жесте угроза и одновременное ухудшение военного положения Германии побудили правительство Финляндии уже 6 января к более интенсивным контактам с государственным департаментом США. Так, финский посланник в Вашингтоне Ямар Прокопе пытается прозондировать, какие ожидания вызывают американцы с предстоящими президентскими выборами в Финляндии, в то время как президент Рюти демонстративно часто встречается в Хельсинки с американскими представителями и ведет с ними переговоры²⁶; одновременно идет и более интенсивный поиск — главным образом через социал-демократических министров Таннера и Фагерхольма, а также через нового финского посланника в Стокгольме Грипенберга — диалога со шведскими правительственными кругами.

И если все эти контакты уже подавали сигнал об определенной эластичности в позиции Хельсинки, то после прихода к

реализовал реорганизацию кабинета. Правительство покинуло то, что едва ли было неожиданностью ввиду изменившихся обстоятельств — представитель крайне правого Народного отечественного движения (ИКЛ), а также поддерживавшийся финским союзником до самого последнего момента²² министр иностранных дел Виттинг. Его сменил слывший англофилом представитель Шведской народной партии Хенрик Рамсай. Новым премьер-министром стал Эдвин Линкомиес из консервативной Национальной коалиционной партии.

Новое правительство — по оценке Эрфурта, «не явный кандидат мира, но кабинет свободы действий»²³, — было с самого начала настроено на то, чтобы искать возможности и предпринимать шаги, направленные на зондирование по поводу сепаратного мира. Это еще не означало смены курса, но, пожалуй, знаменует новый стиль финской внешней политики. И хотя на кухнях дипломатических слухов во всех европейских столицах давно уже муссировались спекуляции на это счет, а начиная с 1941 года Москва неоднократно запускала соответствующие пробные шары в адрес Хельсинки, реакция финского правительства до сих пор — правда, в последний раз, поздней осенью 1942 года, только в результате настойчивых советов с немецкой стороны — заключалась в том, что оно просто не обращало на это никакого внимания²⁴. Еще 6 декабря 1942 года, выступая с речью по случаю Дня независимости, президент Рюти не выразил никакой готовности идти навстречу в вопросе о мире, что и послужило последним толчком к отзыву американского посла из Хельсинки²⁵.

Содержавшаяся в этом жесте угроза и одновременное ухудшение военного положения Германии побудили правительство Финляндии уже 6 января к более интенсивным контактам с государственным департаментом США. Так, финский посланник в Вашингтоне Ямар Прокопе пытается прозондировать, какие ожидания вызывают американцы с предстоящими президентскими выборами в Финляндии, в то время как президент Рюти демонстративно часто встречается в Хельсинки с американскими представителями и ведет с ними переговоры²⁶; одновременно идет и более интенсивный поиск — главным образом через социал-демократических министров Таннера и Фагерхольма, а также через нового финского посланника в Стокгольме Грипенберга — диалога со шведскими правительственными кругами.

власти нового правительства на какое-то время показалось, теперь открывается и путь к началу конкретных переговоров Советским Союзом. Во всяком случае, госдепартамент США после согласования этого вопроса с правительствами в Москве, Лондоне и Стокгольме 20 марта 1943 года предложил финскому руководству свои «добрые услуги» на тот случай, если оно захочет вступить в переговоры о мире с Советским Союзом²⁷. Теперь все дело было за Хельсинки; решение должно было приниматься там.

4

Финскому правительству с самого начала было ясно, что поле для маневра в вопросе о мире зависит в первую очередь от позиции его могущественного немецкого союзника. Поскольку рассчитывать на то, что в течение какого-то продолжительного времени удастся держать в тайне контакты через Атлантику, приходилось, следовало добиваться, чтобы немцы хоть как-то смирились с этим. Именно в том и состояла главная цель политики Хельсинки по отношению к Берлину в те недели после Сталинграда. Руководствуясь этой целью, финская сторона старалась всячески принизить в глазах Берлина значение своих попыток зондажа и представить их преимущественно как внешнеполитический, а не внешнеполитический маневр: речь идет не о поисках сепаратного мира (подходя к делу реалистически, на это и рассчитывать-то не приходится), а об успокоении растущей мирной оппозиции в своей стране. Именно поэтому разрыв с Вашингтоном в ближайшем будущем представляется неизбежным, а финский народ с Соединенными Штатами воевать не хочет, то правительству, дескать, приходится думать о сохранении внутреннего единства в стране — а это ведь означает чаяниям Германии — продемонстрировать, что оно сделано все, дабы избежать объявления войны со стороны Америки²⁸.

Пользуясь такого рода фразеологией, финское правительство в то же время предпринимало меры, чтобы связь с Вашингтоном не оборвалась совсем и в том случае, если реакция Вильгельмштрассе* окажется отрицательной. Поэтому оно решило — несмотря на то, что немецкая сторона могла придержи-

* Название улицы в Берлине, где был расположен МИД Германии. — Л. перев.

ваться прямо противоположной позиции, — для начала дать ответ на упоминавшийся американский меморандум. Это было сделано в переданной 24 марта 1943 года ответной ноте, как и следовало ожидать, признательной по тону, но уклончивой по существу дела. Запрашивая более подробные объяснения относительно принципов американского предложения о посредничестве, финская сторона пыталась выиграть время и сохранить возможность ведения диалога, не связывая себя при этом какими-то преждевременными формулировками, чтобы не оказывалась сколь-либо серьезно уязвленной ни одна из заинтересованных сторон²⁹. Это был простой и легко разгадываемый, но вследствие имевшихся обстоятельств, вероятно, единственно реалистический дипломатический маневр.

Менее реалистической, напротив, была разделявшаяся частью финского правительства надежда на то, что Берлин будет бездействовать, наблюдая за финской дипломатической игрой. В том, что это не так — и тут сыграла свою роль стабилизация обстановки на Восточном фронте, — пришлось убедиться новому министру иностранных дел Финляндии, когда он, сразу же вслед за передачей финского ответа Вашингтону, побывал с кратковременным визитом в Берлине, организованным для него «по случаю вступления в должность»³⁰. Эта поездка, рассматривавшаяся, что весьма показательно, финской стороной как «частичная» и содержавшаяся в глубочайшем секрете, убедительно продемонстрировала, как мало осталось в отношениях между двумя правительствами того согласия и братства по оружию, которые имели место на первом этапе войны. Риббентроп не только в течение шести часов — и это было заранее обдуманно — дипломатическим афронтом — держал своего прибывшего в Берлин 25 марта финского коллегу в неведении, примет ли он его и когда³¹, но и не проявил никакого желания осмысливать сложную ситуацию Хельсинки, которую ему пытался обрисовать Рамсай. Мало того, глава внешнеполитического ведомства Германии без обиняков заявил своему гостю, что Финляндии придется однозначно решить для себя, на чьей она стороне; нельзя бороться на стороне Германии и одновременно «искать прикрытие с тыла у нашего злейшего врага — США». Любое соглашение Финляндии на обсуждение предложений о сепаратном мире будет рассматриваться немецкой стороной «как предательство и священная борьба против большевизма»; если же так случится, то и рейх не станет больше считать себя связанным с Финляндией, а «получит свободу рук в любом направлении и

сделает из этого свои выводы»³². Вместе с тем в тот вечер Риббентроп — якобы после разговора с Гитлером — передал Рамсаю ноту, содержащую два требования. Во-первых, Берлин ожидал от финского правительства «четкого заявления» (предлагалось сделать это в рамках доверительной переписки между главами обоих государств), что «оно без согласования с Германией не заключит перемирия или мира с СССР». Второе требование к Хельсинки состояло в том, чтобы в ноте Соединенных Штатам — уже заранее сформулированной в Берлине — медленнее и недвусмысленно было сказано о готовности продолжать «оборонительную борьбу против Советской России» и самым выраженным отрицательным отношением к любым шагам американцев по посредничеству³³.

Это была новая — не только по стилю, но и по содержанию — немецкая политика по отношению к Финляндии (хотя, после преодоления кризиса на Востоке она находит аналогию в поведении Берлина по отношению ко всем другим союзникам). На Вильгельмштрассе не только впервые дали двусмысленно понять, что будет отвергаться любая попытка ведения «братом по оружию» самостоятельной внешней политики, но и, сверх того, попытались по-новому определить принципы своих отношений с Хельсинки: неформальность во взаимоотношениях, не дававшую повода для проблем во время значительного совпадения интересов, следовало теперь ввиду возросших разногласий, волею Берлина, заменить соглашением, содержащим юридические обязательства и носящим характер договора.

Что касается финского правительства, то с этого момента оно оказалось перед угрозой во всех случаях сестер между Сталиным и Гитлером. Пойти навстречу немецким требованиям — это не только представлялось едва ли выполнимым во внутривнутриполитическом плане, но и, совершенно очевидно, наглухо закрывало бы дверь в Вашингтон, т.е. в направлении единственного подлинного кандидата заключения будущего мира. С другой стороны, открытого ссоры с рейхом была чревата, не говоря уже о возможных немецких ответных мерах, опасностью того, что Финляндия, решившись она пойти на переговоры о мире, оказалась бы практически беззащитной перед лицом советских требований. Тревогу усугублялась тем, что в Хельсинки о представлениях Москвы о сепаратном мире царил такая же неопределенность, как и в расчете того, окажет ли прикрытия с тыла могучая, но далекая Америка.

Эти опасения были отнюдь не беспочвенными. Действительно, в Вашингтоне вовсе не собирались всерьез осложнять и без того трудные отношения со Сталиным такой, с точки зрения американцев, второстепенной проблемой, как вопрос о Финляндии³⁴. Так что и сделанное 20 марта предложение о посредничестве вовсе не было выражением какой-то особой американской ангажированности в делах Финляндии, а являлось в первую очередь попыткой вырвать эту страну из коалиции держав антиоси.

Примечательным в этом плане представляется то обстоятельство, что США не сочли нужным проинформировать финнов о советских требованиях, сообщенных Молотовым американскому послу 26 марта (т.е. в тот день, когда Рамсай вел переговоры в Берлине)³⁵. В Вашингтоне имели достаточно оснований предполагать, что условия Молотова — в частности, восстановление условий московского мирного договора 1940 года и выплата Финляндией репараций в объеме по меньшей мере половины ущерба, причиненного Советскому Союзу войной, — будут признаны правительством Рюти неприемлемыми и в результате лишь еще более сблизят Финляндию с Германией. Поэтому американцы предпочли сперва оставить финнов в неведении, чтобы сообщить им, наконец, 20 апреля, что инициатива 20 марта свидетельствовала, собственно говоря, отнюдь не о стремлении взять на себя роль настоящего посредника, а лишь о готовности проложить первую тропу для начала прямых переговоров между Москвой и Хельсинки³⁶. К тому моменту, когда это сообщение достигло Хельсинки, был уже сформулирован окончательный финский ответ на предложение от 20 марта. В ноте, переданной в тот же день американскому поверенному в делах, финское правительство подтверждало — и эта формулировка не в последнюю очередь была адресована немецким ушам, — что в данной ситуации финнам не остается ничего другого, «как продолжать свою оборонительную войну, пока не будет гарантировано сохранение независимости, свободы и демократических институтов страны и пока не будет устранена угроза Финляндии»³⁷.

Крах попыток зондажа со стороны Финляндии на предмет заключения мира в начале апреля 1943 года отнюдь не уладил кризиса в ее отношениях с германским рейхом — ведь Берлин

не снял своего требования насчет того, чтобы Рюти сделал официальное «заявление об отказе от сепаратного мира». В ожидании выполнения этого требования и началось — к вящему недовольству Вильгельмштрассе, откуда шли призывы к ускорению решения вопроса³⁸, — продолжавшееся не менее трех месяцев перетягивание дипломатического каната. Стремясь, насколько возможно, избежать заявления в таком духе, в каком это оказалось немецкой стороной, но и не отвергая, дабы не вызвать дальнейшего обострения кризиса, этого требования напрямую, финское правительство старалось, как и в вопросе о мире, играть время. Такого рода тактика затяжек напрашивалась сама собой еще и потому, что мнения по поводу того, что следует делать, в кабинете и во влиятельном парламентском комитете по внешней политике весьма и весьма расходились и, более того, все громче высказывались сомнения, допускает ли конституция, чтобы президент вообще делал столь далеко идущее заявление о прекращении или прекращении войны без соответствующего решения сейма³⁹.

Фактически именно эти соображения относительно конституционности такого шага и заставляли искать путь к политическому решению конфликта. Дело в том, что Хельсинки имели достаточно оснований полагать, что и немецкая сторона едва ли была бы заинтересована в публичных дебатах относительно требования о заявлении по поводу сохранения верности союзникам в сейме Финляндии — ведь это дало бы возможность пока еще не имевшей большинства, но быстро растущей мирной оппозиции изложить перед всем миром свою позицию и тем самым разоблачить как фикцию ту видимость национального единства, о сохранении которой так пеклось правительство. Указывая на такую опасность, финское правительство могло надеяться побудить Берлин пойти на уступки⁴⁰.

Такой расчет Хельсинки, хотя это и стоило немалой воли и нервов, на этот раз оправдался⁴¹. Предложенный 29 апреля Рамсаем проект заявления, в котором говорилось как о «росшей из боевого союза верности» обеих стран друг другу, так и о «твердом намерении финского правительства продолжать вести оборонительную войну до тех пор, пока не будет устранена опасность, угрожающая с Востока», был отклонен Риббентропом как недостаточный⁴². В контрпредложении, сделанном германским внешнеполитическим ведомством несколько дней спустя и представлявшем собой, как это полагалось, требование-минимум немецкой стороны, Берлин с

опытался добиться того, что составляло его главную задачу (т.е. привязки любых финских решений относительно выхода из войны к согласию на это со стороны Берлина). С помощью такой хитрой формулировки, которая не требовала согласия с одобрения парламентом, Финляндия должна была заявить, что она «будет продолжать сражаться на стороне Германии, пока не будет окончательно устранена угроза, исходившая для обеих стран с Востока»⁴³. Однако все это не возымело никакого действия. Финны, скорее обиженные, чем напуганные таким стилем германской дипломатии (так, например, Блюмберг на какое-то время был отозван в Берлин), стали еще больше напирать на свои опасения конституционного плана. Они отступили от своей позиции и тогда, когда Берлин дал понять, что он готов к компромиссу относительно правового характера заявления, на котором он настаивал: если первоначально речь шла об обязательстве президента, то затем — об обмене нотами между министрами иностранных дел и, наконец, всего лишь о некоем финском меморандуме⁴⁴. Но в итоге до этого не дошло. В результате правительство рейха удовлетворилось получением в июне 1943 года выдержки из текста речи премьер-министра, которую тот произнес 16 мая по случаю Дня памяти финских героев⁴⁵. Правда, в ней вообще не упоминалось о какой-либо связи между принимаемыми Финляндией решениями и Германией — Линкомиес в намеренно вытекающей форме повторил, что финский народ, не будучи ослеплен в чистоте советских помыслов, «определенно предпочел бы лучше бороться до конца, чем сдаться на милость восточного соседа»⁴⁶.

6

Сделавшие шаг за шагом уступки Берлина в вопросе, который столь же затрагивал существо германо-финляндских отношений, сколько и престиж обеих стран, представляются не в последнюю очередь тем более примечательными потому, что правительство рейха сознательно отказалось от использования всего арсенала своих возможностей дипломатического характера. Так, скажем, президент Рюти не вызывался — в противоположность Антонеску, Хорти и Муссолини — весной 1943 года в замок Клесхайм; от этого было решено отказаться, после того как правительство в Хельсинки дало понять, что оно не приветствовало бы такое приглашение⁴⁷. Столь же сдержанно

323

вело себя германское руководство и в вопросе о применении экономических санкций в целях осуществления своей политики, хотя заключение в середине марта экономических соглашений о взаимном товарообмене, несомненно, давало ему в этот рычаг⁴⁸. Хотя Блюхер еще в феврале предложил, чтобы политических соображений германские поставки больше «осуществлялись заранее для удовлетворения долгосрочных потребностей, а ориентировались лишь на кратковременные нужды», Риббентроп открыто не согласился с этим предложением и запретил придерживаться тактики проволочек на проходивших экономических переговорах⁴⁹. Очевидно, в Берлине делали ставку — и об этом свидетельствуют проходившие в этом и целом без помех и даже в чем-то превышавшие лет 1943 года согласованные объемы германских поставок продовольствия⁵⁰ — скорее на политику «пряника», а не «кнута», для сохранения этого важного союзника в войне с Советским Союзом.

Ну а что касается финского правительства, то победы над немцами, одержанная им в дипломатической дуэли с Берлином весной 1943 года, не могла ввести его в заблуждение относительно того, сколь пугающе узким был промежуток для свободы действий между интересами враждующих великих держав. Носившие когда-то характер братства по оружию отношения Финляндии с Германией постепенно, но неуклонно превращались в своего рода брак по нужде, не дававший, с одной стороны, развода и обретение нового супруга, с другой — развивать эту метафору, каких-либо перспектив на полюс войны и это было уже ясно из шокирующего, с финской точки зрения, хода военных событий летом 1943 года — нацеленного на сохранение национального суверенитета курс финского правительства должен был рано или поздно пройти через игольное ушко между угрозой германских ответных мер и притязаниями советского гегемонизма. И нужно отнести к важнейшим достижениям внешней политики Хельсинки, слишком часто обольщавшейся, прежде всего в первую четверть века двадцатой столетия, самостоятельности, иллюзиями, тот факт, что для этой труднейшей задачи она выбрала, пожалуй, наиболее подходящий исторический момент: когда Финляндия летом 1943 года окончательно отошла от германского рейха, тот уже слаб, чтобы оказать серьезное сопротивление этому процессу, но был еще достаточно силен, чтобы в общем и целом избежать еще политическую активность и военные силы Со-

ветского Союза. В результате Финляндия вышла из войны разбитой, но не уничтоженной — из той самой войны, на которую она возлагала столь большие надежды.

ПРИМЕЧАНИЯ

⁴⁸ Наиболее содержательной работой на эту тему в целом является книга: *Menger M. Deutschland und Finnland im zweiten Weltkrieg. Genesis und Scheitern einer Militäralianz.* Berlin (Ost), 1988; для оценки позиции Финляндии в конфликте великих держав с 1941 по 1947 год основополагающей представляется трилогия: *Polvinen T. Suomi kansainvälisessä politiikassa.* Bd. 1: *Barbarossasta Teheraniin.* Juva, 1979; Bd. 2: *Teheranista Jaltaan.* Juva, 1980; Bd. 3: *Jaltasta Pariisiin rauhaan.* Juva, 1986.

⁴⁹ Во всяком случае, это касается периода начиная с конца 1941 года. В первые месяцы «продолжения войны» в дискуссии о военных целях какое-то время играли большую роль представления о Великой Финляндии. Но в противоположность немецкой идеологии «жизненного пространства» они никогда не были определяющими в вопросе об участии страны в войне; см.: *Manninen O. Suur-Suomen äreviivät.* Jyväskylä, 1980.

⁵⁰ Об истории этого батальона см. канонический труд: *Jokipii M. Panttipataljoona. Suomalaisen SS-pataljoonan historia.* Helsinki, 1968.

⁵¹ По вопросу о внешнеэкономических отношениях см.: *Seppinen I. Suomen ulkomaankaupan ehdot 1939–1944.* Helsinki, 1983; а также специально по теме Петсамо: *Vuorisjärvi E. Petsamon nikkeli kansainvälisessä politiikassa 1939–1944.* Keuruu, 1990.

⁵² Дневник Блюхера, тетрадь VII, л. 2497, запись без даты (предположительно июнь 1943 г.) — Политический архив в Бонне (PA), архив Блюхера.

⁵³ См.: *Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg.* Bd. 6. Stuttgart, 1990. S. 830 f. (раздел Вегнера).

⁵⁴ Более подробно об этом см. публикуемую мною подборку документов «Hitlers Besuch in Finnland. Das geheime Tonprotokoll seiner Unterredung mit Mannerheim am 4. Juni 1942» в одном из выпусков ежеквартальника «Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte».

⁵⁵ Выражение посланника Шнурре, цит. по записи в дневнике Эрфурта, S. 348 f. (запись от 15.02.42) — Военный архив Федерального архива во Фрайбурге (BA-MA), N 257/v. 2.

⁵⁶ Ibid. S. 308.

⁵⁷ См. мою статью «От «жизненного пространства» к пространству смерти» в этом сборнике.

⁵⁸ О подоплеке этого отказа см.: *Hillgruber A. «Nordlicht». Die deutschen Pläne zur Eroberung Leningrads im Jahre 1942.,* in: *Hillgruber A. Deutsche Großmacht- und Weltpolitik im 19. und 20. Jahrhundert.* Düsseldorf, 1977. S. 295–316.

⁵⁹ См. донесения начальников полиции безопасности и СД для министерства иностранных дел от 4.11.42 «О министре Таннере» и от 28.11.42 «О резонансе в Финляндии на военную обстановку в Африке» — PA, Inland Nr. 360, B 1. 61 ff., 65 ff. См. также: *Vehviläinen O. Die Einschätzung der Lage*

- Deutschlands aus finnischer Sicht. — in: Die Zukunft des Reiches: Ge-
Verbündete und Neutrale (1943-1945), hrsg. von M. Messerschmidt,
E. Cuth. Herford — Bonn, 1990. S. 152.
- ¹³ См.: *Polvinen T.* Finland und die Westmächte am Wendepunkt des zw-
Weltkrieges — Wissenschaftliche Zeitschrift der Ernst-Moritz-Arndt-Un-
sität Greifswald / Gesellschafts- und sprachwissenschaftliche Reihe 7
(1981), H. 1/2, S. 67; *Berry M.* American Foreign Policy and the Finnish
ception. Ideological Preferences and Wartime Realities. Helsinki, 1987 (S-
Historica, 24). S. 241 ff.
- ¹⁴ *Polvinen T.* Barbarossasta Teheraniin. S. 202 f.
- ¹⁵ См. об этом: *Laine A.* Suur-Suomen kahdet kasvot. Itä-Karjalan siviiliva-
asema suomalaisessa miehityshallinnossa 1941-1944. Keuruu, 1982.
- ¹⁶ *Soikkanen H.* Sota-ajan valtioneuvosto. Helsinki, 1977 (Valtioneuvoston h-
ria, Bd. 2). S. 158. О том, как на это реагировала немецкая сторона,
депеша Кивимяки за № 8 и № 9 (от 17 и 22.02.43) в архиве МИД
Финляндии в Хельсинки — 5/С 5 (1943).
- ¹⁷ И только в немногочисленной Шведской народной партии таких б
83%. Все данные даны по: *Jutikkala E.* Mielialojen kirjo jatkosodan aikaan.
Studia Historica in honorem Viho Niitemaa. Turku, 1987 (Turun Historiall-
Arkisto, Bd. 42). S. 131 ff.
- ¹⁸ *Talvela P.* Sotilaan eälmä. Muistelmat. Bd. 2. Jyväskylä, 1977. S. 208 f.
- ¹⁹ Дневник Блюхера, тетрадь VII, л. 2318. (запись от 15.01.43) — PA, а
Блюхера. Затем см.: *Erfurth W.* Der finnische Krieg 1941-1944. Wiesbad-
München, 1977. S. 141. По свидетельству этого автора, прогерман-
оптимизм был характерен скорее для фронта, нежели
высокопоставленных штабов.
- ²⁰ Дневник Эрфурта, S. 607 (запись от 17.01.43) — BA-MA, N 257/v. 3.
- ²¹ *Mannerheim G.* Erinnerungen. Zürich — Freiburg, 1952. S. 492 f.
- ²² См. телеграмму Блюхера от 11.01.43. — PA, R 29 583, B1. 26 f. Зап-
Виттинга, напротив, весьма отвечала американским ожиданиям
см.: *Berry M.* Op. cit. S. 231 f.
- ²³ *Erfurth W.* Op. cit. S. 208. См. также мнение на этот счет заведую-
соответствующим сектором в МИД Германии (Грундхерра) в его спр-
от 5.03.43. — PA, R 29 583, B1. 200 ff.
- ²⁴ См. в этой связи относящиеся к делу документы в: Akten zur deuts-
auswärtigen Politik 1918-1945. Aus dem Archiv des Deutschen Auswärt-
Amtes (ADAP). Serie E. 1941-1945. 8 Bde. Göttingen, 1969-1979. B-
N 116, 243, 263, 268; о скрытых пружинах процесса см.: *Polvinen T.* B-
rossasta Teheraniin. S. 170 ff.
- ²⁵ *Berry M.* Op. cit. S. 236.
- ²⁶ Ibid. S. 245 ff.; см. затем подробную документацию по этим контак-
Foreign Relations of the United States (FRUS), 1943, vol. 3. Washington, 1964,
S. 219, 222-226, 232 f., 236 ff.
- ²⁷ Телеграмма Хэлла временному поверенному в делах в Финляндии
19.03.43. — FRUS, 1943/3, S. 250 f.
- ²⁸ Телеграмма Блюхера от 19.03.43. — ADAP, Serie E, Bd. 5, Dok. 225. S.
- ²⁹ FRUS, 1943/3. S. 255. См. также личные воспоминания Рюти (неопу-
рукописный экземпляр которых находится в Государственном архиве
Хельсинки — фонд Рюти, № 9. S. 292 f.

- См. записи Вайцзеккера за № 178 и № 180 от 23.03.43. — PA, R 29 583,
B1. 237 f. и 241, затем запись в дневнике статс-секретаря от 27.03.43, в:
Die Weizsäcker-Papiere 1933-1950, hrsg. von L.E. Hill. Frankfurt a.M. —
Wien, 1974. S. 334. На состоявшемся в Финляндии после войны
процессе против ответственных за участие страны в войне прокуратура
утверждала, будто поездка Рамса в Берлин с самого начала имела своей
целью дезавуировать американское предложение о посредничестве,
однако это утверждение опровергается источниками; см.: *Prokopé H.* Sow-
jetpolitik über Finnland. Zürich, 1947. S. 100.
- ³⁰ Kronologinen yhteenveto Suomen ja Saksan välisten suhteiden kehittymisestä
1906.40-11.09.44, S. 92 f. (№ 387) в Государственном архиве в Хельси-
нки — архив Кивимяки, Bd. 2.
- ³¹ Запись беседы между Риббентропом и Рамсаем в первой половине дня
26.03.43. — ADAP, Serie E, Bd. 5. S. 467-476, здесь S. 469 ff. См. как
дополнение к этому донесение финского посланника от 29.03.43 (рапорт
№ 13) в архиве МИД Финляндии в Хельсинки — 5/С 5 (1943).
- ³² ADAP, Serie E, Bd. 5, Dok. 251. S. 480 f. и Dok. 257. S. 493 ff.
- ³³ См. *Berry M.* Op. cit. S. 272 ff., а также статью У.Ф. Кимболла в этом сборни-
ке.
FRUS, 1943/3. S. 255 f.
- ³⁴ Директива временному поверенному в делах в Финляндии — Ibid. S. 264.
См. также: *Berry M.* Op. cit. S. 281 ff.
- ³⁵ FRUS, 1943/3. S. 265. В разговоре с Паасикиви в те дни Рюти заявил, что
в случае надежных гарантий со стороны США он пошел бы на
предложение о сепаратном мире и с риском разрыва отношений с
Германией — Paasikivi J.K. Jatkosodan pälväkirjat, hrsg. von K.I. Rumpunen.
Helsinki, 1991. S. 279 (1.03.43).
- ³⁶ *Blücher W.v.* Gesandter zwischen Diktatur und Demokratie. Wiesbaden, 1951.
S. 331.
- ³⁷ На самом деле, в конституции Финляндии, принятой 17 июля 1919 года
статья 33, часть I), говорится: «Президент определяет отношения Фи-
нляндии с зарубежными государствами (...) О войне и мире Президент
решает с согласия сейма». Так что высказывавшиеся сомнения, какова ни
была бы их политическая направленность, с юридической точки зрения
были вполне оправданными; см. также конституционно-правовую
справку от 15.04.43, составленную для президента Э. Кастреном и
находящуюся в Государственном архиве в Хельсинки — фонд Рюти, № 24.
- ³⁸ См. следующую в этом направлении аргументацию Блюхера в его телеграмме
от 29.05.43. — ADAP, Serie E, Bd. 6, Dok. 65. S. 112 f.
- ³⁹ Подобные конфликтные ситуации будут еще не раз иметь место на
протяжении следующего года и фактически приведут 26.06.44 к
требованию со стороны Берлина, чтобы президент Финляндии взял на
себя обязательство не заключать сепаратного мира, но вскоре это
требование было снова снято. См.: *Menger M.* Op. cit. S. 205 f.; *Polvinen T.*
Teheranista Jaltaan. S. 77.
- ⁴⁰ ADAP, Serie E, Bd. 5, Dok. 359. S. 732 f. Последующие варианты текста
прослеживаются по материалам архива МИД Финляндии в Хельсинки —
Fb 12 L (Saksa)/73 и Fb 110/10 — B 1.
- ⁴¹ ADAP, Serie E, Bd. 6, Dok. 9. S. 27 ff. (курсив мой. — Автор). См. также
дневники Блюхера, тетрадь VII, л. 2527 и след. — PA, архив Блюхера.

⁴⁴ См. прим. 40.

⁴⁵ ADAP, Serie E, Bd. 6, Dok. 96. S. 175 f.; Dok. 111. S. 198. См. также мемуары: *Linkomies E. Vaikea aika. Suomen pääministerinä sotavuorokaudet 1943-44.* Keuruu, 1980. S. 232 ff.

⁴⁶ См.: ADAP, Serie E, Bd. 6, Dok. 72. S. 124.

⁴⁷ См. телеграммы Блюхера от 3.06. и 7.06.43. — ADAP, Serie E, Bd. 6, Dok. 76. S. 129; Dok. 87. S. 150 f., затем дневниковую запись Рюти от 7.06.43 (машинопись) в Государственном архиве в Хельсинки — Рюти, № 10.

⁴⁸ Более подробно см.: *Seppinen I.* Op. cit. S. 166 ff.

⁴⁹ Телеграмма Блюхера от 24.02.43 и ответ Риббентропа от 6.03.43. — ADAP, Serie E, Bd. 5, Dok. 154. S. 282; Dok. 352. S. 183.

⁵⁰ *Seppinen I.* Op. cit. S. 181.

V. ВОЗДЕЙСТВИЕ СТАЛИНГРАДСКОЙ БИТВЫ НА СОВЕТСКИЙ СОЮЗ И ЕГО СОЮЗНИКОВ

Валентин Пронько

СОВЕТСКАЯ СТРАТЕГИЯ В 1943 ГОДУ*

В январе-феврале 1943 года на советско-германском фронте произошли события, знаменовавшие собой начало массового отхода фашистских захватчиков за пределы СССР. Благоприятная обстановка, сложившаяся для Красной Армии в результате разгрома противника в Сталинградской битве, позволила советскому Верховному Главнокомандованию вводом в действие новых сил и средств расширить размах стратегического наступления как по фронту, так и в глубину.

В этих условиях Ставка ВГК главное внимание уделяла направлению успеха на донбасском и ростовском направлениях. Здесь, согласно ее замыслу, предусматривалось нанести поражение главным силам трех групп армий («Б», «Дон» и «А»). В ходе наступления только на юге под новые удары Красной Армии попадало в общей сложности до 100 вражеских дивизий¹. Решение стоявших задач должно было привести к освобождению важных в экономическом отношении районов, прежде всего Донбасса и Северного Кавказа, что в значительной степени позволяло улучшить положение Советского Союза.

Одновременно планировалось проведение ряда наступательных операций на северо-западном и западном направлениях. Их частные цели состояли в прорыве блокады Ленинграда, восстановлении сухопутной связи с городом, а также ликвида-

* Текст статьи публикуется в первоначальной, авторской редакции.

ции Ржевско-Вяземского плацдарма и демянской группировки противника.

Таким образом, на огромном фронте от Ладожского озера до Черного моря Ставка ВГК уже в январе 1943 года наметила привлечь к стратегическому наступлению все действующие фронтовые объединения.

В свою очередь германское командование предусматривало любой ценой, сдерживая наступление советских войск, стабилизировать линию фронта и выиграть время для восстановления резервов и создания стратегических наступательных группировок.

Германское командование, предугадывая дальнейшее развитие событий и стремясь избежать окружения своей группировки на Северном Кавказе, с 1 января стало отводить ее район Моздока в северо-западном направлении. Войска кавказского фронта незамедлительно перешли к преследованию отходившего врага. К началу февраля германское командование смогло отвести к Ростову лишь часть северокавказской группировки. Основные же ее силы, избегая флангового удара Южного фронта, были вынуждены отойти на Таманский полуостров. Советские войска, преодолевая упорное сопротивление врага, 12 февраля освободили Краснодар, через два дня — Ростов и 18 февраля вышли на реку Миус.

Наступательные действия на южном крыле продолжались до середины февраля. К этому времени советские войска продвинулись вперед на 160–600 км, освободив большую часть Северного Кавказа и Ростовской области.

Одновременно с боями на Северном Кавказе Красная Армия нанесла удары на Верхнем Дону, в районе Острогожска, Россоши и Воронежа. Здесь в период с 13 по 27 января была окружена 86-тысячная группировка противника².

В результате боевых действий на Верхнем Дону советские войска нанесли серьезное поражение группе армий «Б». В обороне противника образовалась 400-километровая брешь. Были созданы благоприятные условия для развития наступления в курском и харьковском направлениях.

Такому успеху во многом способствовало достижение войсками полной секретности. Подготовка к наступлению проводилась в строжайшей тайне, с использованием различных форм маскировки и дезинформации. Противник и не подозревал о готовившихся активных действиях советских войск на этом направлении.

не считывал, что наступление под Сталинградом и на Северном Кавказе истощило резервы советского командования и в ближайшие месяцы Красная Армия будет не в состоянии предпринять крупные наступательные операции на других участках фронта.

Немецкий генерал Бутлар, оценивая результаты тех событий, отметил следующее: «Итог, который германскому командованию пришлось подвести на этом участке фронта в конце января 1943 года, был поистине ужасным. За 14 дней русского наступления группа армий «Б» была почти полностью разгромлена. 2-я армия оказалась сильно потрепанной... 2-я венгерская армия была почти полностью уничтожена, из 8-й (итальянской). — *Авт.*) армии спастись удалось лишь некоторым частям корпуса альпийских стрелков... Связь с группой армий «Центр» и с группой армий «Дон» была потеряна, стыки находились под угрозой»³.

Широко развернувшееся наступление на юге приковало к себе все основные силы и резервы противника, лишило гитлеровское командование возможности усилить свои войска на других участках советско-германского фронта. Это значительно облегчало проведение наступательной операции с целью прорыва блокады Ленинграда.

Операция была сопряжена с большими трудностями. Противник держал под городом крупную группировку: 25 немецких и 5 финских дивизий⁴. За 16 месяцев блокады враг создал мощную систему оборонительных сооружений.

12 января войска Ленинградского и Волховского фронтов при поддержке авиации Балтийского флота, нанося удары во восточном направлении, перешли в наступление. После семидневных ожесточенных боевых действий они решили поставленную задачу. 18 января блокада Ленинграда была прорвана.

Достигнутая цель явилась переломным моментом в битве за Ленинград. С этого времени инициатива ведения военных действий на данном направлении окончательно перешла к советским войскам. Была устранена угроза соединения немецких и финских войск восточнее Ладожского озера. Восстановление сухопутных коммуникаций позволяло непрерывно усиливать войска Ленинградского фронта и Балтийского флота пополнением, боевой техникой и боеприпасами. В итоге силы защитников города стали быстро возрастать. Все это улучшило стратегическое положение советских войск, действовавших на северо-западном направлении.

Успехи под Ленинградом создали благоприятные условия для ликвидации плацдарма противника в районе Демянска. 1 февраля войска Северо-Западного фронта, перейдя в наступление, создали угрозу окружения демянской группировки противника. Германское командование, опасаясь разгрома, начал отход. Преследуя противника, соединения фронта продвинулись на 100–120 км. Демянский плацдарм, который гитлеровцы удерживали почти полтора года, перестал существовать.

Таким образом, в результате успешного проведения наступательных операций на Северном Кавказе, Верхнем Дону под Ленинградом полоса стратегического наступления Красной Армии значительно расширилась. Вражеская оборона на этом крыле советско-германского фронта была сокрушена почти на участке в 2 тыс. км — от Ливны до предгорий Главного Кавказского хребта.

В соответствии с замыслом Ставки ВГК о развитии общего наступления в начале февраля предусматривалось и в дальнейшем сосредоточение основных усилий Красной Армии в юго-западном направлении. Нанесением удара объединенными войсками Юго-Западного фронта во взаимодействии с Южным и частями Воронежского фронтов намечалось окружение и уничтожение донбасской группировки врага. Стремление к развитию наступления на данном направлении оправдывалось необходимостью максимально использовать благоприятные условия, созданные в результате разгрома противника под Сталинградом, на Среднем и Верхнем Дону.

Однако германскому командованию удалось организовать отход против далеко выдвинувшихся к середине февраля войск Южного, Северо-Западного и Воронежского фронтов контрнаступление.

Противник, готовясь к контрнаступлению, провел ряд эффективных мероприятий. Прежде всего на базе группы армий «Дон» была сформирована группа армий «Юг», объединившая все войска в 700-километровой полосе. В ее состав вошли 4 танковые армии, оперативные группы Kempf и Hoth. Они усиливались 8 дивизиями, переброшенными из-под Ровно и из Западной Европы. Для осуществления контрнаступления были созданы две ударные группировки и оперативный резерв командующего группой армий «Юг». Врагу удалось достичь превосходства над советскими войсками по численности и артиллерии в 1,2, по танкам и самолетам — в 2,4 раза⁵. В дивизиях, действовавших на главных направлениях, противник имел более 800 танков.

Особое внимание тщательности подготовки и результативности проведения контрудара уделял лично Гитлер, находившийся в это время в Запорожье — в штабе группы армий «Юг». Он обратился к своим войскам с приказом, в котором призывал солдат и офицеров проявить мужество, выдержку и ответственность.

Развернувшееся 19 февраля восточнее и северо-восточнее Днепропетровска встречное сражение закончилось для советских войск неудачно. В итоге напряженной борьбы враг вновь овладел недавно освобожденными районами Донбасса, городами Богодухов, Харьков и Белгород. Только вводом в сражение резервов Ставки ВГК удалось стабилизировать фронт южнее Курска. Наступление противника было остановлено лишь в начале марта. В ходе этих операций образовался Курский выступ.

Враг, несмотря на то, что добился территориальных успехов, все же не достиг поставленной цели — совместными усилиями групп армий «Юг» и «Центр» окружить советские войска в районе Курска.

Основная причина неудач в Донбассе и под Харьковом состояла в неправильной оценке советским командованием обстановки, сложившейся в данных районах к середине февраля. Упущенность этого просчета состояла в том, что перегруппировка войск противника с целью перехода их в контрнаступление в Донбассе и в районе Харькова была оценена советской разведкой как сплошной отход за Днепр.

Эти ошибочные выводы оказали серьезное влияние на последующий ход операций. Советское командование приняло решение о продолжении наступления войск Воронежского и Южного Западных фронтов к Днепру. В результате неправильной оценки замысла противника и боеспособности его войск контрнаступление врага для советских войск, действовавших на этом направлении, оказалось внезапным. Не имея возможности должным образом подготовиться для отражения ударов противника, они были вынуждены отойти за реку Северный Донец.

Следующей причиной неудач явились недостаточно эффективные меры, предпринимавшиеся советским военным руководством по поддержанию и восстановлению боеспособности войск в ходе непрерывных, почти двухмесячных наступательных боевых действий. Войска фронтов понесли значительные потери, были сильно утомлены, не имели необходимой авиационной поддержки и прикрития. Оторвавшись от тыловых баз

снабжения на 200–300 км, в условиях весенней распутицы испытывали серьезные трудности в материально-техническом снабжении. На неудачный исход наступления советских войск повлияла также переоценка своих сил и возможностей на завершающем этапе наступательной кампании.

Все это отрицательно сказалось и на ходе наступления Красной Армии в феврале-марте на западном направлении.

Чтобы укрепить оборону и усилить орловскую группировку германское командование нуждалось в резервах. В связи с этим оно приняло окончательное решение о выводе своих войск с Ржевско-Вяземского выступа. Следует отметить, что отход начавшийся 2 марта, проводился по всем законам военного искусства⁷. Условия лесисто-болотистой местности, а также действия сильных арьергардов и широкое применение противником различных заграждений — все это резко снижало темпы преследования и не позволило осуществить выход на вражеские тылы. В итоге германскому командованию удалось выдвинуть 12 дивизий и перебросить их южнее Орла и Брянска для укрепления обороны на этом направлении.

В конце марта Ставка ВГК решила приостановить дальнейшее наступление на западном направлении. По ее указанию фронты перешли к обороне на занимаемых рубежах.

Таким образом, в первые три месяца 1943 года основным содержанием военных действий Красной Армии являлись наступательные операции фронтов на северо-западном, западном и юго-западном направлениях, а также оборона под Харьковом и в Донбассе. На северо-западном и западном направлениях операции проводились против крупных вражеских группировок, которые германское командование сохраняло несмотря на тяжелое для него положение на южном крыле советско-германского фронта. Для стабилизации своего положения противник вынужден был перебросить на восток из западной Европы и Африки 33 дивизии, 3 бригады, часть авиации и другие силы.

После ожесточенных сражений, завершившихся в марте наземные войска на советско-германском фронте в течение следующих трех месяцев активных боевых действий не вели. Воюющие стороны извлекали уроки из прошедших операций, разрабатывали дальнейшие планы, пополняли свои войска людьми и техникой, накапливали резервы и производили подготовку группировки.

В конце марта 1943 года Ставка ВГК и Генеральный штаб

перешли к разработке плана ведения военных действий на лето и осень 1943 года. Уже в начале апреля Генеральный штаб по поручению Ставки дал фронтам указания использовать время весенней распутицы для лучшей организации обороны, концентрации резервов на основных направлениях, а также для проведения боевой подготовки⁸.

Первоначально намечалось начать кампанию широкими наступательными действиями, нанося главный удар на юго-западном направлении. Верховное Главнокомандование исходило из того, что Красная Армия владела стратегической инициативой и превосходила вермахт в силах и средствах. Следует отметить, что уже в начале апреля в резерве Ставки находились на укомплектовании шесть общевойсковых и две танковые армии, а также ряд отдельных соединений. Однако вскоре в эти замыслы были внесены изменения.

Целенаправленная деятельность всех видов разведки позволила Ставке ВГК раскрыть замысел врага, установить состав ударных группировок и направления готовившихся ударов. Ставка поставила вопрос о характере военных действий советских войск на главных направлениях, действовавших на главных направлениях, и изучала различные предложения на этот счет. Однако находившийся в районе Курского выступа заместитель Верховного Главнокомандующего Маршал Советского Союза Г.К. Жуков в беседе со Ставкой ВГК подчеркивал: «Переход наших войск в наступление в ближайшие дни с целью упреждения противника считаю нецелесообразным. Лучше будет, если мы измотаем противника на нашей обороне, выйдем его танки, а затем, введя в дело резервы, переходом в общее наступление окончательно выйдем группировку противника»⁹.

Командование противника, учитывая выгодное положение своей группировки в районе Курского выступа, решило ударить по сходящимся направлениям с севера и юга окружить и уничтожить войска Центрального и Воронежского фронтов, а затем нанести удар в тыл Юго-Западного фронта. Одержанная нами победа должна была, по мнению германского руководства, создать предпосылки для развития наступления в северо-восточном направлении в целях выхода в глубокий тыл центральной группировки советских войск и создания угрозы Москве.

О важности предстоявшего наступления свидетельствует приказ Гитлера № 6 от 15 апреля 1943 года: «Я решил, как только позволят условия погоды, провести наступление «Цитанен» — первое наступление в этом году.

Этому наступлению придается решающее значение. Оно должно завершиться быстрым и решающим успехом. Наступление должно дать в наши руки инициативу на всю весну и лето текущего года.

В связи с этим все подготовительные мероприятия необходимо провести с величайшей тщательностью и энергией. Направление главных ударов должны быть использованы лучшие соединения, наилучшее оружие, лучшие командиры и большое количество боеприпасов. Каждый командир, каждый рядовой солдат обязан проникнуться сознанием решающего значения этого наступления. Победа под Курском должна явиться фактом для всего мира»¹⁰.

Для реализации своих планов германское командование на избранных направлениях сосредоточило 50 дивизий, в числе 16 танковых и моторизованных. Это составляло около 70% танковых, до 30% моторизованных и более 20% пехотных дивизий от общего количества сухопутных соединений находившихся на советско-германском фронте. В составе данной группировки насчитывалось 900 000 солдат и офицеров, около 10 000 орудий и минометов, до 1700 танков, 1000 штурмовых орудий и свыше 2000 самолетов. Все войска были распределены примерно поровну между группами армий «Центр» и «Юг». Наступление готовилось на двух узких участках, составлявших вместе всего 13% общей протяженности советско-германского фронта. Особенностью замысла врага являлось массивное применение новейших образцов боевой техники, прежде всего подвижных войск, танков и штурмовых орудий.

12 апреля в Ставке ВГК состоялось совещание, на котором обсуждался вопрос о плане летне-осенней кампании 1943 года. На нем было решено начать кампанию жесткой, обескровляющей врага обороной на заранее подготовленных глубоко эшелонированных рубежах, затем разгромить его ударные группы и перейти в контрнаступление.

На Курском выступе, имевшем протяженность 550 км, в Ставке Центрального и Воронежского фронтов было сосредоточено свыше 1,3 млн. человек, до 20 000 орудий и минометов, 3444 танка и САУ (в том числе свыше 900 легких и средних танков), 2900 самолетов (с учетом авиации дальнего действия). Здесь располагалось до 26% людей, орудий и минометов, 33,5% боевых самолетов и 46% танков действующей армии. Советские войска на этом участке фронта превосходили противника

по числу — в 1,4 раза, орудиям и минометам — в 1,9 раза, танкам и САУ — в 1,2 раза и по самолетам — в 1,4 раза.

Оборонительные и наступательные операции на Курской дуге были объединены единым замыслом и представляли собой комплекс операций, осуществление которых должно было обеспечить прочное удержание стратегической инициативы и перенести общее наступление советских войск на важнейших направлениях советско-германского фронта.

Следует отметить, что в отличие от предыдущих оборонительных операций оборона советских войск под Курском была вынужденной, а преднамеренной. Красная Армия, обладая стратегической инициативой и общим превосходством над противником в силах и средствах, избрала выгодный ей характер действий. Произшел редчайший в истории войн случай: сильнейшая сторона преднамеренно переходила к обороне, что свидетельствовало о творческом подходе советского Верховного Главнокомандования к решению стратегических задач войны.

Ни к одной операции враг не готовился так всесторонне и тщательно. План операции «Цитадель» неоднократно обсуждался и уточнялся. Несколько раз переносились сроки ее начала из-за стремления сосредоточить в войсках как можно больше танков. Гитлер объявил свое окончательное решение — начать наступление 5 июля.

После задолго до начала наступления противника советское командование провело ряд мероприятий, направленных как на определение предстоящих действий врага, так и на последующий переход в контрнаступление. К таким мероприятиям относились: создание глубоко эшелонированной обороны на Курской дуге; пополнение действовавших здесь фронтов людьми и боевой техникой; выдвижение на курское направление крупных стратегических резервов; решительное массирование сил и средств; определение замысла на контрнаступление; подготовка наступательных операций на орловском и болховском направлениях (войсками левого крыла Западного и Брянского фронтов), а также в районе Изюма и на реке Миус (войсками Южного Западного и Южного фронтов).

Большим достижением в развитии советского военного искусства явилось создание на Курской дуге глубоко эшелонированной, непреодолимой для врага стратегической обороны. Войсками и населением прифронтовых районов было оборудовано восемь оборонительных полос и рубежей общей глубиной

до 300 км. Каждая армия первого эшелона построила три полосы обороны. Помимо этого, Центральный и Воронежский фронты возвели три фронтовых оборонительных рубежа. Восточнее Курского выступа войска Степного фронта, составлявшие стратегический резерв Ставки ВГК, оборудовали свой оборонительный рубеж и по восточному берегу Дона был построен государственный рубеж обороны. Основой инженерного оборудования местности явилась широко развитая система траншей и коммуникаций. Наиболее сильно была укреплена первая (главная) полоса. Оборона строилась прежде всего как противотанковая.

В битве под Курском советская стратегия обогатилась новым опытом массирования сил и средств. Придавая решающее значение разгрому основных группировок врага, советское командование сосредоточило на главных направлениях крупные силы и средства, обеспечив тем самым решительное превосходство своих войск над противником.

При подготовке оборонительной операции в полосе Центрального и Воронежского фронтов там были сосредоточены танковые армии из пяти, имевшихся в Красной Армии, четыре воздушные, основные силы авиации дальнего действия, а также большое количество отдельных танковых, механизированных, артиллерийских соединений. На Центральном фронте в ольховатском направлении на участке шириной 25 км, составлявшем 31% общей протяженности фронта обороны, сосредоточивалось 58% стрелковых соединений, 87% танков и САУ, 70% артиллерии¹¹.

Еще большая степень массирования сил и средств достигалась на направлениях главных ударов фронтов при переходе в контрнаступление. Воронежский и Степной фронты в Белгородско-Харьковской операции на направлениях главных ударов, составлявших 14% общей ширины полосы каждого фронта, сосредоточили 50–90% стрелковых войск, до 80–90% танков и САУ, 56–67% орудий и минометов и подавляющую часть авиации. Это позволило добиться значительного превосходства над противником и впервые за годы войны создать на этих направлениях высокие оперативные плотности: 215–230 орудий и минометов, до 70 танков и САУ на 1 км участка прорыва.

Советское Верховное Главнокомандование показало высокое искусство создания и использования стратегических резервов. В апреле 1943 года был сформирован Степной военный округ (с 10 июля — Степной фронт), который в начале июля в своем составе пять общевойсковых, танковую и воздуш-

ную, шесть отдельных танковых и механизированных, а также три кавалерийских корпуса. Кроме того, в районе Калуги сформировалась 11-я армия, в районе Москвы — 4-я танковая армия, восточнее Плавска — 3-я гвардейская танковая армия. Главной задачей фронтов, развернутый во втором стратегическом эшелоне в основном направлении, представлял собой наиболее мощную группировку сил. В это время войны объединение стратегических резервов Ставки ВГК. Он не только увеличивал глубину обороны в стратегическом масштабе, но и позволил заблаговременно создать резервную группировку для перехода в контрнаступление.

Битва под Курском, включавшая оборонительный этап и наступление, проходила с 5 июля по 23 августа. Оборонительная операция осуществляли Центральный и Воронежский фронты. Уже 10 июля наступление немцев в полосе Центрального фронта было окончательно остановлено. Враг сумел здесь за пять дней вклиниться лишь на 10–12 км.

Не достигло результатов наступление немецких войск и на южном фланге Курского выступа в полосе Воронежского фронта. Кульминационным моментом здесь явилось 12 июля. В этот день в районе Прохоровки произошло самое крупное встречное танковое сражение второй мировой войны, которое выиграли советские войска. Максимальное продвижение врага на южном фланге достигло 35 км.

Значение этих событий Маршал Советского Союза А.М. Василевский в своих воспоминаниях оценивал так: «Главным результатом оборонительного сражения следует, на мой взгляд, считать поражение танковых соединений врага, в результате чего возникло особо благоприятное для нас соотношение сил по этому важному роду войск. В значительной степени способствовало этому выигрыш нами крупного встречного танкового сражения в районе Прохоровки в 30 км от Белгорода. Мне довелось быть участником этого поистине титанического поединка двух стальных армад (до 1200 танков и САУ), который произошел на южном фланге Курской дуги 12 июля»¹².

Оборонявшиеся, сорвав тщательно подготовленное наступление противника, создали благоприятные условия для перехода в контрнаступление на орловском и белгородско-харьковском направлениях.

В соответствии с ранее намеченным планом 12 июля, в связи с разгаром Прохоровского сражения, началась Орловская наступательная операция. Определение времени перехода в контрнаступление явилось сложной проблемой для советского

командования. Однако она была решена успешно. Контрнаступление началось в тот момент, когда противник израсходовал свои наступательные возможности, но еще не успел перейти к обороне. К 18 августа войска Западного, Брянского и Центрального фронтов, продвинувшись в западном направлении на 150 км, разгромили крупную группировку противника и ликвидировали орловский плацдарм.

В ходе Белгородско-Харьковской операции в период с 23 августа войска Воронежского и Степного фронтов освободили крупнейший экономический центр юга страны — Харьков и создали благоприятные условия для освобождения Левобережной Украины и Донбасса.

Следует отметить, что контрнаступление под Курском началось в иных условиях, чем это имело место в Сталинградской битве. Оно явилось заранее организованным и подготовленным ответным ударом на удар противника. Ему предшествовала трехмесячная стратегическая пауза на всем советско-германском фронте. В этом отношении контрнаступление под Курском коренным образом отличается от контрнаступлений, введенных Красной Армией как под Москвой, так и под Сталинградом.

Важно отметить, что непосредственная подготовка контрнаступления осуществлялась в ходе развернувшихся оборонительных операций. С этой целью разрабатывались планы действий войск Воронежского, Центрального и Степного фронтов; уточнялись задачи войскам левого крыла Западного и Брянского фронтов; осуществлялась перегруппировка армий Степного фронта в полосу предстоящих действий; пополнялись запасы материальных средств. Все это способствовало сокращению разрыва между окончанием оборонительных операций и началом контрнаступления.

Характерно, что в контрнаступление фронты включались одновременно. 12 июля, еще в ходе оборонительных операций на Курской дуге, перешли в наступление войска левого крыла Западного и Брянского фронтов. Через три дня начал контрнаступление Центральный фронт. Воронежский и Степной фронты перешли в контрнаступление на белгородско-харьковском направлении 3 августа. Причем контрнаступлению на этом направлении предшествовали контрудары войск Воронежского фронта, усиленного резервами Ставки ВГК.

Разновременное включение фронтов в стратегическое контрнаступление обуславливалось рядом причин. Переход

контрнаступление войск левого крыла Западного и Брянского фронтов в период развертывания оборонительных операций на Курской дуге заблаговременно предусматривался стратегическим командованием советского командования. Эти фронты были готовы к переходу в наступление еще до начала оборонительного сражения на Курской дуге, однако они выжидали момент, когда ударные группировки противника будут втянуты в это сражение и ослаблены. Остальным фронтам требовалось время для проведения необходимых перегруппировок.

Большую роль в создании благоприятных условий для перехода советских войск в контрнаступление, а затем и в общее наступление сыграло завоевание в ходе оборонительного сражения полного господства в воздухе и, как следствие этого, ликвидация группировок наземных войск врага эффективной поддержкой с воздуха.

В более сокращенные сроки произошло перерастание контрнаступления в общее наступление в летне-осенней кампании 1943 года. Еще до завершения Орловской и Белгородско-Харьковской операций в наступление на смоленском и ленинградском направлениях перешли войска Калининградского и Западного фронтов, а в районе Изюма и на реки Миус — войска Юго-Западного и Южного фронтов.

Следовательно, в период с 12 июля по 18 августа (в течение 30 дней) на фронте в 2000 км перешли в наступление восемь фронтов (Калининский, Западный, Брянский, Центральный, Воронежский, Степной, Юго-Западный и Южный). Кроме того, 10 сентября на Таманском полуострове начал наступательные действия Северо-Кавказский фронт. Всего в общем наступлении летом и осенью 1943 года приняло участие девять фронтов, в которых находилось 53 из 69 общевойсковых, 5 танковых, 9 из 13 воздушных армий, все 37 отдельных механизированных и танковых корпусов, 18 из 23 артиллерийских дивизий прорыва, имевшихся в действующей армии.

Привлечение столь крупных сил для общего наступления позволило нанести удары по трем группам армий врага («Центр», «Юг» и «А»), в составе которых действовало более двух третей всех войск немецкой армии, находившихся на советско-германском фронте.

Развертывание стратегического наступления на широком фронте до крайности ограничивало возможности противника осуществлять маневр силами и средствами вдоль фронта. Положение германского командования осложнялось также и отсут-

ствием на советско-германском фронте необходимых стратегических резервов. Характерно, что резервы, выдвигаемые Германией и оккупированных стран, расходовались по частному образцу для восстановления прорванного фронта. В результате под мощными ударами советских войск фронты противника рушились то на одном, то на другом направлениях.

Расширение фронта стратегического наступления советских войск путем ввода в действие новых сил являлось системой последовательных операций по всему фронту. Все эти операции вытекали из единого стратегического замысла кампании. Опыт организации и ведения системы последовательных операций по фронту в 1943 году явился крупным вкладом в военную стратегию.

Большая роль в успешном развитии наступления отводилась действиям партизан, принимавшим стратегическую роль. Так, с целью дезорганизации железнодорожных коммуникаций противника советские партизаны по указанию Ставки ВГК в период с августа по декабрь провели две крупные операции, носившие условные наименования «Рельсовая война» и «Концерт». Только в операции «Рельсовая война» принимали участие 167 партизанских формирований. По оценке немецкого управления железными дорогами «Восток», массовое разрушение железных дорог летом 1943 года сократило их пропускную способность на 35%.

В результате действий партизан значительно уменьшилась возможность противника по переброске своих людских резервов и материальных средств, что весьма положительно влияло на развитие наступления советских войск.

Особенностью действий Красной Армии осенью 1943 года является стратегический масштаб преследования противника.

Враг понимал, что в сложившейся к середине сентября 1943 года обстановке стабилизировать фронт стратегической обстановки на южном крыле и в центре будет очень сложно. Поэтому в сентябре командование противника было вынуждено принять решение отвести войска группы армий «Центр» и «Юг» за Сож, Днепр и Молочная. Отход планировалось осуществить по фронту в 2000 км и на глубину 100–200 км, а на юго-западном направлении — на 300 км. Это был крупный и смелый стратегический маневр противника. Его цель состояла в недопущении разгрома своих войск и отводе их на более выгодный для обороны рубеж. С началом отхода противника наступавшая сторона

перешла в преследование, которое осуществлялось в полосе стратегического наступления с темпом от 10 до 20 км, а на отдельных направлениях и до 30 км в сутки.

В ходе преследования, в котором участвовало восемь фронтов, советские войска не смогли ни на одном из направлений отойти в тыл вражеским группировкам и отрезать их от переправ на Днепре. Это объяснялось рядом причин, и прежде всего тем, что для осуществления разгрома отходившего врага необходимы были сильные подвижные соединения и объединения, способные быстро и глубоко вторгаться в тыл противника. Однако к началу отхода врага во фронтах не было таких формирований. Основная масса танков была потеряна в операциях, проведенных в июле-августе 1943 года. Поэтому сразу же после Курской битвы все пять танковых армий были выведены без материальной части в резерв Ставки ВГК на укомплектование. Особенно ослабленными были также отдельные танковые и механизированные корпуса.

Другой причиной, не позволившей сорвать маневр противника по отводу своих войск за Днепр, явилась задержка в сосредоточении стратегических резервов.

При ведении советскими войсками преследования на Левобережной Украине германское командование отводило соединения группы армий «Юг» за Днепр по постоянным переправам, расстояние между которыми колебалось от 60 до 200 км. Отходившие соединения, прикрываясь сильными арьергардами, зачастую отрывались основными силами от советских войск и сосредоточивались в районах переправ. Затем после переправы на противоположный берег реки они снова развертывались и занимали рубежи обороны в назначенных полосах. Таким образом противник совершал довольно сложный маневр по отводу своих войск за Днепр.

Советские войска при отсутствии сильных подвижных соединений не могли воспрепятствовать этому маневру врага. В результате противник, обладая большой подвижностью, отходил значительно быстрее, чем его преследовали.

В сложившихся условиях советское Верховное Главнокомандование решило наряду с ведением боевых действий против группировок, сосредоточенных у переправ, с ходу форсировать Днепр в промехотках между постоянными переправами, захватить там выгодные плацдармы и тем самым сорвать планы немецкого командования по организации прочной обороны на противоположном берегу реки. Авиация фронтов и

авиация дальнего действия в это время использовались по тому же образцу для ударов по группировкам врага в районах реперов.

Задача форсирования Днепра в промежутке между основными переправами была успешно решена. Советские войска, преодолевая трудности, связанные с острым недостатком переправочных средств, боеприпасов и горючего, в период с 22 по 30 сентября на фронте в 700 км от устья реки Сокирия Запорожья захватили 23 плацдарма на Днепре. Хотя плацдармы вначале были и невелики, но, как показал дальнейший ход событий, они сыграли решающую роль в осуществлении планов германского командования по организации прочной обороны на рубеже Днепра. Это был крупный стратегический успех Красной Армии. Он создавал важные предпосылки для развертывания последующей борьбы на Правобережной Украине.

Следует отметить, что в 1943 году, после разгрома стратегической группировки противника под Сталинградом, противник часто прибегал к отходу как к одному из способов оперативного стратегического маневра. Цель этого маневра состояла в том, чтобы за счет оставления определенной части территории вывести свои войска из-под удара и занять хотя бы на время благоприятный рубеж обороны. Однако советское командование придерживалось правила, не могло воспрепятствовать планомерному отходу противника. Вследствие этого врагу удалось отвести свои группировки с Северного Кавказа, из районов Демянска, Ржев-Вязьмы, с орловского плацдарма, из Донбасса и Левобережной Украины.

В октябре войска 1-го, 2-го и 3-го Украинских фронтов перенесли свои основные действия на правый берег Днепра, в бои за расширение захваченных плацдармов. 6 ноября был освобожден Киев. После отражения контрнаступления врага в районе Коростень-Фастов-Житомир войска Украинского фронта продвинулись западнее Киева до 150 км. Вследствие этого на правом берегу Днепра был создан важный стратегический плацдарм, протяженность которого по фронту превышала 500 км.

С конца сентября по декабрь продолжались напряженные бои на юге Украины, в ходе которых войска 2-го и 3-го Украинских фронтов ликвидировали запорожский плацдарм врага, освободили города Запорожье и Днепропетровск. В то же время войска 4-го Украинского фронта освободили по-

северную Таврию, форсировали Сиваш и блокировали сев-керимскую группировку противника.

Таким образом, попытка германского командования стабилизировать фронт на рубеже реки Днепр провалилась. Оборона противника на правом берегу Днепра была взломана почти на всем протяжении от Жлобина до Черного моря. Разрекламированный фашистской пропагандой «восточный вал» был сокрушен мощным наступлением советских войск.

Успешное наступление Красной Армии на Левобережной Украине поставило немецкие войска на Таманском полуострове и на Черноморском побережье в районе Новороссийска в изолированное положение.

Осенью 1943 года активизировались действия советских войск и на западном стратегическом направлении. К концу сентября соединения Брянского фронта вступили на территорию Белоруссии. Ожесточенные бои развернулись от Невеля до устья реки Припять, где оборонялись более 70 дивизий группы армий «Центр». Войска Западного фронта с 3 октября развернули наступление на оршанском и могилевском направлениях. Они освободили часть Калининской и всю Смоленскую области, восточные районы Белоруссии, форсировали несколько водных преград, охватили Витебск с северо-запада и восточного берега, создали плацдарм южнее Жлобина, вышли на подступы к Орше и Могилеву.

Таким образом, победа советских войск под Курском и захват крупных плацдармов на западном берегу Днепра завершили коренной перелом в ходе Великой Отечественной и всей Второй мировой войны. Потерпела крах последняя попытка вермахта захватить стратегическую инициативу. Германское командование вынуждено было перейти к стратегической обороне на всех фронтах второй мировой войны.

Серьезное поражение врага на советско-германском фронте способствовало падению фашистского режима в Италии и выводу ее из войны в сентябре 1943 года. В период, когда этот режим разваливался, немецкие войска были скованы на Восточном фронте, и третий рейх не смог выделить достаточных сил, чтобы спасти своего союзника и предотвратить начавшееся крушение фашистского блока.

Победы Красной Армии оказали влияние на изменение характера борьбы на всех театрах второй мировой войны, создали благоприятные предпосылки для достижения превосходства союзных стран над агрессорскими силами милитаристской Японии в бассейне Ти-

хого океана. Все это привело в 1943 году к существенным, значительным сдвигам в стратегической обстановке в пользу антигитлеровской коалиции.

В завершающей части статьи целесообразно оценить деятельность И.В. Сталина как полководца в 1943 году.

В настоящее время советские историки подвергают критику старую концепцию о том, что успехи советского народа и его вооруженных сил в войне достигнуты благодаря «мудрому руководству Сталина» концепцию, в которой он превозносился «как величайший полководец всех времен и народов»¹³.

Следует отметить, что многие военачальники самых выдающихся авторитетов (А.М. Василевский, Г.К. Жуков, И.С. Конева, К.К. Рокоссовский и др.), близко знавшие и непосредственно работавшие под руководством Верховного Главнокомандующего, издавали свои мемуары в то время, когда происходила анимация Сталина как полководца. Естественно, что под влиянием усиливавшихся цензурных запретов многие факты, связанные с оценкой деятельности Сталина, исключались из мемуаров.

Вот как оценивал Г.К. Жуков Сталина в шестидесятых годах: «В начале войны со Сталиным было очень и очень трудно работать. Он прежде всего плохо разбирался в способах, методах и формах ведения современной войны, тем более с таким опытным и сильным врагом, как германская армия. Его познания были сугубо дилетантские, и нам нужна была быстрая выдержка и способность коротко и наглядно доложить обстановку и свои предложения. Сталин недооценивал значение и роль Генерального штаба в современной войне... В ходе войны сам Сталин приобрел опыт и знание, стал понимать многое из того, чего не понимал вначале. Втянувшись в военную деятельность, стал глубже и справедливее в своих оценках. Кроме того, он стал вообще гораздо больше считаться с объективной действительностью»¹⁴. Однако эта оценка Сталина не вошла в мемуары Жукова.

Действительно Сталин, занимая пост Верховного Главнокомандующего, не обладал многими военными знаниями, которые требовались в области стратегии и оперативного искусства. Однако он постоянно совершенствовался. К 1943 году в основном завершился процесс его становления как военного руководителя. После Сталинградской и особенно Курской битв Сталин приблизился к полководческому уровню других членов

Верховного командования. Становление Сталина как стратега шло под влиянием многих его военных помощников. С их помощью, но особенно с помощью Г.К. Жукова и А.М. Василевского, он постиг основополагающие истины стратегии и оперативного искусства.

В 1943 году при обсуждении самых важных вопросов стратегического планирования, обсуждаемых в Ставке, Сталин стремился глубоко вникнуть в суть происходящего на фронте, детально подготовиться к предстоящему принятию решения о проведении очередной стратегической операции. Для разработки материалов к операции он обычно привлекал начальника Генерального штаба. Сталин в основном овладел принципами организации фронтовых операций и операций групп фронтов и руководил ими со знанием дела. К этому времени он уже хорошо разбирался в больших стратегических вопросах. В наибольшей мере он постиг особенности такой формы наступательных действий, как окружение и уничтожение противника ударами нескольких фронтов. Импонировала ему и идея организации и проведения ряда последовательных операций с различными временными интервалами, на различную глубину.

Как правило, Сталин сам не выдвигал стратегических идей. Он подхватывал и развивал те замыслы, которые закладывались в Генеральном штабе. Но он был в состоянии оценить их по достоинству. Однако зачастую многие идеи отвергались им с ходу. Верховный принимал во внимание лишь те, которые были ему доступны. Переубедить его в чем-либо было исключительно трудно. Обычно Сталин проявлял нетерпение при определении сроков начала очередной операции. Он торопился всех. И большого труда стоило доказать ему необходимость подождать с началом действий и начинать операцию только тогда, когда она будет всесторонне подготовлена и материально обеспечена. Неизменной торопливостью была не единственной примечательной особенностью Сталина как полководца. Слабой стороной его мышления была изрядная оторванность от временных реалий. Зачастую он требовал осуществления переброски войск на расстояние от 60 км за четыре-пять часов. Это свидетельствует о том, что Сталин слабо представлял жизнь и быт войск на фронте. Его поездки на фронт были кратковременными. Побывав на Западном и Калининском фронтах в начале августа 1943 года, он больше на фронт не выезжал. Оторванность от реалий влияла и на отношение Верховного к потерям на фронте. Он был безразличен к военной судьбе солдат и командиров. Нажим, требования достичь цели «любой ценой» были в

основе действий Сталина. Для него всегда была важна та цель проводимой операции. Сталин был далек от стремления достичь ее минимальными потерями, хотя именно здесь таился подлинный полководческий талант. В этом, наверное, самым крупным изъяном Сталина как полководца¹⁵.

Большое значение Сталин придавал мерам морального мулирования бойцов и командиров. Периодически перед теми рубежами, которые следовало преодолеть (например, как Днепр), использовались различные стимулы, что опять вызывало излишнюю волну жертвенности и потерь.

В целом можно сказать, что стратегические способности Сталина несомненны, но они с крупными изъянами. Возлекая вооруженные силы, Сталин вел их от победы к победной невообразимых потерь, которые до сих пор лежат гнетущим грузом на плечах народов бывшего Советского Союза.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ История второй мировой войны 1939–1945. Т. 6. М., 1976. С. 91.
- ² История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945. Т. 4. М., 1961. С. 105.
- ³ Мировая война. 1939–1945 годы: Сб. статей. М., 1957. С. 206.
- ⁴ Самсонов А.М. Крах фашистской стратегии 1939–1945. М., 1980. С. 105.
- ⁵ Морозов В. Почему не завершилось наступление в Донбассе весной 1943 года // Военно-исторический журнал. 1963. № 3. С. 22.
- ⁶ ЦАМО. Ф. 500. Оп. 724438. Д. 555. Л. 68.
- ⁷ История второй мировой войны 1939–1945. Т. 6. С. 144.
- ⁸ ЦАМО. Ф. 3, оп. 11556, д. 12, л. 333.
- ⁹ «Совершенно секретно! Только для командования!» Документы и материалы. М., 1967. С. 502.
- ¹⁰ Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Т. 3. М., 9-е изд., 1988. С. 139–140, 147–148.
- ¹¹ Курская битва. М., 1970. С. 139–140, 147–148.
- ¹² Василевский А.М. Дело всей жизни. М., 1983. С. 308–309.
- ¹³ Волкогонов Д.А. Триумф и трагедия. В 2 кн. М., 1989; История и сталинизм. М., 1991 и др.
- ¹⁴ Павленко Н.Г. Сталинские концепции военной истории. В кн.: История сталинизма. С. 374.
- ¹⁵ Волкогонов Д.А. Триумф и трагедия. Кн. 2. ч. I. С. 369.

Уоррен Ф. Кимболл

СТАЛИНГРАД И ДИЛЕММА АМЕРИКАНО-СОВЕТСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Осенью 1943 года внимание американских кинозрителей было приковано к двум примечательным фильмам, посвященным ставшей к тому времени уже всемирно известной Сталинградской битве. Первый из них — советский документальный фильм, шедший здесь под названием «Героический Сталинград — город, который остановил Гитлера». Пояснительный текст к нему читал известный американский актер Брайан Кустнер, который «донес до зрителя героизм тех страшных пяти месяцев»¹. Вторым фильмом — американский «Битва за Ростов», снятый режиссером Фрэнком Капра по поручению начальника генерального штаба армии США Джорджа Маршалла в рамках серии кинокартин «Почему мы воюем», которые должны были поднимать боевой дух американских солдат². Каждый, кто видел оба эти фильма, был потрясен беспримерной борьбой за город на Волге, расположенный к северу от Кавказа и его нефтяных промыслов. Из схем на экране следовало, что лишь Сталинград — это направление главного удара немецком наступлении на юге СССР, но документальные кадры боевых действий наглядно продемонстрировали американскому зрителю, что этот город — свидетельство мужества и героизма Красной Армии и всего советского народа, великий подвиг, переломивший — по меньшей мере, на русском фронте — ход войны.

Ход войны был переломлен не только самой этой битвой, но

и мужеством советских военных кинооператоров, чьи съёмки способствовали тому, что на Западе изменился взгляд на называемый Восточный фронт. Ф. Капра — один из популярных кинематографистов Голливуда — взял для своей «Битвы за Россию» главным образом материал, предоставленный ему советским посольством в Вашингтоне; он получал его во время своих «несанкционированных» посещений посольства, что вызвало подозрения агентов ФБР, подвергавших его из-за этого допросам. Надо полагать, что среди советской кинохроники Капра получил и копию фильма, названного британским премьер-министром Черчиллем «заслуживающим высокой похвалы произведением», которое так впечатлительно описывало эту отчаянную борьбу. Копия упомянутого фильма была послана Сталиным в подарок Черчиллю, ответившему на это в свою очередь посылкой тому британского фильма «Победа в пустыне» — о сражениях англичан в Северной Африке. Эта британская картина попала и в Белый дом; просмотрев её, Франклин Д. Рузвельт говорил потом Черчиллю, что «пожалуй, лучший фильм, снятый одной из обеих сторон этой войне»³. И хотя нет документальных подтверждений того, что Рузвельт когда-либо получал копию советского фильма о Сталинграде, эта кинохроника стала вскоре известна американской публике. Премьера фильма состоялась в начале мая 1943 года в Лондоне, а два месяца спустя он был показан в США по случаю конференции Объединённых Наций по сельскому хозяйству в Хот-Спрингсе в Вирджинии. Фильм сразу же произвел огромное впечатление. Его значение было высоко оценено Черчиллем, сказавшим в этой связи, что жертвы, принесённые советскими военными кинооператорами, были не напрасны, ибо эта картина «вызвала у союзников величайшее восхищение и воодушевление и теснее сплотила всех нас вокруг нашего общего дела»⁴.

Но военные фильмы, по своему отбору материала и манере их рассчитывающие скорее на визуальное воздействие, нежели предоставляющие материал для глубокого анализа с военной точки зрения, мало что могут дать людям, занимающимся военным и политическим планированием. Для американских политиков и американской общественности Сталинградская битва скорее образом, а не реальностью. Понятно, что их интересовали больше те сражения, в которых участвовали американцы: в Северной Африке, на острове Гуадалканал в юго-западной части Тихого океана или против немецких подводных лодок

в Атлантике. Но Сталинградская битва не оставила никого равнодушным. Она оказала свое воздействие как на политическое, так и на военное мышление американцев. Это воздействие проявилось на трех уровнях: во-первых, в том, как политическое руководство США осмыслило и оценило эту битву; во-вторых, в том, как победа сказалась на отношении англо-американской и советской сторон к вопросу о втором фронте и, в-третьих, в связи с этим и в то же время более широком комплексе последствий Сталинграда на расхождении во взглядах внутри американского правительства насчет того, какой линии следует придерживаться в отношениях с Советским Союзом — строить ли сотрудничество и уступок (потом критики будут бичевать это как «умиротворение») взаимное доверие или же проявлять твердость и применять к нему все имеющиеся средства политического давления? Эту политическую дилемму весьма рано распознал один американский кинокритик. Им был Уолтер Кроутер, опубликовавший в «Нью-Йорк таймс» рецензию на «Битву за Россию» и заметивший в ней, что в первоначальном варианте фильма, снятом для вооружённых сил США, были кадры, которые показывали, как Советский Союз в сотрудничестве с пактом между Гитлером и Сталиным оккупирует балтийские государства. А из фильма, показанного в 1943 году американской публике, эти кадры уже были вырезаны⁵. С самого начала войны между Германией и Советским Союзом американские военные в своих оценках обстановки на европейском фронте, составлявших для Белого дома, исходили из того, что для разгрома Германии требуется, чтобы Красная Армия продолжала существовать как мощная боевая сила. В середине 1941 года — еще до вступления США в войну — аналитики американского генштаба пришли к выводу, что «сохранение активного фронта в России является максимально выгодным шансом для развертывания успешного наступления против армий Гитлера. Они предостерегающе указывают на то, что Германия, если ей удастся победить Россию, станет «практически неуязвимой»⁶. Эта оценка сохранила свою силу и год спустя. Надо полагать, англо-американские военно-морские и военно-воздушные силы были в состоянии изолировать Гитлера на европейском континенте, однако для разгрома германского вермахта нужна была куда более крупная сухопутная армия, чем та, что была у Великобритании или когда-либо могла быть направлена в Европу Соединёнными Штатами⁷. В согласованном с генералом Маршаллом и его главными

ми советниками послании военного министра США Говарда Стимсона президенту в июне 1942 года отмечалось примерно так — «надежда, что удастся удержать русскую армию в Сталинграде и благодаря этому победить в итоге Гитлера». Это послание послужило поводом для Рузвельта, ведшего в то время переговоры с Черчиллем и начальником британского Генерального штаба, поставить перед армией и флотом вопрос — смогут ли они начать до середины сентября 1942 года наступление на Германию, если немцам удастся добиться на русском фронте перелома в свою пользу⁸.

На тяжелые дни лета 1942 года, когда не только Советский Союз, но и англичане и американцы потерпели целый ряд военных поражений, падают горькие жалобы Сталина на задержки караванов с грузами и продолжавшуюся затяжку с открытием второго фронта. Сегодня задним числом делают попытки объяснить это тем, что Сталин будто бы понял, «что ни англичане, ни американцы не станут рисковать своими шансами в войне против Германии только ради того, чтобы спасти Советский Союз и его — Сталина — диктатуру». На самом же деле такое утверждение ставит военную реальность фактически с ног на голову. Пусть даже у Сталина и было подобное подозрение, но в военном плане суть дела заключалась в том, что англичане и американцы как раз и подвергли бы риску свои шансы в войне против Германии, если бы не стали «спасать» Красную Армию⁹.

Может быть, Черчилль смотрел на суть дела по-другому: что касается Рузвельта, то он придерживался именно такого взгляда. Правда, президент не назвал публично Красную Армию в качестве неотъемлемого условия для победы над Германией, но его планы свидетельствовали о том, что он понимал решающее значение в деле достижения провозглашенной вскоре цели союзников — «безоговорочной капитуляции». Рузвельт следовал так называемой «стратегии кувалды», разработанной — на тот случай, если Советам будет грозить неминуемый разгром, — высадку на европейском континенте осенью 1942 года. Поначалу англичане давали американцам понять, что они также поддерживают этот план, однако по инициативе советского министра иностранных дел Молотова в Лондоне и Вашингтоне в начале 1942 года он стал явно вызывать у них возражения. Соппротивление британского премьер-министра было продиктовано, надо думать, опасением, что англо-американское вторжение (в котором в 1942 году английское участие намного превысило бы участие американцев) может

привести к провалу. Но, какими бы побуждениями Черчилль ни руководствовался, аргумент о необходимости Красной Армии им не опровергался, а просто игнорировался¹⁰.

В середине 1942 года, Соединенные Штаты усилили свои военные действия в Тихом океане, что было частично продиктовано неутешительными сводками секретных служб о ситуации на Восточном фронте. Планы, определявшие «первостепенные задачи Тихого океана», основывались на ряде предположений. В 1942 году нельзя будет осуществить план «Кувалда», то есть можно будет легко повлечь за собой советскую капитуляцию, что стратегически исключит дальнейшие наступательные операции против Германии. А советская капитуляция к концу лета казалась уже неизбежной. Аналитики, занимавшиеся вопросом о том, какой должна быть реакция США на подобную возможность, в августе пришли к выводу: крах Советского Союза означал бы «катастрофой» такого масштаба, что она поставила бы Соединенные Штаты в «отчаянное» положение, когда они, возможно, окажутся один на один с державами оси. А это вынудило бы США «принять решение о переходе к стратегической обороне на европейском театре военных действий и вести стратегическое наступление на японском театре военных действий». Однако же Объединенный комитет начальников штабов выразил мнение, что и при ведении операций в Тихом океане еще хватало ресурсов, чтобы поддерживать американские военные действия по защите Британских островов, аналитики армии США выразили, что даже в случае успешного вторжения в Северной Африке советское поражение принудит союзников в Европе к обороне и сделает невозможной успешную высадку их на континенте¹¹.

Такие соображения о решающем значении сопротивления немцам со стороны Советского Союза и были той призмой, через которую Рузвельт рассматривал все донесения секретных служб о немецком наступлении на юге России летом 1942 года. Первые донесения не давали оснований предположить, что за Сталинград развернется такая героическая борьба. Тактический интерес американцев был направлен на нефтяные промыслы Кавказа, а их стратегическим интересом оставалось продолжение существования Советского Союза в качестве активного партнера в войне с Германией¹².

Осенью в поступающих в Белый дом сведениях секретных служб содержится ставшее уже дежурным упоминание о боях за Сталинград; правда, вся эта информация основывается иск-

лючительно либо на советских, либо на немецких источниках. Американские военные атташе в Москве жалуются: им регулярно обещают предоставить возможность побывать на фронте, но эта возможность так и не превращается в действительность. Один находившийся в Москве офицер армии США в течение месяца получил четыре таких обещания, но ни одно из них не было выполнено¹³. Не получали разрешения на то, чтобы увидеть сражение собственными глазами, и военные корреспонденты. Представлявший в Москве «Нью-Йорк геральд трибун» и немало делавший для того, чтобы показывать советские военные усилия в самом благоприятном свете Уолтер Керр дерзко протестовал по поводу того, что ни одного иностранного (т.е. британского или американского) корреспондента «не пускали к Сталинграду, пока там не был уничтожен или взят в плен последний немец»¹⁴.

Зависимость от официальных источников и бесед с теми советскими людьми, которые приезжали со Сталинградского фронта, вела к тому, что рисовавшаяся американцами картина была выдержана обычно в розовых тонах. Так, один высокопоставленный советский офицер утверждал, что немцы оставлены на окраине города, а на улицах лежат горы трупов немецких солдат¹⁵. Когда советский маневр по двустороннему окружению противника — полностью засекреченная операция «Уран» приводит постепенно к окружению немцев в Сталинграде, донесения американских секретных служб становятся осторожными и оптимистическими — однако только после того, как операция увенчалась полным успехом. В архивных материалах ничего, что говорило бы, что Соединенные Штаты знали об этом плане заранее или же были информированы о советских намерениях хотя бы после начала операции. Так что, как пишет корреспондент Керр, «сражение за Сталинград, возможно, это, может быть, «та битва нового времени, которая освещается наиболее скупой», то это можно было отнести не только к секретам массовой информации, но и к американским секретным службам»¹⁶.

И все же, хотя и не зная подробностей, американцы знали об этой битве — газеты регулярно помещали сообщения о ней, базировавшиеся на советских и немецких публикациях. Публичное заявление Гитлера, что на русском фронте «решена судьба войны», потому что его войска нанесут тут врагу «уничтожающий удар», еще более поднимало значение этого фронта в глазах общественности¹⁷. В общественном сознании ро-

шение к подвигам Красной Армии — факт, который поколебало американцев послевоенного времени либо забыли, либо отодвинули. В сводке военного министерства о результатах проведенного в начале ноября 1942 года (непосредственно перед вылетом англичан и американцев в Северной Африке) опроса общественного мнения содержится следующий вывод: американцы считают, что Советский Союз делает — учитывая его возможности — для победы в войне больше, нежели любая страна Объединенных Наций, включая сюда и Соединенные Штаты»¹⁸.

Значение Сталинградской битвы было осознано и экспертами американских секретных служб. С середины октября в документах Управления стратегических служб (УСС), равно как и в документах разведки США, Сталинград уже выделяется как одно из важнейших событий и анализируются его последствия. Реальные донесения, получавшиеся Рузвельтом, содержали детальные карты Сталинграда и крупномасштабные изображения всей линии фронта, хотя и без указания точного расположения советских и немецких войск. «Кровавая схватка за Сталинград продолжается с переменным успехом», — говорилось в одном из докладов УСС, но не это было его главной темой. Вне зависимости от того, овладеет ли Красная Армия в итоге городом или нет, советские войска уже сумели помешать вермахту выйти к Каспийскому морю до наступления зимы. Вследствие этого — таким был прогноз УСС — немцам придется «создавать новую прочную линию фронта»¹⁹.

В течение ноября 1942 года сообщения — хотя и весьма скудные — о советских успехах побудили Объединенный комитет США по разведке составить особый дополнительный документ, посвященный Сталинградскому фронту, в котором говорилось: «Важность для Сталинграда устранена, и немцы потерпели явное поражение». УСС разделяет это мнение и считает победу «очень вероятной». Хотя город лежит в развалинах, но потеря промышленных объектов Сталинграда перевешивается «моральным значением успешной обороны, которая — как кое-кто считает — превосходит славные подвиги Вердена и Севастополя, может быть, явилась поистине переломным пунктом в ходе этой войны».

Далее, говорилось далее, в сочетании с успешными советскими контрударами по продвигающимся к югу немецким соединениям может помешать выходу Гитлера к нефтяным месторождениям Кавказа и способно придать войне совсем иной обо-

рот. Американские секретные службы весьма недооценили количество окруженных Красной Армией в Сталинграде немецких солдат, утверждая еще 18 января 1943 года, что речь идет о 70 000 человек, что, однако, ни в коей мере не повлияло на их оценку результатов победы, а когда Гитлер признал поражение под Сталинградом, они стали называть цифру 350 000 солдат²⁰.

Только в начале декабря 1942 года Рузвельту и американской разведке удалось получить от американских наблюдателей свидетельства очевидцев об этом сражении. В ноябре в Москву прилетал для переговоров со Сталиным личный представитель президента США генерал Патрик Хэрли. По просьбе Хэрли советские власти организовали ему и двум военным специалистам из посольства США две десятидневные поездки на фронт: одну — в район Сталинграда, а другую — на Кавказ. Доклады Хэрли Рузвельту были выдержаны в оптимистическом духе, он расхваливал советские успехи, хотя и предупреждал, что «поражение армий оси неминуемо будет все в большей мере зависеть от поставок в рамках помощи из Соединенных Штатов»²¹.

В поступающих в адрес Рузвельта разведдонесениях о Сталинграде не содержалось сведений о конкретных боевых действиях — информация такого рода была для американцев не доступной. Но, несмотря на это, оперативные сводки давали представление о характере боя, о ходе осады города, так и обо ходе боев на южном фронте в России, даже если эти сводки были вынуждены основываться на официальных советских немецких источниках и случайных (и зачастую тенденциозных) рассказах советских офицеров, приезжавших с фронта. Несмотря на то, насколько точными были такие сводки, это, конечно, оставалось вопросом, но несомненным было влияние этой победы на принятие решений по стратегическим вопросам. Сталинград стал символом борьбы на всем фронте на юге России, борьбы, в которой главным для немцев были Кавказ и его сырье. Из поступающих к президенту донесений вырисовывалась одна картина: немецкое наступление провалилось, и теперь для немцев изменились альтернативы, перед которыми стояли союзники.

Эти альтернативы рассматривались в Лондоне и Вашингтоне через призму англо-американских планов и операций. В ноябре 1942 года состоялась успешная высадка в Северной Африке — операция «Торч», — быстро затмившая в донесениях

американских секретных служб Белому дому и Сталинград, и весь русский фронт. Но, несмотря на это, грядущая победа Красной Армии привлекла к себе пристальное внимание. В конце декабря редакционный обзор УСС «Война за неделю» не только называет Сталинград «триумфом народной храбрости», но и прогнозирует, что эта битва и операции на Северном Кавказе могут «парадавать наступательную силу вермахта».

Именно в тот момент, когда победа под Сталинградом становится очевидной, вновь возникает и вопрос коалиционной политики. Как может сказаться эта блестящая победа на политике Советов? УСС предупреждает: советские военные операции в 1943 году будут «в значительной степени зависеть от поведения союзников СССР и от неизбежных обстоятельств совместного ведения ими войны». Ведь Сталин, подчеркивает редакция секретной службы, даже будучи проинформирован о планах операции «Торч», по-прежнему настаивает на открытии второго фронта и демонстрирует тем самым недоверие к своим англо-американским союзникам. И хотя, как предупреждают эксперты, Советам «пустят в ход свои последние резервы», чтобы добиться победы над Гитлером, «главной проблемой войны — и последующего мира — будет обоюдное недоверие»²².

Объединенный (англо-американский) комитет секретных служб приходит непосредственно после конференции в Касабланке в конце января 1943 года к выводу, что советские военные успехи сделали еще более нереальным достижение «соглашения» между Советским Союзом и германским рейхом²³. Политический комитет «отдела операций» (ОПД) Генерального штаба армии США также полагает, что Сталинград означает, что Советский Союз не намерен ни покоряться германскому режиму, ни вступать с ним в переговоры. В достаточно завуалированной форме Политический комитет выражает мнение, что победа под Сталинградом означает в то же время, что дипломатия, направленная на то, чтобы удержать Советский Союз в рядах активной борьбы с немцами (получившая впоследствии наименование «дипломатия второго фронта»), теперь уже не является, наверное, первоочередной. Красная Армия остановила немцев, и армиям Гитлера победа на Востоке больше не светит²⁴.

Но Сталинград и стабилизация русского фронта не породили чувства уверенности и безопасности — ни у Соединенных Штатов, ни у Советского Союза. Напротив, казалось, что недо-

верие и сомнения по поводу намерений обеих сторон еще больше возросли. Сталин явно подозревал, что англичане и американцы будут затягивать с открытием второго фронта и спешно наблюдать, как немецкие и советские армии перемалывают друг друга. По мере того как тревога по поводу дальнейшего существования Советского Союза в США спадала, американские эксперты стали все больше волновать вопрос о том, какими из трех путей пойдет Сталин. Поскольку две из трех имеющихся возможностей не сулили западным союзникам ничего хорошего, они одинаково беспокоили и Вашингтон, и Лондон. Правда, все еще сохранялся шанс, что Советы будут, как и до того порой с неохотой, а зачастую с недовольством и нетерпением, продолжать сотрудничать с англичанами и американцами и действовать во имя достижения общих целей. Но вот две другие альтернативы были куда менее радужными. Обеспечив безопасность своей территории, Сталин может выйти из игры и не целиться на заключение выгодного соглашения с Гитлером, тогда его союзникам придется справляться с Гитлером собственными силами. Вторая же возможность заключалась в том, что Красная Армия добьется такого перелома, что сумеет победить немцев еще до того, как англичане и американцы успеют перебросить свои войска в Западную Францию.

Когда битва за Сталинград достигла уже своей заключительной фазы, Рузвельт отправил в Москву в качестве очередного посланца в длинном ряду его личных представителей генерала Патрика Хэрли. Донесения Хэрли со Сталинградского и Кавказского фронтов были полезными, но не ради них он отправлялся в эту поездку. Конечно, Рузвельт охотнее всего беседовал бы со Сталиным лично и непосредственно — именно так общался он с Черчиллем и с теми своими соотечественниками, кто мешал его политическим мероприятиям. Но когда в начале 1942 года Рузвельт предложил Сталину встретиться на нейтральной территории, тот от этого уклонился; вот и теперь он отказался от участия во встрече в Касабланке. Так что президенту не оставалось ничего другого, как посылать к нему своих личных представителей²⁵.

Воспользовавшись тем, что Хэрли возвращался из Вашингтона на свой пост посла в Новой Зеландии, Рузвельт решил послать его туда окружным путем — через Советский Союз Ближний Восток. Хэрли передал Сталину письмо Рузвельта, в котором говорилось, что цель его поездки — увидеть «собственными глазами наиважнейшие аспекты нашей совместной

нашей стратегии». По утверждению Рузвельта, это должно было помочь Хэрли убедить Австралию и Новую Зеландию в том, что стратегия уничтожения «в первую очередь Гитлера» есть наилучший путь, чтобы нанести потом поражение Японии. Кроме того, сподвигнуть эти две относительно небольшие страны Англиканского Содружества на поддержку стратегии, уже согласованной тремя великими союзниками, вряд ли могло быть тем, ради чего работало Рузвельта. Истинная задача Хэрли — как и других посланцев президента до него — заключалась в том, чтобы прошупать политику Сталина и убедить советского лидера, что американцы сохранят избранный ими курс. Рузвельт воспользовался проблемами с союзниками в районе Тихого океана, чтобы еще раз подтвердить свою приверженность стратегии «главный враг — Германия» и косвенно высказаться за второй фронт и в поддержку России²⁶.

Скрытое значение миссии Хэрли выявилось, когда тот вернулся в середине января 1943 года в Вашингтон, так и не слетав в Новую Зеландию, — это было прямым доказательством того, что последняя служила всего лишь для маскировки. Рузвельт и ближайший советник Гарри Гопкинс были убеждены, что причиной напряженности между Советским Союзом и Западом является политика, проводимая англичанами, поэтому-то Рузвельт и стремился так к личной встрече со Сталиным. Аверелл Харриман, уловив эту убежденность, предлагал в августе 1942 года слетать в Москву вместе с Черчиллем. Вначале Рузвельт отверг это предложение, якобы опасаясь обидеть британского премьер-министра тем, что как бы приставлял к нему своего посла-посредника. Харриман, однако, подозревал, что истинной причиной тут было нежелание Рузвельта «создавать прецедент, который позволил бы англичанам тоже иметь своего наместника, если бы состоялась его встреча со Сталиным»²⁷. Тем же Хэрли в разговоре с Рузвельтом предложил себя для поездки в качестве уполномоченного на юг России, ссылаясь на то, что «англичане и русские передерутся друг с другом, полагая, что не будут доверять англичанам, а англичане поставят своей категорической целью жесткий контроль». Хэрли полагал, что командировать туда следует военного, потому что политики несут большей частью военный характер и потому что дипломаты не смогут найти подход к Сталину. На этот счет генерал Маршалл сухо заметил, что хотя такой способ «в высшей степени необычен», но есть кое-что, говорящее в его пользу²⁸. Миссия Хэрли имела своей задачей убедить Сталина, что

американцы будут верны своим обязательствам, связанным с разгромом Гитлера. Но, несмотря на это, постоянно продолжали курсировать слухи о возможности сепаратного мира между Гитлером и Сталиным. Такие слухи отнюдь не были чем-то новым — имел же место прецедент в августе 1939 года. Подобного рода сообщения часто появлялись в первой половине 1942 года, когда казалось, что немцы вот-вот добьются перелома на восточном фронте²⁹. И после Сталинграда, весной и летом 1943 года вопрос о сепаратном мире зондировался на проходивших в Стокгольме переговорах чиновников среднего звена. Тот факт, что Советы принимали участие в этих неофициальных переговорах, объяснялся, наверное, мартовской победой немцев в Харьковском на Украине; да и американская разведка считала, что ни в коем случае нельзя говорить о разгроме Гитлера на восточном фронте³⁰. Одновременно Кремль, создавая «Национальный комитет «Свободная Германия»» и «Союз немецких офицеров», пытался организовать переворот в самой Германии. Все эти шахматные ходы были продиктованы, надо думать, стремлением избежать того, чтобы каждый их шаг на пути к Берлину доставался большой кровью, тем более если рассчитывать придется только на собственные силы³¹.

В то самое время, когда осада Сталинграда приближалась уже к своей неминуемой развязке, англичане и американцы стояли перед дилеммой. Памятные записки, подготовленные британскими и американскими военными экспертами из Объединенного комитета начальников штабов к конференции в Касабланке, исходили из того, «что своевременная и значительная помощь России — непосредственная в виде материальных поставок и косвенная в виде наступательных операций против Германии — должна быть первоначальным фактором нашей стратегии».

Между англичанами и американцами имелись большие разногласия по вопросу о форме, в какой следовало проводить наступательные операции (наступление в Италии и Греции или вторжение через Ла-Манш), но обе стороны одинаково твердо понимали, что без Красной Армии разгромить Германию не удастся³². В то же время даже англичане связывали вторжение с проблемой германо-советского сепаратного мира. В представленном в начале декабря 1942 года Объединенным комитетом по разведке в Лондоне меморандуме (когда союзники уже поняли, что в Сталинграде ситуация изменилась в пользу Советского Союза) содержались следующие предложения: Х

Гитлер и попытается вступить со Сталиным в переговоры, однако советский вождь «будет полон решимости раз и навсегда положить немецкую опасность», коль скоро его операции будут развиваться успешно, а операции союзников в Средиземноморье «практически превратятся во второй фронт»³³. Разумеется, американцы никак не могли согласиться с утверждением, что район Средиземноморья когда-нибудь может стать вторым театром в том смысле, какой придавал ему Сталин, но главным образом было не это. Оба союзника были единодушны в том, что необходимо, чтобы Красная Армия продолжала сражаться, однако на горизонте уже маячил призрак слишком быстро и непомерно расширяющегося Советского Союза.

Сталинград не давал англичанам и американцам гарантии, что Советы не заключат с немцами сепаратного мира. Потребуются в итоге не только безоговорочное обязательство открыть второй фронт (данное на так называемой конференции «Трайантон»), но и впечатляющая советская победа под Курском, и укрепившееся у Сталина убеждение в том, что победа не будет стоить столь больших жертв, как он опасался³⁴. Когда Черчилль и Рузвельт завершали свою встречу в Касабланке (именно в это время, когда Сталинградская битва шла к своей развязке), их главная забота сводилась к тому, что Советский Союз не может слишком быстро победить Германию.

Во встрече в Касабланке должен был принять участие Сталин. Но его там не было, что явилось результатом его собственного решения. Как Рузвельт, так и Черчилль пытались уговорить советского вождя прибыть туда, но всякий раз получали от него ответ, что текущие военные операции не позволяют ему делать этого. У Черчилля и Рузвельта было подозрение, что он отказывается из-за того, что англичане и американцы постоянно откладывают открытие второго фронта; однако более поздние исследования действий советского Верховного Главнокомандования в период Сталинградской битвы свидетельствуют, что Сталин лично вплотную занимался контролем за ходом военных операций под Сталинградом.

Но, что бы ни было причиной его отсутствия в Касабланке (военные операции, страх перед перелетом, политическая необходимость его постоянного присутствия в Кремле, недовольство из-за второго фронта), Сталин упустил шанс участвовать в разработке критикованной им стратегии, да к тому же у него была бы там еще и возможность лично сообщить о победе Красной Армии под Сталинградом³⁵. Это сражение и его воз-

можные последствия на переговорах в Касабланке просто упоминались. А ведь ожидавшаяся не сегодня-завтра победа под Сталинградом заслуживала того, чтобы стать предметом дебатов союзников относительно их военных и политических планов, ибо к тому времени ее уже называли переломным моментом в войне. Но Рузвельта, Черчилля и штабы их союзников больше устраивало, похоже, работать в такой атмосфере, где победы на русском фронте представлялись куда менее важными, нежели дискуссии насчет того, кому из французов следует доверить управление Северной Африкой или где лучше производить высадку — на Сардинии или на Сицилии.

И все же отсутствие Сталина в Касабланке отнюдь не начало, что о нем и о Советском Союзе там совершенно не были. Британский дипломат Гарольд Макмиллан саркастически назвал Черчилля и Рузвельта императорами Востока и упада, не преминув при этом остроумно заметить, что не знает только «красного царя»³⁷. Растущая советская мощь олицетворявшаяся победой под Сталинградом, присутствие тут словно призрак на чердаке — не показываясь на глаза, он все время тайно витал у всех в мыслях. Рузвельт и Черчилль не высказывали публично своих опасений по поводу мерений Сталина, но эти опасения фигурируют в скрытом виде в том заявлении о «безоговорочной капитуляции», которое было сделано американским президентом перед прессой в конце конференции³⁸.

Слова о «безоговорочной капитуляции» ни в коем случае не были адресованы в первую очередь Советскому Союзу. Эти слова с самого начала войны назывались Рузвельтом единственными условиями по отношению к гитлеровской Германии³⁹. Но упомянутое заявление все же должно было дать Сталину определенную гарантию, что англо-американские союзники вовсе не хотят быть безучастными свидетелями того, как немцы и Советы станут перемалывать друг друга, в то время как сами они будут концентрировать свои усилия на второстепенных фронтах. Сохранение активного участия Советского Союза в войне оставалось весьма существенным моментом в англо-американских военных планах. И Рузвельт подтвердил это, обозначив целью союзников «безоговорочную капитуляцию» Германии.

Победа под Сталинградом превратила в бумажный хлам англо-американские планы, которые исходили из возможности победы немцев в России; теперь англичане и американцы

не могли не заняться вопросом, какие наступательные действия против Германии следует им предпринять. Когда смотришь на это время из сегодняшнего дня, то выбор кажется очевидным, даже в декабре 1942 — январе 1943 года дело обстоит вовсе так просто. Американцы считали, что по всей логике сейчас самое время, чтобы сосредоточить все силы на вторжении через Миссури в 1943 году. Англичане же хотели использовать успех (как имевшиеся, так и ожидаемые) в Египте и Северной Африке для нанесения удара по Италии и в Средиземноморье. Эта позиция в подходах англичан и американцев и была доминирующим моментом в ходе дискуссий в Касабланке⁴⁰.

До этого в нашем изложении мы еще не затрагивали один важный вопрос, ответ на который высветил бы советские намерения. Почему Сталин и после Сталинграда по-прежнему настаивал на скорейшем открытии второго фронта? Принимая во внимание опасное немецкое весенне-летнее наступление в 1943 году, такая его предосторожность представляется весьма разумной. Но ведь он продолжал настаивать на своем даже после битвы под Курском (американская разведка назвала ее крупнейшим танковым сражением в истории), когда уже стало очевидно, что советские войска в состоянии победить Гитлера в одиночку. Хотя, как следует из советской мемуарной литературы, Сталин и советский генштаб, будучи в эйфории от успехов под Сталинградом и под Москвой, сильно недооценили потенциал германского вермахта и потому проявили растерянность перед лицом первоначальных успехов немецкого наступления весной 1943 года⁴¹. Но даже несмотря на эту свою оплошность, Сталин ни на минуту не переставал настаивать на открытии второго фронта. Когда Рузвельт и Черчилль сообщили ему о результатах своих переговоров в Касабланке, Сталин реагировал на это холодным, резким и кратким замечанием: «Понимая принятые Вами решения в отношении Германии как задачу ее разгрома путем открытия второго фронта в Европе в 1943 году, я был бы Вам признателен за сообщение о намеченных операциях в этой области и о намеченных сроках их осуществления»⁴².

Победа под Сталинградом освободила Советский Союз от почти тотальной зависимости от англо-американских союзников. Надо думать, Сталин учитывал влияние военной обстановки на своем южном фронте на отношения в рамках коалиции с англичанами и американцами — это доказывает тот же факт, что, когда обозначилась победа под Сталингра-

дом, он отклонил планы по присылке англо-американского летного контингента в район Кавказа (операция «Вельвет»). Но на открытии второго фронта Сталин все же настаивал. Почему? Может быть, доступ к советским источникам позволяет ответить на этот вопрос следующим образом. Вождь Советского Союза опасался, что его союзники в действительности следуют главным образом одну цель: пусть немецкие и советские вооруженные силы максимального обескровят друг друга, тогда победившему, но обессиленному Советскому Союзу придется безропотно согласиться со всем, что вздумают сделать после окончания войны англичане и американцы. И когда Сталин узнал в середине марта 1943 года о намечаемой англо-американской операции на Сицилии, он написал: «Поэтому неопределенность... по вопросу об открытии второго фронта во Франции вызывает у меня тревогу, о которой я не могу умолчать»⁴⁴.

Между тем Рузвельту и Черчиллю, которые выступали в вопросе о втором фронте каждый со своей позиции, стало ясно, что если они хотят обрести влияние (или возродить его), то совершенно необходимо организовывать вторжение в Западную Францию. И Сталинград повлек за собой — во всяком случае на какое-то время — усиление озабоченности из-за возможности ослабления Германии — отсюда и всякого рода «планы Б», предусматривавшие на случай краха немцев незамедлительный ввод англо-американских войск⁴⁵. Дилемма осталась, и заключалась она в следующем: как удержать Советский Союз в войне, не способствуя в то же время созданию чудовища, которое бы угрожало американским интересам? Эта проблема заставила Франклина Рузвельта и американцев до самого конца войны — и после нее тоже.

В той же составленной американской разведкой во второй половине января 1943 года аналитической справке, где содержался вывод о том, что вопрос, выживет ли СССР, уже не является пицци для сомнений, говорилось также, что теперь настало время «постепенно оказывать довлеющее влияние, которым нас по праву наделяет (растущая американская) мощь». Однако для Франклина Рузвельта «дипломатия второго фронта» означала нечто намного большее, чем просто сохранение участия Советов в войне. Рузвельт никогда не испытывал колебаний в своей уверенности, что война дает шанс включения Советского Союза в послевоенную систему сотрудничества — в условиях демонстрации Соединенными Штатами готовности

считаться с интересами Москвы (или хотя бы не оспаривать их существования). Но это означало необходимость сохранения влияния в достаточно сложном переплетении оказываемых с обеих сторон давлений. Американцы (в первую очередь военный морской флот), униженные и ожесточенные японским нападением на Пёрл-Харбор, были слишком склонны к тому, чтобы уделить все внимание Тихому океану, если дела на Европейском театре военных действий будут обстоять не так, как им хотелось бы. Но такой путь разрушил бы не только русско-американский, но и англо-американский альянс. Вторжение в Северную Африку решило эту проблему. Однако операция «Торч» не была тем вторым фронтом, как его представляли себе в Вашингтоне и в Москве. И если Великобритания, желавшая играть важную роль как в дни войны, так и в послевоенное время, была, казалось, готова довольствоваться прозябанием на окраинах Европы Гитлера, то Красная Армия сражалась с верным расчетом. Стремление Рузвельта задействовать американские ресурсы в Европе и уйти с позиции «главная проблема — Тихий океан» играло на руку англичанам. Генерал Маршалл предупредил, что Средиземноморский бассейн станет «всасывающим насосом» и будет все больше отвлекать англичан и американцев от настоящего второго фронта в Западной Европе, от открытия которого Маршалл настойчиво требовал. Когда Сталинградская битва уже близилась к своей развязке, англо-американские участники встречи в Касабланке пришли к соглашению использовать свои успехи в Северной Африке для организации вторжения на Сицилию. А отсюда для каждого из них — независимо от того, хотел он этого или нет, — вытекала неизбежность следующего шага — высадки в Италии. И хотя на конференции в Касабланке речь о Сталинграде не шла, ощущение этой предстоящей победы создало, похоже, такую атмосферу, которая позволила участникам конференции вновь отложить открытие второго фронта и ограничиться планом «Халхингол» — высадкой на Сицилии. Но если дело и обстояло именно так, открыто об этом не сказал никто. Во всяком случае, политическое руководство США стремилось форсировать открытие второго фронта — то ли по причине того, что вторжение через Ла-Манш отвечало его традиционному военному мышлению, то ли потому, что для безоговорочной капитуляции Германии ему нужна была Красная Армия⁴⁷.

В опубликованном наследии генерала Джорджа Маршалла нет упоминаний ни о Сталинграде, ни о срыве Красной Ар-

мией немецкого наступления 1942–1943 годов. Но тем не менее американский генштаб учитывал изменение военной обстановки на русском фронте. 30 марта 1943 года он обратил внимание президента на то, что Соединенные Штаты должны иметь на случай разгрома Германии крупный военный контингент в Великобритании. Маршалл высказывает свое личное «опасение, что, если мы в конечном результате будем действовать в Западной Франции, а русские войска приблизятся к территории Германии, создастся в высшей степени опасная дипломатическая ситуация... Он (Франклин Делано Рузвельт) походя сказал мне: что касается русской проблемы, Антони Иден скорее заинтересован в том, чтобы войска союзников высадились на Балканском полуострове, а не во Франции»⁴⁸.

И насколько бы логичными ни представлялись рекомендации экспертов ОПД — ставить помощь России в зависимости от того, чтобы Советский Союз «доверял» Соединенным Штатам, — «оказывать довлеющее влияние» значило решить стратегическую геополитическую конфронтацию с Советским Союзом, что шло бы вразрез с общей стратегией Рузвельта. Можно было бы, конечно, сказать, что именно Сталинград побудил Уильяма К. Буллита (главнейшего в немилость одного из личных представителей Рузвельта) обратиться к президенту с посланием, в котором он писал, что единственной «гарантией того, что Красная Армия не вступит в Европу», является «приход до этого американских и британских войск в Восточную Европу». Рузвельт отверг его совет, правда, проконсультировавшись предварительно с британским министром иностранных дел Антони Иденом⁴⁹.

Дилемму, с которой американцы столкнулись после Сталинградской битвы, хорошо иллюстрирует один маленький эпизод вроде бы не относящийся напрямую к делу. Через несколько недель после пленения генерал-фельдмаршала Пауля Луса Кремль запросил «планы и техническое описание новейшего линкора, авианосца, крейсера, миноносца, подводной лодки, (а также) детальные планы и чертежи морских, воздушных и электроуправляемых торпед; корабельных и авиационных радиостанций, подробностей о наших секретных шифровальных аппаратах»⁵⁰.

Военно-морской атташе США в Москве, весьма опытный офицер, высказал при этом свое мнение, что «отсутствие советских производственных мощностей не даст Советскому Союзу возможности

в ходе нынешней войны извлечь какую-либо выгоду из запрошенной информации». Дилемма американцев сводилась так: строить доверие или проявлять твердость.

ПРИМЕЧАНИЯ

⁴⁸ Этот комментарий, опубликованный в «Нью-Йорк таймс» 6.09.43. Я благодарю Ученый совет университета Рутгерса и Дина Дэвида Хосфорда (Ньюаркский факультет искусств и науки) за помощь и поддержку. Благодаря которым я смог осуществить мои изыскания. Моя признательность адресуется, как и всегда, директору Библиотеки им. Франклина Д. Рузвельта г-ну Верне Ньютоу и его сотрудникам за их добровольную и неоценимую помощь.

⁴⁹ Премьера фильма состоялась в Нью-Йорке в ноябре 1943 года и получила положительный отклик в «Нью-Йорк таймс» («блестяще сделанный, содержательный и вдохновляющий фильм») — *New York Times*, 13.11.1943. P. 23.

⁵⁰ *Churchill W.S. The Second World War. 6 vols. London, 1950–1955. vol. 4: The Hinge of Fate. London, 1950. P. 737.* Историю о Фрэнке Капра, советском полковнике и ФБР рассказал Фрэнк Капра-младший на конференции «Американские и советские кинематографисты в годы второй мировой войны», прошедшей под патронажем ЮСИА в Вашингтоне с 18 по 21 февраля 1992 года. Высказывания Черчилля и Рузвельта о британском фильме приведены в: *Churchill & Roosevelt. The Complete Correspondence, ed. by W.F. Kimball. 3 vols. Princeton, 1984. vol. 2. P. 155 f.*

⁵¹ *New York Times*, 5.3. и 25.3.1943; *Churchill W.C. The Hinge of Fate. P. 737.* Вместе с сотрудниками Библиотеки им. Франклина Д. Рузвельта (в частности — FDRL) я безуспешно пытался найти в документах Рузвельта хоть какое-то упоминание о советском фильме о Сталинграде. Британский фильм «Победа в пустыне» значится в перечне фильмов, которые были выданы Белому дому: Эрли — Джону Мершону, 22.04.43: *ibid.* 73, FDRL.

⁵² *New York Times*, 15.11.43. P. 23.

⁵³ *Sherwood R.E. Roosevelt and Hopkins: An Intimate History. New York, 1950. P. 417; Stoler M.A. The Soviet Union and the Second Front in American Strategic Planning, 1941–1942 — доклад, сделанный на первом совместном симпозиуме, посвященном участию США и СССР во второй мировой войне (Москва, 1986) и опубликованный в сокращенном виде в издании под ред. Г.Н. Севостьянова и У.Ф. Кимболла кн.: Soviet-U.S. Relations, 1933–1942. Moscow, 1989. P. 88–103.*

⁵⁴ Публикации в рамках официальной серии «U.S. Army in World War II» знаменитые «зеленые книги», преимущественно отражавшие господствовавшую в 50-х годах атмосферу «холодной войны», лишь вскользь упоминают наличие мнения, что только у Красной Армии есть убедительная перспектива разгромить германский вермахт. См., напр.: *Matloff M., Snell E.M. Strategic Planning for Coalition Warfare, 1941–1942. Washington, 1953, а также Matloff M. Strategic Planning for Coalition Warfare, 1943–1944. Washington, 1959.* Большинство американских публикаций по теме глобальной стратегии времен второй мировой войны рассматривают требования Сталина об открытии второго фронта большей частью с

оборонительных позиций и напирают на то, что англо-американские союзники были не в состоянии сделать это в сроки, называвшиеся Сталиным. Даже историки, относящиеся к американской и британской стратегиям критически, редко обращают внимание на тот факт, что англичане и американцы нуждались для победы над Германией в Красной Армии.

⁸ Стимсон — Рузвельту, 19.06.42: U.S. Department of State, Foreign Relations of the United States (FRUS), Washington, 1862 ff., The Conferences at Washington, 1941-1942, and Casablanca, 1943. Washington, 1968. P. 462. Эта памятная записка была направлена президенту по распоряжению Гарри Гопкинса — ближайшего советника Рузвельта.

⁹ Такая ошибка была допущена и мною в одном из примечаний в: Churchill & Roosevelt. vol. 1. P. 544.

¹⁰ Ibid. P. 458; Churchill W.S. The Hinge of Fate. P. 345 f. Черчилль явно изобличает (даже в многословных тостах на банкетах со Сталиным во время московской встречи в августе 1942 года) прямых заявлений по вопросу, смогут ли англичане и американцы победить Германию без помощи Советов; правда, оставленных им высказываний так много, что возможно, что-то мною упущено. Читая сочинения и речи Черчилля, невольно проникаешься убеждением, что его правительство было полновластно решительно разгромить Германию — совместно с Красной Армией или без нее. Спорить же о том, попыталось ли бы правительство Черчилля договориться с Гитлером, если бы тот захватил всю Европу, включая Россию, пусть историки предоставят романистам и интеллектуалам. В «Кувалда» анализируется в соответствующих работах — см. особенно Stoler M.A. The Politics of the Second Front. American Military Planning and Diplomacy in Coalition Warfare, 1941-1943. Westport (Conn.), 1977. P. 2-4.

¹¹ Серия «JCS 85» с дополнительными замечаниями: Strategic Policy of the United Nations on the Collapse of Russia, August — September 1942, CCS 831 (6-1-42), Record Group 218 — в Национальных архивах в Вашингтоне (NA). Эта часть моей статьи базируется в значительной мере на упомянутом в примеч. 6 докладе Марка Столера (Stoler M.A. The Second Front and the Second Front. P. 38 ff.).

¹² Направлявшиеся Белому дому доклады секретных служб находятся в фонде документов Картографической комнаты (Map Room — MR), док. 71 и 3000 — FDRL; сводки экспертов Управления стратегических исследований (USS) находятся в досье 154 Секретариата президента (The President's Secretary's File — PSF) — там же. В обеих группах документов донесения большей частью имеют пометку «1-й экземпляр» или «Для президента». Из записей и воспоминаний создается впечатление, что Рузвельт не проводил регулярных обсуждений обстановки с представителями секретных служб и весьма охотно делегировал контроль над военными акциями, которым доставляло удовольствие контролировать военные акции во всех деталях. Правда, Рузвельт часто встречался с шефом USS Робертом Донованом, однако их беседы едва ли можно было назвать «регулярными обсуждениями обстановки». Как правило, Донован заставлялся при этом проталкиванием своих излюбленных проектов, к которым часто его подолгу не бывало в Вашингтоне.

¹³ Парк — Управлению военной разведки в Вашингтоне, 9.01.42: MR

№ 100, FDRL. Донесения британской разведки о Сталинградской битве приводятся в обобщенном виде в: Hinsley F.H. British Intelligence in the Second World War. Its Influence on Strategy and Operations. 4 vols. London, 1979. 1988. vol. 2. London, 1981. P. 99-111. Британская разведка тоже опиралась в основном на немецких и советских сообщениях; правда, иногда они подкреплялись данными радиоперехвата.

¹⁴ И. В. The Russian Army. Its Men, Its Leader and Its Battles. New York, 1944. P. 185. Керр получил известность скорее как нью-йоркский театральный критик. Эти его слова не совсем точно отражают суть дела, но в общем они правильно передают ситуацию. Американским корреспондентам, которые побывали на Сталинградском фронте в середине февраля, и в их репортажах того времени подчеркивалось, что советские победы явились результатом мощного наступления; U.S. Joint Intelligence Committee (JIC) Weekly Summary № 2, 21.01.43. P. 4 — MR 71, FDRL.

¹⁵ Андерсон (из Куйбышева, СССР) — в адрес «Джи-2» (отдел разведки сухопутных войск в Вашингтоне), 16.10.42 — MR 300, Box 99, FDRL.

¹⁶ И. В. Op. cit. P. 191. Засекречивание операции «Уран» было необходимо для ее успешного претворения в жизнь; см.: Glantz D. Soviet Military Decision in the Second War. London, 1989. P. 108-119, а также Erickson J. The Road to Stalingrad. New York, 1975. P. 394-472; статью А. Харькова в этом сборнике.

¹⁷ Jackson J. The Road to Berlin. Boulder (Colo.), 1983. P. 43.

¹⁸ Office of War Information (OWI), Special Intelligence Report. America and the Second World War, 16.12.42. P. 12 — PSF 156, FDRL. «Забывчивость» в эпоху «второй войны» по отношению к тому, что касалось решающей роли Советского Союза в военных действиях в пору второй мировой войны, была просто поразительной. Вот один лишь пример — высказывание, принадлежавшее перу такого вдумчивого наблюдателя за событиями на американской сцене, каким был Деннис Брэган: «Третий рейх был побежден мощью Америки» (Brogan D.W. American Aspects. London, 1964. P. 10).

¹⁹ The War This Week, OSS № 55, 22-29.10.42 — PSF 154, FDRL.

²⁰ Ibid. U.S. Intelligence Committee Daily Summary № 353, 28.11.42 — MR 71, FDRL. Рукописные вставки на этом переданном президенту экземпляре (указанные обозначения: «E-4» — Сталинград, «черный цвет» — германский вермахт) позволяют сделать вывод, что обзор имел отношение к картам, которыми пользовались в Белом доме при обсуждении обстановки на фронте. The War This Week, OSS № 60, 26.11-2.12.42 — PSF 154; Майчела (из Москвы) — Управлению военной разведки в Вашингтоне, 18.01.43 — MR 300, Box 100, а также Посольство США в Лондоне — Управлению военной разведки в Вашингтоне, 2.02.43, информация от британской военной миссии в СССР — MR 300, Box 100, FDRL.

²¹ Так на этих докладах см.: FRUS, 1942. vol. 3. P. 668-673, 679-683.

²² The War This Week, OSS № 64, 24-31.12.1942. P. 26-29 — RSF 154, FDRL.

²³ Records of the Joint Chiefs of Staff (JCS), Rg 218, The War Against Germany and Her Satellites (неопубл. рукопись), Kap. 8, Teil A. P. 14, NA. Прямого упоминания о Сталинграде там нет.

²⁴ Weekly Strategy Resume, 23.01.43, ABC 334,3 Policy Committee (1.08.42, 3), Records of the Joint Chiefs of Staff (JCS), Rg 218 — NA. См. также: Stoler M.A.

- The Politics of Second Front. P. 87. Здесь нет места для более подробного рассмотрения проходивших в самом штабе планирования армии СССР дискуссий, следует ли «проявлять твердость» или же поддерживать Советским Союзом отношения сотрудничества. Коротко об этих спорах говорится в: *Stoler M.A. From Continentalism to Globalism: General Staff and the Joint Strategic Survey Committee, and the Military Vision of the American National Policy during the World War — Diplomatic History* (Sommer 1982). P. 303-321, а также в выходящей в скором времени работе того же автора, посвященной Объединенному комитету начальников штабов США. Понятие «дипломатия второго фронта» было введено в обиход Ллойдом Гарднером (*Gardner L.C. Architects of Illusion. Churchill and the Second Front*, 1970) для обозначения той политики затяжек и симулирования, которую по мнению этого автора, проводил Рузвельт в годы второй мировой войны.
- ²⁵ *Harriman W.A. Elie Abel, Special Envoy to Churchill and Stalin, 1941-1943*. New York, 1975. P. 134. О попытках Рузвельта уговорить Сталина принять участие в конференции в Касабланке см.: FRUS, 1942, vol. 3.
- ²⁶ Рузвельт — Сталину, 5.10.42 — FRUS, 1942, vol. 2. P. 659. Аверелл Гарриман и Уэндел Уилки тоже побывали со сходными миссиями в Москве. Обыкновенно Рузвельта присылали своих личных представителей, раздражало его постоянных послов и явилось одной из главных причин того, что американский посол в Москве адмирал Уильям Стенли покинул пост в апреле 1943 года прошение об отставке. Чин генерал-майора Хэрли получил скорее за политические, а не за военные «заслуги».
- ²⁷ *Kimball W.F. The Juggler: Franklin Roosevelt as Wartime Statesman. Princeton, 1991*. P. 90, 92. Относительно подозрения Гарримана см.: *Abrams J. Spanning the Century. The Life of W. Averell Harriman, 1891-1986*. New York, 1992. P. 332 (там цитируется дневник Роберта Мейкледжона из личного архива Гарримана).
- ²⁸ Хэрли передал свой разговор с Рузвельтом генералу Маршаллу, который затем резюмировал его в меморандуме для генерала Хэнди от 4.02.43. *Papers of George Catlett Marshall, ed. by L.I. Bland, vol. 3: The Right Man for the Job: December 7, 1941 — May 31, 1943*. Baltimore — London, 1993. P. 531 f. См.: Хэрли — Рузвельту, 29.12.42 — FRUS, 1942, vol. 3. P. 682. Хэрли открыто не доверял англичанам, так что, возможно, он преувеличил степень поддержки своей позиции Рузвельтом. Позднее, в том же году, Хэрли действительно был направлен на Ближний Восток, однако никаких дипломатических заданий в Советском Союзе он больше не выполнял.
- ²⁹ См., напр., меморандум Орме Сарджента (заместителя постоянного заместителя главы Форин Оффис) от 5.02.42. — *The Foreign Office and the Kremlin: Documents on Anglo-Soviet Relations, 1941-1945*, ed. by G. H. G. Cambridge, 1984. P. 127-130, а также стенограмму 7-го совещания посвященного действиям в Тихом океане (Вашингтон, 13.05.42) — P. 168, FDRL. Новый взгляд на такого рода опасения союзников содержится в двух работах М. Столера (*The Soviet Union and the Second Front in American Strategic Planning, 1941-1942; The Second Front in Allied Strategic Diplomacy, August 1942 — October 1943*). Последняя работа была представлена в виде доклада на втором советско-американском симпозиуме посвященном участию США и СССР во второй мировой войне, состоявшемся в Библиотеке им. Франклина Д. Рузвельта в Гайд-Парке (Нью-Йорк). Он также был опубликован в Советском Союзе под названием «Второй фронт в стратегии и дипломатии союзников, август 1942 — октябрь 1943» в журнале «Новая и новейшая история» 1988, № 5. P. 75-76.

- «Второй фронт в стратегии и дипломатии союзников, август 1942 — октябрь 1943» в журнале «Новая и новейшая история» 1988, № 5. P. 75-76.
- Поражение под Харьковом, надо думать, показало Сталину, что он не надеется в союзниках; однако оно не сняло опасений англичан и американцев по поводу возможности сепаратного мира между Германией и Советским Союзом.
- ³⁰ *Minsky V. Russia's Road to the Cold War*. New York, 1979. Этот автор лишь вкратце касается стокгольмских переговоров; более подробное исследование архивных материалов (в том числе и шведских источников) содержится в кн.: *Fleischhauer I. Die Chance des Sonderfriedens*. Berlin, 1986. Насколько серьезными были тут намерения Советов, можно будет решить только после тщательного изучения советских архивов.
- ³¹ *American-British Strategy in 1943* (сравнительный анализ текстов CCS 135, CCS 135/1, CCS 135/2, JCS 167/3, JSSC 1/3) — MR 25, FDRL. Документ имеет пометку «Экз. № 1», т.е. предположительно он предназначался для президента. Та же позиция отражена и в меморандуме JSC «Basic Strategy Concept for 1943» (без указания даты, но не позднее 9.01.43) — Ibid.
- ³² *Harriman Strategy in 1943, Joint Intelligence Committee (London) 69, 7.12.42* — MR 25, FDRL.
- Идея вторжения англо-американских войск в Западную Францию была определена Рузвельтом и Черчиллем во время их встречи в Вашингтоне под новым названием «Трайден») в мае 1943 года.
- ³³ См. *Erickson J. The Road to Stalingrad; Erickson J. The Road to Berlin* (см. прим. 16 и 17). В обеих книгах подчеркивается, что Сталин лично участвовал в разработке военных планов. То же утверждают И. Волкогонов в книге «Stalin: Triumph and Tragedy» (New York, 1991) и С. Штеменко в книге «Генеральный штаб в годы войны» (Москва, 1985-1986), хотя оба эти автора по-разному оценивают роль Сталина. См. также статью А. Харькова в этом сборнике. Черчилль считал, что единственным, кто заинтересовал Сталина, было открытие второго фронта (см.: *Churchill & Roosevelt*, vol. 2, C-224, 7.12.42).
- ³⁴ *Kimball W.F. The Juggler... Kap. 4*.
- ³⁵ *Macmillan H. War Diaries. Politics and War in the Mediterranean, January 1943 — May 1945*. New York, 1984. P. 10.
- Как видно, Черчилль был несколько поражен тем моментом, который Рузвельт выбрал для заявления о «безоговорочной капитуляции», но с такой формулировкой он был согласен. См.: *Kimball W.F. The Juggler... P. 76*.
- ³⁶ См. *O'Connor R.G. Diplomacy for Victory. FDR and Unconditional Surrender*. New York, 1971; *Kimball W.F. Swords or Ploughshares?: The Morgenthau Plan for Defeated Nazi Germany*. Philadelphia, 1976; *Kimball W.F. The Juggler... P. 77*.
- ³⁷ Об обсуждении возможности советского поражения см.: *Combined Chiefs of Staffs (CCS) 94*; см.: *Stoler M.A. Second Front* (см. прим. 29). P. 64. О конференции в Касабланке см.: FRUS, Casablanca (см. прим. 8); *Howard M. Grand Strategy*. Bd. 4. London, 1972 (*The History of the Second World War. United Kingdom Military Series*); *Kimball W.F. The Juggler... P. 63-81*.
- ³⁸ *Штеменко С. Генеральный штаб в годы войны*. М., 1985. Т. 1. С. 164. Автор утверждает, что советской стороной «признавалось бесспорным»,

что после Сталинграда немцы уже не сумеют больше перехватить инициативу. Его тщательно сформулированная фраза звучит так: «Думаю, что на фоне крупных побед, одержанных нашими войсками под Москвой и Сталинградом, у отдельных военачальников (у Сталина — ?), в том числе и в Ставке, и в Генштабе, возникла известная недооценка возможностей противника» — Там же. С. 179. См. также статью В. Пронько в сборнике. Американская оценка Курской битвы содержится в: JIC W Summary 27, 14.07.43. P. 2 — MR 71, FDRL.

⁴² Рузвельт и Черчилль — Сталину, 27.01.43, а также Сталин — Рузвельту и Черчиллю, 30.01.43 в: Ministry of Foreign Affairs of the USSR, Stalin's Correspondence with Roosevelt and Truman, 1941-1945. N.Y. 1965. Doc. No. 71. P. 51 ff.

⁴³ Черчилль — Рузвельту, 3.12 и 8.12.42: Churchill & Roosevelt. Bd. 2. C-225. Об операции «Вельвет» см.: Lukas R.C. The VELVET Project — Military Affairs, 28 (Winter 1964). P. 145-162, а также: East E. The Army Forces and the Soviet Union, 1941-1945. Tallahassee (Fl.), 1970. P. 139.

⁴⁴ Stalin's Correspondence with Roosevelt and Truman, Doc. 79. P. 59.

⁴⁵ Hinsley F.H. Op. cit. Bd. 3, Teil 1. P. 44. О «планах Рэнкин» см. в любых соответствующих книг о второй мировой войне, но особенно: Maile Snell E.M. Op. cit. P. 225 ff.; Kolko G. The Politics of War. New York, 1965. P. 28 ff., 315 ff.

⁴⁶ Weekly Strategy Resume, 23.01.43, ABC 334. 3 Policy Committee (1.03.43) Records of the Joint Chiefs of Staff (JCS), RG 218, NA.

⁴⁷ В научной литературе имеется масса работ, посвященных второму фронту и операции «Торч». См., в частности, Stoler M.A. The Politics of the Second Front (см. прим. 10), а также: Howard M. Grand Strategy (см. прим. 40). Взгляд на отношение Рузвельта к русским выражен в кн.: Kimball W. Juggler... О том, что на этой конференции о Сталинграде не говорили. Ibid. P. 70 f.

⁴⁸ Меморандум для генерала Хэнди, 30.03.43 — The Papers of George C. Marshall (см. прим. 28). P. 620 f.

⁴⁹ Буллит — Рузвельту, 29.01.43 — Bullit folder, FDRL. См.: Kimball W. Juggler... P. 83-88.

⁵⁰ Военно-морской атташе в Москве (адмирал Данкен) — Оперативному отделу штаба ВМФ (OPNAV), 16.03.43 — MR 300, Box 100, FDRL. (лучшего понимания в некоторых местах телеграммы добавлены пояснения.)

Филип М.Х. Белл

ВЕЛИКОБРИТАНИЯ И СТАЛИНГРАДСКАЯ БИТВА

18 января 1943 года консервативная газета «Дейли телеграф» опубликовала репортаж своего корреспондента в Советском Союзе, только что побывавшего в Сталинграде: «Здесь, на южной окраине Европы, где уже начинаются азиатские пустыни, несколько замечательных гвардейских дивизий и отрядов народного ополчения, ставшие могучим, кровоточащим сердцем России, спасли европейскую культуру, а тем самым, могли бы спасти и нашу Англию».

Другой корреспондент пророчествовал 10 февраля на страницах левой газеты «Дейли геральд»: «В грядущих веках историкам всего мира будут рассказывать о Сталинграде». Возможно. Но это потребует большего напряжения фантазии, если бы могли предполагать упомянутые корреспонденты. За прошедшее время изменилось название города. Никто больше не упоминается Сталиным, исчезли памятники ему. Мысль, будто русская Армия спасла европейскую культуру и Англию, кажется нам сегодня странной и притянутой за уши. Так что русская, посвященная воздействию Сталинградской битвы на Великобританию, должна через пятьдесят лет после событий 1942/43 года в первую очередь исследовать, какое место занимало это сражение как факт общественной жизни и как повлияло оно на мысли и чувства британского народа. И во-вторых, заняться вопросом, какое стратегическое значение с британской точки зрения оно имело.

О Сталинградской битве англичане наиболее наглядно узнавали из еженедельных выпусков кинохроники, снимавшейся в Советском Союзе и обрабатывавшейся для показа в английском Союзе и обрабатывавшейся бригадами советских кинооператоров проводились съемки боев на фронте, причем потери среди них были большими — к концу войны погибло около сорока русских кинооператоров. Острота уличных боев в Сталинграде запечатлена в ряде выдающихся фильмов, их венчали фильмы, показывавшие капитуляцию немцев, — захваченные немцами, бесконечные колонны военнопленных, тянущиеся по снежным полям. Некоторые эпизоды специально организовывались для кинооператоров, но общий эффект был впечатляющим, так что и сегодня, пятьдесят лет спустя, выпуски кинохроники, пожалуй, лучше всего свидетельствуют о том, какое впечатление произвела Сталинградская битва на людей того времени. Еженедельные «Новости дня» вызвали в Великобритании огромный интерес: в 1940 году среднее число зрителей английских кинотеатров составляло примерно 21 миллион человек в неделю, к 1946 году их число возросло до 31,4 миллиона¹.

Огромную аудиторию имело и радио; обычно «Последние известия» в 18 часов и в 21 час слушали от 30 до 50% взрослого населения страны. Почти каждую неделю в лучшем для передач время — сразу же за выпуском «Последних известий» в 21 час — следовал «Комментарий из России» Александра Верта, журналиста левого направления, вызывавший большие симпатии к Советскому Союзу. Верт предлагал радио слушателям многочисленные описания «атмосферы» этой войны (например, передача «Человеческая драма Сталинграда» ее значения («Что означает Кавказ для России»). Не в последнюю очередь он давал своим слушателям представление о чувствах советских людей: «У русских есть все основания ненавидеть немцев. Солдаты и штатские охвачены только одной мыслью: убивать, убивать, убивать и мстить»².

Таким образом, кино и радио были проводниками сильнейших впечатлений от Сталинграда. Сообщения в печати не отличались столь явной эмоциональностью, но они давали более полную картину хода сражения. Газетные материалы основывались главным образом на официальных сообщениях обеих

сторонами, дополнявшихся комментариями, и по ним можно проследить за тремя фазами битвы.

Первая — это немецкое наступление с конца августа до середины октября 1942 года. В этот период в печати подчеркивалось, что исход сражения скользит по лезвию бритвы и будет решен далеко идущими последствиями. Если немцы захватят Сталинград, они станут хозяевами Волги и благодаря этому перекроют коммуникации между Кавказом, Каспийским морем и центральной Россией, но главное — сделают невозможным подвоз нефти из Баку³.

С середины октября началась вторая фаза битвы — фаза равновесия, в течение которой пресса делала акцент на том, что немцам не удалось достигнуть поставленных ими целей и что приближается зима. 18 октября в напечатанной в «Санди экспресс» статье говорится, что поскольку немцам, несмотря на героические усилия, так и не удалось взять Сталинград, то «заключилась одна из фаз войны». 19 октября Негли Фарсон пишет в «Дейли мейл», что перезимовать в руинах Сталинграда немцы не смогут и времени у них остается все меньше и меньше. По мнению опубликованной в тот же день передовицы «Таймс», немецкие действия сведутся теперь к установлению рубежа, за который они могли бы без огромных потерь отступить. Их цель — не расширять свои завоевания, а оборонять их. 19 октября «Дейли экспресс» пишет, что немецкая армия уже не та, что была в июне 1942 года — она устала и стала осторожной, ее боевое сопротивление подорвало ее веру в себя и ее жизненность⁴.

23 ноября, когда Красная Армия перешла в наступление севернее и южнее Сталинграда, началась третья фаза. К концу ноября советское правительство сочло возможным сообщить подробности об одерживаемых победах. И «Дейли миррор» (наиболее популярная британская ежедневная газета) печатает на первой странице аршинными буквами заголовок: «Сталинград. Немецко-гуннов разбито наголову. 175 000 убитых, 137 000 в плену, потеряно 2000 танков». Само сообщение начинается словами: «Армия Гитлера в Сталинграде потерпела сокрушительное поражение. Это фантастическое известие было передано вчера вечером московским радио... В течение шести недель немцы не добились тройного успеха, каждый из которых превосходит любую из побед в этой войне».

Вслед за тем британские газетчики получают возможность сообщать в Сталинграде; 18 января 1943 года и в последующие

дни они публикуют описания руин Сталинграда, возрождающейся жизни города и русских солдат, одержавших эту победу. О капитуляции пресса сообщила 5 февраля, причем особенно подчеркивалось количество военнопленных: «Эти выгнанные с огородными пугалами солдаты представляли цвет германского вермахта»⁵.

В «Дейли экспресс» от 13 февраля корреспондент этой газеты в Советском Союзе Пол Холт пишет, что во время поездки в Сталинград он видел там плакат, на котором большими буквами было написано: «Сталинградцы! Мы отправили послание Сталину, и Сталин благодарит нас!» Тема идентификации Сталина с городом, носящим его имя, была развита еще 28 ноября 1942 года в длинной передовице «Таймс» «Мистер Сталин, мистер Гитлер решил судьбу Сталинграда». Четверть века назад, говорилось в этой статье, Ленин поручил Сталину отстаивать этот город (который тогда назывался Царицын), и «Сталинград» отстаивал его, как отстаивает его и сегодня». Наиболее популярное толкование этому лейтмотиву было опубликовано в «Дейли геральд» (29 января 1943 года), где на видном месте сообщалось, что защитники города были преисполнены уверенности, будто сам Сталин находится среди них. В статье пересказывалась история, рассказанная в «Правде»: «Даже сегодня, когда Сталинград спасен, лишь горстка хранящих молчание мужики знает, была ли та история легендой или она отвечала действительности. Но солдаты верили в это. Некоторые утверждали, что видели собственными глазами, как Сталин хладнокровно делал проверку передовых рубежей обороны».

9 февраля в большинстве английских газет было помещено интервью с генералом Жуковым, в котором тот утверждал, что Гитлера разгромил Сталин, лично руководивший наступательными операциями.

Без сомнения, Сталинград изображался в британской прессе как личная победа Сталина — неважно, было ли это результатом его мистического присутствия или победой его стратегического гения. Но и это еще не все. Отсюда был всего лишь шаг до второго лейтмотива: этот военный успех почерпнул свою силу в характере советской системы. Корреспондент «Дейли телеграф» (10 февраля 1943 года) писал: «Как же сильны и упорны эти русские — и генералы, и их войска!» И затем он сравнивал апатию немецких военнопленных с «пламенной уверенностью наших союзников». А Годфри Бланден возвещал в «Ивнинг стандарт» (13 февраля): «Большинство русских генералов

и сыновья крестьян и рабочих; им приходилось с юных лет упорно трудиться, чтобы... обрести те шансы, которые сыновья других стран кладутся в колыбель».

Откровенно просоветская газета «Ньюс кроникл» (11 февраля) с похвалой подчеркивала, что «офицеров отбирают не только на основе их умения командовать, но и на основе их политических качеств». Так что Сталинград был победой Сталинской системы, которую он представлял. 10 октября 1942 года, когда исход сражения был еще неясен, «Экономист» — журнал отнюдь не крайних левых — в одной из своих передовых статей резюмировал ситуацию следующим образом: «Русские верят, что они хотят создать новый и лучший строй... Глубоко в сердцах живет надежда, что все их жертвы и страдания — лишь неизбежное зло переходного времени, лишь родовые муки нового общества. В этом ключ к секрету русского мужественного духа, так поражающего Гитлера и его сателлитов. То, что вдохновляло защитников Севастополя и Сталинграда, это идеал вдвойне: борьба за социальный прогресс и за спасение нации».

Как же реагировала британская общественность на такую победу Сталинградского сражения? Уже великая битва под Москвой в конце 1941 года приковывала к себе внимание англичан, которые следили за ней с величайшим интересом и глубокой тревогой. В первую половину 1942 года сводки контрразведки, осуществлявшейся наблюдением внутри страны и подчиненной британскому министерству информации (Home Intelligence Reports), которые давали ценную картину настроений в Великобритании, отмечали широко распространенное восхищение энергичным и упорным сопротивлением, оказывавшимся русскими немецким армиям⁶. Битва за Сталинград концентрировала это внимание и восхищение на одной теме. В начале тут слышался и тон тревоги. Месячная сводка о настроениях среди населения, представленная военному кабинету в конце августа 1942 года, заканчивалась таким выводом: «Хотя симпатии к русскому народу и восхищение им все еще велики, многие люди сегодня не исключают возможности краха русских». Однако в сентябре и октябре уверенность в обществе возрастает, хотя, если судить по сообщениям газет, исход битвы все еще совершенно неясен, и в сводках отмечается рост надежды на то, что Сталинград выстоит. В начале октября эта надежда становится чуть ли не идеей фикс; она захватывает интеллектуальное общество и практически вытесняет все прочие воен-

ные сообщения. Почтовая цензура констатирует, что почти на каждом письме прославляются русские⁷. Битва при Эль-Амейне и высадка англичан и американцев в Северной Африке (октябрь — ноябрь 1942 года) кладут конец этой поголовной цикленности на Сталинграде; но когда отчаянное сопротивление Красной Армии привело ее к победе, то восторгу англичан не было границ. «Супермены» — вот слово, которое, по мнению британской внутренней контрразведки, лучше всего характеризовало то, что думали англичане о своих союзниках, а в январе и феврале 1943 года восхищение русскими армиями просто не поддается никакому описанию⁸.

Как и в средствах массовой информации, этот восторг распространяется и на режим, породивший такую сильную армию и столь мощный боевой дух. В мае 1942 года специальное исследование настроений в Юго-Западной Англии показало: повсеместно распространено мнение, что успех русских армий объясняется политической системой, существующей в Советском Союзе. В июне британская внутренняя контрразведка констатирует в общественном мнении «левую тенденцию», объясняет это верой в то, что в военных успехах русских «вагнеров» их политическая система. Сталинград еще более усиливает эти убеждения. В декабре 1942 и январе 1943 года были даны показания о горячей симпатии к России («поистине страна прославленных людей») среди промышленных рабочих и о живом интересе к социальной и политической системе, за которую люди держатся с таким отчаянием. Внутренняя контрразведка обнаруживала многочисленные доказательства популярности Сталина (кстати, не в последнюю очередь из-за его откровенно беспощадного отношения к немцам)⁹.

В марте и апреле 1943 года — вскоре после победы под Сталинградом — восхищение британской общественности этим выдающимся достижением русских было впечатляюще подтверждено двумя опросами, организованными Институтом Гэллапа.

Март 1943 года. Какая страна, по Вашему мнению, проявляет наибольшую решимость — с учетом того, что под силу каждой стране, — чтобы выиграть войну: Россия, Китай, США или Великобритания?

Россия — 60%; Китай — 5%; США — 3%; Великобритания — 33%.

Апрель 1943 года. Какая страна из числа Объединенных Наций, по Вашему мнению, внесла до сего времени наибольший вклад в победу в этой войне?

Россия — 50%; Китай — 5%; США — 3%; Великобритания — 42%.

Результаты этих обоих опросов однозначно отдали первое место — как в плане военных усилий (март), так и в плане военных достижений (апрель) — России, второе место — Великобритании, тогда как Соединенные Штаты с огромным отрывом оказались на последнем месте¹⁰. Следует подчеркнуть, что в подобных случаях во время войны англичане составляли собственное мнение, независимое (а иногда и совершенно противоположное) от того, что внушалось им прессой, по радио и в кино или официальной пропагандой. Во время же Сталинградской битвы можно констатировать поразительное совпадение мнений, распространявшегося средствами массовой информации, и того, что думало население.

Реакция общества на Сталинград выразилась в двух примечательных феноменах, имевших одновременно и официальный, и популистский характер: в праздновании Дня Красной Армии 23 февраля 1943 года и в мече — подарке Сталинграду. В конце 1942 года британское правительство согласилось на проведение по случаю Дня Красной Армии грандиозной публичной демонстрации, которая — по меньшей мере, так было задумано — отметила бы неоспоримые военные достижения Советского Союза и не касалась бы, по возможности, политических вопросов, связанных с коммунистической системой. Это празднование вылилось в итоге в нечто более зрелищное, нежели то, что было задумано военным кабинетом, и красный цвет преобладал тут куда в большем количестве, чем этого хотелось. Советские флаги развевались над общественными зданиями, и финалом одной из демонстраций стало красное знамя, подаренное Альбертом Холлом; не раз звучал и «Интернационал». По всей стране празднование привлекло множество участников, и люди явно увидели в этом дне подходящий символ для выражения их восхищения Красной Армией¹¹.

Меч — подарок Сталинграду — был комбинированным методом пропаганды и внешней политики. В пропагандистском плане он стал средоточием прорусских настроений в Великобритании, где влияние коммунизма было ничтожным. В политическом же плане он соответствовал концепции, которой придерживались МИД Великобритании и британское посольство в Москве: следует каким-то образом создавать у Советов чувство, что они являются «членами клуба», снимая у них тем самым недоверие и комплекс неполноценности и побуждая их

к такому сотрудничеству, когда они чувствовали бы себя партнерами такого же ранга. С сентября 1942 года самые различные люди предлагали в своих письмах Черчиллю отменить город Сталинград наградой — наподобие того, как был награжден крестом Святого Георга остров Мальта. 28 ноября передовице «Таймс» было сделано предложение дать Сталинграду крест Святого Георга, и в период между 5 и 11 декабря эта рекомендация всерьез обсуждалась Черчиллем и Иденом. В итоге проблемы протокола, с которым было бы связано награждение крестом Святого Георга, были обойдены предложением о вручении Сталинграду «почетного меча с соответствующими украшениями и надписью», на чем в результате и остановились Иден, Черчилль и король. 20 февраля 1943 года Черчилль наложил такую резолюцию: «Хорошо. Но удостовериться, чтобы это был достойный символ!» Ради достижения поставленной цели усилий не жалели. К консультациям по поводу о форме меча привлекли не только директора Музея Королевы Виктории и короля Альберта, но и заместителя начальника Королевского монетного двора и гильдию мастеров золотых дел. Надпись была сочинена лично премьер-министром: «Подарок короля Георга VI людям со стальными сердцами — гражданам Сталинграда в знак уважения к ним английского народа».

Чтобы разрешить лингвистические проблемы, которые возникли в связи с этой лапидарной надписью, были привлечены лучшие знатоки русского языка. Особенно важным было упомянуть имя дарителя — короля, ибо это служило для тех, кто принимал подарок, гарантией того, что эта награда одобрена высшими слоями британского общества. Меч выставляли для показа во многих городах Великобритании, и он был торжественно вручен Черчиллем Сталину на конференции в Тегеране (Сталин передал меч маршалу Ворошилову, который его и подарил). Вся церемония запечатлели на пленке и показывали в кинотеатрах. Это была хорошо инсценированная пропагандистская акция; реакция населения показала, что пропаганда в полной мере отвечала подлинным народным чувствам. По официальным подсчетам, в Великобритании экспозиции меча посетили 491 457 человек, и министерство информации было буквально завалено настоятельными просьбами муниципалитетов об организации показа в их городах. Британскому правительству удалось найти официальный символ чести Сталинградской победы, нашедший одобрение у больш

ин населения. Было бы интересно знать, что думали обо всем этом русские, — если они вообще придали этому какое-то значение.¹²

Реакция британской общественности на Сталинградскую битву обозначила апогей той руссомании, которая охватила Британию в период с конца 1941 до начала 1943 года. Правда, эти настроения имели свои границы и никогда не доходили до того, чтобы устранялись все сомнения по поводу советской политики коммунистического режима. Агитация за «второй фронт сегодня», достигшая своего апогея летом 1942 года, в дни Сталинградской битвы даже несколько спала. Еще не был заключен пакт между Гитлером и Сталиным в августе 1939 года, а в Британии перед долговременными замыслами Советского Союза никто не считал даже в те времена, когда этого, казалось бы, едва можно было ожидать. В январе 1942 года (когда русским с колоссальным трудом удалось отстоять Москву) родилось исполненное мрачного юмора выражение: «Остановится ли дядя Джо Ла-Маншем?»¹³ Но, несмотря на такого рода сомнения, коммунистские настроения в Великобритании имели невиданные масштабы, а восхищение, вызванное Сталинградской битвой, достигло своих кульминаций.

Но и все о том, что касается общественного мнения. А теперь попытаемся заглянуть за кулисы и посмотреть, как оценивали значение Сталинграда профессиональные военные советники британского правительства.

В принципе прямой контакт с советским генеральным штабом на Восточном фронте поддерживался британской военной миссией в Москве, в которую входили офицеры всех трех родов войск. Этой миссии пришлось убедиться, что русские, по сути, никогда не склонны к сотрудничеству; подавляющую часть времени у нее отнимала безрадостная и большей частью безуспешная борьба за то, чтобы получить какие-то обрывки информации и добыть ее при случае поездки на фронт¹⁴. Генерал Мей-Макфарлан, первый руководитель военной миссии, докладывая 27 марта 1942 года, что никак невозможно добиться от русских какой-либо информации насчет комплектования их войсковых резервов или производства вооружений; вероятно, считал он, в какой-то части это можно объяснить тем, что русские полагают, что все, о чем они в доверительном

порядке сообщают англичанам, обязательно просачивая противнику¹⁵.

После окончания войны бригадный генерал Файрбрид, проведенный несколько лет на посту британского военного атташе в Москве, назвал поведение отдела по связям советского генерального штаба «точно рассчитанной политикой преднамеренной обструкции». На его взгляд, она проистекала главным образом из убежденности русских в том, что военные успехи англичан не идут ни в какое сравнение с их собственными, поэтому все обязательства касаются только британской стороны¹⁶. Генерал Брук, бывший на протяжении почти всей войны начальником имперского Генерального штаба (Imperial General Staff), несколько лет спустя писал, что в течение войны он ни разу не получал от русских информации о положении их войск и поэтому ему приходилось полагаться на немецкие данные, получаемые в результате радиоперехвата. Основанием перехвата радиограмм противника я наносил на военную карту, как расположены войска нашего союзника. Будучи в таком положении, члены британской военной миссии не раз жаловались на наличие проблем; Форин оффис отвечал на это инструкцией, в которой призывал проявлять терпение.

Сводки, которые представляла британская военная миссия, были поэтому весьма скудными. Перед началом сражения за Сталинград общие отзывы миссии о советских вооруженных силах были положительными. 1 февраля 1942 года Мей Макфарлан докладывает, что русские вновь обрели почву под ногами и сейчас, в условиях жестокой зимы, превосходят немцев. 13 февраля он называет боевой дух русских «сверх обычного удовлетворительным». В июне подтверждает, что их по-прежнему высок и они приобрели большое умение в ведении оборонительных боев. Один британский офицер, которому было разрешено в том же месяце побывать в прифронтовых районах под Бородино, удостоверяет, что русские войска отличались упорством, замечательная дисциплина и чувство уверенности. Хотя и в донесениях военной миссии, и в секретной директиве Лондона средствам массовой информации от 7 сентября скальзывают нотки сомнений, но общие их выводы положительные¹⁸.

С началом битвы за Сталинград наступило вскоре и усиление контактов между британской военной миссией и советским Генеральным штабом. 7 сентября миссия докладывает, что в течение семи недель не было ни одной беседы с компетент-

ным русским офицером по связям, но уже в последующую неделю был назначен новый офицер по связям — генерал Дубринин, что и положило начало регулярным контактам, хотя информация продолжала поступать весьма скудно. 15 сентября Дубринин расщедрился на банальную новость: Сталинград — решающее сражение, исход которого пока неясен. 23-го он сообщил, что идут ожесточенные бои и проведены успешные контратаки¹⁹. В течение нескольких недель следовали удивляющие комментарии такого же рода. Когда же 19 ноября 1942 года началось крупное советское наступление, то британская военная миссия могла лишь повторять официальные сообщения в печати и по радио и жаловалась на то, что русские не хотят назвать номера разгромленных в этих боях немецких дивизий. Только 31 декабря в советской печати было опубликовано подробное сообщение об операциях, в которых именно назывались уничтоженные дивизии. И это привело британскую сторону даже в определенную растерянность, ибо немцы не утверждали, что некоторые из идентифицированных немецких дивизий были переброшены в Сталинград из Западной Европы, а это означало только одно: англичане не сумели сковать немецкие войска на Западе²⁰.

Время от времени британская военная миссия пыталась выйти за рамки своих убогих донесений и анализировать стратегическую обстановку. Решающим вопросом тут была качественная оценка поражения немцев. Находятся ли их войска на пороге краха? 20 января 1943 года генерал Дубринин в ответ на запросы по этому поводу сказал, что немецкие войска оказывают под Сталинградом отчаянное сопротивление и сражаются до конца — в противоположность итальянским и румынским частям, которые, будучи в безвыходном положении, капитулируют. Но все же 2 февраля сдались и последние немецкие части вместе со своими командирами. Когда начальник британской миссии (адмирал Майлс) спросил, говорит ли это о падении боевого духа немцев, то Дубринин согласился, что его прежние предположения насчет того, что немцы никогда не пойдут на капитуляцию, уже не отвечают действительности. Но и две недели спустя он вновь подчеркивал, что немцы по-прежнему сражаются упорно и располагают достаточным количеством резервов, чтобы пополнять свои сильно потрепанные дивизии. В конце у британской миссии создалось впечатление, что хотя германский вермахт и потерпел чрезвычайно тяжелое поражение, но он еще отнюдь не разгромлен²¹.

Сталинградская битва заставила британскую военную миссию пересмотреть и свои оценки Красной Армии. Когда началось ноябрьское наступление, военная миссия отметила, что оно является наглядным доказательством наличия у русских армии колоссальных резервов, однако тут же добавила: «Следует ожидать и наблюдать, сумеет ли советское Верховное Командование довести свой начальный успех до успешного завершения». В итоге выяснилось, что и на этот вопрос следует дать положительный ответ. Подводя итоги 1943 года, военная миссия приходит к выводу, что в январе и феврале советское Верховное Командование придерживалось следующей стратегии: когда русское наступление не удавалось или застопоривалось, резервы вводились таким образом, чтобы могло начаться новое наступление с целью не давать немцам шансов для передышки и стабилизации позиций. Такая система переплетения одного с другим наступлений принесла заметные успехи, приведя, правда, к решающей победе: «Она просто оттолкнула линию фронта назад». И британская военная миссия задавалась вопросом: а есть ли у Советов вообще средства и техника для того, чтобы добиваться успехов каким-то другим способом, в боевом духе и боеспособности Красной Армии сомнений нет. Специальное донесение по этим вопросам от 12 марта 1943 года называет конкретно главные элементы ее боевого духа: глубокий русский патриотизм, ненависть к врагу, базирующаяся на старой ненависти славян к германцам; необыкновенное терпение, имеющее своим истоком многовековую привычку к примитивным условиям жизни и к суровому климату. Боеспособность русских в военном отношении во многом обязана образовательному уровню; он невысок, но широк и дает хороший материал из числа унтер-офицеров и прилежных специалистов. И это — все вместе с железной дисциплиной режима — имеет своим результатом значительное повышение среднего уровня отдачи²².

Эти донесения военной миссии служили важнейшей основой для еженедельных обзоров военной обстановки, которые Комитет начальников штабов представлял военному кабинету. В сентябре 1942 года эти обзоры оценивали ситуацию как критическую — падение Сталинграда было вполне возможно, даже если это случится, говорилось в одном из них, упорное русское сопротивление делает маловероятным, чтобы немцы так или иначе смогли использовать свой успех — для наступления на Москву или для прорыва через Кавказ в Иран, к ее важным месторождениям (последнее беспокоило англичан

иной). 23 октября в донесении полковника Пики, представителя чехословацких военных в Советском Союзе, утверждалось, что русские уже овладели ситуацией под Сталинградом, и военная разведка англичан была склонна разделить эту оценку. В начале ноября предсказывалось возникновение патовой ситуации, однако очень скоро это мнение изменилось — началось новое русское наступление, которое в итоге и решило исход битвы. В связи с поражением и капитуляцией 6-й немецкой армии в обзорах начальников штабов уделялось самое пристальное внимание. В связи с этим на повестку дня встали два вопроса: насколько сильно поражение и деморализовал немцев этот удар и как долго смогут они выдержать свой напор?²³

1 февраля 1943 года военный кабинет, будучи под сильнейшим впечатлением от масштаба этой победы, потребовал детального анализа обстановки на Восточном фронте — в частности, что его интересовало, насколько вероятен тут полный крах немцев. В ответ на этот запрос Объединенный комитет разведывательных служб (Joint Intelligence Committee) дал такую оценку: немцы потеряли около 40 дивизий, за счет резервов они смогут, вероятно, восстановить 15 из них. В скором времени немцы вновь окажутся примерно на исходной позиции 1942 года, т.е. будут вынуждены оборонять силами лишь 160 дивизий, большей частью недоукомплектованных — фронт протяженностью свыше 2200 километров. Комитет признал, что у него мало сведений о другой половине этого уравнения — о русских вооруженных силах; однако, по его оценке, даже если русские потеряли — как и немцы — 40 дивизий, они имеют в своем распоряжении еще 200, т.е. по своему численному составу значительно превосходят немцев. Они обладают высоким боевым духом, а русское Верховное Командование показало свое умение в стратегическом использовании своих войск. Объединенный комитет разведывательных служб делал из всего этого вывод, что немцы потерпели поражение, оправиться от которого они уже не смогут. В России они «ввели в действие крупнейшую и мощнейшую военную машину всех времен. Она разрушена и повреждена в таких масштабах, что приходится задаваться вопросом, удастся ли ее когда-нибудь починить».

В такой ситуации, говорится далее в докладе, немцы, вероятно, будут не в состоянии стабилизировать линию фронта; в этом случае система немецкого сопротивления в России рухнет. К этому выводу начальники штабов присовокупили осто-

рожную оговорку, что он делается в тот момент, когда военное счастье немцев достигло своей нижней точки, и, может быть, этот вывод окажется чересчур оптимистичным²⁴.

Такое предостережение было вполне оправданным. Никто не мог сказать, что немцы не способны были разгромить британский вермахт полностью, и оказалось, что они действительно в состоянии отчаянно драться в течение двух с лишним лет. Все же у генерала Брука были причины для того, чтобы записать в личном дневнике хоть и сдержанную, но удовлетворительную оценку. Еще 5 июля 1942 года он писал генералу Уэйвеллу: «Иной раз мне хочется проснуться в октябре и узнать, что немцы в России остановили и что Египту уже не грозит опасность. Какая была бы это радость — начать строить вместо того, что разрушено, и штопать дыры».

В октябре такая перемена еще не наступила. Но в записке в дневнике 1 января 1943 года Брук уже может констатировать: «Мы начинаем 1943 год в условиях, на которые я никогда не рискнул бы и надеяться. Россия выстояла, и Египет пока уж не находится в такой опасности. Есть надежда освободить Северную Африку от немцев в ближайшем будущем».

И важную роль в этой перемене ситуации сыграл Сталин²⁵.

Такие оценки событий в России сопровождались анализом их возможных последствий для Великобритании. При этом рассуждениям главным образом две темы: во-первых, потенциал резонанс русского поражения и, во-вторых, возможные последствия русской победы.

В случае советского поражения главную заботу для англичан представлял не сам Сталинград, а то, что захват этого города давал немцам возможность прорыва через Кавказ в Иран. Там для англичан на карте стояло многое: безопасность Абадана и иранских нефтепромыслов, чья продукция имела решающее значение для ведения войны Великобританией в целом. Если бы они были потеряны, то, как казалось, не было шансов на выполнение этого дефицита американскими поставками нефти, так как не хватало танкеров, а немецкие подводные лодки наносили союзникам большой урон. Оглядываясь назад, Брук сформулировал это следующим образом: «Если бы мы утратили иранскую нефть, то утратили бы Египет и наше господство в Индийском океане»²⁶. Британское верховное командование на Ближнем Востоке считало в начале июля 1942 года, что в худшем случае можно оказаться перед альтернативой — либо

отбрасывать войска на север, на защиту Ирана, и идти при этом с риском потери Египта, либо продолжать удерживать Египет, рискуя при этом потерять Иран. Начальники штабов пришли к выводу, что в конечном счете нужно спасать персидские нефтяные месторождения, даже если это будет чревато риском потери Египта; однако они не считали, что такое решение следует принимать уже не сегодня-завтра²⁷.

В той ситуации казалось, что принятие решения еще может быть отложено на несколько месяцев. В начале августа 1942 года начальники штабов полагали, что даже если русские не смогут прекратить сопротивление, то немцам понадобится еще двенадцать недель, чтобы дойти до Баку; затем, возможно, они сумеют перебросить в Северный Иран три или четыре дивизии. Однако начальники штабов считали более вероятным, что русские будут оказывать достаточно сильное сопротивление, чтобы исключить серьезную угрозу для Ирана до весны 1943 года. И все же и Бруку в Лондоне, и главнокомандующему на Ближнем Востоке Окинлеку приходилось ломать голову над тем, какие меры нужно будет принять, если эта угроза станет реальной. Брук полагал (17 июля 1942 года), что можно будет наскрести четыре дивизии в Великобритании и отправить в Иран, если рухнет Россия; но с такими силами далеко не уйдешь».

Окинлек считал, что для воспрепятствования прорыву немцев в Иран нужны, как минимум, две танковые и семь пехотных дивизий (может быть, он был большим перестраховщиком); для него было ясно, что сформировать такие силы, пока идет сражение в Северной Африке, невозможно. Свои взгляды Окинлек изложил в приватном письме Бруку 25 июля: «В этой ситуации мы стопроцентно полагаемся на то, что у немцев не хватит сил для прорыва через Кавказ и Иран; и если мы не будем готовы без всяких «если» и «но» пожертвовать Египтом, то альтернативы тут я просто не вижу»²⁸.

При всех этих соображениях многое зависело от того, смогут ли русские удержать перевалы на Кавказе. Во время своей поездки в Москву в августе 1942 года Брук пролетал над этим районом и пришел к убеждению, что более или менее серьезных оборонительных сооружений там нет. После войны он писал, что Гитлер упустил уникальную возможность, начав наступление на Сталинград вместо того, чтобы прорываться в Иран — «этот огромный стратегический трофей, который ле-

жал перед ним практически беззащитным». Черчилль, напротив, был склонен преуменьшать наличие риска; в мемуарах пишет, что никогда не верил в возможность прорыва немцев Баку, и утверждает, что держал по этому поводу что-то в пари с Бруком и на еженедельных заседаниях военного кабинета иной раз подначивал того: «Ну, у кого из нас больше шансов в эту неделю?»²⁹

Если бы это пари состоялось всерьез, то выиграл бы его Черчилль. В конце ноября 1942 года советское наступление под Сталинградом устранило угрозу Кавказу, а британская операция под Эль-Аламейном оправдала игру ва-банк — сосредоточившись на Египте и пойти на риск в Иране. Возможные последствия русского поражения для Великобритании остались всего лишь сценарием «worst case» (на худой конец) в тогдашних коммюно-штабных учениях генерального штаба. И все же какое время царила большая тревога и все шло к тому, что англичанам придется ломать голову, какую непосредственную помощь смогут они оказать русским в обороне Кавказа. Во время пребывания Черчилля в Москве в августе 1942 года англичане сделали довольно расплывчатое предложение о присылке на Кавказ англо-американского летного контингента; 8 октября идея была сформулирована в виде конкретного предложения: девять эскадрилий истребителей и пять эскадрилий бомбардировщиков из состава королевских военно-воздушных сил, так же эскадра бомбардировщиков и эскадра транспортных самолетов из состава военно-воздушных сил армии США. 8 ноября Сталин согласился с этим предложением, что было весьма примечательным шагом (обычно он был отнюдь не склонен принимать чужие вооруженные силы на советской территории) и может быть, указывает на то, как он оценивал ситуацию, в которой тогда находился. В скором времени в Москву была направлена делегация англо-американских военно-воздушных сил (она прибыла туда между 19 и 21 ноября), чтобы проработать детали формирования этого соединения. Правда, делегация пришлось убедиться, что штабные офицеры советской военной авиации не очень-то расположены к сотрудничеству; они предпочитали, чтобы было поставлено соответствующее количество самолетов, которые пилотировались бы советскими летчиками. В конце года в переговоры вмешался Молотов и заявил англичанской делегации, что его правительство в их предложении больше не заинтересовано. Таким образом, это предложение (под английским кодовым названием «Вельвет») полностью

исчезло и осталось всего-навсего интересной возможностью.³⁰

Англичан практически не было альтернативы. Во время операции за Сталинград им пришлось даже временно закрыть часть своих трасс снабжения России — провод караванов через Северный Ледовитый океан. Пока готовилась и проводилась операция «Торч» (высадка в Северной Африке), требовавшая огромного количества транспортных судов и конвоев, возможности направлять караваны в Мурманск не было. (Масштабы этой проблемы становятся понятнее, если вспомнить, что в июле 1942 года в Мурманск прибыл последний караван перед перерывом — состоял из 177 военных судов.) Поэтому Черчилль был вынужден сообщить Сталину, что с сентября 1942 по январь 1943 года, т. е. фактически на протяжении всей Сталинградской битвы, морских караванов не будет. Британский премьер-министр заявил (об этом он заявил Рузвельту 22 сентября 1942 года), что будет «очень опасно» просто сообщить Сталину, что караваны в этом году направляться больше не будут; желая подсластить эту горькую пилюлю, он предложил русским начать прямые переговоры о вторжении в Северную Норвегию и даже занялся мыслью о высадке во Франции в течение 1943 года (Северная Норвегия (операция «Юпитер») была одной из любимых идей Черчилля, которую он выдвигал время от времени к ужасу его начальников штабов, видевших в ней (разумеется, вполне обоснованно) нереальный проект, который, если бы его взялись выполнять, неминуемо закончился бы катастрофой. В сентябре 1942 года Черчилль упорно придерживался этой идеи, поскольку старался хотя бы каким-то жестом убедить русских. По дневнику Брука можно проследить за многочисленными попытками последнего отговорить Черчилля от норвежского проекта; когда же британский премьер-министр так и не сумел добиться поддержки у собственных военных советников, он попытался привлечь на свою сторону каменного генерала Мак-Нафтона — в надежде, что тот проявит какие-либо признаки готовности пойти на риск. Но из этого ничего не вышло, операция «Юпитер» осталась всего лишь одной не столь уж привлекательной идеей Черчилля³¹.

Когда советское поражение под Сталинградом стало все более вероятным, начались раздумья на такую тему: откроются ли в случае русской победы под Сталинградом новые перспективы для британской стратегии на Западе? Важнейшим моментом при этом было то, как повлияют советские успехи на шансы

вторжения союзников в Северную Францию. В течение года англичане и американцы пришли к решению, что их лучшим совместным предприятием этого года будет высадка в Северной Африке, которая и состоялась в ноябре. При этом открытым вопросом, рассматривают ли они эту операцию в Северной Африке как самоцель и поставят ли после ее завершения точку, чтобы сосредоточиться затем на вторжении в Северную Францию, или же используют ее как трамплин для дальнейших операций в районе Средиземноморья. В начале ноября 1942 года Черчилль склонился к той точке зрения, что можно вести дальнейшие операции в Средиземноморье и даже время предпринять наступление на побережье Северной Франции. Его мучила мысль, что слишком уж поспешно он обещал Сталину высадку во Франции в 1943 году, а ему хотелось выглядеть человеком, нарушающим свое слово; поэтому этого он считал теперь, что Сталинградская битва улучшила ситуацию в целом. До сих пор, доказывая Черчиллю, исходя из того, что после начала операции «Торч» вторжение в Северную Францию станет невозможным, ибо Россия настолько слаба, что Гитлер в любой момент сможет перебросить крупные войсковые контингенты с Востока на Запад. Поэтому высадка во Франции потребует больше войск, чем те, что имеются в наличии. Но, продолжал свою аргументацию Черчилль, русские успехи в конце ноября под Сталинградом изменили эту ситуацию. Немцы уже теперь потерпели тяжелое поражение, и в конце года они, вероятно, никак не смогут позволить себе переброску в 1943 году больших сил в Западную Европу. А это позволило премьер-министром заключительный вывод, «являющийся новым фактом чрезвычайной важности»³².

Если бы эта аргументация была принята, то уже плоды советской победы под Сталинградом оказали бы решающее воздействие на стратегическое планирование англичан. Практически Черчилль утверждал, что Сталинград открывает путь к вторжению в Северную Францию в 1943 году. Но аргументация была не в силах убедить его собеседников. Никакая русская победа не могла ликвидировать тех принципиальных ограничений, которые налагались на англо-американскую стратегию наличным количеством войск, транспортных средств, десантных катеров. Бруку и его коллегам приходилось постоянно объяснять суть этих ограничений, и, может быть, повторить их необходимо и сегодня. За шесть месяцев до того, в начале 1942 года, Брук записал в дневнике: «Россия, США и пред-

промогласно требуют открытия «фронта на Западе», нисколько не думаясь над тем, что это значит и с чем все это связано! Было бы неплохо подумать, что мы собираемся прокатиться через Ла-Манш, чтобы сыграть в Ле Туке в баккара или искупаться на норвежском побережье Северного моря! Ни один человек не может подумать, что вообще могут сделать какие-то шесть дивизии против, может быть, 20, а то и 30».

Количество войск вторжения зависело не от обстановки на восточном фронте, а от количества десантных судов. И никакие «новые факты» Черчилля не сократили бы числа 20, а то и немецких дивизий. Начальники штабов терпеливо объясняли ему, что не в первый раз, что начинать в июле 1943 года против немцев боеспособного вермахта операцию по вторжению и при этом рассчитывать на успех — дело весьма и весьма сомнительное, даже в том случае, если отказаться от всех операций в Средиземноморье. Предпринимать же и то, и другое, как это предлагал Черчилль, было невозможно. Скрепя сердце премьер-министр подчинился логике этих фактов³³.

Когда в январе 1943 года англичане встретились с американцами на конференции в Касабланке, они были убеждены, что советская победа под Сталинградом не вносит существенных изменений в выработанную ими стратегию. Брук придерживался той точки зрения, что немцы (чьи силы во Франции он оценивал в 44 дивизии) справятся с войсками, которые смогут поддерживать союзники, не прибегая к переброске каких-либо сил из России. Поэтому он считал, что лучшей стратегией является вывод из войны Италии, что вынудит немцев бросить свои войска в Италию и на Балканский полуостров. Вот почему Брук выступил за высадку на Сицилии, что и стало фактически лучшим военным решением, принятым конференцией в Касабланке³⁴. То, что на этой конференции была также провозглашена доктрина «безоговорочной капитуляции» держав, было частично политическим жестом в адрес Сталина, дабы компенсировать ему те несостоявшиеся военные решения, принятие которых он ожидал.

В глазах британской общественности Сталинградская битва стала переломным моментом в войне — так рекламировало ее радио и представляли торжественные церемонии. И такой вывод подтвердился в течение пятидесяти истекших лет. Гер-

манский вермахт потерпел не только военное, но и психологическое поражение. В Сталинграде был развеян миф о непобедимости немцев, столь распространенный с лета 1940 года, и породить его им уже не удалось. Однако непосредственное действие этого примечательного события на британскую стратегию было невелико. Такое утверждение кажется абсурдным отнюдь не является таковым. Когда в британском обществе укоренился взгляд, что Сталинград есть решающее событие войны, это было правильно. Когда начальники штабов подумали, что это событие мало влияет на то, что они в то время могли реально сделать, это тоже было правильно. Оба эти варианта представляли два различных уровня восприятия реальности.

Был еще и третий уровень реальности. Внешней политике всегда приходится ориентироваться на стратегию и на фактическую расстановку сил. Британское правительство уже давно понимало, что советский вопрос для него существует. Во время поездки министра иностранных дел Идена в Москву в декабре 1941 года стало совершенно очевидно: если Россия выиграет войну на Восточном фронте, то Сталин будет требовать, минимум, границ по состоянию на июнь 1941 года, т.е. Прибалтику, восточную половину Польши и отнятую у румын Северную Буковину. Это был именно минимум, но возможный Советский Союз станет претендовать и на такую сферу влияния, которая выйдет за эти рамки. В то время вопрос о том, как относиться к этим требованиям, можно было отложить; и в декабре 1942 года — когда Великобритания и Советский Союз подписали договор, не содержащий упоминания о границах, — был в очередной раз отложен. Сталинград же означал, что война оттяжек близится к концу. Русские войну на Востоке выигрывают, и англичанам в ближайшем будущем предстоит принимать кое-какие нелегкие решения.

Но вскоре оказалось, что для британской внешней политики Сталинград будет иметь и куда более далеко идущие последствия. 4 февраля 1943 года — сразу же вслед за концом 6-й немецкой армии — Иден направил британскому послу в Москве новые инструкции. Они сводились к тому, что пришло время относиться к Советскому Союзу как к партнеру того же ранга, что и Соединенные Штаты, и, само собой разумеется, обсуждать общие планы. Только так можно будет «сломать лед недоверия», существующий между обеими странами. Может быть, о ка-ких-то делах нужно будет по-прежнему сначала информировать Соединенные Штаты, но это должно идти неофициальным

путем. В принципе же англичане планировали «советоваться одновременно с обоими правительствами»³⁵.

Против таких принципов коалиционной дипломатии нечего было возразить; сомнительным было, удастся ли применить их на практике — ведь советоваться с советским правительством было не так-то просто. Но наиболее уязвимым местом в планах Идена представлялось нечто другое. Что произошло бы, если бы Соединенные Штаты решили советоваться сначала с Советским Союзом, а Великобритании пришлось бы довольствоваться ролью аутсайдера? В мае 1943 года президент Рузвельт предложил Сталину провести в Беринговом проливе совещание без участия Гитлера. Сталин отклонил это предложение, но оно было не самым предзнаменованием. И никак нельзя считать случайным тот факт, что сделано оно было вскоре после победы под Сталинградом. Было ясно, что Советский Союз выиграет войну и станет великой державой, и Рузвельт спешил учесть новую расстановку сил. Это предвещало недоброе для позиции Великобритании в рамках антигитлеровской коалиции. Крупные победы, если они одержаны только одним из партнеров по коалиции, имеют свою цену.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В качестве иллюстрации к вопросу об освещении Советского Союза в британской кинохронике см.: *Bell Ph. H.M., White R. Images of the Soviet Union at War, 1941-1945*. London, 1990 (Inter-University History Film Consortium, Studies in Film № 8; фильм с сопроводительной брошюрой). О советских выпусках «Новости дня» и их распространении в Великобритании см.: *Spring D.W. Soviet Newsreel and the Great Patriotic War*. — in: *Propaganda, Politics and Film, 1918-1945*, ed. by N. Pronay, D.W. Spring. London, 1982.

² *North A. Russian Commentary. The Listener*, 24.09.42; 15.10.42; 18.02.43 и 11.03.43. О политической позиции Верта см.: *Bell Ph. H.M. John Bull and the Bear: British Public Opinion, Foreign Policy and the Soviet Union, 1941-1945*. London, 1990. P. 71 f. Эта работа рассматривает в совокупности проблему общественного мнения в Великобритании и британской политики по отношению к Советскому Союзу во время второй мировой войны. Приведенная статья в значительной мере базируется именно на ней.

³ В качестве примера дискуссии о значении этого сражения см. статьи Негли Фрейсона в «Дейли мейл» от 4.09.42, Александра Верта в «Санди таймс» от 10.09.42 и в «Таймс» от 9.10.42.

⁴ Нельзя забывать, что «Дейли экспресс» и «Санди экспресс» принадлежали барду Бивербруку и занимали весьма дружественную позицию по отношению к Советскому Союзу; и газета «Таймс», находясь в значительной степени под влиянием Э.Х. Керра, переживала в то время относительно просоветскую фазу. См.: *Foster A. The Times and Appeasement*.

The Second Phase. — in: *The Second World War: Essays in Military and Political History*, ed. by W. Laqueur. London, 1982.

- ⁵ Репортажи о поездках в Сталинград см., напр., в «Дейли телеграф» и «Нью-Йорк Таймс» от 18.01.43, в «Дейли геральд» от 19.01.43 и 20.01.43, в «Сандей Таймс» от 24.01.43. Цитата о «цвете германского вермахта» взята из «Дейли телеграф» от 5.02.43.
- ⁶ Показ и оценка еженедельных сводок внутренней контрразведки (Military Intelligence Reports) даны в кн.: *Bell Ph.M.H. John Bull and the Bear*. При этом автор базировался на большой подборке самых различных источников, сравнивая их друг с другом; главное преимущество названных сводок в их регулярности, что позволяет проследить тенденции в общественном мнении.
- ⁷ Донесения почтовой цензуры составлялись на основе выборочной проверки писем, отправлявшихся во время второй мировой войны в Великобританию за рубеж, т.е. главным образом в США, доминирующую Ирландскую Республику.
- ⁸ Home Intelligence (HI) Reports, Public Record Office (PRO), INF 1/292, 104 f., 113–116, 121 ff.
- ⁹ PRO, INF 1/292, HI Reports 85. P. 114, 119 f.
- ¹⁰ HI, British Public Feeling about America, вопрос 25 (опрос, проведенный Британским институтом общественного мнения, т.е. организацией Гэллага в Великобритании); Gallup Archive, BIPO Survey 96, PRO, INF 1/292, HI Reports 139, где содержится дополнительная информация, относящиеся к опросу в апреле 1943 года.
- ¹¹ См. описание Дня Красной Армии и его предыстории в кн.: *Bell Ph.M.H. John Bull and the Bear...*, а также кадры кинохроники в кн.: *Bell Ph.M.H. White R. Images of the Soviet Union at War*.
- ¹² О мече, посвященном Сталинграду, см.: PRO, FO 371/33035 и в последующей очереди все документы в FO 372/3531 f., содержащие переписку по поводу изготовления и показа меча на выставках.
- ¹³ По поводу причин спада агитации насчет открытия «второго фронта» озабоченности относительно намерений Советского Союза см.: *Bell Ph.M.H. John Bull and the Bear...* P. 83–87, 94 ff.
- ¹⁴ Дневник военной миссии (Military Mission, War Diary) в Москве, содержащий обширную переписку, находится в PRO, WO 178/26 f., очень содержательный и ценный источник.
- ¹⁵ Макфарлан — начальнику службы военной разведки (Director of Military Intelligence), 27.03.42. — PRO, WO 178/26. См. также: FO 371/32955, имеется масса донесений о том, как трудно было получать у русских информацию.
- ¹⁶ Файрбрейс — Браймелу, 12.10.45. — PRO, FO 371/47911, 14195/441/38.
- ¹⁷ King's College, London, Liddell Hart Archive, Alanbrooke Papers, 3/A/6, Notes on my Life, запись от 13.08.42. Та часть цитаты, где упоминаются перехваченные немецкие радиogramмы, отсутствует в выдержке, приведенной в кн.: *Bryant A. The Turn of the Tide, 1939–1943*. London, 1955, 461 f. В качестве одного из примеров того, как военную миссию призвали к терпению, может служить подготовленный Дью и Стэнгом проект письма Кольтера заместителю начальника штаба королевских восточных воздушных сил 1.02.42. — PRO, FO 371/32897, № 708/23/38.

- ¹⁸ Макфарлан — начальнику службы военной разведки, 13.02.42; Эксхем — начальнику службы военной разведки, 26.06.42; оба документа в PRO, WO 178/26. По поводу замечаний о слабом боевом духе см.: *Ibid.*, War Diary, 10.08.42. Об упомянутой секретной директиве см.: BBC Written Archives, Caversham Park, 830/16, Background Notes, 7.09.42.
- ¹⁹ Дневник военной миссии, 7.09 и 15.09.42; Майлс — начальнику службы военной разведки, 16.09.42; Эксхем — начальнику службы военной разведки, 23.09.42; оба документа в PRO, WO 178/26.
- ²⁰ Дневник военной миссии, 22.11 и 31.12.42. — PRO, WO 178/26.
- ²¹ Дневник военной миссии, беседы с Дубрининым, 20.01.43, 2.02 и 24.02.43. — PRO, WO 178/27.
- ²² Дневник военной миссии, беседа с Дубрининым 24.11.42; Эксхем — военному министерству, 12.03.43. — PRO, WO 178/26927; Кларк Керр — Идену, 4.12.44, там же содержится ретроспективный взгляд на 1943 год. — PRO, FO 371/43449, № 7946/7946/38.
- ²³ Еженедельные обзоры Комитета начальников штабов (Chiefs of Staff — COS) для военного кабинета от 10, 17 и 24 сентября, 8 октября, 12 и 26 ноября 1942 года, 28 января, 4 и 11 февраля 1943 года. — см. PRO, CAB 66/28–34, WP /42/ и WP /43/. Донесение Пики с относящимися к нему замечаниями — FO 371/32915, № 5532/30/30.
- ²⁴ Доклад Комитета начальников штабов от 22.02.43 с аналитической справкой Объединенного комитета разведывательных служб (Joint Intelligence Committee) от 15.02.43. — PRO, CAB 66/34, WP /43/76.
- ²⁵ Брук — Уэйвеллу, 15.07.42. Цит. по: *Bryant A. Op. cit.* P. 487; Alanbrooke Papers (см. прим. 17), 5/6A, Notes on my Life, запись от 1.01.43.
- ²⁶ Alanbrooke Papers — *Ibid.*, 3/A/6, Notes on my Life, запись от 4.08.42.
- ²⁷ *Howard M. Grand Strategy*. Bd. 4 (August 1942 — September 1943). London, 1972. P. 53 f.
- ²⁸ *Ibid.*, P. 55. Брук — Окинлеку, 17.07.42; Окинлек — Бруку, 25.07.42 и 14.08.42. — Alanbrooke Papers, 6/D4 (f).
- ²⁹ *Churchill W.S. The Second World War*. 6 Bde. London, 1950–1955. Bd. 4: *The Hinge of Fate*. London, 1951. P. 514.
- ³⁰ Об операции «Вельвет» см.: *Howard M. Op. cit.* Bd. 4. P. 36–40; *Churchill W.S. Op. cit.* Bd. 4. P. 506 ff., 514–519; Кларк Керр — Идену, 23.05.43, в которой содержится здесь ретроспективе событий 1942 года раздел 24 посвящен операции «Вельвет» — PRO, FO 371/37032/ № 3670/38.
- ³¹ Об операциях в Мурманск и об операции «Юпитер» см.: *Howard M. Op. cit.* Bd. 4. P. 43; Alanbrooke Papers. 5/6A, Notes on my Life, записи от 16, 17, 23 и 25.09.43.
- ³² *Howard M. Op. cit.* Bd. 4. P. 210.
- ³³ *Ibid.* P. 211–216; Alanbrooke Papers, 5/6 A, Notes on my Life, запись от 10.7.42.
- ³⁴ О Бруке в Касабланке см.: *Howard M. Op. cit.* Bd. 4. P. 252–255; *Fraser D. Alanbrooke*. London, 1983. P. 311, 320–323.
- ³⁵ Иден — Кларку Керру, 4.02.43, в кн.: *The Foreign Office and the Kremlin: British Documents on Anglo-Soviet Relations, 1941–1945*, ed. by G. Ross. Cambridge, 1984. P. 121.

VI. ВОЗДЕЙСТВИЕ СТАЛИНГРАДСКОЙ БИТВЫ НА НЕЙТРАЛЬНЫЕ СТРАНЫ

Клаус-Рихард Б

СТАЛИНГРАД И ШВЕЦИЯ

1

Нападение Германии на Советский Союз в июне 1941 вызвало в Швеции двойные чувства. С одной стороны, оно положило конец считавшемуся в Швеции, во-первых, немалым и, во-вторых, столь опасным для Северной Европы сотрудничеством этих двух тоталитарных великих держав. С другой стороны, теперь усилилось и немецкое давление на Швецию. Стокгольм не поддавался нажиму немцев, нацеленному на присоединение страны к «крестовому походу против большевизма», и даже подчеркнул это отмежевание, взяв на себя дипломатического защитника интересов Советского Союза в Германии. Но в связи с немецким нападением на СССР пришлось, как это уже было год назад, после оккупации Дании и Норвегии, вновь пойти на значительные уступки, которые трудно согласовывались с провозглашенным Швецией нейтралитетом. Немецкое давление было особенно ощутимо, поскольку оно поддерживалось теперь Финляндией, которую Швеция безуспешно пыталась отговорить от выступления против Советского Союза заодно с Германией¹.

Правда, отношение шведского общественного мнения к нападению Германии на СССР в ряде моментов не очень отличалось от финского. Помимо немногих и не имевших большого политического веса местных национал-социалистов, желавших бы участия страны в войне на стороне Германии. Т

многочисленный командующий вооруженными силами генерал Улоф Бергман считал, что Германия быстро выиграет войну и в Европе установится новый порядок, на который Швеция сможет оказывать какое-то влияние лишь в том случае, если она до той поры примет активное участие в войне с Советским Союзом². Этот взгляд разделялся, вероятно, и многими другими представителями офицерского корпуса. Одним из офицеров, придерживавшихся того же мнения, был, в частности, шведский военный атташе в Берлине капитан 3-го ранга Андерс Форсман, который, в противоположность Тёрнеллю, признавался в записках своего дневника, что он симпатизирует национал-социализму и восхищается Гитлером³. Столь далеко его мысли в своем большинстве, конечно же, не заходили, но и они были убеждены в том, что Германия быстро выиграет войну, и приветствовали бы ожидаемое поражение Советского Союза и коммунизма. Такой взгляд и такая надежда были свойственны не только военным — можно скорее сказать, что они содействовали умонастроению, не только широко распространенному в буржуазных кругах, но и наблюдавшемуся среди социал-демократов. Так, даже либеральные и обычно симпатизировавшие Англии и критиковавшие нацистскую Германию газеты считали, что уж коли приходится выбирать из двух зол меньшее, то следует поддерживать Германию против большевизма. С этим отчасти связывалась и надежда, что победа над Советским Союзом обойдется Германии такой дорогой ценой, что она будет уже не способна к дальнейшей экспансии, а в самом оптимальном случае национал-социалисты будут вынуждены даже уйти со сцены⁴.

Поэтому и в риксдаге, и в правительстве, сформированном социал-демократами в коалиции с тремя буржуазными партиями — консерваторами, Крестьянской партией и либералами, в связи с советским нападением на Финляндию в декабре 1939 года имели место очень различные мнения по поводу того, как далеко следует идти в отношении уступок немецким требованиям. Только благодаря большому тактическому мастерству премьер-министра Пера Альбина Ханссона удавалось уберечь коалицию от распада⁵.

В Берлине пытались, разумеется, использовать традиционную немецкую боязнь русских и страх большинства шведов перед коммунизмом. Но это удавалось ему только в каких-то пределах. Так, Швеция, в отличие от Испании, не пошла на отправку формирований добровольцев, которые бы воевали на сторо-

не немцев в России⁶. Отказалась Швеция в ноябре 1941 года от присоединения к Антикоминтерновскому пакту. Мало кто из шведов выразил к вящему недовольству внешнеполитического ведомства в шведских газетах всех политических направлений критиковали Данию и особенно Финляндию за то, что те примкнули к этому пакту⁷.

2

Правда, к ноябрю 1941 года правительство и военное командование Швеции знали из самого надежного источника, что немецкое наступление идет отнюдь не столь гладко, как это представляла гёббельсовская пропаганда. Дело в том, что летом 1940 года Швеции пришлось дать согласие на использование ее телефонной сети для поддержания связи между линиями и дислоцированными в Норвегии немецкими штабными соединениями. И эта уступка сослужила Швеции хорошую службу, поскольку дала ей возможность прослушивать некоторые переговоры. Довольно скоро шведам удалось подобрать ключ к немецкому коду и благодаря этому записывать, в частности, и сводки о положении на Восточном фронте. Конечно, сведения об упорном советском сопротивлении и крупных немецких потерях сообщались в Швеции лишь очень ограниченному кругу лиц, чтобы не раскрыть утечку информации. Но уже летом 1942 года, по подсказке одного финского офицера, Берлин догадался о возможности подслушивания разговоров шведами и перестал использовать шведскую телефонную сеть для передачи секретных сообщений⁸.

Политическое и военное руководство Швеции очень быстро поняло, что вермахт получил зимой 1941/42 года куда более тяжелый удар, нежели это пришлось признать Германии. Но когда же Берлин объявил затем войну и Вашингтону, ведущие шведские политики пришли к убеждению, хотя и не говоря об этом открыто, что в перспективе Германию ожидает поражение. Но главнокомандующий Тёрнелль и многие офицеры, напротив, верили немецким заверениям, что в 1942 году Советский Союз будет окончательно разгромлен. С другой стороны, раздавались отдельные голоса в прессе, и без того подавляющем большинстве настроенной против нацистской Германии, с надеждой на близкий крах немцев. Особенно жалели они — не в последнюю очередь под влиянием неслыханной оккупационной политики в Норвегии — критические

суждения как в адрес Германии, так и по адресу шведского правительства, которое упрекалось в том, что слишком легко поддаётся немецким требованиям⁹.

А для шведского правительства проблема Германии представлялась более сложной, нежели для прессы. Ввиду стремления Швеции на Европейском континенте и стремления удержать Швецию от вступления в войну оно шло на уступки Германии, которые трудно было соединить с провозглашенным нейтралитетом, равно как и оправдать в глазах большинства шведского населения. Конечно, у правительства было желание более жестко ответить на немецкие требования и взять назад обещанные уступки. К тому же правительство Швеции предвидело, что рано или поздно потребует антигитлеровская коалиция, но оно все еще было вынуждено считаться со значительной мощью Германии, которая в случае с тем обстоятельством, что Берлин, как раз оказавшись вынужденным перейти к обороне, будет особенно заинтересован в том, чтобы иметь в своих руках Норвегию, удерживать на своей стороне Финляндию, и в результате может усилить свой нажим на Швецию. И хотя пока нельзя было предугадать, как долго еще сможет продолжать войну Германия, но, думается, среди министров — чьи мнения о том, в каких пределах следует идти навстречу Германии или, соответственно, союзникам, весьма и весьма разнились — не считал, что крушение Германии произойдет вот-вот. При такой неопределенности и неопределенности в кабинете было вполне естественно, что там не прекращались дискуссии и гаданиям об исходе войны и послевоенных временах, а пытались разрешать возникавшие во время войны вопросы напрямую с воюющими сторонами¹⁰.

Несмотря на все же в министерстве иностранных дел Швеции уже весной 1942 года задавались мыслями о том, какое положение сложится в Центральной Европе, если Советский Союз одержит победу над Германией. Инициатором выступил заместитель начальника политического отдела Рагнар Кумлин, подготовивший 12 марта 1942 года с одобрения министра иностранных дел и партийного профессионального дипломата Христиана Гюнкера и его статс-секретаря Эрика Бохемана меморандум, с которым, очевидно, были затем ознакомлены ведущие чиновники министерства и руководители наиболее важных представительств Швеции за рубежом.

В преамбуле меморандума Кумлин отмечал, что возможность для наступательных действий англосаксов в Европе окажется в значительной мере под угрозой, если Германии удастся

своим предстоящим летним наступлением вывести Советский Союз в военном отношении из игры, но явно считал такой исход в высшей степени невероятным. Более того, он полагал, что Советский Союз разобьет Германию. Кумлин особенно подчеркивал, что до сих пор как немцы, так и нейтралы все время недооценивали военную мощь Советского Союза. Вообще, считал он, нет сколько-нибудь надежных оценок русского военного потенциала и нынешней советской боеспособности. Возможно, что немцы смогут в 1942 году нанести контрудар и добиться каких-либо успехов, что и в 1941 году. Но почему, собственно говоря, имеется в виду только немецкое наступление, а не принимается в расчет, что и Советские войска, удерживавшие за собой инициативу всю эту зиму, могут перейти в контрнаступление? Кроме того, как бы ни были велики победы немцев в отдельных сражениях, они ничего не дадут им, пока не будет уничтожена советская военная мощь. Вот в это-то Кумлин совершенно откровенно верил. Далее его рассуждения сводились к тому, что Германия не станет заключать сепаратного мира ни с Советским Союзом, ни с западными державами. Недвусмысленно высказался Кумлин и против того мнения, что, дескать, Германия и Советский Союз в этой борьбе измотают друг друга, а затем зафиксируют наступившее в итоге равновесие в мирном договоре. Более вероятным представляется, считал автор меморандума, что немецкая боевая мощь в течение двух-трех лет будет все в большей степени угасать и в результате Советский Союз станет главным победителем в Германии. Кумлин убежденно возражал всем тем, кто полагал, что наступит такая же ситуация, как в 1918 году, т.е. Германия будет разбита, но сохранится как независимое государство. Сталин не пойдет на риск, чтобы Германия вновь стала когда-нибудь плацдармом для нападения на Советский Союз, а западные державы ни в военном, ни в политическом плане не смогут воспрепятствовать советскому господству в Германии. Тем самым в результате победы Германии гегемония в Центральной Европе перейдет к Советскому Союзу¹¹.

Не представляется возможным установить, сколько человек прочитали и как они комментировали этот меморандум, равно как и то, на основании чего Кумлин пришел к такой оценке военной ситуации. Можно, однако, предполагать, что в шведском представительстве в Берлине с меморандумом были знакомы посланник Арвид Рихерт и военный атташе полковник Курт Юхлин-Даннфельдт. Вполне вероятно,

и Кумлина в своей военной части в значительной мере базируется на донесениях Юхлин-Даннфельдта. Во всяком случае, нетрудно заметить, что последний на рубеже 1941-1942 годов оценивал положение на германо-советском фронте и дальнейший ход войны примерно так же, как и Кумлин в марте 1942 года. Эту оценку он повторил — возможно, в ответ на меморандум Кумлина — в донесении от 2 апреля 1942 года, в котором подробно обрисовал положение Германии и, как и прежде, выразил свое скептическое отношение по поводу ее возможности победоносно завершить войну против Советского Союза.

Итак, Стокгольмская оценка Юхлин-Даннфельдта едва ли кого-либо удивила. На посту военного атташе он служил уже двадцать лет — сначала в прибалтийских государствах, а с 27 января 1933 года в Берлине, куда был переведен сразу же после производства в майоры. Благодаря умелому поведению и великолепному владению языками — в частности, он свободно говорил по-русски — Юхлин-Даннфельдт имел многочисленные и превосходные контакты и получал таким образом, несмотря на все более усиливавшийся контроль, ценную информацию, которую проверял и дополнял путем внимательного изучения немецких специальных газет и прослушивания зарубежного радио. Его доклады отличались надежностью сведений и взвешенностью.

В своих официальных донесениях военные атташе могли давать какие-либо политические оценки только с согласия посла. Рихерт очень скоро стал относиться к умозаключениям Юхлин-Даннфельдта с таким глубоким уважением, что не только принимал его политические оценки, но иной раз и пользовался ими. В то время, о котором идет здесь речь, Юхлин-Даннфельдт не только старейшим по службе, но и прежде всего наиболее опытным и наиболее надежным в своих прогнозах военным атташе Швеции. С самого начала милитаризации Германии он считал, что мировую войну она выиграть не сможет. Военное и политическое развитие обстановки начиная с осени 1941 года лишь утвердило его в этом убеждении. Но в то же время он предупреждал и от недооценки силы германского сопротивления, и от того, что можно рассчитывать на скорую победу союзников. Юхлин-Даннфельдт полагал, что война затянется еще на несколько лет¹³.

В конце мая 1942 года Юхлин-Даннфельдт смог сообщить, что немецкое наступление начнется в лучшем случае в июне. Еще спустя он уже знал, что вестись оно будет не по всему

фронту, а только на юге, в направлении Сталинграда. Юхлин-Даннфельт и военно-воздушный атташе полковник Эрдин докладывали затем, что немецкие офицеры, с которыми они беседовали, оценивают шансы вермахта в предстоящей кампании на Востоке снова весьма оптимистично. От видения шведов не укрылось, что аргументация немцев по отношению к нам сводилась к следующему: «Мы победим, потому что мы должны победить». Однако они не скрывали при этом, что в случае нового поражения война Германией будет проиграна.

И Форсхелль тоже сообщает в июне, что офицеры-морские по всей видимости, считают, что если в этом году не наступит перелома в пользу держав оси, то война будет проиграна. Но он же он верил в победу оси и видел подтверждение этому в первоначальных успехах немцев на Восточном фронте, но в первую очередь — в количестве кораблей, потопленных немцами и японскими подводными лодками. Он придерживался официального немецкого взгляда, что американцы и англичане не сумеют восполнить эти потери в тоннаже и поэтому в конечном итоге только не смогут высадиться в Европе, но и в конечном итоге проиграют войну. Ни Юхлин-Даннфельт, ни Рихерт с его взгляда не разделяли. И когда посланник не разрешил Форсхеллю сообщить его мнение в Стокгольм официальным путем, тот обратился в апреле 1942 года к одному из своих приятелей, капитану 2-го ранга Стигу Ханссону Эрикссону, служившему начальником морского оперативного отдела штаба ВМС Швеции, и пожаловался, что, дескать, Стокгольм получает одностороннюю информацию, так как Юхлин-Даннфельт в своих оценках не уделяет внимания аспектам военно-морской стратегии¹⁴. Поскольку это, вероятно, не возымело никакого действия, Форсхелль направил 10 августа 1942 года письмо непосредственно начальнику разведотдела, полковнику Карлу Карлосу Адлеркройцу. В июле потери немецких кораблей в тоннаже, писал он, составили почти один миллион брутто-регистрационных тонн. Не составляет труда понять, что такие потери строительством новых судов ни смягчить, ни тем более восполнить просто невозможно. В этом письме Форсхелль, судя по всему, старался также преуменьшить эффективность бомбардировок Германии авиацией союзников, ибо он неоднократно подчеркивал, что количество потопленных кораблей не может быть приравнено к боевым вылетам 66 000 бомбардировщиков. Однако и это послание осталось без результата.

10 сентября Форсхелль был произведен в капитаны 2-го ранга и в установленном порядке сменил на посту военно-морского атташе капитаном 3-го ранга Маурицем Эстбергом.

Об усилении и все более разрушительных воздушных ударах на Германию докладывали в своих донесениях Юхлин-Даннфельт и в первую очередь Эрдин. Они также сообщали, что люфтваффе удавалось более или менее оказывать поддержку немецкому наступлению в России только за счет сил, призываемых с других участков фронта. В противоположность Форсхеллю Эрдин почти не высказывался — а если и высказывался, то только в самых общих чертах — по поводу возможного изменения военной ситуации, а в остальном, по всей видимости, многом соглашался с прогнозами Юхлин-Даннфельта. А тот и так хотел обмануть себя широко рекламировавшимися начальными успехами немцев. Он скоро понял, что русские умело — так же как в 1941 году, — уходят от всех попыток немцев захватить их в котел и оказывают более упорное сопротивление, чем от этого ожидали. Не ускользнул от его внимания и тот факт, что немцы вскоре после начала наступления перестали говорить о том, что война с Советским Союзом будет победоносной в этой военной зиме. Когда же в конце 1942 года Гитлер приказал отделу генштаба по делам атташата подготовить для военачальников атташе официальные сводки об обстановке, Юхлин-Даннфельт расценил это как еще одно доказательство того, что немецкое наступление идет совсем не так, как ожидалось. Его мнение не изменилось и после того, как он принял участие в организованной с 22 июля по 6 августа для военных и военно-морских атташе поездке по областям, захваченным немцами в 1942 году, когда его и Форсхелля свозили даже в Крым, но не на полуостров. Хотя военная обстановка на Восточном фронте, давал Юхлин-Даннфельт, в настоящий момент является для немцев благоприятной, все решится только под Сталинградом. Сомнительным также представляется, смогут ли немцы вернуть из захваченных областей ожидаемую экономическую выгоду, без которой, по их же данным, невозможно победное окончание войны против западных держав. Промышленное производство в новых оккупированных областях пока что еле-еле восстанавливается. Правда, от сельского хозяйства, напротив, можно ожидать даже избытков продукции. Но жесткая и хищническая оккупационная политика может обернуться среди городского населения к сотрудничеству населения антинемецким настроени-

ем. И, наконец, столь необходимые для продолжения нем войну нефтепромыслы вообще до сих пор не захвачены.

В своей оценке Юхлин-Даннфельт утвердился в результате беседы 29 августа с начальником отдела по делам атташе полковником генштаба фон Меллентином. Тот хотя и заявил, что в соответствии с правилами официального языка, что «победа над Германией в военном плане невозможно», но в то же время заявил, что наступление идет ценой больших потерь и что «русское сопротивление пока еще отнюдь не сломлено». На вопрос Юхлин-Даннфельта, может ли Советский Союз бросить в бой свои резервы, собеседник признал, что немецкая сторона не знает о военном потенциале своего противника.

11 сентября Юхлин-Даннфельту стало известно, что немцы рассчитывали взять Сталинград еще 15–20 августа. Две недели спустя в его донесении говорится, что, на взгляд немецких командиров, положение под Сталинградом «неудовлетворительно» и что советские войска предпринимает там отчаянные попытки отстоять город. 5 октября он пишет, что, судя по всему, операция по освобождению Сталинграда развивается совсем не так, как это планировалось немцами. Уже можно сказать, что наступление своей цели не достигло. Захват Сталинграда и прорыв на Кавказ не удалось. Но главное — немцы не добились решающего для исхода войны разгрома советских вооруженных сил.

Чтобы составить представление о боеспособности советских войск, Юхлин-Даннфельт беседовал с бывшим шведским военным атташе в Москве, майором генерального штаба Энгельсом Флудстрёмом, когда тот после его плановой замены в конце сентября 1942 года возвращался через Берлин в Швецию. Правда, возможности Флудстрёма в смысле получения информации о вооружении Красной Армии были весьма ограничены, и еще более сократились после эвакуации шведского посольства осенью 1941 года в Куйбышев. Русские считали, что в той информации, которую военные атташе получают в соответствии с официальными коммюнике, им вполне достаточно. Личные контакты с советскими гражданами были, разумеется, запрещены, так что Флудстрёму приходилось полагаться на официальные данные, высказывания других атташе да на собственные наблюдательные данные. Но он мог утверждать, что советское сопротивление отнюдь не сломлено. Ведется боевая подготовка частей. Имеются большие запасы нефти. Кроме того, по-прежнему продолжается добыча нефти в Баку, потому что немские не думают, что немцы смогут туда прорваться, и поэ-

не собираются выводить нефтяные скважины из строя. Производство танков составляет уже 3000 машин в месяц, правда, в узких местах в оснащении их вооружением. Снабжение населения хлебом удовлетворительное, с мясом дело обстоит хуже. Юхлин-Даннфельт подчеркнул, что, с другой стороны, он не может утверждать, что у немцев людские резервы уже исчерпаны. То же мнение он повторил несколько дней спустя и, имея в виду ситуацию в Германии с призывным контингентом, резюмировал, что в любом случае сформировать в ближайшие месяцы новые полностью укомплектованные полевые дивизии немцы не смогут. В середине октября он сообщает, что едва ли кто-нибудь из его немецких собеседников, включая и многих национал-социалистов, рассчитывает на победу Германии над Советским Союзом, скорее уж ожидают заключения сепаратного мира.

4 ноября 1942 года Юхлин-Даннфельт свел эти данные в донесение на имя министра обороны, присовокупив к ним и свой прогноз дальнейшего развития военной обстановки в России из-за недостатка горючего и огромной протяженности коммуникаций немцы могут столкнуться с немалыми трудностями. Будет возрастать превосходство Советов в количественном отношении, что и решит в долгосрочном плане все дело. Но пока немцы компенсируют численное превосходство своего противника лучшим качеством своих войск и оперативного руководства ими. Так что военная мощь Германии пока еще не сломлена, и не следует также ожидать, что обстановка на германо-русском фронте изменится в предстоящую зиму решающим образом.

Исходя из такого прогноза, Юхлин-Даннфельт решил несколько дней спустя взять, наконец, полагавшийся ему трехнедельный отпуск, который он не раз уже откладывал, и выехать в Швецию. Когда русские начали 19 ноября свое контрнаступление, он находился в Стокгольме. Его сотрудник в Берлине, ротмистр д-р Ханс фон Шверин, пытался в его отсутствие что-то узнать о ситуации на немецком Восточном фронте. 26 ноября майор Сильвиус фон Альбедилл из отдела по делам атташата сказал ему: «Мы потерпели крушение». И добавил, что русские и английские данные о пленных и трофеях сильно завышены. Все решится в течение ближайшей недели: если немцы не выиграют эту битву, то Сталинград будет для них потерян.

Прошло еще несколько недель, прежде чем шведским военным атташе в Берлине стали ясны масштабы немецкой катастрофы под Сталинградом. Несомненно, это было связано только с трудностями по получению достаточной и надежной информации, но и с тем, что они сами были потрясены советской боевой мощью. Когда Юхлин-Даннфельт в конце января 1943 года осознал, насколько серьезна ситуация для немцев под Сталинградом, то помог ему не в последнюю очередь тот факт, что немецкие офицеры теперь говорили о противнике куда большим уважением, нежели прежде. А это в свою очередь было связано с тем — об этом Юхлин-Даннфельт сообщил 27 января, — что Гёббельс перестроил свою пропаганду. Начиная с 20 января изменился тон сводок с Восточного фронта, опубликованных немецкой прессой. Они становятся более открытыми, содержат жестокие и внушающие страх выражения, что дозволено было подчеркнуть всю тяжесть этой «судьбоносной антикоммунистической борьбы». И, естественно, принижение пропаганды и выдача желаемого за действительное тут уж никак не подходило.

3 февраля 1943 года Юхлин-Даннфельт подготовил подробную оценку обстановки. Он был убежден, что эту зиму Германия продержится, ибо сил у нее оставалось еще немало. Но уверенность, что в 1943 году немцы снова смогут перейти в наступление, уже не было, так как они будут не в состоянии возместить понесенные потери ни в количественном, ни в качественном отношении. Их людские резервы во многом уже исчерпаны, русские далеко превосходят их — в первую очередь в танках, а у немцев не хватает горючего. Несомненно, они стараются добиваться от своих союзников более весомого вклада, но на это едва ли можно рассчитывать, скорее следует ожидать разочарованные сателлиты отвернутся от Германии. Наконец, среди населения Германии никаких признаков деморализации не наблюдается — более того, думается, что пока Гёббельсовская пропаганда имела успех и укрепила волю немцев к сопротивлению¹⁶.

Официальная немецкая позиция оставалась прежней: война будет выиграна. Чтобы отвлечь внимание от Восточного фронта, а также продемонстрировать, что любая попытка сдачи союзников во Франции обречена на провал, отдел пропаганды атташата организовал с 4 по 10 февраля 1943 года для

военных атташе в Берлине поездку с целью осмотра Атлантического вала. Тамашние оборонительные сооружения представлялись за непреодолимые. Кроме того, немцы твердо полагаются на то, что их подводная война настолько успешна, что англосаксы не будут в силах возместить понесенные потери в тоннаже и поэтому смогут выиграть войну. Юхлин-Даннфельт все это, разумеется, не убедил. Во время осмотра Атлантического вала он будто бы даже прямо сказал фон Меллентину — так, во всяком случае, пишет он в неопубликованных мемуарах, — что верит в победу немцев. И Меллентин «разумно» воспринял это.

Военно-морской атташе Эстберг в своем донесении от 15 января 1943 года также считал надежды немцев на подводную войну иллюзорными. Германскому военно-морскому флоту не было бы ежемесячно отправлять на дно не менее полутора миллионов торгового тоннажа только для того, чтобы компенсировать прибавку, которую англосаксы получали за счет строительства новых судов. Рассчитывать же на такие успехи немецких подводных лодок, указывал он, нереально.

В Стокгольме были в первую очередь заинтересованы в том, чтобы в своих оценках по двум аспектам: 1. Как долго будет еще продолжаться война? 2. Как велика опасность того, что Германия нападет на Швецию? 16 марта 1943 года Юхлин-Даннфельт пишет, что прежде чем Германия потерпит крах, пройдет, вероятно, не менее двух-трех лет. Еще в 1942 году Юхлин-Даннфельт считал нападение немцев на Швецию маловероятным. Эта его оценка зрения не изменилась и после Сталинграда. Правда, тут был еще один фактор неопределенности. Немцы, полагал он, будут стараться как можно дольше удерживать «крепость Европу» и поэтому постараются укреплять свои позиции. Что и было продемонстрировано их вступлением на неоккупированную территорию Франции в ноябре 1942 года. Само собой разумеется, Германия сделает все, чтобы оставаться в Норвегии и держать под контролем Финляндию. Так что полностью исключить военную угрозу против Швеции нельзя. В этой связи Юхлин-Даннфельт указывает также на то, что, как он дипломатично выражается, «неприятные стороны нового порядка в Европе будут вынуждены отчетливее» по мере того, как Германия будет все в большей степени вынуждена уходить в оборону. Не оставляет сомнения, что тут он имел в виду немецкую оккупационную политику, уничтожение евреев и меры против инакомыслящих.

От внимания Юхлин-Даннфельта не ускользнуло, что немецкие газеты стали теперь делать больший акцент на боеиспользовании войск СС. Так, в сводках вермахта появилась формулировка «соединения вермахта и войск СС». Все более ощутимым становился контроль со стороны гестапо, что означало исключение возможности получения им информации. В то же время прохладнее стали и контакты с отделом по делам атташе, где 1 марта 1943 года Меллентина сменил полковник Шухардт, который, еще будучи кандидатом в офицеры, принял участие в попытке национал-социалистического путча в 1923 году и был награжден кавалером учрежденного в честь этого события «Ордена крови». Таким образом, Шухардт по праву слыл ярким противником Гитлера. Он сознательно снабжал Юхлин-Даннфельта лишь минимумом информации, поскольку немецкая сторона относилась теперь к Швеции уже не как к нейтральной стране, а как к государству, все более отчетливо дрейфовавшему к лагерю союзников по антигитлеровской коалиции. В конце февраля Юхлин-Даннфельт сообщил начальнику зарубежного дела Штаба обороны, полковнику генштаба Густаву Берггрёну, что один немецкий офицер предупредил его, что посылаемые им донесения становятся известны гестапо. Поэтому Юхлин-Даннфельт проявляет теперь в сообщениях еще большую осторожность, чем прежде. Тогда шведам не удалось выяснить, каким образом эти донесения стали известны немцам. И только после войны выяснилось, что утечка шла через одну из секретарш посольства, которой было разрешено выйти замуж за немца¹⁸.

Если даже такой многоопытный и в обычных обстоятельствах уверенный в своих прогнозах офицер, как Юхлин-Даннфельт, был поражен мощью советского наступления и масштабом немецкой катастрофы, то едва ли можно удивляться тем, что многие шведские военные реагировали на это с еще большим изумлением, а в иных случаях — и с недоверием. Бывший адъютант Главнокомандующего, майор Бёрье Фуртенбах, живший в это время в должности командира батальона шведско-норвежской границы, вот так грубо, но зримо перед глазами дневниковой записью от 30 января 1943 года это изумление выразил в своем настроении: «Русские продолжают наступление неослабевающей силой. Откуда, скажите ради Бога, у них неисчерпаемые ресурсы? Или голь вообще неистребимы? Пришел ли немецкой армии капут или же речь тут идет о добровольном отступлении? Лично я склоняюсь ко второму

варианту: германоненавистники в нашей прессе и маловеры в моем кругу или же просто дураки, либо покачивают головами — у кого какой характер»¹⁹.

Это изумление объясняется тем, что, как уже говорилось выше, большинство военных не только ожидало немецкой победы, но и желало ее, причем это желание, по меньшей мере в большинстве случаев, влияло и на их оценку боеспособности советских войск. Хотя Россия испокон веков считалась потенциальным противником и эта опасность, на взгляд военных, еще более возросла после образования коммунистического Советского Союза. Даже до самого конца 1943 года штабы никогда не предпринимали попыток систематически анализировать военные ресурсы этой огромной великой державы²⁰. И когда Кумлин в своем разбитом меморандуме указывал, что не существует ни надежной оценки советского военного потенциала и ни сколько-нибудь пор боевая мощь Советов как немецкой стороной, так и нашими недооценивается, то это было слабо завуалированной критикой в адрес штаба обороны, поскольку под «нейтральным» автор меморандума, несомненно, подразумевал «шведского»²¹.

И то, что Главнокомандующий переоценивал немецкую боевую мощь и недооценивал советскую, отнюдь не укрепляло его позиции в глазах правительства. Министр иностранных дел Гюнтер, который и без того в большинстве случаев скептически относился к дававшимся Тёрнеллем оценкам обстановки и к базирующимся на них требованиям военных и отвергал их, еще более укрепился в этой своей позиции²¹. Когда же Тёрнелль в ноябре и декабре 1942 года, ссылаясь на угрозу высадки союзников в Норвегии, что якобы произойдет не позднее 1 марта 1943 года, и на ожидаемое в этой связи нападение Германии, требовал, чтобы была повышена боевая готовность, Гюнтер не только высказался против, но не смог переубедить полностью остальных членов правительства, которое и приняло 22 декабря решение об усилении — правда, частичном и временном — боевой готовности. В дискуссиях по этому поводу Гюнтер предлагал, что нельзя слишком полагаться на прогнозы военных. Не без определенного злорадства он сослался при этом на то, что даже наиболее опытные военные были совершенно не подготовлены к высадке союзников в Северной Африке²². И лишь благодаря вмешательству Тёрнелля, он умолчал об изумлении, в которое привел штаб обороны советское наступление под Сталинградом. Опасения шведов, что Германия, дабы облегчить себе защи-

ту Норвегии, оккупирует Швецию, было отнюдь не новым. Зависело это от верного предположения, что Гитлер всерьез даст высадку союзникам в Скандинавии. Министерство иностранных дел и Рихерт еще в августе 1942 года высказали мнение, что Германия, будучи вынужденной обороняться, может попытаться оккупировать Швецию, чтобы укрепить «крепости Европы». И тем не менее уже в 1942 году Швеция начинает осторожно менять свой внешнеполитический курс. Его отклоняются немецкие пожелания о транзите войск и снаряжения в Северную Финляндию и о запрете коммунистической партии. От Германии шведы требуют строгого выполнения принятых договоренностей. Это были шаги навстречу как требованиям союзников, так и общественному мнению Швеции.

Такое изменение позиции наглядно проявилось в отношении к вопросу о десяти норвежских грузовых судах, которые после нападения немцев на Советский Союз нашли себе убежище в Швеции. Как немецкое, так и английское правительства зафрахтовали эти суда у норвежского правительства в интересах войны, потребовали их выдачи и сделали это вопросом принципа, что едва ли соответствовало существу самого дела. Шведское правительство сначала наложило на эти суда эмбарго, а затем передало дело в суд для вынесения решения, кто же должен распоряжаться. Верховный суд решил отменить эмбарго, и все суда беспрепятственно отбыли в Англию. Правда, английской гавани достигли только два корабля — шесть были потеряны, а два вернулись назад в Гётеборг. Несмотря на неоднократные требования немцев, Швеция им их так и не выдала. Это тоже было шагом навстречу общественному мнению, которое все определеннее оборачивалось против Германии и стимулировало оккупированной Норвегии.

Перелом во внутренней политике наиболее отчетливо прослеживается по отношению к печати. С самого прихода к власти в Германии национал-социалисты не оставляли попыток заставить замолчать критически настроенные шведские издания. Как посольство в Берлине, так и правительство в Стокгольме, опасаясь, что чересчур критические статьи в газетах могут спровоцировать Германию к нападению на Швецию, требовали — особенно в 1939—1941 годах — контроля над печатью. Правда, правительство пыталось — и поначалу не без успеха — с помощью уговоров и специальных государственных учреждений склонить прессу к сдержанности по отношению к Германии. С 1940 года правительство получило в законном порядке

возможность накладывать арест на газеты и журналы, но пользоваться этим редко. И хотя в 1941 году Основной закон был изменен и давал теперь возможность введения прямой цензуры, однако ее так ни разу и не применили. Вместо этого правительство не раз прибегало к почти забытой статье закона о печати, разрешавшей конфискацию изданий, которые давали повод к тому, что «иностранное государство почувствовало себя оскорбленным». Это означало, что правительство выжидало, не обратится ли немецкий посланник с протестом против той или иной публикации. Гюнтер и представлявший Крестьянскую партию министр юстиции Карл Густаф Вестман, бывшие в первую очередь ответственными за эти вопросы, до начала 1942 года относительно часто использовали это право, не дожидаясь обращения и немецких представлений. Однако в Швеции стала усиливаться критика политики правительства в отношении Германии, в первую очередь по поводу роста конфискаций в связи с известными сообщениями об ужесточении немецкой оккупационной политики в Норвегии. После того как в марте 1942 года Вестман в очередной раз распорядился о конфискации 17 газет и такого рода сообщения, проводить такую политику стало в условиях триполитического плана уже невозможно. Хотя Вестман хотел бы придерживаться ее по-прежнему и тут его поддерживал, в частности, Тёрнелль, но Гюнтер, по всей видимости, считал, что делать этого больше нельзя. Правда, правительство все еще пыталось заставлять прессу проявлять сдержанность. И только после Сталинграда оно стало шаг за шагом отказываться от этой линии, что и привело в итоге в конце 1943 года к отклонению немецких требований со ссылкой на общественное мнение Швеции.

Интересно в этой связи, что Рихерт и Юхлин-Даннфельт, которые так настойчиво требовали в 1939—1940 годах контроля над печатью, уже в 1942 году или совсем не повторяли этого требования, или — в случае Рихерта — упомянули его только в начале следующего года. Напротив, Форсхелля по-прежнему беспокоило, что шведские публицисты могут спровоцировать Гитлера к нападению на Швецию. После Сталинграда изменился, став более осозанным, и тон шведской стороны при отклонении немецких предложений по поводу публикаций. Так, весной 1943 года Рихерт прямо заявил статс-секретарю министерства иностранных дел Юлиану Вайцзеккеру, что трудно требовать от шведской печати, которая она хранила молчание об оккупационной политике немцев в Норвегии — скажем, о закрытии университета в Осло и об

арестах студентов, профессоров, священников и евреев. Веккер принял это к сведению без комментариев. Наконец немецкая сторона поняла, что в этом вопросе ей ничего не добиться, и в конечном счете проявила готовность удовлетвориться малым, заявив, что она не ожидает, что шведская печать будет придерживаться немецкой позиции, но желала бы, чтобы публикации были нейтральными²³. Это, однако, отнюдь не включало того, что в немецкой прессе статьи в шведских газет подвергались самым яростным нападкам за проявлявшееся непонимание того, «какую ведут немцы борьбу по отражению коммунизма».

Правительство уступило общественному мнению в 1942 году и еще в одном вопросе. Уже давно главным образом либералы и социал-демократы (и, разумеется, коммунисты) упреждали военных и полицию в том, что те относятся к нацистской Германии слишком покладисто и податливо, если не сказать, сами они настроены пронацистски. В августе 1942 года правительство образовало парламентскую комиссию, которая должна была расследовать политические настроения в полиции, конечно, перед комиссией была поставлена задача, невыполнимая в принципе, так как при опросе полицейские, разумеется, отрицали какие-либо симпатии к национал-социализму, а выдвинутые против отдельных служащих обвинения были в большинстве неконкретными и бездоказательными. В своем итоговом докладе, представленном в мае 1943 года, комиссия тем не менее указала, что из примерно 430 привлеченных к расследованию полицейских около 90 оказались сочувствующими национал-социалистам. Какие следовало принять меры, комиссия не предложила, так что никаких последствий для этих людей ее расследование не имело. Оно, пожалуй, только внесло беспокойство в ряды полиции, но, с другой стороны, и не удовлетворило ее критиков²⁴.

Такого же расследования среди военных правительство, видимо, решило избежать, однако Главнокомандующий вооруженными силами в августе 1942 года задание подготовить списки офицеров и унтер-офицеров, которые могли бы оказаться не надежными в случае возникновения войны с союзниками в Германии²⁵.

В начале 1943 года правительство обсуждало также вопрос запрета для военнослужащих и полицейских членства в коммунистической или национал-социалистической партии. На практике этот запрет был бы направлен, естественно, то-

отив национал-социалистов. В первую очередь за принятие такого закона ратовали два члена кабинета от Социал-демократической партии — министр по социальным вопросам Густав Геллер и министр обороны Пер Эдвин Шельд. Но большинство министров поддержало своего премьер-министра, высказывавшегося против такого закона по принципиальным соображениям²⁶.

Отменило же правительство в 1942 году другую, подвергавшуюся все более резкой критике практику в вооруженных силах. После начала войны, а особенно после советского нападения на Финляндию в 1939 году, военные, используя всеобщую неприязнь к коммунистам, стали направлять новобранцев коммунистов — или тех, кого они считали таковыми, — в так называемые трудовые роты, изолируя их от других военнослужащих. Правда, военные утверждали, будто так же они поступают и с национал-социалистами. Но критикам этой практики, особенно необычайно сомнительной с точки зрения закона и так и не получившей внятного объяснения со стороны правительства, не составляло никакого труда доказать обратное. В 1942 году приказом министра обороны эти роты были распущены²⁷.

И некоторые последовавшие летом 1942 года кадровые изменения в руководстве вооруженных сил тоже были предприняты с оглядкой на союзников и шведское общественное мнение, не демонстрируя в то же время слишком откровенно немцам новую позицию Швеции. 3 августа 1942 года германский военный атташе генерал-лейтенант Бруно фон Утман сообщил в секретном донесении, которое было прочитано и шведами, что Генри Кельгрэн, начальник управления сухопутных войск в министерстве обороны, «не раз проявлявший себя сторонником немецких интересов», хотя и получил чин генерал-майора, но подчинен теперь начальнику военно-морского управления контр-адмиралу Марку Йирону — официально в силу того, что он старше по званию. Но это, считал Утман, решение политическое: «Если шансы Германии на победу повысятся, то сфера полномочий Кельгрэна расширится, если же повысятся шансы на победу англосаксов, то Кельгрэн исчезнет». Особенно негативно оценивалось фон Утманом назначение полковника Карла Августа Эренсверда заместителем начальника Штаба обороны. Он называет того «недостаточно внимательным к немцам» и «конъюнктурщиком» и считает особенно безрадостным тот факт, что и его кузен, генерал-лейтенант Арчибальд Дуглас, занял в Стокгольме высокий командный пост. Правда, фон Ут-

ман надеется, что Эренсверд не будет пытаться идти против волевого начальника Штаба обороны генерал-майора Акселя Бергера, равно как и против Главнокомандующего. Но в случае немецким интересам очень отвечало бы, чтобы Тёрнелль оставался на посту Главнокомандующего и после весны 1943 года²⁸.

Правда, если подходить к делу с точки зрения идеологии немцам было довольно трудно найти какие-то изъяны у Эренсверда. Дело в том, что тот еще в 1918-м, а затем и в 1939-1941 годах сражался в Финляндии с коммунистами. Однако в шведских военных он был в числе критиков Тёрнелля, считавших Главнокомандующего слишком осторожным по отношению к Германии. Вопреки ожиданиям Утмана Эренсверд в конце концов преуспел в распространении своего взгляда, что в случае немецкого нападения нужно и можно будет оказывать ему сопротивление. В декабре 1942 года был издан соответствующий приказ, в котором, в частности, говорилось, что любое утверждение, будто от борьбы следует отказаться, является неправильным. Весной 1943 года Эренсверд выпустил книгу, выдержанную в том же духе: «Коса на камень. Молниеносное нападение и молниеносная защита». Написать предисловие к своей книге он уговорил Тёрнелля²⁹. Эренсверд охотно пошел навстречу высказанному осенью 1942 года пожеланию министерства иностранных дел об одинаковом отношении со стороны штаба обороны ко всем иностранным военным атташе и об отмене существовавшего до тех пор предпочтительного отношения к представителям стран оси³⁰.

Однако Тёрнелль после 1 апреля 1943 года снят не был, а оставлен в должности еще на год, хотя в правительстве его замену на этом посту выступали в первую очередь министр финансов социал-демократ Эрнст Вигфорсс и министр по делам культуры лидер консерваторов Йёста Багге. Но за него вступился министр обороны, поскольку он не был согласен ни с одной кандидатурой его преемника, справедливо полагая, что никто из них не будет так последовательно придерживаться его (министра обороны) линии, как Тёрнелль. Кроме того, это давало возможность как-то маскировать смену курса Швецией в отношениях с немцами³¹.

В вопросах же, которые затрагивали немецкие интересы в большей степени и непосредственно, шведское правительство после Сталинграда проявляло поначалу осторожность. Со стороны — в первую очередь США — и общественное мнение

в Швеции все настойчивее требовали сокращения торговых отношений с Германией и Финляндией, а также денонсации соглашений о перевозках немецких отпускников и немецкого военного снаряжения в Норвегию. В итоге торговля с Германией и Финляндией прервалась — главным образом из-за того, что Швеция перестала выдавать кредиты. Но транзитные соглашения были денонсированы только в августе 1943 года, когда военное положение в Германии еще более ухудшилось³².

И все же наиболее важным внешнеполитическим вопросом для шведского правительства, и прежде всего для министра иностранных дел Гюнтера, стал вопрос о том, как оградить от опасности оказаться втянутой в немецкую катастрофу Финляндию. Гюнтер и его статс-секретарь Бохеман явно ожидали в первые недели после поражения немцев дальнейших быстрых успехов в военных советских успехах и опасались, что Советский Союз в ближайшее время захватит Центральную Европу. 9 февраля 1943 года Гюнтер поставил финский вопрос на обсуждение кабинета. Он впервые прямо заявил, что Германия войну проигрывает. По его мнению, необходимо было быстро действовать, чтобы помочь Финляндии заключить сепаратный мир. Но его инициативой стал в первую очередь премьер-министр Ханссон, осторожавшийся от недооценки немецкого военного потенциала. В итоге решением правительства стало — пока выждать. Когда стало выяснилось: Финляндия считает, что время для заключения сепаратного мира еще не пришло, и она потребовала от Швеции не проявлять инициативы в этом вопросе. Да и Советский Союз сначала не хотел и слышать о посредничестве Швеции. Напротив, он выдвинул теперь требование, чтобы Швеция прекратила все виды помощи Финляндии, равно как и торговлю с ней. Это требование было поддержано США и Великобританией, и Швеции стоило немало трудов сохранить свою позицию и не бросить Финляндию на произвол судьбы. Только в ноябре 1943 года, благодаря шведскому посредничеству, дело дошло до финляндско-советских контактов, увенчавшихся 19 ноября 1944 года договором о перемирии³³.

Естественно, что с самого начала войны Швеция была ареной для секретных служб воюющих держав, а также для всевозможных попыток установления контактов с противоположной стороной, в том числе и с целью переговоров о заключении сепаратного мира между Германией и Советским Союзом³⁴. Имелись, естественно, и контакты с самыми различными направлениями немецкого Сопротивления. Шведская полиция и

правительство были о них довольно хорошо информированы, тем более что некоторые из этих контактов шли через шведское посольство в Берлине. Одним из доверенных лиц Рихерта был, например, Фабиан фон Шлабрендорф. И Юхлин-Даннфельдт самое позднее с 1938 года, имел информацию об оппозиции Гитлеру и наверняка поддерживал какие-то связи с адмиралом Вильгельмом Канарисом. Показательным для Рихерта и Юхлин-Даннфельдта было то, что они никогда не верили, что оппозиция сможет справиться с Гитлером. В этом, а также и в том, что Германия не пойдет на заключение сепаратного мира с Советским Союзом, мнения Юхлин-Даннфельдта и Рихерта полностью совпадали. Правда, Юхлин-Даннфельдт зимой 1939 года одно время надеялся, что вермахт сможет хотя бы как-то ограничить власть Гитлера. Но скоро он пришел к убеждению, что только чувствительные поражения смогут привести — это вообще возможно — в Германии к попытке переворота, причем с весьма неопределенными шансами на успех. Даже после Сталинграда Рихерт и Юхлин-Даннфельдт не видели шансов для такого рода попытки, поскольку большинство немцев все еще поддерживало национал-социалистический режим. Кроме того, ввиду ужесточившегося контроля со стороны германцев попытаться организовать путч стало намного труднее. Шведское правительство придерживалось той же точки зрения и потому отрицательно относилось к попыткам немецких оппозиционеров вступить через него в контакт с западными державами³⁵.

Подводя итоги, можно констатировать: Швеция отказалась в 1941 году от участия в войне с Советским Союзом на стороне Германии. Ее правительство и военное командование уже вскоре после начала этой кампании знали, что идет она не столь успешно, как это преподносилось немецкой пропагандой. Но в то время как военные верили заверениям немцев, что Россия будет окончательно побеждена в 1942 году, министерство иностранных дел сомневалось в этом и размышляло над тем, как будет с Центральной Европой после советской победы. Исходя из такого предположения, а также подвергаясь нарастающему политическому и экономическому давлению западных держав, равно как и все более резкой критике со стороны общественного мнения внутри страны, шведское правительство уже в 1942 году, несмотря на значительные поначалу успехи немецкого наступления в России, начало осторожно отмежевываться от Германии.

Масштабы немецкой катастрофы под Сталинградом и мощь советского наступления изумили всех — как военных, большинство которых было уверено в поражении Советского Союза, так и тех, кто считал, что в дальней перспективе Советский Союз войну выиграет. Теперь в министерстве иностранных дел начали полагать, что Советский Союз уже в скором времени захватит всю Центральную Европу. Однако затем, основываясь на оценках ситуации посольством в Берлине, пришли к убеждению, что война продлится еще два-три года. Ни посольство в Берлине, ни министерство иностранных дел не верили в заключение немцами сепаратного мира с Москвой, равно как и в осуществление государственного переворота с целью свержения Гитлера. Понимается, после Сталинграда сохранялся и ускорялся начавшийся уже в 1942 году курс на отдаление от Германии и сближение с западными державами. Но, учитывая тогда все еще весьма внушительную военную мощь Германии, в Швеции считали, что действовать слишком быстро и слишком грубо нельзя. Так, транспортные соглашения с Германией о военном транзите в Норвегию были денонсированы только летом 1943 года. Еще с повышенной осторожностью подходили шведы к финскому вопросу. Главной заботой шведской внешней политики и после Сталинграда оставалось спасти страну от угрозы быть втянутой в войну.

ПРИМЕЧАНИЯ

³⁵ См.: *Carlgrén W.M.* Svensk utrikespolitik 1939-1945. Stockholm, 1973. S. 220 ff.; *Johansson A.W.* Per Albin och kriget. Stockholm, 1984. S. 236 ff.; *erövrade Transiteringar, eskorteringar och det svenska territorialvattnet*. См. в: *Normmaktstryck och smstatspolitik*, hrsg. von S. Ekman. Stockholm, 1986. S. 119 ff.

³⁶ См.: *Carlgrén W.M.* Svensk utrikespolitik 1939-1945. S. 270 ff.; *Johansson A.W.* Per Albin och kriget. S. 248 ff.

³⁷ *Bohme K.-R.* Underrättelser från Berlin. — См. в: *Urladdning*, hrsg. von B. Hugemark. Stockholm, 1990. S. 168 ff. Все сведения о шведских офицерах, кроме специально оговоренных случаев, даются по: *Svenska försvarsvetenskapens rulla 1941-1943*.

³⁸ См.: *Nyblom T.* Mostånd — anpassning — uppslutning. Stockholm, 1978. S. 129 ff. Даже такой откровенный противник нацистской Германии, как капитан 2-го ранга Густав Эмиль Больдт-Христинг, имевший из-за этой позиции определенные трудности в среде офицеров военно-морского флота, исходил в опубликованной в 1941 году книге «*Rysslands dilemma*» (S. 23 f.) из того, что Германия победит Советский Союз, но затем будет разгромлена морскими державами — Великобританией и США.

³⁹ *Johansson A.W.* Per Albin och kriget. S. 236 ff.

- ⁶ См.: *Carlgren W.M.* Svensk utrikespolitik. S. 314 ff.
- ⁷ См.: *Böhme K.-R.* Svensk polis och Gestapo. — См. в: I orkanens öga, hrsg. B. Hugemark. Stockholm, 1992. S. 66 f.
- ⁸ См.: *Carlgren W.M.* Svensk underrättelsetjänst 1939–1945. Stockholm, 1977. S. 66 ff.; 81 ff.
- ⁹ См.: Ibid. S. 114, а также его же: Die Einschätzung der Lage Deutschlands der zweiten Kriegshälfte aus schwedischer Sicht. — in: Die Zukunft des Reiches. Gegner, Verbündete und Neutrale (1943–1945), hrsg. von M. Messerschmidt und E. Guth. Bonn, 1990. S. 177–193, здесь S. 178.
- ¹⁰ См.: *Carlgren W.M.* Svensk utrikespolitik. S. 327 ff.; *Johansson A.W.* Per Albin och kriget. S. 291 ff.
- ¹¹ Текст меморандума см.: *Kumlin R.* Småstatsdiplomati i storkräftskrig. — в: Historisk Tidskrift. Stockholm, 1977. S. 440 ff. Cp.: *Carlgren W.M.* Die Einschätzung... (см. прим. 9). S. 177 f.
- ¹² Атташе, представлявшие виды вооруженных сил, направляли официальные донесения министру обороны и начальнику разведотдела (с 1941 года — зарубежного отдела). Эти донесения шли через посланника. В мае 1942 года было принято информировать начальника разведотдела (затем зарубежного отдела) так называемыми конфиденциальными посланиями. Относящиеся к нашей теме послания находятся в Шведском военном архиве в Стокгольме (KrA) — Första stabsens hemliga arkiv. Underrättelseavdelningen, с 1943 года — Utrikesarkivet, Serie E I:18 и E II:18. В последующих ссылках на донесения военных атташе имеются в виду, если нет иных оговорок, именно серии. См.: *Carlgren W.M.* Svensk underrättelsetjänst. S. 100 ff.
- ¹³ См.: *Böhme K.-R.* Tysklands expansion börjar. — См. в: Stormvarning, hrsg. B. Hugemark. Stockholm, 1989. S. 44 ff.; *Böhme K.-R.* Underrättelser från Berlin (см. прим. 3). S. 172 ff.
- ¹⁴ См.: Stig H:son Ericsons arkiv, Bd. 16. А. Форсхелль — С.Х. Эрикссон, 29.04.42, Anders Forshells arkiv, Bd. 6: дневник 1942 года; оба архива в KrA.
- ¹⁵ Об условиях, в которых работали шведские военные атташе в Советском Союзе, см.: *Tengbom A.* Militärrattachérapporteringen från Moskva 1941–1945 (неопубликованная курсовая работа за 1990 год слушателя Высшей военной школы в Стокгольме — HSK 2A 89–91); *Carlgren W.M.* Svensk underrättelsetjänst. S. 162 f.
- ¹⁶ У Юхлин-Даннфельта были хорошие контакты с военными атташе стран-союзниц Германии в Берлине. Кроме того, Стокгольм получал информацию от своих военных атташе в Хельсинки, Риме, Будапеште, Бухаресте и Софии и от военно-морских атташе в Хельсинки и Риме. См.: *Carlgren W.M.* Svensk utrikespolitik. S. 388 ff.; его же. Svensk underrättelsetjänst. S. 12 f.
- ¹⁷ Curt Juhlin-Dannfelts arkiv, Bd. 2: Utkast till memoarer, S. 274 — KrA.
- ¹⁸ См.: *Carlgren W.M.* Svensk underrättelsetjänst. S. 194 ff.
- ¹⁹ Bredskapsverket, Bd. 4, Bärgе Furtenbachs dagbok, KrA.
- ²⁰ Axel Bredbergs arkiv, Bd. 45: Befolkningsuppgifter Sovjetunionen och Danmark, 30.12.43. — Ibid.
- ²¹ *Carlgren W.M.* Svensk utrikespolitik. S. 587 f. В неопубликованных меморандумах Юхлин-Даннфельт утверждает, что Тёрнелль даже в Рождественские

- 1943 года никак не хотел верить в поражение немцев. См.: KrA, Curt Juhlin-Dannfelts arkiv, Bd. 2: Utkast till memoarer. S. 301 f.
- ²² Gösta Bagges Samling, Bd. 3: Minnesanteckningar 1941–1942. — См. в: Riksarkivet (RA). Cp.: *Carlgren W.M.* Svensk utrikespolitik. S. 365 ff.
- ²³ См.: Olof Thörnells arkiv, Bd. 21: Anteckningar från beredskapstiden, 14.10.1942 — KrA; *Carlgren W.M.* Svensk utrikespolitik. S. 319 ff.; *Johansson A.W.* Per Albin och kriget. S. 100 ff.; 191 ff.; 291 ff.; *Böhme K.-R.* Underrättelser från Berlin. S. 178.
- ²⁴ См.: *Böhme K.-R.* Svensk polis. S. 68.
- ²⁵ Olof Thörnells arkiv, Bd. 18: Dagbok, 31.08.42; т. 21: Anteckningar från beredskapstiden, 31.08.42 — KrA.
- ²⁶ Gösta Bagges Samling, Bd. 4: Minnesanteckningar 1943–1944, 13.04.43 — KrA.
- ²⁷ См.: *Böhme K.-R.* Svensk polis. S. 57.
- ²⁸ Listerupsamlingen. General C.A. Ehrensward, Bd. 4: параллельная запись секретного документа 66/42 — RA; *Ehrensward C.A.* I rikets tjänst. Stockholm, 1965. S. 191 ff. Cp.: *Ehrensward C.A.* Dagbokanteckningar 1938–1957, hrsg. von E. Norberg. Stockholm, 1991. S. 163 ff.
- ²⁹ См.: *Carlgren W.M.* Svensk utrikespolitik. S. 370 ff.; *Johansson A.W.* Per Albin och kriget. S. 302 ff.; *Ehrensward C.A.* I rikets tjänst. S. 33 ff.; 125 ff.; его же. Dagbokanteckningar. S. 149 ff.; 170 ff.
- ³⁰ См.: *Carlgren W.M.* Svensk underrättelsetjänst. S. 100.
- ³¹ Gösta Bagges Samling, Bd. 4: Minnesanteckningar 1943–1944, 18.02.43 — KrA, а также: Olof Thörnells arkiv, Bd. 18: Dagbok, 17.02.43; Bd. 21: Anteckningar från beredskapstiden, 17.02.43 — KrA.
- ³² См.: *Carlgren W.M.* Svensk utrikespolitik. S. 358 ff.; его же. Die Einschätzung... (см. прим. 9). S. 181.
- ³³ См.: *Carlgren W.M.* Svensk utrikespolitik. S. 460 ff.; его же. Die Einschätzung... S. 179 f., 185, а также статью Б. Вегнера в этом сборнике.
- ³⁴ Об этом см.: *Fleischhauer I.* Die Chance des Sonderfriedens. Deutsch-sowjetische Geheimgespräche 1941–1945. Berlin, 1986.
- ³⁵ *Carlgren W.M.* Svensk utrikespolitik. S. 358, 419; *Böhme K.-R.* Tysklands expansion (см. прим. 13). S. 51; его же. Underrättelser från Berlin (см. прим. 3). S. 177 f.; *Carlgren W.M.* Die Einschätzung... S. 179, 182 f.

Клаус Шёнхорст

ТУРЦИЯ НА ФОНЕ СТАЛИНГРАДСКОЙ БИТВЫ ОТ «АКТИВНОГО НЕЙТРАЛИТЕТА» К ВСТУПЛЕНИЮ В ВОЙНУ

Военные события, связанные со Сталинградом, не только оказали глубокое воздействие на государства, участвовавшие в них, но и сказались на нейтральной Турции. Как и Швеция она уже в силу своего геостратегического положения находилась в непосредственном «поле напряженности» второй мировой войны. Но чтобы привести в систему образ действий Турции в их тесной связи с событиями вокруг Сталинграда, Балкана и Северной Африки, необходимо хотя бы кратко рассказать о турецкой внешней политике в предшествовавший ей период¹.

«НЕУЧАСТИЕ» И «АКТИВНЫЙ НЕЙТРАЛИТЕТ»

После того как в конце 1941 года военный конфликт перешел в мировую войну и вермахт захватил обширные территории европейской части СССР, Турция стала тверже придерживаться своего нейтралитета. Учитывая военную ситуацию, Турция, с одной стороны, приветствовала немецкие успехи, поскольку надеялась, что они приведут к устранению фактической угрозы со стороны именованного «Советский Союз», но, с другой стороны, опасалась, что в случае немецкой победы Турецкая республика окажется полностью под политическим и военным давлением со стороны рейха. Надо ожидать, что эти опасения подогре-

вали англо-советское соглашение в июле 1941 года, равно как и сентябрьский визит в Москву английского министра иностранных дел Идена. Правда, Иден, чтобы успокоить Анкару, заявил в январе 1942 года, что ни Великобритания, ни СССР не покушаются на территориальную целостность Турции, но в турецкой столице полной уверенности в этом не было².

Успехи, которых державы оси добились в 1942 году в России и Северной Африке, усилили опасения Турции, что в ближайшем будущем страна может целиком оказаться в сфере их влияния. Поэтому государственное руководство в Анкаре предпринимает посреднические усилия с целью достижения сепаратного мира между Великобританией и Германией, чтобы отстранить от себя угрозу оказаться втянутой в войну³. Хотя это государство в Малой Азии и надеялось, что и германский Рейх, и Советский Союз выйдут из военного конфликта ослабленными и, значит, перестанут быть фактором, угрожающим турецкой безопасности, Анкара до конца 1942 года находилась почти под безраздельным немецким влиянием. Третий рейх, будучи в зените своей мощи, оказывал сильнейшее влияние на Турцию, добиваясь ее вступления в войну на стороне держав оси. Но поскольку занятая войной Германия не могла вынудить Турцию к этому шагу какими-то иными средствами, ей приходилось ограничиваться дипломатией. И все же, несмотря на давление и скрытые угрозы, Берлину так и не удалось заставить Анкару отказаться от политики нейтралитета⁴.

В такой ситуации турецкое государственное руководство и провозгласило летом 1942 года линию «активного нейтралитета». Под этой политикой, как она была сформулирована министром иностранных дел Менеменджиоглу, следовало понимать, что Турция не ограничивается простым соблюдением нейтралитета и пассивным выжиданием того, как будут развиваться внешние события. Менеменджиоглу полагал, что в этой стране следует вмешиваться в события и за ее пределами, если такое вмешательство служит ее интересам. Курс «активного нейтралитета» активное участие в войне отвергал в принципе⁵. «Активный нейтралитет — это заигрывание с обеими лагерями. Он позволяет сохранять союз с одной из воюющих сторон и в то же время иметь договор о дружбе с другой стороной»⁶, — так критически отзывался об этом британский МИД.

Доброжелательная позиция по отношению к Берлину, кото-

рой придерживалась в 1942 году Анкара, породила у германского руководства надежду на то, что Турция со временем присоединится к державам оси⁷. И тут проявилось полное непонимание третьим рейхом политического поведения Анкары, которое было всего-навсего приспособленчеством в зависимости от сложившейся ситуации в Европе и Северной Африке. Поскольку германское руководство Турции считало — по меньшей мере до второй половины 1942 года — позиции союзников по антигитлеровской коалиции относительно слабыми, оно и тянулось больше к державам оси. Своим поведением Турция стремилась воспрепятствовать тому, чтобы оказаться в послевоенное время жертвой гегемонистской политики Германии, ибо новый политический и экономический порядок в его национал-социалистическом понимании, как опасались в Анкаре, низведет Турцию только гегемонистские амбиции Германии, а и поражения в Сталинграде и в Северной Африке заставили Анкару постоянно сменить акценты своей внешней политики. И хотя она постоянно уверяла Берлин в своем дружеском к нему отношении, уже нельзя было не заметить ее медленного отхода от стран оси. Одновременно наблюдается и возрастание политического нажима на нее со стороны Великобритании, требовавшей от Турции выполнения ею своих договорных обязательств. В конце 1942 года Лондон уже не проявляет больше готовности поставлять Турции оружие в обмен всего лишь на обещание «вести войну»⁸.

Турецко-советские отношения в 1942 году характеризуются стопроцентным взаимным недоверием. Если Анкара боялась, что СССР в случае победы установит свою гегемонию в Восточной и Юго-Восточной Европе, а также свой контроль над проливами¹⁰, то Москва исходила из того, что в случае военного успеха Германии Турция заявит о своих притязаниях на советские территории с тюркоязычным населением. Но тем не менее турецкий нейтралитет был выгоден и Советскому Союзу, поскольку эта страна была щитом, защищавшим от немецкого удара коммуникации в Иране, по которым шло снабжение СССР союзниками¹¹.

В 1942 году почти полностью изолированной Турции удалось, умело играя на интересах обеих участвовавших в войне сторон, благополучно для себя пережить период неоспоримого превосходства держав оси и сохранить свою территориальную целостность.

ТУРАНИЗМ, ГЕРМАНИЯ И ВОСТОЧНАЯ КАМПАНИЯ

Туранизм¹², имевший своей целью политическое и культурное объединение всех тюркоязычных народов, возник в 1900-х годах прошлого столетия в России. Базируясь на тюркофильном — частью расистском — национализме, он обращался в первую очередь к тюркоязычному населению России¹³. Своим апогея движение туранизма достигло в годы первой мировой войны. Ататюрк, придя в 1923 году к власти, подавил движение, не без оснований полагая, что пантюркизм может негативно сказаться на его политике дружественных отношений с СССР.

Нападение Германии на Советский Союз вновь оживило туранистское движение, ставшее опасным вызовом турецкой политике неучастия в войне. В свою очередь германский пропагандист, начиная с середины 1941 года оказывает пантюркизму поддержку средствами своей пропаганды. Во-первых, этим преследовалась цель пробудить в Турции готовность к участию в войне на стороне держав оси. Во-вторых, сепаратистские устремления советских тюркоязычных народов должны были ослабить СССР изнутри и способствовать тем самым осуществлению германских военных целей. Апологеты туранизма рассчитывали, что с немецкой помощью у них появится шанс на создание собственных государств или хотя бы автономных территорий. Правительство в Анкаре придерживалось по всему этому кругу проблем двойственной позиции. Неофициально оно идентифицировало себя с пантюркистскими целями, предоставлявшими ему возможность расширить сферу своего политического и культурного влияния и, может быть, даже и расширить территорию страны. Но на официальном уровне оно избегало каких-либо действий, которые могли бы дискредитировать Турцию в глазах СССР. За этим стояло опасение, что СССР может разорвать с ней дипломатические отношения и, несмотря на двусторонний пакт о ненападении 1925 года¹⁴, объявить Турецкой республике войну. Но если поведение правительства было тут подчеркнута поддержанным, то армия явно симпатизировала туранистскому движению, что, в частности, находило свое выражение в позиции маршала Февзи Чакмака, бывшего убежденным пантюркистом¹⁵.

Впрочем, и немецкая политика по отношению к пантюркизму не была однозначной. В то время как министерство

иностранных дел поддерживало туранистское движение и выступало за самоуправление населенных тюркоязычными народами территорий в СССР, министерство по делам оккупированных восточных территорий придерживалось последовательной национал-социалистической политики, которая рассматривала как колонизацию большей части захваченной территории, так и ее экономическую эксплуатацию немцами¹⁶.

Во второй половине 1941 года Берлин предпринимает попытку заставить турецкое правительство однозначно определиться в вопросе туранизма. Но Анкара вопреки немецким стараниям лишь официально заявила, что она не имеет территориальных притязаний, но заинтересована в судьбе миллионов тюркоязычных граждан СССР. Неофициально она поддерживала и стимулировала контакты тюркских лидеров с германским правительством, дабы в случае немецкой победы воспользоваться всеми вытекающими отсюда возможностями.

Со своей стороны и Берлин не ослаблял усилий, направленных на поддержание у туранистов надежд на то, что с немецкой помощью они смогут добиться своих политических целей, стараясь тем самым привлечь значительное число тюркоязычных солдат на сторону германского вермахта¹⁷. Однако оккупационная политика немцев в Крыму, где живущие крымские татары надеялись на установление автономного управления¹⁸, привела к утрате иллюзий в рядах туранистского движения.

Таким образом, турецкое правительство уклонялось от официального выражения своей точки зрения в вопросе туранизма вплоть до полного прояснения военной ситуации в Советском Союзе в конце 1942 года. Этой выжидательной позицией способствовало и понимание того, что немецкая сторона использует пантюркизм исключительно в своих собственных интересах. Острые нападки советской прессы на туранистское движение после освобождения Сталинграда обернулись в Турции запретом этого движения и преследованием его сторонников. По мере дальнейших советских успехов на Восточном фронте в 1943 и 1944 годах туранизм стал все больше утрачивать в Турции свое влияние¹⁹. После разрыва отношений с Германией в августе 1944 года правительство обрушилось на него с массовыми репрессиями²⁰.

ТУРЕЦКИЙ ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ШТАБ И ХОД ГЕРМАНСКИХ ОПЕРАЦИЙ НА ВОСТОЧНОМ ФРОНТЕ

В то время как турецкое правительство, проводя политику финансирования, избегало отдавать официально предпочтение одной из воюющих сторон, симпатии турецкого армейского командования носили явно прогерманский характер. Германфильская позиция турецкого Генерального штаба сформировалась еще во времена братства по оружию в первой мировой войне. И поражение под Сталинградом не внесло в этом плане никаких перемен. Даже в 1943 году у турецкой армии не было никакого желания «пустить пулю в немца»²¹. Однако несмотря на свою прогерманскую позицию турецкий Генеральный штаб чрезвычайно резко критиковал ведение немецких операций в России. Так, в связи с событиями в Сталинграде и на Кавказском фронте заместитель начальника Генерального штаба генерал-полковник Ассим Гюндюз упрекал вермахт в ошибках при проведении операций: «Германский Генеральный штаб действовал вопреки общепринятым правилам классической стратегии, поскольку ему не удалось создание ударных группировок на жизненно важных участках театра военных действий»²².

Командование турецких вооруженных сил еще в декабре 1942 года пришло к убеждению, что Сталинград уже не представляет собой стратегической цели и совершенно напрасно к нему прикованы в течение столь продолжительного времени громадные значительные силы, которые с куда большей пользой можно было бы задействовать на Кавказе, дабы остановить немецкое наступление на этом участке фронта²³. Такая критическая оценка родилась не из чистого альтруизма — она свидетельствовала и о прямой заинтересованности военного руководства в Анкаре. Как генштаб, так и офицерский корпус в своем большинстве симпатизировали туранизму и надеялись на то, что вермахт сумеет захватить и оккупировать весь Кавказ и даст тем самым тамошнему тюркоязычному населению шанс на создание собственных государств или хотя бы автономных территорий — под турецким протекторатом²⁴.

После военных поражений Германии в России Командование вооруженных сил в Анкаре начиная с конца 1942 года путем обращений как к германскому послу, так и к военному аташе неоднократно пытается доказать, что вермахт должен

сосредоточить все свои усилия исключительно на войну СССР²⁵. Маршал Чакмак считал, что Германии в ее боевых действиях против западных союзников следует ограничиться «тем, что безусловно необходимо для обороны, и бросить все силы на Восток, чтобы покончить там с Россией»²⁶. Развитие событий на Восточном фронте вовсе не устраивало турецкий Генштаб, поскольку он — как и правительство в Анкаре — лелеял надежду на военное поражение Советского Союза. Генштаб полагал, что немецкая армия — это единственное, что может «оградить Турцию от русского давления»²⁷. Хотя после Сталинграда военная ситуация постепенно видела турецкий Генштаб обратить свои взоры в сторону западных союзников, он по-прежнему, до самой отставки маршала Чакмака в январе 1944 года, проявлял свою симпатию к третьему рейху.

КРИТИЧЕСКИЙ 1943 ГОД

Для Турции, находившейся в зоне интересов обеих воюющих сторон, 1943 год стал в плане ее внешнеполитической ситуации поистине критическим. Одерживавшая победы антигитлеровская коалиция не оставляет теперь своих усилий побудить Анкару отказаться от ее тесных связей с германским рейхом и вступить в войну как британский союзник. В очередь и страны оси используют все дипломатические средства, чтобы удержать Турцию в рамках «активного нейтралитета». И хотя Анкара и в 1943 году продолжает придерживаться статуса «неучастия», на ее внешней политике сказывается изменение военной ситуации. С одной стороны, ей приходится, чтобы не оказаться окончательно изолированной, считаться с обретением союзниками своей былой мощи, а с другой — включать в свои политические расчеты также и заботы, связанные со странами оси, так как Германия и ее союзница Италия по-прежнему остаются для Анкары фактором угрозы. Их военного потенциала было достаточно, чтобы напасть на Турцию и рассчитывать хотя бы на временный успех. Вместе с этим усиливается и нажим со стороны союзников, уже неоднократно выдвигавших требование о вступлении Турции в войну. Такой была расстановка сил, когда Берлин, безуспешно пытавшийся в 1941 и 1942 годах заполучить Турцию в союзники, стал теперь требовать сохранения ею курса нейтралитета²⁸.

И хотя Турция с недоверием относилась к гегемонистским стремлениям как держав оси, так и Советского Союза и усматривала в перевесе политического влияния какой-либо из этих сил угрозу интересам собственной безопасности, тем не менее все же в политическом плане больше симпатизировала Германии. Притязания СССР на установление контроля над Балканами, равно как и его геополитические интересы в отношении Балканского полуострова, были для целостности Турции страны значительно большей угрозой, нежели те цели, которые преследовались в этом регионе немцами. До начала советского контрнаступления в районе Сталинграда 19 ноября 1942 года Турция была убеждена, что СССР уже не в состоянии добиться военного перелома. И хотя Анкара, проводя политику балансирования, не проявляла до того открытой симпатии к какой-либо из воюющих сторон, наступление Красной Армии было воспринято там как опасность. Неудачно сообщением о начале русского наступления с двух направлений под Сталинградом... стал чрезвычайно нервничать²⁹. Он был весьма обеспокоен тем, что, как выяснилось, Советский Союз и после непрерывных поражений в течение последних 17 месяцев оказался все же в состоянии проводить весьма успешные операции³⁰. Окружение Сталинграда, отступление вермахта с Кавказа, окончившаяся ничем попытка деблокирования 6-й армии и гибель последней в Сталинграде³¹ продемонстрировали Анкаре, что апогей немецкого превосходительства уже позади. Дальнейшие советские успехи свидетельствовали о том, что вырисовывается реальная возможность наступления Красной Армии в направлении Балкан. Оказалось, что воздействие на политические размышления в Анкаре и наступление стран оси в Северной Африке.

В такой ситуации Турция вновь обращается к своим внешнеполитическим целеустановкам довоенного периода, заключившимся в создании в Юго-Восточной Европе системы коллективной безопасности³². Уже в начале января 1943 года, когда в Сталинграде еще шли бои, но поражение немцев представлялось уже неизбежным, Менеменджиоглу вновь выдвигает идею объединения всех балканских государств в единую организацию с целью воспрепятствования захвату Балканского полуострова Советским Союзом и установлению им там своей гегемонии³³. Поскольку Анкара уже весьма пессимистически оценивает наступательную силу немцев³⁴, она начинает фор-

сировать свои дипломатические усилия на Балканах. Проводятся переговоры с Венгрией, Румынией и Болгарией, имеющие целью прояснить их отношение к заключению соглашения, «направленного против большевизма»³⁵. Военный план на Восточном фронте демонстрирует Анкаре, что восприятие Советский Союз может стать фактором, угрожающим безопасности Турции. Растет и сомнение в том, что державы сохраняют способность исключить советскую угрозу³⁶. По этой причине Турция зондирует готовность балканских стран и Италии пойти на создание конфедерации, которая бы в случае дальнейших военных поражений держав оси в Восточной Европе дала возможность иметь инструментарий для противодействия русским экспансионистским устремлениям в Юго-Восточной Европе³⁷. План Менеменджиоглу предусматривает «создание блока между Италией, Юго-Восточной Европой и Турцией». Преследуемая этой идеей цель состоит в том, чтобы государства искали путь взаимопонимания с Англией, а затем находились в боевой готовности для отражения русской интервенции на Балканах»³⁸.

Турция видит главную цель своего проекта в том, чтобы созданная ею Балканская конфедерация была независимой от всех великих держав³⁹.

Надо сказать, что турецкая идея конфедерации шла вразрез с немецкими интересами в Юго-Восточной Европе. Согласно национал-социалистическим представлениям, этот регион принадлежал к Великому германскому пространству и должен был служить для Германии дополнительной экономической базой⁴⁰. Поэтому берлинское правительство пытается оказывать давление на Анкару, добиваясь отказа от этого проекта, представлявшего Берлину всего лишь дипломатическим маневром⁴¹.

Что же касается конкретизации своих планов, то и в Анкаре ведет себя чрезвычайно двойственно. В то время как послы Турции в Софии, Бухаресте, Будапеште и Риме высказывают упомянутый проект с представителями претворяют эту идею в жизнь, Менеменджиоглу уверяет германского посла, что никаких таких поручений он послал своей стране не давал и речь идет всего лишь об идеях, которые он с ними обсуждал⁴².

Весной 1943 года Турция вновь откладывает свой проект. На такое решение повлияла, по всей видимости, в

первую очередь стабилизация немцами военной обстановки на данном участке своего Восточного фронта, что в какой-то степени успокоило Турцию и возродило ее веру в то, что вермахт способен оказать сопротивление Красной Армии. Кроме того, негативная реакция со стороны Болгарии, Румынии, Венгрии и Италии показала, что эти государства не намерены разорвать свои договоры о союзе с германским рейхом ради какой-то балканской конфедерации. Сыграли свою решающую роль и немецкий нажим, а также отрицательный опыт с Балканским договором 1934 года, ибо именно Турция явилась тем государством, которое не выполнило в 1940–1941 годах свои договорные обязательства⁴³. Надо полагать, что порожденное этим фактом недоверие балканских государств и стало в конечном счете главной причиной того, что идея балканской конфедерации оказалась обреченной, едва успев родиться.

Реагируя на поражения Германии в Сталинграде и Северной Африке, Турция начинает постепенно корректировать свою внешнюю политику и все больше обращает взоры к западным союзникам, не идя пока тем не менее на полный разрыв отношений с третьим рейхом. Успешное вторжение союзников в ноябре 1942 года в Северную Африку побуждает в свою очередь Черчилля к реанимации его плана — напомнить Турции о взятых ею на себя в 1939 году союзнических обязательствах и принудить ее к активному участию в войне. На конференции в Касабланке (14–24 января 1943 года) Черчилль получает американскую поддержку в этом вопросе. Оба западных лидера договариваются, что связанные с Турцией проблемы касаются в первую очередь компетенции Соединенного Королевства. Руководствуясь этим, Черчилль и ставит своей целью добиться от Анкары отказа от политики «неучастия» и вступления ее в войну не позднее весны 1943 года⁴⁴.

Сразу же после англо-американских переговоров в Касабланке Черчилль встречается в Адане с высшим турецким руководством (30–31 января 1943 года). Но эта проходившая на фоне уже обозначившихся поражений немцев в России и Тунисе встреча не оправдывает британских ожиданий. Английскому премьеру вновь приходится убедиться в том, что Анкара не намерена идти на коренное изменение своей внешней политики. Хотя президент Инёню и премьер-министр Сараджоглу из политических соображений отвергли британские требования, лишь косвенно, их политические, военные и экономические аргументы представляли собой явную попытку уклониться от то-

го, чего хотел от них Черчилль. Конечно, дислоцированные подальше от Стамбула болгарские и немецкие соединения могли не угрожать государственным интересам Турции, тем не менее Анкара не решилась пойти на риск и открыто встать на сторону союзников. В частности, она опасалась того, что в случае ослабления Германии Советский Союз распространит свое присутствие на Балканы и станет тем самым угрожать ее целостности⁴⁵.

Из переговоров в Адане Черчилль делает вывод, что изменение политической позиции Анкары мешают в первую очередь ее опасения по поводу амбиций Советского Союза. Поэтому британский премьер начинает воздействовать на Сталина с целью добиться нормализации советско-турецких отношений. Однако выясняется, что после победы под Сталинградом Москва еще меньше, чем когда-либо, стремится к взаимопониманию с Анкарой. Их двусторонние отношения отравляются глубоким недоверием советских политиков к этому государству, которое они упрекают в договорных связях со всеми воюющими другими европейскими странами⁴⁶.

Результатом встречи в Анкаре явилось фактически принятие турецкой позиции, поскольку ни Лондон, ни Вашингтон скорее всего не хотели усиления напряженности — не видя шансов заставить Анкару пересмотреть свою внешнюю политику. И хотя турецкая позиция ими не одобряется, они продолжают поставлять Турции оружие и боеприпасы, надеясь, что все же изменит со временем свою политику. И во время проводящихся англо-американских конференций в Вашингтоне (25 мая 1943 года), Алжире (конец мая 1943 года) и Квебеке (19–24 августа 1943 года) турецкая проблема тоже стоит на повестке дня. Участники обычно сходятся на том, что нужно продолжать поставлять Турции оружие, но не следует настаивать на ее скорейшем вступлении в войну. Такое решение целило отвечало турецкому внешнеполитическому курсу и совпадало в то же время с расчетами немцев. После Сталинграда и Тульских и арьергардных сражений 1943 года на Восточном фронте Италия Берлин заинтересован в том, чтобы Турция как можно дольше сохраняла свой нейтральный статус. Ее участие в полном конфликте означало бы открытие четвертого фронта и еще более обострило бы ситуацию с людскими и материальными ресурсами Германии. Поэтому Берлин предпринимает все усилия, дабы удержать Анкару в рамках ее прежнего внешнеполитического курса⁴⁷.

Стремясь уклониться от выполнения требований западных союзников относительно активного участия в войне и в то же время выйти из состояния политической обороны, Турция в начале 1943 года вновь выступает с предварительно согласованным с Германией предложением, направленным на то, чтобы англо-американские союзники вступили в переговоры с целью заключения ими сепаратного мира с третьим рейхом. Решившись на такой дипломатический ход, Анкара надеялась, с одной стороны, что СССР, будучи максимально ослаблен войной, станет теперь для безопасности Турции минимальным фактором риска, а с другой — что ослабнут и господствующие позиции Германии в Европе. Тем самым обе эти агрессивные европейские державы будут взаимно парализованы. Но такого рода дипломатические планы Анкары потерпели крах, поскольку в Лондоне, и в Вашингтоне неукоснительно придерживались соблюдения принятого в Касабланке решения, требовавшего безоговорочной капитуляции Германии⁴⁸.

До конца лета 1943 года Москва не принимает участия в дискуссии относительно турецкого участия в войне, отдав этот вопрос на откуп Великобритании. И лишь в канун конференции министров иностранных дел, которая должна была состояться в Москве в октябре 1943 года, Советский Союз развертывает в печати кампанию резких нападок на проводимую Анкарой политику нейтралитета. Так, на страницах московского журнала «Война и рабочий класс» можно было прочитать, что турецкая политика нейтралитета имела преимущества в свое время, сейчас же, когда немцы терпят поражение за поражением, она на руку только Гитлеру⁴⁹. Тем самым Кремлем был подготовлен демарш Молотова, который в первый же день Московской конференции (19–31 октября 1943 года) неожиданно выдвигает предложение потребовать от Анкары незамедлительного вступления в войну. Обе западные державы отклонили советскую инициативу в ее первоначальной форме, а затем по вопросу об участии Турции в войне Иденом и Молотовым был найден компромисс⁵⁰.

После Московской конференции Иден провел в Каире переговоры с Менаменджиоглу (5–7 ноября 1943 года), на которых турецкое правительство дало свое принципиальное согласие принять участие в войне. Но при этом Анкара поставила эту готовность в зависимость от ряда условий. В частности, Турция потребовала от западных союзников, чтобы они гарантировали ее защиту на случай немецкой интервенции и, кроме того,

предложили свой план военного сотрудничества на Балканах⁵¹.

Во время Тегеранской конференции (с 28 ноября по 1 декабря 1943 года) Сталин, Рузвельт и Черчилль обсуждали вопрос о Турции в качестве составной части общей стратегии союзников. При этом внутри антигитлеровской коалиции проявились разительные различия в подходах. Поскольку Москва стремилась не допустить участия Турции в стратегии на Балканах, Вашингтон сконцентрировался исключительно на планировании вторжения в Западную Европу, то Лондон оказался в промежуточной позиции. Советская позиция отчетливо показала, что Москва, опираясь на успешное развитие военных событий, преследует на Балканах свои собственные интересы и вступление Турции в войну ей только помешает. Но, несмотря на свое дипломатическое поражение в Тегеране, Черчилль продолжал придерживаться своих прежних позиций⁵².

О результатах Тегеранской конференции Черчилль и Рузвельт сообщили Турции во время переговоров в Каире (4–7 декабря 1943 года). Британский премьер в ультимативной форме потребовал от Инёню, чтобы его страна была открыта для помощи союзников и вступила в войну не позднее 15 февраля 1944 года. Турецкий президент, стремясь избежать разрыва двусторонних отношений, был вынужден пойти на частичное выполнение выдвинутых условий. И хотя Инёню не намеревался отходить от курса «активного нейтралитета», ему пришлось в политических интересах своей страны согласиться с этими требованиями, поскольку при той расстановке сил Турецкая Республика зависела от поддержки ее Великобританией. Поэтому Инёню заявил о принципиальной готовности к вступлению в войну, однако отклонил требование о размещении на турецкой территории самолетов союзников со ссылкой на то, что это могло бы спровоцировать немецкую интервенцию. Вследствие отсутствия у американцев какого-либо интереса к этому вопросу Инёню удалось провести свою политическую линию относительно легко⁵³.

ОТНОШЕНИЯ ТУРЦИИ С СОЮЗНИКАМИ В НАЧАЛЕ 1944 ГОДА

Хотя настойчивое стремление Анкары придерживаться своей политики нейтралитета вызывало немалую напряженность в ее отношениях с союзниками уже в 1943 году, куль-

минавшей стал 1944 год. Турция идет на любые уловки, стараясь отсрочить или повлиять на названный Черчиллем срок ее вступления в войну, чтобы не повредить в то же время своему союзу с Соединенным Королевством. И все же она отнюдь не выказывает готовности идти навстречу британским пожеланиям. Пространством для маневрирования Анкара обладала тут только потому, что у союзников не было единой стратегии по турецкому вопросу. В то время как для Лондона участие Турции в войне имело огромное значение, Вашингтон, да и Москва явно не спешили форсировать это событие. Решающую роль играли здесь различия в интересах каждого из союзников. СССР и Британия рассчитывали, что они сумеют в ходе войны расширить сферы своего влияния на Балканах. Для Москвы открывался шанс осуществить свои намерения собственными силами, в то время как Лондону для достижения его цели нужна была военная помощь Анкары. Жизненно-политическое мышление Вашингтона в отношении Европейского театра военных действий сосредоточилось в начале 1944 года исключительно на Франции. Такая, с точки зрения Турции, весьма положительная конstellация давала ей в первую очередь то преимущество, что ей удавалось пока уклоняться от участия в войне, но в то же время была чревата и опасностью того, что в ходе дальнейшего развития военной ситуации страна окажется беззащитной перед лицом советских гегемонистских устремлений⁵⁴.

После того как Турция к 15 февраля 1944 года так и не порвала своих дипломатических отношений с германским режимом и не объявила войну странам оси, западные союзники прекратили поставку ей оружия и наложили эмбарго на импорт важнейших турецких товаров⁵⁵. Поскольку англо-американское экономическое эмбарго соблюдалось со всей строгостью, то уже весной 1944 года Турция столкнулась со значительными экономическими трудностями⁵⁶. Принятые союзниками меры означали для Анкары полный крах ее политики финансирования. Жизненно важным для интересов страны стало теперь улучшение ее отношений с западными державами и с СССР. Но для достижения этой цели нужно было пойти на дипломатический и экономический разрыв с Берлином⁵⁷. Несмотря на всю остроту ситуации, турецкое руководство даже не сразу сделало для себя этот необходимый вывод — дипломатическая тактика затяжек проводилась им до июля 1944 года включительно.

КОНЕЦ ТУРЕЦКОГО НЕЙТРАЛИТЕТА

Фундаментальное значение для политической ситуации Турции приобрела военная обстановка на Восточном фронте зимой — весной 1943/44 года. Выход Красной Армии к Пруту и освобождение Крыма уже непосредственно затрагивали интересы турецкой безопасности. Стала вырисовываться угроза того, что СССР сможет добиться своей давней цели — захватить проливы.

13 января 1944 года президент Инёню отправляет в отставку начальника Генерального штаба маршала Чакмака⁵⁸. Скорее всего, это связано с тем, что в Анкаре сразу же после немецкого поражения под Сталинградом⁵⁹. Военная обстановка, складывавшаяся для держав оси все более неблагоприятно, послужила для Инёню поводом, чтобы расстаться с маршалом, иными словами, своими пронемецкими настроениями и симпатиями к фашистскому движению. Его преемником президент назначил генерала Казима Орбая, пользовавшегося доверием турецкого народа. Этой перестановкой в верхушке Генерального штаба Анкара подавала сигнал о перемене курса, хотя Инёню еще не спешил расстаться со своим слывшим германофилом министром иностранных дел. Но и Менеменджиоглу вынужден был понять, что на политическое давление со стороны союзников может быть дан только один ответ — разрыв двусторонних отношений с германским рейхом. И первым шагом в этом направлении стало прекращение в апреле 1944 года поставок хрома и сокращение наполовину экспорта товаров в Германию⁶⁰. Эмбарго на поставки хрома явилось для немецкой военной промышленности тяжелейшим ударом, поскольку она почти полностью зависела от его импорта из Турции. Два месяца спустя Анкара запретила проход через проливы всем кораблям под немецким флагом⁶¹. В этой связи Инёню принял 16 июня отставку своего министра иностранных дел, что было с одобрением встречено в Великобритании⁶². Тем не менее Турция, до самого лета 1944 года придерживавшаяся своей политики «неучастия» и лавирования между воюющими сторонами, была ввиду ставшего уже очевидным поражения стран оси вынуждена приспособить свою внешнюю политику к изменившейся международной ситуации. Чтобы не оказаться к концу войны среди проигравших, ей нужно было безоговорочно стать на сторону союзников.

Но лишь после того как западные державы пошли навстречу турецкому требованию о поставках оружия, а Советский Союз перестал настаивать на своем максималистском требовании о немедленном вступлении в войну, Анкара разорвала 2 августа 1944 года дипломатические отношения с германским рейхом⁶³. Это решение, с одобрением встреченное англо-американской стороной, подверглось нападкам советской официальной прессы⁶⁴. В одном из политических комментариев ТАСС говорилось: «Совершенно очевидно, что нынешнее решение турецкого правительства о разрыве дипломатических и экономических отношений с Германией в первую очередь и сильнее, нежели чем-либо иным, продиктовано боязнью оказаться в политической изоляции после войны»⁶⁵.

Предпосылкой этого внешнеполитического шага Анкары следует видеть, наряду с дипломатическим нажимом Лондона, с одной стороны, в успешной высадке союзников во Францию, с другой — во вступлении Красной Армии на территорию Румынии. Именно советское вторжение на Балканы прямо затрагивало чувство безопасности этого государства в Малой Азии, поскольку в Анкаре еще не забыли выдвинутых в 1939 году Кремлем требований о совместном контроле над проливами. С турецкой точки зрения, защитить Турецкую республику от притязаний со стороны СССР могли только Великобритания и, может быть, США. Несомненно, западные державы надеялись, что сразу же после разрыва дипломатических отношений с Германией последует и вступление Турции в войну, однако им пришлось убедиться в том, что и по этому вопросу она занимает крайне выжидательную позицию. Лишь решение Ялтинской конференции о том, что в ООН будут приняты только те страны, которые объявили войну Германии, заставило турецкое правительство сделать 25 февраля 1945 года этот шаг⁶⁶.

РЕЗЮМЕ

Турецкая внешняя политика в период второй мировой войны имела своей целью не допустить втягивания страны в вооруженный конфликт. Проводя свою политику балансирования, именовавшуюся «активным нейтралитетом», Турецкая республика пыталась уклониться от политического нажима со стороны воюющих сторон. Бесспорно, что государство в Малой Азии до зимы 1942/43 года явно симпатизировало треть-

ему рейху. Это было обусловлено не только традиционной дружбой Турции с Германией, но и вытекало из геостратегической обстановки в период первой половины войны, когда державы оси представляли собой весьма значительный фактор угрозы ее целостности. На политической позиции Турции сказывались, в частности, победы вермахта в начале кампании в России, так как благодаря этому уменьшались и исключались агрессивные устремления Советского Союза в отношении своего южного соседа. Оказывали воздействие на турецкую внешнюю политику и надежды Анкары в случае победы Германии над СССР воспользоваться ее плодами.

Поражение немцев под Сталинградом и отступление вермахта с Кавказа зимой 1942/43 года заставило Турцию сделать вывод, что апогей немецкой экспансии уже позади, о чем свидетельствовала и ставшая для стран оси неблагоприятной военная обстановка в Северной Африке. В этой связи усилилось политическое давление на Турцию со стороны Великобритании и США, продолжавшее нарастать по мере ухудшения военной ситуации для Германии. Под воздействием этих обстоятельств в Анкаре шел процесс политической переориентации, приведший к постепенному отходу от Германии.

Сталинград и отступление немцев с Кавказа стали решающим фактором для пересмотра Турцией своей внешней политики. Последующие поражения вермахта закономерно привели к разрыву ею дипломатических отношений с Берлином и вступлению в войну. Однако последнее было всего лишь символическим актом, не оказавшим уже никакого эффективного воздействия на реальный ход военных событий.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Более подробные сведения о турецкой внешней политике в канун первого периода второй мировой войны см.: *Schönherr K.* Neutralität, «belligerence» oder Krieg: Die Türkei im Spannungsfeld der europäischen Mächte 1939 bis 1941, in: *Zwei Wege nach Moskau. Vom Hitler-Stalin zum «Unternehmen Barbarossa».* Im Auftrag des Militärhistorischen Instituts hrsg. vom B. Wegner. München-Zürich, 1991. S. 501-518.
- ² *Deringil S.* Turkish foreign policy during the Second World War. An «active neutrality». Cambridge u. a., 1989. P. 133.
- ³ *Krecker L.* Deutschland und die Türkei im Zweiten Weltkrieg. Frankfurt a. M., 1964. S. 224; *Deringil S.* Op. cit. P. 133 ff.
- ⁴ *Akten zur deutschen auswärtigen Politik 1918-1945 (ADAP).* Aus dem Archiv des Deutschen Auswärtigen Amtes. Serie E: 1941-1945. 8 Bde. Göttingen, 1969-1979. Bd. 3, Dok. 79. S. 13 f.; Dok. 87. S. 147 ff.; Dok. 196. S. 330 ff.; Dok. 223. S. 399-402. Ср.: *Onder Z.* Die türkische Außenpolitik im Zweiten Weltkrieg. München, 1977. S. 127-138; *Glasneck J.* Die Türkei im deutsch-anglo-amerikanischen Spannungsfeld. — in: *Glasneck J., Kirchheisen I.* Türkei und Afghanistan — Brennpunkte der Orientpolitik im zweiten Weltkrieg. Berlin (Ost), 1968. S. 86-89.

1969-1979. Bd. 3, Dok. 79. S. 13 f.; Dok. 87. S. 147 ff.; Dok. 196. S. 330 ff.; Dok. 223. S. 399-402. Ср.: *Onder Z.* Die türkische Außenpolitik im Zweiten Weltkrieg. München, 1977. S. 127-138; *Glasneck J.* Die Türkei im deutsch-anglo-amerikanischen Spannungsfeld. — in: *Glasneck J., Kirchheisen I.* Türkei und Afghanistan — Brennpunkte der Orientpolitik im zweiten Weltkrieg. Berlin (Ost), 1968. S. 86-89.

⁵ *Deringil S.* Op. cit. P. 136-140.

⁶ *Ibid.* S. 136.

⁷ *Ibid.*

⁸ Эти турецкие опасения еще более усилились после того, как «Фелькишер Beobachter» опубликовала в декабре 1942 года статью о новом порядке в Европе, заявлявшую о послевоенных гегемонистских притязаниях Германии. О реакции на нее в турецкой печати см.: 194. *Wochenbericht «Naher Osten»* (14.-22.01.43), hrsg. von der Pressestelle der Korrespondenzstelle Wien des Auswärtigen Amtes. S. 15 — Bundesarchiv Koblenz (BA), R. 63/356, Bl. 262.

⁹ 188. *Wochenbericht «Naher Osten»* (3.-10.12.42). S. 13 f. BA, R. 63/356, Bl. 152 f.

¹⁰ О всей проблематике, связанной с вопросом о проливах в турецко-советских отношениях, см. упомянутую статью К. Шёнхерра (прим. 1). S. 508.

¹¹ *Stürmhöfel H.* Die Türkei und die Sowjetunion 1939-1954 — Osteuropa, 5 (1955). S. 25.

¹² Часто это понятие выражают также терминами «пантуранизм» или «пантюркизм».

¹³ К ним относятся: азербайджанцы, дагестанцы, ингуши, каракалпаки, казахи, крымские татары, таджики, туркмены, узбеки, волжские татары и чеченцы.

¹⁴ Этот договор сохранял свою силу до 1945 года.

¹⁵ *Onder Z.* Op. cit. S. 146.

¹⁶ Более подробно по этому кругу проблем см.: *Müller R.-D.* Hitlers Ostkrieg und die deutsche Siedlungspolitik. Frankfurt a. M., 1991.

¹⁷ Подробнее см.: *Hoffmann J.* Ostlegionen 1941-1943. Turkotataren, Kaukasier und Wolgafinnen im deutschen Heer. Freiburg, 1986; его же. *Kaukasien 1942/43. Das deutsche Heer und die Orientvölker der Sowjetunion.* Freiburg, 1991.

¹⁸ О немецкой политике колонизации Крыма см.: *Müller R.-D.* Op. cit. S. 32, 112, 163, 171 ff.

¹⁹ 171. und 172. *Wochenbericht «Naher Osten»* (8.-21.07.42). S. 22; Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации в Подольске (ЦАМО). Ф. 500, Оп. 12450, Д. 329, Л. 13.

²⁰ *Deringil S.* Op. cit., S. 129-133, 173 f.; *Krecker L.* Op. cit. S. 205-224; *Onder Z.* Op. cit. S. 142-151.

²¹ Посол Германии в Анкаре, телеграмма № 546 от 14.04.43 — Politisches Archiv des Auswärtigen Amtes, Bonn (PA), Bro Staatssekretär (St. S.) Türkei, Bd. 8.

²² Посол Германии в Анкаре, телеграмма № 717 от 2.12.42 — см.: Documents

- secrets du Ministère des Affaires étrangères d'Allemagne. I. Turquie. P. 1946. S. 113.
- ²³ Ibid.
- ²⁴ Посол Германии в Анкаре, телеграмма № 434 от 27.03.43 — PA, St.S. Türkei, Bd. 7.
- ²⁵ Военный атташе в Анкаре, телеграмма № 192 от 5.02.43, телеграмма № 86 от 18.02.43; посол Германии в Анкаре, телеграмма № 505 от 7.04.43, телеграмма № 546 от 14.04.43 — PA, St.S. Türkei, Bd. 8.
- ²⁶ Посольство Германии в Анкаре, донесение военно-морского атташе от 16.03.43 — Bundesarchiv-Militärarchiv Freiburg (BA-MA), R M 7/1, Bd. 228.
- ²⁷ Посол Германии в Анкаре, телеграмма № 546 от 14.04.43 — PA, St.S. Türkei, Bd. 8.
- ²⁸ В 1943 году германским рейхом предпринимается немало дипломатических инициатив, направленных на сохранение Турцией своего «нейтралитета» — см. ADAP. Ser. E, Bd. 5: Dok. 22, S. 42 f., Dok. 91. S. 165, Dok. 144. S. 248–255, Dok. 283. S. 539 f., Dok. 317. S. 664 f.; Bd. 6: Dok. 20, S. 47 f., Dok. 236, S. 418; Bd. 7: Dok. 23. S. 47 f., Dok. 126. S. 205, Dok. 135. S. 259.
- ²⁹ Посол Германии в Анкаре, телеграмма № 1626 от 24.11.42 — PA, St.S. Türkei, Bd. 7.
- ³⁰ Ibid.
- ³¹ Подробнее см.: Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg, Bd. 6. Stuttgart, 1990. S. 962–1082 (раздел Вегнера) и соответствующие статьи в данном сборнике.
- ³² Schönherr K. Op. cit. S. 502 f.
- ³³ Доклад посла Германии в Анкаре № 1/43 от 12.01.43 — PA, Büro Unterstaatssekretär (U.St.S.) Türkei; доклад Вайцеккера от 8.02.43 — St.S. Türkei, PA, St.S. Türkei, Bd. 7. Ср.: Förster J. Stalingrad. Risse im Bündnis 1942/43. Freiburg, 1975. S. 87 ff.
- ³⁴ Посол Германии в Анкаре, телеграмма № 192 от 5.02.43 — PA, St.S. Türkei, Bd. 7.
- ³⁵ Телеграмма Риббентропа № 385 от 12.03.43 — Ibid.
- ³⁶ Посол Германии в Анкаре, телеграмма № 410 от 23.03.43 — Ibid.
- ³⁷ Посол Германии в Анкаре, телеграмма № 132 от 22.03.43 — PA, Botschaft Ankara 154/3.
- ³⁸ Донесение Зоннлайтнера Риббентропу 418/43 от 1.10.43 — PA, St.S. Türkei, Bd. 8.
- ³⁹ Auswärtiges Amt, Unterstaatssekretär Politische Abteilung, № 404 от 17.03.43 — PA, Botschaft Ankara 154/3.
- ⁴⁰ По этому вопросу см.: Hoppe H.-J. Die Balkanstaaten Rumänien, Jugoslawien und Bulgarien — Nationale Gegensätze und NS-Großraumpolitik. — in: Innen- und Außenpolitik unter nationalsozialistischer Bedrohung, hrsg. von E. Fondra. Opladen, 1977. S. 161–175.
- ⁴¹ Посольство Германии в Анкаре, запись от 6.01.43 — PA, Botschaft Ankara 154/2; посольство Германии в Анкаре, телеграмма № 388 от 19.03.43, телеграмма Риббентропа № 402 от 17.03.43 — PA, Botschaft Ankara 154/3.
- ⁴² Посол Германии в Анкаре, телеграмма № 388 от 19.03.43, телеграмма № 132 от 22.03.43, телеграмма № 411 от 23.03.43, телеграмма Риббентропа № 484 от 27.03.43 — PA, Botschaft Ankara 154/3; St.S. № 233 от 12.04.43 — PA, St.S. Türkei, Bd. 8; см. также прим. 39.
- ⁴³ Schönherr K. Op. cit. S. 502 f., 505 f., 512.
- ⁴⁴ Foreign Relations of the United States (FRUS). The Conferences of Washington, 1941–1942, and Casablanca, 1943. Washington, 1968. P. 629–634; Önder Z. Op. cit. S. 180.
- ⁴⁵ Acikalin C. Turkey's international relations. — International Affairs, XXIII (1947). P. 485; Glasneck J. Op. cit. P. 128 ff.; Önder Z. Op. cit. S. 180 ff.; Derindil S. Op. cit. P. 145 ff. О советской точке зрения на турецко-британскую позицию в этом вопросе см.: Sipols V.J. Die sowjetische Diplomatie im 2. Weltkrieg. Köln, 1985. S. 138–142.
- ⁴⁶ Önder Z. Op. cit. S. 182 f.
- ⁴⁷ Sturmhöfel H. Op. cit. S. 26.
- ⁴⁸ Paschl R. Vom Neutralismus zur Blockpolitik. Hintergründe der Wende in der türkischen Außenpolitik nach Kemal Atatürk. München, 1985. S. 181; Glasneck J. Op. cit. S. 137. Об англо-американских требованиях относительно безоговорочной капитуляции Германии см.: Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 6. S. 82–85 (глава Бора).
- ⁴⁹ 30. Wochenbericht «Naher Osten» (18.–25.09.43). S. 10–13 — BA, R 63/359, Bl. 140 ff.; Sturmhöfel H. Op. cit. S. 26; Glasneck J. Op. cit. S. 131.
- ⁵⁰ Derindil S. Op. cit. S. 152 ff.; Acikalin C. Op. cit. S. 485; Sipols V.J. Op. cit. S. 173–180.
- ⁵¹ Sturmhöfel H. Op. cit. S. 26; Önder Z. Op. cit. S. 201 f.
- ⁵² Sipols V.J. Op. cit. S. 181–243; Önder Z. Op. cit. S. 206–208; Derindil S. Op. cit. S. 156–159.
- ⁵³ Derindil S. Op. cit. S. 159–165; Glasneck J. Op. cit. S. 134 ff.
- ⁵⁴ 28. Wochenbericht «Naher Osten» (15.–21.01.44). S. 11 ff. — BA, R 63/360, Bl. 36 f.; 249. Wochenbericht «Naher Osten» (5.–11.02.44). S. 14–19 — Ibid. Bl. 152–155; 250. Wochenbericht «Naher Osten» (12.–18.02.44). S. 6–14 — Ibid. Bl. 171–175; Kreckler L. Op. cit. S. 245 f.; Önder Z. Op. cit. S. 213 f., 223.
- ⁵⁵ 23. Wochenbericht «Naher Osten» (4.–10.03.44). S. 10 f. — BA, R 63/360, Bl. 200 f.; 254. Wochenbericht «Naher Osten» (11.–17.03.44). S. 1 f., 8–13 — Ibid. Bl. 214, 218–221.
- ⁵⁶ Önder Z. Op. cit. S. 229.
- ⁵⁷ 20. Wochenbericht «Naher Osten» (22.–29.04.44). S. 10 — BA, R 63/361, Bl. 81; 261. Wochenbericht «Naher Osten» (29.04.–5.05.44). S. 8 f. — Ibid. Bl. 97.
- ⁵⁸ 25. Wochenbericht «Naher Osten» (8.–14.01.44). S. 1, 4, 8 ff. — BA, R 63/360, Bl. 94, 96, 98 f.
- ⁵⁹ Посол Германии в Анкаре, телеграмма № 546 от 14.04.43, телеграмма № 582 от 19.04.43; посланник Германии в Софии, телеграмма № 619 от 20.04.43 — PA, St.S. Türkei, Bd. 8.
- ⁶⁰ 27. Wochenbericht «Naher Osten» (1.–7.04.44). S. 2 — BA, R 63/361, Bl. 35; 258. Wochenbericht «Naher Osten» (8.–14.04.44). S. 5 f. — Ibid. Bl. 49; 259. Wochenbericht «Naher Osten» (15.–21.04.44). S. 1 f., 9–19 — Ibid. Bl. 56 f.,

- 60-64; 260. Wochenbericht «Naher Osten» (22-29.04.44). S. 5 ff., 10-15. Ibid. Bl. 79 f., 81 ff.; *Krecker L.* Op. cit. S. 247 ff.; *Deringil S.* Op. cit. S. 168 f.
- ⁶¹ 267. Wochenbericht «Naher Osten» (11-17.06.44). S. 5 f. — BA, R 63/3 Bl. 153 f.; *Deringil S.* Op. cit. S. 250 ff.; *Önder Z.* Op. cit. S. 230 f.
- ⁶² 267. Wochenbericht «Naher Osten» (11-17.06.44). S. 1 f. — BA, R 63/3 Bl. 150.
- ⁶³ 274. Wochenbericht «Naher Osten» (29.07-4.08.44). S. 1, 5-9 — BA 63/362, Bl. 61, 63 ff.; 275. u. 276. Wochenbericht «Naher Osten» (18.08.44). S. 7 ff. — Ibid. Bl. 82 f.; *Howard H.N.* Germany, The Soviet Union Turkey during World War II. — in: The Department of State Bulletin, Vol. X № 472, 18.07.1948. P. 72 f.; *Önder Z.* Op. cit. S. 231-237; *Deringil S.* Op. cit. S. 172 f.
- ⁶⁴ О нападках советской печати см.: 279. Wochenbericht «Naher Osten» (9.09.44). S. 1 f.; ЦАМО 500/12 450/329, л. 158 и сл.
- ⁶⁵ 275. u. 276. Wochenbericht «Naher Osten» (5-18.08.44). S. 13 — BA 63/362, Bl. 85.
- ⁶⁶ *Deringil S.* Op. cit. S. 175-179; *Önder Z.* Op. cit. S. 237-240.

VII. СТАЛИНГРАД: ПЕРЕЖИТОЕ И УСВОЕННОЕ

Рюдигер Оверманс

ДРУГОЙ ЛИК ВОЙНЫ: ЖИЗНЬ И ГИБЕЛЬ 6-Й АРМИИ

Когда немецкие солдаты в конце января — начале февраля 1943 года шли в плен, они были ближе к смерти, чем к жизни. Градация «сталинградцев» (это слово вошло в немецкий язык как понятие для обозначения солдат 6-й армии, воевавшей в Сталинграде) начались не с момента взятия их в плен, а раньше — недостаточное снабжение 6-й армии перед началом советского наступления и катастрофические условия в котле явились существенной предпосылкой того обстоятельства, что из этого стасемидесятитысячного формирования германского вермахта домой вернулись только пять тысяч.

Когда изучаешь вопрос, как жили окруженные в котле, а затем в плену, то сталкиваешься со странным противоречием: с одной стороны, почти половина тех, кто выжил и вернулся домой, оставили более или менее подробные свидетельства — в процентном отношении это, пожалуй, уникальный случай¹, а с другой стороны, хотя и есть многочисленные научные публикации, относящиеся к проведению этой операции, но ни одна из них не касается условий жизни в котле или происшедшего в плену. Настоящая статья представляет собой первую попытку системного описания судьбы «сталинградцев» — в первую очередь немецких солдат. Это означает, что автор не пишет о страданиях солдат других национальностей и советского гражданского населения; о первой группе рассказывается в соответствующих статьях настоящего сборника, а по второй до сегод-

няшнего дня так мало сведений, что хоть они и используются в процессе дальнейшего изложения, но могут дать лишь пугающее и тирное изображение картины.

1. ЖИЗНЬ В КОТЛЕ

О проблемах, связанных со снабжением окруженной 6-й армии, имеются подробные свидетельства, менее известно, однако, что эти проблемы существовали уже за месяцы до ее окружения. Так, первое указание на узкие места в области вещевого довольствия относится еще к июлю 1942 года, а в октябре 1942 года командование 6-й армии доносит главному командованию сухопутных войск (ОКХ), что войска не получают полного довольствия уже с августа: «условия жизни во всем радиусе действия 6-й армии одинаково плохие»². Организация дополнительного снабжения продовольствием за счет реквизиции местных источников более невозможна³. Поэтому командование 6-й армии просит увеличить суточный рацион хлеба с 600 до 700 граммов, чтобы как-то компенсировать тем самым недостаток питания. В этой заявке содержится упоминание того, что точная выдача продовольствия проводится по максимальной норме, которая не должна была бы превышать, но которую в специфических условиях 6-й армии постоянно приходится превышать⁴. Так что прав был врач, свидетельствовавший, что уже в сентябре 1942 года фактический рацион продовольствия составлял в среднем около 1800 калорий в сутки⁵. Приведем для сравнения: 500 граммов хлеба вкупе с другими видами суточного довольствия давали 2500 калорий, в то время как в соответствии с физической нагрузкой нужны были от 3000 до 4000 калорий в сутки⁶.

Следующий этап развития ситуации начался с момента окружения, когда склады 6-й армии — имеются в виду склады, находившиеся внутри котла, — оказались разрушенными. Поэтому с 26 ноября 1942 года норма продовольствия была сокращена до 350 граммов хлеба и 120 граммов мяса — этим рационом, по свидетельству начальника тыла находившихся в окружении частей майора фон Куновски, войскам в Сталинграде пришлось довольствоваться в течение почти двух недель⁷. 1 декабря суточная дача хлеба была уменьшена еще раз — до 300 граммов, а с 8 декабря — до 200 граммов и представляла собой один толстый ломоть или два тонких ломтика хлеба в сутки, всего лишь треть нормальной порции⁸. К Рождеству на как-

то время ситуация улучшилась — солдаты на передовой стали получать добавок в 100 граммов в день, выдавались и дополнительные порции⁹. Правда, в то же время есть свидетельства других «сталинградцев» о том, что уже с середины декабря они получали только по 50–100 граммов хлеба¹⁰.

Результаты этого, по выражению командования 6-й армии, «широкомасштабного эксперимента по голоданию»¹¹ сказались очень скоро. Уже 12, а также 14 декабря 1942 года 79-я танковая дивизия докладывает, что вследствие продолжительных боев и недостаточного снабжения продовольствием она не в силах больше удерживать свои позиции — недоедание стало сказываться на физической работе солдат и на их способности совершать марши¹².

20 декабря поступает донесение из 4-го армейского корпуса, что «из-за потери сил умерли два солдата» — это были первые умершие от голода, что и приводится официально в качестве причины их смерти¹³. Но случаи, когда солдаты без видимой причины падали замертво на посту, были уже и ранее¹⁴. За период с 26 ноября по 22 декабря зарегистрировано уже 56 смертельных случаев, «при которых существенную роль сыграл недостаток питания», — другими словами, умершие от голода были уже за месяц до капитуляции армии в котле. К 24 декабря их число достигло 64¹⁵.

Руководство сначала прореагировало на окружение своих солдат призывами держаться; до всех «сталинградцев» было доведено содержание телеграммы Гитлера от 27 ноября: «Будет сделано все, что в моей власти, чтобы поддержать вас в вашей героической борьбе»¹⁶. И если в первые дни начальник тыла окруженных не видел в ситуации со снабжением особых проблем, то, наверное, сообщение о смертях от голода и послужило — вместе с известием о крахе наступления, направленного на деблокирование армии, — причиной следующего замечания фон Куновски в его телеграфном разговоре 26 декабря со своим начальником полковником Финком, находившимся вне кольца окружения: «Я прошу всеми средствами позаботиться о том, чтобы завтра нам были доставлены самолетами 200 тонн... я в жизни никогда еще не сидел так глубоко в дерьме»¹⁷.

Но солдаты в своей массе до самого Рождества еще верили в слово, данное фюрером, хотя те немногие, кто знал, что наступление по деблокированию сорвалось, испытывали чувство обманутой надежды¹⁸. И тем не менее уже 26 ноября отмечают попытки некоторых солдат с легкими ранениями обманым

путем эвакуироваться из котла, равно как и случаи членов руководства с целью получить право быть отправленными на самолете в тыл¹⁹. Но перебежчиков, кажется, в это время еще не наблюдалось.

Следующая фаза развития началась после Рождества. Установка продолжает обостряться, 51-й армейский корпус складывает 8 января 1943 года, что в период с 1 по 7 января в среднем выдавалось на человека 175 граммов хлеба, 10 граммов жиров, 35 граммов вечернего рациона, 48 граммов овощей и 14,2 грамма сахара — итого 281 грамм брутто, в то время как нормальный суточный рацион составляет в целом 800 граммов брутто²⁰. Но по сравнению с другими подразделениями ситуация в 51-м армейском корпусе была еще относительно хорошей, так как в среднем по 6-й армии суточная выдача хлеба к концу года сократилась до 50–100 граммов, и только солдаты передовой получали, хоть не всегда, все еще по 200 граммов.

Но в то же время были и хорошо питавшиеся солдаты. Это явление, которое наблюдается уже в первые дни января, характерно во все возрастающей степени для ситуации в период между Рождеством и капитуляцией. Причина тому — общий кризис всей системы снабжения. Вначале в котле еще были грузовики и лошади, на которых и доставлялось в части продовольствие, — расстояние от аэродрома Питомник до наиболее удаленного участка фронта составляло по прямой около 35 километров, а количество доставлявшегося воздушным путем продовольствия в иные сутки равнялось нулю, а в иные доходило почти до 350 тонн. Но затем в ходе боев лошадей, для которых все равно не было корма, забивали, а машины не могли использоваться по причине отсутствия горючего. Это осложнило не только выдачу продовольствия, но и все другие виды снабжения. В интересующей нас связи это касалось прежде всего снабжения топливом, так как войска располагались в более или менее хорошо оборудованных окопах или в блиндажах. Дрожа степи под Сталинградом взять было неоткуда, и их приходилось доставлять из сталинградских развалин. Еще в начале середины декабря их доставка значительно осложнилась из-за того, что годного на топливо дерева становилось все меньше, бензина для машин не хватало, теперь же это стало одной из основных проблем²².

Но важное значение для защиты от холода имело снабжение не только топливом, но и одеждой. Прошлая зима кое-чему научила, и солдатам уже в начале октября выдали нормаль-

нее обмундирование, однако дополнительную зимнюю одежду они начали получать только с 25 декабря 1942 года²³. Но и после того были плохо обмундированные части. С нехваткой обмундирования удалось справиться только тогда, когда мертвецов стало столько, что каждый оставшийся в живых мог обеспечить себя их одеждой²⁴.

Недоедание, дефицит топлива и поначалу нехватка теплого обмундирования вели к тому, что солдаты отчаянно мерзли. Свидетели в один голос утверждают, что в ноябре и декабре температура колебалась от нуля или оттепели до минус двадцати градусов, но с Рождества грянули холода, доходившие до минус 30, а то и до минус 40 градусов²⁵. Правда, метеосводки опровергают эти утверждения; имеющиеся данные измерения температур показывают их относительно регулярное колебание в пределах трех–четырёх дней: около 0 градусов 5 декабря, минус 9 градусов в ночь с 10 на 11 декабря, повышение температуры до 0 градусов 15 декабря 1942 года и затем ее новое понижение. Этот волнообразный ритм сохраняется и в последующем, причем по сравнению с декабрем в январе больше прослеживается тенденция к холодам, так, например, минус 23 градуса 14–15 января и минус 22 градуса 25–26 января 1943 года. В среднем же дневная температура составляет 0 — минус 5 градусов, а ночная — минус 10 градусов²⁶. Следует, однако, добавить, что часто сталинградскую степь продувал холодный ветер, что в субъективном восприятии делало температуру более низкой. И если очевидцам зима все же представлялась куда более холодной, чем в действительности, то это еще одно доказательство физического состояния солдат, лишенных возможности по-настоящему отогреться и досыта наесться.

В плохо отапливавшихся землянках было только одно преимущество: не так мучили насекомые. Дело в том, что 6-я армия не только ощущала нехватку продовольствия — с октября–ноября она обовшивела. И сыпняк, как и другие инфекционные заболевания, переносчиками которых являются насекомые и жертвами которых станут потом десятки тысяч умерших в советских лагерях, наблюдаются в единичных случаях еще до окружения армии в ноябре²⁷.

Все эти факторы влияли на дальнейшее ухудшение здоровья солдат в период после Рождества 1942 года. Уже 27 декабря командир 4-го армейского корпуса считает, что «физических сил у пехотинцев на несколько дней марша не хватит. При проведении операции «Удар грома» следовало бы предусмотреть их

транспортировку, хотя бы на отдельных участках, в отапливаемых грузовиках»²⁸.

Аналогично звучит свидетельство другого офицера: роте хоты для марша расстоянием в шесть километров при отсутствии соприкосновения с противником потребовалось время раннего утра и до полудня. Тот же офицер, вывезенный самолетом из котла в начале января, из-за своего физического состояния не мог в течение нескольких дней принимать нормальную пищу²⁹. В журнале боевых действий 6-й армии то и дело встречаешь записи о том, что войска на пределе сил и поэтому вынуждены оставлять свои позиции³⁰.

Реакцией руководства оставались призывы держаться. Гитлер телеграфировал Паулюсу: «Но Вы и Ваши солдаты должны вступить в новый год с непоколебимой уверенностью, что я и германский вермахт приложим все свои силы для того, чтобы деблокировать защитников Сталинграда»³¹. Паулюс добавлял: «Ведь фюрер всегда сдерживал свои обещания, так будет и на этот раз!»³²

3 января 1943 года создается отдел по пропаганде в войсках, находящихся в котле³³. И в то же время уже не проходит и дня, чтобы 6-я армия не обращалась самыми различными путями к руководству, говоря без прикрас об условиях, которых она находилась. Так, офицер по связи ОКХ при штабе 6-й армии докладывает 7 января, что число смертей от голода дошло уже до 120 случаев, а начальник тыла сообщает 13 января в группу армий: «У нас нет хлеба, нет боепр. и не горючего»³⁴. Кроме того, предпринимаются попытки путем организационных мер сделать воздушный мост с котлом более эффективным.

А как реагировали на дальнейшее обострение ситуации солдаты? С одной стороны, отдел цензуры полевой почты отмечал «с 1 января существенное понижение уверенности», но, с другой стороны, не осталось без эффекта и новое обещание фюрера³⁵. В одном из писем это выражено так: «Наш фюрер иной раз заставляет нас долго ждать, бывало, доходило до отчаяния, потом все-таки всегда все было так, как надо. Так будет и на этот раз»³⁶.

Разумеется, росли попытки выбраться из этой невыносимой обстановки. Добыть обманном путем место в самолете стало теперь уже почти невозможно, так как авиаперевозки на этом этапе были относительно хорошо организованы и находились под контролем. Перебежчиков тоже было еще м

до — в случае неудачи им грозила смерть. Стали бесчисленными случаи умышленного обмороживания³⁷.

Новая фаза развития наступила с началом советского наступления в середине января 1943 года. Ее характерным признаком явился распад структуры обороны: к 18 января территория котла сократилась наполовину, был потерян аэродром Питомник. К вечеру 23 января площадь котла уменьшилась до одной четверти его первоначальной территории и армия потеряла свои последние аэродромы Гумрак и Сталинградский.

Положение со снабжением становилось еще острее, чем прежде; начиная примерно с 15 января — а это значит, примерно за две недели до окончательного краха — часть войск оставалась вообще без еды. В журнале боевых действий имеются такие записи: «И сегодня армия не может организовать выдачу продуктов, поскольку ничего нет»³⁸.

Причиной такого развития событий явилось в первую очередь резкое сокращение количества прилетавших в Сталинград самолетов. После потери Питомника они были вынуждены приземляться на намного меньшем по размерам и хуже оборудованном аэродроме Гумрак. Даже если посадка удавалась, машинам, несмотря на советскую угрозу с воздуха, приходилось порой простаивать часами, так как некому было их разгружать. Один из пилотов так описывал эту ситуацию: «Приказы в целом выполняются плохо, поскольку солдаты поражены апатией, разгрузочной команды нет»³⁹.

Все чаще самолеты просто сбрасывали контейнеры, причем нередко не на подготовленные для этого площадки, а наугад. Солдаты, которые находили эти контейнеры, должны были, согласно строгому приказу, сообщать о месте своей находки. Однако, по показаниям очевидцев, как правило, такие контейнеры, если в них было продовольствие, просто разворовывались. Поскольку же это было строго запрещено, то солдаты, нашедшие контейнер и попользовавшиеся его содержимым, могли поделиться сведениями о своей находке только с теми, кому они полностью доверяли, и уж никак не с командирами. Много унесенных с собой они не могли, поэтому основная масса контейнера, содержавшего продовольствие, в таком случае со временем становилась непригодной к употреблению. Но даже если о месте находки сообщали, это мало меняло дело: в армии были уже не в силах организовать сбор и раздачу доставленного⁴⁰.

Физическое состояние солдат становилось все хуже. Вот некоторые примеры. Часовых приходилось сменять не реже чем

через полчаса — иначе солдат мог заснуть и замерзнуть на посту⁴¹. Во время отхода в направлении Сталинграда командир одной роты заявил перед маршем протяженностью всего в полтора километра и при отсутствии обстрела с советской стороны: «Кто будет отставать, того придется оставить лежать в снегу, он замерзнет»⁴². Той же роте 23 января понадобилось для марша в четыре километра время с 6 часов утра до наступления темноты⁴³.

Регулярное чередование нахождения солдат на фронте и в тылу способствовало бы восстановлению их сил. Однако те, кто находился на передовой, не были заинтересованы в том, чтобы отправляться на отдых или на лечение в госпиталь или в тыловые службы, потому что питание там было хуже, чем на передовой⁴⁴.

На этом этапе массового отступления положение больных и раненых стало еще более невыносимым, чем положение «здоровых», так как кормили их хуже, а переносить тяготы отступления они вообще были просто не в состоянии. Незадолго до 23 января, когда фронт уже вплотную приблизился к центральному лазарету Гумрак — и к последнему, еще действовавшему одноименному аэродрому, — тут разыгрывались душераздирающие сцены. Раненые буквально брали штурмом машины взлетной полосы, причем часто прорывались как раз те, кто своему физическому состоянию отнюдь не нуждался в эвакуации в первую очередь⁴⁵. Вылет самолетов подчас приходило задерживать, пока под угрозой применения оружия число пассажиров не сокращалось, чтобы машина могла взлететь⁴⁶. Другая возможность спастись для больных и раненых из Гумрака равно как и из других прифронтовых лазаретов, состояла в том, чтобы каким-либо образом добраться до Сталинграда. Вот как описывает один врач свою поездку туда: «По разбегенному обледенелому пути в Сталинград, по которому мы ехали с баткалами нашей части, повсюду на дорогах в ужасающем количестве лежали раненые, закоченевшие и замерзающие, которые, добравшись ползком до середины проезжей части, загораживали своими телами путь нашей медленно двигавшейся машине. Они кричали, чтобы их задавили или взяли с собой. Подобные картины повторялись по всей трассе. Многие умоюще поднимали вверх руки, перевязанные окровавленными бинтами, иные грозили кулаками, а иные вовсе оставались неподвижными»⁴⁷.

Командование армии реагировало на создавшуюся ситу-

ацию, с одной стороны, новыми приказами держаться: «Крепитесь! Если мы будем держаться вместе, объединенные одной судьбой и одной судьбой... мы справимся!»⁴⁸ С другой стороны, командование 6-й армии, хорошо информированное о реальном положении дел — в частности, благодаря регулярным отчетам на передовую самого командующего армией, — не прорывало от группы армии, в каком состоянии находятся войска. 6-я армия не только неоднократно докладывала, что она уже не в состоянии обеспечить войска снабжением, но и сообщала о том, что становится все больше смертельных случаев в результате замерзания по причине физического изнурения, что сила сопротивления у войск на пределе и что предоставление поименных сводок об убитых и раненых невозможно, так как таких подробных сведений штаб армии не получает⁴⁹.

На этом этапе отступления и всеобщего распада структур обороны следует впервые констатировать поголовный упадок морального духа. Сюда относятся и принимавшие все более жестокий характер схватки за свободные места в самолетах, и откровенно пессимистический тон солдатских писем⁵⁰. О количестве случаев членовредительства и дезертирства сведений нет — на местах уже не было военных структур, чтобы регистрировать такие случаи и реагировать на них. Большинство же солдат уходило в мир фантазий, лишенный всякой связи с реальностью. Один очевидец пишет: «Странно, каких только слухов тут не было: скоро нас выручат; немецкие танки находятся от нас всего в нескольких километрах. Прилетевшие отпускники будто бы видели с самолета идущие нам на помощь войска... Один вообще — то достойный доверия капитан-артиллерист говорил мне: «Да, когда я подлетал сюда, то видел... спешащие к нам на выручку танковые части»⁵¹.

Последняя фаза — фаза краха, начавшаяся 23–24 января 1943 года после потери последних аэродромов Гумрак и Сталинградский, — свидетельствовала о полнейшей безысходности.

Количество грузов, доставленных в этот период в Сталинград по воздуху, не было таким уж малым — в среднем с 24 января по 3 февраля 1943 года доставлялось по 72 тонны в день, а 31 января — 130 тонн⁵². Поскольку самолетам уже негде было совершать посадку, а территория котла все более сокращалась, то контейнеры с продовольствием сбрасывали нередко наугад и некоторые из них оказались в расположении противника. Но

даже те грузы, которые удавалось подобрать, приносили малую пользу, так как системы снабжения уже не существовало⁵³.

Соответственно и ситуация с продовольствием была неодинаковой. В то время как одни свидетельствуют, что в последние дни перед крахом продовольствия хватало, потому что его доставляли без учета уже умерших, то другие рассказывают о порциях хлеба в 38 граммов, о том, что делить три четверти банки «кока-колы» приходилось на 23 человека⁵⁴. Даже неударившее для человеческого организма масло, употребляемое в металлообработке, считалось деликатесом. К этому же периоду относится и свидетельство очевидца о первом случае кахексии в котле⁵⁵. Начиная с 28 января питание стали выдавать только солдатам на передовой — другими словами, до того как оказаться в плену, многие больные уже в течение трех-пяти дней никакого питания не получали⁵⁶.

Еще раз подробнее остановимся на положении раненых и больных. Боевые действия, инфекционные болезни в связи с антисанитарностью и общее состояние здоровья привели к тому, что уже с декабря приходилось заботиться о почти 20 000 больных и раненых. Пока в распоряжении немцев был аэродром Питомник, из котла удавалось вывозить в сутки до 1000 солдат и иной раз и больше⁵⁷. Вследствие боев при отходе, потерь аэродромов и болезней, вызванных недоеданием, количество раненых и больных возросло. Они скапливались среди руин Сталинграда, бродили от одного переполненного госпиталя к другому и в конце концов находили себе пристанище в развалинах домов. Штаб 6-й армии, сам не имевший уже точного представления о ситуации, считал что на 26 января 1943 года их количество составляет 30 000–40 000 человек⁵⁸. В большинстве случаев они там и умирали или становились жертвами налетов советской авиации — только в центральном госпитале Сталинграда, располагавшемся в развалинах многоэтажного дома, заживо сгорело при бомбежке 3000 больных и раненых.

Среди «здоровых» массовым явлением стала дистрофия в форме хронической усталости, потери ориентации, трудности при восприятии окружающего, замедления реакций и т.д. Чтобы встать и выполнить приказание, дистрофику требовалось 30 до 60 минут⁶⁰. Один врач так описывает поведение своих пациентов, находившихся в «бункере Тимошенко» в Сталинграде: «...они ничего уже не хотели. Пусть приходят с автоматами и расстреливают нас, говорили они. Со своих лежачков они, как дети, старались дотянуться до того, что казалось им съедобным

или имевшим какую-то ценность; при передвижении они вдруг начинали танцевать без видимой причины или шли не в том направлении, не слыша никаких увещаний»⁶¹.

Единого командования в этой апокалиптической ситуации уже не существовало, диапазон приказов и рекомендаций колебался от угрозы расстрелять любого, кто готов капитулировать, до совета солдатам действовать по собственному выбору — либо пробиваться на запад, либо сдаваться в плен, либо идти к центру Сталинграда⁶². В адрес группы армий «Дон» из ОКХ из штаба 6-й армии шли не только преисполненные боевого духа телеграммы, но и такие реалистические сводки об обстановке, как эта: «По донесениям многих войсковых командиров, сила сопротивления остатков частей настолько упала, что солдаты, израсходовав свой боезапас, несмотря на жесточайшие меры, падают духом и сдаются в плен»⁶³.

Настроение военнослужащих и их реакция на безысходность ситуации — писем полевой почты об этом чрезвычайно мало — были неодинаковыми, тут, видимо, существует какая-то зависимость и от их воинских званий⁶⁴. Между офицерами преимущественно дискутировался вопрос о допустимости сдачи в плен. Наряду с таким единственным ярким случаем, когда один генерал вылез на железнодорожную насыпь и стрелял в наступающих, пока сам не был убит, бывали и случаи, когда кто-то пускал себе пулю в лоб, однако таких было куда меньше, чем можно было предположить, имея в виду их предыдущие дискуссии⁶⁵. Другие планировали прорыв на запад — предприятие, от которого их отговаривали реалисты, помнившие, что расстояние от Сталинграда до ближайших немецких позиций составляло 500 км по прямой. Вопрос, допустима ли сдача в плен, не был, как представляется, главным для рядового и унтер-офицерского состава — эти люди просто боялись за свою жизнь и страшились будущего. Да, была паника, была и цепная реакция самоубийств, но большинство, как кажется, пребывало в апатии и ждало конца⁶⁶.

И все же все очевидцы сходятся в одном: главным событием тех дней явилась речь Гёринга — того самого Гёринга, который неоднократно заверял, что авиация сможет обеспечить снабжение 6-й армии, — по случаю 10-й годовщины «захвата власти» 30 января 1943 года. Тому, кто еще лелеял надежду, теперь стало ясно, что руководство Германии отказалось от «Сталинградцев». Один из участников так описывает это событие: «Кто может представить себя в нашем положении, ког-

да мы слушали у себя в подвале надгробную речь по нам самим, произносившуюся на далекой родине, — речь, в которой нас сравнили с героями Спарты, а затем вычеркнули из числа живых»⁶⁷.

Поскольку официальной капитуляции не было, то наступил примерно к 2 февраля 1943 года. Одни расстреляли свои последние боеприпасы и сдались в плен, а другие апатично ждали в руинах домов и землянках, когда придут красноармейцы и уведут их⁶⁸.

Когда задаешься вопросом, что же вообще побуждало солдат так долго держаться в такой обстановке, то находишь самые разные ответы. Немецкие солдаты второй мировой войны вспоминали о страданиях германских военнопленных в Сибири во время и после первой мировой войны — были среди них и такие, кто сам пережил это. Было тут и сильное воздействие национал-социалистической пропаганды, которая уверяла немецких солдат, что после взятия в плен их всех уничтожат. Третьей причиной был их личный опыт побед и вера в то, что фюрер сдержит свое обещание; поражений и отступлений они до того момента не знали и не представляли, что это может быть. В результате всех названных причин очевидцы описывают этот момент — а он был виден уже за недели и дни до своего наступления — как шок, он явился для них «физическим и психологическим крахом почти не предсказуемых размеров»⁶⁹.

2. ВЗЯТИЕ В ПЛЕН

И вот наступил момент, которого находившиеся в котловане боялись больше смерти, — момент пленения. Как бы ни описывались свидетельства очевидцев в деталях, в одном они сходятся: у них отбирали все. Те немногие, кому поначалу что-то оставили, все равно становились жертвами бесчисленных последующих насильственных изъятий. Отнимались ценные предметы — такие, как часы, драгоценности, обручальные кольца и т.д. Во многих случаях пленные вынуждены были отдавать еще и какие-то свои зимние вещи, если те не были частью их обмундирования, равно как и последнее продовольствие. При этом к немалому ожесточению других выяснялось, что некоторые из военнопленных жили все эти недели голодом, питаясь относительно неплохо, и сумели создать себе продовольственные запасы. Деморализации способствовал и вид некоторых генералов, которые отправлялись в плен на автомашинах в

провожении адъютантов, ординарцев и багажа, в то время как солдаты от слабости едва держались на ногах⁷⁰.

В некоторых случаях наблюдались попытки отделить офицеров от унтер-офицеров и рядовых, что, однако, не всегда удавалось, потому что не все офицеры давали себя распознать — кто из боязни быть расстрелянным на месте, а кто из чувства ответственности перед своими солдатами, которых они не хотели оставлять в беде.

С самого начала в плену обрело повышенное значение обстоятельство, имевшее ранее далеко не первостепенную важность, а именно: национальная принадлежность. Дело в том, что в Сталинграде в кольцо оказались не только немецкие солдаты, а целый конгломерат различных национальностей. Наряду с немногими итальянцами и гражданскими рабочими «Организации Тодта» (ОТ) из Западной Европы были хорваты и румыны, а также — наиболее многочисленная группа — советские граждане, ставшие пособниками вермахта, и советские военнопленные, захваченные 6-й армией.

Об обращении Советов с этими группами имеются противоречивые свидетельские показания. В ряде случаев в лагеря отправляли пешим порядком всех пленных, но есть и свидетельства, что их разделение проходило прямо на месте. Причем будто бы пособников из числа советских граждан отделяли от остальных и тут же расстреливали. Другие же пишут, что спустя годы встречали таких людей среди заключенных в советских тюрьмах. В то же время есть сведения, что эти пособники переходили на сторону Красной Армии и использовались в качестве вспомогательной силы и переводчиков⁷¹. Однако, принимая во внимание позицию советского руководства в отношении этой группы лиц, надо полагать, что впереди их ожидала не легкая судьба.

О поведении же советских солдат Донского фронта свидетельства самые разные. Прежде всего те находились во вполне понятном состоянии упоения победой, которое широко варьировало от гордости за победу до кровавых эксцессов в виде изнасилований, расстрелов и реальных убийств. Бывало также, что они отбирали у немецких солдат обувь, так что те после нескольких километров марша босиком по снегу не могли больше держаться на обмороженных ногах, падали и погибали. И наряду с этим есть и свидетельства об очень человечном и сочувственном отношении со стороны советских солдат⁷².

3. ПЛЕН

Что касается дальнейшей судьбы «сталинградцев», то ее пичная картина была создана первыми публикациями в конце 40-х годов и сохранялась в литературе во все последующие десятилетия. Согласно ей, пленных в течение дней, а то и недель заставляли без еды совершать марши смерти вокруг города, причем каждого, кто упал, тут же пристреливали. Эта мера пешие походы — объясняется либо как прямой акт мести, либо как необходимость спасти солдат, принуждая их двигаться, избегая обмороживания во время ожидания отправки в тыловые лагеря⁷³.

Однако свидетельства очевидцев не подтверждают такую картину; при всем различии в деталях многие из имеющихся показаний все же дают возможность распознать принцип действий Советов, заключавшийся совсем в другом⁷⁴. После отправки в плен те, кто хоть как-то мог передвигаться, направлялись на сборные пункты на окраинах Сталинграда. Для тех, кто попал в плен из северного котла, это были прежде всего Гумищино и Городище, расположенные в пяти-десяти километрах к северу или, соответственно, к западу от города. Оттуда их реводили в промежуточные лагеря Бураки, Барбукин, Котельничань, Дубовка и др., находившиеся на расстоянии примерно 20–40 км по прямой от Сталинграда. Исключение тут составляет относительно небольшая группа, которой пришлось сделать пеший марш до Куликовской, удаленной от Сталинграда, если по прямой, почти на 65 км. Те же, кто попал в плен с Фролово — расстояние свыше 100 км, — часть пути проделывали в эшелонах.

К пленным из более крупного южного котла судьба была более благосклоннее, подавляющее большинство из них отправлялось в центральный лагерь Бекетовка, находившийся всего в нескольких километрах от Сталинграда, для меньшей части — главным образом офицеров — местом назначения стал Красноармейский лагерь, расположенный не намного дальше.

Те же из пленных, кто не мог идти, оставались в «лазаретах» в развалинах Сталинграда; в то время таких было немало. В течение всего нескольких недель из-за массовой смертности среди пленных лазареты и лагерь опустели. Начиная с середины, а в основном с конца марта — т.е. примерно через месяц после марша в плен — лагеря на северной и западной окраинах Сталинграда прекращают свое существо-

вание, и пленные пешком порядком направляются через Сталинград в центральный лагерь Бекетовка, находившийся к югу от города. Оттуда их либо сразу же, либо спустя недели отправляют эшелонами в лагеря для офицеров в Красногорск, Ораньенбург, Кисснер, Суздаль и Елабугу или в лагеря для унтер-офицеров и рядовых в Ташкент, Пахта-Арал, Чуаму, Джамбул, Коканд, Караганду и Беговат.

Выздоровливавших больных отправляли из Сталинграда в лагерь Бекетовку, присоединяя их к другим пленным, а остальных в лагерь Ильмень, Арск или Вольск либо в советский госпиталь на Волге под названием Энгельсом — столицей бывшей Республики немцев Поволжья.

Ретроспективно образ действий Советов представляется вполне логичным, ужасными были «только» конкретные обстоятельства его реализации. Мучения начинались уже в момент отправки в плен и продолжались по пути в лагерь. Писатель Эрих-Мартин Мюллер (ГДР) с изрядной долей эвфемизма описывал этот процесс следующим образом: «Те, кто покрепче, с буханкой хлеба под мышкой шли в Карповку»⁷⁵. Однако в реальности это было совсем другое дело. Пленные, которые порой уже в течение нескольких дней не имели ни крошки во рту или имели самую малость, не получали, как правило, никакого довольствия и от Советов. Напротив, вовсе не единственными были случаи, что у пленных еще и отнимали остатки продовольствия. А потом начинался марш — по русской команде под руководством офицера⁷⁶.

Разыгрывавшиеся при этом сцены с трудом поддаются описанию: «Нет, словосочетание «люди на марше» никак не подходит к этим странным фигурам. Ковылять, брести, тащиться, шатаются, шататься — эти слова, может быть, звучат и менее приятно, но, во всяком случае, они тут уместны»⁷⁷.

Все громче заявляли о себе симптомы дистрофии и инфекционных болезней, унесших затем жизни десятков тысяч человек. Многие рассказывают о галлюцинациях; идущему в колонне человеку казалось, что он видит дома, где можно укрыться, он выходил из строя и падал под пулей⁷⁸. Или: «В нескольких шагах впереди меня шел высоченный пиротехник. Вдруг он сбросил с себя в снег вещевой мешок, снял шинель и гимнастерку, говоря, что ему жарко. И это при 30 градусах мороза. Не пройдя и ста метров, он снял затем сапоги и чулки и сказал, что теперь ему идти стало намного легче. А еще через несколько шагов он снова сел в снег. Прозвучал выстрел, долговязый пи-

ротехник получил свою пулю в затылок из русского пистолета и его не стало в живых»⁷⁹.

В том, что охрана пристреливала отстающих, подавляющее большинство не видело никакой жестокости. В ситуации, когда помочь им все равно было невозможно, выстрел считался актом милосердия по сравнению с альтернативой медленной смерти от холода.

Хотя расстояния между промежуточными лагерями и сборными пунктами не превышали по прямой примерно 20–30 км, большинство свидетелей говорит о маршах, продолжавшихся сутками⁸⁰. Это кажущееся противоречие объясняется физическим состоянием пленных, чей темп ходьбы составлял около километра в час — скорость же идущего спокойным шагом пешехода составляет обычно четыре километра в час⁸¹. В результате, чтобы преодолеть расстояние, на которое у здорового человека уходит не больше дня, они шли несколько суток с ночевками в открытом поле и, как правило, без пищи. Во время этих пауз совершенно истощенные и измученные пленные пытались заснуть, что было, однако, чревато риском замерзнуть. Один участник так описывает подъем после такой ночи: «Каждое утро одна и та же картина: часть людей вставала из последних сил, оставались черные пятна — умершие»⁸².

Промежуточные лагеря, в которые помещали пленников, были разными. Так, лагерь Дубовка состоял из каменных бараков с крышей, но без окон, в Красноармейске это были бараки без крыш, в Бекетовке — главным образом дома, где до войны уже никто не жил, в другом месте — землянки или бывшие казармы, как правило, неотапливаемые⁸³. Но еще ужаснее была ситуация в лазаретах Сталинграда, наиболее известные из которых находились в «бункере Тимошенко». Это была иная система бомбоубежищ протяженностью в четыре километра. Существовавшая там первоначально инфраструктура (электричество, вода, канализация) Советы вывели из строя приходом немцев из строя. Больные лежали тут вповалку на голом полу. «Тепло шло от многочисленных людей и осадки от их испарений, стекавших омерзительными струями с теплых стен... Старые провода из стен вырывали, изоляцию использовали для коптилок. Но в дальних ходах в конце бункера царилась кромешная тьма»⁸⁴.

Питание поначалу было нерегулярным и очень скудным, главное — оно не подходило к физическому состоянию пленных. Один из них рассказывает о немолотом зерне: «Ясно, что

отдельные зерна не переваривались ослабленным желудком и выбрасывались из организма в том же виде, в каком он их принимал. Людские испражнения промывались, и те же зерна варили еще раз»⁸⁵.

В этих условиях все мысли и действия пленных были направлены только на то, как бы добыть дополнительной еды. К чему приводила нужда, видно на таком примере: «Там лежала черная, осклизлая куча, из которой я выкопал несколько почти твердых картофелин. Мы долго варили их в котелке, пока они не превратились в кашу. Нам они казались вкуснятиной, но Карл есть их не мог. Темное, до синевы, неаппетитно выглядывшее месиво скрипело у нас на зубах, но тут уж было все нипочем»⁸⁶.

Другой альтернативой был каннибализм, о чем рассказывали узники нескольких лагерей⁸⁷. Были и иные явления, вроде того, что немецкий и советский лагерный персонал разворовывал продовольствие и спекулировал им, или когда врачи прописывали лекарства только в обмен на продукты⁸⁸.

Еще одним поводом для распри было отношение офицеров рядовым и унтер-офицерам. В вермахте пища была принципиально одинаковой для всех, но в плену действовали советские правила, по которым офицерам полагалось лучшее питание. И хотя их рацион был не намного больше, при той нехватке еды это могло сохранить им жизни⁸⁹.

Через одну-две недели в лагерях набрали полную силу болезни, начавшие развиваться уже в котле⁹⁰. Наряду с дистрофией и брюшным тифом на первых ролях тут, пожалуй, был сыпняк. Болезнь сопровождалась приступами умопомрачения, потерей памяти, высокой температурой, невыносимыми головными болями и через 60–100 дней заканчивалась, как правило, смертельным исходом: «Кое-кто от большого жара сходил с ума, больше не сознавал, что он делает, ползал на четвереньках, нес околесицу, не находил себе места и умирал там, где он, чужак, оказывался»⁹¹.

Понятие «чужак» характеризует еще один немаловажный аспект лагерной жизни: сыпной тиф, как и дистрофия, имел своим следствием редукцию внешних контактов и эмоциональной привязанности; поэтому дружбы или солидарности, которые могли бы кое-что компенсировать, в лагерях не существовало — постоянным и главным в мыслях было только одно — голод⁹².

Те немногие, кто выживал после первой болезни, как пра-

вило, будучи ослабленными после сыпняка, заболели другими инфекционными болезнями, главным образом брюшным тифом, либо становились дистрофиками. Едва ли находил кто-то, кто был в состоянии придерживаться хотя бы гигиенического минимума: «Лишь немногие из больных могли поныться с нар и дотащить до ведер, предназначенных для обслуживания естественных потребностей. Часто случалось, что так называемых санитаров во время их дежурства тоже свалил сыпняк, и не было никого, кто мог бы вынести эти ведра. Они наполнялись через край, и эти испражнения растаскивали повсюду. Большинство больных и без того лежали в собственном дерьме, потому что испражнялись прямо под себя»⁹³.

И едва ли кто-то был физически в состоянии уносить и перебирать умерших: «В среднем мы (вдвоем. — Авт.) относили каждый день трех-четырех через коридор, вниз по длинной лестнице через двор до ворот. До полудня мы бывали заняты этим»⁹⁴.

Количество смертей было огромным, один из немногих оставшихся в живых так описывает свою прогулку по главной лагерной дороге после выздоровления от сыпняка: «Сначала вообще не мог понять, что это такое — то, что я видел. Выглядело как-то не так. В частности, я не мог объяснить себе, что это за насыпи, тянувшиеся по обе стороны дороги на протяжении примерно 500 метров. Только подойдя к ним вплотную, я увидел, что это просто мертвые. Наваленные друг на друга трупы, заполнявшие всю канаву и образовавшие с той и другой стороны дороги насыпи высотой почти в один метр»⁹⁵.

В марте 1943 года Советы начали отправлять тех, кто оставался в живых, в тыл. От центрального лагеря Бекетовка эшелоны шли к лагерям для военнопленных, некоторые из них находились далеко в среднеазиатских республиках. А условия быта эшелонах были не лучше лагерных: «В вагон для перевозки скота набили 40–50 человек. Ни соломы, ни одеял, один только голый пол»⁹⁶. В пути, длившемся в зависимости от станции назначения от нескольких дней до нескольких недель, есть и пить давали нерегулярно; покидать вагон для опривления нужды как правило, не разрешалось: «Я тоже попал в один из этих вагонов (по 100 человек в каждом. — Авт.), и спустя примерно три недели выйти из него смогли примерно человек 50–60. Остальные умерли. Трупы были выгружены по пути»⁹⁷.

Реакция советской лагерной администрации и врачей

массовые смерти была неодинаковой. Разумеется, были «начальники» (их так и называли по-русски) лагерей, которые относились к этому равнодушно, а то и одобрительно. Но очевидно рассказывают также и об озабоченности и опасениях лагерной администрации и врачей. Одни из них боялись, что может оказаться зараженным и советское гражданское население, другие хотели, чтобы военнопленные оставались в живых и использовались как рабочая сила или пропагандистский рычаг против еще сражающихся немецких войск, но многие просто сочувствовали и в рамках своих ограниченных возможностей делали все для улучшения положения пленных⁹⁸.

Затем, в апреле—мае 1943 года, была проведена регистрация оставшихся пленных и получено указание, по которому теперь полагалось сообщать о всех смертных случаях и производить вскрытие трупов. И хотя это еще не означало прямого улучшения снабжения, но уже сдерживало расхищение продуктов и производил лагерного персонала; да и для администрации лагерей не было резона выделяться высокими показателями смертности⁹⁹.

Следующим значительным прогрессом в отношении к военнопленным стало введение в июне 1943 года 10-й нормы питания с существенным увеличением рационов. Процент смертности резко сократился, а больные из оставшихся в живых военнопленных стали получать, как правило, питание в советских больницах или лазаретах¹⁰⁰. Значительную часть «сталинградцев» перевели в другие лагеря, а в освободившиеся доставляли новых пленных.

Существенное улучшение ситуации с мая 1943 года вовсе не означало конца всем страданиям — особая судьба «сталинградцев» включалась отныне в общую историю военнопленных в Советском Союзе, положение которых врачом-«сталинградцем» Хансом Дибольдом описывается следующим образом: «Физический труд, к примеру, на торфоразработках: холод, сырость, длинный путь к месту работы, слишком мало времени для сна, сон на цементном полу, на досках или настилах из жердей, на нарах в два-три этажа (в одежде и обуви, чтобы не украли)... Немыслимые лохмотья, дырявые башмаки с вылезавшими наружу гвоздями. Наголо остриженные, со щетиной на лицах. Ни ножа, ни иголки, ни нитки, ни носового платка... Драки за порции, за место за столом, еда стоя, раздача чая без кружек, суп — в пилотку, понос — прямо в штаны, чередование страха и надежды, никакой почты, тоска по дому, заботы,

одинокость, причем все попеременно — тут же и похитить хлеба, и гордые мастера испортить воздух, и заразные болезни. Наказания. Страх перед доносами»¹⁰¹.

Когда окидываешь ретроспективным взглядом отрезок жизни «сталинградцев» с начала окружения и до весны 1943 года, то возникает немало вопросов, например, таких: что было главными причинами смерти десятков тысяч солдат, погибших в боях, а в результате болезней и голода, кто виновник этой трагедии и можно ли было ее избежать?

О причинах массовой смертности. В первую очередь надо иметь в виду состояние здоровья «сталинградцев». Находясь в котле, среди которых первые случаи смерти от голода были уже в предрождественские дни, с начала отступления к Сталинграду (середина января) почти, а то и совсем не получали еды. Они дошли до такой степени физического истощения, что были уже не в состоянии принимать и усваивать нормальную пищу. Так что, если бы в конце января они не сдались в плен, были бы освобождены, то, вероятно, часть из них все равно умерла бы от недоедания или уже появившихся инфекционных заболеваний.

Но вместо свободы пришли плен и марши в лагерь. Многие очевидцы соглашались в одном: во время окружения надежда на освобождение и страх перед пленом мобилизовывали многих «сталинградцев» их последние резервы; плен представлялся им страшнее, чем немедленная смерть. И когда оказались в плену, то это стало для них тотальным психическим крахом, не оставалось больше ничего, ради чего стоило бы жить.

И условия во время пеших переходов, в лагерях и в эшелонах большей частью подтвердили эти опасения. Правда, те очевидцы почти не обращают внимания на то обстоятельство, что питание, по всей видимости, было не хуже, чем в котле, санитарное обеспечение до и после сдачи в плен было, наверное, примерно одинаковым. Отсюда, пожалуй, можно с полным правом сделать вывод, что все равно часть солдат не выжила бы даже если бы их питание после пребывания в котле было отличным. С другой стороны, те, кто попал бы в плен здоровым, куда легче выдержали бы обращение с ними со стороны Советов, и жели полностью изможденные «сталинградцы». Поэтому и недостаток питания во время нахождения в котле, и психическое потрясение после сдачи в плен, и обращение в плену были тесно взаимосвязанными факторами, каждый из которых мог

стать причиной смерти части военнопленных. Однако только вместе взятые они привели к почти поголовной гибели «сталинградцев»¹⁰².

Во-вторых, встает вопрос: можно ли было избежать этих потерь? Следует констатировать, что если бы капитуляция произошла еще до Рождества 1942 года, то солдаты попали бы в плен, будучи намного более здоровыми, и потому общее число потерь среди «сталинградцев» — как в котле, так и в плену — было бы наверняка куда ниже. На вопрос о том, почему же капитуляция все же не произошла, мы ответим ниже. Принятие советского предложения о капитуляции тоже имело бы хотя и небольшой, но все же положительный эффект.

Встает и такой вопрос: была ли у советской стороны возможность создать лучшие условия жизни для пленных? Прежде всего необходимо отметить, что о советской политике в отношении обращения с военнопленными почти ничего неизвестно. Поэтому ограничимся свидетельствами очевидцев. Насколько военнопленным в первые годы вообще удавалось контактировать с гражданским населением, они, как правило, отмечают, что если солдаты Красной Армии питались относительно хорошо, то гражданское население в Советском Союзе голодало. Врачи рассказывают, что советские медики демонстрировали им на советских пациентах симптомы болезней, которые немцам были неизвестны, к примеру, цинги¹⁰³. Отсюда вполне оправданным представляется такой вывод: массовая смертность пленных не была результатом целенаправленной политики, а явилась следствием общего катастрофического положения в Советском Союзе в те годы¹⁰⁴. Правильна ли такая оценка и были ли у Советского Союза альтернативы его действиям — на эти вопросы можно будет ответить только на основе изучения советских документов.

4. ПОТЕРИ СРЕДИ УЧАСТНИКОВ СТАЛИНГРАДСКИХ БОЕВ

Данные в литературе о количестве людей, оказавшихся окруженными в сталинградском котле, настолько же многочисленны, насколько и противоречивы: в западногерманских публикациях общее число находившихся в окружении колеблется от примерно 200 000 до 380 000 человек; советские источники исходят, как правило, из того, что в котле насчитывалось 330 000 солдат — эта цифра называется и в более поздних не-

мецких публикациях, авторы которых не утруждают себя мыслью о явных расхождениях в имеющихся данных¹⁰⁵.

Только одна работа — «Сталинград» Керига — уделяет цифрам должное внимание, поэтому она вместе с советскими данными анализируется ниже более подробно. Но есть еще третий источник, не учитывавшийся до сего времени в научных публикациях, — документы штаба по расформированию Сталинградских частей (ликвидационный штаб), занимавшегося в 1943–1944 годах выяснением вопросов, связанных с гражданским состоянием без вести пропавших. Он пришел совсем к другому выводу, нежели Кериг¹⁰⁶. В приводимую ниже таблицу включены три главных варианта количественных показателей сражавшихся под Сталинградом.

Таблица
МЕСТОПРЕБЫВАНИЕ УЧАСТНИКОВ СРАЖЕНИЯ ПОД СТАЛИНГРАДОМ¹⁰⁷

	Блокированы в котле	Эвакуированы воздушным путем	Оставались в котле	Погибли в котле	Взяты в плен
Кериг	ок. 300 000	24 497	265 503	58 110	201 191
Тельпуховский	330 000	?	св. 233 000	св. 142 000	св. 91 000
Ликвидационный штаб	183 049	16 353	166 696	11 036	155 600

Табл. 1 еще раз демонстрирует противоречивость сведений, расхождение между данными ликвидационного штаба и данными Тельпуховского относительно числа блокированных в котле составляет почти 147 000 человек; по Керигу, в плен попали около 200 000 немцев, а по Тельпуховскому, их было менее 100 000.

Относительно надежности приведенных цифр. Данные Тельпуховского нельзя проанализировать более подробно, поскольку их происхождение неизвестно. Кериг же, напротив, кладет в основу своих данных сведения 6-й армии о числе находящихся на доволствии, а также официальные донесения о взятых в плен самолетами и о потерях. Достоверность этих донесений, однако, сомнительна по нескольким причинам: вначале даже штабу 6-й армии не было известно действительное количество подлежащих продовольственному снабжению по составу оказавшихся в котле армейских частей, а впоследствии дан-

ные журнала боевых действий 6-й армии колеблются от 200 000 до 275 000 в декабре 1942 года, и эту разницу невозможно объяснить количеством эвакуированных по воздуху или погибших¹⁰⁸. Надежность данных о числе едоков вообще сомнительна, потому что войска — об этом свидетельствует бывший начальник штаба 6-й армии Шмидт — всегда сообщали завышенное количество, чем это было на самом деле¹⁰⁹.

Наряду с этим следует, однако, учесть и ряд аспектов, которые до сего времени оставались без внимания. Слишком легковерно за основу расчетов берется численный состав 6-й армии до ее окружения. Это неправильно, потому что ряд частей армии — и их было немало — не был в котле¹¹⁰. Далее, исходят из того, что все окруженные относились исключительно к вермахту и все они опять же были немцами, что тоже неверно. В самом Сталинграде вместе с военнослужащими германского вермахта находились подразделения «Организации Тодта» численностью до 1100 человек, состоявшие преимущественно из немцев, но среди них были и иностранцы — вплоть до бельгийцев¹¹¹. К ним следует добавить еще и 30 солдат итальянской автоколонны, оказавшихся в окружении в силу сложившихся обстоятельств, а также 369-й хорватский пехотный полк, 800–900 солдат которого сражались в составе 100-й егерской дивизии¹¹². Более весомыми в количественном плане были две румынские дивизии, которые также находились в котле, — по немецким данным, речь идет о 5000 солдат, другие же источники называют 10 000–13 000 человек¹¹³. (Показательно, что по немецкому радио при сообщении о падении Сталинграда были сыграны один за другим германский, румынский и хорватский государственные гимны¹¹⁴.)

Наибольшая после немцев доля находившихся в котле приходилась на советских граждан. Наряду с гражданским населением, что осталось в живых в городе, это были десятки тысяч пособников, служивших в частях вермахта. Их количество к моменту окружения составляло в боевых дивизиях, по документам 6-й армии, ни много ни мало 51 780 человек, т.е. 27,2% общего численного состава последних¹¹⁵. Если применить это процентное соотношение и к тем подразделениям, данные по которым отсутствуют, то число этих подручных увеличивается по 6-й армии примерно до 77 000. Сюда же следует приплюсовать и военнопленных, захваченных 6-й армией во время ее нахождения в котле. Их число составляло на конец ноября 1942 года около 2000 человек, а за декабрь

штаб 6-й армии снова рапортовал о 2312 пленных¹¹⁶. Дальнейшие донесения о захваченных военнопленных обрывочны и доходят только до середины января, таким образом, общее количество пленных могло составить приблизительно 5000 человек¹¹⁷. Они содержались в пересыльном лагере 205 близ Вороново, где с ними, если верить немногим имеющимся свидетельствам, обращались со всей корректностью, какая была возможна в тех условиях. Когда в середине января фронт приблизился к Вороново, этот лагерь, вероятно, был ликвидирован — имеются отдельные донесения о том, что «бежавшие военнопленные были схвачены», но никаких сообщений о какой-либо передислокации лагеря нет¹¹⁸. Говорят, что в последние дни была предпринята попытка передать их Красной Армии, но она сорвалась¹¹⁹. Дальнейшая судьба пересыльного лагеря 205 и его узников покрыта мраком.

Помещенная ниже таблица представляет собой попытку собрать все эти сведения воедино. При этом итальянцы, хорваты и входящие в «Организацию Тодта», поскольку их численность невелика, приплюсовываются к немцам; советские военнопленные не учитываются, так как о них мало сведений. Вариант, обозначенный как «Кериг-1», исходит из предположения, что доля пособников из числа советских граждан во всех частях 6-й армии соответствовала их проценту в боевых дивизиях. «Кериг-2» означает альтернативный подход, когда эти лица учитывались лишь там, где их наличие подтверждается, т.е. только в дивизиях.

Когда изучаешь табл. 2 и многочисленные графы с вопросительными знаками, то становится очевидным, насколько не полны имеющиеся сведения. Немного лучше дело обстоит только в отношении группы немцев, коими и ограничивается последующий анализ. Здесь данные авторов из разных стран во многом сближаются.

Та часть таблицы, что дается как вариант Оверманса, представляет собой попытку некоего синтеза; она покоится на следующем рассуждении¹²²: штаб, занимавшийся в течение почти двух лет с привлечением всех административных возможностей и с помощью родственников без вести пропавших составлением поименных списков тех, кто сражался в Сталинграде, пришел к выводу, что за вычетом вывезенных по воздуху в котле оставалось 166 695 военнослужащих вермахта. Разумеется, в тогдашней обстановке хаоса на этом участке Восточного фронта бывали случаи, когда некоторых солдат считали в их

Таблица 2

МЕСТОПРЕБЫВАНИЕ ОКРУЖЕННЫХ¹²⁰

	Блокированы в котле	Эвакуированы воздушным путем	Оставались в котле	Умерли в котле	Взяты в плен	Умерли в плену	Выжили
<i>Кериг-1</i>							
Немцы	206 605	24 497	182 108	58 110	123 998	?	?
Пособники	77 193	—	77 193	77 193		?	?
Гумыны	10 000	?	макс. кол-во 10 000	макс. кол-во 10 000	?	?	?
Итого	293 798	24 497	269 301	?	?	?	?
<i>Кериг-2</i>							
Немцы	232 018	24 497	207 521	58 110	149 411	?	?
Пособники	51 780	—	51 780	51 780		?	?
Гумыны	10 000	?	макс. кол-во 10 000	макс. кол-во 10 000	?	?	?
Итого	293 798	24 497	268 301	?	?	?	?
<i>Ликвидационный штаб</i>							
Немцы	183 049	16 353	166 696	11 036	155 660		
<i>Оверманс¹²¹</i>							
Немцы	195 000	25 000	170 000	60 000	110 000	105 000	5000
Пособники	50 000	—	50 000	50 000		?	?
Гумыны	5000	?	макс. кол-во 5000	2000	3000	?	?
Итого	250 000	25 000	225 000	?	?	?	?

частях без вести пропавшими совсем в другом месте, а на самом деле они были в окружении в Сталинграде, а также когда близких родственников у того или иного без вести пропавшего солдата не было и подать прошение о его поиске было некому. Однако количество таких случаев едва ли могло быть чересчур большим. Отсюда представляется оправданным считать, что в сталинградском котле оказалось приблизительно 170 000 немцев.

Иначе обстоит дело с количеством эвакуированных по воздуху. Здесь ликвидационный штаб называет лишь немногим

более 16 000 человек, а Кериг — свыше 24 000. Имея дело данными ликвидационного штаба, следует учитывать, что, частности, те из эвакуированных, кто добился своего вывоза несправедливыми путями, едва ли были заинтересованы в том, чтобы пойти навстречу приглашению ликвидационного штаба и зарегистрироваться. Во-первых, здесь не шла речь о выяснении чьей-то неопределенной судьбы, а во-вторых, для солдат, которым удалось улететь из котла, не будучи тяжелоранеными и не имея других весомых оправданий, регистрация в ликвидационном штабе была чревата расследованием с нежелательными последствиями. Отсюда, вероятно, и заниженность цифр штаба.

Что же касается цифр Керига, то необходимо иметь в виду следующее: число в 24 000 с лишним получено только из количества пассажиров, учтенных штабом 6-й армии. Однако — особенно на последнем этапе — персонала, который оформлял вылет и который бы пересчитывал или мог пересчитать пассажиров, часто просто не было. К тому же период с 13 по 23 января 1943 года в котле удалось совершить посадку и вылететь затем с ранеными на борту по меньшей мере 150 машинам, но эвакуация этих пассажиров в журнале боевых действий 6-й армии не отмечена¹²³. Отсюда следует, что фактическое число эвакуированных по воздуху было больше, нежели приводимое Керигом. Правда, тут необходимо считаться и с возможностью совершенно иного результата. Неизвестное количество среди эвакуированных составляли румыны, так что итоговое число вывезенных самолетами нельзя безоговорочно принимать за общее количество эвакуированных немцев. Поэтому с учетом обеих этих побочных величин, в последнем варианте вышеприведенной таблицы число эвакуированных по воздуху определяется в 25 000 человек, что немного больше цифры, приводимой Керигом¹²⁴.

Отсюда следует, что в ноябре 1942 года в котле оказались примерно 195 000 военнослужащих германского вермахта. Как же сложилась судьба приблизительно 170 000 немцев, оставшихся в котле? Сведения ликвидационного штаба, касающиеся смертельных случаев до и после прекращения боев, охватывают только те случаи, в которых смерть была зафиксирована до окончания боевых действий. Вследствие скудности поступавшей из котла информации была учтена лишь небольшая часть подобных случаев. Кериг же исходит из цифр

в 18 110 смертей, зарегистрированных в донесениях 6-й армии за период до 12 января 1943 года, и приплюсовывает к ней еще 20 000 смертельных случаев в оставшееся время — оценку, представляющуюся, если принимать во внимание состояние здоровья «сталинградцев» и большие потери — один только пожар центрального госпиталя повлек за собой тысячи погибших, — скорее весьма заниженной. Поэтому в дальнейшем на цифру потерь принимается 60 000. В итоге получается, что в момент прекращения боевых действий в живых оставались еще примерно 110 000 немцев, которые и попали в советский плен. О количестве вернувшихся из плена точных данных нет; тем не менее бывший дивизионный интендант Биндер выявил поименно 4000 оставшихся в живых, по другим оценкам, домой возвратились от 5000 до 6000 человек, так что можно вполне предположить, что из плена вернулись 5000.

Большая неопределенность присуща данным по другим национальностям, так что речь идет лишь о приблизительных оценках, явно нуждающихся в проверке путем дальнейших поисков¹²⁵.

Общий же итог отличается от часто приводимой — в том числе и в западной литературе — цифры, согласно которой количество пленных оценивается примерно в 91 000 человек. Это кажущееся противоречие снимается, если предположить, что названная цифра касается только числа пленных в период с 10 января по 2 февраля 1943 года. К ним следует добавить еще 144 050 пленных в период с 19 ноября 1942 по 5 января 1943 года, из которых какая-то неизвестная часть приходится на котел¹²⁶. Кроме того, следует учитывать, что в последние дни боев в Сталинграде, надо думать, едва ли можно было точно сосчитать всех пленных или определить по трупам, замерз ли этот солдат еще до прекращения боев или только в ту ночь, когда уже оказался в плену. Если же принимать во внимание состояние здоровья участников боев в Сталинграде в конце января — начале февраля, то и нужда в такого рода различии представляется достаточно сомнительной.

О дальнейшей судьбе «сталинградцев» сведений, которые были бы подтверждены научно, нет. Есть только две оценки, сделанные службой поиска Германского общества Красного Креста (ГОКК) и относящиеся к 1951 и 1954 годам, на достоверность которых вполне можно положиться. Правда, они недостаточно полны: к сожалению, отсутствуют данные о потерях во время пеших переходов, а все расчеты основываются на со-

ветских данных, свидетельствующих о том, что в лагерях находились 93 000 пленных. Но ведь названная советская цифра относится ко времени до этих «маршей смерти».

Учитывая свидетельства очевидцев, представляется правильным сделать вывод: из 110 000 немцев, попавших в плен в Сталинграде, во время пеших переходов погибли примерно 17 000 человек¹²⁷. Из приблизительно 93 000 оказавшихся в советских лагерях, по оценкам службы поиска ГОКК, умерли (в лагерях и лазаретах):¹²⁸

Бекетовка и Красноармейск	ок. 42 000–45 000
Дубовка	ок. 10 000–12 000
Фролово	ок. 4500
Все другие лагеря или лазареты	ок. 7000
Итого	ок. 65 000–66 000

Как правило, местами их погребения были массовые захоронения вблизи от лагерей; умершие в котле похоронены большей частью под Гумраком и Городищем.

Итак, весной 1943 года в живых были еще примерно 27 000 военнопленных; по более поздней оценке службы поиска ГОКК, их могло быть и 33 000 человек¹²⁹. Дальнейшие подсчеты, базирующиеся на цифре 33 000 человек, исходят из того, что примерно две трети из них были отправлены в Бекетовку, шестая часть — в Астрахань, остальные — в другие лагеря. Тяготы пути вынесли, предположительно, только 18 000 человек, а 15 000 погибли. За годы плена умерли еще 12 000, поэтому служба поиска ГОКК определяет число возвратившихся из плена примерно в 6000 человек¹³⁰. Другие источники заставляют предполагать, что эта цифра, возможно, значительно завышена и фактическое количество возвратившихся не превышает приблизительно 5000, но такая заметная в количественном плане разница не снижает ценности оценки ГОКК.

До сего времени вся группа немецких «сталинградцев» рассматривалась обычно в целом и недифференцированно, однако данные ликвидационного штаба представляют возможность проанализировать судьбу «сталинградцев» более детально. Разбивка по категориям воинских званий дает, в сочетании с другим оценочным моментом, следующую картину.

Таблица 3
ВОЕННОСЛУЖАЩИЕ ВЕРМАХТА ПО СЛУЖЕБНЫМ КАТЕГОРИЯМ¹³¹

	Попали в окружение	Эвакуированы воздушным путем	Остались в котле	Погибли в котле	Попали в плен	Вернулись домой
Офицеры	5689 (100%)	926 (16,3%)	4763 (83,7%)	465 (8,2%)	4298 (75,5%)	2800 (49,2%)
Унтер-офицеры и рядовые	175 975 (100%)	15 371 (8,7%)	160 604 (91,3%)	10 551 (6,0%)	150 053 (85,3%)	2200 (1,3%)
Чинновники	1385 (100%)	56 (4,0%)	1329 (96,0%)	20 (1,4%)	1309 (94,5%)	? (?)
Итого	183 049 (100%)	16 353 (8,9%)	166 696 (91,1%)	11 036 (6,0%)	155 660 (85,0%)	5000 (2,7%)
Овермане	195 000 (100%)	25 000 (12,8%)	170 000 (77,2%)	60 000 (30,8%)	110 000 (69,2%)	5000 (2,6%)

Хотя данные табл. 3 относительно эвакуированных по воздуху и погибших в котле являются неполными, они тем не менее дают представление о разности судеб. В период нахождения в котле процент потерь среди офицеров был примерно таким же, как среди унтер-офицеров и рядовых, существенные различия проявились только в плену¹³². Объяснением тому могут служить три различных суточных нормы продовольствия в лагерях: для генералов, для офицеров и для унтер-офицеров и рядовых. Кроме того, Советский Союз, как правило, соблюдал предписание международно-правовых норм ведения войны, которое запрещало принудительное привлечение офицеров к труду в пользу державшей их в заключении страны. Было и несколько сот лиц — в подавляющем большинстве офицеры, — находившиеся в привилегированном, по сравнению с другими, положении. Это могло быть одной из причин того, что — исходя из количества пленных по данным ликвидационного штаба — из генералов в плену умер только один, из офицеров — две трети, а из рядовых — около 85%¹³³.

Если свести все эти количественные показатели воедино, то оказывается, что Сталинград и последующий плен стоили жизни примерно 165 000 попавшим в окружение немцам, не считая потерь, понесенных авиацией в ходе ее операций по снабжению Сталинграда и сухопутными войсками при неудачных попытках по его деблокадированию, а также умерших

от ран из числа эвакуированных по воздуху, равно как и погибших среди помогавших немцам советских граждан и среди немецких союзников — итальянцев, румын и хорватов.

5. СТАЛИНГРАД И «СТАЛИНГРАДЦЫ»

Когда сравниваешь ситуацию «сталинградцев» с другими группами военнопленных, то приходишь к некоторым интересным результатам. В первую мировую войну смертность немецких военнопленных в русском плену составила около 40%, во вторую мировую войну она была в среднем на уровне «только» 30%¹³⁴. Но среди немецких военнопленных второй мировой войны «сталинградцы» занимают особое место, поскольку средняя смертность немцев, попавших в плен в 1942 году, составила около 60–70%¹³⁵, тогда как из 110 000 «сталинградцев» умерли 105 000, т.е. 95%. Когда же сравниваешь время окружения в котле с пленом, то оказывается, что к моменту окончания боев погибло около 60 000 немецких солдат или 55 процентов. В общем 170 000 попавших в окружение и не эвакуированных воздушным путем — немцев домой вернулись примерно 5000 человек, т.е. 3%.

При сравнении судьбы немецких «сталинградцев» с судьбой лиц других национальностей, попавших в плен либо в Сталинграде, либо в то же время на других участках Восточного фронта, поначалу кажется, что со всеми военнопленными обращались примерно одинаково. Но впоследствии именно командиры соединений, оказавшиеся в плену под Сталинградом или в связи с ним, станут во главе первых югославских и румынских частей, сражавшихся на советской стороне¹³⁶.

Какое же место занял Сталинград в шкале ценностей самих «сталинградцев», как сказалося на них пережитое, какие выводы сделали они из него? Вот высказывание одного из них: «В Сталинграде мы не очень-то говорили или задумывались о смысле происходящего. Это пришло потом»¹³⁷. А выводы, которые делались, были разными. Одни, несмотря на то, что германское руководство бросило Сталинград и это было всем воспринято как предательство, еще и 20 апреля 1944 года праздновали «день рождения фюрера», сохраняли, вопреки всему связанному с этим риску, и в советском лагере для военнопленных экземпляр «Майн кампф» и даже чуть ли не до самой капитуляции в 1945 году верили в победу Германии¹³⁸. Другие вступали в Национальный комитет «Свободная Герма-

ния» или в Союз немецких офицеров. Основная же масса старалась просто выжить. Но у всех у них было одно общее — быть «сталинградцем» означало и после быть отмеченным особой метой¹³⁹.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ В общей сложности имеется 3000 свидетельств тех, кто вернулся из Сталинграда; см.: *Böhme K.W. Die deutschen Kriegsgefangenen in sowjetischer Hand. Eine Bilanz.* München, 1966 (*Zur Geschichte der deutschen Kriegsgefangenen des Zweiten Weltkrieges.* Bd. 7). S. 9.
- ² Все сигнатуры документов, на которые даются ссылки в этой работе (RW, RH, B 205, MSg 200 и т.д.), находятся в Военном архиве Федерального архива во Фрайбурге (ВА-МА); начальник тыла (НТ) 6-й армии (6А) № 5242/42 от 21.10.42 с грифом «секретно» в адрес ОКХ, генеральный штаб сухопутных войск (ГШСВ), генерал-квартирмейстеру, Сводка о снабжении — RH 20-6/791, S. 7; штаб 6А — штабу группы армии (ШГА) «Дон» относительно рациона хлеба, 5.10.42. — RH 20-6/888.
- ³ НТ 6А, № 5744/42 от 9.11.42 с грифом «секретно» — ОКХ, ГШСВ, генерал-квартирмейстеру, Сводка о снабжении — RH 20-6/792. S. 6.
- ⁴ Штаб 6А — ШГА «Дон» относительно рациона хлеба, 5.10.42. — RH 20-6/888.
- ⁵ *Dibold H. Arzt in Stalingrad. Passion einer Gefangenschaft.* Salzburg, 1949. S. 17.
- ⁶ *Paulus F. «Ich stehe hier auf Befehl!»* Frankfurt a.M., 1960. S. 255.
- ⁷ Штаб 6А, НТ 1 — части штаба 6А, с местопребыванием в Морозовской, 27.11.42. — RH 20-6/795.
- ⁸ Телеграмма НТ 6А — подчиненным подразделениям за № 07054 от 6.12.42 с грифом «секретно» — RH 20-6/795.
- ⁹ Телеграмма НТ 6А, интендантский отдел — подчиненным подразделениям за № 07125/42 от 20.12.42 с грифом «секретно» — RH 20-6/795.
- ¹⁰ Имеются также данные, что в 6-й армии уже в конце ноября выдавали только по 200 г хлеба в сутки, но, надо полагать, основной массы солдат это не коснулось. В ряде случаев сведения о снабжении продовольствием искажены тем постоянным чувством голода, что царило в течение нескольких месяцев. Не следует также забывать, что сокращение продовольственного рациона имело место не только в самом котле.
- ¹¹ Рапорт санитарной части НТ 6А — начальнику тыла за № 029/43 от 6.01.43 с грифом «секретно» — RH 20-65/796.
- ¹² Сходные сведения есть по 44 и 376 пехотным дивизиям, см. донесение оперативного отдела штаба 79 пехотной дивизии штабу 51 армейского корпуса за № 767/42 от 18.12.42 с грифом «секретно» — RH 20-6/273; отчет о поездке командующего 6А от 12.12.42. — RH 20-6/965.
- ¹³ Утреннее донесение оперативного отдела штаба 6А от 20.12.42. — RH-6/241.
- ¹⁴ WKS-1088 — Berichtsummer der Wissenschaftlichen Kommission für deutsche Kriegsgefangenengeschichte. S. 1 — B 205/v. 220.
- ¹⁵ Журнал боевых действий (ЖБД) НТ 6А (крепость Сталинград), запись от

- 24.12.42. — RH 20-6/274; телеграмма офицера связи при штабе 6А адрес ОКХ от 16.12.42. — RH 20-6/244 D.
- ¹⁶ Оперативный отдел штаба 6А — подчиненным подразделениям, 27.11.42 — RH 20-6/241.
- ¹⁷ Разговор по телетайпу майора фон Куновски с полковником Финко 26.12.42. — RH 20-6/796.
- ¹⁸ Holl A. Als Infanterist in Stalingrad. Erlangen, 1978. S.87; Angermann Stalingrad. November 1942-Juli 1943. Ein Bericht — MSg 200/159. S. 6.
- ¹⁹ Телеграмма главврача 6А в адрес всех корпусов от 26.11.42 относительно снабжения и эвакуации раненых и больных — RH 20-6/795. По сообщению одного дивизионного священника, рост случаев членовредительства привел к тому, что в ночь с 11 на 12 декабря 1942 года один солдат был приговорен к смерти; см. выдержку из рапорта военного священника Альтмана, командированного из Сталинграда в 113 пехотную дивизию, от 10.01.43. — RW 4/v. 264.
- ²⁰ Добавкой служила конина, резали последних оставшихся в корпусе лошадей; см. донесение интендантского отдела штаба 51 армейского корпуса за № 9/43 от 8.01.43 с грифом «секретно» 6А относительно недостатка продовольствия — RH 20-6/796; донесение интендантского отдела штаба 6 А за № 029/43 от 6.01.43 — начальнику тыла — RH 20-6/796. S. 3.
- ²¹ ЖБД НТ 6А (крепость Сталинград), запись от 30.12.42, 3.01.43 и 6.01.43 — RH 20-6/794.
- ²² ЖБД НТ 6А (крепость Сталинград), запись от 16.12.42 и 5.01.43. — RH 20-6/794; ЖБД НТ 6А (крепость Сталинград), запись от 27.12.42. — RH 20-6/236.
- ²³ ЖБД НТ 6А, запись от 9.10.42 и 25.12.42. — RH 20-6/777.
- ²⁴ Holl A. Op. cit. S. 84.
- ²⁵ Toepke G. Stalingrad wie es wirklich war. Stade, 1949. S. 67.
- ²⁶ Рапорт внутреннего караула 6-го воздушного флота за № 123/43 с грифом «секретно» относительно погодных условий в период снабжения крепости Сталинград по воздуху — RL 30/3. Для сравнения: Сталинград находится примерно на той же географической широте, что и Мюнхен, но намного ниже над уровнем моря.
- ²⁷ НТ 6А № 5242/42 от 21.10.42 с грифом «секретно» в адрес ОКХ, ГШСВ генерал-квартирмейстеру. Сводка о снабжении — RH 20-6/791. S. 19; НТ 6А, № 5744/42 от 9.11.42 с грифом «секретно» в адрес ОКХ, ГШСВ генерал-квартирмейстеру. Сводка о снабжении — RH 20-6/792. S. 12.
- ²⁸ Отчет о поездке командующего 6А от 27.12.42. — RH 20-6/965.
- ²⁹ Toepke G. Op. cit. S. 78, 102.
- ³⁰ ЖБД 6А, запись от 29.12.42 и 6.01.43. — RH 20-6/236; ЖБД НТ 6А (крепость Сталинград), запись от 11.01.43. — RH 20-6/794.
- ³¹ ЖБД 6А, запись от 31.12.42. — RH 20-6/236.
- ³² Новогодний приказ, материалы отдела начсостава штаба 6А, 31.12.42. — RH 20-6/240.
- ³³ ЖБД 6А, запись от 3.01.1943. — RH 20-6/236.
- ³⁴ Телеграмма НТ 6А (крепость) за № 047/43 с грифом «Совершенно секретно. Только для командования» от 13.01.43 в адрес НТ ГА «Дон» — RH 20-6/796.
- ³⁵ 3-й предварительный отчет отдела цензуры полевой почты при штабе 4-й танковой армии о результатах проверки 11 237 почтовых отправлений из района окружения в Германию за период 12-17.01.43. — RW 4/v. 264; Ср.: Brendel R. Die Schlacht von Stalingrad als Problem der NS-Propaganda (магистерская работа, написанная в Мюнхенском университете). München, 1985. S. 102.
- ³⁶ Выдержка из отчета о работе отдела цензуры полевой почты при штабе 4-й танковой армии за январь 1943 г. — RW 4/v. 264. S. 3.
- ³⁷ Angerman B. Op. cit. S. 7; ЖБД 6А, запись от 3.01.43. — RH 20-6/236; телеграмма оперативного отдела и НТ всем подчиненным подразделениям от 3.01.43 с грифом «секретно» — RH 20-6/796; отчет командующего 6А от 3.01. и 4.01.43. — RH 20-6/240.
- ³⁸ ЖБД НТ 6А (крепость Сталинград), запись от 18.01.43. — RH 20-6/794.
- ³⁹ Paulus F. Op. cit. S. 245.
- ⁴⁰ ЖБД НТ 6А (крепость Сталинград), запись от 17.01.43. RH 20-6/794; Ср.: Diez G.J. Der Marsch der VI. Armee auf Stalingrad und Ereignisse in der Gefangenschaft (1. Teil) — Wehrmedizinische Monatsschrift, 1989. S. 376-383, здесь цит. S. 380; Toepke G. Op. cit. S. 126.
- ⁴¹ Toepke G. Op. cit. S. 115.
- ⁴² Holl A. Op. cit. S. 100.
- ⁴³ Ibid. S. 103.
- ⁴⁴ Diez G.J. Op. cit. S. 381; Probst J. Von Stalingrad nach Saratow, o. O., O. J. — MSg 200/725. S. 38.
- ⁴⁵ Был такой случай, что уже в последние дни один солдат эвакуировался с диагнозом «сотрясение мозга»; см. ЖБД НТ 6А, запись от 23.01.43. — RH 20-6/797.
- ⁴⁶ Из рапорта капитана Майера, командира 9-й эскадрильи 27-й авиагруппы, от 21.01.43 о положении на аэродроме Гумрак — RL 30/3.
- ⁴⁷ Angermann B. Op. cit. S. 11.
- ⁴⁸ Из приказа по 6-й армии от 22.01.43, см.: Kehrig M. Stalingrad. Analyse und Dokumentation einer Schlacht. Stuttgart, 1974 (Beiträge zur Militär- und Kriegsgeschichte, Bd. 15). Dok. 65. S. 631.
- ⁴⁹ Телеграмма оперативного отдела штаба 6А от 12.01.43 в адрес ГА «Дон» — RH 20-6/242; телеграмма офицера по связи при 6А от 15.01.43 в адрес ОКХ — RH 20-6/965; НТ 6А, № 059/43 от 18.01.43 с грифом «секретно» в адрес НТ ГА «Дон», Оперативная сводка за 18.01.43. — RH 20-6/796.
- ⁵⁰ Выдержка из отчета о работе отдела цензуры полевой почты при штабе 4-й танковой армии за январь 1943 года. — RW 4/v. 264. S. 4; Brendel R. Op. cit. S. 102.
- ⁵¹ WKS-1088, S. 2 — В 205/v. 220.
- ⁵² Kehrig M. Op. cit. S. 670.
- ⁵³ Генерал-фельдмаршал Мильх, № 239/43 от 24.01.43 с грифом «Совершенно секретно. Только для командования», — Ставке фюрера, 14-е донесение относительно снабжения Сталинграда — RL 30/3; ср.: Seydlitz W.v. Stalingrad. Konflikt und Konsequenzen. Erinnerungen. amburg, 1977. S. 246.
- ⁵⁴ Holl A. Op. cit. S. 115; Wieder J. Die Tragödie von Stalingrad. Erinnerungen eines Überlebenden. Deggendorf, 1955. S. 104.
- ⁵⁵ Diez G.J. Op. cit. S. 379 f.

- ⁵⁶ Kehrigh M. Op. cit. S. 524; Paulus F. Op. cit. S. 90.
- ⁵⁷ Kehrigh M. Op. cit. S. 670.
- ⁵⁸ Штаб 6А — ГА «Дон», 26.01.43. — RW 4/v. 264; ср.: Adam W. Der schwere Entschluß. Berlin, 1965. S. 336; Wieder J. Stalingrad und die Verantwortung der Soldaten. München, 1962. S. 117.
- ⁵⁹ См.: Schröter H. Stalingrad «... bis zur letzten Patrone». Lengerich, 1954. S. 216.
- ⁶⁰ См.: Gries U. Abbau der Persönlichkeit. München; Basel, 1957. S. 47 ff.
- ⁶¹ Dibold H. Op. cit. S. 65.
- ⁶² Angermann B. Op. cit. S. 15 f.; Kehrigh M. Op. cit. S. 541; Schröter H. Op. cit. S. 175; Wieder J. Op. cit. S. 86.
- ⁶³ Телеграмма офицера связи при штабе 6А в адрес ОКХ от 30.01.43. — RW 20-6/965.
- ⁶⁴ Мы не касаемся здесь «Последних писем из Сталинграда» (Die letzten Briefe aus Stalingrad. Gütersloh, 1950), фрагменты из которых до того публиковались в «Шпигеле» («Der Spiegel», 1949. № 5. S. 14), так как они, по-видимому, фальсифицированы; см. также: Ebert J. Zwischen Mythos und Wirklichkeit. Die Schlacht von Stalingrad in deutschsprachigen authentischen und literarischen Texten. 2 Bde. 1989 (диссертация, защищенная в Берлинском университете им. Гумбольдта). S. 32. См. статьи Т.А. Кохута и Ю. Ройлесске в этом сборнике.
- ⁶⁵ Телеграмма оперативного отдела штаба 6А — ГА «Дон» от 26.01.43. — RW 4/v. 264.
- ⁶⁶ Angermann B. Op. cit. S. 15.
- ⁶⁷ WKS-271. S. 4 — В 205/v. 117 b; WKS-1088. S. 3 — В 205/v. 220; Holl A. Op. cit. S. 116; Mösch G. Stalingrad. Ein Erlebnis und seine Konsequenzen. Kassel o. J. S. 7.
- ⁶⁸ Schröter H. Op. cit. S. 206 ff.; см. также: Steidle L. Entscheidung an der Wolga. Berlin (Ost), 1969. S. 267.
- ⁶⁹ Steidle L. Op. cit. S. 277; сходное описание см.: Gartellieri D. Die deutschen Kriegsgefangenen in der Sowjetunion. Die Lagergesellschaft. München, 1967 (Zur Geschichte der deutschen Kriegsgefangenen des Zweiten Weltkrieges. Bd. 2). S. 24, 27; Mösch G. Op. cit. S. 20; Steinbach P. Zur Sozialgeschichte der deutschen Kriegsgefangenschaft in der Sowjetunion im Zweiten Weltkrieg und in der Frühgeschichte der Bundesrepublik Deutschland. Ein Beitrag zum Problem historischer Kontinuität — Zeitgeschichte, 17 (1989). S. 5; Deutsche im Zweiten Weltkrieg. Zeitzeugen sprechen, hrsg. von J. Steinhoff u. a. München 1989. S. 254; WKS-323tb. S. 2 — В 205/v. 124.
- ⁷⁰ Angermann B. Op. cit. S. 29; Dibold. Op. cit. S. 76; Holl A. Was geschah nach Stalingrad. Erlangen, 1965. S. 11; Kehrigh M. Op. cit. S. 545; Klaus E. Durch die Hölle des Krieges — Erinnerungen eines deutschen Unternehmers an Stalingrad. Gefangenschaft und Wiederaufbau. Berlin, 1991. S. 206; Seydlitz W.v. Op. cit. S. 258 f.; Wieder J. Die Tragödie... (см. прим. 54). S. 106.
- ⁷¹ Hauschild P. Meine Erlebnisse als erster deutscher Stabsoffizier seit dem 3. August 1941 in Kriegsgefangenschaft bei den Sowjetrussen, o.O., o.J. — MSg 200/226. S. 50; Klaus E. Op. cit. S. 89.
- ⁷² Gartellieri D. Op. cit. S. 52; Steinbach P. Deutsche Kriegsgefangene in der Sowjetunion. Ein Beitrag zur deutsch-sowjetischen Beziehungsgeschichte — Aus Politik und Zeitgeschichte, B 24/91. S. 42.

- ⁷³ Начало было положено двумя публикациями, вышедшими на Западе в числе первых: Fischer K.J. Der Gefangene von Stalingrad. Bericht eines Heimgekehrten. Willbach, 1948; Humbert Ph. Ich bitte erschossen zu werden — Der Spiegel, (1949), № 5, S. 16-19.
- ⁷⁴ Единственное и в то же время полное, но до сих пор почти не учитываемое описание этих событий см. в: Zur Geschichte der Kriegsgefangenen im Osten. Teil 1: Vom Ort der Gefangennahme ins Kriegsgefangenenlager, hrsg. vom Deutschen Roten Kreuz-Suchdienst. Bielefeld, 1954 (напеч. на правах рукописи). S. 28-43.
- ⁷⁵ Weinert E. Memento Stalingrad. Berlin, 1951. S. 167.
- ⁷⁶ Holl A. Was geschah... S. 10; Rokossovski K.K. Soldatenpflicht. 2 Bde. Berlin (Ost), 1973. S. 232.
- ⁷⁷ WKS-271. S. 8 — В 205/v. 117 b.
- ⁷⁸ Gerlach W. Das Dunkle Tal. Erlangen, o.J. (ca 1976). S. 15.
- ⁷⁹ WKS-271. S. 8 — В 205/v. 117 b.
- ⁸⁰ Иногда пленные даже думали, что их водят по кругу, но это впечатление не выдерживает проверки. Так, один участник рассказывает, что они трое суток ходили по кругу, прежде чем прибыть в Кисляковскую. Но то же время занял и путь тех, кого, по их же собственным высказываниям, вели туда напрямик; см.: WKS-1088, S. 5 f. — В 205/v. 220.
- ⁸¹ Holl A. Was geschah... S. 36 ff.
- ⁸² Klaus E. Op. cit. S. 91.
- ⁸³ Gartellieri D. Op. cit. S. 56 f.; Das Kriegsgefangenen-Lager am Rande der Steppe. Stalingrad-Beketowka 108/2. Hrsg.: Lagergemeinschaft der Kameraden des ehemaligen Kriegsgefangenen-Lagers Stalingrad-Beketowka 108/2. Frankfurt a. M., 1988.
- ⁸⁴ Dibold H. Op. cit. S. 39 f.
- ⁸⁵ WKS-271. S. 10 — В 205/v. 117b.
- ⁸⁶ Probst J. Op. cit. S. 71 f.
- ⁸⁷ WKS-271. S. 12 — В 205/v. 117b; WKS-1045tb. S. 13 — В 205/v. 215.
- ⁸⁸ Gartellieri D. Op. cit. S. 71, 246; Probst J. Op. cit. S. 61, 75 ff., 79; MSg 200/1086. S. 9.
- ⁸⁹ Gartellieri D. Op. cit. S. 45; Klaus E. Op. cit. S. 198.
- ⁹⁰ Diez G.J. Op. cit. S. 377.; ср. сводку о снабжении ИТ 6А (см. прим. 27).
- ⁹¹ Probst J. Op. cit. S. 61.
- ⁹² Gartellieri D. Op. cit. S. 264; Gries U. Op. cit. S. 53.
- ⁹³ Klaus E. Op. cit. S. 113 f.
- ⁹⁴ Probst J. Op. cit. S. 62.
- ⁹⁵ Angermann B. Op. cit. S. 45.
- ⁹⁶ Klaus E. Op. cit. S. 99.
- ⁹⁷ WKS-325tb, S. 5 — В 205/v. 124a.
- ⁹⁸ Часто в рассказах бывших пленных подчеркивается положительная роль советских врачей-евреев и врачей-евреев из Румынии, которые в составе румынских строительных батальонов на Восточном фронте попали в советский плен; см.: MSg 200/1086. S. 22; WKS-271. S. 12 — В 205/v. 117 b; Dibold. Op. cit. S. 66; Klaus E. Op. cit. S. 115.

- ⁹⁹ Angermann B. Op. cit. S. 58; Klaus E. Op. cit. S. 159; Leitner J. Ein Stalingrad-Heimkehrer blickt zurück — Stalingradbund Österreich, 1985, № 6. S. 8.
- ¹⁰⁰ Siekers R. Gefangen — Schicksal in der Sowjetunion — MSg 200/671. S. 8; Probst J. Op. cit. S. 75, 92; Das Schicksal der deutschen Kriegsgefangenen in der Sowjetunion — MSg 200/671. S. 8; Probst J. Op. cit. S. 75, 92; Das Schicksal der deutschen Kriegsgefangenen in der Sowjetunion, Verg. vom Deutschen Büro für Friedensfragen in Stuttgart, April 1949. S. 43.
- ¹⁰¹ Dibold H. Der Gesundheitszustand der ehemaligen Stalingradkämpfer. Ursachen und Folgen. Festvortrag anlässlich des 10. Bundestreffens ehemaliger Stalingradkämpfer e.V. Deutschland am 18./19.1976.
- ¹⁰² Bohn H. Die Letzten. Was wurde aus den deutschen Gefangenen in Sowjet-Rußland? Köln, 1954. S. 24; Gollwitzer H. ... und führen, wohin Du nicht willst. München, 1956. S. 110; Wieder J. Die Tragödie... S. 112.
- ¹⁰³ О ситуации с продовольствием в Советском Союзе см. Moskoff W. The Brand of Affliction: The Food Supply in the USSR during World War II. New York, 1990. P. 220-235; Angermann B. Op. cit. S. 59; Dibold H. Arzt in Stalingrad... S. 124; Fleischhacker H. Die deutschen Kriegsgefangenen in der Sowjetunion. Der Faktor Hunger. München, 1965 (Zur Geschichte der deutschen Kriegsgefangenen des Zweiten Weltkrieges. Bd. 3). S. XXV, XXX-XXXI, XXXIV и XLI; Holl A. Was geschah... S. 116; Klaus E. Op. cit. S. 265; Probst J. Op. cit. S. 115; Deutsche im Zweiten Weltkrieg (см. прим. 69). S.253.
- ¹⁰⁴ Fleischhacker H. Op. cit. S. XXXIV; Steinbach P. Deutsche Kriegsgefangene... (см. прим. 72). S. 51.
- ¹⁰⁵ Часто цитируют статистические данные отдела ОКВ по учету потерь вермахта, согласно которым в Сталинграде пропали без вести 207 106 солдат. Однако здесь допускается неправильная интерпретация данных о пропавших без вести в декабре 1942 и январе 1943 года по сухопутным войскам в целом, когда резкий скачок их числа объясняется ссылкой на Сталинград; см. документ отдела по учету потерь (подотдел обработки информации) управления общих дел ОКВ за № 47 с грифом «Совершенно секретно. Только для командования» относительно боевых потерь сухопутных войск в России убитыми, ранеными и без вести пропавшими — RW 6/v. 180. Советские данные приведены в кн.: Telpuchowski B.S. Die sowjetische Geschichte des Großen Vaterländischen Krieges 1941-1945. Frankfurt a.M., 1961. S. 183, 196; правда, в более поздней советской публикации эти цифры ниже; см.: Галицкий В.П. Вражеские военнопленные в СССР (1941-1945 гг.) — Военно-исторический журнал, 1990, № 9. С. 39-46. (Выражаю свою благодарность за перевод этой статьи сотруднице Военно-исторического научно-исследовательского института г-же Карин Хепп).
- ¹⁰⁶ Эти расследования продолжались, как показывает последний отчет о работе штаба, по меньшей мере до 28.02.45, но каких-либо крупных изменений в результаты они не внесли; см.: ОКХ, ликвидационный штаб по группе А/Б (Сталинград и Тунис), Арбитражная группа I, сообщение от 1.03.45 относительно справки о состоянии ликвидационных работ в период с 16.02 по 28.02.45. — RH 15/290.
- ¹⁰⁷ К подсчетам Керига. В общее количество 300 000 человек входят 10 000 румын, которые во всех других категориях не учтены. Однако при правильном сложении всех данных по отдельным категориям в сумме (включая и румын) получается только 293 798 солдат (см.: Kehrigh M. Op. cit. S. 670 ff.). К подсчетам Тельпуховского. Данные о «91 000

- пленных» относятся только к периоду с 10.01.43 по 2.02.43; поэтому общее количество пленных и находившихся в котле должно быть больше; по Тельпуховскому, советскими солдатами были похоронены 142 000 мертвых; но истинное число погибших в котле должно быть выше, так как до прекращения боев мертвецов хоронили солдаты вермахта (см.: Telpuchowski B.S. Op. cit. S. 183, 193, 196). К подсчетам ликвидационного штаба. Немногие невыясненные случаи проходят там по графе «Без вести пропавшие»; все данные касаются только военнослужащих германского вермахта (см. ОКХ, начальник вооружений сухопутных войск и командующий армией резерва, управление общих дел, оперативный отдел ликвидационного штаба по группе А/Б, № 101/44 от 1.11.44 и № 104/44 от 9.11.44. — оба документа с грифом «секретно») — RW 6/v. 565. Публикации комиссии Машке в расчет не принимаются, так как в них не приводятся данные, которые относились бы непосредственно к котлу.
- ¹⁰⁸ Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 6. Stuttgart, 1990. S. 761-1102, 1047 (раздел Вернера).
- ¹⁰⁹ Замечания А. Шмидта, озаглавленные «Stalingrad von Dr. Kehrigh». S. 12 — № 601/v. 30.
- ¹¹⁰ На 21.12.42 одних только отпускников 6-я армия насчитывала около 26 000, все они находились вне котла, равно как и подразделения, которые не попали в окружение; см. телеграмму штаба Пфайффера оперативному отделу штаба 6А от 21.12.42. — RH 20-6/235. Сюда добавляются и части, подчиненные первоначально не 6-й армии, а 4-й танковой армии.
- ¹¹¹ Отчет о событиях, связанных с работой группы Хакельберга «Организации Тодта», после 20.11.42. — RW 4/v. 264. S. 8, 12.
- ¹¹² Kehrigh M. Op. cit. S. 670 ff.; Wieder J. Die Tragödie... S. 102.
- ¹¹³ Оперативная сводка 51 АК от 1.12.42. — RH 20-67/239; Gosztony P. Hitlers Fremde Heere. Düsseldorf; Wien, 1976. S. 353.
- ¹¹⁴ Toepeke G. Op. cit. S. 42; Wieder J. Die Tragödie... S. 102.
- ¹¹⁵ Kehrigh M. Op. cit. S. 662.
- ¹¹⁶ Телеграмма оперативного отдела штаба 6А от 27.11.42 — ГА «Дон». Донесение о боевых действиях за истекшие сутки — RH 20-6/238; см. справку начальника контрразведки разведотдела штаба 6А для разведотдела ГА «Дон» от 10.01.43 относительно вражеской пропаганды и контрмер командования армии — RW 4/v. 264.
- ¹¹⁷ См. документы оперативного отдела штаба 6А от 12.01.43. Оперативная сводка 8 АК — RH 20-6/242.
- ¹¹⁸ ЖБД НТ 6 А (крепость Сталинград), запись от 9.12.42. — RH 20-6/794; 71-я пехотная дивизия рапортовала даже о 434 захваченных военнопленных в период с 20 по 31.12.42. См. документы оперативного отдела штаба 6А от 31.12.42. Оперативная сводка 51 АК — RH 20-6/241.
- ¹¹⁹ Adam W. Op. cit. S. 251.
- ¹²⁰ В отличие от других данных сведения ликвидационного штаба относятся исключительно к военнослужащим-немцам. В колонке «Эвакуированы воздушным путем» напротив графы «Румыны» стоит вопросительный знак, потому что точно известно, что румын также эвакуировали самолетами, но число их неизвестно. Поэтому максимальное количество оставшихся в котле румын принимается за 10 000; см. телеграмму НТ 6А

- № 6301/42 от 8.12.42 с грифом «секретно» в адрес ОКХ, генерал-квартирмейстеру относительного пункта 1 оперативной сводки от 8.12.42. — RH 20-6/793.
- 121 О потерях румын в котле см.: *Gosztony P.* Op. cit. S. 353.
- 122 Нельзя не признать, что последующие рассуждения представляют собой скорее приближение к истине. И все же можно надеяться, что они, насколько это сегодня возможно, максимально близки к ней.
- 123 Спецштаб генерал-фельдмаршала Мильха, ЖБД за 15.01-3.02.43, пояснительная диаграмма 2 — RL 30/3.
- 124 Встречаются и значительно более высокие цифры, чаще всего из приведенных впервые, кажется, Тёпке: «34 000 эвакуированных по воздуху» — см.: *Toerpke G.* Op. cit. S. 131.
- 125 См. по этому вопросу другие статьи в этом сборнике.
- 126 *Böhme K.W.* Op. cit. S. 18. Хотя некоторые свидетели и говорят, что в Сталинграде их после взятия в плен пересчитывали, но основательная регистрация была произведена только весной 1943 года — см.: *Bohn H.* Op. cit. S. 93 f.
- 127 Очевидцы называют, как правило, более высокие цифры смертности, но тут следует иметь в виду, что эти сведения включают в себя и умерших других национальностей, которые находились в тех же колоннах.
- 128 Die Vermissten von Stalingrad — Deutsche Suchdienstzeitung, 31.07.51 S. 1 f.; Geschichte der Kriegsgefangenen im Osten (см. прим. 74). S. 33-40.
- 129 Geschichte der Kriegsgefangenen im Osten. S. 39.
- 130 Ibid. S. 43; сходные цифры приводятся в: *Böhme K.W.* Op. cit. S. 53.
- 131 Все данные в процентах соотносятся с величинами, приведенными в первой колонке. Поскольку цифры в последней колонке базируются на других данных, то при сложении итоговой суммы в 100% не получается для сравнения в графе «Оверманс» еще раз приводятся данные, вытекающие из предыдущего рассуждения; в графе «Унтер-офицеры и рядовые» те и другие объединены вместе; группа генералов отдельно не выделена, а включена в графу «Офицеры»; см. ОКХ, начальник вооружений сухопутных войск и командующий армией резерва, управление общих дел, оперативный отдел ликвидационного штаба по группе А/Б № 101/44 от 1.11.44 и № 104/44 от 9.11.44 — оба документа с грифом «секретно» — RW 6/v. 565. Из офицеров-хорватов были эвакуированы по воздуху 5 раненых и 6 здоровых, а 21 остался в котле; см. ОКХ, начальник вооружений сухопутных войск и командующий армией резерва, управление общих дел, ликвидационный штаб по 6-й армии и групп армий «Африка» — начальник штаба, документ отдела по делам начсостава (подотдел по делам офицеров действующей армии) № 30/43 от 8.03.44 с грифом «секретно», приложение IV — RW 6/v. 565; *Humbert P.* Op. cit.; *Klaus E.* Op. cit. S. 86, 112.
- 132 Доля погибших в боях из числа оставшихся в котле составила, по статистическим данным ликвидационного штаба, 9,8%, по отношению к унтер-офицерам и рядовым — 6,6%. Но поскольку информация относительно судьбы офицеров наверняка была полнее, нежели об унтер-офицерах и рядовых, то автор исходит из одинакового процента гибели по всем категориям воинских званий; см. ОКХ, начальник вооружений сухопутных войск и командующий армией резерва, управление общих дел, оперативный отдел ликвидационного штаба по группе А/Б
- № 101/44 от 1.11.44 и № 104/44 от 9.11.44 — оба документа с грифом «секретно» — RW 6/v. 565.
- 133 Генерал-полковник Хайц умер от рака.
- 134 *Fleischhacker H.* Op. cit. S. XII.
- 135 *Böhme K.W.* Op. cit. S. 110.
- 136 *Gosztony P.* Op. cit. S. 456 ff.; Das Schicksal der Kriegsgefangenen in der Sowjetunion (см. прим. 100). S. 23 f.; *Viorel R.* Rumänien im Spannungsfeld der Großmächte. Bd. 2. 1878-1944: Von der okzidentalischen Peripherie zum orientalischen Sozialismus. Offenbach, 1989. S. 160.
- 137 *Beyer W.R.* Stalingrad. Unten, wo das Leben konkret war. Frankfurt a.M., 1987. S. 60.
- 138 *Hauschild P.* Op. cit. S. 23; *Holl A.* Was geschah... S. 72, 84; WKS-1045tb. S. 39 — B 205/v. 215.
- 139 *Beyer W.R.* Op. cit. S. 60; *Cartellieri D.* Op. cit. S. 89, 91; *Klaus E.* Op. cit. S. 234.

Томас А. Кохут, Юрген Ройлекке

«ПОДОХНУТЬ КРЫСОЙ
ПОД КРЕСТЬЯНСКИМ БАШМАКОМ...»¹.
ПОСЛЕДНИЕ ПИСЬМА ИЗ СТАЛИНГРАДА

Гласность и перестройка привели начиная с 1988 года не только к тому, что стали известны и были опубликованы средствами массовой информации строго засекреченные до той поры материалы из «святой святых» официальных архивов СССР² — появились и первые упоминания о совершенно неизвестном ранее советском государственном спецархиве на северо-западе Москвы³. Гласность и перестройка позволили также представить немецкой общественности в канун 50-летия нападения национал-социалистической Германии на большевистский Советский Союз хотя и малосущественную в историческом и политическом плане, но важную в плане истории менталитета и по-человечески очень трогательную часть из фондов этого спецархива — коллекцию писем, которые красноармейцы находили в карманах убитых немецких солдат или в захваченных мешках с почтой и передавали своим командирам. Такие письма служили тогда и источником информации о положении на немецком фронте и в рейхе, они соответственно изучались и применялись также порою и в пропагандистских целях. Значительная часть из 5000 хранящихся в Москве писем была захвачена в Сталинграде.

В рамках «Мюльхаймской инициативы» по развитию германо-советской дружбы возникла идея опубликовать подборку этих писем в Германии к 50-летней годовщине 22 июня 1941 года как знак «взаимопонимания и примирения» и доказательств

во «доверия и открытости». Эта гуманная цель — публикация столь выразительного эмоционально, но несколько не взрывоопасного политически материала — послужила поводом и ключом, который осенью 1990 года впервые помог исследователям открыть двери этого архива⁴. В результате весной 1991 года был выпущен сборник под названием «Я хочу прочь из этого безумия»⁵. В нем публикуются около 200 писем с фронта и на фронт, причем напечатаны они полностью, т.е. без сокращений и с сохранением всех орфографических и стилистических особенностей оригинала, за исключением фамилий авторов и адресатов. Немногим более половины писем составляют письма солдат, т.е. написанные на фронте, но так и не отправленные, а потому и не дошедшие до адресата, остальные — письма с родины, от жен, близких родственников, подруг и друзей⁶. К Сталинграду в сборнике относятся 67 солдатских писем, которые — как это следует из содержания письма или из редкого упоминания пишущим своего местонахождения — предположительно были написаны в котле⁷.

Публикация писем военного времени — в большинстве случаев солдатских и намного реже из тыла — имеет более чем вековую традицию⁸. Долгое время этим преследовалась цель продемонстрировать солдатскую самоотверженность, любовь к отчизне и героизм, получить из первых рук описания боев и одновременно предложить определенные этические критерии грядущему поколению. Авторы писем в своем подавляющем большинстве были образованными людьми, обладавшими ярко выраженной способностью к рефлексии. Характерным в этом отношении является известная антология фрайбургского профессора германистики Филиппа Виткопа, вышедшая первым изданием в 1916 году, а после первой мировой войны выпускавшаяся еще несколькими дополненными и исправленными изданиями и достигшая к 1942 году общего тиража почти в 200 000 экземпляров⁹. Эта антология послужила ориентиром и для публикации в 1952 году сборника студенческих писем времен второй мировой войны. Как писали составители, его целью было «наглядно показать, как наши павшие в бою молодые люди встречали реальности войны», и документально доказать их «постоянный поиск более глубоких жизненных основ»¹⁰. Напротив, дурной славой пользуется сборник писем с войны, выпущенный в конце 1941 года с предисловием Гёббельса и представляющий собой массивную пропагандистскую подборку «главных свидетельств против большевизма». В задачу со-

ставителя входило обоснование «необходимости этой борьбы» против якобы угрожавшего нашей родине «большевистского катка из боевых машин и убийц-поджигателей»¹¹. Таким образом, диапазон воздействия, на который рассчитывали издания военных писем, располагался между разжиганием ненависти к врагу и пробуждением сочувствия к тем молодым людям, которые погибли на войне.

Особенно глубокие эмоции, надо полагать, должен был вызвать выпущенный в 1954 году небольшой томик под названием «Последние письма из Сталинграда», и, пожалуй, он действительно достиг своей цели¹². В него вошли 39 писем из последних, как предполагалось, почтовых мешков, вывезенных самолетом из Сталинграда. Как говорится в анонимном издательском послесловии, эти мешки якобы были по приказу ставки фюрера конфискованы и из них должны были быть выбраны письма, которые бы отражали героическую выдержку солдат в котле. Но поскольку свое положительное отношение к войне выражали всего лишь 2,1 % авторов писем, то от плана соответствующей публикации отказались, пакет же с письмами переправили в «Военный архив» в Постдаме, откуда его затем незадолго до взятия Берлина «отправили в безопасное место». Те, кто был знаком с условиями в сталинградском котле, с самого начала подвергли сомнению достоверность этих писем. По всей вероятности, к названному изданию приложил свою руку Хайнц Шрётер, составитель сводок по 6-й армии. Его же перу принадлежит и сходный, только более детальный рассказ об авантюрной акции с письмами, содержащийся в его книге, которая была опубликована в том же 1954 году¹³. Сомнения Вильгельма Раймунда Байера в достоверности этих писем касаются в первую очередь расхождений с фактами, а также их порою театрального, а порою «дерзкого», «хващливого» и «заносчивого» стиля, который, если иметь в виду обстановку в котле в январе 1943 года и душевное состояние солдат, никак не может соответствовать правде¹⁴.

Но как бы то ни было: ни одно из писем из Сталинграда из числа хранящихся в Москве нельзя сравнивать с теми, что были опубликованы в издании 1954 года; во всех просмотренных письмах нет и следа возвышенных, квазифилософских рефлексий, высокопарного подведения итогов, патетических слов прощания — они поразительны в своей непосредственности и простоте перед лицом угрозы физического и психического конца. В них отражаются глубокое отчаяние, тоска по

дому и те условия, когда у человека не остается ничего, кроме самых элементарных потребностей. Но здесь мы забегаем уже вперед в предпринимаемых нами ниже попытках проанализировать эти письма.

Анализ солдатских писем, воспроизведенных в сборнике «Я хочу прочь из этого безумия», задача отнюдь не легкая¹⁵. Когда их просто читаешь, то они трогают, а часто прямо-таки потрясают. А вот интерпретировать их с необходимой научной дистанции намного труднее. Невольно спрашиваешь себя: а какое, собственно, право имеет исследователь анализировать самые сокровенные мысли и интимные чувства, содержащиеся в письмах, которые были написаны лицами, не претендовавшими на общественный интерес, в письмах, которые не были предназначены для опубликования, да и к тому же в большинстве своем так и не были прочитаны тем лицом или лицами, кому они адресовались? И еще одно обстоятельство. Этот сборник трудно научно анализировать не в последнюю очередь также и потому, что письма представляют собой тексты без контекста: все, что ты знаешь об этих письмах, содержится в них самих же¹⁶. Следовательно, историк оказывается перед альтернативой — либо целиком и полностью сосредоточиться на текстах и просто реферировать содержание писем, либо же, не углубляясь в сами тексты, высказываться об их общем значении. Первая возможность чревата опасностью повторения очевидного, а вторая — выдвиганием произвольных суждений. Поэтому в ходе дальнейшего изложения мы будем стараться провести наш корабль между полюсом констатации тривиального и полюсом бездоказательных спекуляций. И если некоторые из наших выводов по поводу пережитого авторами писем покажутся не слишком сенсационными, то тут надо будет вспомнить о том, что как раз содержание писем и не допускает выходящих за их рамки и невольно напрашивающихся выводов. А если в то же время другие замечания покажутся скорее спекулятивными, то следует четко представлять себе, что они в силу необходимости основываются только на предположениях, ибо мы имеем дело с изолированными текстами, лишенными соответствующих контекстов, которые бы позволили сделать только одни оценки и исключить как неправдоподобные другие. И все же мы надеемся, что нам удастся представить достоверные и убедительные предположения, хотя в конечном счете они так и останутся предположениями.

В одной из ранних версий своего панегирического изображе-

ния мужчины-солдата, в книге «В стальных грозах», Эрнст Юнгер утверждает, что женщины и война исключают друг друга: «Несмотря на то, что я никогда не был женоненавистником, меня всякий раз смущало женское существо, когда боевая судьба бросала меня на койку в госпитальной палате. После мужественного, целеустремленного и целесообразного действия войны окунаешься в атмосферу каких-то неподдающихся определению излучений»¹⁷.

Общение с женщинами лишает солдата мужества и порождает у него чувства, несовместимые с твердостью и самоотречением, которые только и делают возможными эффективную борьбу и совершенствование солдата, такой вывод делает Юнгер из своего окопного опыта на Западном фронте в годы первой мировой войны.

Ситуация, в которой были написаны сталинградские письма, позволяет предположить, что солдаты 1942/43 года имели дело с прямо-таки идеальной в юнгеровском понимании военной ситуацией: тотальная война, не знающая жалости твердость и предельная безнадежность¹⁸. И все-таки то, как солдаты на Восточном фронте переживали эту ситуацию, отличалось от того, как переживалась она Юнгером — по его собственным словам — четверть века назад на Западном фронте. В противоположность тому возвышенному чувству, тому самоуважению и героическому преодолению самого себя, которое описывал Юнгер, эти солдаты всеми фибрами своей души стремились домой, к своей семье, к защищенности и... к пирожным. Далекие от того, чтобы ненавидеть женщин как антимир войны, они тосковали по ним как раз потому, что те олицетворяли этот антимир. А в ряде случаев этим мужчинам больше всего в той экстремальной ситуации хотелось бы оказаться около своих матерей.

Одной из наиболее бросающейся в глаза особенностей этих солдатских писем второй мировой войны является отсутствие в них рефлексий по поводу героического военного опыта — того, что нам следовало бы ожидать, исходя из записок Юнгера и других отчетов о войнах XX века. Весьма примечательно, как мало содержится в этих письмах описаний боевых действий¹⁹, как редко выражают солдаты восторг по поводу своих военных переживаний, как откровенно мало гордятся они своими боевыми победами, орденами и повышениями в должности, как мало упоминают о психологическом и моральном значении товарищества, как редко говорят о враге в презрительном или резко пренебрежительном тоне, да и вообще как редко о нем упоми-

нают и как мало в письмах, адресованных женщинам, шовинистических выражений.

Вместо всего этого в глаза читателю бросаются два часто повторяющихся слова. Первое — слово «пока»: «В общем у меня пока все в порядке» или «Слава Богу, пока жив и пока здоров»; я «пока» здоров, не ранен, жив — так сообщали о себе авторы писем своим друзьям и любимым, но это слово «пока» выражало и возможность того, что обстановка в любой момент может измениться; оно передает понимание солдатами всей хрупкости, переменчивости и непредсказуемости жизни на Восточном фронте.

Другое слово, часто встречающееся в письмах, «надежда». Солдаты надеются на то, что их выручат из сталинградского котла, надеются на окончание войны, на то, что Бог уберезит их, надеются на лучшие времена, на все «самое хорошее». Реже, напротив, эти надежды касаются чего-то конкретного и осязаемого, что действительно могло бы спасти их, например, надежды на крах армии Советов, на конкретные подкрепления или на прорыв из котла. Поскольку ничего определенного в этом смысле не было, а обещания победы или предстоящего освобождения были столь неубедительными, то и не оставалось ничего другого, как надеяться в глобальном масштабе. В конечном счете слово «надежда» было в этих письмах выражением отчаяния. За ним стояло опасение солдат, что война уже вышла из-под какого-либо человеческого контроля. Диктовавшиеся разумом решения и действия казались им бесполезными. Случай — вот кто царил на Восточном фронте, и все, что, по-видимому, еще оставалось солдатам, так это «надежда» в отвлеченном смысле.

Однако читатель сборника «Я хочу прочь из этого безумия» и других сборников писем сталкивается не только с поразительно частым употреблением слов «пока» и «надежда», но и со встречающимися сплошь и рядом размышлениями солдат о полевой почте и надежности ее работы. Очевидно, полевая почта была для них предметом первостепенной значимости — прежде всего потому, что многие письма до солдат не доходили или, наоборот, многие их письма не приходили на родину. Полевой почтой шли, разумеется, и посылки с вещами и так жадно ожидавшимися в сталинградском котле продуктами.

«Пишу, пристроившись на коленях. Почты не было вот уже больше восьми дней. У нас почти каждый день потери. Многие из товарищей погибли или ранены. Есть и с обморожениями...

Если бы только снова пришли почта и желанные посылки. Иногда я прихожу в отчаяние. Надежда на освобождение улетучивается с каждым днем»²⁰.

С психологической точки зрения полевая почта была мостиком в мир за пределами котла, единственной нитью связи с родиной и семьей. «Ужасно давно нет почты», — написал один солдат незадолго до конца сталинградской эпопеи, и слово «ужасно» отражает тут страх отчуждения, переживаемый им с обрывом этой нити. Как и слова «пока» и «надежда», жалобы на отвратительную работу полевой почты передают, таким образом, состояние полной непредсказуемости обстановки на фронте. Солдаты были беспомощны и предоставлены самим себе. «Если бы пришло хоть одно письмо, — пишет один солдат 19 января, — но ничего подобного. Кажется, что в 1943 году все ополчилось против меня»²¹.

И, наконец, из писем создается впечатление, что немалая часть страха солдат порождена чувством, что они всего лишь пассивные фигуры в игре на голое везение. Потому-то так велика их тяга к упорядоченной жизни, к тому, чтобы все снова пошло «своим установленным ходом»²². «Вот если бы только кончилась война, — пишет один солдат, — то как было бы это прекрасно, когда бы все пошло своим установленным ходом... если бы только не было неопределенности». «Потому что в России надо быть готовым ко в с е м у», «ведь все время возникают какие-то непредсказуемые события», и «никогда не знаешь, что принесет последующая минута». В письме от 4 января 1943 года один солдат, попавший в окружение под Сталинградом, образно приводит к общему знаменателю то, чего солдаты хотя и опасались, но в чем редко сознавались. В его описании переменной и непредсказуемой погоды содержится одновременно и ассоциация с ожидающим его будущим: «...когда придет час, мы пойдем, хотим мы того или нет, и все равно куда. У нас тут все время такая переменчивая погода. То дождь, то снег, то мороз, то солнце»²³.

Росту отчаяния сопутствовало и чувство ненужности и ничемности собственной деятельности — во всяком случае, в Сталинграде можно было надеяться только на спасение сверхъестественным путем. Два солдата, чьи письма помещены в этом сверхсборнике, надеются, что такое чудесное решение будет найдено Гитлером. Другие, напротив, полагаются на Бога, который защитит их и обеспечит возвращение домой. Представление, что все в руке божьей, наверное, смягчало их чувство

изолированности и безнадежности, чувство своей незащищенности перед лицом произвола обстоятельств. Это представление помогало им мириться с постоянной опасностью смерти. Кто-то отдавал себя в руки судьбы, понимая под этим высшую, рациональную, хоть и непостижимую человеческому пониманию силу. Два солдата, пытаясь справиться со своими страхами и вернуть смысл своим действиям, усматривают в происходящем наказание за какую-то их личную вину. Таким образом, они искали причину в самих себе и полагали, что искупление принесет в конце концов снова смысл и порядок в этот безумный мир. Другие же совершенно откровенно ждали своей смерти, которая вот-вот придет, и считали, что нужно быть психологически готовыми к ней — может быть, чтобы как раз благодаря тому не оказаться жертвой случая.

Фатализм и отсутствие индивидуальной инициативы, проявляющиеся в слове «надежда», в покорности воле божьей или «судьбе» и в подготовке к смерти, находят свое выражение и в убеждении, что единственной альтернативой, которая еще оставалась у солдат для оправдания смысла существования, было «выполнение своего долга». Они были свидетелями и участниками ужасающих сцен, им грозила голодная смерть. «Многие уже свалились с копыт, — пишет автор одного письма из сталинградского котла 7 января 1943 года, — но вопреки всему мы должны выстоять и выполнять свой долг, потому что мы не имеем права сгинуть здесь». Неделю спустя другой, по всей видимости, тяжело больной и совершенно подавленный солдат пишет жене: «Это длится вот уже 8 недель, и наше положение, наша печальная судьба все еще без изменений. Никогда еще в моей жизни судьба не наказывала меня так жестоко, и никогда еще голод не мучил нас так, как сейчас. Сейчас война являет нам свою серьезную сторону, но теперь надо плотнее пристегивать каску, потому что спасение только в этом»²⁴.

Быть при деле и выполнять свой долг означало для солдат возможность действовать и продолжать сражаться. Но в своих мечтах эти люди рвались к дому и семье как к альтернативе войне. Мысль о возвращении домой помогала выносить им эти тяготы: «У нас перед глазами все еще стоит наш идеал уютной семейной жизни, поэтому надо снова и снова до боли сжимать зубы, а потом придет время, когда скоро для всех нас начнется новая жизнь, которую мы устроим так, как нам захочется»²⁵.

Родина и семья воспринимались как антипод отчужденной окружающей среды, как место, где все организовано, упорядо-

чено и понятно, как мир, где царят любовь, забота и уют. Мысли о родине и семье давали им возможность хотя бы в думах и мечтах уходить от фронтовой реальности.

«Дорогие родители. Каждый день, каждый час я в мыслях с Вами, так хотел бы сидеть сейчас вместе с Вами. Я так стремлюсь к этому, так стремлюсь».

А вот что пишет из сталинградского котла в январе 1943 года другой солдат: «Я видел чудесный сон. Будто я был в отпуске. Сначала дома, а потом у тебя. Это были прекрасные дни. Мне снилось, что мы вдвоем каждое утро после кофе отправлялись на несколько часов на прогулку»²⁶.

В другом письме родина и семья предстают как родные, понятные, осязаемые и созидательные миры, где личность еще что-то значит, как укрытия, полные тепла и доброты и резко противостоящие жизни на Восточном фронте: «Вчера мне один сказал, что отказался бы ото всего, выполнял бы самую грязную работу, прислуживал бы или чистил сапоги и все такое, только бы приехать домой, снова оказаться среди знакомых, слышать немецкую речь, видеть немецкую культуру! «Германия», «Родина» — эти слова криком вырываются у каждого из нас. И тогда предаешься иллюзиям, думаешь, как было бы прекрасно, если бы... строишь планы, куешь их, строишь дома, дом за домом, пока мысли не заходят слишком далеко, пока они не рухнут, и тогда снова приходит реальность, голая, жестокая, ужасная, не считающаяся с конкретным человеком, и остается только одно — что может вдруг стать все-таки по-другому, и тогда будет так, как мы мечтаем днем и ночью, домашнее, тихое счастье, не высовываться чересчур наружу и не заботиться о том, что говорят другие»²⁷.

Часто солдаты подчеркивают в своих письмах и расстояние, которое отделяет их от родины и от их семей; они пишут «из далека», «их далекого далека» или «с далекого Востока». Один солдат точно указывает, в скольких километрах от германской границы он находится. А климат и ландшафт служат символами отчужденности: Россия — это «вражеская страна», «дебри» с «адским климатом». Восток представляется чем-то вроде лунного ландшафта, который подавляет любого и каждого своей «бескрайней русской степью», вместо плодородной нивы тут «только степь», холодная и пустынная, «голая безутешная степь»²⁸. Вот отрывок из письма одного солдата, которое было написано 19 января 1943 года: «А в остальном мое настроение снова на нуле. Вот так бывает, Хильда, что вдруг снова оказы-

ваешься совсем down*. И можешь тогда сколько угодно говорить себе о мужестве и вере, но все это без пользы. Приходят мысли о тех, кого любишь, сравниваешь, как живешь здесь и как мог бы жить, если бы не война. Представляешь себе прекрасную квартиру, вообще чудесную родину. Здесь только белые просторы, блиндажи, убогость, нет своего угла. А ведь все это медленно, но верно разрушает душу. И с этим уже ничего не поделаешь. Но об этом нас тут никто и не спрашивает. Нам не должны оставлять силы и тогда, когда это кажется невозможным»²⁹.

Существенное значение имело для солдат, чтобы родина и семья как места безопасности, стабильности и порядка оставались устойчивыми и неизменными, свободными от какого-либо дуновения с Востока с его опасностями, чужеродностью и хаотическими перспективами. Было важно, чтобы любимые люди были здоровы, чтобы жены и возлюбленные хранили верность. «Не сердись на меня за мой Вопрос: ты тоже мне Изменяешь?» — пишет один солдат своей подруге в 1942 году: «Я так боюсь за тебя. Что я стал бы без тебя делать? Я бы этого не вынес... Дорогая Розочка, ты должна любить меня. Если бы я был бы с тобой, то не боялся бы, потому что бился бы тогда до последнего, но я так далеко от тебя и не могу увидеть тебя»³⁰.

В условиях фронтовой опасности и неразберихи сознание того, что у тебя есть кто-то дома, служило опорой. «Потому что когда бывают трудные часы, а они в нынешней обстановке бывают часто, — пишет из котла солдат, — то успокаивает чувство, что на родине есть кто-то, кто тебя любит и кому можно еще верить»³¹. «Если бы у меня не было тебя, — читаем в другом письме из Сталинграда, — я бы уже отчаялся. Только мысль о тебе и не дает мне упасть».

И все-таки: хотя мысли о родине и семье давали солдатам силу, чтобы выдержать, писать домой им явно было тяжело. Частично это объяснялось тем, что они просто не могли рассказать о той ситуации, в которой находились. «О чем собственно писать, я и сам не знаю». «Дорогая мама, я вообще не знаю о чем писать, лошадей у нас больше не осталось, всех забили на еду». «Потому что вправду не знаешь что еще писать кроме привета». «Скоро я не буду знать, о чем мне теперь собственно еще писать тебе».

* внизу (англ.)

Большая сдержанность солдат, с которой они пишут о своем положении, была, наверное, частично связана с тем, что они знали, что письма просматриваются военной цензурой. А может быть, они не хотели беспокоить своих друзей и родных описаниями того, что у них происходило. Вполне вероятным представляется также, что солдаты боялись признаться самим себе, в какой отчаянной ситуации они находятся, и гнали прочь сами мысли о ней. Один солдат написал своему брату еще в январе 1942 года: «Вся обстановка, в которой мы находимся с середины ноября, и связанные с этим тяготы и события почти совсем отбили у меня охоту писать о чем-то вплоть до самого необходимого... Если бы я захотел тебе все перечислить, то это завело бы слишком далеко, я могу только заверить тебя: это было очень плохое, да и сейчас еще тяжелое время»³².

Так как война и родина представляли собой полярные миры, солдатам при написании писем приходилось с немалым трудом перестраиваться в мыслях с одной жизни на другую; и при этом для них было, очевидно, сущим мучением, когда они слишком явно и детально представляли себе мир, откуда они были родом, и те условия, в которых они находились теперь. «Чтобы отвлечься в мыслях на несколько минут, я набил себе кукурузными листьями трубку и пишу вот, сидя у себя в бункере, эти строчки... У вас в этом году снова был праздничный гусь? О таких вещах я просто не должен думать. Вчера вечером, например, впервые за последние 5 дней я снова съел первый кусочек хлеба»³³, — пишет солдат из сталинградского котла в январе 1943 года своим родителям. И интересно, что голодавшие солдаты, кажется, больше всего тосковали по домашним пирожным. «Мне так хотелось бы как-нибудь снова поесть пирожных или насладиться хорошим обедом». «Дорогая Валли, если мне будет суждено вернуться здоровым домой и мы поженимся, то тебе придется усердно печь для меня кексы, потому что никогда мне не хотелось кексов, как сейчас». «С каким аппетитом съел бы я хороший кусок торта, но, кажется, нам суждены только одни лишения».

Есть домашние печения означало быть сытым, находиться в безопасности и иметь домашний очаг. Слово «пирожные» никак не ассоциировались с войной и прочими «мужскими» доблестями — пирожными наслаждались во время кофепития в полдник в воскресенье вместе с семьей, с женщинами, с матерью.

Во многих случаях мать была олицетворением родины и семьи, изначальным источником защиты, приюта и наличия

съестного — того, по чему так страстно тосковали в своих письмах многие солдаты. «Когда на чужбине и совсем один, то тогда только замечаешь, что значит мать», — писал брату один солдат весной 1942 года. В моменты, когда мужчины чувствовали себя одинокими и беззащитными, они с особой остротой начинали ценить мать как самого близкого человека. «Если, дор. мама, мне будет суждено счастье вернуться назад домой, к тебе, то тебе не нужно будет больше спрашивать, что сварить — я буду есть все не моргнув глазом и не буду больше кочевряжиться. Каждый вечер, когда я ложусь, то целыми часами, когда не могу заснуть, мыслями я с тобой, дор. мама. Только теперь я понял, как хорошо мне было когда-то с тобой... Вот, дор. мама, не хочу Вас больше обижать, эти строки я писал с тяжелым сердцем. Ты же не можешь мне тут помочь!.. Моя дорогая мамочка, наступят ли дни, когда я буду с тобой? Когда твои руки будут ласкать и нежить меня? Я почти уже даже не представляю, что снова может быть так чудесно. Все это было только сном»³⁴.

Какой прямо-таки детской могла быть тоска по матери, иллюстрирует одно особенно трогательное письмо, написанное 14 января 1943 года³⁵. Но эта грусть по материнской заботе проявлялась не только в письмах матерям, но и в некоторых из писем, адресованных женам или любимым женщинам, от которых их мужчины хотели теперь, чтобы те взяли на себя материнскую роль. «Дорогая моя мамулечка!» — так обращается один солдат из Сталинграда в ноябре 1942 года к своей жене: «Весь окружающий мир не сможет изменить того, как дорога ты моему сердцу... Чтобы ты знала, мамулечка, я никогда никому тебя не отдам. Приходи и говори мне снова и снова, что другие вызывают у тебя только отвращение. За это я всю тебя, всю буду душить в объятиях и лобызать... Лапочка ты моя роднусенькая. Как же я буду рад увидеть тебя. Буду каждый день целовать твои руки и твои щеки куда больше, чем раньше... На этот раз я кладу голову тебе на колени и смотрю на тебя снизу вверх. Мамулечка, как же хорошо так лежать, и я прижимаюсь к твоему пузику. Смотрю, как ты склоняешься надо мной, ощущаю, как ты гладишь меня... Нагнись ко мне. Я угощу тебя таким долгим поцелуем. А теперь дай моим рукам обнять тебя, я хочу крепче прижаться к тебе... Я твой бравый муженек и должен нравиться тебе во всем. Разве нет?» А на следующий день он продолжает письмо: «Дорогая мамочка... Я буду знать цену домашнему очагу... Только бы дал Господь, чтобы когда-нибудь это наступило... Я буду с тобой таким нежным, что ты и

представить себе не можешь. Мне кажется, что я ничего не буду теперь делать, не спросясь у тебя. Поцеловать — и то попрошу разрешения. Майла, я тебя обожаю!.. Правда, мамочка, какая же ты красивая! Ты же моя святая мамочка-заступница. Когда вернусь домой, буду только смотреть на тебя, не отрывая глаз... А ты позволишь погладить себя или поцеловать, и это будет так славно, мамулечка. Заступница, награди меня этим царством небесным и перенеси меня назад к Родному дому»³⁶.

Это письмо написано мужчиной, ставшим в психологическом плане ребенком; кажется, что автор письма утратил чувство реальности и в своей фантазии зарывается головой в колени своей любимой жены, которая превратилась для него во всемогущую мать из его первых детских лет. Конечно, это письмо представляет собой экстремальный случай психической регрессии и демонстрирует необычайно архаическую, первобытную тоску по материнской заботе и защите. Но сходная с ней тоска, хоть и в скорее завуалированной форме, проявляется и в некоторых других письмах из сталинградского котла.

Предварительные итоги наших наблюдений. В определенном отношении письма из Сталинграда, кажется, подкрепляют процитированное выше утверждение Эрнста Юнгера о поляризации фронта и семьи, войны и женщины, сражения и любви. Некоторые письма подтверждают даже брошенный мимоходом Юнгером тезис о линии развития от твердого мужчины-бойца, на одной стороне, к мягкому, чуть ли не впадшему в детство возлюбленному — на другой. И все-таки эти немецкие солдаты, вырывавшиеся в своих мыслях, снах и словах из жесткого и якобы столь мужественного мира сталинградского сражения, действовали так не *вследствие* присутствия женщин — согласно юнгеровскому опыту, — а как раз *потому что* мужчины находились в ситуации, которую Юнгер, вероятно, восславил бы как тотальную и героическую, но которая воспринималась ими как ужасная, чуждая и бесчеловечная, т.е. ситуация абсолютно не героическая. Как и в случаях с другими людьми, находящимися в ситуации, где отсутствуют стабилизирующие психику структуры и реакции, так, пожалуй, и здесь можно в отношении некоторых из этих солдат говорить фактически о регрессии. Правда, не следует забывать, где и когда наступал этот перелом, эта регрессия: это случалось тогда, когда солдаты сидели в окопах и блиндажах, один на один со своими мыслями и чувствами, когда они тосковали по родине, по семье, по женам и матерям и вспоминали о них как о первоисточниках защищен-

ности, безопасности и заботы о себе. Так что под этим углом зрения регрессия, которую можно обнаружить в некоторых письмах, проистекала, очевидно, непосредственно из ощущения экстремальности ситуации, справиться с которой недоставало физических и душевных сил, умноженных на воспоминания о тех временах и местах, где физические и душевные потребности удовлетворялись.

Обстоятельства, в которых наступала эта регрессия, могут, наверное, помочь объяснить, почему для некоторых солдат было так важно «выполнять свой долг» и почему так многие считали для себя написание писем трудным делом: действия на основе сознания своего долга могли воспрепятствовать наступлению регрессии, в то время как написание письма, возможно, оказывалось тут катализатором. Пусть это звучит парадоксально, но, очевидно, «долг» придавал им определенную психическую прочность и давал конкретные цели, без которых они чувствовали бы себя подавленными, одинокими и беспомощными. Страх перед регрессией, т.е. перед воспоминаниями о потребностях и желаниях, связанных с детством, не позволял солдатам писать подробные письма. Но, с другой стороны, письма помогали им в то же время выносить безнадежную ситуацию на фронте и выполнять свой долг. Так что эти письма не дают повода считать, будто мужчины, отрывавшиеся в своих мечтах от жестокой мужской борьбы или даже подвергшиеся регрессии, были никуды не годными солдатами или не могли выполнять воинские обязанности. «Выполняя свой долг» и продолжая сражаться плечом к плечу со своими боевыми товарищами, эти солдаты старались — и не без успеха — подавлять или амортизировать свои страхи и потребность в защищенности и убежище. Письмо же, напротив, было тем точно очерченным полем, где можно было проявлять чувства и где мужчины могли позволить почувствовать себя испуганными, слабыми и маленькими. Свидетельства, содержащиеся в книге «Я хочу прочь из этого безумия» (особенно если рассматривать их в связи с историей военных действий второй мировой войны)³⁷, показывают, что внутренний перелом или регрессия — если таковая имела место — ограничивались только написанием письма, сном, моментами фантазий и тоски. Когда же они откладывали то, чем писали, в сторону или пробуждались от своих снов или мечтаний, то большинство солдат продолжали сражаться — до самого печального, в буквальном смысле слова, конца.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Строка из стихотворения «Немецким солдатам на Восточном фронте», написанного Бертольтом Брехтом весной или в начале лета 1943 года под впечатлением завершившейся Сталинградской битвы в эмиграции в Калифорнии, куда он добирался через Москву и Владивосток. Авторы благодарны Сьюзен Н. Кохут, Джону Доуни и Уте Даниель и особенно Катрин Херцог и Хайнеру Зайделю за их помощь в текстовой обработке.
- ² См. об этом: *Geyer D.* Perestroika in der sowjetischen Geschichtswissenschaft. — in: *Die Umwertung der sowjetischen Geschichte*, hrsg. von D. Geyer. Göttingen, 1991. Особенно обратите внимание на информацию на S. 19.
- ³ После первой публикации в газете «Известия» 18.02.90 в августе 1990 года репортаж Эльзы Максимовой об этом архиве появился в переводе на немецкий язык в журнале «Sowjetunion heute». S. 32 ff.
- ⁴ За истекшее время доступ к нему получили и другие исследователи. См.: *Fleming G.* The Auschwitz Archives in Moscow — The Jewish Quarterly, Autumn 1991. S. 9–12; *Wegner B.* Deutsche Aktenbestände im Moskauer Zentralen Staatsarchiv. Ein Erfahrungsbericht — Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte (VZG), 40 (1992). S. 311–319. Федеральный архив в Кобленце уже предпринял шаги на предмет возможного возврата немецких документов в Германию.
- ⁵ «Ich will raus aus diesem Wahnsinn». Deutsche Briefe von der Ostfront 1941–1945. Aus sowjetischen Archiven, hrsg. von A. Golovchansky u.a. Wuppertal, 1991.
- ⁶ Эта пропорция не совсем соответствует соотношению в рамках московского фонда, где писем из тыла в два раза больше, чем писем с фронта.
- ⁷ Недавно стало известно, что в Музее-панораме в Волгограде (Сталинграде) также находятся еще сотни писем. Отрывки из них опубликовала по копиям в декабре 1990 года газета «Welt am Sonntag» с полным указанием имен и адресов (если таковые были) авторов писем. 22 письма из этого музея перепечатаны в сб.: *Stalingrad — eine deutsche Legende*, hrsg. von J. Ebert. Reinbeck, 1992. S. 61 ff.
- ⁸ В последние годы были заново открыты письма военной поры как особо содержательные источники в первую очередь в рамках тематики, касающейся истории быта и истории менталитета. В качестве примера в ряду новых публикаций и изданий следует прежде всего назвать *Buchbender O., Sterz R.* Das andere Gesicht des Krieges. Deutsche Feldpostbriefe 1939–1945. München, 1982. Здесь содержатся также сведения об организации полевой почты в годы второй мировой войны, о цензуре и т.п. О письмах военной поры как исторических свидетельствах и источниках по истории менталитета см.: *Latzel K.* Vom Sterben im Krieg. Wandlungen in der Einstellung zum Soldatentod vom Siebenjährigen Krieg zum II. Weltkrieg. Warendorf, 1988; *Löffler K.* Aufgehoben: Soldatenbriefe aus dem Zweiten Weltkrieg. Bamberg, 1992.
- ⁹ *Kriegsbriefe deutscher Soldaten*, hrsg. von Ph. Witkop. Gotha, 1916; при последующих переизданиях книга выходила под названием «Kriegsbriefe gefallener Studenten».
- ¹⁰ *Kriegsbriefe gefallener Studenten 1939–1945*, hrsg. von W. Bähr, H.W. Bähr. Tübingen; Stuttgart, 1952. Цитаты: S. 466.

- ¹¹ *Deutsche Soldaten sehen die Sowjet-Union. Feldpostbriefe aus dem Osten*, hrsg. von W. Diewerge. Berlin, 1941. Цитаты: S. 10.
- ¹² *Letzte Briefe aus Stalingrad*. Gütersloh, 1954; уже летом 1954 года был полностью распродан дополнительный тираж этой книги (21–30 тысяч); краткое анонимное послесловие к ней см. S. 67 f. Первая публикация «Последних писем из Сталинграда» в журнале «Шпигель» относится еще к 1949 году: «Der Spiegel», № 5. S. 15.
- ¹³ *Schröter H.* Stalingrad «... bis zur letzten Patrone», o.O., o.J. (предположительно 1954 г.); о военных письмах — S. 171 f.
- ¹⁴ *Beyer W.R.* Stalingrad. Unten, wo das Leben konkret war. Frankfurt a.M., 1987; по поводу вышеупомянутой (прим. 13) книги Шрётера см. S. 46 ff., а по поводу сб.: *Letzte Briefe aus Stalingrad* — S. 62–68.
- ¹⁵ О том, насколько в антологии «Ich will raus aus diesem Wahnsinn» отражены соответствующие фонды этого московского архива, см. примечания к статье Бернда Вегнера, помещенной в данной книге. В ходе последующего изложения привлечены и проанализированы все солдатские письма, опубликованные в названном сборнике, но особый упор сделан на письмах из Сталинграда. В дальнейшем ссылки на отдельные фразы или части фраз из этих писем не приводятся, сноски даны только при более пространных цитатах.
- ¹⁶ Разумеется, сегодня мы обладаем детальными знаниями об общей обстановке на Восточном фронте, а также имеем в своем распоряжении ряд исследований, касающихся поведения, особенностей восприятия и опыта немецких солдат, находившихся в Советском Союзе. Но что касается этих писем, их авторов и адресатов, то тут мы знаем только то, что следует из содержания самих писем. В этом смысле каждое письмо говорит только за себя и является само по себе законченным документом.
- ¹⁷ *Jünger E.* In Stahlgewittern. Aus dem Tagebuch eines Stoßtruppführers. 4. Aufl. Berlin, 1922. S. 247 f. В последующих изданиях этот пассаж отсутствует. Относительно того, как складывалась издательская судьба книги «В стальных грозах», см.: *Volmert J.* Ernst Jünger: «In Stahlgewittern». München, 1985.
- ¹⁸ По убеждению Юнгера, чистота переживания солдатом боя и реализации себя в бою прямо пропорциональна безнадежности ситуации.
- ¹⁹ Конечно же, не является случайностью, что такие описания встречаются главным образом в письмах солдат солдатам. См. в рассматриваемом сборнике (в дальнейшем — *Briefsammlung*), особенно S. 32 f., 210 ff., 234 f., 253 ff. S. 264.
- ²⁰ *Briefsammlung*, S. 208 f. (12.01.43).
- ²¹ *Ibid.* S. 231.
- ²² *Ibid.* S. 173.
- ²³ *Ibid.* S. 168.
- ²⁴ *Ibid.* S. 223. Об обстановке в котле см. статьи М. Керига и Р. Оверманса в этом сборнике.
- ²⁵ *Ibid.* S. 46, сходным же образом S. 47 ff., 120, 193 f.
- ²⁶ *Ibid.* S. 209 f.
- ²⁷ *Ibid.* S. 134 (19.11.42); см. также S. 79.
- ²⁸ *Ibid.*, S. 183. Пропаганда, представлявшая советских людей ордами варваров и недочеловеками, внесла, надо думать, свой вклад в жестокость не-

мецких солдат — ведь они сражались не с человеческими существами, а с чем-то абсолютно чуждым. Но та же пропаганда могла породить у них чувство, что они имеют дело со страшным — ибо непостижимым для разума — врагом и очутились в лунном ландшафте, отторгающем человека.

²⁹ Ibid. S. 219. Национал-социалисты сознательно и энергично боролись с такого рода «слабодушием» и «слюнтяями» — в том числе и путем пропаганды текстов песен из таких фильмов, как «Большая любовь» (1942) и «Девушка моей мечты» (1944). В первом из них Зара Леандер исполняет шлягер «Мир не рухнул оттого, что небо тучами покрылось...», а во втором Марика Рёкк поет: «Пусть другой вздыхает кто-то, ты же прочь гони заботы! И когда с тобою жизнь круто сводит счеты, все равно бодрей держись, прочь гони заботы! Если что-то ты замыслишь, а получится не так, главное — что что-то вышло, а все прочее — пустяк!». Примечательно, что в этих шлягерах на женщин возложена задача подбадривать мужчин.

³⁰ Ibid. S. 67 f.; см. также S. 127–131, S. 174.

³¹ Ibid. S. 174 (5.01.43).

³² Ibid. S. 55.

³³ Ibid. S. 198 f. Как показывают многие письма, тоской по родине и семье солдаты были особенно охвачены в предрождественские дни. Вот как пишет один солдат в декабре 1942 года: «Моя дорогая Паула, через несколько дней Рождество, этот чудесный семейный праздник, а я опять не с тобой и не с детьми, и я так тоскую по дому, по жене и по детям» — Ibid. S. 149. См. также S. 283 f. (9.12.44).

³⁴ Ibid. S. 207 f. (11.01.43). Другой солдат просит у матери прощения за все те неприятности, которые он доставлял ей ребенком: «Ты так заботилась о нас, трудилась, ухаживала за нами, делала все, что были в силах сделать для нас твои милые руки, не знавшие покоя даже по ночам, и сегодня ты складываешь свои натруженные руки в молитве за меня, который на войне, а я ничем не могу ответить тебе, дорогая мама, за всю доброту твоей любви, за то, что все мы, твои дети, причиняли тебе одни заботы и горе, поэтому прости меня, моя добрая мама, за те печали, которые доставлял я тебе ребенком» — Ibid. S. 179.

³⁵ Ibid. S. 216.

³⁶ Ibid. S. 127–130.

³⁷ См.: Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bde 2–6. Stuttgart, 1979–1990.

Рольф Гюнтер Реннер

МОЗГ И СЕРДЦЕ.
СТАЛИНГРАД КАК ПРЕДМЕТ
ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ И ЛИТЕРАТУРНЫХ
РАССУЖДЕНИЙ

«Из всех этих гигантских боев возвышается сегодня, подобно монументу, битва за Сталинград. Она остается величайшим по своему героизму сражением нашей истории. Подвиг наших гренадеров, саперов, артиллеристов, зенитчиков и всех остальных, кто ведет сейчас бой в этом городе, от генерала до последнего солдата, единственный в своем роде... В наших руках судьба Европы, а с ней и свобода Германии, ее культура и ее будущее. В этом высочайший смысл той жертвы, которая в любой час и в любом месте может потребоваться и от вас, моих боевых друзей. Пусть каждый из вас помнит о бойцах Сталинграда и тоже будет твердым, как сталь»¹.

Когда Гёринг произносил эти слова 30 января 1943 года перед офицерами и солдатами германского вермахта на торжественном собрании в берлинском Дворце спорта, битва за Сталинград была уже проиграна, и всего несколько дней спустя начали свое шествие в плен около 90 000 еще оставшихся в живых солдат 6-й армии.

В романе Теодора Пливье «Сталинград», первая редакция которого была опубликована в выходявшем в Москве эмигрантском журнале «Интернациональная литература» уже в 1943–1944 годах, эта речь Гёринга цитируется в центральном эпизоде. Солдаты, слушающие по радио передачу из Дворца спорта, истолковывают слова Гёринга не только как указание на то, что

они не имеют права капитулировать. Они осознают, что ситуация, в которой они находятся, уже используется идеологически и становится национальным символом. То, что с ними делают, не отличается особой оригинальностью: еще в пору первой мировой войны и после нее жертвенный подвиг немецких добровольцев под Лангемарком эксплуатировался пропагандой и был взят на вооружение идеологией². Характерным для речи Гёринга, как и для других подобных случаев идеологизации исторических событий, является то, что все они либо стремятся к олитературиванию этих событий, либо находят для них литературные сравнения: так, в берлинском Дворце спорта сражение у стен Сталинграда сравнивалось с битвой Нибелунгов.

Нет особой необходимости доказывать, что такого рода ссылки не затрагивают, как правило, сути дела³. Свою задачу я вижу скорее в том, чтобы обратить внимание на само его существо, а оно заключается в том, что и приемы традиционного повествования часто столь схематизируют исторические события, подобные Сталинграду, что те становятся материалом, пригодным для идеологического использования. Поэтому изложение, претендующее на историческую критику, должно — я в этом убежден — в той же мере отходить от типов традиционного повествования, превращающего историческое в фикцию, как и от типа документального романа.

И как раз обращение к антивоенной литературе служит особенно убедительным подтверждением сказанного, а роман Пливье о Сталинграде — типичным примером. Точно так же, как и для Гёринга, военно-историческое событие суживается для этого автора до центрального знака-символа в рассуждении, которое идет исключительно путем бинарных противопоставлений, а не дифференциаций. И интертекстуальное обращение романа к речи Гёринга явственно усиливает этот схематизм. Аналитическая сила текста отстает перед лишенной четкого определения аллегоризацией. Характерным в плане утраты аналитического момента является то, что эта аллегоризация работает с органологическими (т.е. базирующимися на сравнении с человеческими органами. — *Перев.*) метафорами. Рассказчик рисует немецкую армию как «гигантский мозг», как «серое вещество», претерпевающее болезненные изменения: «... можно распознать эту деформацию невооруженным глазом и наблюдать за ней на примере отдельных клеток... а у истока болезни... стоял послушный и рабский отказ от свободной воли»⁴.

И очертания котла, возникающего в результате сужения немецкого фронта, описаны с привлечением метафоры, построенной на органе человека, «в форме человеческого сердца: вырванное из организма и заходящее в диких спазмах сердце»⁵. В другом месте автор сравнивает группу пехотинцев со скорлупой тухлого яйца с вытекающим содержимым: тут явно напрашивается мысль о «ложном зачатии». «Излившееся в пароксизме набитое чучело совершило насилие над народом и массой, и не будет ничего — ни света, ни счастья, ни плодовитости»⁶.

Плакатная метафористичность Пливье лишь частично объясняется тем, что процитированная здесь первая редакция его романа была нацелена на сиюминутный политический эффект. Более зрелым представляется другое наблюдение. Схематизм метафор и аргументов, которым страдает Пливье, порождает свою противоположность. Он не только не выдерживает испытания в своей претензии на прояснение или объяснение события, но и дает образцы редуцированной аргументации, которые в других текстах могут замещаться идеологией, расизмом или сексом.

Вообще же повествовательный строй этого и других текстов о Сталинграде может быть правильно понят лишь тогда, когда читаешь их как некую трансформацию литературных представлений о России, сформировавшихся еще до второй мировой войны. Тесное переплетение в них собственного и чужого образа отличается чрезвычайной амбивалентностью. Оно подчеркивает не только различия, но и близость между немцами и русскими, немецким и русским восприятием. Национал-социалистическая расистская идеология делает отсюда такие выводы: четкое размежевание между немецким и русским возможно только тогда, когда последнее ассоциируется с интернационализмом или большевизмом.

Такое соединение расистской идеи и истории мысли, преподанное идеологически в работе Розенберга о большевизме как акции некой чуждой расы⁷, охватывает как в плане утверждения, так и в плане отрицания существующие типы литературных рассуждений, равно как и национальный стереотип, господствовавший уже в 20-е годы. Россия и Германия проявляют свое родство в совместном сопротивлении Западу, демократии и разлагающему интеллекту, они олицетворяют собой чувство, восприятие, «душу». Это та схема, на которой заостряют внимание в 1918 году, в момент политического и личностного кризиса, «Записки аполитичного» Томаса Манна⁸. Аналогичным

образом и Розенберг в своей «Чуме в России» проводит различие между славянским моментом, собственно европейским характером России, и ее азиатским элементом, который автор связывает напрямую с европейским. Он рисует Ленина как человека с «ярко выраженным калмыцко-татарским черепом» и, имея в виду историю современности, лапидарно формулирует: «Азиатская волна вновь движется на Запад, и старушке Европе вновь угрожает враждебный до мозга костей дух»⁹.

Такое схематическое рассуждение становится традиционным. Его пиетет перед русским, идущий параллельно с отрицанием азиатчины, проявляется в «Кавказском дневнике» Эрнста Юнгера в период второй мировой войны, равно как и в послевоенном «Групповом портрете с дамой» Генриха Бёлля. Вот и 14 декабря 1942 года, когда битва за Сталинград была в полном разгаре, Эрнст Юнгер помечает в дневнике после артиллерийской дуэли, обращая свой взор к природе: «Мне казалось, что я на родине; было такое чувство, что я уже часто бывал на таких склонах, поросших дубками. Кавказ — это не только древний очаг народов, наречий, рас; в нем, как в старом шкафу, покоятся также животные, растения, картины пейзажей дальних областей Европы и Азии»¹⁰.

Еще раньше эти схемы были зафиксированы в романах Рудольфа Двингера. Расистское неприятие азиатов идет у него в «Между красными и белыми» параллельно с критикой капитализма и большевизма. «Последние всадники» призывают защитить «европейскую миссию» от азиатчины. И все же, несмотря на антисемитскую позицию, в «На полпути» Двингер продолжает настаивать на различии между исконно русским элементом, олицетворяемым Толстым и простыми крестьянами России, и элементом монголо-азиатским, представленным в данном случае Лениным¹¹.

Таким образом, в конформистски настроенной по отношению к национал-социализму литературе на старые национальные стереотипы народной психологии накладываются политическая идеология и расовое учение. Тексты, относящиеся к Сталинграду, позволяют ощутить это с еще большей остротой, не создавая при том какого-либо совершенно нового угла зрения. Чтобы проиллюстрировать это, я хотел бы сначала привлечь внимание к двум текстам, рисующим первый год похода на Россию: «На центральном участке Восточного фронта» Августа Хаусляйтера¹² и «Солдаты против смерти и дьявола» Хорста Слезини¹³.

Хаусляйтер рисует поход на Советский Союз в отдельных эпизодах, рассказанных разными лицами. В своем большинстве эти рассказы сочинены им самим либо, по всей вероятности, переработаны. В книге незавуалированно проступают элементы идеологических рассуждений. В принадлежащем перу некоего генерала от инфатерии предисловии говорится о «подвиге немецкого солдата», о «величайших и потрясающих страницах всемирной истории», а противник описывается «вооруженным до зубов и влекомым темными инстинктами». Но противостоящий ему немецкий солдат доказывает «свое превосходство смелыми личными действиями», он «превозмогает» «нищету большевистского мира» и «мрак мира Советов»¹⁴.

В первую очередь тут ставится задача оправдать нападение на Россию как нанесение превентивного удара. Подробно описываются масштабы русского вооружения и развертывания на границе, подтверждаемые и новейшими исследованиями, но по-разному оцениваемые ими¹⁵. Вступление на русскую территорию представляется как активная оборона¹⁶, а советские пятилетние планы — как «планы милитаризации», как составная часть большой «наступательной войны мировой революции», которую собираются развязать «опьяненные властью фанатики»¹⁷.

Кроме того, удар по Советскому Союзу видится как часть всемирно-исторического противоборства Запада с азиатчиной и еврейством. Ставится знак равенства между «рационализмом уничтожения» и уничтожением индивидуального. Разрушения, оставляемые после себя отступающими советскими войсками, становятся символом того, какая судьба была бы уготована Германии, если бы они захватили ее¹⁸. Война же принимает «поистине эсхатологический характер»¹⁹, это «битва за судьбу Европы»²⁰. У Слезини война выступает «прародительницей всех вещей» в борьбе за грядущий миропорядок²¹.

Так что немецкий солдат не только ведет бой с тупой массой, с партизанами и «бандитами» — он ведет в то же время и сражение на идейном фронте: он по-другому, чем те, кто остается в тылу, «видит» врага, воспринимает его как «бестий» и «преступников-евреев», выпущенных из «тюрем» «уголовников», собранных в подчиненные комиссарам команды: «преступники объединяются с преступниками и организуют войну против нас»²². Борьба с партизанами — это борьба против «озверелых бестий», и тем ярче проявляются в ней «безграничное превосходство немецкого воина» и «воля превосходящего их че-

ловека»²³. И нет никаких сомнений в том, что в этой борьбе не может быть «никакой половинчатости», что солдаты в ней «закалились, как сталь», превратились в «волю и решимость». В солдатских рядах уже нет места «песне и смеху», в глазах солдат — «злой огонь борьбы», «несгибаемая воля и смертельная отвага, которая превозможет все, что бы ни произошло»²⁴.

Идеологическая оценка большевизма сочетается с расовой идеологией, подхватывающей и умножающей уже существующие предубеждения по отношению к России. Русский человек — это сырье для некой «группы безродных интеллигентов, писателей, евреев и жадных до власти анархистов», которая организует этот «ужаснейший эксперимент всемирной истории»²⁵. Мировая революция возникает из хаоса, в который ввергнуто «все человечество», а ее предпосылка — разрушение в русской душе «благочестия и близости к Богу», «унификация всей культуры», «одичание всего существования»²⁶.

Одновременно эта расистская идейная фиксация оборачивается мифической исторической картиной. Изображение похода на Россию встает в один ряд с антагонистическими конфликтами, в равной степени дополняя собой «борьбу с бесформенными демонами древности», битву на Каталаунских полях, бой войска германских рыцарей с ордами Чингис-хана — «эти великие и немеркнущие страницы истории человечества». Словно предвосхищая процитированную вначале речь Гёринга, борьба немецких солдат называется победой, «все значение которой будет раскрываться лишь постепенно и с течением времени»²⁷.

Это рассуждение подхватывается и углубляется Слезинкой. Русское сопротивление он объясняет действиями политкомиссаров, среди которых распознаются «несколько евреев»²⁸. Русская перестройка жизни в Восточной Польше, аресты людей с образованием, национализация собственности и коллективизация изображаются как дело рук не только большевиков, но и опять же некоего «комиссара — администратора из евреев»²⁹. Фотографии, помещенные в конце книги Слезинки, имеют своей целью подчеркнуть идентичность большевизма и еврейства.

Характерным для такого рода идеологических конструкций является то, что они проецируют на врага свои собственные сомнения: достаточно часто бросается в глаза, что противнику приписывается собственный скрытый страх перед техникой. У Слезинки русские выступают как масса, которой «привить тех-

низацию можно только искусственно», «и она не приводит к установлению внутренней связи между человеком и машиной, к проникновению в ее суть»³⁰. Собственная боязнь техники превращает в то же время противников в «машиночеловеков, роботов», в «людей без духа и души»³¹.

В ретроспективе это представляется сегодня зловещим предзнаменованием грядущей военной катастрофы немцев, несмотря на то, что описание военных операций служит доказательством превосходства немецкого солдата над советским. Так, одно из сражений на окружение демонстрирует, что немцы — это «народ, марширующий в революционном порыве»³², превосходящий массу и боевую технику³³ советских войск. В лапидарном виде это формулируется следующим образом: «... едва ли где-либо превосходство германской стратегии уничтожения проявилось так наглядно, как в киевском (Kijenki) котле»³⁴. У Слезинки неспособность русских в военном отношении проявляется как раз в том, что их сопротивление в смоленском котле после захвата немцами крупных складов с продовольствием представлено как ошибка, как результат такого ведения военных действий, при котором войскам запрещено отступать³⁵.

Бинарный тип рассуждения в текстах сочетает далее откровенный антиинтеллектуализм с идеологической эксплуатацией понятия «родина» как природное пространство. Крестьянин — естественный враг еврея, потому что в его ориентированности на органические процессы нет места «спекулятивно-му безумному еврейскому учению»³⁶. У Хаусляйтера Россия выступает как природа, подвергшаяся насилию со стороны большевизма³⁷, вид созревающей в разгар лета на русских просторах пшеницы напоминает солдатам родные немецкие поля. Правда, здешние церкви и простые постройки «не вздымаются к небу, как готические соборы Германии», а «смирненно стелются по земле», они являют собой «символ по-крестьянски тихого благочестия, остающегося целиком привязанным к земле-матери»³⁸. Большевистский строй, символизируемый обреченными на распад гипсовыми монументами Ленина и Сталина, которые называются «поддельными драгоценностями» и «дешевыми подделками», созданными еврейскими руками³⁹, подавил русскую народную культуру. Старинный русский собор в Борисове, чья византийская роскошь и внешние формы хоть и кажутся «чуждыми», но который «по благородству своего облика является памятником трудно постижимой для нас, но все равно

древней и творческой культуры», превращен большевиками в зернохранилище и склад.

Так идеологическое изображение следует за ксенофобией, соединяющей в себе элементы критики цивилизации и модернизма с бессознательным страхом перед иным в самом человеке. «Секрет великого сфинкса по имени Советский Союз» заключается для Слезины не только в насилии тюремных лагерей, он проявляется и в городской культуре, своими бетонными постройками почти полностью истребившей или вытеснившей свидетельства традиции и подчиняющейся закону модернизации. Его результаты — ломка условий социальной жизни вплоть до интимной сферы: критике подвергаются не только условия жизни русского рабочего — в недоумение приводят прежде всего семейные отношения, «дикое сожительство полов», вызываемые этим венерические болезни, психологическое превращение рабочих в рабов, «одетых в рванье и отрепье» и «идущих на свою работу с тупыми, безразличными лицами». Колхозная система располагает парком современных машин и имеет единственную цель — «достижение высоких урожаев»⁴⁰. Соприкоснувшись с такими условиями жизни, немецкие завоеватели видят себя у врат «ада человеческого бытия»⁴¹.

Бессознательный страх, наполняющий в тексте Хаусляйтера идеологические и расистские предрассудки, литературно стилизован: Россия напоминает гоголевскую «страну мертвых душ». Опытом войны разоблачается характерная психологическая предрасположенность. Движение в кажущемся бесконечном пространстве становится предельным психическим переживанием, порождающим бессознательный страх. Переход внешних границ делает зыбкими интернационализированные границы собственной социализации, он напоминает о территориальной привязанности сознания, являющейся частью психогенеза. Так, немецкий солдат стоит «как Робинзон в чаще... в беспросветности этих равнин, болот и лесов»⁴². А вся страна в это время еще «спит», еще охвачена «немотой», еще «глубоко погружена в вегетативное состояние», и ее люди кажутся порой «заспанными, как дети», и при этом «странная пассивность», «легкая задумчивость» сочетаются в них «с той отвратительной жестокостью», на которую «подчас способны дети, любящие мучить животных». Русскому человеку, проявляющему вследствие «бездеятельного прозябания» «удивительную бескрылость в мышлении», противопоставляется немецкий солдат — одновременно полубог войны, фантазии и самомоделирования,

которому приходится «изо дня в день... созидать свой островной мир из беспросветной пустоты глухих деревень»⁴³.

Предельный опыт войны, который такой автор, как Юнгер, пытается трансформировать в некий эстетический опыт, порождает тут страх перед утратой стабильности собственного «я». Он становится сутью всех попыток размежевания с другими. Бессознательный страх превращения в часть машины, которая уже не поддается управлению, переносится на противника либо вплетается в фантазии самовозвеличивания. Границы субъекта фиксируются идеологическими вехами. У Слезины это приводит, надо полагать, к произвольной литературной параллели. В знаменитой главе «Снег» в «Волшебной горе» Томаса Манна Ханс Касторп, избегающий пока политических дискуссий с Нафтой и Сеттембрини, объявляет себя, как известно, «хозяином антагонизмов»; дискурсивно он противопоставляет резко очерченным противоположным позициям своих собеседников идею гуманности и свободы человека в принятии решения⁴⁴. А у Слезины читаешь фразы, выглядящие прямо цитатами из того литературного текста: «Человек — хозяин поля битвы. Раскаленное железо, броня из толстой листовой стали — что они против мощи его воли, против силы его сердца?!»⁴⁵

Книге о начале похода на Россию рассматривались так подробно, чтобы продемонстрировать, что и более поздние, имеющие иную идейную, политическую и литературную направленность тексты о Сталинграде следуют в русле обрисованных тут заранее заданных схем. Особенно ярко это видно при сравнении написанного Теодором Пливье в эмиграции романа «Сталинград» с вышедшим уже после войны романом Конзалика «Врач из Сталинграда»⁴⁶.

Документальный роман Пливье, родившийся из интервью с пленными 6-й армии в Москве, дает не только экспрессивные описания сражения. Он содержит и ту политическую аргументацию, которую следует рассматривать как зеркально отраженное соответствие текстов национал-социалистической ориентации: просто метафоричность и схематика этих текстов поменялись тут местами. Теперь немецкие солдаты выступают как жертвы совращения, как безвольные объекты⁴⁷. Они оболванены, не способны уже ни к какой человеческой реакции, они заботятся о сохранении своего личного трофейного добра⁴⁸. Напротив, русские солдаты сибирской армии — дисциплинированные и спокойные люди: «И вот они были тут и курили ма-

хорку. Крупные русские головы, спокойные лица, спокойное выражение глаз»⁴⁹.

Такое противопоставление тем более бросается в глаза, когда Пливье признает за немцами стремление выстоять и ту же самую способность подчиняться, что приписывается им и национал-социалистическими текстами. Сталинградский солдат отличается «послушанием, способностью к приспособлению, упорством, выдержкой», «способностью выносить страдания, молча переносить мучения», «пунктуально выполнять долг» и, наконец, «держаться и сражаться до последнего»⁵⁰. Как в своих национал-социалистических текстах Слезина и Хаусляйтер проводят различие между русским народом, простым солдатом и комиссарами, так и Пливье усматривает разницу между немецкими солдатами и офицерами. Это наглядно демонстрируется дискуссией о смысле и бессмысленности войны, о военном руководстве Гитлера и об отличии офицеров-фронтовиков от генштабистов⁵¹. Офицеры генерального штаба все еще толкуют о героическом походе, они заняты «голыми теориями» и «абстрактными схемами с нанесенной обстановкой»⁵², в то время как конкретный солдат уже осознал безвыходность своего положения.

Оценка сражения под Сталинградом проецируется точно так же, как у Слезины и Хаусляйтера, на какое-то мифическое измерение. Сталинградская битва есть продолжение некоей эксплуатации, берущей свое начало в минувших веках. Сражавшийся здесь солдат стоит в одном ряду с поколениями эксплуататоров. Его отец нанимал и эксплуатировал моряков, его дед переправлял в Новый Свет мужчин и детей из Восточной Галиции, Латвии, Польши, Сербии и Буковины, его прадед торговал рабами-неграми и опустошил остров Флорес и Пико⁵³. И гибель 6-й армии представляется наказанием за историческую несправедливость, совершенную немцами по отношению к другим народам⁵⁴. В то же время это историческое событие описывается как неконтролируемый процесс. Усилия окруженных войск порождают «лавину нескончаемого безумия», солдаты идут «нескончаемой дорогой катастроф»⁵⁵. Сталинград становится символом утраты всех надежд, оказывается «прыжком к безумию», а фюрер — «бледным ночным призраком гения»⁵⁶.

За этой наполненной эмоциями, дискурсивно неразвитой оценкой стоит теория двух Германий, которая в американской эмиграции становится причиной расхождений между Томасом Манном и Бертольтом Брехтом. Как известно, Манн, в проти-

воположность Брехту и в соответствии с господствующим в США общественным мнением, еще в 1943 году выражал сомнения в существовании в Германии сколь-либо значительных демократических сил; он не считал возможным проводить грань между прогрессивной Германией и Германией фашистской⁵⁷. Для Пливье же, напротив, Сталинград становится символом возможности поворота движения истории. И только побежденный немцами Сталинград, считает он, «возвел бы бесправие в институт и превратил бы самих носителей бесправия в жандармов и надзирателей», которые «принесут погибель собственному народу»⁵⁸.

Как и произведение Пливье, послевоенный роман Конзалика не выходит за рамки бинарной идеологической дискурсивности. Его текст, настойчиво заявляющий о своем нежелании быть «обвинением и напоминанием», не отличается в структурном отношении от идеологически резко выраженных схем Хаусляйтера, Слезины и Пливье. И здесь противопоставление немцев и русских обосновывается либо идеологией, либо расой. Расовая политика отмежевывает азиатов от остальных русских, сравнимых по чувствам и человечности с немецкими врачами.

К тому же у Конзалика идеологические и расовые антагонизмы откровенно сдвигаются сексом. Русская женщина-врач Казалинская выступает в романе как непредсказуемая азиатка, в которой соединены жестокость, красота и сексуальное влечение. Даже хрупкая русская девушка Янина Заля, которую привлекают тонкость чувств и образование немца, становится жертвой такой стилизации. Доктор Крессин, ключевая фигура в антагонизме рас, выражает это в такой грубой формулировке: «И вот этих парней ловят, их запирают в наказание за то, что они опустошили Россию-матушку... и что же происходит? Само их отсутствие делает русских баб гулящими!»⁵⁹ Русские женщины не могут контролировать ни свои чувства, ни свои инстинкты. Не нуждается в комментарии диалог между немцем Йенсом Шульцхайсом и русской девушкой Яниной: «Каждый человек в силах обуздать себя. Мы же не звери...» — говорит немецкий мужчина, а русская женщина, которая уже «закрыла глаза», отвечает ему: «А я, Йенс, а я... я — зверь...»⁶⁰

Неизменной остается и антисемитская позиция, причем приписывается она русским. Уже одна мысль о «красном знамени революции» побуждает комиссара Кувакина «сказать

«товарищ» маленькому щедрушему еврею и признать его своим»⁶¹. С не меньшей откровенностью выражено и презрительное отношение к азиатам. Национал-социалистическая претензия на расовое превосходство трансформируется в утверждение превосходства немецких врачей. Создается ситуация, которую не в силах понять азиат из рядов Советской Армии. В лагере для военнопленных возникает содружество гуманистически настроенных немецких и русских врачей, чего никак не может осмыслить старшина-азиат: «В плоский, сибирский ум закрадывался первобытный страх раба»⁶². И единственное убийство, случившееся в лагере, ставится, разумеется, в вину «монголам и киргизам»⁶³.

Такой перестановкой внутри бинарной структуры аргументации, сводящей в один ряд хороших русских и хороших немцев, противопоставляющей их азиатам и не допускающей никаких дифференциаций, достигается придание пленным немцам вновь той роли, которая приписывалась им первоначально национал-социалистическими текстами. Немцы выступают «историческими учителями русских»⁶⁴, поражающими их своей набожностью, культурой и душевностью. Даже комиссар Кувакина склоняет голову перед распятием во время Рождественского богослужения в лагере и вспоминает свою мать, расстрелянную с крестом на груди во время революции⁶⁵. Не удивительно, что вопрос о вине за развязывание войны и за то, что эта война причинила, теперь уже не ставится. А на вопрос русского офицера об отношении немцев к русским пленным немецкий врач, еще под впечатлением от только что закончившегося богослужения, отвечает ему: «Сейчас? У меня в душе слишком домашнее настроение, чтобы дискутировать с Вами об этих вещах. Если бы Вы знали, что сейчас с нами, что творится у нас в душе...»⁶⁶

Такого рода защитная реакция позволяет обнаружить идеологическое перепрофилирование текста, делающее его документом холодной войны. Спор с Россией выливается в апологику западного общественного строя и капитализма. При этом автор не останавливается и перед смешными вещами: «пудинг-концентрат Айермана» в пакетике одного военнопленного превращается, как «пудинг немецкого рабочего»⁶⁷, в знак превосходства западной цивилизации и социального государства. Русские же, напротив, выглядят безнадежно отсталыми людьми, представителями иной цивилизации. «Красноармейцы из сибирских степей смотрели во все глаза. Перед нами открывал-

ся новый мир... неизвестный, великий, прекрасный мир благосостояния и наслаждения»⁶⁸.

В таком сценарии уже нет места для социализма: в то время как западный общественный строй предоставляет возможности для прав индивидуума и для самоутверждения каждого⁶⁹, социализм точно так же, как и в произведениях Хаусляйтера и Слезины, ведет к разрушению индивидуума. Но немец теперь — весьма парадоксальное явление — выступает как лучшая сторона русского. «С 1919 года пытаются у нас, русских, умертвить душу, сделать из нас машину партии, шестеренку в конструкции республики. Но русская душа жива... на нее страшно смотреть... ибо мы прожили эти десятилетия зря... прожили без смысла...»⁷⁰

Фокусируется такая дискурсивная формация опять же путем создания органологической картины с приданием оной идеологической функции. Превосходство немецких врачей проявляется в операции, проводимой на открытом мозге: принадлежащая Пливье центральная метафора исторической катастрофы трансформируется в новом рассуждении, следуя закону простого бинарного перекодирования, в знак превосходства Запада. Ограниченный материал и бинарный строй идеологических рассуждений способствует возникновению интертекстуального поля, в котором органологическая метафоричность свидетельствует об отсутствии дискурсивного проникновения в суть исторической катастрофы. Критика прекращается, запутавшись в сети определений. И тут кое-что говорит за то, что такая историческая катастрофа, символом которой выступает Сталинград, не может быть адекватно охвачена ни средствами традиционного повествования, ни документальным рассказом.

Отличие произведений Александра Ключе от текстов, разбивавшихся выше, выражается в разрушающем использовании им метафоры мозга, которая является ведущей во всех рассуждениях о Сталинграде. Она определяет как текст «Описание битвы», вторая редакция которого разбирается ниже, так и один из центральных эпизодов «Новых историй»⁷¹. У Пливье путь немцев к Сталинграду показан и в буквальном, и в метафорическом смысле как вступление в ледниковый период: отказ от капитуляции трактуется как регрессивный момент истории человечества, как возврат во времена первобытных людей⁷². Ключе своим монтажом картин добивается усиления критического эффекта этой метафоры. В «Новых историях» он демонстрирует три картинки-карты. Сперва это ледяная шапка

в северном полушарии Земли. Под ней располагается изображение головного мозга, который в соответствии с цитоархитектоникой поделен на ареалы. И, наконец, на следующей странице приведена карта сталинградского котла. Объединение трех этих схем, почти одинаковых по своим очертаниям, производится путем ссылки на некоего фиктивного «неортодоксального исследователя» по фамилии Гартман, и оно действительно неортодоксально. Географическая карта, медицинская диаграмма и план военной обстановки не только сравниваются друг с другом посредством описания их контуров, но и служат символическими представлениями исторических процессов и исторического опыта; ассоциативно соединяя их вместе, Ключе демонстрирует некий необратимый исторический процесс. Своим сочетанием несочетаемого он выводит фантастическую констелляцию, более наглядную, нежели любая причинно-следственная дедукция. В качестве комментария к первым двум картинкам читаешь: «Если перевернуть ледяную шапку в ее зеркальном изображении, то получается форма человеческого мозга». А далее говорится: «Действительно, как доказывает Гартман, разум возник "из беды", т.е. из ледникового периода». Но вот под планом обстановки, показывающим сталинградский котел, комментарий гласит: «Если (опять-таки следуя неортодоксальному Гартману) снова перевернуть картинку мозга в зеркальном изображении, то получается сталинградский котел. «Из него не возник новый порыв разума» (Гартман). Не учеба, а не учеба — вот тот феномен, который нуждается в объяснении (Хабермас)»⁷³.

Эта история находится в непосредственной связи с романом Александра Ключе о Сталинграде, представляющем собой сердцевину его размышлений об исторической реальности. В начале «Описания битвы» содержится такое программное заявление: «Эту книгу о Сталинграде читатель должен читать не так, как принято, а с абсолютно непрактичным, неактуальным, не связанным с сегодняшним днем ФРГ, упорным нормальным интересом, будучи столь же чуждым реальности, как пожелания и уверенность, что реальности, которые порождают Сталинград, суть злые фикции. То, что я обращаюсь к Сталинграду, имеет своей причиной протест против ирреальности беспаямства»⁷⁴.

Такая писательская позиция вытекает непосредственно из того, как понимает Ключе «реализм». Задача оного — держать в поле зрения не отдельное историческое событие, а процессы с

рядом факторов. Писатель-реалист должен в то же время изображать «реальность как историческую фикцию, каковой она является»⁷⁵. Поэтому реализм «никогда не может быть подтверждением действительности», а может быть лишь «протестом»⁷⁶. Только так проступают определяющие человека исторические «фикции» и становится ясно, что доминирующее представление истории само есть фикция.

Тем самым творчество Ключе обращается как против власти фактического, так и против «понятийного империализма» описания и классифицирования⁷⁷. Намерение писателя — взорвать те каузальные и финальные структуры, которые являются также результатом повествования также и в документальном тексте. Поэтому Сталинградская битва не описывается как процесс и историческое событие. Смонтированные тексты, подлинники исторические свидетельства, вымышленные и действительные тексты других авторов, собственные размышления и выдуманные истории обступают событие, не организуя его дискурсионно и не давая ему оценки. Такая манера письма адресуется не к одному лишь разуму, а одновременно и к непосредственному чувственному опыту: разрушен должен быть и «реализм чувств» тоже⁷⁸. Поскольку реальность как предмет в представлении Ключе антагонистична, то таковым же становится и «любой способ переработки человеком этой реальности, вне зависимости от того, обрабатывается ли она внутри реальных связей или же возвышается над вещью. Из того, что есть при этом реалистического, антиреализм мотива (протеста, сопротивления) производит нереалистическое»⁷⁹.

По той же мысли «реализм функционирования аппарата человеческого восприятия» должен быть в тексте «переведен обратно». Только так восприятие и мышление могут быть поставлены на службу «духу протеста всего рода человеческого». На место линейности и причинного развития, изображения и обоснования приходит, по собственной терминологии Ключе, метод установления «констелляций», которые, располагая факты поновому, приводят к новым взглядам. «Всякий раз речь идет о констелляции; предметная ситуация сама по себе, т.е. простой моментальный снимок, не несет в себе того организующего элемента, который делает ее конкретной»⁸⁰. На место нормативного реализма приходит метод экспериментирования.

Этот метод письма находит свое комплексное теоретическое обоснование в написанном Ключе в соавторстве с Оскаром Негтом в 1981 году труде «История и своеволие», назва-

ние которого корреспондируется с наброском Лукача об истории и классовом сознании⁸¹. Авторы определяют в своей работе понятие истории в тройном плане. Во-первых, в материальном, они описывают историю трудоспособности, имея в виду физический и психический аппарат человека. Во-вторых, рисуют историю в плане ее следования законам политэкономии и раскрывают свои наблюдения, показывая Германию как производственное общество. И, наконец, в-третьих, рассматривают в главе «Насилие причины» не только тиски технизированного мира, но и трудности ориентирования в условиях современной цивилизации, управляемой и определяемой законом экономики.

По Ключе и Негту, история подчиняется неконтролируемому моменту насилия, описанному еще Ницше в его генеалогии морали⁸². Ее последовательность рождается из насилия причины, которое делает несостоятельными все традиционные различия между миром и войной. Ибо мир есть достояние той истории, что уже работает материально на войну. Поэтому обоснование понятия истории следует, перефразируя Вальтера Беньямина, «искать в идее катастрофы. То, что "так и продолжается", есть катастрофа. Она — не что-то всякий раз предстоящее, а нечто искони данное»⁸³. Против этой насильственной причины восстают психические реакции человека, которые Ключе и Негт пытаются охватить понятием из социальной психологии «своеволие». Оно есть результат процесса вытеснения, к которому вынуждает общественный строй. Но, на их взгляд, то, что вытесняется, не исчезает, более того, оно продолжает действовать там, где оно более всего защищено — «в субъекте. Своеволие бунта выступает, как бы превратившись в куколку, в форме приватного»⁸⁴.

Двойной взгляд — на насиле причины и на противостоящее этому своеволие индивидуумов — требует двух различных методов описания: «механической, поддающейся рассказу в историях точности», которая толкает к моделированиям, и статистической структуры времени, которая передает в повествовании причинно-следственные чередования и является необратимой. Ни тот, ни другой способы повествования не могут существовать в одиночку сами по себе, каждый из них утрачивает способность к «конкретике по-своему». Многие из того, что определяет исторический процесс внутри себя и материально, описанию на поддается и является лишь фиктивной чередой результатов. «Действительное движение, образуя параллелог-

рам сил, имеет, таким образом, углы, а в этом рассказе появляется диагональ. Но ее же не было в действительном процессе, она появилась только в итоге»⁸⁵.

Писательское творчество Ключе исходит из того, что поддающихся однолинейному описанию причинных связей не бывает, что как исторические процессы не происходят «в конкретных организмах», так и общества нельзя называть историческими организмами: скорее, и те, и другие следует понимать как «дисгармоничное целое». Вместо того, чтобы искать причинные связи, повествование должно трансформироваться в способ описывания. Его парадигма — это фрейдовское описание «чудо-блока»; она должна создавать из случайных сочетаний временные значения. В результате возникает интертекст, черпающий свое воздействие из деятельности читателя и его способности к разрушению фактического.

По отношению к изображению Сталинградской битвы отсюда следует, что Ключе прежде всего сосредотачивается на «организационном построении» несчастья⁸⁶. Он цитирует директивы о ведении войны зимой⁸⁷ и добивается контраста проникнутого субъективными впечатлениями описания злополучных дней⁸⁸ с подлинными приказами по войскам. Они и воссоздание⁸⁹ событий резко контрастируют с занятиями по карте⁹⁰, с «подачей органами печати» хода сражения⁹¹ и с заключительным отчетом⁹².

Не содержащая точного указания источника цитата из Гёббельса называет Сталинград «полотном, которое нельзя рассматривать с близкого расстояния, а нужно от него отступить, чтобы оценить его во всей полноте. И битва при Лангемарке тоже не сразу, а лишь по истечении какого-то времени была осознана как великая страница славы в истории нашей армии»⁹³.

Исходя из этой цитаты, Ключе описывает случившееся под Сталинградом как языковое событие. Он показывает, как непосредственно из идеологической речи вырастает насилие, как языковая формулировка становится формулой-указанием, не только структурирующей мышление, но и способной подавлять разум. Его описание «языка высшего руководства»⁹⁴, неспособности офицеров перешагнуть через собственные языковые формулы, «планов Воинского духа» военной сферы⁹⁵, «мира форм»⁹⁶, разоблачают представления, благодаря которым за языковой формулой исчезает непосредственное значение события в его историческом контексте, равно как и в качестве опыта

отдельного человека. Вновь и вновь критикует он строительство «хижин-понятий»⁹⁷, показывает, как пустая фраза превращается в миф и уже не допускает никакой критики. Особенное значение приобретают рефлексия по поводу формулы «рейх»⁹⁸ и представление истории Барбароссы и ее искажение мифом и идеологией⁹⁹.

Вторая форма критики состоит в том, что любые факты и события соединяются друг с другом таким образом, что происходит характерный смысловой скачок. В «Описании битвы» сразу же после даты дня рождения Гёринга рассказывается, как приземлившаяся в котле машина загружается ранеными и взрывается затем на старте. За день до того многие раненые при высоте полета свыше тысячи метров умирили и самолеты-спасатели приземлялись с мертвецами на борту. Параллельно с этим в другом месте приводится сухой подсчет объема потребности котла в снабжении по воздуху, справиться с которым люфтваффе, вопреки заверениям Гёринга, просто не в силах¹⁰⁰.

Третья форма субверсивной критики — это анекдотическое отчуждение и деформация исторического. Миссия «капитана генштаба Бера»¹⁰¹ демонстрирует, как теряется сопоставление конкретного человека в структурах военной машины. Краткое описание передвижений Гитлера по суше и в воздухе¹⁰² дает понять, что его неправильные стратегические решения объясняются не одними лишь идеологическими причинами, но и его физической и психической изнуренностью. И, наконец, сознательный отказ от попыток толкования и легитимация других текстов о Сталинграде содержатся в главе под названием «Отрицание вульгарно-материалистической точки зрения русским врачом д-ром В.» Здесь Ключе трансформирует в анекдот факт, приведенный и у Пливье. Когда при вскрытии трупа одного немецкого солдата выясняется, что в результате голода и истощения его органы уже деформировались, врач делает лапидарное заключение: «Я не могу установить непосредственную причину смерти». Рассказчик риторически задает тогда такой вопрос: «Содержались ли в погибшей жировой ткани “желания”, “сведения о предыдущих поколениях”, “протест, проявившийся после Сталинграда”? Врач ответил на это отрицательно»¹⁰³.

Так Ключе систематически стирает грань между фикцией и документом. Это относится не только к рассказанным им историям и приведенным документам, но и в первую очередь

к тем сериям фотографий, которые образуют структуру его книги и лишь частично расшифровываются как фотомонтажи. О многих снимках нельзя сказать, являются они подлинными или смонтированными либо лишь включенными в отчужденный контекст¹⁰⁴. С другой стороны, становится ясно, что именно фантастические картины из будущего — военный корабль «космической торпедоносной флотилии»¹⁰⁵, «фрагмент прежнего земного шара»¹⁰⁶, — воспринимаемые как научно-фантастические сюжеты и занявшие впоследствии центральное место в «Процессах обучения со смертельным исходом»¹⁰⁷, фокусируют в себе закон исторического процесса. Сталинград продолжается, он повторяется в других местах, является событием, характерным для хода истории человечества. Возвращение этой исторической констелляции и воссоздает Ключе в своих произведениях: и изображение полярной крепости¹⁰⁸, и репортаж об операциях на мозге¹⁰⁹, и оперативное «кондиционирование» рабочей силы человечества¹¹⁰ в «Описании битвы» и в «Процессах обучения» — все это интертекстуальные вариации предыдущих литературных метафоризаций Сталинградской битвы.

Так строй текстов Ключе разрушает не только повествовательные и причинно-следственные процессы, он воссоздает одновременно и тот нарушенный строй, который видится их автору основополагающей структурой истории. Примером тому служит фантастическая история «Чувство пропорции Бертрама». Этот эпизод рисует обычную деформацию, какую может испытать человеческая субъективность в ходе истории¹¹¹. Из внешних событий в истории социализации капитана генштаба Бертрама нельзя понять, чем определяются его индивидуальные действия. Скучный обрывок фразы — «у него было чувство пропорции» — указывает на то, что этот офицер со сталинградским опытом классифицирует, выстраивает и воспринимает все последующие боевые действия в Италии под неким внутренним гнетом. По какому-то интернализированному соотношению чисел и пропорций он определяет продвижение своих танков, их построение на марше и количество выпущенных вопреки приказу по итальянским культурным памятникам снарядов. В «Новых историях» Ключе дает продолжение этой истории. И там выясняется, что мания, приведшая Бертрама в итоге под трибунал, является не чем иным, как отчаянным ответом отчужденного чувства на прин-

дипиальную диспропорциональность, порождаемую войной¹².

В «Послесловии» к «Описанию битвы» Клюге говорит, что его книга, как и любая другая, имеет некую решетку, которая может служить опорой для фантазии читателя¹³. Структурные решетки, предлагаемые его текстом, указывают на тот экспериментальный метод физики, которым улавливаются преломление света и волны различной длины: они позволяют проступить линиям, в иных условиях скрытым от восприятия. Эти решетки изолируют спектры, отражают свои линии в определенном секторе наблюдения. Бинарной логике, в равной степени структурирующей идеологические и просветительные тексты, противопоставляется расчлененное поле восприятия. Уникальное историческое событие сохраняет свою эффективность, оставаясь в равной степени неподвластным как идеологическому, так и дискурсивному вмешательству. Помимо того, интертекстуальная ткань, накладывающаяся на уникальное историческое событие, имеет открытые края: она сохраняет движение рефлексии, ставя историческое событие в такую интертекстуальную связь, которая пишется вплоть до современного момента.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ См. перепечатку в: *Brackert H.* Altdeutscher Unterricht und imperialistische Ideologie. — in: *Mittelalterliche Texte im Unterricht*, hrsg. von H. Brackert, H. Christ, H. Holzschuh. München, 1933. S. 43–76 (*Literatur in der Schule*. Bd. 1).
- ² Об этом см.: *Lehnert H.* Langemarck — historisch und symbolisch. — in: *Orbis Litterarum*, 42 (1987). S. 271–290.
- ³ *Brackert H.* Op. cit. S. 83.
- ⁴ *Plievier H.* Stalingrad. Köln, 1983. S. 369.
- ⁵ *Ibid.* S. 33.
- ⁶ *Ibid.* S. 105 f.
- ⁷ *Rosenberg A.* Der Bolschewismus als Aktion einer fremden Rasse. München, 1935. S. 7.
- ⁸ *Mann Th.* Betrachtungen eines Unpolitischen. Цит. по: *Mann Th.* Gesammelte Werke in 13 Bden. Neudruck der Ausgabe von 1960, erweitert um einen 13. Bd. mit «Nachträgen». Frankfurt a.M., 1974. Bd. 12. S. 584 f.
- ⁹ *Rosenberg A.* Pest in Rußland. Der Bolschewismus, seine Häupter, Handlanger und Opfer, gekürzt hrsg. von Dr. G. Leibbrandt. München, 1945. S. 7, 47.
- ¹⁰ *Jünger E.* Kaukasisches Tagebuch. — in: *Jünger E.* Sämtliche Werke. Stuttgart, 1979 ff. Bd. 2. S. 448.
- ¹¹ См. в этой связи: «...монгольский тип преобладал решительным образом

даже здесь, в западном уголке этой страны... Они все перемешали, прямо-таки сделали бастардами весь народ» — См. в: *Dwinger E.* Wiedersehen mit Sowjetrußland. Jena, 1942. S. 58. И в другом месте: «Здесь висела грубая голова Сталина, там — плоская монгольская маска Ленина» (S. 65).

- ¹² *Haussleiter A.* An der mittleren Ostfront. Ein deutsches Korps im Kampf gegen die Sowjets, hrsg. vom Stellvertretenden Generalkommando des XIII. Armeekorps im Auftrag eines fränkischen Armeekorps. Nürnberg, 1942.
- ¹³ *Slesina H.* Soldaten gegen Tod und Teufel. Unser Kampf in der Sowjetunion. Eine soldatische Deutung. Düsseldorf, 1942.
- ¹⁴ *Haussleiter A.* Op. cit. S. 10.
- ¹⁵ *Hoffmann J.* Die Angriffsvorbereitungen der Sowjetunion 1941. — in: *Zwei Wege nach Moskau. Von Hitler-Stalin-Pakt zum «Unternehmen Barbarossa»*. Im Auftrag des Militärgeschichtlichen Forschungsamtes hrsg. von B. Wegner. München; Zürich, 1991. S. 367–388.
- ¹⁶ *Haussleiter A.* Op. cit. S. 10.
- ¹⁷ *Ibid.* S. 115.
- ¹⁸ «Перед каждым горящим городом, подоженным самими большевиками, они говорят себе: «Так произошло бы и с нами... если бы мы не пришли сюда»» (*Ibid.* S. 88).
- ¹⁹ *Ibid.* S. 128.
- ²⁰ *Ibid.* S. 129.
- ²¹ *Slesina H.* Op. cit. S. 163.
- ²² *Ibid.* S. 164.
- ²³ *Ibid.* S. 169.
- ²⁴ *Ibid.* S. 164.
- ²⁵ *Haussleiter A.* Op. cit. S. 110.
- ²⁶ *Ibid.* S. 111.
- ²⁷ *Ibid.* S. 269.
- ²⁸ *Slesina H.* Op. cit. S. 65.
- ²⁹ *Ibid.* S. 137.
- ³⁰ *Ibid.* S. 136.
- ³¹ *Ibid.* S. 161. Доказательства того, какое влияние оказывала такого рода стилизация на непосредственное восприятие, появились лишь совсем недавно. См. об этом: *Schröder H.J.* Erfahrungen deutscher Mannschaftssoldaten während der ersten Phase des Rußland Kriegs. — in: *Zwei Wege nach Moskau*. S. 309–325.
- ³² *Slesina H.* Op. cit. S. 176.
- ³³ *Ibid.*
- ³⁴ *Ibid.* S. 180.
- ³⁵ *Ibid.* S. 254 f.
- ³⁶ *Ibid.* S. 263.
- ³⁷ *Haussleiter A.* Op. cit. S. 137.
- ³⁸ *Ibid.* S. 23.
- ³⁹ *Slesina H.* Op. cit. S. 146.
- ⁴⁰ *Ibid.* S. 262.
- ⁴¹ *Ibid.*

- ⁴² *Haussleiter A.* Op. cit. S. 107.
⁴³ *Ibid.* S. 109 f.
⁴⁴ *Mann Th.* Der Zauberberg: Werke (см. прим. 8), Bd. 3. S. 685.
⁴⁵ *Slesina H.* Op. cit. S. 56.
⁴⁶ *Konsalik H.G.* Der Arzt von Stalingrad. München, 1981 (21-е издание).
⁴⁷ *Plievier H.* Op. cit. S. 105 f.
⁴⁸ *Ibid.* S. 153 f.
⁴⁹ *Ibid.* S. 409.
⁵⁰ *Ibid.* S. 315.
⁵¹ *Ibid.* S. 310 ff.
⁵² *Ibid.* S. 314.
⁵³ *Ibid.* S. 222 f.
⁵⁴ *Ibid.* S. 258 f.
⁵⁵ *Ibid.* S. 316.
⁵⁶ *Ibid.* S. 317.
⁵⁷ *Mann Th.* Briefe 1937–1947, hrsg. von E. Mann, Frankfurt a.M., 1963. S. 340 f.
⁵⁸ *Plievier H.* Op. cit. S. 33.
⁵⁹ *Konsalik H.G.* Op. cit. S. 153.
⁶⁰ *Ibid.* S. 77.
⁶¹ *Ibid.* S. 46.
⁶² *Ibid.* S. 59.
⁶³ *Ibid.* S. 240.
⁶⁴ *Ibid.* S. 53.
⁶⁵ *Ibid.* S. 160.
⁶⁶ *Ibid.* S. 161.
⁶⁷ *Ibid.* S. 203.
⁶⁸ *Ibid.* S. 200 f.
⁶⁹ *Ibid.* S. 54.
⁷⁰ *Ibid.* S. 206.
⁷¹ *Kluge A.* Neue Geschichten, Hefte 1–18. «Unheimlichkeit der Zeit». Frankfurt a.M., 1978. Разрушение метафоры имеет место и у Хайнера Мюллера в эпизоде, где Нибелунги сидят на валу из трупов и пьют из их черепов. См.: *Müller H.* Germania Tod in Berlin. Berlin, 1977 (Heiner Müller Texte, 5). S. 49.
⁷² *Plievier H.* Op. cit. S. 84 f.
⁷³ *Kluge A.* Op. cit. S. 586.
⁷⁴ *Kluge A.* Schlachtbeschreibung. Frankfurt a.M., 1983. S. 70.
⁷⁵ *Kluge A.* Die Schärfste Ideologie: daß die Realität sich auf ihren realistischen Charakter beruft. — in: Alexander Kluge, hrsg. von Th. Böhm-Christl. Frankfurt a.M., 1983. S. 291; см. также Stollmann R. Alexander Kluge als Realist — *Ibid.* S. 245–278.
⁷⁶ *Kluge A.* Die schärfste Ideologie... (см. прим. 75). S. 292.
⁷⁷ *Kluge A.* Lernprozesse mit tödlichem Ausgang. Frankfurt a.M., 1973. S. 192.
⁷⁸ *Kluge A.* Die schärfste Ideologie... S. 292.

- ⁷⁹ *Ibid.* S. 293.
⁸⁰ *Ibid.* S. 294.
⁸¹ *Negt O., Kluge A.* Geschichte und Eigensinn. Frankfurt a.M., 1981 (9-е изд.); в связи с последующим изданием см.: *Renner G.* Die postmoderne Konstellation. Theorie, Text und Kunst im Ausgang der Moderne. Freiburg, 1988. S. 285–303.
⁸² «Никогда не обходилось без крови, мучений, жертв, когда человек считал необходимым опираться на память...» — *Nietzsche F.* Werke in drei Bänden. hrsg. von K. Schlechta. München, 1977, Bd. 2. S. 802 ff.
⁸³ *Benjamin W.* Das Passagenwerk. — in: *Benjamin W.* Gesammelte Schriften, unter Mitwirkung von Th. W. Adorno und G. Scholem hrsg. von R. Tiedemann und H. Schweppenhäuser. Frankfurt a.M., 1980, Bd. 5/1. S. 592.
⁸⁴ *Kluge A.* Neue Geschichten. S. 765.
⁸⁵ *Negt O., Kluge A.* Op. cit. S. 397.
⁸⁶ *Kluge A.* Schlachtbeschreibung. S. 8.
⁸⁷ *Ibid.* S. 11–31.
⁸⁸ *Ibid.* S. 73 ff.
⁸⁹ *Ibid.* S. 176.
⁹⁰ *Ibid.* S. 202–212.
⁹¹ *Ibid.* S. 332–346.
⁹² *Ibid.* S. 347–365.
⁹³ *Ibid.* S. 73.
⁹⁴ *Ibid.* S. 224–244.
⁹⁵ *Ibid.* S. 213–223.
⁹⁶ *Ibid.* S. 245–261.
⁹⁷ *Ibid.* S. 229 f.
⁹⁸ *Ibid.* S. 318.
⁹⁹ *Ibid.* S. 316.
¹⁰⁰ *Ibid.* S. 185.
¹⁰¹ *Ibid.* S. 139.
¹⁰² *Ibid.* S. 186 f.
¹⁰³ *Ibid.* S. 302.
¹⁰⁴ *Ibid.* S. 262 f.
¹⁰⁵ *Ibid.* S. 278.
¹⁰⁶ *Ibid.* S. 279.
¹⁰⁷ *Kluge A.* Lernprozesse... S. 250–367.
¹⁰⁸ *Kluge A.* Schlachtbeschreibung. S. 282.
¹⁰⁹ *Kluge A.* Lernprozesse... S. 264.
¹¹⁰ *Ibid.* S. 314–319.
¹¹¹ *Kluge A.* Neue Geschichten. S. 15–20.
¹¹² *Ibid.* S. 16 f.
¹¹³ *Kluge A.* Schlachtbeschreibung. S. 368.

Юрген Фёрстер

ХРОНИКА СОБЫТИЙ

1941

- 30.09. Начало битвы за Москву (операция «Тайфун»)
- 25.10. Главнокомандующий сухопутными войсками Браухич одобрил «Директивы по борьбе с партизанами»
- 29.10. Командующий армией резерва Фромм предлагает Браухичу добиваться скорейшего заключения мира
- 29.10. Сталинград назван — наряду с Майкопом и Воронежем — «идеальной конечной целью» операций группы армий «Юг», добиваться которой следует уже в 1941 году
- 13.11. Начальник Генерального штаба Гальдер повторяет в Орше, что захват этих городов «чрезвычайно желателен»
- 23.11. Гальдер заявляет, что Красная Армия окончательно разбита, но еще не уничтожена полностью
- 25.11. Болгария, Китай (правительство в Нанкине), Дания, Финляндия, Хорватия, Румыния и Словакия присоединяются к Антикоминтерновскому пакту
- 29.11. США принимают решение о прекращении переговоров с Японией
- 29.11. Министр вооружений Тодт, генерал Фромм и генерал Томас призывают Гитлера к заключению политического мира
- 5.12. Начало советского контрнаступления под Москвой
- 7.12. Япония вступает в войну в ходе неожиданного нападения на Пёрл-Харбор, Гонконг, Малайзию и Филиппины
- 7.12. Приказ ОКВ «Ночь и туман», направленный на подавление сопротивления в оккупированных областях
- 8.12. Директивой № 39 Гитлер признает крах блицкрига на Востоке
- 9.12. Начало массового умерщвления евреев газами в лагере уничтожения Хельмно
- 11.12. Германия и Италия объявляют войну США

520

- 11.12. Соглашение между Германией, Италией и Японией о совместном ведении войны
- 16.12. Британский министр иностранных дел Иден встречается в Москве со Сталиным
- 16.12. Гитлер запрещает любой отход войск по оперативным соображениям
- 19.12. Гитлер отправляет в отставку Браухича и берет на себя Верховное командование сухопутными войсками
- 22.12. Начало англо-американской конференции в Вашингтоне («Аркадия»)
- 28.12. Приказ Гитлера войскам Восточного фронта об удерживании ими своих позиций

1942

- 01.01. Первая декларация «Объединенных Наций» на основе «Атлантической хартии» от 12 августа 1941 года
- 10.01. Приказ «Вооружение-1942» кладет начало переориентации Германии на более продолжительные сроки войны
- 15.01. Гитлер дает согласие на отвод фронта от Москвы
- 18.01. Германо-итальянско-японское военное соглашение «Совещание в Ваннзее»: Гайдрих выступает в роли «европейского комиссара по еврейским делам» и организует широкое осуществление давно запланированного «окончательного решения еврейского вопроса»
- 20.01. Указ Гитлера о дальнейшей унификации управления
- 25.01. Альберт Шпеер становится рейхсминистром вооружения и боеприпасов
- 08.02. Фриц Зауккель становится генеральным уполномоченным по мобилизации трудовых ресурсов
- 21.03. Советское руководство принимает решение о переходе к стратегической обороне
- 28.03. Налет британской авиации на Любек — первая «бомбежка по площадям»
- 28.03. Директива № 41 о летнем наступлении немецких войск на южном участке Восточного фронта
- 05.04. Второе резкое сокращение норм продовольственного снабжения в Германии
- 06.04. Первый американский воздушный налет на территорию Японии («рейд Дулиттла»)
- 18.04. Первый немецкий «налет по Бедкеру» на Эксетер
- 24.04. Директива ОКВ в поддержку акций Зауккеля
- 10.05. Советское наступление на Харьков
- 12.05. Взятие Керчи
- 15.05. Немецкое контрнаступление под Харьковом
- 17.05.

521

- 26.05. Англо-советский договор о союзе
 26.05. Начало наступления немецких и итальянских войск на Эль-Аламейн
 28.05. Окончание сражения на окружение под Харьковом
 30.05. Создание советского «Центрального штаба партизанского движения»
 30.05. Первый британский «налет 1000 бомбардировщиков» на Кёльн
 03.06. Начало морского и воздушного сражения у атолла Мидуэй
 04.06. Визит Гитлера в Финляндию по случаю 75-летия фельдмаршала Маннергейма
 11.06. Советско-американское соглашение о взаимопомощи
 12.06. Гитлер одобрил Генеральный план «Ост»
 21.06. Взятие Тобрука
 28.06. Начало наступления на Восточном фронте в направлении Кавказа
 01.07. Захват Севастополя
 03.07. Германо-итальянская танковая армия под Эль-Аламейном переходит к обороне
 23.07. Немецкими войсками взят Ростов
 23.07. Директивой № 45 наступление немецких войск делится на два направления: на Сталинград и на Кавказ
 24.07. Немецкие войска выходят под Калачом к Донской излучине
 25.07. Координационный совет в Токио отклоняет немецкое предложение об участии Японии в войне против Советского Союза
 28.07. Приказ Сталина об удерживании позиций любой ценой
 30.07. Начало советского наступления под Ржевом
 31.07. Гиммлер запрещает употребление слова «партизан»
 07.08. Начало американского контрнаступления в Тихом океане у Гуадалканала
 09.08. Немецкие войска захватывают Краснодар и Майкоп
 12.08. Черчилль встречается со Сталиным в Москве
 18.08. Директивой № 46 предписывается усиление борьбы с советским «бандитизмом»
 19.08. Английский рейд на Дьеп
 23.08. 14-й танковый корпус выходит к Волге севернее Сталинграда
 24.08. Сталин приказывает во что бы то ни стало удержать Сталинград
 27.08. Генерал Жуков становится заместителем Верховного Главнокомандующего вооруженными силами
 30.08. Начало последнего германо-итальянского наступления в Египте
 02.09. Гитлер приказывает уничтожить все мужское население Сталинграда

- 03.09. Соединение 6-й армии и 4-й танковой армии на западной окраине Сталинграда
 08.09. Гитлер определяет «основополагающие задачи по обороне»
 10.09. 48-й танковый корпус выходит к Волге южнее Сталинграда
 13.09. Советское Верховное командование принимает решение о контрнаступлении под Сталинградом
 24.09. Гитлер отправляет в отставку Гальдера и назначает генерала Цайцлера его преемником
 30.09. Гитлер публично провозглашает, что «возьмет Сталинград в осаду и захватит его штурмом»
 06.10. Гитлер объявляет «полное овладение» Сталинградом важнейшей задачей группы армий «Б»
 14.10. Боевой приказ № 1, определяющий задачи зимней кампании
 14.10. Очередная попытка 6-й армии взять Сталинград
 18.10. Приказ о командос, в котором ОКВ предписывало уничтожать при задержании военнослужащих из спецподразделений союзников
 19.10. В Германии снова повышаются нормы снабжения продовольствием
 23.10. Гиммлер назначает «уполномоченного по борьбе с бандами»
 23.10. Начало наступления английских войск под Эль-Аламейном
 08.11. Высадка союзников в Северной Африке (операция «Торч»)
 08.11. Гитлер заявляет в Мюнхене, что Сталинград уже у него в руках
 11.11. Издано наставление по «борьбе с бандами на Востоке»
 17.11. Последнее немецкое наступление под Сталинградом
 19.11. Начало советского контрнаступления севернее Сталинграда (операция «Уран»)
 20.11. Советское наступление южнее Сталинграда
 21.11. Первое «решение фюрера» об удержании Сталинграда
 22.11. Мост через Дон под Калачом захвачен советскими войсками
 22.11. Генерал фон Унру назначается спецуполномоченным по «проверке военной эффективности»
 23.11. 6-я армия окружена
 24.11. Гитлер вновь обязывает ее удерживать район Сталинграда
 30.11. Паулюс произведен в генерал-полковники
 12.12. Начало немецкой наступательной операции по деблокированию (операция «Зимняя гроза»)
 16.12. Крупное советское наступление на позиции 8-й итальянской армии (операция «Малый Сатурн»)
 16.12. Директива ОКВ о «борьбе с бандами» с применением «наиболее жесточайших средств»

- 16.12. Обсуждение вопросов немецкой политики на Востоке под председательством Розенберга
- 21.12. Немецкая наступательная операция по деблокированию захлебывается за пределами доступного для 6-й армии радиуса продвижения
- 23.12. Гитлер вновь приказывает удерживать Сталинград
- 24.12. Фельдмаршал фон Манштайн оставляет свои усилия добиться от Гитлера согласия на прорыв 6-й армии из котла (операция «Удар грома»)
- 24.12. Советское наступление на позиции 4-й румынской армии
- 27.12. В котле в последний раз обсуждаются вопросы, связанные с операцией «Удар грома»
- 27.12. Образование «Смоленского комитета» во главе с бывшим советским генералом Власовым
- 28.12. Гитлер дает разрешение на отвод группы армий «А» с Кавказа
- 31.12. Японское руководство принимает решение об эвакуации с Гуадалканала

1943

- 08.01. Советское командование обращается к 6-й армии с призывом о капитуляции, который отклоняется Паулюсом по согласованию с командирами корпусов
- 10.01. Начало советского наступления по разгрому войск, находящихся в котле (операция «Кольцо»)
- 12.01. Начало советского наступления на позиции 2-й венгерской армии
- 13.01. Указ Гитлера о «поголовном привлечении мужчин и женщин к выполнению задач по обороне рейха». Его выполнение возлагается на «тройку» в составе Бормана, Кайтеля и Ламмерса
- 14.01. Начало англо-американской конференции в Касабланке
- 15.01. На фельдмаршала Мильха возлагается обеспечение снабжения 6-й армии по воздуху
- 18.01. Советские войска прорывают блокаду Ленинграда
- 21.01. Гитлер призывает Японию к нападению на Советский Союз
- 22.01. Призыв Паулюса к солдатам не прекращать сопротивление «ни при каких обстоятельствах»
- 23.01. Руководитель имперской прессы Дитрих говорит о «героической жертве Сталинграда»
- 24.01. Рузвельт и Черчилль провозглашают в Касабланке требование о «безоговорочной капитуляции» государств-участников пакта трех держав
- 24.01. Гитлер требует от 6-й армии сражаться до последнего патрона
- 26.01. Советские войска рассекают котел
- 26.01. Гёринг распоряжается о привлечении подростков мужского

- пола к «вспомогательной воинской службе» в подразделениях зенитной артиллерии в тылу
- 30.01. Черчилль встречается с турецким руководством в Адане
- 30.01. Гёринг говорит в берлинском Дворце спорта о «величайшем по своему героизму сражении нашей истории»
- 31.01. Паулюс и его штаб сдаются в плен. Южный котел прекращает борьбу. Незадолго до этого Паулюс был произведен в фельдмаршалы
- 01.02. Принимается решение о прославлении «героической борьбы Сталинграда» в официальном сообщении ОКВ
- 02.02. Северный котел во главе с генералом Штреккером прекращает борьбу
- 03.02. Специальное сообщение ОКВ о «падении Сталинграда»
- 03.02. Финское руководство принимает решение о выходе страны из войны против Советского Союза и о нормализации отношений с Москвой
- 10.02. Начало операции по борьбе с бандами под кодовым названием «Хорнунг»
- 15.02. Переизбрание Рюти президентом Финляндии
- 16.02. Вопреки приказу Гитлера немецкими войсками оставлен Харьков
- 18.02. Гёббельс обращается в берлинском Дворце спорта: «Вы хотите тотальной войны?»
- 18.02. При распространении «Манифеста к мюнхенским студентам», в котором говорится о «гибели солдат в Сталинграде», арестованы брат и сестра Шолль
- 20.02. Английское правительство принимает решение преподнести городу Сталинграду почетный меч
- 21.02. Великобритания отмечает День Красной Армии
- 07.03. Сталину присвоено звание маршала
- 14.03. Немецкие войска вновь овладевают Харьковом
- 25.03. Министра иностранных дел Рамсае обвиняют в Берлине в зондировании Финляндией возможности заключения мира
- 26.03. Гёрделер в меморандуме призывает генералов к организации государственного переворота
- 07.04. В Клесхайме итальянское руководство вновь сориентировано на «военный курс»
- 12.04. Маршал Антонеску обвиняется в Клесхайме в зондировании Румынией возможности заключения мира
- 12.04. Борман становится «секретарем фюрера»
- 12.04. Советское Верховное командование принимает решение о переходе летом 1943 года к стратегической обороне
- 12.04. Второе воззвание «Смоленского комитета»

- 13.04. Под Катыню обнаружены массовые захоронения расстрелянных польских офицеров
- 15.04. Приказ Гитлера о наступлении в районе Курска (операция «Цитадель»)
- 15.04. Сигемицу становится министром иностранных дел Японии
- 16.04. Адмирал Хорти подвергается критике за зондирование Венгрией возможности заключения мира
- 28.04. Начало «операции по борьбе с бандами» под кодовым названием «Котбус»
- 12.05. Начало американско-британской конференции в Вашингтоне («Трайидент»)
- 12.05. Капитуляция 5-й немецкой танковой армии в Тунисе
- 13.05. Капитуляция итальянских войск в Тунисе
- 19.05. Берлин рапортует о «полном очищении города от евреев»
- 21.05. Роспуск Коминтерна
- 24.05. Гросс-адмирал Дёниц прекращает подводную войну в Атлантике
- 31.05. Нормы выдачи продовольствия в Германии вновь на уровне весны 1941 года
- 03.06. Декларация Розенберга о новом аграрном порядке на Востоке
- 18.06. Начало американско-британской конференции в Вашингтоне
- 23.06. Гитлер запрещает дальнейшее расширение воинских формирований из числа местных жителей
- 05.07. Начало последнего немецкого наступления на Восточном фронте
- 10.07. Высадка союзников на Сицилии
- 12.07. Начало советского контрнаступления под Курском
- 12.07. Образование Национального комитета «Свободная Германия»
- 22.07. Бах-Целевский становится «командующим соединениями по борьбе с бандами»
- 25.07. Свержение Муссолини
- 18.08. ОКВ издает переработанную «Боевую директиву о борьбе с бандитами на Востоке»
- 03.09. Италия заключает с союзниками соглашение о прекращении огня
- 25.09. Япония принимает решение дистанцироваться от Европейского театра военных действий

Об авторах

- Ансель, Жан* — д-р философии, научный сотрудник университета «Яд Вашем» в Иерусалиме
- Белл, Филип М.Х.* — д-р философии, преподаватель истории в Ливерпульском университете
- Бёме, Клаус-Рихард* — д-р философии, профессор, ведущий историк Военной академии в Стокгольме
- Боруш, Йозеф* — д-р философии, научный сотрудник Института истории Венгерской академии наук в Будапеште
- Вегнер, Бернд* — д-р философии, старший научный советник Военно-исторического научно-исследовательского института во Фрайбурге
- Кериг, Манфред* — д-р философии, начальник Федерального архива Военного архива во Фрайбурге
- Кимболл, Уоррен Ф.* — д-р философии, профессор истории университета Рутгерса в Ньюарке, штат Нью-Джерси
- Князьков, Анатолий С.* — кандидат исторических наук, полковник, сотрудник Института военной истории в Москве
- Кохут, Томас А.* — д-р философии, профессор истории Колледжа Уильямса в Вильямстауне, штат Миннесота
- Крёнер, Бернхард Р.* — д-р наук, старший научный советник Военно-исторического научно-исследовательского института во Фрайбурге
- Мартин, Бернд* — д-р философии, профессор новой и новейшей истории Фрайбургского университета
- Оверманс, Рюдигер* — д-р политологии, майор, сотрудник Военно-исторического научно-исследовательского института во Фрайбурге

Пронько, Валентин А. — кандидат исторических наук, полковник, сотрудник Института военной истории в Москве

Реннер, Рольф Гюнтер — д-р философии, профессор немецкой литературы нового времени Фрайбургского университета

Ройлекке, Юрген — д-р философии, профессор новой и новейшей истории Общей высшей школы (университета) в Зигене

Умбрайт, Ханс — д-р философии, руководитель проекта в Военно-исторического научно-исследовательского института во Фрайбурге

Фёрстер, Юрген — д-р философии, старший научный советник Военно-исторического научно-исследовательского института во Фрайбурге

Харьков, Анатолий Г. — д-р исторических наук, генерал-майор

Шварц, Эберхард — д-р философии, преподаватель гимназии в Гладбах-Рефрате (Бергланд)

Шёнхерр, Клаус — магистр гуманитарных наук, майор, сотрудник Военно-исторического научно-исследовательского института во Фрайбурге

Шрайбер, Герхард — д-р философии, капитан 2-го ранга, сотрудник Военно-исторического научно-исследовательского института во Фрайбурге

Штайнерт, Марлис Г. — д-р философии, бывший профессор Научно-исследовательского института международных отношений в Женеве